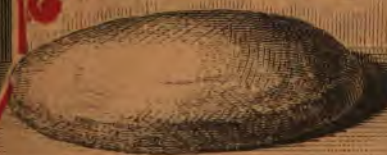

196

1889

ПУСКРАМ
ПИЧЕ.

ЖИВАРЪ

4

Оставшееся небольшое количество полных экземпляров «РУССКОЙ РЪЧИ» за 1881 годъ можно выписать через редакцію журнала по 10 р. безъ пересылки и по 12 р. съ пересылкой, а за 1880—по 8 р. безъ пересылки и по 10 р. съ пересылкой. Экземпляры за 1879 годъ распроданы всѣ.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ РУССКАЯ РЪЧЬ“ въ 1882 году.

Журналь «РУССКАЯ РЪЧЬ» въ 1882 году выходитъ въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 25 до 30 и болѣе листовъ, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же постоянныхъ сотрудниковъ, которые принимали въ немъ участіе и въ прошедшемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой въ Петербургѣ.	16 >
съ пересылкой	17 >
За границу: въ Европу,	} 18 >
Сѣверную Америку и Египеть	

Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЬИМЪ:

	При подпискѣ	въ 1 Мѣс.	въ 1 Семѣтріи
безъ доставки.	7 р.	5 р.	3 р.
съ доставкой	8 >	5 >	3 >
съ пересылкой.	9 >	5 >	3 >

Вслѣдствіе увеличившейся подписки, редакція нашла возможнымъ допустить разсрочку платы по третямъ, безъ увеличенія подписной цѣны.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала лишь городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты или выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію „Русской Рѣчи“ съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ петербургскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ петербургскіе—50 к. и изъ петербургскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и притомъ если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, причемъ, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, жалоба должна быть заявлена не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

РУССКАЯ РѢЧЬ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

РУССКАЯ РѢЧЬ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И НАУКИ.

Январь, 1882.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція „Русской Рѣчи“ и Главная Контора журнала:

Средняя Подълическая, № 1.

1882.

△
P Slav 605.15 (1882)
N

Средняя Подъясная, д. № 1.
2808.

Keller Fd

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА 1-я.—ЯНВАРЬ, 1882.

	Стр.
I. УТОПЛЕННИКИ.—Этюд.—Ив. Маляревскаго	1
II. РУССКОЕ ДѢЛО ВЪ ЛИТОВСКОЙ РУСИ.—Морозова	93
III. МЫТАРСТВА УПРЯМЦА.—(Современная быль).—А. В. Круглова.	113
IV. ПАРИЖЪ ВЪ ПЕРІОДЪ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ.—(Новые очерки изъ дѣйствительной страны миллиардовъ).—Манса Нордау.— (Переводъ съ нѣмецкаго)	144
V. ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ДОНА.—II.—Усмиреніе Петромъ Ве- ликимъ Булавинскаго бунта.—Глава I и II.—Н. Краснова . . .	179
VI. СМЕРТЬ ПАТРІАРХА ГЕРМОГЕНА.—Стихотвореніе.—М. Розен- гейма	214
VII. МЕХАНИЧЕСКІЯ ОСНОВЫ ПРОЦЕССОВЪ РАЗМНОЖЕНІЯ.—I. Общія замѣчанія.—II. Различныя способы размноженія.—III. Простѣйшій способъ размноженія.—Л. Н. Попова	220
VIII. СМУТА УМОВЪ.—Евгенія Маркова	239
IX. ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА.—(Варианція на мотивъ изъ Е. Манюэля).— Стихотвореніе.—Д. Михаловскаго	273
X. ПОПУЛЯРНЫЯ БЕСѢДЫ О ВОЗМОЖНОСТИ ЛЕЧИТЬСЯ ПО ГО- МЕОПАТИЧЕСКОМУ СПОСОБУ ВЪ ОТСУТСТВІЕ ВРАЧА.— Доктора медицины В. фонъ-Дитмана	276
XI. НАЧАЛА СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ.—Иполита Тэна.—Томъ вто- рой.—Торжество якобинцевъ.—Глава I и II.—(Переводъ съ французскаго)	310

XII. ЗЕМСКОЕ ДѢЛО.—I. Существенные недостатки нашего самоуправления, указанные самимъ земствомъ.—II. Замѣтка по поводу призванныхъ правительствомъ свѣдущихъ людей для совѣщанія: 1) о мѣрахъ противъ пьянства и 2) объ упорядоченіи переселенія	1
XIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Начало прошлаго и нынѣшняго года.—Нашъ песимизмъ и его глетворное значеніе.—Общество и народъ.—Еще о Прибалтійскомъ краѣ	40
XIV. НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.—Ученіе Чарльза Дарвина объ образованіи пахатной земли червями.—Эльзе	71
XV. ОПЫТЪ ОБВОДНЕНІЯ ЗАВОЛЖСКОЙ СТЕПИ.—Д. Самсонова .	85
XVI. АДРЕСЫ ВРАЧЕЙ-ГОМЕОПАТОВЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ И ЧАСЫ ПРИЕМА ИМИ БОЛЬНЫХЪ	97
XVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ	99

УТОПЛЕННИКИ.

Поздно вечеромъ я возвращался на лодкѣ съ острововъ, лежащихъ на Днѣпрѣ, возлѣ такъ называемаго Чертороя. Чертороемъ назывался днѣпровскій водоворотъ, образовавшійся въ томъ мѣстѣ, противоположнаго Кіеву, берега, гдѣ за островами протекалъ рукавъ рѣки, уносившій постепенно всю днѣпровскую воду въ сторону отъ города. Возлѣ Кіева Днѣпръ мелѣлъ, а возлѣ черниговскаго берега образовывался новый. Это событіе вызвало со стороны городского общества и частныхъ предпринимателей огромныя пожертвованія, клонившіяся къ цѣли—широкою плотиною остановить стремленіе уходившихъ водъ. Плотина воздвигнута, водоворотъ исчезъ, но вода мѣстами разорвала насыпь и шумнымъ движеніемъ своимъ возвѣщаетъ о тщетности человѣческихъ усилій. Мы плыли между плоскими болотистыми островами, окруженные высокими кустарниками густой лозы, купавшей свои вѣтви въ спокойныхъ водахъ. Вечерній воздухъ былъ тихъ, прозраченъ, только издали доносился рокотъ неугомонныхъ волнъ, да порою шумно плескалось весло, цѣпляясь за попадавшіяся ему крѣпкія водоросли. Я сильно налегалъ на весла, но тяжелый челнъ подвигался медленно. На рулѣ у меня сидѣлъ старикъ Гордѣй Семенычъ, крѣпкій, коренастый и сохранившій цвѣтущее здоровье, не смотря на то, что онъ уже шестой годъ выражаетъ протестъ свой противъ лишенія его права, за старостью, участвовать въ сельскихъ сходахъ.

— Былъ я паробкомъ, паньчу, говаривалъ онъ мнѣ, — а тутъ меня опять паробкомъ сдѣлали.

А все-жъ они безъ меня схода не сдѣлаютъ, многозначительно прибавлялъ онъ, вынималъ березовую тавлинку, нюхалъ табакъ и пряталъ тавлинку обратно въ глубокой карманъ бѣлыхъ штановъ, болтавшихся надъ его босыми ногами.

— Отчего-жъ не сдѣлаютъ, Семенычъ? подзадоривалъ я, — а вдругъ сдѣлаютъ.

Онъ опускалъ руки, смотрѣлъ куда-то въ пространство, будто пытаясь разгадать будущее, переступалъ босыми ногами, вдругъ вскидывалъ на меня густыми сѣдыми бровями и приговаривалъ: «а такъ, паньчу, не сдѣлаютъ». Дѣйствительно, ни одной сходки не обошлось безъ него. Онъ и самъ любилъ принимать въ нихъ участіе; но бывали случаи, что онъ не пойдетъ, полѣнится, а за нимъ придутъ нарочно и почти насильно поведутъ на сходъ. Семенычъ грудью стоялъ за міръ своей деревушки и горячо толковалъ о законахъ, которыхъ и въ глаза не видалъ, но твердо вѣрилъ въ истину, жившую въ его простодушномъ, безхитростномъ сердцѣ. Каждый зналъ, что Семенычъ совсѣмъ не законникъ, грамоты даже не знаетъ, а какъ скажетъ на міру: «это не по закону!» весь міръ за нимъ повторяетъ «не по закону!» а противъ міра не пойдешь: «міръ большой человекъ!» Разъ священникъ этой слободки погрозилъ ему за что-то проклятіемъ. Дѣло касалось общаго интереса.

— Нехай моей душой на томъ свѣтѣ хоть тынъ подпираютъ, отрѣзалъ старикъ, — а не дамъ міръ въ обиду.

Подобными выходками онъ всегда производилъ на меня впечатлѣніе. Теперь представитель міра сидѣлъ на кормѣ и правилъ весломъ. Мы плыли молча. Я весь углубился въ свою работу. Шумъ водопада становился ближе, намъ предстояло обогнуть островъ возлѣ бывшаго Чертороя. Теперь онъ затихъ, вмѣсто него шумѣлъ водопадъ, но память о немъ была еще свѣжа у народа и поддерживалась множествомъ суевѣрныхъ разсказовъ объ утопленникахъ, погибшихъ въ водоворотѣ. Я выжидалъ минуту и не оглядывался. Обыкновенно, подплывая къ плотинѣ, я выбирался на самую быстрину рѣки, оставлялъ весла и летѣлъ среди пѣны, наслаждаясь покоемъ и зрѣлищемъ. Когда мы вѣхали въ рукавъ Чертороя, на насъ дунул свѣжій вечерній вѣтеръ и стемнѣло. Пора была воротиться домой.

— Паньчу! паньчу! вдругъ сробѣвшимъ, таинственнымъ голосомъ позвалъ меня дѣдъ, опуская весло.

Я опустилъ весла и оглянулся по направленію его протянутой руки.

— Бачите? бачите? шепталъ онъ голосомъ, полнымъ несомнѣннаго ужаса.

— Что такое? спросилъ я, стараясь увидѣть гдѣ нибудь волка, стерегущаго насъ, или медвѣдя.

— Бачите? Тамъ мавки. Съ нами крестная сила!

— Мавки?! почти вскрикнулъ я, не понимая въ чемъ дѣло.

— Тихе, тихе, паньчу. Мавки... Ой, ой, въ берегу держите, вправо! И сильно, безъ шума двинувши весломъ, повернулъ онъ лодку, а потомъ погналъ ее въ сторону отъ плотины.

— Во, во, бачите? Машутъ, машутъ! съ отчаяннымъ воемъ въ голосъ говорилъ онъ.

Мы выплывали какъ разъ къ водопаду. Длинная плотина, уже заросшая деревьями, выдавалась надъ водою чернымъ гребнемъ и, прорванная въ нѣсколькихъ мѣстахъ, казалась архипелагомъ, идущимъ цѣнью отъ одного берега къ другому. Я старался всмотрѣться во всѣ мелочи и вдругъ глаза мои остановились на одномъ загадочномъ явленіи. Какъ разъ по серединѣ плотины показались мнѣ три фигурки маленькихъ человѣческихъ существъ. Онѣ рѣзво махали намъ своими обнаженными бѣлыми руками и кивали головой. Въ шумѣ воды мнѣ послышались жалобныя младенческіе вопли.

— Семенычъ, что это? упавшимъ голосомъ спросилъ я.

— А что бачите, паньчу? То мавки, шепталъ онъ.

— Что это значитъ?

— А вы не знаете? Утопленники, малые, до крещенія... Якъ вони родились, такъ ихъ и втопыли.

Плотина стала утопать въ туманѣ.

— Это березки! опомнившись, крикнулъ я съ сердцемъ.

— Яки тамъ березки! Гребите, паньчу.

— Поплывемъ въ нимъ, предложилъ я, хватаясь за весла.

Но Семенычъ скорѣе рѣшился-бы утонуть со мною, нежели подчиниться порыву моего любопытства. Челнокъ закачался и, не смотря на мое противодѣйствіе, круто обогнулъ берегъ, и насъ понесло по направленію къ деревнѣ, свѣтившейся огоньками.

— Какъ же ребенокъ можетъ утонуть и остаться живымъ? сталъ уже я подтрунивать надъ своимъ спутникомъ.

— А вотъ дѣвка дурная родить, да и бросить. Есть такія, что стыдъ имѣютъ, а жалости въ нихъ нѣтъ.

Мы подѣхали къ деревнѣ.

— Но это были березки! настойчиво замѣтилъ я.

— Ну, вотъ, паньчу, вы и теперь спорить будете. И я бачивъ и вы бачили, а теперь вновь спорить будемъ.

Семенычъ сердился, но, выйдя на берегъ съ веслами на плечѣ, остановился.

— Ни, паньчу, проговорилъ онъ:— може вы и дуже много знаете, да только и мы трошки тоже знаемъ.

— Развѣ мавки всегда такіе бывають? спросилъ я.

— Ни, вони бывають разные, отвѣчалъ онъ наставительно— черта, бывшая слабостью Семеныча,—вони бывають и побольше, и поменьше, и русые, и чернивенькіе, всякіе бывають.

Мы разстались, пожелавши другъ другу спокойной ночи.

Мнѣ не удалось еще разъ побывать на Дивпрѣ, чтобы опредѣлить дѣйствительное значеніе предметовъ, породившихъ илюзію, такъ странно совмѣстившуюся въ глазахъ двухъ очевидцевъ. Но чувство страннаго сомнѣнія въ невозможности существованія мавокъ, этихъ крошечныхъ человѣческихъ душъ, погибшихъ, не потерявшихъ возможности напоминать людямъ о своей незаконной гибели, сохранилось во мнѣ какимъ-то, вѣчно смущавшимъ мою душу, вопросомъ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ описаннаго событія, я сдѣлался народнымъ учителемъ. Этотъ родъ дѣятельности привлекалъ меня и пробуждалъ къ себѣ чувство святаго почтенія. Распространеніе грамотности казалось мнѣ дѣломъ, стоящимъ того, чтобы положить на него всѣ свои силы, лечь костью. Я старался стоять въ ряду лучшихъ изъ нашей братіи, много работалъ, читалъ педагогическія сочиненія, даже самъ пробовалъ кое-что создать. Мнѣ везло; я имѣлъ практику въ семействахъ помѣщиковъ и, наконецъ, приобрѣлъ репутацію человѣка, фанатически преданнаго дѣлу. Отчасти это и послужило причиною обстоятельства, сдѣлавшагося поводомъ настоящаго разсказа.

У одного знакомаго мнѣ помѣщика я встрѣтилъ какого-то заѣзжаго господина, кажется его бывшаго однокашника, которому былъ представленъ съ рекомендаціею человѣка, преданнаго педагогическому дѣлу. Приѣзжій былъ директоромъ земледѣльческой колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ. Разговорившись со мною, директоръ ознакомилъ меня съ задачами вѣреннаго ему учрежденія, сообщилъ, что воспитатели получаютъ у него 600 р. въ годъ, при готовомъ содержаніи и квартирѣ, обворожилъ еще кой-какими лестными обѣщаніями и кончилъ тѣмъ, что пригласилъ къ себѣ на службу. Предложеніе показалось мнѣ выгоднымъ. Директоръ заявилъ, что проступки дѣтей, подлежащихъ суду, были преимущественно мелкимъ воровствомъ.

— У меня, продолжалъ директоръ, — дѣти въ школѣ уличаются почти ежедневно въ подобныхъ преступленіяхъ, кто карандашъ стащилъ, кто перо, кто листъ бумаги. Одинъ утащилъ у меня въ комнатѣ спички, чуть овинокъ отцовскій не сжегъ; другой тоже забрался ко мнѣ въ комнату и унесъ цѣлую горсть табаку, да папирозъ штукъ пять. Что прикажете дѣлать? Совсѣмъ не благовоспитанный народъ! Отцы въ полѣ, а дѣти на просторѣ да на волѣ, дѣлай что хочешь. Конечно, проучилъ ихъ обоихъ. Поджигателя выпороли, а табакочурителя потрепалъ на мѣстѣ преступленія за волосенки. Раза два трепанулъ его, конечно больше съ воспитательною цѣлю; а только и разсердилъ онъ меня тоже: вѣдь у самого учителя своего воровство учинилъ! Впрочемъ я, когда меня не разсердятъ, никогда не наказывалъ. Да вѣроятно и всѣ воспитатели такъ; зачѣмъ наказывать, если не сердать? а въ этомъ случаѣ хоть и хорошій ученикъ былъ, но простить было невозможно. Такъ здѣсь мы учиняемъ простую, домашнюю расправу, а въ большихъ городахъ въ подобныхъ случаяхъ поступаютъ иначе: ребенка судятъ, произносятъ приговоръ и ссылаютъ въ колонію. Страху зададутъ большаго, а кончится тѣмъ, что онъ очутится въ воспитательномъ заведеніи, откуда выходятъ образованнымъ мастеровымъ.

Принять участіе въ дѣятельности такого учрежденія мнѣ показалось заманчивымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Я далъ директору свое согласіе, покончилъ съ своими дѣлами и отправился на мѣсто новаго назначенія.

По приѣздѣ въ городъ, я не мѣшая, прямо со станціи желѣзной дороги взялъ извозчика и отправился въ колонію. До колоніи отъ города нѣсколько верстъ; она помѣщена въ уединенномъ мѣстѣ и окружена большимъ лѣсомъ. Дорогой я былъ занятъ различными соображеніями и не успѣлъ перекинуться съ извозчикомъ ни единымъ словечкомъ. Подъѣзжая къ церкви колоніи, я сдѣлалъ замѣчаніе о ея красивой отдѣлкѣ въ русскомъ вкусѣ.

— Церковь ничто, проворчалъ извозчикъ, — точно что хорошая церковь... А вамъ къ кому надо, въ дилектору, что ли? вдругъ спросилъ онъ, оборачивая ко мнѣ свое лицо.

— Да, къ директору, отвѣчалъ я. — Только я сюда на службу ѣду, въ колоніи воспитателемъ буду. А ты директора развѣ знаешь, бывалъ тутъ?

— Какъ не бывать, проворчалъ онъ.

— Съ сѣдоками?

— Съ сѣдоками, само собой, отвѣчалъ онъ и, помявшись, прибавилъ:— тучочка-съ мой сынишка въ науѣ былъ.

— Развѣ онъ товд, воришка? брякнулъ я.

— Какой воришка! Кабы я зналъ, что тутъ воровъ обучаютъ, я бы въ жисть свою не отдалъ его. Нашему брату это не подѣ статься.

— Что ты мелешь?! разсердился я, чувствуя въ его словахъ насмѣшку.— Вѣдь ты самъ отдалъ его?

— Самъ, согласился извощикъ и обернулся ко мнѣ лицомъ.— Видишь, какъ это самое дѣло было: взялъ этто я одного сѣдока и привезъ его въ колонію, а тутъ какъ разъ праздникъ былъ какой-то. Дѣтки всѣ въ красныхъ рубашкахъ и высыпали изъ церкви... Тамъ обѣдъ у нихъ былъ, тамъ пѣніе. Любо мнѣ стало: вишь уждь какой за дѣтьми! А у меня подросточекъ былъ, Васькой звали... Баринъ этотъ самый, сѣдокъ мой, всю дорогу сказки сказывалъ мнѣ про колонію эту. «Коли есть у тебя сынъ, говорить,— давай намъ», воспитать значить. Сынъ-то у меня есть, сирота, потому мать померши. Вотъ мнѣ съ нимъ ладу и нѣтъ. «Давай», говорить. Я взялъ да и отдалъ. Самъ отецъ, все одно, что руки на себя наложилъ. Три года побылъ тутъ. Вышелъ отселева, скажу тебѣ, не дитѣ, чортъ суцїй, одно слово— дьяволъ! Чувствїя у него, знаешь, никакого нѣтъ, уваженїя тожъ.

— Но вѣдь его учили?

— Какъ не учить! видать, что учили; грамоту онъ такъ себѣ по складамъ разберетъ, молитвы тоже отмѣнно знаетъ. По писанію вотъ, съ Адама и Евы станеть сказывать, ничего себѣ; а ужъ другое что, ни-ни... лошадь дай ему и ту споритить, во какъ! И все этто онъ на зло наровить.

Въ это время, мы, пробѣхавши лѣсъ и церковь, взобрались на горку. Передъ нами открылась большая площадь, засѣянная плохо поднявшимися овсомъ и обставленная кругомъ пятаю домиками. Мы подѣхали къ одному изъ нихъ и остановились.

— Вотъ тутъ живетъ ихній дилехторъ, сказалъ извощикъ, указывая на дверь, передъ которою мы стояли.

Я сошелъ, сложилъ вещи и вынулъ деньги.

— Ты врешь все, сказалъ я извощику, передавая плату и глядя ему въ лицо.

На глазахъ его дрожали слѣзы.

— Не то, что врешь, а истинную правду тебѣ говорю, отвѣтилъ онъ, положивъ въ кошну деньги и подбирая возжи.—

И вотъ тутъ я теперича, это я тутъ въ послѣдній разъ... А чтобъ имъ всёмъ и дилектору твоему тожь...

Извощикъ загнулъ такое словцо, что я почти кинулся на него, въ зубы или тамъ куда ни попало, а дать наставленіе.

Вѣдь, благодаря директору, я буду получать 600 р. сер. и онъ нарочно вызвалъ меня, очевидно съ хорошими мыслями улучшить свое заведеніе. Винавать ли онъ въ томъ, что у него нѣтъ хорошихъ воспитателей? А вѣдь отъ нихъ зависитъ весь успѣхъ дѣла. Извощикъ между тѣмъ привсталъ на козлахъ, махнулъ по лошади, задѣлъ меня кнутомъ и ускакалъ. Я остался ошеломленнымъ.

— А, вы ужь пріѣхали? Что такъ скоро?

Я почтительно, но смутившись отъ такого вопроса, обернулся къ директору. Онъ былъ одѣтъ въ пальто, такъ что его широко-объемный, плоскій животъ скрадывался одеждою. На головѣ была соломенная шляпа, грубой работы, въ рукавъ желѣзная палка.

«Вотъ это не мѣшаетъ между преступниками!» подумалъ я, глядя на увѣсистую опору въ рукѣ директора и привѣтствуя его.

Онъ пожалъ мою руку съ такимъ чувствомъ теплоты и привѣта, что мнѣ показалось, будто онъ слышалъ разговоръ мой съ извощикомъ. Я отвѣтилъ ему съ такою же задушевностью. Не выпуская моей руки, онъ повелъ меня на крыльцо. Я хотѣлъ подобрать свои вещи, но онъ проговорилъ «оставьте», произнеся это такимъ тономъ, какъ будто вещи принадлежали ему, а я только хотѣлъ выразить избытокъ услужливости. Однако я молча послѣдовалъ за нимъ. Войдя въ его кабинетъ, мы застали въ немъ почти весь педагогическій персоналъ: троихъ воспитателей, регента, и доктора колоніи. Докторъ показался мнѣ простымъ и доступнымъ. Онъ держалъ себя какъ товарищъ. Это мнѣ въ немъ очень понравилось, потому что ничего нѣтъ хуже, когда къ доктору подойти нельзя: вѣдь ему приходится по необходимости рассказывать иногда о себѣ разные секреты...

— Воспитывать пріѣхали, почти мимоходомъ замѣтилъ онъ, не то спрашивая, не то шутя.

— Да-съ, приглашенъ въ воспитатели, отвѣчалъ я.

— Такъ будемъ же друзьями, проговорилъ онъ, пожимая мнѣ руку, какъ-то сразу, дружески.

Это ужасно пріятно. Пріѣхалъ изъ-далека, никого не знаешь и встрѣчаешь въ человѣкѣ привѣтъ, расположеніе къ себѣ и готовность раздѣлить совмѣстную трудовую жизнь. Прочіе воспитатели держали себя иначе, понуро и сердито. Но это и понятно.

Воспитательская дѣятельность не то, что врачебная. Здѣсь излишняя воротовость отношеній, доступность, губить дѣло. «Надо и мнѣ также держать себя», подумалъ я. Однако, присмотрѣвшись къ воспитателямъ внимательнѣе, я получилъ впечатлѣніе чего-то страннаго; они держали себя такъ, какъ будто говоря, что «курса мы не кончили», или «мы люди маленькіе и насъ не сегодня, завтра, могутъ похерить». Познакомивъ съ сослуживцами, директоръ повелъ меня въ домикъ, гдѣ жила моя педагогическая семья. Дѣти колоніи дѣлились на семьи, и въ каждой семьѣ былъ воспитатель, игравшій роль отца, и дядьба, отставной солдатъ. Мы вошли въ просторную комнату, служившую для семьи помѣщеніемъ втеченіи дня и спальни. Кровати были желѣзныя, привѣшенныя однимъ концомъ къ стѣнѣ и на день поднимавшіяся кверху.

— Это очень остроумно, воскликнулъ я.

— Да, а вотъ доктору это не нравится, сказалъ директоръ.

— Отчего? удивился я.

— Онъ говорить, что постели послѣ каждой ночи надо оставлять открытыми, провѣтривать.

— Развѣ это мѣшаетъ одно другому? Я каждый день буду провѣтривать.

— Тѣсно! замѣтилъ директоръ.

Когда мы вошли, дѣти, человекъ 15, сидѣли за столомъ и ручными пилками выпиливали рѣзные рамки. Это были послѣобѣденные, свободные отъ занятій часы. При нашемъ появленіи, они всѣ встали и громко поздоровались. Дядьба въ красной рубашкѣ подошелъ къ директору и директоръ пожалъ ему руку.

Какъ гуманно и какъ все порядочно!

Изъ семейной комнаты мы прошли въ квартиру воспитателя. Она состояла изъ двухъ комнатъ и кухни, сообщавшейся съ семьей.

— У васъ тутъ въ колоніи очень хорошо! съ чувствомъ сказалъ я; заглядывая черезъ окно въ садъ.

— Да, хорошо, согласился онъ.—Только всѣ ужасно ссорятся между собою, прибавилъ онъ, и тоже съ чувствомъ махнулъ рукой.—Чуть что не дерутся.

— Неужели?

— Да. Вотъ увидите!

— Отчего же это? Я терпѣливъ и, дастъ Богъ, полажу!

— Дай-то Богъ! угрюмо произнесъ директоръ и, поджавъ нижнюю губу, такъ что бородатый его подбородокъ весь оцетинился, пожалъ мнѣ руку и вышелъ.

«Въ самомъ дѣлѣ здѣсь очень мило, рѣшилъ я, оставшись одинъ и оглядываясь еще разъ.—Лѣтомъ здѣсь рай, а вотъ зимою...» Я наклонился къ полу и приложилъ къ его трепинамъ руку.

Оттуда несло какъ изъ погребѣ.

Я вспомнилъ про свои вещи. Они оставались на крыльцѣ. «Какъ быть? Попросить дядюшку помочь. Но близость его отношеній съ директоромъ смутила меня. Рабочихъ нигдѣ не видно. Пойду самъ». Прохожу мимо дѣтей. Всѣ опять встали.

«Школятъ ихъ тутъ, однако, хорошо», подумалъ я.

Добрался до вещей, сгребъ ихъ и потащилъ. Сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, а семья моя словно изъ земли выросла. Дѣти расхватили все по рукамъ и въ одинъ мигъ освободили меня. Вещи были перенесены въ мою квартиру.

Славно! Заживемъ! Отношенія будутъ отличныя!

Въ эти минуты я почти уже познакомился съ семьею. Всѣ эти черномазенькіе, бѣлобрысые, худенькіе, маленькіе, рябенькіе, словно давно уже знали меня. Да и самъ я съ малыхъ лѣтъ живу между такими. Какъ не знать! Разобрался съ вещами, прилегъ. Съ дороги отдохнуть не мѣшаетъ. Завтра за дѣло.

— Петръ Ивановичъ, Петръ Ивановичъ! раздалось гдѣ-то за дверью.

— А? Что такое?

— Директоръ зоветъ васъ. Говорить, чтобы чичасъ пришли!

Строго. Одѣлся, выхожу. За дверями оказывается маленькій, сутуловатый, съ узенькими прорѣзами глазъ мальчикъ.

— Какъ зовутъ?

— Жилкинъ.

— За что попалъ въ колонію? спрашиваю.

— А такъ,—говорить, втягивая носомъ воздухъ и еще что-то,—лампу укралъ въ трактирѣ.

— Такъ это выходитъ ужъ не такъ, говорю ему.

Онъ рукавомъ рубахи вытеръ носъ, посмотрѣлъ на меня, какъ показалось мнѣ, внимательно и отошелъ въ сторону.

Прихожу къ директору. Онъ въ кабинетѣ, не останавливаясь ни на минуту ходитъ вокругъ стола, потирая, какъ бы умывая свои руки.

— Что угодно? спрашиваю.

Остановился, смотреть на меня.

— У насъ засѣданіе сегодня, приходите.

— Хорошо-съ, непременно, очень пріятно. Когда же сегодня?

— Да, да, сегодня, отвѣтилъ директоръ. Онъ пошелъ во-кругъ стола, на ходу схватилъ какую-то книжку и сунулъ мнѣ въ руку.

— Это что-же-съ?

— Это отчеты наши. Не худо бы вамъ познакомиться.

— О, непременно, непременно! Такъ до свиданія.

— До свиданія.

Руки пожали, расстались. Прихожу домой.

Надо отдохнуть, думается. Я прилегу.

— Петръ Ивановичъ, слышится.

— Что такое?

— Директоръ приказываетъ тоже книжку семейную, какъ ее?.. журналъ принести.

— Гдѣ онъ?

— А у дядьки.

— Хорошо.

Встала, взяла отчетъ просматривать. Жиденкѣя, безсодержательныя страницы не потребовали много времени. Вбѣжалъ Жилкинъ.

— Петръ Ивановичъ.

— Что тебѣ?

— Дилекторъ идетъ.

Жилкинъ исчезъ, черезъ минуту вошелъ директоръ.

— У насъ засѣданіе сегодня, такъ захватите пожалуйста семейные журналы. Они, вѣроятно, у вашего дядюшки.

Я внезапно нашелъ довольно близкое родство въ колоніи. Это остроумно придумано.

— Хорошо-съ, непременно захвачу.

Директоръ ушелъ. Я въ первый разъ съ полнымъ вниманіемъ оглянулъ его. Онъ вышелъ, словно пошатываясь. Не смотря на очевидное вниманіе къ своему дѣлу, онъ все-таки видимо не знаетъ, что ему дѣлать въ немъ, за что ему взяться. Какая-то неряшливая небрежность сквозитъ во всѣхъ его движеніяхъ. Что разъ скажетъ, то вѣроятно черезъ минуту забудетъ. Это самые опасные люди. Съ ними всегда во всемъ виноватъ будешь и дѣло встанетъ, не смотря на самыя горячія желанія подвинуть его впередъ.

Когда наступилъ вечеръ, я собрался въ засѣданіе. Оно было уже въ полномъ составѣ: четыре воспитателя, регентъ, директоръ, священникъ, докторъ, всѣ сидѣли на мѣстахъ. Возлѣ директора

одинъ стулъ былъ не занятъ и я получилъ приглашеніе занять его. Всѣ сидѣли съ видомъ людей не намѣревавшихся разсуждать о чемъ-либо, а только слушать. Директоръ внимательно рассматривалъ чистый листъ бумаги, докторъ улыбался. Висячая лампа озаряла сверху лица сидѣвшихъ; я присмотрѣлся къ выраженію этихъ лицъ и замѣтилъ нѣсколько злобныхъ взглядовъ, винуемыхъ на доктора.

«Вѣроятно онъ одинъ изъ тѣхъ, что за гигиену стоятъ и новыя начала всовываютъ въ педагогику», подумалъ я, внутренне, глубоко остервеняясь противъ чего-то. Это что-то словно стояло за спиною врага, смотрѣло на меня его глазами. Надо признаться, меня ужасно возмущало всегда вмѣшательство врачей въ воспитательное дѣло. Я не могъ совѣтить клестирную трубку съ высшими нравственными принципами, исповѣдуемыми педагогикою.

— Вотъ, докторъ, обратился къ нему директоръ, оставляя листъ бумаги,—наши воспитатели теряютъ головы. Ученики совсѣмъ перестаютъ ихъ слушать.

— Отчего же это? любопытствуетъ докторъ.

— Вы въ нимъ относитесь не въ духѣ нашего исправительнаго заведенія. Наши дѣти нуждаются въ строгостяхъ, взысканіяхъ, наказаніяхъ, а вы имъ чуть конфеты не раздаете. Это невозможно! Вы противорѣчите нашей системѣ воспитанія и порождаете разладъ.

— Если разладъ дѣйствительно возникаетъ, то причина его не зависитъ отъ меня, отвѣчалъ врачъ.—При поступленіи въ колонію я предложилъ условіе: я просилъ передать въ мое вѣдѣніе самыхъ неподатливыхъ, испорченныхъ, а мнѣ дали самыхъ лучшихъ. Разумѣется, воспитателямъ, некомпетентнымъ въ дѣтскихъ болѣзняхъ, трудно справиться съ больными дѣтьми. Но, во всякомъ случаѣ, съ моей стороны рѣшительно нѣтъ никакой возможности препятствовать той или другой системѣ расправы съ ними.

— «Расправы съ ними!» повторилъ директоръ.—Что за выраженіе.

— Извините. «Расправитъ» или «исправитъ», я думалъ это одно и то же, тихо замѣтилъ докторъ.

Глаза воспитателей сверкнули.

— Нѣтъ-съ, это не одно и то же, вскинулся одинъ изъ нихъ.—Расправитъ, расправитъ... это раскатать; а исправить—это попорченное нѣкоторымъ образомъ, сдѣлать хорошимъ.

— Разумѣется, слышались голоса.

— Но мнѣ это показалось синонимомъ, возразилъ докторъ.—Я думалъ, что расправить равнозначуще слову выправить.

— Да, вотъ выправить, это другое дѣло, снисходительно согласился воспитатель.— Выправить или исправить это, по моему, одно и то же. Исправительная или выправит... разогналса онъ и вдругъ замолкъ.

Воспитатели фыркнули и разразились. Смѣхъ вышелъ такой искренній, что засмѣялся и я, улыбнулся и директоръ. Не смѣялся одинъ докторъ. Онъ чуть-чуть прищурился и внимательно смотрѣлъ на директора. Очевидно, онъ смѣялся, но смѣялся по-своему и притомъ не надъ нами, а надъ директоромъ, который все-таки собрался съ духомъ и продолжалъ:

— Дѣло не въ словахъ, господа! восхлигнувъ онъ, призывая къ порядку и забывая, что первый придравшійся къ слову былъ онъ самъ.—Дѣло въ сущности. Дѣло въ томъ, что наши дѣти привыкли къ тому, чтобы ихъ били, наказывали. Они жили и будутъ жить въ такой средѣ, которая не признаетъ иныхъ отношеній. Имъ нуженъ страхъ, имъ нужны наказанія, и если мы удалимся отъ нашей исправительной системы, то они просто перестанутъ насъ слушаться. Такъ теперь именно и выходитъ.

— Меня они слушаются, спокойно сказалъ докторъ.

— А насъ перестаютъ слушаться! крикнули воспитатели.

— Кто же виновать?

— Вы! вы! вы!

— Я виновать въ томъ, что дѣти васъ не слушаютъ?

— Вы!

— Не отъ васъ ли, господа, зависитъ дѣйствовать по вашему усмотрѣнію, наконецъ, даже перейти къ тѣмъ мѣрамъ и средствамъ владѣть дѣтьми, которыми располагаю я и которыя такъ очевидно доказываютъ способность дѣтей повиноваться безъ наказаній.

— Мы не умѣемъ такъ дѣйствовать, разомъ проговорили воспитатели, словно выученный пригвѣвъ пѣсни.

Это вышло опять смѣшно.

— Ну, вотъ видите, началъ директоръ:—теперь они перестаютъ слушаться воспитателей, а потомъ перестанутъ слушаться родителей и повиноваться своему будущему начальству. Что же, наконецъ, изъ всего этого выйдетъ? остановился онъ, побѣдоносно оглядывая присутствующихъ. Посмотрѣлъ—и придалъ себѣ ходу.— Докторъ весьма недалководный человѣкъ,

воскликнулъ директоръ. — Онъ думаетъ, что воспитаніе — это тоже самое, что рецептъ прописать противъ кашля. Посмотрѣлъ больного, поставилъ діагнозъ и лечи. Нѣтъ, въ воспитаніи надо принять въ расчетъ очень, очень многое, почти все: и среду, въ которой ребенокъ будетъ жить, и испорченную нравственность этого ребенка, и все...

— Вотъ и прекрасно, согласился докторъ. — Примемъ же во вниманіе, на первый разъ, слѣдующее. Во первыхъ, дѣти, поступающія въ колонію — «сироты», слѣдовательно, имъ слушаться некого кромѣ насъ; во вторыхъ, «осужденные въ колонію», значитъ, они уже перестали слушаться тѣхъ, къ кому это относилось. Научимъ ихъ слушаться насъ и этимъ путемъ внушимъ повиновеніе будущему начальству. Наконецъ, въ третьихъ...

— Позвольте, перебилъ его директоръ.

Докторъ остановился.

— Мы это именно и дѣлаемъ! удивленнымъ тономъ сказалъ директоръ.

— Ну такъ и продолжайте, оборвалъ докторъ, откидываясь на спинку стула и умолая.

Онъ словно обидѣлся, что его прервали.

— Такъ о чемъ же у насъ рѣчь? спросилъ директоръ съ новымъ удивленіемъ.

— Право не знаю! отвѣчалъ докторъ, во всѣ глаза глядя на директора.

Новый взрывъ хохота привѣтствовалъ его выходку.

— Мы, кажется, выслушали отъ васъ наставленіе, какъ вести дѣтей, кого научить ихъ слушаться. Я позволилъ себѣ замѣтить вамъ, что мы учимъ ихъ слушаться будущего своего начальства и готовимъ ихъ для будущей ихъ среды, сказалъ директоръ.

— Въ свою очередь, я нисколько, господа, не раскожусь съ вами въ этомъ, очень серьезно сказалъ докторъ, — но удивляюсь только вашему взгляду на начальство, такъ какъ вы готовите для него людей, воспитанныхъ карцерами и голодною дѣтою. Самое суровое воинское начальство не прибѣгаетъ къ такимъ жестокимъ мѣрамъ у себя въ войскѣ, какія вы практикуете въ воспитательномъ заведеніи, гдѣ попадаютъ малютки десятилѣтняго возраста. Я, разумѣется, говорю не объ исключеніяхъ, которыя на каждомъ шагу могутъ встрѣтиться въ арміи, а говорю о начальствѣ, подписавшемъ воинскій уставъ. По воинскому уставу, взрослому солдату не позволяютъ продержатъ на хлѣбѣ и на водѣ болѣе сутокъ, у васъ же маленькія дѣти си-

дять по трое сутокъ, даже больше. Съ ними происходятъ припадки острой анеміи головного мозга, рвоты, обмороки, дѣтямъ грозитъ идиотизмъ отъ упадка дѣятельности сердца, вся ваша карательная система, повидимому, ведетъ къ упадку душевныхъ и физическихъ силъ,—а вы увѣряете меня, врача, въ справедливости вашихъ взглядовъ. Чѣмъ же они оправдываются? Суровостью будущаго начальства? Помилосердитесь! Вѣдь вы-же сами не знаете этого начальства, не знаете и того, какое оно будетъ... А среда... Не спорю, что среду имѣть въ виду надо. Но какая же среда возростила этихъ дѣтей? Какая среда ихъ ожидаетъ? Кабакъ, пьяные сапожники и ихъ подмастерья? Эта среда? Такъ мнѣ остается удивляться вамъ: зачѣмъ вы изъ колоніи не сдѣлаете кабака? Приготовленіе было бы основательное. Въ кабакѣ дѣти выросли, въ кабакѣ получили воспитаніе и приготовились къ кабаку. Странно вамъ это? не нравится? Какая же иная среда ожидаетъ нашихъ дѣтей. Лучшая? То-есть какая же? А такая, гдѣ люди живутъ по-божьему; живутъ мирно и ладно, по-человѣчески; просятъ, чтобы слушались ласковаго слова, а не зуботычины. Повѣрьте, что для такой среды заморенныя вами дѣти, лишенныя вами смышленности, слабыя физически и поѣтому мало способныя къ труду, положительно не годятся. Они тамъ сопьются съ круга и сдѣлаются отъявленными ворами.

Докторъ произнесъ все это спокойно и твердо. Мы всѣ были въ ожиданіи. Но директоръ, не смотря на дрожь, охватившую его нижнюю челюсть, видимо, собирался съ духомъ, чтобы снова идти на приступъ. Видя его рѣшимость, оживился и я. Неслышанный упрекъ, сдѣланный педагогамъ въ такомъ невѣжественномъ противорѣчій науцѣ, не признающей улучшенія духа посредствомъ умерщвленія плоти, задѣлъ меня за живое. Я поспѣшилъ предупредить директора и попросилъ слова. Директоръ одобрительно посмотрѣлъ на меня.

— Докторъ, началъ я, слегка кашлянувъ:—я не сомнѣваюсь въ достовѣрности вашихъ наблюденій, но нѣкоторыя вещи, явленія, мнѣ кажутся неясными рядомъ съ вашимъ заявленіемъ. Вы говорите, что наказаніе хлѣбомъ и водою сдѣлаетъ дѣтей идиотами?

— Непремѣнно! сказалъ докторъ, не моргнувъ глазомъ.— Если въ дѣтяхъ выразятся признаки ослабленія сердечной дѣятельности, то первымъ явленіемъ въ психической жизни и умственномъ развитіи ребенка будетъ упадокъ отправления головного мозга.

— Я долженъ признаться вамъ, что мое личное питаніе было съ раннаго дѣтства крайне неудовлетворительно, а развѣ я идиотъ? Наконецъ, весь народъ нашъ питается хлѣбомъ, да квасомъ, и кто же упрекнетъ его въ идиотизмъ?

— Насколько вы лично успѣли въ умственномъ развитіи, отвѣтилъ докторъ, — объ этомъ возможно судить только, взявъ всю сумму данныхъ; а я васъ, милостивый государь, вижу второй разъ въ жизни и при таковой обстановкѣ, когда переводить предметъ сужденія на личность считаю положительно невозможнымъ. Однако, все-таки могу сказать вамъ, что если вы чувствуете недостатокъ памяти, сонливость при напряженныхъ умственныхъ занятіяхъ, недоумѣваете въ такихъ случаяхъ жизни, когда люди обнаруживаютъ самую обыкновенную находчивость, то вамъ собственно оспаривать научное положеніе о необходимости правильнаго питанія для правильнаго интеллектуальнаго развитія едва-ли придется... Другое дѣло вопросъ о народѣ. Народъ нашъ питается неудовлетворительно. Это несомнѣнно. Но далеко-ли ушло, спрашивается, развитіе этого народа? Подумайте. Бывали дни, когда газеты наши переполнялись сообщеніями о множествѣ случаевъ, гдѣ народъ открыто заявлялъ о ненужности ученія; онъ чувствуетъ къ нему неохоту, отвращеніе. Я самъ былъ очевидцемъ такихъ сценъ. Наконецъ, бывали наблюденія надъ кишечниками жителей различныхъ русскихъ губерній, и у западнорусскихъ жителей найдено, что кишечникъ ихъ длиннѣе кишечника жителей другихъ губерній. А какое племя менѣе всего успѣло въ своемъ развитіи? Бѣлорусское, западнорусское. Этотъ народъ питается даже не чистымъ хлѣбомъ, а хлѣбомъ, смѣшаннымъ съ древесною корою, и потому народъ, питающійся имъ, слабъ мозгомъ, но силенъ желудкомъ. Обративъ эти разсужденія къ нашимъ дѣтямъ, господа воспитатели должны признать, что при своемъ методѣ воспитанія они весьма успѣшно могутъ приостановить развитіе въ дѣтяхъ мозга, но за то разовьютъ кишечникъ, съ соотвѣствующими этому развитію инстинктами.

Я почувствовалъ, что побѣжденъ, уничтоженъ. Но какъ продолжать дальше? Большой рискъ остаться въ дуракахъ или, хуже того, въ идиотахъ. Чтобы защитить педагогику, надо приступить къ дѣлу подумавъ. Да, надо подумать... Вопросы перешли на текуція дѣла колоніи. Директоръ, видимо, тоже отложилъ свои нападенія, тоже будетъ думать. Задумался и я.

Когда засѣданіе кончилось, всѣ встали. Регентъ, сидѣвшій безгласно, замѣтилъ, что докторъ не курилъ все время. Пред-

полагая, что онъ забылъ папиросы дома, пѣвецъ предложилъ ему свой портсигаръ. Докторъ взялъ папиросу, съ любезнѣйшею улыбкою, и вступилъ съ нимъ въ бесѣду.

— Что же вы не спорите съ нами? сталъ наступать онъ на регента въ игривомъ настроеніи духа.

Признаться, въ эту минуту я съ большою охотою свернулъ бы шею доктору, нежели сталъ бы любезничать съ нимъ или прислуживаться ему. Скажите пожалуйста! Ему весело! Онъ доволенъ, что дураки мы, а не онъ. Но это еще «будемъ посмотрѣть!» какъ сказалъ нѣмецъ. На вопросъ доктора, регентъ отвѣчалъ, что спорить не въ его характерѣ.

— Однако, съ вашими физическими средствами только бы и ратоборствовать, шутилъ докторъ.

Регентъ, замѣтно, любилъ, когда его хвалятъ за силу и самъ былъ не прочь похвастаться ею.

— Да, я силенъ! съ достоинствомъ сказалъ онъ.

— А я поборю васъ, хотите? слегка схватился съ нимъ докторъ.

— Ну, нѣтъ-съ! Не родилась рука заколдованная, началъ регентъ словами Лермонтова и, словно забывъ дальше, прибавилъ:— не человѣку это можно, чтобы поборотъ меня.

— А мнѣ кажется, возразилъ докторъ, оставляя его,— что вола, напримеръ, вы поборете, а человѣкъ васъ одолѣетъ непремѣнно. Вѣдь онъ поборолъ мамонта.

Въ самомъ дѣлѣ, этотъ безгласный, не только въ засѣданіяхъ, но и на клиросѣ, боченокъ напоминалъ молодого мамонта.

Мы стали расходиться. Докторъ ушелъ раньше всѣхъ. Замѣтивъ его отсутствіе, всѣ какъ-то вдругъ оживились. Воспитатель 1-й семьи, съ косыми и выпученными какъ у зайца глазами, со смѣхомъ ударилъ по плечу воспитателя 2-й семьи.

— Что, братъ, ты нынче филологомъ сталъ. А? Ха-ха-ха! А вѣдь ловко онъ сегодня насъ выправилъ. Выправительная система. Ловко, братъ, сказано! Ну пойдемъ спать, наспорились вволю. Раскаталъ насъ... А? Ха-ха-ха!..

— Пора, пора, раздавались голоса.

Спустившись съ послѣднихъ ступеней директорскаго крыльца, мы очутились во мракѣ холодной сырости осенней ночи. Я побрелъ къ себѣ домой. Въ груди у меня еще кипѣло негодованіе. Я искалъ средствъ и путей, которыми можно было произвести вѣрное нападеніе на нашего общаго противника. Углубившись въ размышленія, я шагалъ по влажной травѣ раздѣлявшаго меня отъ семьи плаца, и вдругъ былъ пораженъ

пронзительными криками, раздавшимися из нашего домика. Я ускорилъ шаги.

— Какъ ты смѣешь, чортъ бородатый?! Какъ ты смѣешь?! пищаль чей-то визгливый, громкій голосокъ.

Я торопливо отворилъ дверь и увидѣлъ слѣдующую сцену. Маленькій крошка, на видъ не болѣе восьми лѣтъ, — а оказалось 12-ти, — стоялъ посреди комнаты въ разорванной рубахѣ и съ сжатými кулаками передъ дядькою, человѣкомъ, въ четыре раза большимъ его. Не смотря; однако, на разницу въ размѣрахъ, крошка смѣло наступалъ на него.

— Я тебѣ, верзилѣ этакому, зубы расколочу! Ты драться со мною будешь? А? Я тебѣ шею сверну!

Крики вырывались изъ груди его съ дикимъ визгомъ; бѣшенство, овладѣвшее ребенкомъ, затмило передъ нимъ всю окружающую обстановку. Онъ словно не различалъ предметовъ, и если-бы дядька отошелъ въ сторону, онъ не сразу бы замѣтилъ это.

— Что случилось? спросилъ я, войдя въ комнату.

— Да вотъ Селединъ воюетъ, отвѣчалъ дядька, съ искаженнымъ отъ злости лицомъ.

— Какъ воюетъ? освѣдомился я, забывъ про доктора и бывшій совѣтъ.

Дѣйствительность сразу отрезвила меня. Видъ этого ребенка, позволяющаго себѣ такой порывъ гнѣва, возмутилъ меня. Онъ не унимался даже и въ моемъ присутствіи.

— Воюетъ? воюетъ? закричалъ онъ съ новымъ бѣшенствомъ. — Я тебѣ дамъ! Я тебѣ дамъ воюеть!..

— Тише! крикнулъ я, топнувъ ногою.

— Нечего топать, не крѣпостные! ни мало не смущаясь отвѣчалъ тотъ, торопливо завывая зубами на руцѣ какой-то узель.

— Какъ ты смѣешь говорить со мною такъ? зашипѣлъ я, хватая его за руку.

— Ну, ну, не лѣзьте! свирѣпо крикнулъ онъ, увертываясь отъ меня. — Знаемъ васъ! Такого народу знаете сколько въ городахъ у насъ? По тысячѣ на тумбу вашего брата, а директоровъ такихъ, какъ вашъ, по сотнѣ.

У меня въ вискахъ застучало. Я ушамъ своимъ не вѣрилъ. Но я оторвалъ бы собственныя уши, если-бы онъ меня обманывали. А Селединъ какъ будто сталъ успокаиваться, только тряса всѣмъ тѣломъ и въ голосѣ его звучало отвратительное

злорадство глумленія надо мною. Кажется, онъ съ удовольствіемъ бы допустилъ меня разорвать его.

— Къ директору! скомандовалъ я.— Маршъ къ директору!

— Эва, испугалъ какъ! Пойдемъ! ухарски согласился тотъ и самъ пошелъ къ дверямъ развалистою, удалою походкою, съ закинутою назадъ головою.

— Что изъ тебя будетъ, каналья, какъ выростешь? вслухъ ужаснулся я, выходя съ нимъ на мокрую отъ росы траву плаца.

— Гм! Если-бы я большой былъ, я бы зарѣзалъ его, съ остервенѣніемъ пробурлилъ ребенокъ.

— Однако. Ну вотъ посмотримъ, что директоръ скажетъ на твою отвагу.

— Что-жъ, ничего-о! протянулъ онъ въ отвѣтъ.

Пришли къ директору. Онъ еще не спалъ, сидѣлъ у стола передъ лампою и что-то думалъ.

— Господинъ директоръ, вотъ буяна привелъ къ вамъ, началъ я, подводя Селедкина къ столу.

— Что-жъ? Пускай! Буя-ана! ворчалъ Селедкинъ.

— Кто такой? спросилъ директоръ.

— Селедкинъ.

— А буянить, такъ въ карцеръ отведите, внушительнымъ, добрымъ голосомъ сказала директоръ.

— За что? выступилъ Селедкинъ.— Намъ позволили сидѣть до десяти часовъ, а дядька не позволяетъ. Эва какъ! Ему самому спать захотѣлось, онъ и гонитъ... Тутъ драться и стали...

— А вотъ за то, что «драться стали», и иди въ карцеръ. Селедкинъ сталъ замѣтно спокойнѣе.

— За что же? спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— За драку. Ступай, ступай въ карцеръ.

— Это несправедливо.

— Вотъ завтра разсудимъ справедливо или нѣтъ, а теперь въ карцеръ.

Директоръ всталъ, а Селедкинъ прислонился спиною къ дверямъ и вдругъ заплакалъ.

— Я не буду! проговорилъ онъ, заливаясь слезами.

— Ступай, ступай! приказывалъ директоръ.— Ну, ступай же! Что-жъ ты не слушаешься? Ступай, говорятъ тебѣ!

Странная вещь. Теперь онъ сталъ совсѣмъ не тотъ, что былъ за минуту. Словно чистый воздухъ, по которому прогулялся онъ, отрезвилъ этого бѣшеннаго звѣреныша. Я взялъ его за руку. Я былъ еще въ волненіи.

— Отведите его въ отдѣленный домикъ! сказалъ директоръ.

Мы вышли на крыльцо.

Отдѣленный домикъ находился немножко въ сторонѣ отъ колоніи и ея построекъ. Это было мѣсто ссылки виновныхъ воспитанниковъ. Изъ отчета я узналъ о его существованіи, а по мѣстоположенію догадался о назначеніи отдѣльно стоявшаго домика, и направился къ нему съ Селедкинымъ. Дорогою я не выпускалъ его крошечной ручки изъ своей и, чувствуя страшную злость, кипѣвшую у меня въ груди, раза два крѣпко стиснулъ эту руку. Онъ шелъ молча, переваливаясь съ ногъ на ногу, въ своихъ огромныхъ, чужихъ сапогахъ, и молча вырала рукавомъ слезы.

— Чего-жь вы давите-то? укоризненно сказалъ ребенокъ. Но мнѣ было его не жалко.

«Развѣ не все равно, что дать ему нѣмецкую плюку (отрезвленія, или сдавить руку, чтобъ вызвать стомя?» разсуждалъ я и очень обрадовался, когда желаемый стомя раздался.

— Ага! заговорилъ, шельма! То-то переломимъ и перемелемъ твою глупую натуру, сказалъ я.

Домикъ, не смотря на кажущуюся близость, былъ однако довольно далеко. Пройдя всю колонію и поле, мы, наконецъ, подошли къ нему. На встрѣчу намъ, виляя хвостомъ, выбѣжала черная собаченка и кинулась ластиться къ Селедкину. Она лизнула его въ щеку; кинулась къ нему на плечи. На ходу мальчикъ обнялъ и поцѣловалъ ее.

— Жучекъ! чуть слышно прошепталъ онъ.

Мы поднялись на крыльцо. Я отворилъ дверь и отшатнулся назадъ. Тяжелый, смрадный воздухъ хлынулъ на встрѣчу намъ, какъ изъ влоаки. Въ небольшой комнатѣ помещалось семнадцать мальчиковъ, и за недостаткомъ коекъ дѣти валались на полу. Я отворилъ дверь настежь и кликнулъ дядьку. Дядька всталъ и, почесываясь, вышелъ къ намъ.

— Куда его? привычно спросилъ олъ, тенью пальцемъ Селедкина.

— Въ карцеръ.

Онъ взялъ узника за руку и повелъ посреди спящихъ. Я послѣдовалъ за ними. Дядька отворилъ дверь какой-то каморки, подобралъ кучу, похожую на тюфякъ съ одѣяломъ, бросилъ весь этотъ хламъ за дверь, притворилъ ее и задвинулъ засовъ. Какъ скверно скрипитъ это ржавое желѣзо. Мнѣ часто приходилось запираеть кладовую, ворота, калитку такими засовами, но никогда этотъ скрипъ не отзывался такъ подло. Только два такихъ звука знаю я въ своей жизни: скрипъ этой задвижки

и глухой гулъ земли, засыпающей могилу. Не знаю почему, но я, возвращаясь домой, серьезно подумалъ о желѣзной палкѣ директора. Въ колоніи это положительно необходимая вещь. Какъ диво раздаются шаги по землѣ, глухою ночью, среди поля. Убитая дорога гудитъ подъ ногою. Кое-гдѣ вдали мерцаютъ огоньки, а кругомъ темная ночь и въ ушахъ слышится скрежетъ ржаваго желѣза. Не правда ли, г. Руссо, вѣдь самодѣды, умѣющіе обходиться безъ желѣза, счастливѣе насъ?

Рано утромъ дверь отворилась.

— Не поставитъ ли самоварчикъ, Петръ Ивановичъ? спросилъ дядька, просунувъ голову и увидѣвъ мои открытые глаза. Онъ подошелъ ко мнѣ и фамильярно протанулъ руку.

Я ужасно боюсь дядекъ. Они знаютъ еще меньше моего, а если распустить ихъ, дозволить дѣлать, что имъ угодно, то привычка развиваетъ у нихъ обидчивость, рѣзкость, самомнѣніе, пуге нашего. Я пожалъ его руку, но онъ уловилъ мою подозрительность и оскорбился. По крайней мѣрѣ, получивъ согласіе, онъ принялся ставить самоваръ длительно, по временамъ съ остановкою, — словомъ, съ выраженіемъ нѣкотораго чувства оскорбленнаго достоинства и обидывая меня косымъ, недовольнымъ взглядомъ. Я одѣлся и вышелъ къ дѣтямъ. Они разными голосами выкрикнули мнѣ привѣтствіе. Иные изъ нихъ смотрѣли въ окно, другіе заворачивали кровати къ стѣнѣ и, не глядя на меня, тоже проедряли что то въ родѣ «здра-ра-ра пер-ич-ич!»

Ко мнѣ подбѣжалъ приглашенный и причесанный мальчикъ, на подобіе тѣхъ, которые встрѣчаются въ фруктовыхъ магазинахъ.

— Читаетъ евангеліе? спросилъ онъ.

— Эхъ, дуракъ! Вѣдь онъ еще не знаетъ! раздались таинственные голоса.

— Читайте! сказалъ я.

Дѣти, нехота, вало, останавливаясь на ходу, цѣпляясь руками за столы, столбы и кровати, стали собираться въ кучу. Во время чтенія позади меня раздавался смѣхъ. Я показывалъ видъ, что не слышу, ожидая чего нибудь худшаго. Когда чтеніе кончилось, принесли жиденькій какъ вода чай, маленькіе кусочки пиленнаго сахару, куски хлѣба, и всѣ усѣлись за ѣду. До полевыхъ работъ оставалось около часу. Я занялся чаемъ и угостилъ дядюшку. Онъ ожилъ и пустился въ распросы «откуда я?», но, замѣтивъ мою молчаливость, торопливо выпилъ послѣдній стаканъ чаю, опрокинулъ его на блюдечко, крякнулъ, вытеръ рукавомъ рубахи губы, расправилъ черныя бакенбарды, поблагодарилъ и вышелъ. Вслѣдъ за нимъ вошелъ директоръ.

— Вы бы навѣдались къ заключенному; сказалъ онъ, поздоровавшись.

— Да, я думалъ это сдѣлать, когда воспитанники уйдутъ въ поле. А вы были уже у него? Покаялся? освѣдомился я.

— А вотъ увидите. Захватите ему книжку почитать.

Директоръ ушелъ. Раздался звонокъ на работы. Дѣти съ дядькою ушли въ поле. Я отправился въ отдѣленный домикъ. Онъ уже былъ пустъ. Всѣ дѣти ушли въ лѣсъ на работу. Ссылнымъ отдѣленного дома въ наказаніе поручались самыя тяжелыя работы: борчеванье пней, пила дровъ и т. п. Они освобождались отъ всѣхъ прочихъ занятій по мастерскимъ и совершенствовались свой духъ посредствомъ напряженнаго труда. Дядька оставался дома и караулилъ варцерьъ. Когда я вошелъ къ заключенному, онъ сидѣлъ на скамейкѣ. Упершись локтями, обнаженныхъ отъ рукавовъ, сухихъ какъ хворостинека рукъ, онъ положилъ на нихъ стриженую голову и смотрѣлъ въ окно.

— Ну что, будешь буянить? спросилъ я, подходя къ нему.

— Вы хоть бы здравствуя сказали, пробормоталъ онъ, отворачиваясь отъ меня.

— Вотъ шельма, еще учить вздумалъ! Ну говори же, будешь буянить? Пойду скажу директору, что ты покаялся, онъ проститъ, прибавилъ я, намѣревался положить руку на его голову.

Но Селедкинъ замѣтилъ мое движеніе и уклонился отъ ласки.

— Чего вы? схватился онъ, свернувъ сѣрыми глазами.

— Такъ ты еще не утомился, замѣтилъ я.

Лицо его вспыхнуло и быстро поблѣднѣло.

«Славный мальчишъ былъ бы, если-бы исправился», невольно подумалъ я, глядя на его красивое, серьезное личико.

Я видалъ такихъ дѣтей на карточкахъ; англійскіе типы. Энергичное, сухенькое, съ прямымъ носикомъ личико, звѣздочка изъ волосъ на лбу, и смотреть стойкимъ, бойкимъ взглядомъ. Но замѣтно недолговѣчный ребенокъ: грудь впалая, самъ худенькій.

— Ты не кашляешь? заботливо спросилъ я.

— А вы докторъ, что ли? освѣдомился онъ, замѣняя басъ солидностью въ голосѣ.

— Ну такъ сиди же, бестія, если такъ! сказалъ я, направляясь къ дверямъ; но, подойдя къ нимъ, остановился.

Смотрю — стоитъ мальчишъ, колушаетъ замазку на окнѣ, а на глазахъ повисли двѣ, только двѣ слезинки. У меня сердце облилось кровью. Вѣдь только вчера онъ ласкалъ собаченку и

не хочет сегодня принять мою ласку. Неужели ласка собаки дороже и милѣе ему человѣческой ласки?

— Селедкинъ! позвалъ я его.

— У-би-рай-теся! вдругъ ринулся онъ на меня.

Я хлопнулъ дверью и вышла. Задвижка заперта была мною самимъ и теперь, днемъ, не произвела на меня такого впечатлѣнія, какъ вчера.

Выходя изъ домика, я встрѣтилъ директора и Сорова. Этотъ воспитатель былъ неразлучнымъ его спутникомъ, и тогда онъ выѣзжалъ куда нибудь изъ колоніи, то Соровъ исправлялъ его должность и пользовался репутаціею самаго лучшаго воспитателя. Мы раскланялись.

— Ну что, каковъ Селедкинъ? спросилъ директоръ.

— Да, онъ еще не усповоился, грустно сказалъ я.

— Хе, хе, хе, не угомонился еще? засмѣялся чему-то Соровъ.

Но онъ сдѣлалъ это повидимому для того, чтобы не остаться въ сторонѣ и услышать, не буду ли я о чемъ говорить съ директоромъ. Мнѣ показалось, что я внушалъ ему какое-то подозрѣніе и что онъ теперь будетъ слѣдить за мною.

— Позвольте узнать и получить отъ васъ наставленіе, обратился я къ директору.

— Что вамъ угодно? остановился онъ.

— Какія именно черты характера и недостатки долженъ я исправлять въ дѣтяхъ?

Лицо директора слегка выгнулось и нижняя губа отвисла.

— Какія же черты характера? промолвилъ онъ. — Мы, конечно, должны смотчать ихъ души, сварливость характера, склонность къ ссорамъ, дракамъ, браннымъ словамъ, табакочуреніе... Да вѣдь вы читали отчеты колоніи?

— Читалъ.

— Тамъ все это есть.

— Ужъ очень кратко, замѣтилъ я. — Тамъ сказано «свернословіе, уличная брань, неприличныя пѣсни» и т. д., но вѣдь все это одно и то же — свернословіе.

— Ну, по усмотрѣнію. Смотри по тому, какъ ребенокъ будетъ вести себя.

Директоръ двинулся по направленію къ своей квартирѣ, а я воротился въ отдѣленный домикъ и черезъ дядьку передалъ Селедкину книгу, которую захватилъ для него изъ дому, но забылъ оставить. Я догналъ директора въ колоніи. Мнѣ хотѣлось выяснитъ себѣ отношенія, выработанныя воспитателями къ дѣтямъ, чтобы воспользоваться ихъ указаніями и быть созна-

тельнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ. Поведеніе Селедина и духъ учениковъ, выраженный ими утромъ, казались мнѣ не совсѣмъ обыкновенными. Я чувствовалъ себя въ чемъ-то виноватымъ.

— Мой вопросъ имѣетъ основаніе... началъ я, поравнявшись съ директоромъ и слѣдуя рядомъ съ нимъ.

Пользуясь случаемъ, я рассказалъ ему про поведеніе дѣтей за евангеліемъ и разговоръ мой съ Селединымъ.

— Вотъ видите, вы уже начинаете понимать глубину испорченности этихъ дѣтей, одобрительно сказалъ директоръ. — Потомъ вамъ удастся наблюдать и ихъ склонности, о которыхъ въ отчетахъ много не распишешься.

— Это еще дѣточки, ягоды будутъ, имѣшался Соровъ.

Осыпанный массою предостереженій и совѣтовъ не давать спуска строитивому духу испорченныхъ воспитанниковъ, я, примиренный съ собою, пошелъ посмотрѣть полевая работы.

Видъ поля, усыпаннаго маленькими рабочими въ красныхъ рубахахъ, окончательно умилилъ меня. Чужое зрѣлище представляетъ оно въ эту пору рабочаго дня. Множество крошекъ, съ большими и маленькими головами, съ серпами въ рукахъ, утопая между колосьями, жнуть овесъ. Вотъ спозъ сжать и связанъ, поднялся на воздухъ, какъ живой побѣжалъ по полю, сталь... изъ-подъ него выскочилъ маленький работникъ и побѣжалъ опять къ своей полосѣ. Увлечшись созерцаніемъ, я, какъ деревенскій житель, не могъ удержаться отъ того, чтобы не перейти къ дѣлу, взявъ одинъ изъ лежавшихъ на землѣ серповъ и присоединился къ крошечнымъ земледѣльцамъ. Рядомъ со мною жали два мальчика, на видъ не болѣе семи лѣтъ, безпрестанно вытирая вспотѣвшій лобъ, они подхватывали серпомъ перерѣванный овесъ. Съ моею помощію дѣло закипѣло спорѣ. Овесъ клонился подъ нашими усилиями и скоро небольшой участокъ жатвы опустѣлъ. Мы принялись подбирать накатые снопы и ставить бабки. Кончивши съ бабками, я обошелъ все поле.

Въ различныхъ концахъ его стояли дядьки и понукали лѣнливыхъ. Гдѣ-то послышалась сиверная, непечатная брань. Я направился къ этому мѣсту. Ни одинъ изъ дядьковъ не работалъ, а только покрикивали. Возлѣ одного дерева, на солнышкѣ, я увидѣлъ мальчика съ непокрытою головою. Это былъ наказанный.

— Давно стоишь? спросилъ я.

— Съ утра.

— За что? спрашиваю.

Смѣется.

— Ну, говори!

— Выругался... началъ было онъ весело, но вдругъ лицо его исказилось, онъ нетерпѣливо двинулъ плечами.— Да что, вотъ дядьки сами ругаются, а насъ наказываютъ.

Крикъ дядекъ стали усиливаться. Я оглянулъ поле; оно уже представляло иной видъ: дѣти работали вяло, медленно, иные разговаривали. Первый моментъ, застигнутый мною, былъ вызванъ моимъ появленіемъ, а теперь уже дѣти не стѣснялись моимъ присутствіемъ.

— Эй ты; Бутылкинъ! раздался голосъ дядьки.

Я оглянулся. Мальчикъ, къ которому относились слова, сбѣлалъ тоже самое. Лицо его было полно вопросительнымъ выраженіемъ и казалось комичнымъ.

— Что вамъ? спросилъ онъ, слегка выставивъ животъ и откидывая на затылокъ шапку.

— Чего ты не работаешь? Тыфу, сволочь!.. Вотъ дармоѣды! съ омерзевіемъ плюнулъ дядька и отвернулся.

Бутылкинъ покачалъ головою.

— Эхъ, дядюшка, дядюшка! громко и укоризненно сказалъ онъ.— Вѣдь вотъ еще дядюшкою называется, а слышали вы, братцы, какъ онъ ругается: что ни слово у него сорвется, такъ инда въ брюхѣ у тебя отзовется.

Цѣлое поле покатилося со смѣху. Смѣялись слышавшіе и заражали неслышавшихъ, а тѣ, смѣясь, подбѣгали къ первымъ, спрашивались о сказанномъ словѣ и, залившись новымъ смѣхомъ, бѣжали на свои мѣста. Дядьку взорвало.

— Бутылкинъ, заревѣлъ онъ, багровѣя,—пошелъ къ директору!

— Пойдемъ, дядюшка, согласился тотъ, съ размаху втыкая серпъ въ землю и улыбаясь во весь ротъ.

Дѣти замѣтно въ грошъ не ставили свою начальственную родню. Они рады были ссорамъ и всевозможнымъ дразгамъ, наполнявшимъ ихъ обыденное существованіе. Они сочувствовали героямъ, оживлявшимъ ихъ жизнь, награждали ихъ одобрителнымъ смѣхомъ и находили новое удовольствіе слѣдить за послѣдствіями начатой исторіи.

— Что, потащили раба Божія! подтрунивали одни.

— Чего съ нимъ разговаривать? Тащи его на хлѣбъ, на воду! командовали другіе.

— Въ карцеръ!

— На четыре дня!

— На четыре мало.

— А на сколько?

— На пять.

— Слышь, Бутылкинъ, Бутылкинъ! закричали голоса.

Бутылкинъ оглянулся. Та же улыбка полного довольства сіяла на его физиономіи.

— Тебя, дармоѣда этакаго, на пять дней въ карцеръ, на хлѣбъ, на воду. Слышишь?

— Ладно! добродушно улыбается тотъ, слѣдуя за дядькою.

На другомъ концѣ поля появился дежурный воспитатель. Онъ куда-то отлучался. Окликнувъ рабочихъ, онъ богатырскимъ голосомъ на минуту успокоилъ разгулявшихся дѣтей и подошелъ ко мнѣ.

— Вотъ, видите, какой народъ у насъ! началъ онъ, пожавъ мою руку.— На минуту оторваться нельзя. Вотъ и исторія... Да куда! И въ твоёмъ присутствіи иной разъ такіе фокусы откалываютъ, что не дай Богъ. Ужь и наказываютъ ихъ, и все дѣлаютъ—ничего не помогаетъ. Драть ихъ надо. Драть, драть и драть!.. Эй вы, работатъ!.. Колупаевъ, что дѣлаешь? Затылкинъ, Разинъ, Уховъ—работатъ!

Воспитатель быстрыми шагами направился на средину поля. Раздался звонокъ къ обѣду; дѣти закричали «ура-а!» и стали собираться по семьямъ въ кучи. Я присоединился къ своей семьѣ и повелъ ее домой. Тамъ, поставивъ всѣхъ въ строй, я прочиталъ имъ длинное, строгое внушеніе и сказалъ, что если еще повторится съ ихъ стороны участіе въ безобразіяхъ, которыя происходили сегодня въ полѣ, то я буду просить директора оставить всю семью на хлѣбѣ и на водѣ.

— Ого! слышались голоса.

— Кто это сказалъ? грозно накинулъ я.

Всѣ молчали.

— Если еще разъ у васъ будутъ раздаваться такіе звуки на мои совѣты и увѣщанія, то я постараюсь розыскать виновныхъ и зачинщиковъ. Ступайте обѣдать!

Я сказалъ и ушелъ къ себѣ въ комнату.

— Ого, го-го, и-го-го! слышались голоса за стѣною.

— Тише! загремѣлъ я, внезапно показываясь въ дверяхъ.

Дѣти, расположившись въ различныхъ позахъ по всей семьѣ, притихли и смотрѣли на меня. Я постоялъ и скрылся.

— Га, го, ги, гу, ге, ге-э, ге-о, и-ги-ги, и-го-го! снова слышалось на всѣ голоса и толпа съ крикомъ и гамомъ вылетѣла на дворъ, а потомъ понеслась въ столовую.

«Что же это будетъ? А докторъ еще убѣждаетъ оставить

наказаніе, толкуеть о вредѣ хлѣба и воды. Нѣтъ, если такъ, то, въ самомъ дѣлѣ, не розги ли нужны здѣсь? Вѣдь надобно же смирить чѣмъ нибудь эту разбойничью команду!»

Я былъ страшно взвѣднованъ и отправился въ столовую. Если-бы докторъ встрѣтился со мною въ эту минуту, я бы непременно счелъ долгомъ доказать ему, что всѣ его теорійки—сущая химера, чепуха, созданная моднымъ увлеченіемъ естествознаніемъ.

Наша колонія затрачиваетъ на каждаго ученика ежегодно по 500 р. сер. Такая сумма выпадаетъ на долю очень немногихъ аристократическихъ заведеній, подобныхъ, напримѣръ, училищу правовѣдѣнія. Но изъ всѣхъ 50,000, р. ассигнуемыхъ на 90—100 воспитанниковъ колоніи, для содержанія ихъ расходуется очень немного. Меня на первыхъ же дняхъ удивилъ беспорядокъ дѣтской обуви и дешаго одѣя. Это было не бѣлье, а тряпки, лохмотья. Надѣвая рубашку, ребенокъ сначала попадаетъ рукою въ нѣсколько дыръ ея, а потомъ уже въ рукавъ. Что касается до дѣтскаго стола, то онъ крайне однообразенъ и, судя по средствамъ, скуденъ. Въ столовой, длинной, нѣсколько мрачной комнатѣ, уставленной возлѣ стѣнъ длинными столами, за которыми, когда я вошелъ, уже усѣлись всѣ воспитанники, на дверяхъ я увидѣлъ росписаніе обѣдовъ. Втеченіи недѣли, два дня были постоянно постными—горохъ и ваца; восресный день имѣлъ супъ, пирогъ и телятину; въ прочіе дни были щи и каша, супъ и каша. Мясо варилось ежедневно, время помятльница, въ который вываривалось воскресное мясо вторично и въ пахъ раздавалось дѣтямъ. Каши, судя по постояннымъ жалобамъ дѣтей, умолкавшихъ только при угрозахъ, рѣдко хватало на всѣхъ до-сыта. Картофель, не смотря на то, что онъ былъ продуктомъ мѣстнаго производства, почти никогда не выдавался дѣтямъ, а исчезалъ куда-то; какъ говорили, онъ очень портился и гнилъ въ погребахъ. Эти наблюденія были собраны мною впослѣдствіи и я упоминаю о нихъ, чтобы потомъ не возвращаться къ нимъ. Конечно, жалобы такихъ дѣтей, какъ наши, невозможно принимать во вниманіе: имъ всего мало; даже хлѣба иногда не хватало для нихъ. Платье, одѣе и сапоги они изнашивали такъ быстро, что, мнѣ кажется, эти сорванцы сами гораздо болѣе виноваты въ уничтоженіи духъ, нежели качество и достоинство матеріала.

Хотѣлось мнѣ знать однако, какого мнѣнія докторъ о столѣ и общемъ питаніи дѣтей. Я обратился съ этимъ вопросомъ къ

директору, разгуливавшему по столовой въ сопровожденіи Сорова. Директоръ выслушалъ вопросъ и махнулъ рукою.

— Съ этимъ докторомъ у насъ всегда исторія! сказалъ онъ. Соровъ засмѣялся.

— По настоянію его, мы уже увеличили немного порцію; а спросите дѣтей, довольны-ли они обѣдомъ? Скажутъ, навѣрно, мало.

— У насъ тутъ есть ѣдоки, вотъ тамъ, указалъ Соровъ на одного изъ мальчиговъ:— онъ разъ съѣлъ восемь порцій щей и каши.

Я съ отвращеніемъ взглянулъ на обжору. Это существо былъ рабой, истощенный, но съ огромнымъ животомъ, ребенокъ. Когда онъ ѣлъ,—а ѣлъ онъ съ большимъ увлеченіемъ, слегка обнявши чашку лѣвою рукою и подхватывая кашу ложкой, которая, крѣпко ущемленная пальцами правой руки, быстро прыгала отъ каши къ мѣсту своего назначенія,—то можно было думать, что онъ заморенъ голодомъ, бѣдняжка. Смотрѣлъ онъ въ это время прямо на всѣхъ, потому что вытягивалъ шею и выставлялъ лицо впередъ съ очевиднымъ намѣреніемъ объѣсть всю колонію. Съ своею стриженною головою и широкимъ лбомъ, онъ напоминалъ злаго, но умнаго котенка; только у кошечки голова какъ-будто круглѣе, а у этого затылокъ казался срубаннымъ. Впослѣдствіи, когда докторъ входилъ въ столовую, я замѣтилъ, что онъ ѣсть, перемѣняя свое положеніе и меньше. Въроятно появленіе акулапа отнимало у него аппетитъ. Теперь же, раньше всѣхъ кончивши свою порцію, онъ, переминувшись съ однимъ изъ своихъ товарищей, ловко обмѣнялся съ нимъ чашкою и принялся уничтожать недоѣденную кашу.

Когда обѣдъ кончился, дѣти молча поглядывали на ненасытившихся товарищей и доѣдавшихъ, что еще оставалось у нихъ въ чашкахъ.

— На молитву! раздался голосъ дежурнаго воспитателя. Всѣ вскочили и устремили глаза на деревянный образокъ, висѣвшій въ углу надъ столами.

— «Бла-го-да-римъ», загудѣлъ голосъ помощника воспитателя.

— «Тебя, Со-зда-ателя!» подхватили ученицы всею массою, и хоръ съ набитыми животами довольно стройно послѣдовалъ за безгласнымъ регентомъ, который, выдвинувшись передъ пѣвщими, иногда окидывалъ ихъ для ободренія своими безцвѣтными подслѣпватыми глазами и безвучно махалъ камертономъ.

Эта простая, легко дающаяся для пѣнія молитва замѣтно бы-

ла хорошо разучена дѣтьми. Между ними слышались симпатичные, хотя слабые голоса; но вѣдь между дѣтьми колоніи оказалось очень много просто безпріютныхъ сиротъ, помѣщенныхъ изъ состраданія, а не съ цѣлю исправленія.

Я еще не зналъ этого, и первое впечатлѣніе молодыхъ преступниковъ, единодушно благодарившихъ за земныя блага, разстроило меня. Въ душѣ моей все сильнѣе вкоренялось и крѣпко искреннее сочувствіе великому, высоко-гуманному учрежденію, въ которое я такъ случайно попалъ. Сердце мое проникалось святымъ благоговѣніемъ не только къ людямъ, задумавшимъ учредить его, но даже и къ тѣмъ, которые счумѣли поддержать его втеченіи такого, какъ думалось мнѣ, продолжительнаго времени. Колонія существуетъ уже десять лѣтъ. Я слѣпо предавался увлеченію этими чувствами и едва-ли нашлось-бы что нибудь на землѣ для меня священнѣе моего предмета обожанія. Я гордился тѣмъ, что сдѣлался сотрудникомъ колоніи, и взволнованный пѣніемъ, этимъ первымъ проявленіемъ удачи въ великомъ предпріятіи, едва не зарыдалъ и съ трудомъ подавилъ свои слезы. Я люблю пѣніе и потому присоединился къ хору. Когда молитва кончилась, всѣ шумно двинулись къ выходнымъ дверямъ, высыпали на дворъ, раздѣлились на семь не большими группами и разошлись по домамъ. Я удержалъ свою семью, прошелъ съ нею въ мастерскую и попросилъ показать инструменты. Они найдены были не въ порядкѣ. У дѣтей оказалась привычка брать инструменты другъ у друга, портить ихъ, небрежно относиться къ тому, что въ глазахъ каждаго мастера имѣетъ больше всего цѣны и значенія. Оказалось также, что въ шкапахъ, предназначенныхъ для храненія дѣтскихъ инструментовъ, были замки, но ключи къ нимъ потеряны. Я упрекнулъ ихъ въ небрежности, общалъ купить ключи и строго приказалъ соблюдать указанныя мною правила порядка въ мастерской и храненія инструментовъ. Осмотрѣвши мастерскую, я отпустилъ дѣтей играть. Они устроили на площадкѣ возлѣ своего дома городки и, вооружившись палками, принялись разбивать ихъ. Послѣ полевыхъ трудовъ и имѣя впереди еще цѣлый день движенія и работы, они и не подумали объ отдыхѣ. Такая неутомимая подвижность удивила меня. На видъ всѣ заморышки — кожа да кости, а живучесть кошачья! Изъ мастерской я воротился въ столовую, надѣясь встрѣтиться съ директоромъ, но тамъ были только дежурные воспитанники, занятые уборкою посуды. Одинъ изъ нихъ, Зятевъ, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, съ выразительнымъ, но ху-

дощавымъ лицомъ, стоялъ въ сторонѣ возлѣ окна и читалъ книгу. Это былъ «первый» ученикъ въ колоніи по своимъ успѣхамъ въ школѣ и мастерской. Я заглянулъ въ книгу. Онъ читалъ «Пугачевцы» Салиаса. Замѣтивъ свое увлеченіе, онъ неохотно сложилъ книгу и присоединился къ убиравшимъ посуду. Увлеченіе его чтеніемъ отразилось теперь и въ движеніяхъ. Онъ замѣтно не думалъ о томъ, что дѣлаетъ: взялъ собранную посуду, разобралъ ее, потомъ, спохватившись, опять собралъ и хотѣлъ нести въ кухню, но вдругъ оставилъ, шагнулъ всторону, воротился назадъ, сразу подхватилъ массу собранныхъ тарелокъ и, откинувшись назадъ, потащилъ ее изъ столовой. Его тянуло къ книгѣ. Онъ весь былъ увлеченъ ею. Чтобы убѣдиться въ этомъ, я вышелъ за дверь, постоялъ нѣсколько минутъ и воротился снова. Зятевъ уже стоялъ, согнувшись надъ книгою, положенною на окно, и жадно пожиралъ ея страницы. Онъ замѣтилъ, что я вошелъ, и растерянно посмотрѣлъ на меня; я удалился. Въ дверяхъ я встрѣтился съ директоромъ, который шелъ съ пустыми руками, безъ палки.

— Вы куда? спросилъ онъ.

— Въ поле, отвѣчалъ я.

— А я ищу васъ.

— Что прикажете?

— Да поговорить вой о чемъ надо, сказалъ онъ, взявъ меня подъ руку.

Мы вышли на дорогу и пошли возлѣ церкви какимъ-то обрагомъ, потомъ вошли въ лѣсъ. Директоръ видимо искалъ уединенія и это меня нѣсколько встревожило. Я боюсь, когда кто нибудь ищетъ уединенія со мною. Зачѣмъ? Я человѣкъ откровенный. Виновать я — казни меня; дѣло дѣлаю — суди искренно, правдиво. Очутившись наединѣ со мною, директоръ даже оглянулся. Мнѣ стало жутко.

— Видите, началъ онъ врадчиво и совершенно фамиллярно, обнимая меня за станъ: — вы у насъ человѣкъ новый и не мѣшаетъ вамъ ознакомиться съ вещами, которыя иногда совершенно ускользаютъ отъ вниманія.

У меня отлегло отъ сердца. Директоръ, повидимому, хочетъ ввести меня въ познаніе подробностей службы и дѣла, хочетъ навести мое вниманіе на самые важные предметы, и я весь превратился во вниманіе и слухъ. Я не видѣлъ дна въ глубинѣ своей признательности и, по свойственной мнѣ впечатлительности, едва не прослезился.

— Представьте себѣ, протворилъ директоръ, не то съ удивленіемъ, не то добродушно подсмѣиваясь:—дядька, бывшій сегодня въ полѣ на дежурствѣ, не хочетъ служить и оставляетъ волонію.

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, не понимая, къ чему мнѣ сообщаютъ объ этой новости съ такою таинственностью.

— Что же, его намѣреніе имѣетъ какое нибудь особенное важное значеніе для волоніи? спросилъ я, теряясь въ догадкахъ.

— Огромное! воскликнулъ директоръ.—Представьте себѣ, что онъ дѣлаетъ это, будучи обиженъ вами.

Я во всѣ глаза посмотрѣлъ на директора и отступилъ на шагъ.

— Да! воскликнулъ директоръ, ужасно довольный произведеннымъ эффектомъ и, оставшись съ освобожденными руками, сталъ какъ бы умывать ихъ.

Мы остановились.

— Вы, напримѣръ, сегодня въ полѣ работали съ дѣтьми?

— Да, работаль.

— Ну вотъ, это обидѣло дядюшку и онъ хочетъ оставить волонію. Самый лучшій дядюшка! съ грустью прибавилъ директоръ.

Я все-таки не могъ уразумѣть основы, на которой стоялъ онъ, заводя со мною такую бесѣду, и, глядя ему въ лицо, чувствовалъ себя какъ-то не по себѣ. У директора было косоглазіе: одинъ глазъ смотрѣлъ прямо, а другой куда-то въ сторону. Этотъ невинный недостатокъ и былъ причиною моего смущенія. Мнѣ казалось, что директоръ, однимъ глазомъ удаляясь куда-то въ сторону, обходилъ меня сзади, а другимъ не выпускалъ изъ виду и, умывая свои освободившіяся отъ объятій руки, словно собирался меня спадать ими. Не понимая хорошенько, чего именно отъ меня хотятъ, я невольно поддался этому впечатлѣнію и отступилъ назадъ.

— Что же вамъ угодно? спросилъ я.

— Да мнѣ собственно ничего не нужно, отвѣчалъ онъ;— я только сообщаю вамъ о трудности, въ которую вы меня поставили.

— Чѣмъ?

— Да тѣмъ, что изъ-за васъ теперь дядюшка хочетъ оставить волонію.

— Извините меня; но я не понимаю, какимъ поводомъ я возбудилъ въ немъ такое намѣреніе.

— Да онъ говоритъ, что вы работали въ полѣ съ дѣтьми

и что теперь ему больше ничего не остается, какъ тоже работать.

— Такъ вѣдь колонія отъ этого въ убыткѣ не будетъ?

— Но онъ не хочетъ работать.

— Пусть не работаетъ.

— А вы работаете.

— Чтожь ему до этого за дѣло?

— Какъ же: если вы работаете, то и ему надо работать, а онъ не хочетъ.

— Г. директоръ; какъ угодно, но мнѣ рѣшительно непонятно, чего именно отъ меня требуютъ. По уставу колоніи, дядька обязанъ работать въ полѣ, чтобы дать примѣръ дѣтямъ. Наконецъ, мнѣ вѣжется, что дѣти съ большимъ довѣріемъ отнесутся къ намъ, если мы, воспитатели и дядьки, раздѣлимъ трудъ съ ними.

— Да, это вы реформы будете заводить у насъ.

— Какія же реформы? Я, прочитавши уставъ, пожелалъ свято исполнять его указанія и, придя въ поле, повказалъ дѣтямъ примѣръ трудолюбія. Неужели это съ моей стороны такая оплошность, такой проступокъ, что я заслуживаю имъ упрековъ?

— Ахъ нѣтъ, я цѣню васъ. Вы у насъ всего второй день. Я только сообщаю вамъ о впечатлѣніи, которое вы производите у насъ.

— Такъ я негодный человѣкъ для колоніи?

— О нѣтъ!.. Видите, у насъ здѣсь ужасныя распри. Всѣ другъ противъ друга. Воспитатели на доктора, докторъ на воспитателей. Священникъ тоже ни съ кѣмъ не ладитъ. Я изъ всѣхъ силъ стараюсь примирить ихъ и совершенно напрасно. Вотъ теперь не только одинъ дядька, всѣ дядьки недовольны вами, всѣ воспитатели.

У меня голова кругомъ пошла. Я едва удерживалъ себя отъ выраженія чувства и сознанія совершенной пустоты въ томъ, что вокругъ меня происходитъ и что мнѣ говорятъ.

— Помилуйте! за что же всѣ противъ меня?

— Да вотъ подите! У насъ все такъ! Ничего не клеится.

— Ахъ какъ это жалко! съ невольнымъ порывомъ искренней горечи воскликнулъ я.

— И чуть что, знаете, продолжалъ директоръ, — «не хочу служить», говорить. И такъ постоянно. Пробудетъ мѣсяцъ, два, а потомъ прощайте. Такъ и агрономы, и воспитатели...

— Отчего же?

— А вотъ подите. Ужасная мука! Иной разъ такъ пересорятся, что едва успокоить возможно.

Я повернулся къ колоніи и мы двинулись по направленію къ ней, но очень медленно..

— Что же именно вы желали сказать мнѣ? спросилъ я.

— Да вотъ только то, что дядюшка служить не хочетъ... воспитатели тоже выражаютъ недовольство.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Ужь я теперь право не знаю.

— Да вы не извольте стѣсняться, если я не нравлюсь, то уйду, вѣдь насильно милъ не будешь, отвѣчалъ я, до глубины сердца пораженный возникшимъ разладомъ, причины котораго, хоть убей, не понималъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Дастъ Богъ еще уладится. Вотъ я поговорю съ ними.

— Да если вамъ угодно и я поговорю.

— Пожалуй, поговорите и вы.

Мы вошли въ колонію и раскланялись возлѣ церкви. Директоръ пошелъ домой, а я, замѣтивъ воспитателя первой семьи у окна его квартиры, рѣшилъ сейчасъ же зайти къ нему.

Не потому ли они всѣ обидѣлись, что я не сдѣлалъ имъ визитовъ. Вѣдь это, кажется, первый долгъ каждаго, кто пріѣхалъ куда либо на службу.

Черезъ минуту я отворилъ дверь и вошелъ въ хорошенькую квартирку воспитателя первой семьи Сайкина. Онъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями.

— Батюшка! крикнулъ онъ, увидавши меня въ дверяхъ и всакаявая со своего кресла.—Какими судьбами?

— Да вотъ, говорю, зашелъ познакомиться, а кстати и поговорить о недоразумѣніяхъ, которыя, къ стыду своему, успѣлъ посѣять въ средѣ своихъ товарищей.

Сайкинъ отступилъ на шагъ и устремилъ на меня свои расходящіеся осями глаза, исполненный изумленія.

— Не-до-ра-зу-мѣній? спросилъ онъ.

— Да.

— Какихъ недоразумѣній?

— Вотъ сейчасъ директоръ сообщилъ, по поводу полевыхъ работъ.

— Что онъ вреть, старый песъ! Садитесь. Этому чорту дѣлать нечего, вотъ онъ и рычить.

Я остолбенѣлъ, но только на секунду. Проворство Сайкина, добродушіе его ко мнѣ тотчасъ же успокоили меня. Я рѣ-

шилъ, что все это мелочи и вступилъ съ нимъ въ бесѣду о дѣлахъ колоніи.

— Да что, батенька, я вѣдь не педагогъ, воскликнулъ онъ.
— Я больше на счетъ гимнастики, да шагистики. Вѣдь я прежде въ полку служилъ. Ну тамъ у меня исторія маленькая вышла, по казначейству и его суммамъ. Молодъ я былъ, неопытенъ. Меня сослали, потомъ простили, а теперь я занялся педагогическою. Только вѣдь я больше по любви къ дѣлу; а если вотъ, какъ докторъ, науки тамъ разныя привладныя выдумывать станеть, ну тутъ ужъ я пасъ, совсѣмъ пасъ. Тогда уйду. Это не по мнѣ! Не хотите ли чайку.

— Благодарю.

— Ну ромку, кофейку, водочки?

— Ничего, рѣшительно ничего! Такъ претензія о моемъ участіи въ полевыхъ работахъ не была заявлена вами? спросилъ я, поглядывая поспѣше на дверь.

— И ни, Боже мой! Помилуйте! Что мнѣ за дѣло? Вы такъ, мы этакъ, каждый по своему.

«Такъ-ли это?» мысленно спросилъ я себя.

— Такъ до свиданья, пойду еще въ поле. Очень мнѣ понравились эти работы дѣтскія.

— Да куда-жъ вы? винулся было удерживать меня Сайкинъ, но я вой-какъ успѣлъ отвертѣться.

Утѣшенный нѣсколько со стороны воспитателя, я все-таки остался полнымъ недоумѣніемъ по отношенію къ директору.

— Зачѣмъ все это сдѣлано? Неужели Сайкинъ ничего не знаетъ?

Я уже подходилъ къ полю, когда встрѣтилъ Сорова. Онъ четвертый разъ въ день, встрѣтившись со мною, свель долгомъ очень заботливо раселаняться.

— Господинъ Соровъ! остановилъ я его.

— Что угодно? спокойнымъ, увѣреннымъ голосомъ спросилъ онъ.

— Позвольте узнать, не было ли для васъ сколько нибудь неприятно мое участіе въ дѣтскихъ работахъ. Я слыхалъ, что... директоръ по крайней мѣрѣ заявилъ мнѣ, что гг. воспитатели и дядюшки остались очень недовольны тѣмъ, что я работалъ съ дѣтьми.

— А мнѣ что за дѣло? мрачно отвѣтилъ Соровъ. — Развѣ я не найду себѣ мѣста.

— Извините, вѣдь я пріѣхалъ совсѣмъ не для того, чтобы разгонять своихъ товарищей.

— Да что! Вѣдь вы хотите быть тутъ первымъ?

— Это мнѣ непонятно. Я о первенствѣ ничего не думалъ.

— Ну такъ и будьте первымъ, а я безъ мѣста тоже не останусь.

— Позвольте вамъ засвидѣтельствовать свое искреннее почтеніе, сказалъ я.—Я, второй день находясь въ колоніи, только одно, могу сказать, сдѣлалъ: совершенно потерялъ голову. Я, признаться, очень желалъ бы послужить дѣлу; но вѣдь если такъ пойдетъ дальше и мы займемся только одними придирками другъ къ другу, то едва-ли станеть у насъ времени на исполненіе обязанностей. Судя по себѣ, я могу сказать заранѣе, что у меня силъ на это не станеть.

— Да что мнѣ за дѣло до всего этого? Хотите оставайтесь, а я уйду.

— Я не могу такъ отнестись къ себѣ, холодно отвѣчалъ я.—Коль скоро я принялъ приглашеніе служить, то уходить изъ-за пустаго повода разумѣется не подумаю, а подожду пока мнѣ заявятъ прямой отказъ.

— До этого дождаться у насъ недолго, проворчалъ Соровъ. Я отвѣсилъ глубокой поклонъ и мы разошлись.

Однако я былъ взволнованъ и не рѣшился идти въ поле, а прошелся немного лѣсомъ.

«Неужели такого повода достаточно для того, чтобы поднятъ противъ себя людей? почти воскликнулъ я.—И что за судьба колоніи? Директоръ говоритъ, что никто не уживается здѣсь, ссорятся. Однако я самъ лично ни на кого не обидѣлся; обидѣлись на меня, обидѣлись моимъ невиннѣйшимъ поступкомъ. Какъ это странно! Остается мнѣ самому обидѣться и уйти. Но это было бы малодушіемъ. Нѣтъ, надо потерпѣть... Болѣе всего странна кажущаяся пассивность, подчиненность директора, и кому же? вапризамъ дядьки. Можетъ быть это все друзья, родственники директора». Я терялся во всевозможныхъ догадкахъ и, начавши дѣлать визиты, вспомнилъ о докторѣ. «Что можетъ помѣшать мнѣ сдѣлать и ему визитъ?» подумалъ я. Но пока я успѣлъ собраться къ нему, прошелъ день, другой, третій, четвертый и, кажется, десятый. За это время совершилось много событій.

Я не пошелъ въ поле, а, погулявши въ лѣсу и усвоившись, побрелъ домой. Тихій шелестъ деревьевъ невольно развѣваетъ и разсѣваетъ мысли. Подходя къ своему семейному домику, я уже не чувствовалъ волненія, а только раздумывалъ о сложности и трудности взятаго мною на себя дѣла.

При входѣ въ сѣни я былъ удивленъ господствовавшимъ въ воздухѣ запахомъ: мнѣ послышался чадъ пригорѣлаго мяса. При моемъ появленіи, изъ ретираднаго мѣста высочилъ, какъ угорѣлый, съ выпученными глазами, дежурный воспитанникъ, остававшійся въ семьѣ одинъ, и исчезъ въ семейной комнатѣ. Вхожу по стопамъ и останавливаю его. Мальчику лѣтъ семнадцать. Это былъ Каблуковъ. Я подозвалъ его. Онъ приблизился и сталъ шага на два отъ меня, съ смущенной физиономіей и какъ-то особенно ловко подбирая животъ въ себя. Онъ не дышалъ. Я сдѣлалъ ему на встрѣчу шагъ и подошелъ очень близко. Смущеніе его возрастало.

— Ты куриль? спрашиваю.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ отрывисто, но не грудью, а больше ртомъ.

— Врешь, — говорю, — дыхни на меня!

Подношу носъ къ самому его рту. Онъ дыхнулъ, но не на меня, а опять въ себя.

— Нѣтъ, говорю, меня не проведешь! и я поймалъ его за ребро. Онъ сразу, всею грудью дохнулъ на меня, даже взвизнулъ слегка.

— Ну какъ же не куриль? Куриль и еще врешь. Зачѣмъ обманываешь? Говори, куриль?

Молчить. Поблѣднѣлъ. Видно, что у мальчишки совѣсти нѣтъ, а страхъ есть. Значить еще исправимый.

— Говори же, куриль?

— Не говорите, господа, директору...

— Какъ же не говорить? спрашиваю. — Значить и меня, своего воспитателя, ты учишь обманывать директора. Если меня учишь, такъ научишь и другихъ товарищей своихъ лгать и обманывать.

— Никакъ нѣтъ, я не учу обманывать... никого.

Я всталъ, принесъ уставъ колоніи и показалъ ему § 3, п. в, по которому за неоднократно повторявшееся куреніе отсылаются въ отдѣленный домикъ.

— А ты не только обманулъ меня, сказавши «не куриль», но еще учишь меня обманывать директора. А скажи, откуда табакъ взялъ?

Поблѣднѣлъ еще больше, даже пошатнулся.

— Чего блѣднѣешь? спрашиваю. — Говори! И я вспомнилъ, что оставилъ квартиру свою незапертою.

— У меня взялъ? укралъ? Говори!

Молчить.

— Говори? укралъ?

Блѣдное лицо стало подергивать судорогами. Колѣна преступника дрожали, глаза повраснѣли.

— Не говорите, гос... по... динъ, директору, прошенталъ онъ.

— Не могу не сказать. Ты вотъ признайся сначала: который разъ попадаешься въ куреви?

— Кажинный разъ, почитай, прошенталъ онъ, горько махнувъ рукою и пошолъ, положивъ ее на животь.

— Однако, сколько?

— Разовъ пятьдесятъ.

— А за это что тебѣ было?

— Всячески... то въ уголь, то безъ обѣда, то безъ ужина, то въ варцеръ на хлѣбъ на воду.

Вижу, что значить прошелъ, малый, огонь и воду и мѣдныя трубы. Не даромъ трусить.

— Ну, а воровалъ часто?

Молчить.

— Говори!

— Тоже бывало. То у дадюшки, то у воспитателя. Разъ висеть съ табакомъ у плотника стянулъ, тоже.

— Поймали?

— Поймали.

— Что было?

— На хлѣбъ, на воду.

— Ну, а теперъ ко мнѣ въ комнату забрался. А? Хорошъ? Подумай только: куришь, обманываешь, учишь обманывать и воруетъ.

— Не говорите, господинъ, директору.

— Не сказать не могу, а ужъ тамъ самъ попроси его. Тутъ, знаешь, порядки строгіе. Пойдемъ!

Что дѣлать? Безнравственность юноши выражена очень ярко. Прости теперъ, нотомъ не обернешься хлопотъ. Лучше разомъ задать ему трезвону, ну и вышволимъ.

— Ты за что—спрашиваю дорогою—сосланъ въ колонію?

— Я не преступникъ, отвѣчаетъ.

— А кто же ты?

— Я изъ воспитательнаго дома. Я, какъ маленькій былъ, баловалъ очень, ну меня суда и сплавил.

— А здѣсь ты исправился?

— Да я, какъ привезли меня, баловатъ бросилъ. Тогда у насъ былъ директоръ г. Г. Хорошій онъ былъ!..

— Ну, а курить когда же научился? перебилъ я.

— Курить я разъ было бросить, а потомъ опять научился, и вотъ ужъ не могу отстать... никакъ.

Входимъ въ кабинетъ. Директоръ стоялъ у стола и по обыкновенію умывалъ руки.

— Вотъ курящій, объясняю. — Сегодня онъ дежурный и оставался дома. Во время моего отсутствія забрался ко мнѣ въ комнату, стащилъ табакъ и накурился.

Директоръ остановился и устремилъ на насъ по очереди расходящійся взоръ. Казалось онъ разомъ увидѣлъ и меня, и моего спутника.

— Ахъ, Каблуковъ, Каблуковъ! укоризненно началъ онъ. — Когда ты бросишь эту ужасную привычку? Если-бы ты могъ представить, какъ она гибельна для здоровья? И притомъ, подумай: вѣдь, тебѣ надо прокурить мало-мало 12 р. въ годъ. А, вѣдь, это цѣлыя подати! Понимаешь ты это?

— Я не буду больше, г. директоръ.

— Да, вѣдь, это мы не въ первый разъ слышимъ. Вѣдь ты мнѣ давалъ клятвенныя обѣщанія не курить. А вотъ опять попался. Ужъ и наказывали тебя, и грозили, и честью просили, ты все-таки продолжаешь. Вотъ, наконецъ, въ воровствѣ сталъ попадаться. Оно тебя, это желье табачное, загубить другъ милый, въ конецъ загубить. Думалъ ли ты, Каблуковъ, объ этомъ когда нибудь? А! Скажи? думалъ?

— Думалъ, г. директоръ.

— Ну в что же? опять курить началъ, да еще воровать. Нѣтъ, это невозможно! Это невозможно! Я ожидалъ отъ тебя полного исправленія, ты во всемъ таковой хорошій былъ мальчикъ, никогда не воровалъ, а теперь вдругъ, на! и своровалъ. Да когда же это? Теперь!.. сейчасъ!.. ушамъ своимъ не вѣрю. Вѣдь ты-же никогда не воровалъ, а теперь вдругъ, словно тебя въ два какихъ дня свихнуло.

Я вытаращилъ глаза отъ изумленія. Слова директора очевидно клонились ко мнѣ.

— Г. директоръ, онъ и раньше попадался въ воровствѣ табакъ, воскликнулъ я.

— Когда? удивился директоръ.

— Каблуковъ, спрашиваю, когда ты кисеть утащилъ?

— Кисеть? Да это ужъ два мѣсяца тому назадъ.

— Ну да, двинувъ плечами, подтвердилъ директоръ, — а послѣ того ничего не бралъ. А теперь вотъ вдругъ и проворовался.

— Г. директоръ, я позволяю себѣ замѣтить, что вѣроятно не эти именно два дня были причиною его проступка, а такъ

какъ склонность курить свойственна Каблукову, то и онъ воспользовался лежавшимъ табакомъ.

— А если-бы табакъ не лежалъ у васъ въ комнатѣ? вдругъ проговорился директоръ.

— Ну, онъ бы могъ взять деньги.

— Да что могъ бы онъ взять, это совсѣмъ другое дѣло, а теперь онъ укралъ табакъ, меланхолически проговорилъ директоръ, опуская голову. — Отведите его въ карцеръ. Ступайте! проговорилъ онъ, тономъ министра, кончившаго выговоръ чиновнику, и махнулъ рукою.

Паша! султанъ! едва не сорвалось у меня, но я впрочемъ былъ только удивленъ и потому удержаться мнѣ ничего не стоило.

— А Селедкинъ еще сидитъ? спросилъ директоръ.

— Сидитъ.

— Ну такъ этого въ другой карцеръ.

Мы съ Каблуковымъ вышли на крыльцо. Ужасно неприятная обязанность отводить дѣтей въ карцеръ. Черезъ всю колодедю иди съ нимъ. «Воспитывать малолѣтнихъ преступниковъ едва-ли мнѣ по силамъ! думалъ я. Обязанности непривычныя, новыя, и вотъ, два дня, а я уже втораго мальчика увожу въ семью. Ба-а! вспомнилъ я, — а вчера еще одного, прямо съ поля отвели. Эдакъ, пожалуй, и мѣста не будетъ».

Входимъ въ «отдѣленный», тамъ суета. На встрѣчу мнѣ выскочилъ косоглазый Мамосѣвъ, вѣчный обитатель отдѣленнаго домика.

— Селедкинъ помираетъ, скороговоркою сообщилъ онъ. — Обморокъ, рвоты были, а теперь совсѣмъ блѣдный.

Я торопливо вошелъ въ семейную комнату. Возлѣ кровати, на которой лежалъ распростертый Селедкинъ, стоялъ докторъ, мрачный какъ туча.

— Что съ нимъ? спросилъ я.

— Обморокъ.

— Отчего?

— Анемія.

— Что же это? простудился? глупо потерявшись, опять спросилъ я.

Докторъ взглянулъ на меня.

— Отъ голодной діеты обморокъ! какимъ-то металлическимъ голосомъ сказалъ онъ и медленно вошелъ въ отворенный карцеръ.

Я послѣдовалъ за нимъ. На полу, въ карцерѣ, возлѣ скамеечки лежалъ армякъ Селедкина, а рядомъ съ армякомъ рвота,

какая-то странная: немножко хлѣба (видно не ѣстѣя въ одиночествѣ) и цѣлая лужа слезы. Фу! гадость какая! и запахъ отъ нея желудочный... Меня затошнило. Я не могу видѣть человѣческой рвоты, душу воротить, а докторъ наклонился, разсматриваетъ ее, чуть что на языкъ не возьметъ попробовать. Вотъ люди, эти доктора, сущіе звѣри! Никакого чувства нѣтъ у нихъ.

— Что же съ нимъ теперь дѣлать будете? спрашиваю.

— Вы видите какъ здѣсь душно, вмѣсто отвѣта сказалъ докторъ:—варцерь рядомъ съ отхожимъ мѣстомъ, безъ точки, безъ вентиляціи, небольшого размѣра, а ночь холодная, все это въ совокупности съ неизвѣстнымъ мнѣ, но навѣрно испытаннымъ нравственнымъ потрясеніемъ ребенка вызвало у него припадокъ.

Мы вышли въ семейную комнату. Селедкинъ лежалъ, уже отерывши глаза. Взглядъ его былъ тусклый, безцвѣтный, на рѣсницахъ дрожали двѣ слезинки и самъ онъ весь трепеталъ легкою дрожью, какъ подстрѣленная птичка въ самый послѣдній мигъ смертной агоніи.

— Какъ твое здоровье? наклонился я къ нему.

Онъ не отвѣтилъ мнѣ, не взглянулъ на меня, а смотрѣлъ неподвижно на открытую дверь. Съ длинными черными рѣсницами, выдающимися какъ у восковой фигурки, онъ и походилъ теперь на нее, только губы его трепетали какъ листочки.

— Видишь, какъ нехорошо сердиться, сказалъ я, чувствуя, что глотаю что-то и голосъ у меня дрожить.—Надо быть умнѣе, послушнѣе, тогда и болѣть такъ не будешь, настаивалъ я.

Селедкинъ ничѣмъ не отзывался на мои теплыя, задушевные слова. Только щеки его чуть-чуть вспухнули, губы дрогнули, на глазахъ сверкнули слезы и скатились по щекамъ.

«Кается»! благоговѣнно подумалъ я.

Подожелъ докторъ, тоже наклонился къ нему, погладилъ по головѣ и крѣпко поцѣловалъ красивый лобъ мальчика.

— Успокойся, говоришь:—сейчасъ тебѣ вина дамъ; покушать хочешь?

Селедкинъ отрицательно покачалъ головою и повернулся къ доктору. Глаза у него какъ-то странно искрились. Онъ зашевелилъ губами. Докторъ наклонился. Селедкинъ указалъ на меня головою.

— Пусть онъ... вотъ тотъ уйдетъ! слышался мнѣ ядовитый, пронизывающій душу шопотъ.

Я похолодѣлъ.

— Не надо, сказалъ докторъ, глядя его по головѣ. — Онъ добрый, зла тебѣ не желаетъ. Успокойся! Сейчасъ я тебя въ лазаретъ возьму.

Лицо мальчика поблѣднѣло, онъ стиснулъ зубы и замоталъ слегка внизъ и вверхъ головою. Докторъ взялъ его на руки и вынесъ на крыльцо. Вдругъ что-то словно ножомъ рѣзнуло меня по сердцу. Дядька отдѣленного домика задвинулъ задвижку только что прибраннаго карцера. Я шагнулъ впередъ, взялся руками за столъ и, чтобы скрыть смущеніе, наклонился къ лежавшей на столѣ книгѣ. Оглянувшись черезъ минуту, я увидѣлъ Каблукова, который стоялъ возлѣ печки, опустивъ глаза въ землю. Я сѣлъ на скамью и обратился къ дядюшкѣ.

— Директоръ приказалъ Каблукова посадить въ карцеръ! сказалъ я.

— Такъ чего-жъ ты? удивленно сказали дядька, — пойдешь!

Я быстро всталъ и вышелъ въ полисадникъ домика, чтобы не видѣть и не слышать.

Нѣтъ, я не педагогъ. Другое дѣло у меня въ деревнѣ мальчишка напалить, въ сердцахъ возьмешь его, дернешь за ухо, а потомъ самому же жалко становится. Но здѣсь другое дѣло: тутъ нужна строгая, драконовская система, исполненіе которой надо предоставить какимъ нибудь автоматамъ безъ души и разума. А мнѣ жалко становится этихъ дѣтшекъ. Притомъ здѣсь нѣтъ личной инициативы воспитателя. Въ глазахъ директора воспитатель или дядька значатъ одно и тоже. Руководить дѣломъ, какъ выжется онъ одинъ. Онъ выработалъ цѣлую систему наказаній, комитетъ утвердилъ ее, какъ значилось въ отчетѣ, — ему и книги въ руки. Но можетъ быть минутная слабость моя не имѣетъ никакого общечеловѣческаго интереса. Вѣдь не робѣтъ хирургъ, приступая къ операциі... Это отличная мысль, однако. Зачѣмъ же робѣтъ педагогу и смущаться передъ ужасомъ толпы, если онъ ведетъ дѣло въ той же великой цѣли оздоровленія, какъ и медикъ. Тамъ физическое, а у насъ нравственное обновленіе. Ребенокъ можетъ быть поболѣеть, можетъ быть покичиться, а потомъ станетъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Много физическихъ и нравственныхъ страданій — за то мы изъ этихъ преступниковъ получимъ гражданъ. Нѣтъ, докторъ что ни говори, а у насъ, у педагоговъ, есть своя правда, которую можетъ понять не медикъ, не архитекторъ и никто другой, а только педагогъ. Это своя специальность. Въ ту пору, напримѣръ, когда медикъ предложитъ рюмку водки, педагогъ найдетъ предложить кое-что другое».

Подъ влияніемъ этихъ размышленій, я приободрился и почувствовалъ, что теперь встрѣтить доктора мнѣ не особенно страшно и что защищаться возможность есть. Мало того, даже трудно представить себѣ, чтобы нашлись логическія противорѣчія такимъ взглядамъ.

Эти дни я занимался семейными книгами, разлиновывая страницы отчетной книги по мастерской, и просматривалъ прошлыя данныя о поведеніи дѣтей. Замѣтно, что эти наблюденія не входятъ въ кругъ интересовъ, занимающихъ директора. Такъ какъ онъ все старается забрать въ свои руки и никому не даетъ простора, то все охотно отказывается отъ дѣла и дѣлаютъ только то, что имъ прикажутъ. Вникнуть же во все тонкости такого сложнаго учрежденія, постоянно помнить о нихъ, контролировать каждую мелочь на дѣлѣ, — какъ оказывается, невозможно. Да и въ чему? Въдѣ самолюбіе только и требуетъ этого. Человѣкъ, помешавшій быть самодуромъ, поставившій свою волю выше всего остальнаго, долженъ быть непрактичнымъ, ослѣпленнымъ человѣкомъ. Онъ идеалистъ, обмазывающій себя и другихъ. Только его личная ограниченность можетъ быть оправданіемъ и причиною такого ослѣпленія, которое поддерживается лестью, подслуживаніемъ и ложью приближенныхъ. Тщеславіе и честолюбіе дѣлаются единственными рычагами общей жизни и дѣятельности, въ ущербъ всякой истинѣ и справедливости. Каждый, кто сумѣлъ польстить директору-самодуру, ободрить падающій духъ его въ минуты круженій, надо пристроить, обезпечить, дать ему средства существовать, какъ человѣку полезному. Такимъ образомъ создается множество дармоводовъ; административный организмъ, разрастаясь до колоссальныхъ размѣровъ, давить и душить все, для чего онъ существуетъ, и превращается въ громаднаго паразита, блистающаго золотистыми чешуйками. Присмотрѣвшись къ жизни колоніи, я приведенъ былъ къ этимъ мыслямъ множествомъ фактовъ. Директоръ являлся госнодствующею особою и держалъ себя какъ деспотъ; ему подчинялись воспитатели и дядьки; но эти, въ свою очередь, не ограничивали административнаго строя: въ каждой семьѣ были старшіе ученики, которыхъ дѣти должны были во всякомъ случаѣ слушаться, и кромѣ того были дѣти, пользовавшіяся довѣріемъ директора, воспитателей и дядекъ, которые, въ свою очередь, хитро подлаживались къ духу требованій и запросовъ администраціи, втирались въ составъ ея, пользовались нѣкоторыми, не означенными и нигдѣ не прописанными льготами, побрякками и имѣли свое собственное влияніе. Равенства не было, была по-

слѣдовательная ступень выраженія права господствовать надъ другими. Всѣ являлись господами, ничего не хотѣли дѣлать и только наблюдали другъ за другомъ, не перешагнувъ ли кто своего права господства. Такъ, въ этомъ крошечномъ гнѣздѣ, гдѣ было всего 90 мальчиковъ, собрался административный организмъ, состоящій изъ 1 директора, 4 дядекъ и 4 воспитателей, 1 помощника воспитателя, 1 священника, 1 доктора, 1 фельдшера, 1 агронома, 1 бухгалтера, 1 регента, 4 мастеровъ, которые, кромѣ сапожника, вѣчно занятого, ничего не дѣлали втеченіи всего времени, когда шли полевые работы; кромѣ того, имѣлся 1 огородникъ, 2 рабочихъ на фермѣ, 1 кучерь, 1 свотникъ возлѣ коровъ, дѣсникъ, поварь, скотница, кастеляница, 2 прачки. Весь этотъ народъ косвенно или непосредственно долженъ былъ служить идеѣ, что самодуръ-директоръ, будучи отвѣтственнымъ лицомъ за дѣла колоніи, одинъ управляетъ со всѣмъ и со всѣми. Такъ, если мимо дѣсника или рабочаго пробирается тихонько убѣжавшій ученикъ изъ колоніи, то увидѣвшій его считаетъ долгомъ изловить и доставить.

— Ты какъ же это убѣжалъ? Развѣ ты право, на это имѣешь? спрашиваетъ дѣсникъ.

— Пустите, дядинька, говорить мальчикъ, — я вѣдь только по ягоды вышелъ.

— Нѣтъ, братъ, врешь, меня не проведешь. Пойдемъ въ дилектору.

— Пусти, чертъ бородатый! восклицаетъ мальчикъ, чувствуя приливъ самостоятельности, но, уступая силѣ, наконецъ подчиняется и идетъ въ дилектору.

Такъ, на 90 мальчиковъ болѣе тридцати человекъ служащихъ и при этомъ колонія, уничтожая всѣ свои доходы, всѣ произведенія, затрачиваетъ еще 50,000 р. въ годъ, при готовомъ сверхъ того помѣщеніи. Но она все-таки не удовлетворяется даннымъ персоналомъ администраціи и вводитъ въ кругъ его всѣхъ, хорошо заявившихъ себя дѣтей. Каждый, стоя возлѣ своего крошечнаго дѣла, путается въ тинѣ неумолкаемыхъ передрагъ, — потому что, какъ заявилъ директоръ, всѣ ссорятся между собою, — и изъ всѣхъ силъ старается тѣмъ или другимъ способомъ понравиться директору-самодуру и пѣть неустанно хвалебную пѣсню: «ты одинъ возлѣ Бога, а мы всѣ возлѣ одного тебя!» Не смотря на всѣ эти благія размышленія, я противъ воли втягивался въ этотъ сумбуръ общей путаницы и беспорядковъ. Я никакъ не могъ разобраться въ своихъ обязанностяхъ. Что именно мнѣ надо дѣлать? Слѣдить за

тѣмъ, чтобы дѣтей моей семьи не коснулся соблазнъ житейскаго міра, чтобы они вели себя чинно и благопристойно, воздерживать ихъ отъ сквернословія и распрей междоусобныхъ, чтобы была тишина, чтобы въ рукахъ дѣтей было какое нибудь дѣло и чтобы они всегда были заняты и духовно, и физически? Я ходилъ съ ними на работы, ходилъ съ ними на прогулки. Но все это не удовлетворяло меня, потому что я хотя и былъ съ ними перазлученъ, начиналъ понимать дѣтей психологически; но можно-ли назвать мое безучастное присутствіе дѣломъ? Дѣти работаютъ, я стою и смотрю (не смѣю принять участіе въ дѣлѣ, моя обязанность «смотреть!»); дѣти играютъ, я стою и смотрю (если не могу работать, то и играть съ ними нельзя, потому что заиграю я, всѣмъ играть надо!), боюсь предать власть свою. Тоже дѣлаетъ мой дядька, тоже дѣлаетъ и мастеръ. Что дѣлать другому мастеру, какъ не ограничиваться наблюденіемъ за работами учениковъ надъ моделями, т. е. надъ выдѣлываніемъ самыхъ простыхъ брусочковъ, уголковъ, шлифованія металлическихъ пластинокъ и т. д., при этомъ систематическомъ, наглядномъ обученіи мастерству. Стоимъ и смотримъ, смотримъ и стоимъ... Все развлеченіе, все разнообразіе заключается въ капризахъ и ссорахъ дѣтей. Это раздражаетъ каждого, но и оживляетъ... Дѣти отлично научились этимъ пользоваться... Работа въ полѣ состоитъ тоже въ одномъ смотрѣніи: смотрятъ дежурный воспитатель и дядьки. На огородѣ немножко иначе: тамъ смотрятъ воспитатель, дядьки и огородникъ. Эта тяжесть бездѣятельности начинала подавлять меня; я незамѣтно для самого себя сталъ уклоняться отъ «наблюденія», предоставляя его одному дядькѣ, и являлся на свой постъ лишь въ критическія минуты криковъ, драки и раздоровъ. Когда ссоры дѣлались неумолкаемыми, связывались въ одну общую дѣль, «систему», тогда я торчалъ возлѣ дѣтей неотлучно; но когда ссоры затихали, прятались,—прятался куда нибудь и я. Прятался я обыкновенно лозко, мошеннически, всегда имѣя дѣлаю кучу оправданій для своей отлучки; но во всякомъ случаѣ я чувствовалъ себя оторваннымъ отъ ирреальной, честной, трудовой жизни, и чѣмъ чаще дѣлались ссоры между дѣтьми, тѣмъ злѣе, беспощаднѣе и придирчивѣе умѣлъ я расправляться съ ними. Сознаніе несправедливости пробуждалось и вставало во мнѣ съ необычайною, потрясающею силою и я, наконецъ, сталъ искать выхода изъ этой мертвящей жизни. Все это продумалось мною на первыхъ порахъ, втеченіи первыхъ десяти дней.

На второй день заточения Каблукова, передъ вечеромъ, вбѣжалъ Жилкинъ и сообщилъ, что Каблукову дурно.

— Обморокъ? рвота? спросилъ я.

— Да, да, многозначительно сказалъ Жилкинъ, разводя руками и съ большимъ оживленіемъ. — У него обморокъ и того... какъ это?.. рвота, вспомнилъ онъ, запыхавшись. — Докторъ, дилекторъ тамъ и всё, всё...

— Кто-же еще? спросилъ я, торопясь въ отдѣленный и напутствуемый Жилкинымъ.

— Да всё, всё рѣшительно, сказалъ онъ, тараща на меня свои узенькіе глаза.

Когда мы приближались къ домику, въ намъ выскочилъ еще одинъ мальчикъ, подбѣжалъ и сообщилъ мнѣ, что «дилекторъ приказалъ вамъ идти туда, въ отдѣленный».

— Скажи, что иду, отвѣтилъ я.

Онъ кинулся назадъ, но едва отбѣжалъ шаговъ на десять, намъ Жилкинъ, поднявши плечи и собравшись какъ-то съ духомъ, вдругъ обливнулъ его.

— Эй ты, какъ тамъ тебя! закричалъ онъ сильнымъ голосомъ.

Тотъ остановился и обернулся къ намъ.

— Такъ ты, слышь, скажи дилектору, что Петръ Ивановичъ идетъ!

— А тебѣ что за дѣло! прикрикнулъ я на Жилкина.

Тотъ осовѣлъ и, наклонивши внизъ голову, пробурчалъ что-то сердито.

— Пошелъ въ семью! командовалъ я.

Жилкинъ остановился и посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Я въ «отдѣленномъ» теперь нахожусь.

— А зачѣмъ-же ты былъ, въ такомъ случаѣ, въ нашей семьѣ? удивился я.

— А такъ, ходилъ васъ посмѣрѣть.

Сердиться было некогда. Я сказалъ какую-то угрозу и вошелъ въ домикъ. Въ семейной комнатѣ была давка, но не потому, что сошлась вся колонія, а потому что дѣти возвратились съ работы и вмѣстѣ съ пришедшими — докторомъ, директоромъ, мною и Каблуковымъ биткомъ набили комнату и толкались другъ о друга. Вокругъ доктора и Каблукова былъ вужовъ. Я пробрался впередъ. Каблуковъ, выведенный изъ карцера и посаженный на постель, имѣлъ очень встревоженную физиономію.

— Что-же это такое? спросилъ директоръ доктора.

— Притворство, симуляція, отвѣчалъ тотъ равнодушно.

— А рвота?

— Рвота искусственная.

— Развѣ это возможно? усомнился директоръ.

— Очень просто... пальцами, объявили, всулапъ.

Каблуковъ изъ всѣхъ силъ старался показать видъ, что ему плохо. Но доктора, видно, нельзя было провести. Замѣтно тоже, что человекъ онъ справедливый. Каблукова опять заперли въ карцеръ. Мы разошлись во свояси.

— Что ему обманывать вадумалось? слышались вопросы. — А, вѣдь, не случись доктора, надулъ бы, наналья, какъ пить даль! Бездѣльникъ! Однако хорошъ и докторъ... узналъ, выручилъ.

На другой день Каблукова выпустили, потому что напелся новый кандидатъ для карцера. Совершилось отвратительное событіе. Нѣсколько мальчиговъ, какъ говорили, главнымъ образомъ Жилкинъ, убили собаку Жучку, но не просто убили, а живую закопали въ землю и заживо похоронили. Она издохла. Въ тотъ же день я видѣлся съ Жилкинымъ и онъ самъ разсказалъ мнѣ эту исторію.

— Мы съ Жучкомъ играли, а онъ возьми и укуси меня за руку. Ну, того, какъ этого?.. Онъ завсегда кусается, не то чтобы взаправду какъ, а просто, значитъ, кусается. Вотъ онъ и говоритъ...

— Кто онъ? спрашиваю.

— Красавчиковъ.

— Такъ ты не одинъ игралъ?

— Нѣтъ. Я игралъ, Красавчиковъ (16-ти лѣтній парань), Кедрышкинъ и тотъ, какъ это?.. Замковъ.

— Ну?

— Вотъ онъ и говоритъ: чего она кусается? Давай ее убьемъ. Нѣтъ, говорить, давай ее закопаемъ.

— Кто говорить?

— Замковъ?

— Ну?

— Тутъ яму выкопали (Жилкинъ начинаетъ смѣяться), въ яму ее засунули, да землю засыпали, а потомъ камень положили (смѣется). Послѣ ужъ я камень отвалилъ, поглядѣлъ ее, она сдохши. Тутъ я ее на руки взялъ и понесъ ее подъ гору, а тотъ, какъ его? воспитатель, и увидалъ меня.

Я содрогнулся при видѣ этого простодушнаго веселья. Что изъ него будетъ, изъ этого Жилкина? Звѣрь. На части разорвать этого чертенка!

— А еще ты убивалъ когданибудь собакъ? спрашиваю.

— Собакъ нѣтъ, а вотъ кошку убили разъ.

— Когда же это?

— А у насъ въ семьѣ кошка была. Ее кто-то-съ пришибъ, такъ она ползла мимо семьи; воспитатель и говорить: возьмите, — говорить, — чего ей мучиться? убейте лучше. Я взялъ, въ кусты снесъ и...

— Довольно! довольно! вскричалъ я.

Жилевинъ отскочилъ прочь.

Жилевинъ однако что-то часто пошаливаетъ. На-дняхъ его посадили въ карцеръ и онъ выбилъ раму со стеклами. Его отвели въ лазаретъ.

Послѣ ужина дѣти сидятъ часа два и занимаются, кто чѣмъ умѣетъ. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда дѣти сидѣли въ семьѣ, а я пилъ у себя чай, до меня донеслись слова ихъ разговора, который они вели; вовсе, повидимому, не думая о томъ, что я ихъ могу слышать!

— Кто лучше? Ты самъ знаешь кто лучше! вдругъ послышался ясный, отчетливый голосъ. — Докторъ лучше.

— Эхъ, докторъ! взвизгнулъ еще голосъ. — Душа-человѣкъ, докторъ!

— Да это... извѣстно душа-человѣкъ! Ему что ни расскажешь, все выслушаетъ, разберетъ.

— Успокоить тоже.

— Да, успокоить.

— Я, братцы мои, скажу, — вѣрьте не вѣрьте, мнѣ все одно, — а никто еще такъ словомъ не донималъ меня, какъ докторъ. Какъ подошелъ, слово какое сказалъ, такъ злость твоя иххх! куда отлетѣла.

— Иной разъ даже смѣшно станеть, какъ скажетъ. Ей Богу!

— И не ругается.

— Кто? Докторъ?

— Докторъ не ругается, это вѣрно. А вотъ регентъ по головѣ въ церкви меня такъ вдарилъ.

— А въ меня плюнулъ, братцы мои. Вотъ тѣ Христось!

— Да, да, въ него плюнулъ. Я видѣлъ, самъ видѣлъ.

— Да чего ты? Всѣ видѣли.

— А мнѣ, послышался солидный альтовый голосъ, — мнѣ онъ въ бокъ камертономъ двинулъ. Надо было до вытянуть, а я прямо и-и-и какъ взвизгну...

Послышался смѣхъ.

— Ну, ты... А ужъ попадетъ ему отъ когонибудь.

— А отъ кого? Ну, отъ кого? Говори отъ кого?

— Да чего ты присталь?

— А ты не говори... Услышать — на хлѣбъ на воду, дурава, посадятъ.

— Дурава!.. На хлѣбъ на воду!.. За кого это?

— Да за регента.

— За регента. Поди къ чорту, дьяволь этакой!

— Чего ты ругаешься?!

— А ты чего дуракомъ лаешься?!

Послышалась возня.

— Тише-е! заорать я во все горло, вылетая въ семейную.

Дѣти притихли.

— Что? что? что? вполголоса слышались подзадоривающіе вопросы.

Эти чертенята, положительно, замышляютъ что-то!

Личность доктора начинала меня еще сильнѣе интересовать. За это время, пока я собрался къ нему, я уже ознакомился почти со всеми дѣтьми колоніи. Между ними были весьма интересные типы. Особенно хороши были Макошевъ и Канунинъ. Макошевъ былъ наша мѣстная ежедневная газетка. Какъ онъ доводится до чего — про это одинъ Богъ знаетъ; но только первымъ вѣстникомъ всякой новости являлся обыкновенно онъ. Въ какой семьѣ кто крупно поссорился съ кѣмъ, подрался, — это онъ непременно знаетъ и считаетъ долгомъ сообщить каждому свою новость; въ этомъ собственно нѣтъ ничего удивительнаго. Но онъ знаетъ, какъ провелъ ночь директоръ, послали ли отъ него за докторомъ, кто въ семьѣ дежурный и кто дежурить изъ воспитателей. Иногда кажется, что онъ говоритъ на-угадъ, а между тѣмъ онъ не ошибается.

— Гдѣ ученикъ Волчакинъ? спрашиваютъ на работѣ въ полѣ перваго понавшагося мальчика.

— Волчакинъ? Волчакинъ теперь, поди, въ углу стоитъ гдѣ-нибудь, наказанъ, отвѣчаетъ Макошевъ, находясь не менѣе какъ шагахъ въ сорока.

Кромѣ этихъ талантовъ онъ обладалъ еще и другимъ. Никто такъ хорошо не умѣлъ поссорить между собою двухъ товарищей, какъ Макошевъ. При этомъ его востренькая, лисья физиономія озарялась торжествомъ и насмѣшливымъ довольствомъ. Онъ лязгаетъ, иногда хлопаетъ въ ладоши, подзадориваетъ еще и еще. Попадало и ему, но, можно съ увѣренностью сказать, очень рѣдко. Онъ умѣлъ овладѣть собою, въ критическую минуту обнаруживалъ необыкновенную находчивость, а когда начинался надъ нимъ судъ, выходилъ правъ изъ всѣхъ обвиненій, какими его старались одолѣть. Тѣмъ не менѣе директоръ и

воспитатели отлично съумѣли оцѣнить его дарованія и Мако-сѣевъ не выходилъ изъ отдѣленнаго домика. Сначала его пере-водили изъ одной семьи въ другую, но онъ успѣлъ поднять про-тивъ себя все товарищество. Уловивши слабыя стороны каждаго изъ нихъ, онъ хваталъ дѣтей за самыя больныя мѣста, и наконецъ такъ назывилъ каждаго, что рѣдкое слово, сказанное имъ, не ка-залось или двусмысленнымъ намекомъ, или прямо обиднымъ.

— Какъ твоё здоровье? спрашиваетъ онъ одного мимоходомъ.

— А тебѣ что? уже ошеенивается тотъ.

— Да я такъ.

— Чего такъ? Проходи!

Мако-сѣевъ считаетъ долгомъ остановиться.

— Хвельшеръ, свазываютъ, трубу пожарную привезъ.

— Зачѣмъ?

— Клепиръ тебѣ ставить: видишь брюхо: тебѣ расперло.

Тотъ замахивается, Мако-сѣевъ высовываетъ языкъ и убѣ-гаетъ.

Иногда онъ кажется задумчивымъ и тихимъ, спохватно вхо-дитъ въ какую-нибудь семью, застаётъ дѣтей за столомъ, под-ходить къ нимъ и вдругъ обращается къ одному изъ малень-кихъ, но самыхъ задорныхъ забіякъ.

— Ты слыхалъ? спрашиваетъ онъ.

— О чемъ? оживаетъ тотъ.

— Эко дуракъ! укоризненно говоритъ Мако-сѣевъ, облака-чиваясь локтями рядомъ съ нимъ и опускаясь головою на руки.

— Чего-жъ ты ругаешься! Самъ дуракъ.

— Болванъ этакой, какой же я тебѣ дуракъ?

— Чего ты присталъ, всмхиваетъ тотъ; но Мако-сѣевъ дер-гаетъ разомъ за уши двухъ его сосѣдовъ и бѣжитъ къ стѣнѣ, гдѣ висятъ чьи-нибудь вышпленныя рамки.

— Чьи рамки? кричитъ онъ, поднося къ нимъ руку.

Обиженные вскакиваютъ, поднимаются и тѣ, чьи рамки. При крикахъ: «Оставь! Болванъ, дуракъ, Мако-сѣевъ!» и т. д. слышится страшная возня. Воспитатель, оторванный отъ дѣла, вылетаетъ изъ своей комнаты.

— Тише! реветъ онъ бѣшеннымъ голосомъ и топаетъ ногами.

Толпа разсыпается, Мако-сѣевъ первый выходитъ съ жалобой.

— Ты зачѣмъ здѣсь? кричитъ воспитатель.

Мако-сѣевъ нѣсколько обиженнымъ тономъ и съ достоинствомъ сообщаетъ слѣдующее:

— Я, г. воспитатель, пришелъ спросить у N. слыхалъ ли онъ, что ему завтра воду возить?

Всѣ поражены неожиданнымъ и очень важнымъ вопросомъ. Водить воду не всегда пріятно. Инымъ это нравится, другимъ нѣтъ, и вопросъ всегда интересенъ для каждаго. Одни желаютъ воспользоваться льготою водовозовъ, которые, кончивши развозить воду, считаются втеченіи дня свободными отъ всѣхъ другихъ занятій; а другіе избѣгаютъ этого тяжелаго труда, начинающагося съ ранней зари. Водворяется спокойствіе, возникаютъ выборы, споры, и наконецъ, выходятъ охотники. Макошѣвъ еще не ушелъ. Онъ ждетъ; ему надо отплатить за данную ему общими силами встрѣпку и мстить онъ не одному, а всей семьѣ. Когда охотники вышли, онъ подходитъ къ воспитателю.

— Г. воспитатель, они уже возили воду на прошлой недѣлѣ.

— А тебѣ что за дѣло? кричатъ изъ толпы, видя, что теперь ужъ не по собственному выбору идти придется, а по назначенію.

— Э-э, говоритъ Макошѣвъ: — это они отъ работы уйти хотятъ, полдня поработать, а потомъ отдыхать... Знаемъ мы васъ!

— Эхъ, чортъ, дьяволъ! Вотъ дуракъ, болванъ! раздаются голоса, и вся семья, волнуясь, наступаетъ на Макошѣва, косые глаза котораго искрятся отъ удовольствія.

Онъ отступаетъ, перебраниваясь съ ними. Онъ ликуетъ, скалитъ черные зубы, дѣлаетъ гримасы и ругается.

— Тихе! гремитъ воспитатель.

— Г. воспитатель, чего же онъ ругается? Г. воспитатель, чего онъ забрался въ чужую семью? слышатся вопросы.

Воспитатель только теперь сообразилъ въ чемъ дѣло и прогоняетъ Макошѣва.

— Вѣчныя исторіи съ тобой, вѣчныя исторіи! восклицаетъ директоръ, встрѣчая общаго недруга. — Когда ты справишься, Макошѣвъ?

— Что-жъ, г. директоръ, обиженно отвѣчаетъ тотъ, — я ничего! Они сами меня всегда трогаютъ.

— Какъ же ничего? Опять на тебя жалобы. Что мнѣ съ тобою дѣлать? спрашиваетъ директоръ, вспоминая, что весь кодексъ исправительныхъ мѣръ онъ уже пропелъ съ нимъ, и придумываетъ новую: Макошѣву запрещенъ входъ въ постороннія семьи подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ.

— Ты если и встрѣтишь кого, не смѣй заговаривать съ нимъ, потому что всякое слово твое—язва! прибавляетъ директоръ.

Кн. I.—Январь, 1882.

Другой типъ воспитанниковъ волоніи былъ Канутинъ. Слабый здоровьемъ и физическою силою, онъ однако легко впадалъ въ заблужденіе о собственныхъ средствахъ самозащиты и бралъ въ такихъ случаяхъ только безпредѣльною яростью. Онъ не разбиралъ, какова разница между его собственною силою и силою противника, а разъ остервѣннвшись, бѣшено кидался въ драку съ нимъ, осыпалъ его площадною бранью; и пока изнеможеніе не овладѣвало имъ, онъ не могъ успокоиться. Его избѣгали, не затрогивали, и съ товарищами онъ былъ сносный человекъ, пока его не разсердятъ. Онъ будто шадилъ ихъ, относился къ нимъ свысока, слегка покровительственно, и всю злобу свою сосредоточивалъ на воспитателяхъ и дядькахъ. Не было на свѣтѣ гадости и мерзости, которую бы онъ не выдумалъ о нихъ. Кляузныя выдумки свои онъ рассказывалъ не стѣсняясь, всенародно, публично, и съ наслажденіемъ варіируя ихъ разными прикрасами. Дѣти внимали ему не прямо, какъ будто опасаясь осквернять слухъ свой нецензурными повѣствованіями, а только прислушивались къ его словамъ, не отрываясь отъ дѣла, и по временамъ, глядя куда-нибудь въ сторону, какъ будто относя замѣчанія не къ нему, вставляли подзадоривающія слова и звуки, выражая, то сомнѣніе, то удивленіе. Въ томъ и другомъ случаѣ Канутинъ прибѣгалъ къ божьимъ и страшными клятвами подтверждалъ свои сообщенія. Чтобы удержать его отъ привычки къ кляузамъ, навѣтамъ и т. п., его пробовали сажать въ карцеръ, подвергать всевозможнымъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, но онъ стойчески переносилъ наказанія и едва показывался на свѣтъ Божій, возобновлялъ тѣ же рѣчи, съ большею энергіею, еще большею настойчивостью и окрашивая ихъ въ еще болѣе рѣзкія краски.

— Что мнѣ? двинувъ плечами, начиналъ онъ неудержимый потокъ своей рѣчи, наслаждаясь искусствомъ такъ легко, просто, наглядно излагать мысли. Голосъ его приэтомъ былъ удивительно спокоенъ, тонъ рѣчи щеголялъ разсудительностью и убѣжденіемъ.—Я вратъ не стану. Зачѣмъ вратъ? Онъ самъ по себѣ, а я самъ по себѣ.

— Кто же онъ? Кто онъ? раздавался вопросъ.

Канутинъ взглядывалъ на того, кто спрашиваетъ, и въ лицѣ выражался упрекъ. «Зачѣмъ перебиваешь? — словно говорилъ онъ.— Не все ли равно тебѣ, кто бы ни былъ онъ? Знай себѣ одно—слушай! И онъ продолжалъ вновь, сосредоточиваясь на прерванномъ разсказѣ.

— Вѣдь я что говорю? Я говорю, что видѣлъ какъ воспитатель N**, ночью потихоньку водить ученика Кузькина къ себѣ въ комнату. Кузькинъ, говорить, придешь? Приду, говорить. Потомъ въ дверь, какъ спать всѣ лягутъ, потихоньку и зоветъ его. Я разъ обѣжалъ домъ, заглянулъ было въ окно, ничего не видно, а на другой день у Кузькина были леденцы, апельсины и мятныя лепешки.

Ученики фыркають, иные заливаются негромкимъ, сладостнымъ смѣхомъ, въ которомъ слышатся сдержанныя взвизгиванія.

— Ты врешь все, Канутинъ! Канутинъ, ты врешь? слышатся замирающіе голоса.

Всѣмъ пріятно или продлить заманчивую бесѣду, или довести ее до скандала.

— Нѣтъ, я не вру, возражаетъ Канутинъ съ методическимъ спокойствіемъ, вытягивая слова нараспѣвъ.—Я не вру-у! Истиннымъ Господомъ Богомъ, Царемъ и Создателемъ нашимъ вѣрую, что знаю отчего Кузькина никогда не сажаютъ въ карцеръ. Да-а, вотъ Кузькина не посадятъ, это я навѣрно знаю; а отчего его не посадятъ? То-то, знаемъ, отчего не посадятъ. Пусть меня морятъ голодомъ въ карцерѣ, пусть посылаютъ на тяжелыя работы, я вамъ все-таки буду одно говорить, что у насъ дѣлаются подлости и не приведи Богъ какія!

Такая именно сцена была разыграна имъ въ моемъ присутствіи, въ день моего дежурства въ полѣ. Удивленный его словами, я не сразу опѣнилъ неслыханную дерзость этого четырнадцатилѣтняго мальчишки. Онъ или хотѣлъ познакомить меня съ колонією и ея тайнствами, или имѣлъ намѣреніе выразить мнѣ свое презрѣніе. Последнее вѣроятнѣе. Но, во всякомъ случаѣ, я не желалъ раздѣлять съ дѣтьми сочувствія, которое они выражали ему, и приказалъ ему замолчать. Онъ оставилъ работу и измѣрилъ меня глазами.

— Чего вы кричите-то? протянулъ онъ, выправившись и опуская внизъ плечи, такъ что руки его повисли какъ плети.— Вашего брата развѣ не видали мы? Нечего храбриться, посоветовалъ онъ и обратился къ ученикамъ.— Видали какъ-то, братцы, а?

Что тутъ прикажете дѣлать?

— Какъ ты смѣешь, каналья, говорить такъ про своихъ воспитателей? заревѣлъ я, не помня себя отъ злости.

— Ну, ну, тронь, тронь! задорно выступилъ онъ, подставляя мнѣ поднятое кверху лѣвое плечо.—Зубы-то цѣлы у тебя? А еще воспитатель!..

Но тутъ случилось необычайное въ жизни моей событіе. И теперь не могу дать себѣ отчета, какимъ образомъ все это такъ вышло. Я схватилъ его за шиворотъ и швырнулъ на землю. Онъ откатился въ сторону и уже намѣревался подняться, но я поймалъ его и, какъ колоду, потащилъ къ директору.

— Я самъ пойду, пусти! визжалъ онъ, какъ червякъ извиваясь въ моей рукѣ.

— Я тебя пущу! я тебя пущу! хрипѣлъ я.

Въ это время показался на встрѣчу директоръ.

— Въ карцеръ! въ карцеръ! еще издали закричалъ онъ, видимо довольный моею расторопностью и усердіемъ.

Я собственноручно потащилъ его по землѣ и освободилъ только тогда, когда онъ зубами поймалъ мой палецъ.

— Ты кусаешься! Ты еще кусаешься! И я поймалъ его за шиворотъ другою рукою.

— Караулъ! завизжалъ онъ на всю колонію.

Мальчишки, дежурившіе по семьямъ, высыпали на улицу и провожали насъ одобрителными криками. Я съ наслажденіемъ дотащилъ этого поросенка до карцера, пихнулъ его такъ, что онъ влетѣлъ въ свою резиденцію, и захлопнулъ задвижку.

— Вотъ каналья! обращался я ко всѣмъ попадавшимся мнѣ на встрѣчу, какъ-бы спрашиваясь на соболизнованіе.

Всѣ сочувственно отнеслись ко мнѣ и замѣтили, что подобнымъ вещамъ въ колоніи и удивляться нечего, потому что онѣ случаются здѣсь почти каждый день; что тутъ нужно безконечное терпѣніе, чтобы возиться съ этимъ проклятымъ народомъ. Служащіе при колоніи единодушно утверждаютъ, что съ ихъ стороны это—подвигъ.

— «Дѣйствительно подвигъ! соглашался я.— Тутъ въ годъ чухотку наживешь, измаешься съ ними. Тутъ надо желѣзное здоровье имѣть. Вѣдь на одного воспитателя здѣсь такихъ сорванцовъ двадцать. Если по одной сценѣ такой ежедневно, то силъ не хватитъ. Я бы охотнѣе воротился въ деревню къ своимъ ребятишкамъ. Богъ съ ними, съ этими шестьюстами рублями! Здоровье и покой дороже стоятъ. Да и будетъ ли прокъ отъ всѣхъ нашихъ стараній? Вѣдь эти дѣти, чѣмъ больше они вырастаютъ, тѣмъ становятся злѣе и неисправимѣе. А докторъ-то! Этотъ человекъ проповѣдуетъ гуманность! Гуманность на островахъ людоѣдовъ? Гуманничай съ дикарями, а они съѣдятъ тебя!» разсуждалъ я, дрожа отъ испытаннаго волненія. Я чувствовалъ къ доктору презрѣніе и отвращеніе.

Возвратившись въ поле, я засталъ дѣтей за работою и день

прошелъ довольно благополучно. Каблуковъ еще съ утра былъ выпущенъ изъ карцера и работалъ тоже исправно. Когда кончился день моего дежурства, я съ надорванною грудью отъ криковъ, съ разбитыми ногами отъ непрерывной ходьбы и головною болью отъ волнений, пришелъ къ себѣ въ комнату, упалъ на кровать и заснулъ, забывши все на свѣтѣ.

Какимъ образомъ я попалъ къ доктору? Какъ ни стараюсь припомнить, не могу объяснить этого. Не смотря на все противорѣчіе, которое на каждомъ шагѣ обнаруживалось въ жизни и потребностяхъ колоніи съ его гуманностями, меня влекло къ нему. Быть можетъ желаніе поговорить съ человѣкомъ иныхъ научныхъ возрѣній, инаго взгляда на дѣло; быть можетъ самолюбивое самоувѣніе и надежда поставить его въ тупикъ и помѣриться съ нимъ силами; быть можетъ простая необходимость посѣтить учениковъ своей семьи, находившихся въ лазаретѣ,—но только посѣщеніе мое состоялось часовъ въ 6 вечера, когда я, придя въ лазаретъ и узнавши, что мои воспитанники чувствуютъ себя лучше, вдругъ спросилъ: дома ли докторъ? и получивши утвердительный отвѣтъ, прошелъ къ нему на квартиру.

На дворѣ было еще не очень темно, но въ жилищѣ эскулапа уже были опущены шторы. Когда я вошелъ въ кабинетъ доктора, то за массою книгъ, въ которой утопала его комната и самъ онъ, я не обратилъ вниманія на мелочи обстановки. Хозяинъ сидѣлъ въ углу, на диванѣ, нѣсколько въ сторонѣ отъ большаго письменнаго стола, заваленнаго книгами, и курилъ, повидимому отдыхая. При моемъ входѣ онъ всталъ, взялъ меня за руку и посадилъ на диванъ. На стулѣ, возлѣ дивана, стоялъ столикъ съ стаканомъ чаю, и черезъ минуту передо мною тоже появился стаканъ чаю, поданный его служителемъ.

— Здравствуйте, Петръ Ивановичъ! ласково свазалъ онъ,—очень радъ я, что вы пожаловали ко мнѣ. Расскажите, какъ идуть дѣла ваши?

Странно, я почему-то словно ждалъ отъ него привѣта, или потому, что измаялась душа моя въ этомъ подавляющемъ сумбурѣ и я искалъ себѣ разумнаго участія и отдыха, или потому, что личность доктора не внушала мнѣ того отвращенія, которое внушали его идеи. Я разговорился сразу, словно сталъ отвѣчать ему урокъ или приготовленный отвѣтъ на давно заданную задачу.

— Какъ дѣла идутъ? спрашиваете вы, докторъ. Плохо-съ, совсѣмъ плохо, съ отчаяніемъ отвѣчалъ я. — Я до сихъ поръ не понимаю, куда я попалъ. Это адъ кромѣшный! И гдѣ отбояли этихъ дѣтей благотворители наши. Это сорванцы, разбойники, полоумные...

— Вотъ видите, какъ вы притомились у насъ, словъ даже не находите, какъ опредѣлить вашъ педагогическій матеріалъ, засмѣялся докторъ.

— Помилуйте! возьмите во вниманіе вчерашнюю исторію. Слыхали о ней? Канутинъ этотъ...

— Какъ-же, знаю. Но вѣдь вы имѣли дѣло только съ однимъ Канутинымъ, а если ихъ соберется не одинъ, а всѣ вмѣстѣ, и Жилвинъ, и Макошѣевъ, и всѣ подобныя, тогда что вы подѣлаете? Вѣдь всѣхъ разомъ за шиворотъ не схватите. Тогда роли, пожалуй, перемѣнятся.

— Развѣ это возможно?

— Отчего же невозможно.

— Такъ послѣ этого они и убійство учинять?

— И это возможно.

— И пожары?

— И пожары.

— Такъ ихъ просто въ Сибирь сослать... какое же тутъ воспитаніе.

— Тогда незачѣмъ было обирать добрыхъ людей и устраивать колонію. Между тѣмъ ее не только устроили, а изъ всѣхъ силъ стараются поддержать, какъ учрежденіе, имѣющее весьма важныя государственныя цѣли.

— Что же дѣлать? спросилъ я въ недоумѣніи.

— Вотъ видите, Петръ Ивановичъ, вы, за какіе нибудь десять дней своего пребыванія здѣсь, пришли уже къ отрицательнымъ результатамъ, и неужели это послѣднее ваше слово?

— Въ самомъ дѣлѣ, докторъ, я сомнѣваюсь, чтобы изъ этихъ дѣтей могло быть что нибудь путное! Макошѣевы, Канутины— все это таковой отчаянный народъ, что передѣлва ихъ если и возможна, то розгами, продолжительнымъ заточеніемъ и самыми тяжкими наказаніями.

Докторъ тихо и безмолвно покачалъ головою.

— Неужели эти мѣры вы имѣете основаніе назвать мѣрами воспитательными? спросилъ онъ.

— Не воспитательными, но всякомъ случаѣ исправительными, настойчиво поправилъ я. — Надо смирить ихъ строптивость, надо уничтожить, вырвать съ корнемъ эту грубую за-

носчивость и тогда они исправятся, сдѣлаются податливѣе, спокойнѣе. Вотъ, посмотрите, Каблуковъ послѣ того, какъ отсидѣлся въ карцерѣ, какой прилежный работникъ. Вчера въ полѣ я не налюбовался на него.

— Развѣ Каблуковъ былъ посаженъ за лѣность?

— Н-нѣтъ, опомнился я,—онъ за куреніе.

— Ну, а курить онъ бросилъ?

— Вѣроятно бросить.

— Это только вѣроятность. Мнѣ однако странно, что вы смѣшали трудолюбіе Каблукова съ его привычкою. Извините, это мнѣ странно, слегка, дружески, засмѣялся докторъ и потомъ прибавилъ:—эта маленькая ошибка, быть можетъ, покажетъ намъ и другія неточности.

— Какія же?

— Позвольте васъ спросить, каковъ на вашъ взглядъ ученикъ Жилкинъ?

— Жилкинъ? Въ этомъ возрастѣ онъ обнаруживаетъ столько жестокости, столько грубости, что я бы не выпускалъ его изъ карцера. И онъ лѣнивъ! воскликнулъ я.

— Да, я согласенъ съ вами, согласился докторъ.—Жилкинъ охарактеризованъ вами правильно. Скажите, вы уяснили себѣ причины его лѣни, его грубости, его жестокости?

— Какія же причины? Избалованный, распущенный мальчишка, привыкшій къ жизни въ кабакахъ, привыкшій ко всѣмъ слабостямъ человѣческой природы и не имѣющій понятія о томъ, какъ вести себя, чтобы быть человѣкомъ.

Докторъ взялъ меня за руку.

— Привыкшій къ слабостямъ человѣческой природы, неумѣющій вести себя, какъ ведутъ люди! Такъ, кажется, сказали вы? перефразировалъ докторъ мои слова.

— Такъ, согласился я.

— Позвольте вамъ показать въ натурѣ сдѣланную вами характеристику, предложилъ онъ.—Жилкинъ у меня въ лазаретѣ.

— Сдѣлайте милость. Это интересно.

Докторъ всталъ, неторопливо вышелъ, черезъ минуту возвратился съ Жилкинымъ и зажегъ лампу.

— Раздѣнься, Жилкинъ, ласково предложилъ докторъ.

Жилкинъ безпрекословно исполнилъ его предложеніе и, сложивши платье на полу въ кучу, сталъ посреди комнаты.

— Подойди къ намъ поближе, попросилъ докторъ.

Обнаженная фигура Жилкина приблизилась къ намъ. Что же я увидѣлъ? Передо мною стоялъ маленькій человѣкъ, со впа-

лою грудь, согнутою спиною, выдавшимся огромнымъ животомъ, кривыми ногами и короткими руками. Этотъ человекъ кротко улыбался маленькими, узенькими, съ косымъ прорѣзомъ, глазами и, улыбаясь, выставлялъ напоказъ такіе же, какъ самъ онъ, уродливые, кривые, испорченные зубы. Маленькія уши его совсѣмъ убѣжали на макушку еще выше, чѣмъ это казалось мнѣ прежде.

— Кашляни, Жилкинъ! сказалъ докторъ, сидя на диванѣ. Жилкинъ кашлянулъ разъ, другой.

— Это что же? съ ужасомъ спросилъ я, чувствуя сильную дрожь, пробѣжавшую у меня по спинѣ. Въ паху Жилкина была небольшая опухоль, на которую я до этого не обратилъ вниманія; теперь она вдругъ разрослась въ огромный мѣшокъ, почти съ его собственную голову.

— Грыжа! отвѣтилъ докторъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ и, подойдя къ Жилкину, повернулъ его ко мнѣ спиною. — Взгляните на позвоночникъ, предложилъ онъ мнѣ. — Видите: вотъ его изгибъ! Это называется искривленіе позвоночника. У нашего мальчика есть весьма интересное свойство. Если я буду слегка надавливать на эти позвонки, продолжалъ докторъ, прикладывая пальцы къ груднымъ позвонкамъ, — то у него сначала является одышка, а потомъ измѣненіе сердечнаго ритма. Это очень трудно прослѣдить. Приложите сюда, на грудь, ваше ухо, предложилъ онъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! съ ужасомъ отшатнулся я.

— Не хотите? Ну, какъ знаете, съ сожалѣніемъ сказалъ докторъ. — Теперь взгляните на его черепъ, онъ совершенно круглый и по величинѣ соответствуетъ десятилѣтнему возрасту. Такое явленіе называется малоголовіе — микроцефалія. Взгляните на его животъ, руки, ноги: онъ въ дѣтствѣ страдалъ англійскою болѣзью, и все развитіе этого ребенка, очевидно, было задержаннымъ развитіемъ, не только послѣ рожденія, но, судя по присутствію грыжи, и въ утробной жизни.

Докторъ замолчалъ. Онъ положилъ Жилкина на диванъ, вправилъ грыжу и предложилъ ему одѣться.

— Теперь посмотримъ состояніе его умственнаго и нравственнаго организма, сказалъ докторъ.

— Жилкинъ, ты убилъ собаку? обратился онъ къ мальчику.

— Я, съ достоинствомъ отвѣчалъ тотъ, застегивая воротъ рубахи.

— Замѣчаете, какая увѣренность въ отвѣтъ, указалъ докторъ на него рукою и, подозревая къ себѣ, положилъ ему на плечи обѣ руки. — Жилкинъ, сказалъ докторъ, укоризненно качая го-

ловую:—и тебѣ не жалко было бѣдную собачку! Тебѣ нестыдно было дѣлать это?

Выраженіе лица Жилкина вдругъ измѣнилось.

— Да что... вѣдь не я одинъ убилъ. Я только вынулъ ее изъ земли, какъ она сдохла.

— А кто же убилъ? Кто закопалъ ее?

— Закопалъ Красавчиковъ и камень навалилъ тоже онъ... мнѣ не поднять...

— Какъ-же ты сказалъ сейчасъ, что ты убилъ собаку?

Жилковъ молча устремилъ на меня глаза, втянулъ носомъ воздухъ съ постояннымъ грузомъ, наполнявшимъ его ноздри, и ругавомъ вытеръ губы.

— Ну, а пѣсенку мнѣ споешь сегодня? вдругъ спросилъ докторъ.

Жилкинъ бокомъ посмотрѣлъ на него и засмѣялся.

— Спую; только я даромъ пѣть не стану.

— А какъ-же? Яблово тебѣ подарить?

— Да, согласился тотъ, вытирая носъ съ новымъ усердіемъ.

— Хорошо, я тебѣ дамъ яблово, пой! согласился докторъ, откидываясь на спинку дивана.—Спой мнѣ «трѣйву!» прибавилъ онъ.

Жилкинъ посмотрѣлъ на потолокъ, потомъ на доктора и запѣлъ. Сильный голосъ его, неподвижный взоръ и бессмысленное выраженіе лица во время пѣнія ужасно разстроили меня. Я сидѣлъ неподвижно, потрясенный до глубины души, и ни однимъ движеніемъ не отозвался на шутливый тонъ доктора, когда тотъ прощался съ Жилкинымъ и проводилъ его до дверей комнаты.

— Что же это? немоцио спросилъ я, когда онъ воротился и сѣлъ на диванъ рядомъ со мною.

Я чувствовалъ, что докторъ, какъ магъ, проникнувъ въ глубину души моей, воснулъ рукою, грубо, безжалостно, до самаго чувствительнаго мѣста ея состраданія. Я еще не понималъ великаго урока, который онъ далъ мнѣ, обнаживъ тѣло и душу этого ребенка. Я не зналъ еще, какъ назвать указанная имъ явленія, но уже сознавалъ, чувалъ ту страшную пропасть, которая выросла между мною—педагогомъ, и тѣмъ, что называется медициною. За этою пропастью, какъ за великимъ бездоннымъ океаномъ, почудилась мнѣ новая, полная чудесами страна,—страна, откуда солнце знанія блеснуло мнѣ яркимъ, могучимъ свѣтомъ, озарило дальніе берега, и широкое пространство, раздѣлявшее

меня отъ невѣдомаго материка,—сверкнуло, ослѣпило меня и скрылось.

— Докторъ, что же это? съ мольбою спросилъ я его.

— Идіотизмъ, приостановленное развитіе организма, глубокимъ голосомъ отвѣтилъ докторъ.

— И много такихъ у насъ въ колоніи?

— Почти всѣ дѣти, осужденныя мировыми судьями. Въ каждомъ изъ нихъ вы навѣрно найдете одинъ или другой физическій признакъ, который обнаружитъ передъ вами недостатки его психическаго строя. Жилкинъ, по рельефности данныхъ, наглядный экземпляръ; другіе становятся понятными только послѣ точнаго и продолжительнаго изученія ихъ, но во всякомъ случаѣ доступны нашему пониманію. Эти признаки объясняютъ намъ вялость дѣтей, которыхъ педагоги называютъ лѣнивыми, тупость и слабоуміе тѣхъ, которыхъ педагоги называютъ невнимательными, разсѣянными или опять лѣнивыми,—это зависитъ отъ вдохновенія педагога,—а также ограниченность и нравственную извращенность дѣтей, которыхъ педагоги называютъ сварливыми по характеру и т. д.

— Докторъ, развѣ это не все равно: вялость или лѣнь, сварливость или развращенность?

— Не въ этомъ дѣло, съ жаромъ возразилъ докторъ.—Въ медицинѣ этими словами выражается формула, въ нихъ разумѣютъ совокупность психическихъ явленій, зависящихъ отъ органическихъ причинъ. Для врача терминологія педагога не годится, потому что медицинская терминологія представляетъ продуктъ научныхъ трудовъ, а педагогическая ни больше, ни меньше, какъ продуктъ измышлений и предвзятыхъ понятій. Врачъ изучитъ свойства даннаго организма, приведетъ его силы и задатки къ числовой величинѣ вѣса, роста, температуры и т. д. и совокупность этихъ явленій опредѣлитъ соответствующею формулою: идіотизмъ, хорея, ревматизмъ и т. п. Данные, которыми онъ располагаетъ, наглядны, просты и доступны каждому, кто владѣетъ научными методами изслѣдованія; для педагога же мѣриломъ степени развитія организма служить только личное впечатлѣніе, которое открываетъ широкое поприще произволу, самодурству и деспотическому самомнѣнію.

Докторъ всталъ и выпрямился. Я удивился перемѣнѣ, совершившейся въ немъ, такъ онъ оживился.

— Педагоги застряли въ развитіи своего дѣла. Пустота, бессодержательность, которая наполняетъ ихъ безслѣдную для пользы дѣятельность, грозитъ страшнымъ упадкомъ въ развитіи

юношества. Обременяя однихъ дѣтей непосильнымъ трудомъ, оглушая другихъ вліаніемъ своей карательной системы, они приводятъ общество къ недалекому въ будущемъ паденію. Скажите: гдѣ вы встрѣтите въ административномъ или ученомъ мірѣ тѣхъ блестящихъ юношей, которые кончили курсы съ золотыми медалями. Они заглохли, отстали отъ самой жалкой посредственности. Иные изъ нихъ захватили даже кафедры, но истощенные физически и нравственно, они не способны на шагъ подвинуть ввѣреннаго имъ дѣла. Имена ихъ обречены смерти, а посмотрите ихъ прошлое: они блистали своими способностями, пробуждали въ своихъ менторахъ великія надежды. Куда же все это дѣлось? Подавлено тѣми измышленными методами воспитанія, которые, не соответствуя человѣческой природѣ, въ рукахъ идиотовъ-педагоговъ въ конецъ губятъ общественныя силы и рушатъ самыя коренныя условія его благосостоянія, — заранѣе истощаютъ нравственныя силы, которыя, созрѣвши, должны послужить государственному развитію.

Докторъ прошелся по комнатѣ и остановился передо мною.

— Колонія, въ которой мы служимъ съ вами, проговорилъ онъ нѣсколько унавшимъ голосомъ, — предназначена для воспитанія малолѣтнихъ преступниковъ. Вы видѣли этихъ преступниковъ! Развѣ десятилѣтній ребенокъ можетъ быть названъ преступникомъ? Я въ дѣтствѣ очень любилъ тминныя лепешки и воровалъ ихъ у своей бабушки. Каждый изъ мировыхъ судей, по всей вѣроятности, воровалъ сахаръ у своей маменьки; каждый изъ педагоговъ, создающихъ карательную систему воспитанія, съ которою малютокъ оставляютъ на хлѣбѣ и на водѣ, воровалъ пряники, винныя ягоды, а можетъ быть и деньги у своихъ родныхъ бабушекъ, тетюшекъ, а теперь, съ сатанинскимъ сознаніемъ своей нравственной очищенности, величаетъ десятилѣтняго крошечку преступникомъ за то, что тотъ, оставленный безъ призора сирота, укралъ селедку у чухонца. Этотъ малютка еще вчера качался на рукахъ у большаго человѣка; еще вчера его цѣловали въ алыя губки за то, что онъ маленький и полонъ довѣрія къ ласкамъ взрослыхъ, — а сегодня онъ судится у мирового судьи и надъ нимъ произносятъ приговоръ! О юристы, есть надъ чѣмъ поломать вамъ голову! О педагоги, есть надъ чѣмъ показать вамъ всю силу вашей карательной системы! О благодотворители, вы знаете, куда направить свою гуманность, свое благодушіе! Все это соединилось и создало — колонію для преступниковъ. Да, для преступниковъ, потому что преступники

не тѣ, кого на судъ зовутъ они, а тѣ, кто прошелъ эту, сочтанными силами созданную чудовищную шквалу.

— Это правда, докторъ, согласился я, — но возвратимся къ начатому. Вы сказали, что всѣ дѣти, осужденныя мировыми судьями, больныя дѣти.

— Нѣтъ я этого не говорилъ вамъ.

— А какъ же?

— Идіотъ не всегда больной ребенокъ. Приостановка въ развитіи человѣческаго организма обуславливаетъ недостатки его, и смотря потому, въ какомъ возрастѣ задержали это развитіе, обнаружится и степень инвалидности организма. Эти дѣти преимущественно отстали въ своемъ развитіи, извращенныя нецѣпильными условіями жизни, но есть между ними и больныя.

— Напримѣръ? спросилъ я наугадъ. — Красавчиковъ боленъ? Видѣ этотъ бѣшеный мальчишка такъ злобъ, что снѣдетъ отъ злобы, когда его разсердятъ.

— Да, онъ снѣдетъ, когда его разсердятъ, задумчиво повторилъ докторъ. — У этого ребенка врожденный порокъ сердца.

— Неужели? ужаснулся я, вспомнивъ, что его и при мнѣ наказывали за эти припадки удушливой злобы.

— Красавчиковъ... вдругъ опомнился докторъ, — онъ здѣсь въ лазаретѣ. Не угодно ли его посмотрѣть? Онъ интересенъ.

— Покажите.

Докторъ вышелъ и черезъ минуту ввелъ Красавчикова.

— У него воспаление горла, предупредилъ докторъ, — но это не помѣшаетъ ему показать намъ себя. Раздѣйся, Красавчиковъ.

Красавчиковъ снялъ больничный халатикъ и рубашку. Какъ странно! Этотъ упрямый мальчикъ, никогда ничего не сдѣлавшій для меня безъ цѣлаго ряда капризовъ, относился къ доктору съ такою предупредительностью, что я заглядѣлся на него. Скинувъ рубашку, онъ оказался худъ какъ ошипанный цыпленокъ. Его руки были тонки какъ нитки. Мнѣ стало страшно смотрѣть на этого бѣдняжку.

— Взгляните на его грудь! предложилъ докторъ.

Я внимательно посмотрѣлъ на грудную клѣтку, тонкія ребра которой почти просвѣчивали сквозь удивительно тонкую кожу. За ними звучно и сильно стучало сердце, въ двухъ мѣстахъ подымая ребра и кожу. Изъ всѣхъ этихъ явленій болѣе всего мнѣ бросилось въ глаза то, что грудь «очень узкая».

— Узкая, повторилъ докторъ. — Укажите мнѣ, гдѣ у него грудная кость.

Я провелъ рукою по мѣсту ея положенія до мечевиднаго

отростка, но встрѣтилъ рядъ выпуклостей, похожихъ на ребра, а мечевиднаго отростка такъ и не нашель.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я.

— И я такъ думаю, что вѣроятно нѣтъ. Она замѣнена хрящевыми спайками реберныхъ концовъ. А это что? указаль докторъ на двѣ волны, вздымавшіяся на мѣстѣ сердца и возлѣ правой стороны шеи.

— Что же это? недоумѣвалъ я. — Два сердца?

— Нѣтъ, улыбнулся докторъ. — Эта волна возлѣ шеи зависитъ отъ бѣженія верхней полой вены. Теперь попробуйте найти пульсъ на руцѣ.

Онъ подавъ мнѣ правую руку мальчика и указаль мѣсто пульса. Мнѣ случалось щупать его у себя и у другихъ, но здѣсь я не могъ его найти, не смотря на всѣ старанія.

— Не правда ли, спросилъ докторъ, кусая губы, — судя по бою сердца, пульсъ долженъ быть очень сильный; между тѣмъ вы его не находите.

Я самъ удивлялся своей неловкости. Наконецъ, докторъ поставилъ мой указательный палецъ на такое мѣсто руки Красавчикова, гдѣ я уловилъ тонкіе, слабенькіе удары кровяной волны.

— Эта слабость пульса зависитъ отъ порока сердца, объяснилъ докторъ, — входъ въ аорту суженъ и сердце, не смотря на всѣ свои усилія, не можетъ прогнать переполняющей его крови. Ребенокъ раздражителенъ и ужасно слабъ физически, а его сердятъ и наказываютъ за то, что онъ сердится. Все это можетъ кончиться внезапнымъ разрывомъ или параличемъ сердца.

— Докторъ, вы ужасно заинтересовали меня, сказалъ я, когда Красавчиковъ ушелъ. — Позвольте мнѣ узнать ваше мнѣніе о Канутинѣ и Макошѣвѣ.

— Это двѣ формы нравственнаго помѣшательства, мрачно отвѣтилъ онъ, прохаживаясь по комнатѣ.

Докторъ, какъ показалось мнѣ, утомился или былъ взволнованъ; но заинтересованный началомъ завязавшихся отношеній, я алчно ждалъ минуты, когда онъ заговорить вновь. Пройдясь по комнатѣ, докторъ остановился противъ меня и заложилъ назадъ свои руки.

— Если вы возьмете крайніе предѣлы недостатковъ развитія человеческого организма, а съ другой стороны идеально здоровыхъ людей, то между этими двумя пунктами найдете множество послѣдовательныхъ ступеней недоразвитія, извращения,

болѣзненности, которыми, въ большей или меньшей степени, страдаютъ почти всѣ люди. Въ природѣ каждаго человѣка кроются задатки болѣзней, гнѣздышны его будущихъ страданій, неудачъ и гибели. Это и есть тѣ патологическіе мотивы, которые сами по себѣ представляютъ не болѣзни, а только начала, могущія современемъ развиться въ зрѣлыя, опредѣленныя формы страданій. Сочетанія этихъ болѣзненныхъ мотивовъ такъ разнообразны, такъ часто повторяются въ жизни, что вы не сдѣлаете большой ошибки, если начало всякаго зла станете искать въ средѣ этихъ мотивовъ. На этомъ пути вы встрѣтите надобность владѣть точными методами изслѣдованія, сдѣлаетесь педагогомъ-медикомъ и увидите, что воспитаніе, имѣя цѣлью развитіе душевнаго и тѣлеснаго здоровья, въ сущности есть та же борьба съ болѣзнями, каковую ведетъ медицина. Но педагогъ не только борется съ обнаруженными мотивами—лѣнью, разсѣянностью, невниманіемъ и т. п., а также старается предупредить нравственную заразу, удаляя отъ дурныхъ примѣровъ, внушая правила чести, понятія справедливости. Человѣкъ зрѣетъ и растетъ помимо всякаго педагогическаго вліанія, но требуетъ содѣйствія себѣ, чтобы процессъ роста и развитія совершался въ немъ гармонически, въ равновѣсіи. Это статическая задача, и рѣшится она только при содѣйствіи медицинскіхъ методовъ. Они, раскрывая передъ нами душевные и физическіе задатки организма, въ состояніи предупредить о появленіи будущихъ поджигателей, тигромановъ (кровожадныхъ убійцъ), потаторовъ (нѣяницъ) и проч. Теперь же, всѣ эти люди, отъ рожденія заручившіеся задатками своей гибели, эти дѣти, при самомъ рожденіи своемъ уже погибшія, какъ первые всходы, подбитые морозомъ или засухой, только вызываютъ къ нашему состраданію, уму, знанію и совѣсти, вызываютъ о своемъ спасеніи.

— Докторъ, что вы говорите? воскликнулъ я, внезапно озаренный воспоминаніемъ.

— А что? остановился онъ.

— Вы извините, что я перебиваю васъ своимъ замѣчаніемъ; но мысль, которую я хочу передать вамъ, съ давнихъ поръ покоитъ меня.

Докторъ усѣлся на диванъ и внимательно посмотрѣлъ на меня.

— Вы говорите, началъ я, какъ-то путаясь,—вы по крайней мѣрѣ сказали... употребили такое выраженіе... что есть живыя дѣти, погибшія со дня своего рожденія.

— Да, я это именно и хочу сказать, подтвердилъ онъ;—

но вѣдь вы, кажется, семинаристъ и, пожалуй, разумѣете здѣсь что нибудь иное.

— Нѣтъ, нѣтъ, не то, докторъ, перебилъ я.— У меня былъ одинъ, пустой въ сущности, случай въ жизни, но не безынтересный для нашей бесѣды. Рѣчь, видите ли, идетъ о томъ, что дѣти, погибшія до крещенія, являются въ образѣ мавокъ.

— Мавокъ? повторилъ докторъ.— Что же это значить, малый что-ли?

— Не знаю... вѣроятно, отвѣчалъ я и рассказалъ ему свою встрѣчу съ мавками на Днѣпрѣ.

Докторъ внимательно выслушалъ рассказъ.

— Да, это, конечно, оригинально, сказалъ онъ.— Одновременно порождающаяся у двухъ очевидцевъ иллюзія—явленіе довольно рѣдкое. По всей вѣроятности на плотинѣ Чертороя были пни, кусты или березы; а теперь дѣйствительность, окружающая васъ въ самомъ дѣлѣ напоминаетъ народное повѣрье, если вы, при пылкости вашего воображенія, представите себѣ нашу жизнь житейскимъ моремъ, а нашу колонію—заглохшимъ болотомъ. И тамъ, и здѣсь, найдутся существа, которыхъ гибель обусловлена недостатками социальнаго строя, недостатками ихъ собственной организаціи, а наипаче невѣжествомъ лицъ, руководящихъ ихъ развитіемъ.

— Докторъ, съ чувствомъ проговорилъ я:— вы открыли глаза мнѣ, я не забуду услуги вашей. Скажите мнѣ, какъ приступить къ тому, чтобы слѣдовать вашему методу?

— Перемените съ дѣтьми ваши отношенія, будьте мягки, внимательны и съ маленькими обращайтесь такъ же, какъ съ взрослыми, почтительно. А для того, чтобы придти къ цѣли, т. е. оказать необходимую помощь дѣтямъ, прежде всего изучите ихъ и наблюдайте ихъ. Я, съ своей стороны, готовъ быть вамъ во всемъ помощникомъ. Но предупреждаю васъ, что задуманное вами дѣло не легкое.

— О, этого я менѣ всего опасуюсь.

— Вамъ придется вооружиться гораздо большимъ терпѣніемъ, нежели требуютъ его отъ васъ теперь.

— И терпѣнія у меня достаточно. Я берусь за дѣло добровольно.

— Прекрасно! Первое условіе: избѣгайте всего, что раздражаетъ дѣтей, и положите себѣ за правило дѣйствовать безъ всякихъ наказаній

— А чѣмъ же?

— У-бѣж-де-ні-емъ.

— Неужели во всемъ дѣйствовать убѣжденіемъ?

— Да. Это слово подобно слову «вселенная». Неужели вездѣ вселенная?

— Хорошо, попробую. А еще что?

— Наблюдайте привычки дѣтей, отвѣты, вопросы, разговоры, какъ я записываю ихъ ростъ, вѣсъ и изучаю ихъ физическую природу. Пока ваши дѣти не озарятся сознаниемъ, до той поры они больше похожи на машины, нежели на людей. Ихъ раздражительность, страстность зависятъ отъ того, что ихъ слишкомъ рано стали обижать. Они очень напоминаютъ механизмъ съ распатавшимися рычагами. Небольшая оплошность мастера, который стоитъ возлѣ него, можетъ стоить ему жизни. Однако, механизмъ, за его ошибку, не наказываютъ, но берегутъ и стараются поправить, настроить его. Неужели человѣкъ не стоитъ такого же ухода, какой затрачивается для машины? Какъ бы ни были возмутительны выходы нашихъ дѣтей, мы должны съ мужественнымъ, а правильнѣе, съ разумнымъ, спокойнымъ терпѣніемъ переносить ихъ, избѣгать всякаго насилія, выжидать результатовъ нашего вліянія и въ крайности обращаться за совѣтомъ медика. Помните слова: анализъ, реакція и наблюденіе.

— Докторъ! проговорилъ я, почти задыхаясь отъ волненія и сознавая, что посвященный въ новый родъ познаній я какъ-то весь переродился духомъ: — докторъ, вы совсѣмъ пересоздали меня.

Онъ съ чувствомъ пожалъ мою руку и отвернулся. Счастливецъ, онъ плакалъ, на его глазахъ показались двѣ предательскія слезинки! А со мною, со мною случилось что-то гораздо хуже. Я вдругъ схватилъ его руку, крѣпко сжалъ ее, взялъ фуражку и вышелъ, почти выбѣжалъ на дворъ, потомъ въ лѣсъ. Кажется, я сѣлъ или просто упалъ на траву и зарыдалъ. Во мнѣ заговорила вся горечь минувшихъ дней, горечь моего дѣтства, и радость, — радость отрезвленія, сознанія; все это, какъ буря, призывающая къ жизни природу, погибавшую въ засухѣ, потрясло мою душу. Куда дѣлись мои возраженія, которыя я такъ усиленно готовилъ. Онѣ разсѣялись. Онъ не овладѣлъ мною, какъ человѣкъ, богатый образованіемъ, а назвалъ себя моимъ помощникомъ. Неужели же мнѣ не цѣнить этого! Онъ предлагалъ мнѣ идти какимъ-то невѣдомымъ путемъ; я самъ уже почти былъ убѣжденъ, что стою на ложной дорогѣ, только спросить было не кого, гдѣ истинный путь, и онъ указалъ мнѣ этотъ желанный путь. Я весь отозвался на его призывъ. Нравственно перерожденный, я уже былъ чуждъ всякаго тупоумнаго самолюбія

и пробудившаяся совѣсть напомнила мнѣ о дѣйствительности. Мнѣ представился карцеръ—маленькая комнатка, на полу, на вонючемъ грязномъ тюфячѣ, лежитъ Канутинъ, этотъ озлобленный, извращенный душевно мальчишъ, и кусаетъ, грызетъ свои руки отъ злости. На пальцахъ кровь... Я содрогнулся, всталъ и лѣсомъ пробрался къ отдѣленному домику. Тихо подерался я къ окну, постоялъ возлѣ него, но тамъ, внутри, за окномъ ничего не видно.

«Спать, прошептала я. — Спать бѣдняжка! А какъ я виновать передъ нимъ! Вѣдь, если-бы я сдержалъ свой порывъ, былъ хотя немножко разсудителенъ, не вышло бы этой гнусной исторіи. Я маленькаго, беззащитнаго крошку схватилъ за шиворотъ. Онъ кричалъ:— «я самъ пойду, самъ пойду!» А я, нѣтъ: «повалю, поволоку тебя, покажу тебѣ, какая ты тварь безильная, ушибюсь твоимъ страданіемъ, на хлѣбъ, на воду упрячу». Мерзость какая! Ай, ай...»

Меня корчило отъ омерзенія. Я вспомнилъ, какъ прибилъ въ деревнѣ мальчишѣ за воровство у меня табаку, и его стало жалко, и о немъ я заплакалъ.

Поздно ночью я прошелся по своей семейной комнатѣ. Дѣти всѣ спали.

— Ахъ какіе они всѣ черномазенькіе, худенькіе. У много рука, шея и грудь обнажена, съ ноги съѣхало одѣяло. Руки, ноги, шея, все это такъ худо, словно однѣ кости обтянутыя кожей. Мавки, настоящіе мавки! Въ чемъ душа только держится! И эдакихъ еще сажать на хлѣбъ, на воду!

— Вставайте, вставайте, дѣти! рано утромъ раздался мой голосъ:—звонокъ былъ, вставайте!

Дѣти встали, протирая глаза, а которые по-старше, подозрительно оглядывали меня, ужъ что-то очень развеселаго. Я былъ дѣйствительно веселъ и чувствовалъ въ себѣ свѣжесть, какъ яснымъ утромъ послѣ минувшей болѣзни. А докторъ? Онъ и не знаетъ, что со мною сотворилъ. Онъ изъ клопа смердящаго, сосущаго кровь человѣческую, сдѣлалъ сознательно ищущаго истину. Да, я всѣмъ существомъ своимъ устремился слиться съ чѣмъ-то общимъ для людей, всеобъемлющимъ. Туда доносятъ только крылья разума. Я захотѣлъ быть дѣйствительно полезнымъ. А прежде... какой мракъ! Не пойми я натуру Жилвина, онъ мнѣ казался такимъ гадкимъ, что я изъ отвращенія къ нему могъ бы сдѣлать что нибудь очень низкое. А теперъ я люблю

его, болѣю за него; сердце мое обливается кровью, когда я вспомню, какой онъ жалкій—идіотъ, и съ грыжею! Ему если нуженъ педагогъ, то педагогъ—медикъ. Помочь ему сдѣлаться человекомъ—великое дѣло, но только не нашимъ суконнымъ рыломъ это сдѣлать! Извините за выраженіе! Я самъ педагогъ, но признаюсь откровенно!

— Петръ Ивановичъ! вбѣжалъ Макосѣевъ съ чайникомъ въ рукахъ.

Онъ былъ вѣчно на посылкахъ и вѣроятно прилетѣлъ съ новостью.

— Что надо? спрашиваю и смотрю на него очень внимательно. «Докторъ говорилъ, наблюдать надо», думаю себѣ весело. Макосѣевъ переминается.

— Сегодня вы дежурный!

— Въ самомъ дѣлѣ? Я третьяго дня былъ дежурный.

— Воспитатели 1 и 2 семьи уѣхали въ городъ. Изъ колоніи бѣжало два ученика сегодня. Такъ они искать поѣхали.

— Ну, хорошо. Спасибо, что сказали!

Макосѣевъ засіялъ отъ радости. Быть можетъ въ первый разъ въ жизни онъ получилъ благодарность за свою бесплатную услугу. Не талантъ ли это? Прямая обязанность директора предупредить меня, а уведомляетъ Макосѣевъ, который и живетъ-то не въ колоніи, а за версту отъ нея, въ отдѣленномъ домикѣ. И откуда онъ узнаетъ эти новости! А вотъ не повидайся я вчера съ докторомъ, попало бы ему за то, что забрался въ чужую семью, за то, что мѣшается не въ свое дѣло, мало ли за что. Теперь не то, теперь я ужасно занятъ. Теперь я наблюдатель, а педагогъ въ будущемъ! Слова «реакція», «анализъ» для меня гремѣть призывными звуками, и во всемъ я жду себѣ новыхъ, новыхъ поученій. Прежде я тоже учился, но теперь я не только учусь, а наблюдаю, анализирую, жду реакціи; теперь я дѣйствую самостоятельно, теперь я ученый. Это меня ужасно радовало.словно шестокрылый серафимъ на перепутье явился мнѣ и коснулся моихъ глазъ—весь міръ колоніи теперь кажется мнѣ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Всего мнѣ жалко въ ней. Все, что въ колоніи дѣлается, все это очень близко мнѣ. Жалко дорогаго быка холмогорскаго, котораго ужасно боится директорша и потому его почти никогда не выпускаютъ изъ вонючаго стойла. Худой онъ стоитъ и жалобно мычитъ, когда выгоняютъ коровъ. Жалко великолѣпнаго заводскаго теленка, стоящаго не менѣе 20 р., но оцѣненного директоромъ въ 7 р. и зарѣзаннаго къ его столу. Жалко овса, перегорающаго отъ прежде-

временной укладки под навесомъ. Жалко жалованья, которое щедро уплачивается всѣмъ мастерамъ, обязавшимся ничего не дѣлать за это, потому что когда идутъ полевые работы, то имъ дѣлать съ учениками нечего, и они обязательно бездѣйствуютъ. Жалко огородника, воспитателей, дядекъ, всѣ они бездѣйствуютъ, зѣваютъ и скучаютъ. Но какъ ни раскинешь дѣло, все-таки дѣлать нечего. Что можно дѣлать на 15 дес. хозяйства, съ 7 коровами, при 30 человѣкахъ персонала и 90 мальчишкахъ рабочихъ. Видѣ это каламбуръ: докторъ училъ меня наблюдать, а тутъ вся колонія проводитъ время въ наблюденіяхъ. Сидитъ дядька, болтая ногами, видитъ—мальчикъ подхватилъ инструментъ не въ урочное время, хочетъ постругать свою собственную дощечку.

— Зачѣмъ трогаешь! кричить.

— Я дяденька... постругаю, пицить тотъ.

— Еще разговаривать. Постругаю! Положь! Увидать, тебѣ нешто достанется, сволочь этака!

На дежурствѣ въ полѣ я захватилъ съ собою записную книжку и сталъ заносить въ нее свои наблюденія. Докторъ былъ правъ. Это очень интересно. Каждый изъ дѣтей сталъ выдѣляться передо мною изъ толпы и обнаруживать свою индивидуальность. Способъ выраженія мыслей, образъ отношенія другъ къ другу, походка, смѣхъ, предметы, которые чаще другихъ привлекаютъ вниманіе дѣтей,—во всемъ этомъ проглядываетъ личный дѣтскій взглядъ на міръ и окружающую ихъ обстановку. Со дня на день обогащаясь этими познаніями, я выяснилъ передъ собою, увидѣлъ ту бездну, въ которую произволъ бессмысленной благотворительности бросилъ эту дѣтскую семью, какъ жертвенное стадо, согнанное въ кучу. Здѣсь собраны не только преступники, а также и сироты; но всѣ они подчиняются однѣмъ и тѣмъ же правиламъ дисциплины, исполняютъ тѣ же работы, напримѣръ, корчеваніе пней. Развѣ это дѣтскій трудъ? Въ полѣ работы длятся съ 7 часовъ утра до 7 вечера. Развѣ это дѣтскій день? Систематическая полевая работа въ нашемъ климатѣ сопряжена съ огромными затратами физической силы, и предоставить ребенку самостоятельное значеніе полевого рабочаго—нелѣпное увлеченіе! Онъ можетъ быть помощникомъ при уборкѣ травы, жатвы, картофеля и проч., но главное, центръ тяжести этого труда долженъ опираться на сильныя, опытыя руки. Въ этомъ наука для ребенка. А въ колоніи весь тяжелый трудъ сваливается на дѣтей. Рабочіе только ходятъ, да покрикиваютъ, и въ случаѣ малѣйшаго противорѣчія

бѣгутъ съ жалобами и доносами; а если пороботаютъ, то въ «охотку».

Дармоѣды! вотъ прозвище, данное дѣтми всему педагогическому и рабочему персоналу колоніи, стоющему болѣе 15,000 р. ежегодно.

Между дѣтми не дѣлаютъ разницы. Возрастъ не принимаютъ въ расчетъ: 8-лѣтній и 18-лѣтній работаютъ одинаковое число обязательныхъ часовъ. Дисциплинарныя взысканія допущены тоже безъ оцѣнки возраста и физической силы ребенка. Кто далъ право располагать такъ существомъ человѣка? Того, что видѣлъ я, даже и въ педагогикѣ нѣтъ.

Во время работъ дѣти перекидываются словами и везутъ всевозможный вздоръ. Не удовлетворяясь безсодержательностью своего собственнаго измышленія, живой умъ ихъ и живое чувство ищутъ живыхъ впечатлѣній. Когда настроеніе ихъ перейдетъ въ жажду видѣть и слышать что нибудь живое, дѣйствующее сильно, они затѣваютъ «комедію». Програма ея вкрайне однообразна. Дѣйствующія лица преимущественно тѣ же. Первое дѣйствіе состоитъ въ мѣткихъ, грубыхъ сарказмахъ одинъ противъ другаго. Второе—вмѣшательство дядки, его крики, брань, неистовство, хихиканья и общее оживленіе. Третье—появленіе директора, судъ, приговоръ и исполненіе приговора, возгласы, восклицанія, одобреніе и удивленіе, смотря по обстоятельствамъ, и тишина, отдыхъ до новой исторіи. Иногда разговоры кратки, глубокомысленны.

— И отчего это къ намъ въ колонію и господа иногда это пріѣзжаютъ? спрашиваетъ кто нибудь, умышленно кривляя свой голосъ и рѣчь.—Походять, походять, посмотреть, посмотреть, а потомъ и уѣзжаютъ. Что они, торговать нѣшто сюда пріѣзжаютъ?

— Вотъ дуракъ! Енералы нешто торгуютъ!

— И отчего же это къ намъ енералы наѣзжаютъ?

— Звѣстно счиво: у насъ колонія малолѣтнихъ преступниковъ съ достоинствомъ отвѣчаетъ кто нибудь.

Но эта бесѣда кажется неудачно задуманною и обрывается. Молчаніе. Въ день моего дежурства собирали картофель. Рабочій объѣзжалъ поле съ сохою; дѣти вползли въ землѣ; въ сторонѣ по дорогѣ, на разосланныхъ рогожахъ, десятеа два дѣтей сортировали картофель. Я сидѣлъ на дорогѣ и помогалъ сортировщицамъ, зорко поглядывая по сторонамъ.

— Фроловъ, ты чего не работаешь? вдругъ закричалъ на Фролова маленькій Сусликовъ.

— Что ты врешь? я работаю, говоритъ Фроловъ, вытира рукавомъ потный лобъ и съ удивленіемъ взглядывая на сосѣда.

— Чего бельма выпучилъ? Вишь лобъ вытираешь! продолжалъ Сусликовъ.

— Вытираю... тебѣ-то что?

— Дармоѣдъ окаанный! Сейчасъ къ директору сволоку, хошь? азартно вскрикивалъ Сусликовъ.

— Г-нъ воспитатель, кричить Фроловъ, — Сусликовъ тутъ придирается.

— Онъ не работаетъ, объясняетъ Сусликовъ, поворачивая ко мнѣ свое востроносое, рябое лицо.

— Какъ не работаю? Болванъ ятакой! Такъ и садану!

— Тронь, тронь!.. Фроловъ дерется, кричитъ Сусликовъ, кидаетъ корзину, закрываетъ рукавомъ глаза и начинаетъ притворно хныкать.

— Тебѣ скучно здѣсь? спрашиваю я.

— Онъ дере-отся!

— Возьми корзину и пойдемъ на другую градуку. Чтобы тебѣ не мѣшали, будешь работать одинъ.

Сусликовъ вдругъ засмѣялся, схватилъ корзину и побѣжалъ къ указанному мѣсту.

Въ самомъ дѣлѣ предсказанія доктора сбываются. Но дѣтамъ не понравилось мое отношеніе къ нимъ. Къ полудню они совсѣмъ соскучились, а послѣ обѣда разыгралась сцена съ дядькою. Тамъ повезло. Онъ вышелъ изъ себя сразу, буино, и перешелъ ко второму акту.

— Ау, ау его! заголосило поле при видѣ ученика, влекомаго за шиворотъ.

Пока я успокаивалъ расшумѣвшихся дѣтей, дядька съ своею жертвою уже исчезъ по направленію къ директорскому дому. Послѣдній актъ «комедіи» разыгрался гдѣ-то за кудисами. Вмѣсто энилога, явился на сцену директоръ и приблизился къ намъ, сортировавшимъ картофель. Опершись обѣими руками на желѣзную палку и опустивъ внизъ голову, онъ глубокомысленно обоврѣлъ работавшихъ.

— Дѣлай, дѣлай, дѣлай, дѣлай, дѣлай, дѣлай, ребята, дѣлай! скороговоркой проговорилъ онъ, для поощренія и опять ушелъ куда-то. Когда онъ ушелъ, дѣти переглянулись.

— Шудды-будды-мулды-будды! проворчалъ кто-то, ловко поддѣлавшись подъ его голосъ.

Врывъ хохота привѣтствовалъ смѣльчака. Я показалъ видъ,

что эта выходка заслуживаетъ только невниманія. При встрѣчѣ съ директоромъ, я обратился къ нему съ выраженіемъ неудовольствія на то, что дядька, помимо меня, дежурнаго въ полѣ, отвелъ шалуна къ нему.

— А я то что-же? спросилъ онъ меня злобно. — Пышка, по вашему?

— Я докладываю вамъ какъ директору, спокойно отвѣтилъ я.

— Знаемъ васъ! пробурлилъ онъ и, медленно шагая, удалился въ свои покои.

И догадался, что ему извѣстно о моемъ сближеніи съ докторомъ. Оставивъ однако личности въ сторонѣ, я принялся за дѣло горячо, неуспшно. Прошло болѣе двухъ недѣль безъ всякихъ исторій. Моя бдительность не ускользнула отъ вниманія колоніи. Между мною и дѣтьми стала завязываться искренность. Проходили даже праздничные дни, когда дѣти всего болѣе ищутъ случаевъ развлечься, а у насъ все шло тихо, смиренно, благополучно, и надъ всей нашей черной, тяжелой мертвечиной повѣялъ свѣжей воздухъ отрезвленія и покоя. Дѣти наши жадны до всякихъ сильныхъ впечатлѣній и я часто забавлялъ ихъ чтеніемъ, рассказами. Они всегда съ удовольствіемъ слушали. Иногда кто нибудь изъ нихъ самъ предавался воспоминаніямъ и я узналъ прошлое колоніи по ихъ рассказамъ. Каблукъ, забывшій исторію съ табакомъ, оказался очень милымъ, симпатичнымъ юношею. Онъ не могъ одолѣть своей привязанности къ табаку и хотя попадался мнѣ по прежнему, но я старался не замѣчать этого недостатка въ немъ, такъ какъ онъ во всемъ прочемъ держалъ себя безукоризненно. Въ немъ было много недоумокъ, то растерянность какая-то, не знаешь что отвѣтить, какъ что нибудь сдѣлать, но при своей уступчивости, мягкости, онъ всегда былъ друженъ съ товарищами и откровененъ со мною. Самая растерянность его, слабость воли, вѣроятно были привиты ему колоніею, беспощадно ломавшей его природу взысканіями и всевозможнымъ гнетомъ.

— У насъ тутъ дѣтей перебивало, какъ-то сказалъ онъ во время моей праздничной бесѣды съ дѣтьми. — Вотъ былъ у насъ тутъ дикій мальчикъ. Вотъ чудной-то, право! Самъ онъ былъ худенькій, черный, загорѣлый весь и ловкій, страсть какъ! какъ обезьяна! Зубы у него тоже такіе были, акурать какъ у обезьяны. Стриженный. И все онъ ходилъ, опустивши голову внизъ. Завсегда, завсегда такъ, низко, низко... И все онъ молчалъ больше. Зла онъ никому никакого не дѣлалъ и работалъ съ нами за-

всегда исправно... Такъ онъ ящерицъ, лягушекъ, червей ѣлъ. Ей-богу! Мы ему поймаемъ ящерицу и принесемъ. Съѣшь! скажемъ. Онъ сейчасъ головку прижметъ ей между пальцами, придавитъ, да съ хвоста и сжуесть всю. А если огонь въ лѣсу разложенъ, наперво поджарить ее. По деревьямъ лазилъ онъ, ужъ такъ проворно. Посмотрѣть даже страшно. А то по землѣ, между кустами ползаль, просто какъ змѣя, такъ и вьется. На животъ ляжетъ, руки, ноги вытянетъ и ползетъ такъ, что ни сучкомъ не двинетъ, ни вѣтвой не шелохнетъ. Прямо, какъ змѣя! Онъ рассказывалъ, что его какіе-то людишки украли у родителей и онъ прожилъ у нихъ пять лѣтъ, а потомъ бѣжалъ темными лѣсами. Ни матери, ни отца теперь своихъ онъ не зналъ. Жилъ онъ въ колоніи мѣсяца два, а потомъ убѣжалъ и слухъ пропалъ о немъ.

— А то у насъ бунтъ былъ, рассказывалъ онъ въ другой разъ, но воспоминанія его о бунтѣ были сбивчивы. Въ чемъ именно состояла причина волненій онъ обстоятельно объяснить не могъ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ его рассказа, можно было представить себѣ только то, что дѣти вышли изъ повиновенія воспитателямъ и раздѣлившись на двѣ враждующія партіи, производили между собою драки, толпами ходили по окрестностямъ, носили въ колонію водку, и такъ какъ многіе изъ нихъ были уже въ зрѣломъ возрастѣ—пустились въ куртизанство съ особами женскаго пола, обитавшими въ сосѣднихъ деревняхъ.

— И попадало же намъ, маленькимъ тогда, страсть! проговорилъ рассказчикъ. — Бывало ночью разбудятъ: бѣги за водкою! а кабаки всѣ заперты. Бѣги, говорятъ, достань, а не то такого звону тебѣ зададимъ, что и не опомнишься. Не хочется идти, а побѣжишь по-неводѣ. Одного за то, что понеслъ пожаловаться директору, до полусмерти ногами затоптали, на-силу отлежался. Страшный такой былъ, щеки ему раздуло такъ... Его спрашиваютъ: кто билъ тебя? а онъ молчитъ, сказать боится, потому тогда еще хуже было бы.

Мнѣ хотѣлось знать мнѣніе дѣтей о причинахъ беспорядковъ и ихъ личную оцѣнку настоящаго.

— А теперь это бываетъ? спросилъ я.

— Теперь нѣтъ, теперь спокойнѣе стало, отвѣчалъ Каблуковъ.

— Отчего-же это? спрашиваю, строгости пошли?

— Не то что строгости, а большихъ такихъ нѣтъ, рас судительно возразилъ Каблуковъ.—Вѣдь тогда были годовъ двад-

пяти съ лишнимъ. А что строгости, такъ теперь строже стало, это точно, меланхолически прибавилъ онъ.

— Когда-же жилось дѣтямъ лучше, тогда или теперь? равнодушно спросилъ я.

Каблуковъ тревожно взглянулъ на меня и промолчалъ. Его отвѣтъ невольно сказался въ этомъ движеніи. Въ безпокойствѣ, мельнувшемъ на его задумчивомъ лицѣ, какъ будто пронеслось воспоминаніе обо всемъ минувшемъ, и горькое чувство раздумья смилось съ чувствомъ опасливой осторожности къ настоящему. Чѣмъ вспомнить ему свое дѣтство! Разгуломъ пьяной толпы, господствовавшей надъ нимъ въ одну эпоху, и смѣнившимся възыскательною жестокостью воспитателей—въ другую? Когда волновалась и жала его своимъ развратомъ собранная толпа, онъ боялся ее; теперь учредилось нѣчто узаконенное воспитательными цѣлями, сборище педагоговъ,—онъ боится и ихъ. Съ опаскою пробираясь между тѣми и другими, онъ не имѣетъ возможности оглянуться на самого себя, собрать то, что ему дала природа, и то удовлетворяя буйнымъ страстямъ своихъ бывшихъ товарищей, примирается съ ними, живетъ ихъ жизнью, то попадаетъ въ новыя условія и чувствуетъ необходимость подлаживаться къ новымъ господамъ своимъ, новымъ требованіямъ. Тамъ его били и здѣсь не милуютъ. Такъ его моральное дѣтское, не окрѣпшее существо умалется, не успѣвая вырости, и при множествѣ вычетовъ неподвижно останавливается на суммѣ оборванныхъ остатковъ нравственности, которые кой-какъ еще сохранились въ немъ. Безсильный тѣломъ, съ истрещанною, разслабленною душею своею, развѣ устоитъ онъ отъ массы искушеній, которыя готовятъ ему жизнь на свободѣ? развѣ справится онъ съ тѣмъ гнетомъ и нуждою, которымъ полна наша жизнь? Пассивный, робкій, съ затаенными страстишками, онъ будетъ требовать вѣчнаго надзора за собою, вѣчной помощи себѣ, и сразу опуститъ руки, когда отъ него потребуютъ приложенія къ дѣлу силы духа и тѣла. И потонетъ онъ въ безднѣ разврата, и станетъ онъ мстить человѣчеству за свою гнусную гибель. Будетъ зарабатывать онъ 100 р. въ годъ и добросовѣстно, всѣ цѣликомъ, отнесетъ ихъ въ кабакъ. По слабости перещетъ когда лишнее, украдетъ, и опять заплатитъ. Тутъ откроется ему довѣріе и широкое поприще: воровствомъ своимъ онъ будетъ платить обществу за разумное воспитаніе, а наворованное отнесетъ къ цѣловальнику, уплатитъ за довѣріе.

— Ты мнѣ вѣрь, хватаясь за дверь или выручку, будетъ говорить Каблуковъ, шатаясь:—ты мнѣ вѣрь, потому что я самъ

человѣкъ вѣрный; я ежели и перецью, а, вотъ что: украду, а заплачу. Слышь? Вѣр-р-рно!

Каблуковъ женится и, вспоминая буйство пьяныхъ товарищей дѣтства, буйство своихъ дѣдекъ, суровость взысканія своихъ воспитателей, станетъ по-маленьку буйнить и дома, потомъ разгуляется и покажетъ примѣръ суроваго взысканія на своей женѣ и малюткахъ. если Богъ пошлетъ ему такую милость, такое счастье имѣть своихъ дѣтей. И услышутъ сосѣди страшные крики и вопли гдѣ нибудь подъ вывѣскою: «сапожникъ, кончившій курсъ обученія наукъ и ремеслъ въ земледѣльческой колоніи». Соберутся прохожіе люди, соберутся и встанутъ.

— Что за крики? спрашиваютъ одни.

— Мужъ жену бьетъ, отвѣчаютъ другіе.

— Развѣ диро такая семейная расправа! Кому какое дѣло? Проходи, чего стали! кричить городской.

Толпа, подшучивая, расходится, и еще на концѣ улицы слышнть глухіе стоны и визгливые крики жертвы... Но вотъ они затихли. Мужъ гдѣ-то спитъ, растанувшись въ чуланѣ. Горемычная и слезливая кофейница, сосѣдка, прокрадывается въ той, которая надорвала ей сердце своими воплями и мольбою о помощи. И видитъ она въ сумрачной темнотѣ подвала ситцевый пологъ. Онъ вчера опратно висѣлъ надъ кроватью, а теперь онъ, какъ паруса послѣ бури, въ лохмотьяхъ и дыры его отгрызаютъ передъ ней ужасную картину. На кровати, взерошенной, какъ берега разбитые волнами, лежитъ окровавленная жертва: она вся изрѣзана бритвой. Изъ разрѣзовъ на лицѣ, на обнаженныхъ плечахъ, на ногахъ, на рукахъ сочатся кровавыя струйки. Это ручьи... они сливаются въ одно море!

— Милая, голубушка, водицы! слышится шепотъ. Но та убѣгаетъ въ испугѣ.

Сцена перемѣняется. Городовой, дворники, приставъ, докторъ и т. д. Изъ чулана выходитъ всклокоченный мужъ. Его шатаетъ и онъ самъ шатается, какъ волны.

— Нешто я убивецъ? говорить онъ, отрезвляясь на мигъ.— Это сама она... Я мужъ, я воленъ...

Въ лицѣ, въ осанкѣ, являются отвага, смѣлость, говорятъ очевидцы. Гдѣ-же дѣлалась робкая, забитая душа твоя, Каблуковъ? Онъ съ нею и остался. Развѣ отвага, смѣлость,— эти лучшія качества души истиннаго человѣка, могутъ быть въ такихъ душахъ, развѣ онѣ выражаются вслѣдъ за такими подвигами? Онъ ходитъ, говоритъ, дѣйствуетъ какъ всѣ люди, но его кровь— кровь пьяницы, его сердце— сердце пьяницы, его мозгъ— мозгъ

пьяницы. У него нѣтъ души, у него духъ, соломенный духъ! Это мавоень, утопленникъ! Чувства, влеченія, порывы высокихъ стремленій, волнующіе человѣка, или уже вовсе несвойственны ему, или выражаются неполно, съ вычетами. Онъ существо человѣка сохранилъ только въ наружномъ видѣ, и то въ отечномъ, истощенномъ состояніи. Въ немъ господствуетъ чувство страха, но уже не то, что внушали ему въ дни воспитанія, а теперь его чувство иное, свойственное только потатору (пьяницѣ), когда онъ съ бритвой или полѣномъ въ рукахъ ищетъ чертей въ трубѣ, разбойниковъ подъ кроватью. Онъ весь полонъ этимъ чувствомъ и принимаетъ грозный видъ, чтобы, производя однородное впечатлѣніе въ людяхъ, поразить ихъ своею смѣлостью, дерзостью, распугать, разогнать ихъ... Онъ отрезвился и плачетъ, но не отъ раскаянія и не отъ жалости; онъ плачетъ потому, что ослабъ физически, ослабъ своимъ питаніемъ. Дайте ему водки, онъ перестанетъ плавать и заговоритъ совсѣмъ иное. Плавать и выражать свою слабость онъ будетъ очень долго, пока въ просвѣтлѣвшій и слегка обновившійся мозгъ его не прокрадется мысль о побѣгѣ. Эта мысль оживитъ въ немъ надежду, силу; она, какъ счастливое представленіе, овладѣетъ всѣмъ существомъ его, и онъ еще покажетъ вамъ свою дерзость... Да, да, Каблуковъ, я угадалъ твою забитость, твою трусость! Когда у тебя спросили откровеннаго признанія, ты отвернулся и промолчалъ; но для меня ты весь сказался въ этомъ молчаливомъ отвѣтѣ. Я долго говорилъ о тебѣ съ докторомъ, многое онъ объяснилъ мнѣ. Онъ показалъ мнѣ вѣсъ, ростъ твой; онъ на сантиметры разложилъ мнѣ твои вѣсовыя величины; онъ посмотрѣлъ на тебя какъ на распатанную машину и холодно, спокойно вычислилъ мнѣ размѣры душевныхъ силъ твоихъ; а я, твой воспитатель, я, братъ твой, посмотрѣлъ на тебя съ своей христіанской точки зрѣнія и не оставлю тебя... нѣтъ, не оставлю, милый мой мальчикъ, такъ же, какъ и докторъ не оставилъ насъ своимъ совѣтомъ! Мы знаемъ, сколько ты въ день можешь перенести труда, и экономно затратимъ твое время. Чистый воздухъ и, хоть какая ни на есть, пища колоніи подерѣвляють твою душу и тѣло; наша ласка, наша любовь разсѣють мракъ твоей робости. Ты съ довѣріемъ будешь слушать наши совѣты; пошалишь иногда, какъ мальчикъ, и одумаешься; а вырастешь, — радостно будетъ свѣтить тебѣ воспоминаніе о милосердномъ и дружескомъ участіи къ тебѣ, и пойдешь ты въ міръ съ смѣлостью и правдивостью честнаго, работающаго человѣка...

У Жилкина зажали пальцы послѣ ломки рамъ и стеновъ въ карцерѣ, но его не прислали ко мнѣ, а отправили по распоряженію директора въ отдѣленный домикъ съ тѣмъ, чтобы онъ у одного изъ старшихъ учениковъ, занимающихся переплетомъ книгъ, научился дѣлать коробки. Идіотъ съ грыжей, не способный къ тяжкому физическому труду, прошелъ для пробы всѣ мастерскія, признанъ и въ нихъ неспособнымъ. Эта неспособность—единственное достояніе несчастнаго ребенка. Родившись со всѣми задатками ея, онъ провелъ на свободѣ лѣтъ десять и былъ отданъ матерью къ лютому сапожному мастеру въ науку, чтобы держалъ его въ «строгости», «повиновеніи», и «обучилъ». Годъ и шесть мѣсяцевъ бился съ нимъ лютый мастеръ, каждый день хваталъ Жилкина за волосы, поднималъ его на воздухъ и сбѣлъ, стегалъ широкимъ, толстымъ ремнемъ,—но искусство не далось ему. Жилкинъ сталъ поглядывать за окошко, однажды улизнулъ въ него изъ мастерской и прибѣжалъ къ старухѣ-матери. У него еще было настолько смысла, чтобы убѣждать и рассказать. Мать взяла его и привела обратно. Тогда онъ убѣждалъ опять, только не къ матери, а куда глаза глядятъ. Путь лежалъ черезъ Сѣнную площадь. Видитъ Жилкинъ, что маленький мальчикъ, забравшись за рогожу деревяннаго шалаша, набиваетъ карманы товаромъ. Товаръ не только съѣдобный, но даже привлекательный—яблоки. У Жилкина глаза и зубы разгорѣлись. Самому присоединиться къ нему и раздѣлить опасный трудъ пополамъ,—смѣлости на это не хватаетъ. Но тотъ не ожидалъ его содѣйствія, а съ быстротою опытнаго человека завершилъ свое предпріятіе, вынырнулъ изъ лазейки и бросился за уголъ. Жилкинъ его ждалъ. Его волновали голодъ, зависть и влеченіе къ лакомому предмету.

— Эй, какъ это тебя! обликнулъ онъ обладателя яблокъ.— Дай яблочка, а не то... того, какъ это? городского илигну.

Тотъ равнодушно вынулъ два яблока изъ кармана и подалъ Жилкину. Ему очевидно не новость была отдѣлываться такимъ образомъ отъ нападеній. Сдѣлавши это, онъ побѣжалъ куда-то по улицѣ, но Жилкинъ послѣдовалъ за нимъ и догналъ его гдѣ-то въ переулкѣ.

— Чего тебѣ? остановился тотъ.

Жилкинъ сначала испугался, но давшій яблоки былъ рабой, худой, со впалыми глазами, на видъ добрый.

— Я-то? Я, слышь, убѣгъ отъ хозяина, вмѣсто отвѣта говоритъ Жилкинъ.

— Давно?

— Сегодня.

— Такъ что-жь?

— Ничего, теряется Жилкинъ. Онъ хочетъ припомнить, что именно думалъ связать ему, но забылъ, и жадно грызетъ яблоко.

— Ты что-жь? говори? усовѣщаетъ тотъ.—Я ужъ два года какъ убѣгъ. Нешто безъ хозяина жить нельзя.

— Какъ тебя зовутъ-то? спрашиваетъ Жилкинъ, проглатывая послѣдній кусокъ.

— Меня-то? а тебѣ что? Меня зовутъ, братъ... отвѣчаетъ тотъ такимъ словомъ, котораго и написать нельзя.

— Эва какъ! теряется Жилкинъ.

— Да! восклицаетъ тотъ.

— Чудно! удивляется Жилкинъ.

— А хошь иначе,—зови меня Митькой.

— Ладно, соглашается Жилкинъ.

— Ты гдѣ ночуешь нонеча? спрашиваетъ Митька.

— А гдѣ? Мнѣ ночевать негдѣ, беспомощно сознается Жилкинъ.

— Такъ въ домъ Вяземскаго пойдемъ, предлагаетъ Митька; —у меня сегодня, братъ, неудача, предупреждаетъ онъ.

Жилкинъ цѣнить довѣріе и обнаруживаетъ вниманіе.

— А что? спрашиваетъ онъ.

— Да то, что только одинъ карманный платчикъ и вытянулъ сегодня. Въ платчикѣ акурать пятьдесятъ копѣекъ серебромъ, а больше ни шиша! Хочешь—пофлимся; а завтра, чуръ, твой чередъ. Идетъ?

— Ладно, соглашается Жилкинъ, видя на рукѣ Митьки два двугривенныхъ и гривенникъ. Онъ никогда не имѣлъ столько денегъ.

— Ну, то-то! Я тѣ завтра тавое мѣсто покажу... другому бы не показалъ, а тебѣ покажу. Ты это и знай!

— Ладно, подтверждаетъ Жилкинъ.

— А въ случаѣ чего, не выдавай! Значить: тебя поймали, ты одинъ виноватъ; меня поймали, я буду виноватъ.

— Ладно!

— Теперъ я вотъ что скажу: пойдемъ, закусимъ и выпьемъ.

Въ закуской Митька обвиняется съ продавцомъ оставшимися яблоками на водку. Яблоки продавецъ тутъ же разрѣзаетъ на части и кладетъ куски въ ряду другихъ закусокъ, а водку и купленный хлѣбъ съ печенкою уничтожаютъ дѣти. За-

кусивши, они отправляются въ трактиръ, заходятъ въ билиардную, чинно садятся на стулъ и слѣдятъ за игрою.

— Вотъ, видишь, на комодѣ лампа стоитъ, шепчетъ Митька Жилкину.

— Вижу.

— Она завсегда тутъ днемъ находится. Завтра приходи сюда и забирай ее.

— Ладно, простодушно говорить Жилкинъ, не глядя на него и болтая ногами.

— Я тутъ почитай каждый день бываю, меня знаютъ, мнѣ нельзя, поясняетъ Митька, — а тебѣ можно; ты новенькій.

Насмотрѣвшись на игру, дѣти отправляются искать ночлеги и находятъ его въ домѣ Вяземскаго. Тамъ въ ночлежномъ пріютѣ провести ночь стоитъ всего 5 к. Спать на голомъ полу, подложивши подъ голову шапку и руки. Здѣсь встрѣчаются старыя знакомыя Митьки, завязываются новыя знакомства у Жилкина, и собравшіеся друзья ложатся спать рядомъ. Пока еще сонъ не овладѣлъ ими, сообщаются новости дня. Жилкинъ узнаетъ, что нѣсколько общихъ знакомыхъ пришельцевъ и Митьки арестованы, и что сошлютъ ихъ въ какую-то колонію. Жилкинъ показываетъ видъ, что онъ внимательно слушаетъ рассказъ, но яснаго представленія о немъ не получаетъ и, тяжело вздохнувши, пристраивается поудобнѣе въ своему ложу. Засыпая, онъ прислушивается къ повѣствованіямъ случаевъ другаго свойства. Собесѣдники наперерывъ передвуютъ событія въ домахъ терпимости, въ которыхъ они не послѣдніе посѣтители, такъ какъ могутъ уплачивать за себя иногда очень цѣнными вещами. Жилкинъ и это понимаетъ неясно.

Передъ утромъ Жилкинъ пробуждается, потому что его, соннаго, придавилъ кто-то. Онъ поднимаетъ голову и видитъ, что на него навалилась спина какого-то спящаго великана. Освободившись изъ-подъ давившей его тяжести, онъ осматривается. Дѣти спать еще; рядомъ съ ними на полу, на нарахъ, подъ нарами лежатъ все спящіе люди. Тусклый свѣтъ пробивается сквозь запотѣвшія, грязныя стекла небольшого окна и озаряетъ сонное царство ночлежнаго пріюта. На стѣнѣ коптитъ одинокая небольшая лампадка и пытается помочь дневному свѣту; но ей это стоитъ большаго труда и удается только по временамъ, и то на одно мгновеніе. Жилкинъ замѣчаетъ, что между спящими есть почти голые люди въ столь равной одеждѣ, что видъ сонныхъ даже неприличенъ. Равно-

душно окинувъ все это взглядомъ, онъ опускаетъ голову на плечо къ великану и засыпаетъ. Сильный толчокъ будитъ его.

— Ты чего навалился тутъ? раздается осипшій, грубый голосъ.—Что тебѣ мѣста мало? Ишь...

Жилкинъ вскакиваетъ и падаетъ отъ толчка на спящихъ товарищей. Тѣ поднимаются.

— А ты чего толкаешься-то? кричитъ Жилкинъ.

Товарищи вступаются за него. Поднимается брань, взаимныя угрозы. При крикахъ пробуждаются всѣ прочіе, сердятся—и дѣтей выгоняютъ на улицу.

— Ишь, дуракъ какой! И еще ругается! ворчитъ обиженный Жилкинъ.

Выгнанныя дѣти расходятся на промыслы. Митька опять угощаетъ Жилкина. Закусивши и подгулявши съ раннего утра, они идутъ черезъ Сѣяную. Тамъ густая толпа раннихъ покупателей привлекаетъ къ себѣ Митьку. Онъ на нѣсколько минутъ оставляетъ Жилкина одного, затирается между кухарками и, уловивши минуту, возвращается назадъ, улыбаясь.

— Уйдемъ скорѣе, говоритъ онъ, дергая Жилкина за рукавъ.

Они вдвоемъ вошли въ переулочекъ и бѣгомъ скрылись за тотъ же уголокъ, гдѣ произошла ихъ первая встрѣча.

Митька, оглядываясь, щупаетъ свой карманъ, какъ бы убѣждаясь, цѣла ли спрятанная въ немъ вещь.

— Теперь ты ступай въ трактиръ за лампой, говоритъ онъ Жилкину,—и приходи съ нею сюда. Я подожду. А спросить тебя кто: «куда несешь?» скажи—въ починку.

— Ладно, отвѣчаетъ Жилкинъ.

Онъ приходитъ въ трактиръ и въ билиардной застаетъ уже играющихъ. Лампа стоитъ на мѣстѣ.

— Эва какъ вы нынче рано начали? привѣтствуетъ онъ игроковъ, двухъ молодыхъ людей, повидимому загулявшихъ мелкихъ чиновниковъ.

Тѣ не обращаютъ на него вниманія и онъ, довольный ихъ равнодушіемъ, пробирается къ лампѣ. Шары катаются, стучаясь одинъ о другой. Партія въ разгарѣ. Глаза игроковъ заняты шарами. Жилкинъ беретъ лампу, прячетъ ее подъ пальто и идетъ къ дверямъ.

— Молодцы ребята, говоритъ онъ,—играйте, играйте! Славно играете!

Онъ юркнулъ за дверь, прошелъ черезъ буфетъ и показался у выходныхъ дверей. Но тамъ его уже ждали два лакея.

— Что ты несешь? спрашиваетъ одинъ изъ нихъ.

— Ничего.

— А это что? говорить другой, открывая пальто.

— Лампа.

— Зачѣмъ ты взялъ ее?

— А тебѣ что за дѣло. Починить надо.

— Починить. Пойдемъ къ буфетчику. Эта лампа стоитъ пять рублей, братъ, а ты ее уворовать хотѣлъ.

— Уво-ро-вать! дразнится Жилкинъ.

Ему неприятно слышать это слово и онъ обижается.

По суду у мирового, онъ приведенъ въ колонію и оставленъ въ ней на три года.

Находясь теперь подъ надзоромъ воспитанника-переплетчика, онъ занялся приготовленіемъ бумажныхъ коробокъ, Богъ знаетъ для какой цѣли. Я видѣлъ его работы. Всѣ онѣ носятъ отпечатокъ его генія. Я сразу узналъ его произведенія. Онѣ годятся только для самого автора.

— Зачѣмъ ты дѣлаешь такія коробки? спросилъ я.

— Продавать будемъ, съ достоинствомъ отвѣчалъ онъ.

Нѣсколько дней пробывши въ новомъ званіи переплетчика, Жилкинъ затѣялъ съ своимъ руководителемъ ссору и былъ удаленъ въ «отдѣленный». Ссора произошла по слѣдующему поводу. Переплетчикъ увидѣлъ у Жилкина табакъ и, обшаривши его карманы, нашелъ въ нихъ контрабанду. Это возмутило Жилкина.

— Какъ ты смѣешь лезть въ чужіе карманы! кричалъ онъ.

— Ты знаешь, что за это насъ въ колонію сослали.

Но переплетчикъ, игравшій роль мастера, счелъ себя въ этомъ дѣлѣ авторитетнымъ. Онъ свелъ Жилкина къ воспитателю, передъ которымъ обиженный горячо вступился за «справедливость».

— Это несправедливо! кричалъ онъ. — Въ карманы лезть нельзя!

За крики и непослушаніе его поставили въ уголъ. Жилкинъ легъ на полу и сталъ болтать ногами. Онъ кричалъ бранныя слова, ругалъ безразлично все начальство и предлагалъ всѣмъ товарищамъ закурить папиросы. Его слова признали за призывъ къ «бунту» и сослали въ «отдѣленный». Шествіе туда было весьма торжественно.

Поведеніе Жилкина въ колоніи было, по выраженію воспитателей, невыносимымъ. Способный легко переходить къ буйству, онъ обнаруживалъ непоколебимый стоицизмъ при наказаніяхъ. Онъ легко переносилъ заточеніе въ карцеръ, голодную діету,

и съ презрѣніемъ относился ко всѣмъ другимъ родамъ взысканія.

— Опять безъ пирога. Жилкинъ, дразнилъ его Макошѣвъ.

— Это лакомство! равнодушно отвѣчалъ Жилкинъ и кидался на Макошѣва съ кулаками, если тотъ задѣвалъ его самолюбіе.

Печать ограниченности, недомыслия, лежала на всѣхъ дѣйствіяхъ. Озлобленный, ожесточенный Жилкинъ иногда объявлялъ, что убѣжить изъ колоніи, и убѣгалъ, такъ что его искали, но находили гдѣ нибудь въ лѣсу возлѣ колоніи, или онъ самъ выходилъ на оклики изъ овса. На видѣ онъ производилъ впечатлѣніе мальчика добродушнаго, по своему характеру—упрямаго, по выносливости—стойка, по неспособности къ труду—лѣнившаго, по обращенію съ животными—жестокаго, и т. д.; въ дѣйствительности же это былъ человѣкъ, со дня своего рожденія, не полный душою и тѣломъ, это былъ психически мертворожденный мавокъ.

Но этотъ мавокъ, тѣмъ не менѣе, живъ. Теперь онъ вѣроятно еще бродитъ и нищенствуетъ, съ подвязанными щеками, но придетъ время, онъ дастъ себя знать странѣ, воспитавшей его и покинувшей въ такомъ видѣ.

Однажды, проходя возлѣ первой семьи, я увидѣлъ, у забора, на солнцепекѣ стоявшаго мальчика съ открытою головою. Это былъ наказанный. Я проходилъ утромъ, потомъ послѣ обѣда и видѣлъ его стоявшимъ неподвижно, какъ факиръ, ищущій спасенія души своей въ этой сповойной позѣ, но съ оступѣвшимъ лицомъ. Къ полудню выраженіе лица смѣнилось выраженіемъ тупаго равнодушія, утомленіемъ,—по мнѣнію педагога-воспитателя—смиреніемъ. Ребенокъ сдѣлался податливымъ и послушнымъ, подобно тому, какъ дѣти смягчаются, когда ихъ продержатъ три или четыре дня на хлѣбѣ и на водѣ. Воспитатель подошелъ къ нему, заложивъ руки въ карманъ.

— Ну, что же, будешь кричать и буянить? спрашиваетъ онъ.

— Не буду, шепчетъ наказанный, упорно глядя въ землю.

— Пошелъ въ семью! приказываетъ воспитатель.—Сегодня безъ обѣда, до вечера на хлѣбѣ и на воду.

Наказанный уходитъ.

— Что это за мальчикъ? рождается у меня вопросъ.

Воспитатель обязательно сообщаетъ его біографію.

— Ахъ, этотъ! восселицаетъ онъ.—Это Китовъ. Онъ присланъ

жъ намъ изъ воспитательнаго дома. Отецъ его полковникъ, большой человѣкъ, лежитъ въ параличѣ гдѣ-то въ больницѣ. Мать умерла. Но у него есть хорошіе родные: братъ, дядя—докторъ. Братъ иногда прѣзжаетъ къ нему. Онъ офицеръ.

— Что же? Это испорченный ребенокъ? спрашиваю.

— Помилуйте. Я изъ силъ выбился съ нимъ! утопленнымъ голосомъ, какъ нервная барыня, отвѣчаетъ отецъ-воспитатель.

— Что же онъ дѣлаетъ?

— Да, видите. У отца его, кажется, есть деньжата; ну, мальчишка знаетъ объ этомъ. Кромѣ того, ему надлежитъ пенсію отцовскую получать до возраста. Вотъ онъ и въ усь не дуетъ. Чуть что—въ драку сейчасъ! Скажешь ему что, грубить. Научился ругаться отвратительно. Я, признаться, даже удивляюсь, на какомъ основаніи его держать тутъ. Это такое золотце, доложу вамъ, что хотя колъ на головѣ теши, ничего съ... И воспитатель махнулъ рукою.

Иду въ доктору. Докторъ не отвѣчаетъ на вопросы.

— Вы хотите знать, что это за ребенокъ? спрашиваетъ онъ, —такъ я сейчасъ попрошу фельдшера привести его. Теперь пора провѣрить его ростъ и вѣсъ. Вы можете подождать?

— Разумѣется, отвѣчаю я, уже убѣжденный въ надеждѣ услышать новость, которую, можетъ быть, ни въ одной книгѣ на свѣтѣ не встрѣтишь.

Китова приводятъ. Онъ вошелъ въ кабинетъ доктора съ опущеннымъ лицомъ. Я взялъ его за подбородокъ и посмотрѣлъ въ глаза. Добрые и умные каріе глаза мальчика смотрѣли довѣрчивымъ, простодушнымъ, совершенно дѣтскимъ взглядомъ. На полненькомъ, кругленькомъ личикѣ его сосредоточилось выраженіе чего-то робкаго и страдальческаго.

Когда онъ, по просьбѣ доктора, совершенно раздѣлся и подошелъ къ намъ, я увидѣлъ стройнаго, на видъ очень хорошо сложеннаго ребенка, только шея была словно, несоразмѣрна съ ростомъ, толста и не совсѣмъ поворотлива. Впрочемъ, этотъ ничтожный недостатокъ совершенно скрадывался въ общемъ впечатлѣніи, которое произвелъ на меня немножко неуклюжій, но изящно сложенный мальчикъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ, что скажетъ докторъ. Онъ былъ для меня профессоръ, учитель, наставникъ, и всегда поражалъ тѣмъ, на что обращалъ мое вниманіе.

— У этого мальчика, началъ онъ, подходя къ Китову:—слѣдуетъ обратить вниманіе на шею. Вы видите эту опухоль? Она называется зобомъ. Развиваясь, она иногда затрудняетъ крово-

обращеніе въ сосудахъ шеи, а сосуды шеи питаютъ головной мозгъ, и потому, чѣмъ раньше является подобная опухоль, тѣмъ вѣрнѣе затрудняется развитіе годовнаго мозга. Въ настоящемъ случаѣ развивается не середина, а боковыя доли железа, и весьма вѣроятно, что сонныя артеріи сдавлены, питаніе мозга затруднено и органъ интеллигенціи этого ребенка ограниченъ въ своемъ развитіи. Это одно изъ условій идиотизма. Другое, на что я обращаю ваше вниманіе, слѣдующее, сказалъ докторъ, перенося руку на грудь Китова:—у этого ребенка сердце нѣсколько увеличено въ объемѣ, грудь повреждена, видите, едва замѣтная, разлитая опухоль въ области сердца? Онъ ушибся при паденіи въ раннемъ дѣтствѣ. Кромѣ того, онъ очень часто жалуется на боль во всей спинѣ, и позвонки его до крайности чувствительны къ давленію. Мать его была истеричная, припадочная женщина и умерла въ припадкѣ, а отецъ живъ и боленъ, въ параличѣ. По закону наслѣдованія, нашъ мальчикъ родился съ задатками страданія, которое выразится въ позднѣйшемъ возрастѣ. Такое тѣлосложеніе можетъ быть названо невропатическимъ, заключилъ докторъ и поставилъ Китова на вѣсы.

— Опять нѣтъ прироста въ вѣсѣ, замѣтилъ онъ, замыкая вѣсы и отходя къ дивану. — Одѣвайся! обратился онъ къ Китову.

Тотъ сталъ одѣваться.

— Давно былъ на хлѣбѣ и на водѣ? спросилъ докторъ.

— Вчера, равнодушно отвѣчалъ мальчикъ, надѣвая штаны. Ростъ при измѣреніи оказался тотъ же.

Когда Китовъ вышелъ, я обратился къ доктору.

— Докторъ, какъ же вы не вступитесь за этого ребеночка? спросилъ я, съ дрожью въ голосѣ.

— Вступался, отвѣтилъ докторъ. — Вотъ что изъ этого вышло. Директоръ, въ отвѣтъ на мою первую просьбу отмѣнить «хлѣбъ и воду», предложилъ составить списокъ тѣхъ дѣтей, которыхъ, по моему врачебному взгляду, нельзя «сажать на пищу св. Антонія», какъ онъ выразился. Я, разумѣется, отказался составлять такіе списки, потому что коевеннымъ образомъ поощрилъ бы его «сажать» здоровыхъ; ну, а леченіе этого ребенка должно быть продолжительнымъ. Онъ требуетъ постоянного вниманія и ему слѣдовало бы жить отдѣльно отъ колоніи, подъ моимъ собственнымъ руководствомъ. Для этого, однако, я не получаю необходимаго содѣйствія и вопросъ о помѣщеніи дѣтей въ отдѣльномъ врачебно-воспитательномъ приютѣ остается открытымъ. Я

надѣюсь, впрочемъ, достигнуть своей цѣли и ищу случая. Но когда это будетъ... И онъ безнадежно махнулъ рукою.

Походивъ по комнатѣ, онъ опять обратился ко мнѣ.

— Озлобленіе этого ребенка противъ колоніи такъ велико, что онъ когда нибудь подаритъ ее сюрпризомъ. Разъ, находясь здѣсь въ лазаретѣ, онъ сидѣлъ съ однимъ изъ товарищей въ приемной и тотъ, на влочки бумаги, написалъ ему нѣсколько комплиментовъ, намекавшихъ на нечистоплотность Китова по ночамъ (онъ мочится подъ себя). Китовъ взялъ бумагу и написалъ отвѣтъ: «сожгу колонію, подожгу домъ директора, сожгу его вмѣстѣ съ женою». Фельдшеръ подсмотрѣлъ его каракульки и притащилъ ко мнѣ съ подличнымъ. — «Зачѣмъ ты это написалъ?» спрашиваю его. — «Не знаю», говоритъ. Подъ этимъ «не знаю» скрывается очень многое. Не только мы, но и онъ не будетъ знать, когда именно и отчего загорится колонія или домъ директора. Я показалъ письмо директору, предупредилъ его. Что же онъ на это отвѣтилъ? — «Какъ бы намъ сбыть его?» спросилъ онъ меня. Но на требованіе мое учредить врачебно-воспитательный пріютъ, отвѣчаютъ молчаніемъ.

Пупковъ взятъ полиціею на улицѣ за бродяжничество. Двѣнадцатилѣтній мальчишъ не имѣлъ родительскаго крова, а странствовалъ по площадямъ и проспектамъ, съ просьбою о милостынѣ, но еще не попадался въ воровствѣ. Онъ мастерски умѣетъ притворно расплакаться, поразительно представить въ лицѣ своемъ то, что называется «мольбою», владетъ великолѣпные земные поклонны въ церкви и умѣетъ представиться молящимся. Здѣсь выражается его наблюдательность и талантъ. Но этотъ же Пупковъ такъ ругается, беззастѣнчиво произноситъ такіа отвратительныя слова, что его умѣнье въ этомъ отношеніи составляетъ предположить о существованіи въ немъ двухъ талантовъ. У него огромный животъ отъ злоупотребленія скверною пищею, одутая физиономія, и когда онъ явился въ колонію, то поверхность кожи его была обглодана вшами. Онъ большой либераль, потому что не хочетъ признавать надъ собою старшинства дѣтей; онъ униженный рабъ, потому что изъ всѣхъ силъ старается понравиться старшему начальству; онъ двоедушный мальчишъ, потому что при начальствѣ слезливо покоренъ и ласковъ, а едва оно удалилось, дѣлается невыносимъ съ своими товарищами, тиранитъ ихъ своею придиричивостью, ругаетъ отвратительною бранью. Но дѣти по-своему наблюдательны и безъ

труда уловили въ немъ черту, благодаря которой сразу подѣли его.

— Слушай, Пупковъ, сказалъ ему Макосѣевъ: — видишь, идетъ воспитанникъ. Это добрый, хорошій... Ужь такой добрый!.. Мы всѣ его любимъ. Онъ лучшій ученикъ и директоръ его тоже любить. Знаешь, какъ зовутъ его?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ Пупковъ.

— Его зовутъ господинъ Слонъ. Ты поздоровайся съ нимъ.

— Хорошо, говоритъ Пупковъ, очень довольный случаемъ понравиться вліятельной особѣ.

Разговоръ этотъ относился къ дѣйствительно идущему ученику Ивашкину, который служилъ на фермѣ и считался черно-рабочимъ колоніи. Сильный, здоровый мальчикъ, присланный изъ воспитательнаго дома въ колонію, онъ всегда считался наряду съ лучшими рабочими, и теперь ему поручили исполнять на фермѣ самыя тяжелыя, неудобныя работы, на примѣръ, возку изъ города «золота». Теперь онъ шелъ мимо дѣтей съ какимъ-то порученіемъ. За свою силу и невозмутимое спокойствіе онъ давно получилъ отъ дѣтей прозваніе «слона», за которое иногда считалъ долгомъ разсердиться, но Пупковъ, не подозрѣвая шутокъ, подошелъ къ нему, снялъ шапку и усердно поклонился.

— Здравствуйте, г. Слонъ, съ изысканною вѣжливостью, какъ джентльменъ, проговорилъ онъ.

Ивашкинъ былъ не въ духѣ. Отъ его платья несло всегда невыносимую воню, и вонючія испаренія сѣрнистаго водорода раздражали его. Услышавъ бранное слово, онъ не выдержалъ и «слегка», но слегка по-своему, далъ вѣжливому джентльмену такую затрецину, что Пупковъ выронилъ шапку и полетѣлъ въ ровъ. Первымъ движеніемъ пострадавшаго было заревѣть благимъ матомъ, но, поднявшись, онъ вдругъ умолеъ, подобралъ шапку, отряхнулъ ее, надвинулъ на голову и, понявъ обманъ, въ который былъ введенъ товарищами, сосредоточилъ на нихъ всю закипѣвшую злобу. Почти ежедневныя исторіи съ нимъ, вѣроятно, и теперь еще находятся въ связи съ этимъ первоначальнымъ толчкомъ для разлада.

Проучивши новичка, Слонъ потомъ узналъ его относительную невиновность и пожалѣлъ даже, пока не забылъ о случившемся. Слывя добрымъ, надежнымъ и честнымъ малымъ, онъ не заработалъ у колоніи себѣ даже чистаго платья; но судьба его была еще печальнѣе. Выростая въ колоніи, онъ былъ совершенно безграмотнымъ и, при своихъ общихъ хорошихъ задаткахъ физическаго и душевнаго развитія, обнаруживалъ за-

мѣчательную грубость и невѣжество въ пониманіи всего окружающаго. Находясь съ ранняго утра въ работахъ, онъ былъ вѣчно на посылкахъ у чернорабочихъ и при власти, данной имъ, разумѣется воздерживался отъ всякаго протеста. При нѣкоторыхъ другихъ условіяхъ можетъ быть и этотъ способъ воспитанія въ ограниченномъ смыслѣ былъ бы полезенъ, хотя, во всякомъ случаѣ, онъ не стоитъ 500 р. въ годъ за мальчика (онъ ничего не стоитъ!); но условія, въ которыхъ находился нашъ Ивашкинъ, едва-ли были воспитательными.

При общемъ гнетѣ и давленіи, который былъ положенъ на всѣхъ воспитанниковъ, служащіе при колоніи, умѣвшіе подлаться къ директору, пользовались безпредѣльными льготами. И это иногда дѣлалось причиною разврата учащихся. Такъ, одинъ изъ рабочихъ, получившій расчетъ, уѣхалъ на родину и кстати захватилъ съ собою одинъ изъ новыхъ казенныхъ хомутовъ. Онъ благополучно вышелъ съ нимъ изъ фермы, прошелъ колонию, прибылъ на станцію желѣзной дороги и здѣсь былъ встрѣченъ членомъ комитета.

— Чей хомутъ? спрашиваетъ членъ комитета.

Рабочій смутился и его, какъ заподозрѣннаго, воротили назадъ, въ колонию, съ полицейскимъ. Всѣ ученики колоніи узнали о случившемся и произнесли надъ нимъ свой приговоръ, вполне соответствовавшій духу ихъ воспитанія. Но директоръ, когда рабочій, по русскому обычаю, повалился ему въ ноги, помиловалъ его отъ себя и отпустилъ въ деревню. Если-бы надъ учениками не было гнета, они бы не обратили вниманія на разность въ справедливости отношенія къ ихъ шалостямъ и сознательному преступленію человѣка, пользовавшагося большимъ довѣріемъ начальства; теперъ же это былъ сигналъ къ понятію о томъ, что «правды», «справедливости» на свѣтѣ вовсе нѣтъ, а есть только «самодурство педагоговъ», которому дѣти, по своей ограниченности, не умѣютъ дать названія и съ которымъ поладить очень легко: надо только умѣть ему нравиться. Результаты этого вѣянія оказались довольно скоро. Черезъ нѣсколько времени у коровницы пропали деньги. Поиски ихъ были тщетны. Много слезъ пролила бѣдная женщина, розыскивая ихъ, и Ивашкинъ очень усердно помогалъ ей въ розыскахъ, но впоследствии все-таки деньги оказались у него; вслѣдъ затѣмъ онъ повторилъ воровство и, кромѣ того, тутъ же въ колоніи началъ пьянствовать. Результаты воспитанія стали сказываться.

Подобные случаи внезапнаго воровства, внезапнаго бѣгства, внезапнаго пьянства повторяются по мѣрѣ того, какъ ученики

поднимаются на ноги; по мѣрѣ того, какъ они, приближаясь къ совершеннолѣтію, начинаютъ задумываться о предстоящей независимости, и духъ зрѣлости, закипающій въ крови, увлекаетъ ихъ въ мѣста запрета, въ мѣста злачныя, въ мѣста, осѣненные радужнымъ блескомъ ихъ невоспитаннаго, но горячаго воображенія.

Знакомство съ учениками, физическое и душевное изученіе ихъ, поставлено было мною на первый планъ; въ случаяхъ же, гдѣ встрѣчалась потребность практическаго приложенія моихъ познаній, я обращался за совѣтомъ къ доктору, который въ точности слѣдилъ за физическимъ развитіемъ дѣтей и дѣлился со мною своими наблюденіями. Цѣлый мѣсяць прошедъ въ этомъ упорномъ, горячемъ трудѣ. У меня и мысли не было о разладѣ съ докторомъ; я ждалъ и искалъ той системы, къ которой мы совмѣстно придемъ, когда соберемъ въ порядокъ весь матеріалъ нашъ. Дѣти словно чуяли о томъ, что мы заняты ими, и довѣрчиво слушали все, что приходилось сообщать имъ; они были покорны и рады тому, что все у насъ дѣлается по «умному», «согласно» и «тихо». Они очень цѣнили это и даже иногда хвастались передъ другими семьями, хвастались тѣмъ, что цѣлый мѣсяць у нихъ никакихъ наказаній нѣтъ, да и наказывать не за что. По истеченіи мѣсяца въ каждой семьѣ бываетъ собраніе, въ которомъ дѣтямъ данной семьи ставятъ откѣтки въ успѣхахъ и поведеніи. Состоялось подобное же собраніе и у насъ. Директоръ, по неизвѣстной причинѣ, пригласилъ на наше собраніе всѣхъ воспитателей, помощниковъ ихъ, регента и священника. Дѣти были замѣтно взволнованы, они тихо, переминаясь на погахъ, окружили столъ, заняли и мы всѣ наши мѣста. Начался страшный судъ.

Прежде всего, въ общей тишинѣ, съ опущенными долу глазами, началъ директоръ.

— Прежде чѣмъ приступить къ рассмотрѣнію поведенія каждаго въ отдѣльности, я долженъ сказать вамъ, дѣти, что въ послѣднее время вы начали вести себя изъ рукъ вонъ какъ плохо, совсѣмъ дурно. Въ былое время ваша семья у насъ считалась лучшею, а теперь вы довели поступки свои до полной распущенности. Я говорю это на основаніи постоянныхъ жалобъ на васъ, которыя слышу отъ воспитателей и дѣдекъ втеченіи цѣлаго мѣсяца. Вы неисполнительны на работахъ, вы грубы, дерзки, вы курите, вы поднимаете ссоры. Наконецъ,

дѣло дошло до того, что у васъ на-дняхъ произошло воровство! Все это въ послѣднее время.

Директоръ кончилъ. Я сидѣлъ, какъ приговоренный къ смерти. Въ комнатѣ показалось ужасно душно, чадно; лампа свѣтила какимъ-то кровавымъ пламенемъ и сіяла словно въ дыму; кругомъ видѣлись раскраснѣвшіяся лица дѣтей, далѣе, въ тѣни, за-сѣдалъ арестантъ, а надъ всѣмъ этимъ будто гудѣлъ колоколь и, тяжело потрясая воздухъ, болыкала огонь лампы и видѣвшіяся мнѣ лица не людей, а этихъ, какихъ-то безправныхъ, забитыхъ, погубленныхъ существъ, которымъ мнѣ подобать ужасно трудно.

Но это были дѣти; на лицахъ ихъ было написано: «Вотъ, вотъ! Мы старались. Какъ у насъ этотъ мѣсяцъ все хорошо было! А теперь что же? Мы опять виноваты, опять!..» Но видѣ обвиненіе дѣтей несправедливо. Эти клеветы, поднятыя противъ нихъ, имѣютъ цѣлью мое униженіе; онѣ направлены на меня, а дѣти—только почва для нихъ, орудіе. Я опомнился и обратился къ директору.

— Господишь директоръ, сказала я тихимъ, по возможности спокойнымъ голосомъ:— мнѣ, воспитателю этихъ дѣтей, приходится все, что вы изволили сказать, принять за сѣбящую новость. Я лично считаю долгомъ засвидѣтельствовать передъ вами, что втеченіи минувшаго времени дѣти вели себя примѣрно и поведеніе ихъ было безукоризненное. О воровствѣ, упомянутомъ вами, я тоже слышу въ первый разъ и прошу васъ покарѣннѣе объяснить намъ, о чемъ собственно идетъ рѣчь.

Директоръ упрямо опустилъ внизъ голову.

— Если вы отказываетесь, проворчалъ онъ угрюмо, — то пусть расскажетъ мастеръ.

Позвали мастера. Я попросилъ его объясниться.

— Воровство?! удивился онъ. — Какое же воровство?

— А пилы-то развѣ у васъ не пропадали? спросилъ директоръ.

Мастеръ махнулъ рукою.

— Ахъ, нѣтъ, распалывъ. Это они не пропаль совѣзмъ. Это я сказалъ, што нашолъ старый пиль, а прежде ихъ не было.

— Такъ гдѣ же онѣ были? спросилъ директоръ вдумчиво.

Онъ начиналъ теряться.

— Онѣ съ тряпкамъ лежалъ тутъ, подъ верстаги, гдѣ спить ученикъ Карасевъ.

— А если подъ Карасевымъ найдено, то сльдвательно...

Это напоминает Щедрина: «А начальство знаешь?—Знаю (говорить рыбаекъ).—Ну, следовательно...

— А раньше кто спалъ на кровати Карасева? спросилъ я.

— Да кто? Это не кровать, а верстакъ. На немъ много спалъ, и тотъ, и другой. Да и пилъ старый, кому оно нужна? разсердился, наконецъ, мастеръ.

Дѣло становилось ужъ слишкомъ очевиднымъ; директоръ уличался въ чемъ-то ужасно гадкомъ. Мнѣ стало жаль его.

— Это вамъ, какъ оказывается, неправильно сообщили, г. директоръ, сказалъ я, мелькомъ взглянувши на Сорова.

— Какъ давно затерялись пилы? обратился я къ мастеру.

— Да ужъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ, отвѣтилъ онъ.— Какъ это можно сказать, укралъ! негодовалъ онъ.—Я не сказалъ, что укралъ. Я сказалъ, что нашлись пилы.

— Ну, довольно, согласился директоръ, принявъ что-то въ соображеніе.—Во всякомъ случаѣ поведеніе семьи я признаю очень дурнымъ: она вся вышла изъ повиновенія.

Когда семью признаютъ на такомъ счету, то всѣ дѣти на три мѣсяца лишаются пирога и чаю. Потеря небольшая, хотя взявъ общее питаніе колоніи, все-таки чувствительная для самолюбія ни въ чемъ невиноватыхъ дѣтей, крайне обидная. Униженіе, приготовляемое дѣтямъ, разстроило бы наши отношенія, и всѣ труды, всѣ цѣли, всѣ надежды были бы разбиты такою мѣрою. Надо было что нибудь придумать, и я обратился къ директору съ слѣдующими словами:

— Въ оправданіе дѣтей, сказалъ я:— можно привести слѣдующее. За послѣднее время они не только ведутъ себя очень хорошо, но даже привели въ порядокъ свою мастерскую и инструменты, чего прежде у нихъ никогда не было.

Между воспитателями произошло волненіе.

— Какъ не было? Что вы говорите! Какой вздоръ! Это неправда, ложь! раздались со всѣхъ сторонъ голоса, и лица воспитателей побагровѣли отъ негодованія.

— Извольте спросить мастера и дѣтей.

— Что у васъ случилось? спросилъ директоръ одного изъ воспитанниковъ.

— Это точная правда, подтвердилъ тотъ вставая. — Петръ Ивановичъ, когда пріѣхали, то нашли инструменты наши въ беспорядкѣ: ключей у насъ отъ шкапиковъ никогда не было, инструменты бралъ кто хотѣлъ; а вотъ какъ они намъ ключики подѣлали, съ тѣхъ поръ все въ порядкѣ.

— Какой же беспорядокъ-то былъ? строго спросилъ директоръ.

— Да-съ, этотъ самый... потерялся ребенокъ.

— Развѣ это беспорядокъ, что ключиковъ не было? опросилъ директоръ.

Дѣти переглянулись.

— Беспорядокъ состоялъ въ томъ, что инструменты не лежали на мѣстахъ, г. директоръ, пояснилъ я.

— Этого быть не можетъ! воскликнулъ онъ, пойманный и здѣсь.

— Я не вижу причину, г. директоръ; вводить дѣтей въ заблужденіе. Если они сами признаются въ своемъ недостаткѣ, то не слѣдуетъ ли ихъ поощрить?

Директоръ задумался.

— Въ такомъ случаѣ будете ставить отмѣтки, проговорилъ онъ, обращаясь къ ареопагу.

— Да, по достоинству, въ отдѣльности, прибавилъ Соровъ.

Начали разбирать поступки каждаго изъ учениковъ въ отдѣльности. Мнѣ удалось доказать неосновательность очень многихъ обвиненій, вваливаемыхъ на дѣтей. Наконецъ, приступили къ самому послѣднему изъ нихъ, Зуйкову. Ареопагъ ставилъ ему въ вину то, что онъ говоритъ слишкомъ громко; мнѣ удалось доказать, что у мальчика этотъ недостатокъ врожденный; надо или примириться съ нимъ, или предоставить доктору выбрать средство, какъ избавить ребенка отъ того, что онъ говоритъ слишкомъ громко.

— Для меня это все равно! загадочно отбѣтилъ директоръ, — единицу ставлю ему въ поведеніи собственно я! И поставилъ.

Подъ это «я» существуетъ звонкая рима. Директоръ, впрочемъ, умолчалъ о ней. Я не сталъ спорить.

Единица зѣла въ журналѣ. Владелецъ ея былъ спокоенъ. Ему какъ будто казалось, что она или сама исчезнетъ, или я сотру ее; но засѣданіе разошлось, а единица осталась и сомнѣнія въ ея дѣйствительномъ существованіи не могло быть никакого.

— Пускай! вдругъ вскрикнулъ Зуйковъ. — Эка важность! Единица! Наставить-то ихъ много можно. — Мнѣ директоръ ужъ говорилъ: — «я, говорить, съ тебя жиръ сгоню.» — «Нѣтъ, говорю, не сгоните, ей-Богу, не сгоните!» — «Нѣтъ, говорить, сгоню.» — «Нѣтъ, не сгоните.» Онъ и пошелъ морить меня. Морилъ, морилъ, а я все толстый. Ха, ха, ха! Во какой! ха, ха, ха!..

Я провозился съ нимъ съ часъ, пока удалось успокоить

бѣднягу. Зуйковъ однако ошибался въ своей толщинѣ. Это былъ мускулистый, приземистый, довольно сильный, но не толстый юноша. Онъ былъ лучший кузнецъ въ колоніи и, постоянно упражняясь съ молотомъ, развилъ свои мускулы. Въ колонію онъ попалъ по приговору мирового судьи за участіе въ воровствѣ. Его товарищи по мастерской, гдѣ онъ учился до колоніи, украли мѣдныя трубы и, будучи пойманы, убѣдили его принять на себя вину. Какъ малолѣтній, онъ подвергался меньшему взысканію, и по великодушію своему склонился на ихъ просьбу. Пробывши въ колоніи три года, онъ очень подружился съ кузнецомъ-мастеромъ и, находясь подъ его руководствомъ, усовершенствовался въ мастерствѣ, но въ развитіи своемъ не подвинулся впередъ. За время своего пребыванія въ колоніи, онъ даже грамотѣ не научился и вышелъ изъ нея, ничѣмъ ей не обязанный, потому что мастерская находилась въ арендѣ и арендаторъ кузнецъ оплачивалъ ея существованіе. Спрашивается: какое же основаніе было у директора требовать отъ Зуйкова успѣховъ въ нравственномъ улучшеніи?

Послѣ этого безобразнаго засѣданія наступилъ общій разладъ между всеми. Директоръ чрезвычайно ловко и хитро умѣлъ поддерживать этотъ безпорядокъ и шельмовать своихъ сослуживцевъ передъ пріѣзжавшими посѣтителями. Цѣль его одна: мѣняя служащихъ, онъ всегда остается однимъ постояннымъ лицомъ колоніи и, при своемъ общемъ невѣжествѣ, удерживаетъ за собою репутацію человека, преданнаго дѣлу; а дѣти по возможности выбираются, помимо приговора мировыхъ судей, какіе получше, и колонія рѣшительно утрачиваетъ свое спеціальное назначеніе давать пріютъ и воспитаніе дѣтямъ, подлежащимъ тюремному заключенію. Произволъ директора не ограничивается даже тѣмъ, чтобы распоряженія его сохранились въ протоколахъ засѣданій или въ семейныхъ журналахъ колоніи. Протоколовъ не ведутъ, журналы содержатся небрежно. Сущствующая школа при колоніи не имѣетъ опредѣленной основы и ведется въ томъ же безпорядкѣ, въ какомъ находятся хозяйственная часть и мастерскія.

Правду сказалъ Гордѣй Семенычъ, правду, мавки бываютъ разные: малые, большіе, русые, чернявенькіе... Теперь можно расширить его познанія; надо прибавить, что они бываютъ забитыми системою воспитанія идіотами, съ грызкою, съ зобами, невротическаго тѣлосложенія, съ маленькими головками и съ

большими животами, кривоногіе, горбатые, нравственно помѣшанные; они рождаются съ задатками болѣзней, которыя постепенно развиваются въ нихъ, достигаютъ зрѣлости и принимаютъ опредѣленные формы; они страдаютъ запорами, мочатъ свои постельки... Ихъ наказываютъ, говоря, что наказываютъ любя, но всегда жестоко. Эти ундяны-утопленники живутъ между людьми, терпятъ ихъ злобу, грубое невѣжество и погибаютъ преждевременно, тоскливо, ужасно мучительною смертію. Иные достигаютъ возраста, претерпѣваютъ метаморфозы и превращаются въ дѣйствительныхъ людей, разумныхъ и добрыхъ, удивительно добрыхъ!.. Другіе перерождаются въ ожесточенныхъ и кровожадныхъ какъ тигры, въ злыхъ и ядовитыхъ, какъ скорпіоны, змѣи... Мавки размножаются, отъ нихъ рождаются тоже мавки. Для нихъ строятъ больницы, тюрьмы, учреждаются колоніи и другія усовершенствованныя изобрѣтенія. Благотворители осыпаютъ ихъ благодѣяніями; законъ, по разнымъ причинамъ, преслѣдуетъ ихъ. Въ пріютахъ для нихъ дѣлать ихъ на семьи, гдѣ есть и самодуръ-директоръ, и отецъ-воспитатель, и отставной солдатъ-дядька; только одного нѣтъ въ ихъ семьѣ—матери. Этотъ недостатокъ ощущается во всей ихъ жизни, потому что общая мать наша природа для всѣхъ мавокъ—мачиха; она создала ихъ уродами и сиротливо покинула ихъ. Они живутъ между нами, являются намъ въ разныхъ образахъ, они плачутъ и зовутъ къ себѣ... Но шумъ жизни шумнѣе водопадовъ днѣпровскихъ, вопросы жизни шире днѣпровской ширины, теченіе ея быстрѣе всякой рѣки, и тотъ, передъ кѣмъ мелькнетъ ихъ страждущій образъ, или старается разувѣрить себя въ возможности существованія чего нибудь подобнаго, или просто не умѣетъ дать себѣ отчета—березки или люди почувдлись ему...

Ив. Малайраваіскій.

РУССКОЕ ДѢЛО ВЪ ЛИТОВСКОЙ РУСИ.

Въ борьбѣ стихій растутъ и зрѣютъ
Благія жизни сѣмена.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Многіе рускіе люди утверждаютъ, что русское дѣло въ западной Россіи обстоитъ дурно. Сознаетъ ли это русское общество? На этотъ вопросъ не такъ легко отвѣтить, какъ кажется, не всмотрѣвшись предварительно въ прошлое и настоящее западной Руси, въ которой съ давнихъ временъ происходитъ борьба латинско-шляхетской силы съ народно-русскою силою. Въ постоянной и упорной борьбѣ двухъ совершенно противоположныхъ направленій и заключается все бытописаніе внутренней жизни литовско-русскаго народа, со временъ женитьбы литовско-русскаго великаго князя Ягайло на польской королевицѣ Ядвигѣ (1386 года) и соединенія подъ однимъ скипетромъ, на равныхъ правахъ, литовскаго государства съ польскимъ, которыя, послѣ люблинскаго соединенія (1569 года), имѣли одну общую, внѣшнюю, политическую исторію, до возсоединенія западной Руси съ восточною (1773—1795 годахъ).

До начала шестидесятыхъ годовъ, русское общество, къ стыду своему, совершенно не понимало значенія вышеупомянутой борьбы, а потому не могло знать о положеніи русскаго дѣла въ западной Россіи и смотрѣло на западныя области, какъ на присоединенныя отъ Польши силою оружія къ російской монархіи

губерніи, въ которыхъ почти весь верхній общественный слой казался по внѣшнему виду польскимъ, закрывая собою весь литовско-русскій народъ, съ его своеобразными обычаями, нравами и стремленіями. Представленія о «забранномъ краѣ» (по мѣстному выраженію поляковъ) составлялось не только въ туманномъ Петербургѣ, но и въ другихъ городахъ, по трогательнымъ разсказамъ бѣдныхъ, притѣсненныхъ и гонимыхъ за вѣру и народность (по ихъ словамъ) заѣзжихъ поляковъ. Ихъ внѣшній лоскъ іезуитскаго воспитанія принимался за образованіе, ихъ «падамъ до ногъ» — за послѣдствія гоненій и притѣсненій мѣстныхъ русскихъ властей. Въ то время не знали, какое странное положеніе занимала въ краѣ русская власть, гдѣ, за исключеніемъ генераль-губернатора и нѣкоторыхъ губернаторовъ, всѣ должности по гражданскому управленію были заняты почти исключительно родовитыми поляками. Русское же общество, столичное и частью областное того времени, воспитанное на презрѣніи ко всему своему родному, русскому, знакомое только съ дурными сторонами своего прошлаго, вполнѣ непонимающее внутренняго смысла русской старины, а проникнутое какимъ-то подобострастіемъ ко всему европейскому, — по всѣмъ этимъ причинамъ относилось болѣе чѣмъ сочувственно къ панамъ-полякамъ, видя въ нихъ представителей европейскихъ духовныхъ воззрѣній и шляхетскихъ стремленій. Равнодушное къ своей вѣрѣ, общество не возмущалось ярмѣмъ фанатизма и непримиримую ненавистью ко всѣмъ иновѣрцамъ (диссидентамъ) заѣзжихъ поляковъ-латинянъ. При полномъ развитіи въ то время петровскихъ преобразованій, при господствѣ чиновничества, процвѣтаніи крѣпостничества и строгой цензурѣ печатнаго слова, поляки всегда имѣли успѣхъ въ Петербургѣ и умѣли обдѣлывать всѣ дѣла въ свою пользу, руками русскихъ чиновниковъ.

Пробудившееся съ 1856 года русское общественное мнѣніе, относительная свобода печати, освобожденіе крестьянъ съ землею, труды профессора-бѣлоруса М. О. Кояловича по исторіи западной Россіи и церковной уніи (православія съ латинствомъ, подъ условіемъ признанія главенства римскаго папы) и замѣчательныя его статьи въ газетѣ «День» за 1862 годъ, сдѣрнувшія густую завѣсу, отдѣлявшую западную Русь отъ восточной, — обратили вниманіе русскаго общества и печати на «возвращенный Россіи отъ Польши край». Прочитавъ статью «О разселеніи племенъ западнаго края» того же М. О. Кояловича, представляется понятнымъ таготѣніе туземнаго населенія

къ Москвѣ, а не къ Варшавѣ или Кракову. Затѣмъ историческія свѣдѣнія о церковныхъ братствахъ, одновременно напечатанныя въ разныхъ изданіяхъ, выясняютъ духовное стремленіе литовско-русскаго народа. Для всесторонняго же ознакомленія съ судьбами западной Руси необходимо прочесть и польскихъ историковъ, съ ихъ шляхетскимъ взглядомъ на народъ—хлоповъ. Ярошевичъ, Лелевель, Нарбутъ и плодовитый Крашевскій представляютъ и отчасти дополняютъ и освѣщаютъ много историческихъ данныхъ. Но вслѣдствіе шляхетскихъ воззрѣній польскихъ писателей, вся польская литература страдаетъ извѣстною односторонностію. Шляхетская теорія, соединяющая въ одномъ сословіи всѣ блага и права жизни, настраиваетъ человѣка не обращать вниманія и не знать, что происходитъ подъ шляхетствомъ въ народѣ. Отсюда крайняя скудость въ польской литературѣ свѣдѣній даже о польскомъ народѣ и вообще всякихъ этнографическихъ свѣдѣній даже о самой Польшѣ. По этой теоріи все равно, каково бы ни было хлопство, оно представляется безразличнымъ, польскимъ хлопствомъ. Тѣмъ не менѣе шляхетство было заманчивою приманкою для всѣхъ, входившихъ въ составъ польскаго государства. Шляхетскія права служили орудіемъ ополченія многихъ обывателей литовской Руси. Даже казацкая, дѣпровская вольница увлекалась шляхетскими правами, что и привело къ ея внутреннему разложенію. Но казаки при этомъ остались вѣрными своей вѣрѣ и народности. До сего времени сохранились на Украинѣ слѣды шляхетскихъ притязаній дѣпровскихъ служилыхъ казаковъ въ соединеніи многихъ шляхетско-польскихъ фамилій съ казацкими.

Базалось бы, что эта односторонность польскихъ писателей должна пополняться польскими писателями, принадлежащими къ такъ называемой польской демократической партіи, какъ, напримѣръ, этого естественно надлежало бы ожидать отъ извѣстнаго и очень даровитаго писателя Лелевеля. Но что же оказывается? Лелевель дѣйствительно сильно клеймитъ польскую аристократію за то, что она попираетъ всѣ права народа. Но при этомъ Лелевель находитъ народъ въ той же польской шляхтѣ; въ ней онъ видитъ выраженіе народа, жизненную его силу. Это натяжка для польской шляхты и не маловажная. Но если польская шляхта есть носительница польской народной жизни, то для западно-русскаго народа, носитель жизни, образованія—каждый полякъ; хотя бы то и былъ хлопъ. Такъ смотритъ демократъ Лелевель. Понятно, что изъ литературы, проникнутой такимъ взглядомъ, немногого можно узнать о западно-русской жизни.

Труды разныхъ археологическихъ комиссій по напечатанію древнихъ грамотъ и актовъ знакомятъ насъ съ будничною, ежедневною жизнью литовско-русскаго народа. «Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ», В. О. Радча (переведено подъ другимъ названіемъ, въ 3 томахъ, графомъ К. Ф. Ожаровскимъ); «Записки о польскихъ мятежахъ и востаніяхъ», Н. Берга; «Иосафатъ Огрызко», члена виленской слѣдственной комиссіи Гоголя; «Памятники русской старины въ западномъ крайѣ», наданные по высочайшему повелѣнію П. Н. Батюшковымъ, — объясняютъ намъ почему борьба двухъ вышеупомянутыхъ силъ приняла, со времени соединенія западной Руси съ восточною, неблагоприятный для русскаго дѣла оборотъ.

Наша беллетристика частію знакомила русское общество съ положеніемъ дѣлъ въ край. Авторъ «Петербургскихъ трущобъ», В. Крестовскій, въ своемъ романѣ «Кровавый пухъ», очень удачно описываетъ русскаго молодаго интеллигента, сочувствующаго притѣсненнымъ полякамъ, но вполнѣ разочарованнаго по пріѣздѣ въ край, при видѣ дѣйствительно угнетеннаго нами народа и православнаго духовенства, и всей некакой-то стороны польскаго дѣла. Тотъ же В. Крестовскій, въ своемъ небольшомъ рассказѣ «Панъ Пржепендовскій», удачно описываетъ, какъ чиновникъ-полякъ, потерявшій службу при наѣздѣ «московскомъ», для полученія казеннаго мѣста принимаетъ православіе, оставаясь въ душѣ полякомъ-латиняниномъ и воспитывая дѣтей въ духѣ, враждебномъ Россіи. Въ романѣ «Княжна Острожская», Соловьева, представлено значеніе и вліяніе женщины-польки въ русскомъ православномъ аристократическомъ семействѣ XVI вѣка. Извѣстно, какое сильное вліяніе имѣло латинское духовенство на женщинъ и какъ это вліяніе отражалось въ семейномъ быту, въ особенности при смѣшанныхъ бракахъ. Сила, для которой всѣ средства къ достиженію цѣли хороши, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, съ замѣчательнымъ упорствомъ ведетъ борьбу до послѣдняго времени, а когда открытая борьба дѣлается невозможною, обращается въ тайной. Планъ для тайной, подпольной работы, составленный Мѣрославскимъ, извѣстный подъ именемъ «Польскаго катихизиса», попавшій въ руки правительства и тогда же напечатанный во всеобщее свѣдѣніе, ясно доказываетъ, съ какою темною силою русское дѣло должно вести борьбу. Не скрывая своего презрѣнія къ петербургской интеллигенціи и къ либераламъ извѣстнаго пошиба, авторъ плана дѣйствій не сомнѣвается, что между ними всегда найдется много ограниченныхъ или пустыхъ головъ, ко-

торыхъ нетрудно увлечь въ «панургово стадо», подъ разными заманчивыми вывѣсками, и затѣмъ натравливать ихъ на русское правительство для своихъ польскихъ цѣлей. Къ стыду тогдашней интеллигенціи, нашлись столь жалкіе люди, и даже нѣкоторая часть печати отнеслась сочувственно къ польскому движенію, возбудивъ противъ себя русское общественное мнѣніе. Въ иныхъ мѣстностяхъ отказались даже отъ дальнѣйшаго полученія нѣкоторыхъ газетъ.

Польская мятежная сила рассчитывала на вѣрный успѣхъ, но встрѣтила сильныя препятствія въ пробужденіи русскаго народнаго духа, въ преобразованіяхъ минувшаго царствованія и въ развитіи печатнаго слова. Вооруженный мятежъ вспыхнулъ, по мнѣнію главныхъ двигателей польской силы, преждевременно, вызвавъ принятіе рѣшительныхъ мѣръ и назначеніе въ Вильну М. Н. Муравьева, когда польская сила не успѣла еще вполне развить свою дѣятельность.

Народно-русская сила, найдя въ вышеприведенныхъ явленіяхъ сильную для своего дѣла поддержку, оживилась надеждами.

Вспомнивъ о литовско-русскомъ народѣ, составляющемъ до 80% общаго туземнаго населенія западной Россіи, приходятъ на умъ слова поэта:

И въ часъ невзгоды удался,
Скрывъ право вѣчное свое,
Народа духъ живеть таяся,
Храня родное бытіе.
И ждетъ заветнаго овъ часа,
И вождельный часъ придетъ,
И снова звукъ роднаго гласа
Народа волны соберетъ,
И снова вспыхнетъ взоръ отважный,
И вновь подвигнется рука,
Порывъ молодой и помыслъ важный
Взволнуютъ духъ, нѣмой пока.
Тогда къ желанному предѣлу
Борьба достигнетъ, и конецъ
Положить начатому дѣлу
Достойный, истинный вѣнецъ.

Этимъ вождельнымъ часомъ для литовско-русскаго народа было 19 февраля 1861 года, примѣненное въ полномъ его значеніи въ Литовской Руси только съ 1 марта 1863 года.

Но латино-шляхетская сила не теритъ еще надежды вновь усыпить общее вниманіе и во тѣмъ поправить свои дѣла, рассчитывая при этомъ на все, враждебное Россіи, настроеніе прс-

свѣщенной Европы и другихъ враговъ народно-русскаго дѣла въ самой Россіи.

Разныя европейскіе концерты и домашніе квартеты поддерживаютъ эти надежды и производятъ броженіе въ богѣ спойной части польской интеллигенціи, совершенно оторвавшейся отъ народа.

Говоря вообще о Западномъ краѣ, нужно опредѣлить мѣсто, на которое становится наблюдатель. Наблюдая сверху внизъ, можно видѣть только все высоко стоящее; поэтому необходимо смотрѣть тань, чтобы увидѣть не только башни и колокольни, но и самую живу, ея почву и даже подпочву съ корнями, дабы знать, куда и какія бросать сѣмена, въ ожиданіи богатой жатвы.

Соображенія эти необходимы при составленіи всякихъ предположеній по устройству края, которыя сверхъ того должны быть основаны на всестороннемъ изученіи историческихъ судебъ самаго народа по памятникамъ его старины.

Между тѣмъ большинство принятыхъ въ послѣднее время мѣръ, выработанныхъ чиновниками въ разныхъ канцеляріяхъ, раздражалъ многихъ, не приводили ни къ какимъ полезнымъ послѣдствіямъ, потому что не были основаны на вышеприведенныхъ соображеніяхъ и не соответствовали мѣстнымъ потребностямъ.

Излагая въ послѣдовательномъ порядкѣ ходъ русскаго дѣла въ Литвѣ, я постараюсь объяснить, какъ вредно отзывались въ краѣ всякія насильственныя дѣйствія, не истекающія изъ бытовыхъ условій туземнаго населенія, какъ дѣйствія эти колебали силу и значеніе высшей власти и привели къ послѣдовательному отпаденію отъ Польши лучшихъ областей. Да послужитъ это примѣромъ для настоящаго и будущаго.

Петербургское правительство до послѣдняго времени само подготовляло себѣ затрудненія, поддерживая во всѣхъ своихъ западныхъ окраинахъ высшее, чуждое народу, сословіе, въ ущербъ туземному населенію, которое всегда обращало свои надежды на русскую власть. Матежъ 1863 года побудилъ правительство къ обратному отношенію въ Западномъ краѣ, который съ того времени идетъ быстрыми шагами по пути внутренняго развитія и хозяйственнаго благосостоянія огромнаго большинства туземнаго населенія.

Правдивая исторія должна вѣрнѣе современныхъ дѣятелей оцѣнить по достоинству права каждой изъ борющихся силъ и средства, употребляемыя ими для достиженія своихъ цѣлей. По

основамъ нравственности, цѣль не можетъ и не должна оправдывать средства, допуская лишь борьбу разумную и честную.

Въ исторіи, какъ сказалъ профессоръ Вудиловичъ въ своей вступительной рѣчи 10 сентября 1881 года въ варшавскомъ университетѣ, все цѣлесообразно; существованіе борьбы само доказываетъ уже ея необходимость и законность въ событіяхъ мировой жизни. Борьба идей есть лучшая школа для развитія человѣчества.

Нужно помнить, что борьба идей не есть кулачная расправа. Можно расходиться во взглядахъ и однако понимать и уважать убѣжденія претивника, если онѣ искренни и, конечно, честны съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Лишь на высотѣ здравыхъ, научныхъ убѣжденій возможна мирная бесѣда тѣхъ двухъ альпійскихъ утесовъ, о которыхъ такъ поэтично говоритъ литвинъ Мицкевичъ въ своихъ бессмертныхъ твореніяхъ на польскомъ языкѣ.

Способность стоять за свое, но понимать и чужое, и избирать сознательно лучшее—вотъ основныя примѣты развитаго наблюдателя и дѣятеля.

Приступая къ описанію борьбы двухъ силъ въ Литовской Руси съ давнихъ временъ до послѣдняго времени, я намѣренъ рассказать событія безъ всякой предвзятой мысли, отрѣшившись отъ впечатлѣній современника, представить на судъ читателей проступки и ошибки разныхъ дѣятелей, и этимъ самымъ по возможности намѣтить путь къ мирному развитію литовско-русской народности на народно-русскихъ началахъ, освободивъ его безповоротно отъ чуждыхъ ему вліяній, и тѣмъ, такъ сказать, идти на встрѣчу завѣтныхъ стремленій этого народа. Стремленія эти, быть можетъ, неясны для поверхностнаго наблюдателя, но вполне ясны и понятны лицамъ, хорошо и близко знающимъ литовско-русскій народъ, его вѣковыя страданія, его обманутыя надежды при воссоединеніи съ всероссійскою монархіею и, наконецъ, все пережитое современными поколѣніемъ послѣ 19 февраля 1861 года. Только эти лица могутъ оцѣнить по достоинству голосъ бѣлорусса-латинянина изъ Парижа (газета «Русь») и не придавать этому голосу несоответствующаго значенія. Этимъ лицамъ понятны и значеніе Кіева и Вильны для русскихъ и поляковъ, и всякія газетныя статьи по польскому вопросу въ западной Россіи.

Русскіе люди съ 1863 года ближе познакомились съ Сѣверо-западнымъ краемъ (Литовская Русь). Многіе, побывавъ и проживъ тамъ болѣе или менѣе продолжительное время, успѣли

присмотрѣться къ туземному населенію и узнать хорошія и дурныя его стороны, его стремленія и условія современнаго быта.

Мѣстные землевладѣльцы, оправившись отъ потери дароваго труда, а также отъ послѣдствій вооруженнаго мятежа 1863 г., и вынужденные жить въ своихъ имѣніяхъ, сдѣлались хорошими сельскими хозяевами. Вполнѣ удовлетворительныя мѣстные климатическія условія, хорошая почва (за небольшими исключеніями), дешевизна рабочихъ рукъ отъ густоты населенія и выгодный сбытъ сельскихъ произведеній—вознаграждаютъ съ лихвою трудъ земледѣльца, а въ особенности землевладѣльца. Столь благоприятныя условія, при крайне умѣренныхъ потребностяхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ (бывшихъ помѣщиковъ-пановъ), доставляютъ имъ большія денежныя сбереженія и побуждаютъ ихъ обходить законъ (10 декабря 1865 года), воспреещающій полякамъ приобрѣтать земельную собственность въ Западномъ краѣ. Имѣнія съ новыми хорошими постройками, съ хорошимъ скотомъ и хорошо воздѣланными нивами, встрѣчаются очень часто, въ особенности въ западной части края, гдѣ почва лучше и сбытъ, по близости границы, еще выгоднѣе, чѣмъ въ восточной части, и свидѣтельствуютъ о благосостояніи и зажиточности ихъ владѣльцевъ. Процентный сборъ, платимый до сего времени польскими владѣльцами, составляетъ вмѣстѣ съ другими общими сборами меньшій платежъ, по сравненію съ платежами въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія. Благосостояніе большинства крестьянъ вполнѣ обезпечено; только вопросъ о безземельныхъ, при существующемъ участковомъ надѣлѣ, заставляетъ основательно призадуматься многихъ, равно какъ и вопросъ объ евреяхъ.

Современное состояніе края дѣлаетъ вполнѣ возможнымъ борьбу двухъ вышеупомянутыхъ силъ на разумныхъ основаніяхъ, и болѣе чѣмъ когда-либо обращаетъ вниманіе русскаго общества на положеніе русскаго дѣла въ (бывшей) Литовской Руси.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Борьба двухъ силъ.—Географическое положеніе Литовской (западной) Руси.—
Туземное населеніе.—Образованіе литовскаго государства и его связь съ восточ-
ною Русью.—Избраніе Ягайлы королемъ польскимъ.—Латинство.—Призваніе
іезуитовъ.—Евреи.—Люблинское соединеніе.—Усиленіе латино-шляхетской
силы.—Брестскій соборъ.—Церковная унія.—Братства и казачество.—Соединеніе
съ восточною Русью.

Въ западной Россіи съ давнихъ временъ происходитъ борьба
двухъ началъ, представителями которыхъ были двѣ силы: одна,
существовавшая здѣсь со времени образованія въ XIII вѣкѣ
литовскаго государства—православно-народно-русская сила, и
другая, возникшая со временъ избранія литовско-русскаго вели-
каго князя Ягайло на польскій престолъ (1386 г.), по вступле-
ніи его въ бракъ съ польскою королевною Ядвигою и до принятія
имъ латинства,—латино-шляхетско-польская сила, окончательно
утвердившаяся въ край послѣ люблинскаго соединенія (1569 г.)
Литвы съ Польшею на равныхъ правахъ. Сверхъ того на Жмуди
(Самогитія) существовала еще народно-жмудская сила, могуще-
ственными представителями которой были князья: старый Кей-
стутъ и знаменитый Витовтъ. Со введеніемъ латинства, сила
эта, связанная приверженностью къ древнему язычеству, посте-
пенно стала ослабѣвать и терять значеніе, но тѣмъ не менѣе
сохранилась и до нашихъ дней, поддерживаемая въ послѣднее
время латинскими духовными пастырями изъ жмудиновъ.

Долго и почти безуспѣшно отстаивалъ литовско-русскій на-
родъ свободу своей внутренней жизни отъ чуждыхъ ему началъ;
но, потерявъ все свое высшее сословіе, частью и среднее, город-
ское, онъ былъ обращенъ въ хлопство, насильственно вовлеченъ
въ церковную унію, и утратилъ много своихъ народныхъ обы-
чаевъ и вообще народную самобытность, сохранивъ въ очень
ограниченномъ числѣ своихъ представителей православную вѣру.

Подъ именемъ западной Россіи надлежитъ разумѣть почти
всю обширную страну, составлявшую нѣкогда могущественное
литовско-русское государство, а именно, лежащую на югъ отъ
Западной Двины и на западъ отъ Днѣпра до австрійскихъ и
прусскихъ владѣній и Привислянскаго края. Вся эта страна, за
исключеніемъ русской Галиціи, отданной Австріи, нынѣ состав-
ляетъ одно нераздѣльное цѣлое съ восточною Русью и управ-
ляется однимъ закономъ; только Сувальская область, населенная

литвинами и бѣлоруссами, и Холмщина, населенная малоруссами, оставлены, по какому-то особому соображенію, въ составѣ при-висянскаго генераль-губернаторства.

Въ доисторическія времена здѣсь жили: на сѣверъ отъ рѣки Нѣмана—литовцы и жмудь, на югъ отъ литовцевъ, по рѣкѣ Нѣману—голядь и ятвяги, литовскіе народы родственнаго съ славянами племени. На сѣверъ отъ Жмуди жили:—корсь, зимгола и летгола (латыши) финско-литовскаго племени. На востокъ отъ литовцевъ жило обширное славянское племя кривичи, у которыхъ были извѣстны города: Полоцкъ, Витебскъ, Друцкъ и Минскъ. На югъ отъ кривичей жили поляне или собственно русь, у коихъ извѣстенъ былъ городъ Кіевъ; на востокъ отъ полянъ и на югъ отъ ятвяговъ жили древляне по южнымъ притокамъ рѣки Припечи, а на югъ отъ нихъ, по рѣкѣ Бугу—бужане. У древлянъ были извѣстны города Берестье (Брестъ) и Люблинъ. На западъ отъ нихъ, къ Карпатамъ, жили хорваты, съ городами Перемышль и Теревовль. Кривичи были родоначальниками бѣлоруссовъ, поляне—малоруссовъ, съ коими слились бужане и хорваты, древляне—черноруссовъ. Голядь, ятвяги и большая часть литовцевъ совершенно слились съ бѣлоруссами по языку и обычаямъ. Въ землѣ хорватовъ образовалась Червоная Русь.

Всѣ эти племена, послѣ цѣлаго ряда политическихъ переворотовъ и разныхъ превратностей историческихъ судебъ, представляли изъ себя въ 1863 году въ девяти западныхъ областяхъ населеніе до 11.000,000, въ числѣ коихъ было (Кояловичъ, «Лекціи о западной Россіи»):

Русскихъ	<table> <tr> <td>великоруссовъ</td> <td rowspan="4">} до 66%</td> </tr> <tr> <td>бѣлоруссовъ</td> </tr> <tr> <td>малоруссовъ</td> </tr> <tr> <td>черноруссовъ</td> </tr> </table>	великоруссовъ	} до 66%	бѣлоруссовъ	малоруссовъ	черноруссовъ
великоруссовъ	} до 66%					
бѣлоруссовъ						
малоруссовъ						
черноруссовъ						
Литовцевъ	• 12%					
Евреевъ	• 11%					
Поляковъ	• 6%					
(считая въ томъ числѣ и ополченныхъ)						
Латышей	} • 5%					
Нѣмцевъ						
Татаръ						
Молдаванъ						

Очевидно, что въ этнографическомъ отношеніи этотъ край нельзя признавать инымъ, какъ русско-литовскимъ (до 78%).

Изъ всѣхъ племенъ этого края, литовцы долѣ другихъ оста-

вались язычниками и чуждались всякаго образованія, обитая среди дремучихъ лѣсовъ, озеръ и болотъ, въ особенности вѣтвь литовцевъ, извѣстная подъ именемъ жмудиновъ. Жмудины до сего времени сохранили свой языкъ и вообще свою народную самобытность, которая и обращаетъ на себя вниманіе каждаго наблюдателя. Приверженные своимъ языческимъ обрядамъ, жмудины, насильственно обращенные въ латинство, сдѣлались фанатиками-латинянами, сохранивъ много древнихъ языческихъ обрядовъ и обычаевъ. До конца XIV вѣка въ Вильнѣ, передъ идоломъ «Перкунъ», Криве-кривейто (верховный жрецъ) съ кривейтами и вайделотами (жрецы) поддерживали зничъ (священный огонь) и приносили ему въ жертву знатнѣйшихъ плѣнниковъ. Литовцы жили въ землянкахъ, шалашахъ, одѣвались въ звѣринныя шкуры, занимались охотою и, подъ предводительствомъ своихъ многочисленныхъ кунигасовъ (князей), набѣгали на сосѣднія русскія княжества.

Литовская мѣологія носить на себѣ явные слѣды глубокой древности и усиленной работы воображенія, т. е. слѣды древности и уединенности литовскаго народа. Литовцы имѣли понятіе о верховномъ существѣ, которое все создало и всѣмъ управляетъ, но этому верховному существу не было выработано почти никакого служенія. Литовцы вѣрили въ загробную жизнь и въ вѣчное блаженство въ той жизни; верхъ блаженства, по ихъ понятіямъ, было господство надъ нѣмцами (вѣрованіе, сложившееся подъ вліяніемъ бѣдствій, претерпѣваемыхъ ими отъ нѣмцевъ). Кромѣ верховнаго существа, отца боговъ, души всего, у литовцевъ было множество боговъ и богинь, которымъ собственно они служили. Болѣе распространено было служеніе Перкунасу (богъ неба и земли, громовержецъ), Поклусу (богъ ада) и Атримпосу (богъ воды). Главное мѣсто языческаго богослуженія у литовцевъ называлось Ромнове (мѣсто покоя, благочестія) и находилось въ древнѣйшія времена въ Прусіи, откуда, тѣснимое нѣмецкими рыцарями, перенесено было на Жмудь къ Нѣману, а затѣмъ въ Вильну, при впаденіи въ рѣку Вилію рѣки Вилейки, гдѣ нынѣ стоитъ латинскій кафедральный соборъ.

Только съ XIII вѣка начало на Литвѣ понемногу утверждаться единоедержавіе, подъ вліяніемъ опасностей отъ воинственныхъ сосѣдей. Попытки литовскаго кунигаса (князя) Миндовга († 1263 г.) сдѣлаться королемъ при содѣйствіи нѣмецкихъ рыцарей, получившихъ за это содѣйствіе отъ Миндовга часть Жмуди, не увѣнчались успѣхомъ, не смотря на принятіе Миндовгомъ отъ папскаго легата латинства. Нѣмцы его обманули

и, захвативъ обѣщанную имъ часть Жмуди, возбудили противъ него его языческихъ подданныхъ. Вся западная и восточная Русь, охраняя свою западную границу отъ воинственныхъ нѣмецкихъ рыцарей, а восточную—отъ азіатскихъ кочевниковъ, раздробленная на множество враждующихъ между собою областей, постоянно и постепенно стремилась въ единенію. Съ XIII вѣка начинаютъ намѣчаться два мѣста единенія, а въ XIV вѣкѣ уже ясно обозначаются: на востокѣ—Москва, а на западѣ—Вильна. На востокѣ Іоаннъ Калита († 1340 г.), Дмитрій Донской († 1389 г.), а на западѣ Гедиминъ († 1340 г.), основатель города Вильны, положили прочныя основанія къ единодержавію. Когда вся восточная Русь подверглась татарскому нашествію и Кіевъ, отецъ городовъ русскихъ, купецъ русскаго народа, со многими русскими областями вошли въ составъ литовскаго государства,—языческая Вильна сдѣлалась средоточіемъ православно-русской жизни на Литвѣ, вслѣдствіе наплыва русскихъ людей, приносившихъ свою вѣру, обычаи и нравы въ языческой, полудикій край. Браки литовскихъ государей и другихъ князей, а также знатныхъ литовцевъ, съ потомками св. Владиміра и прочими княжескими и боярскими родами незамѣтно подчиняли русско-православному вліянію высшіе слои литовскаго народа, который, не встрѣчая насилія, охотно подражалъ своему высшему сословію и, въ свою очередь, роднился съ русскими, сближался съ ними, принимая вѣру, языкъ, законы, нравы, обычаи и одежду отъ своихъ новыхъ родныхъ сосѣдей, стоявшихъ на высшей, по отношенію къ литвинамъ, степени образованія. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ литовскомъ государствѣ, состоявшемъ уже въ то время изъ значительнаго числа русскихъ областей и не имѣвшемъ своего законодательства, дѣйствовали «Русская Правда» и «Уставъ Владиміра», и вообще государственное устройство было заимствовано изъ русскихъ областей. Русскій языкъ сдѣлался языкомъ государственнымъ, какъ свидѣлствуютъ памятники того времени, и употреблялся при княжескихъ дворахъ, въ судахъ, и во всѣхъ внѣшнихъ сношеніяхъ съ сосѣдами. Это русское направленіе литовской жизни произвело нѣкоторое отдѣленіе Жмуди, которая, однаже, была наполнена русскими поселеніями и имѣла много православныхъ церквей.

Еще въ историческія времена Литвы и Жмуди, русскіе поселенцы изъ полоцкаго княжества и Пскова проникали до рѣки Нѣмана и его притоковъ: Святой (Свенты) Невѣжи, Дубиссы и Юры. Названія этихъ рѣкъ, а равно и древнихъ русскихъ поселковъ въ срединѣ Жмуди (Тверь, Россіянны и др.),

ясно указываютъ на мѣста русскихъ поселеній. Жмудъ того времени, покрытая почти непроходимыми лѣсами, особенно манила къ себѣ русское бродячее населеніе. Медленно, ощупью, съ топоромъ и сохой, эти русскіе люди населяли литовское государство. Съ нечеловѣческими усиліями отстояли они возможность существованія среди полудикаго языческаго населенія, сохранивъ свою народность.

Казалось все предвѣщало близкое разрѣшеніе вопроса о соединеніи западной и восточной Руси, и что слабыя восточно-русскія княжества, тѣснимыя татарами, должны будутъ уступить напору сильнаго западно-русскаго государства. Но побѣда Дмитрія Донскаго надъ татарами, придавшая ему особое значеніе и вообще усиленіе московскихъ государей, съ одной стороны, а съ другой—борьба литовскаго государства съ своими западными сосѣдями,—отложили это неизбѣжное соединеніе. Вступленіе же Ягайлы на польскій престолъ и новое направленіе, принятое имъ и его наслѣдниками, какъ по внутреннимъ дѣламъ, такъ и по ввѣшнымъ сношеніямъ съ сосѣдними съ Польшею государствами, совершенно видоизмѣнили взаимныя отношенія западной и восточной Руси. До того времени Литва имѣла мало отношеній къ Польшѣ, ихъ раздѣляло Мавовецкее княжество, тогда еще независимое и близкое къ русскимъ и литвинамъ. Одинъ изъ мавовецкихъ князей принялъ православіе; вообще же мавовецкіе князья часто роднились съ русскими и литовскими князьями и принимали русскіе обычаи. Предшественникъ и отецъ Ягайлы—Ольгердъ (†1377) создавшій могущество литовскаго государства и расширившій его предѣлы присоединеніемъ многихъ русскихъ областей, рѣшительно и опредѣленно держался русскаго направленія. Ягайло, передъ свадьбою, долженъ былъ принять латинство, измѣнивъ православію, и сверхъ того обязался обратить въ латинство литовскій языческій народъ. Недальновиднаго Ягайло увѣрили, что обращеніемъ язычниковъ въ христіанство можно убѣдить римскаго папу и уничтожить нѣмецкій рыцарскій орденъ, образованный для распространенія христіанства. Литовцы; претерпѣвая многобѣдствій отъ этихъ воинственныхъ проповѣдниковъ христіанскихъ истинъ, могли радоваться уничтоженію ненавистнаго имъ ордена. Ради этого многіе, даже православные жмудскіе князья приняли латинство. Но они были обмануты. Тевтонскіе рыцари и по обращеніи жмуди въ латинство продолжали свои грабительства до тѣхъ поръ, когда близъ Грюнвальда (Тауенбергъ)

въ 1410 году, они понесли жестокое пораженіе отъ литовско-русскаго войска.

Такимъ образомъ русское историческое развитіе литовскаго государства было прирешено въ жертву личнымъ расчетамъ Ягайлы, и этотъ малоразвитый государь, ослѣпленный блескомъ польскаго двора, совершенно забылъ свое происхожденіе (по отцу литвинъ, по матери русскій) выгоды своего народа и умную политику своего отца и дѣда.

Съ того времени возникаетъ на Литвѣ и получаетъ значеніе польская сила, начавшая борьбу съ русскою силою, укрѣпившеюся со времени Гедимина и Ольгерда, безъ всякаго участія и содѣйствія власти. Но польская сила уже дѣйствуетъ подъ покровительствомъ литовско-польскихъ королей и постепенно усиливается послѣ городельскаго сейма 1413 года. До того времени литовское государство жило своею жизнью подъ управленіемъ особо назначаемыхъ князей. По городельскому акту соединенія Литвы съ Польшею, уже всѣ высшія должности на Литвѣ и польскіе шляхетскіе гербы давались только латинянамъ, вводились сеймы и должности, подобныя польскимъ. Вслѣдъ за симъ уничтожается связь западной православной церкви съ московскою, назначеніемъ особаго митрополита, и начинаютъ возникать толки о церковной уніи православія съ латинствомъ или, говоря языкомъ того времени, греческаго закона съ римскимъ, подъ главенствомъ папы. Литовско-русскій народъ началъ волноваться; но всѣ эти волненія были жестоко подавляемы польскимъ оружіемъ. Въ XVI вѣкѣ появилось на Литвѣ сильное протестантское движеніе, получившее на жемуди тѣмъ большее значеніе, что латинство тамъ уже два вѣка насаждалось насильственно, а не пользовалось расположеніемъ народа; протестантство, занесенное нѣмцами ремесленниками, наполнявшими литовскіе города, и ратовавшее противъ мертвяцаго латинскаго догматизма, было сочувственно встрѣчено мѣстнымъ населеніемъ; даже нѣкоторые православные литовцы принимали протестанство.

Но самымъ бѣдственнымъ для литовско-русскаго народа событіемъ было извѣстное люблинское соединеніе Литвы съ Польшею, передъ этимъ принявшее къ себѣ иезуитовъ и евреевъ. Не разъ уже поляки праздновали 10 января 1569 года—день открытія люблинскаго сейма—рѣзнею русскихъ, выказывая этимъ какъ нельзя вѣрнѣе внутренней смыслъ этого, несчастнаго для Литвы соединенія, по которому Сигизмундъ II Августъ (†1572) принесъ свои наслѣдственныя области въ жертву Польшѣ и ни-

какія мольбы литовскихъ депутатовъ не могли поколебать рѣшенія короля, отдавашаго вѣрный ему народъ въ распоряженіе латинско-польской шляхты. Памятники того времени доказываютъ, что литовскіе депутаты добровольно не подписывали предложенныхъ поляками условій, и что только рѣшеніе короля разрѣшило вопросъ въ пользу поляковъ. Съ того времени равноправность обѣихъ государствъ исчезла и Польша смотрѣла на литовское государство какъ на ему-подвластное, будто присоединенное силою оружія, и стремилась къ объединенію его съ королевствомъ, въ дѣлахъ вѣры, языка и культуры, всякими средствами.

Почти въ то же время виленскій епископъ Протасевичъ призывалъ въ Вильну іезуитовъ, которые не замедлили заняться перевоспитаніемъ русско-литовскаго шляхетства, учреждая коллегіи или поступаая домашними наставниками въ богатія семейства. Дѣятельность этихъ сыновъ Лойолы изумительна и всегда достигаетъ своихъ завѣтныхъ цѣлей, для достиженія которыхъ всѣ средства, не исключая и тяжкихъ преступленій, дозволятельны и хороши. Имѣя такихъ союзниковъ, польская сила могла бороться со всѣмъ народомъ.

Послѣдствіемъ люблинскаго соединенія и усиленія польской силы было введеніе польскихъ началъ въ литовскую Русь, столь противныхъ народному духу. Дворянство, шляхетство, совершенно отдѣлились отъ народа и понемногу сливались съ польскою шляхтою. Туземное городское мѣщанство, отъ прилива евреевъ во владѣльческіе города, постепенно было обращено въ хлопство; сельское населеніе, составлявшее, какъ и въ восточной Россіи того времени, свободныхъ земледѣльцевъ («Крестьяне на Руси» профессора Бѣляева) было поголовно обращено въ хлопство. Все польское въ западной Руси дѣлалось панствомъ, а все русское и литовское — низкимъ и позорнымъ. Латинство становилось панскою вѣрою, а православіе и даже унія — хлопскою. Въ то время уже вполнѣ выяснились двѣ враждебныя другъ другу силы въ западной Руси, которыя и можно назвать одну — народно-русскою, а другую — шляхетско-польскою; знаменемъ первой было — православіе, а второй — іезуитское латинство. Торжество послѣдней силы казалось несомнѣннымъ, и она все съ большею и большею настоячивостью стремилась къ совершенному уничтоженію своихъ соперниковъ, пользуясь покровительствомъ польскаго правительства, не оставляя безъ вниманія вообще всѣхъ диссидентовъ (иновѣрцевъ), такъ что протестанты сближались съ православными, хотя и безуспѣшно. Не

чтобы уничтожить даже и самыя слѣды русскихъ началъ, такъ глубоко пустившіе свои корни на Литвѣ, поляки, по словамъ историка Ярошевича, усердно собирали и жгли на площадяхъ, руками палачей, кучи книгъ и рукописей, въ которыхъ говорилось о русской жизни, прошедшей или современной, въ которыхъ находились слѣды русской старины; такимъ образомъ были истреблены даже цѣлыя бібліотеки и типографіи. Радзивиллъ «Сиротка», воспитанный иезуитами, истратилъ огромную сумму денегъ на приобрѣтеніе, для сожженія, письменныхъ русскихъ памятниковъ. Для этой цѣли было потрачено много денегъ, ловкости и угрозъ съ насиліемъ. Радзивиллъ происходилъ изъ знатнѣйшей коренной литовской фамиліи; предки его, язычники, были верховными жрецами (криве-кривейто). Знатнѣйшія русскія и литовскія семейства, по разнымъ побужденіямъ, мало по малу измѣнили вѣрѣ и обычаямъ своихъ предковъ и, принимая латинство, отвергали свою народность и принимали польскую образованность. Иезуиты въ особенности стремились въ подобнымъ совращеніямъ знатнѣйшихъ людей, примѣру коимъ слѣдовало и остальное шляхетство, нуждавшееся въ покровительствѣ сильныхъ людей, для полученія должностей въ коронной службѣ. Стремленіе получить шляхетство, чтобы пользоваться извѣстными правами, было вполне понятно для безправнаго туземнаго населенія. Но польскіе шляхетскіе гербы давались, по постановленіямъ городельскаго сейма (1413 г.), только исповѣдающимъ латинство. Очень естественно, что латинство быстро распространялось въ средѣ высшаго и средняго туземнаго населенія. Немногіе знатные люди, подобно князю Константину Острожскому, оставались еще представителями православно-русской силы; потомки св. Владиміра и другіе русскіе княжескіе роды быстро обращались въ латинство. Даже сыновья самого Константина Острожскаго приняли латинство.

Въ эти тяжелыя времена русско-народная сила сохранилась въ церковныхъ братствахъ, которыя, какъ и патронатства (права и обязанность попечительства надъ монастырями и церквями), сослужили великую службу православно-русскому дѣлу. Особенно были извѣстны виленское и львовское (въ Галиціи) братства. Издательская и учебно-воспитательная ихъ дѣятельность обратили на себя вниманіе историковъ. Въ составъ братствъ входили преимущественно цеховые ремесленники. Такимъ образомъ городское мѣщанство взяло въ свои руки народно-русское дѣло. Изъ патроновъ приобрѣлъ особую извѣстность князь Константинъ Острожскій и его ученый кружокъ

въ г. Острогѣ (на Волыни). Виленское братство, коему прибывшій (1588 г.) въ Литву константинопольскій патріархъ Іеремія II, освятившій участіе мірянъ въ дѣлахъ западно-русской церкви, предоставилъ наблюдать за своими іерархами, а въ случаѣ надобности, судить и низлагать ихъ на соборѣ, возбудило вопросъ въ 1594 году, на братскомъ соборѣ, о преобразованіи и улучшеніи духовной іерархіи, которая, по словамъ историковъ, была очень неудовлетворительна, вслѣдствіе того, что само правительство, для своихъ цѣлей, намѣренно ставило во главѣ православія недостойныя личности.

Поднятіе этихъ вопросовъ возбудило сильное волненіе, которое, при содѣйствіи іезуитовъ, выдвинуло дѣло о церковной уніи на брестскомъ соборѣ 1596 года. Вопросы эти, какъ извѣстно, разрѣшились переходомъ высшей православной іерархіи и худшихъ по нравственности священниковъ въ унію, и тогда, оставшіеся вѣрными православію еще болѣе сплотились, не смотря на жестокія преслѣдованія и принужденія къ переходу въ унію. Православные, въ тѣ времена, были въ западной Россіи, въ положеніи древнихъ христіанъ первыхъ вѣковъ христіанства. Нѣтъ возможности перечислить всего, что испытывали православные за приверженность къ вѣрѣ своихъ предковъ. Древніе акты, нынѣ печатаемые археографическими комиссіями, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о всѣхъ притѣсненіяхъ и насиліяхъ, въ которыхъ приходилось прибѣгать латино-шляхетской силѣ для распространенія уніи и латинства. Много поучительныхъ и любопытныхъ данныхъ заключаются въ трудахъ профессора М. О. Кояловича по разработкѣ вопроса о церковной уніи въ западной Россіи. Къ этимъ трудамъ надлежитъ обратиться всѣмъ, желающимъ ближе ознакомиться съ ходомъ дѣла по введенію церковной уніи. Обманъ, грубое насиліе и всякія притѣсненія—вотъ средства, употребленныя распространителями уніи.

Одинъ изъ латинскихъ писателей, описывая, какъ въ тѣ времена, православные, по неимѣнію своихъ священниковъ, во многихъ мѣстахъ не крестили годами своихъ дѣтей, совершали браки безъ церковныхъ обрядовъ, умирали безъ исповѣди, или, не желая имѣть дѣла съ латинскими и уніатскими патерами, обращались въ предсмертномъ отчаяніи скорѣе къ протестантскому пастору,—прибавляетъ, что этому народу врождена ненависть къ латинству и уніи.

Іезуиты сами начали поступать въ унію, а самый уніатскій обрядъ все болѣе и болѣе подвергался вліянію латинства и служилъ какъ-бы ступенью для перехода въ латинство.

Попытки православныхъ сблизиться съ протестантами для взаимной помощи, какъ извѣстно, не увѣчались успѣхомъ. Для православныхъ магнатовъ и шляхты была особенно чувствительна неудача ихъ конфедераціи съ поляками, противъ преобладанія іезуитовъ, въ 1607 году. Возстаніе, поднятое Зебжидовскимъ противъ короля Сигизмунда, какъ нарушителя народныхъ правъ, располагало 60,000 конфедератовъ. Въ дѣйствительности Зебжидовскій, будучи приверженцемъ австрійской династіи, желалъ собственно видѣть ее на польскомъ престолѣ, но не выставляя этого, возставалъ противъ нарушенія народныхъ правъ. Сигизмундъ съ небольшимъ войскомъ уничтожилъ конфедерацію. Православные шляхтичи и магнаты, соединяясь съ протестантами, уже ослабили этимъ свое русское, православное значеніе; а союзомъ съ поляками, хотя и противъ іезуитовъ, исчезало ихъ народное значеніе, выдвигалъ впередъ расчетъ шляхетства, сливающагося съ польскимъ шляхетствомъ.

Вотъ какъ одинъ западно-русскій современникъ оплакиваетъ отпаденіе отъ православія многихъ русско-литовскихъ знатныхъ родовъ; но въ этомъ религиозномъ плачѣ ясно слышится плачъ родины о погибели для русскаго дѣла этихъ родовъ, поддавшихся полонизму. Мелетій Смотрицкій, человекъ знатнаго рода и обширнаго образованія, въ своемъ поэтическомъ сочиненіи «Оринось», изображаетъ въ 1610 году положеніе православія, лишеннаго своей высшей іерархіи, всѣми преслѣдуемаго и охраняемаго однѣми братствами.

«Гдѣ теперь тотъ неоцѣненный камень, который я носила, вмѣстѣ съ другими брилліантами на моей головѣ, въ вѣницѣ, какъ солнце среди звѣздъ? Гдѣ теперь домъ князей Острожскихъ, который превосходилъ всѣхъ яркимъ блескомъ своей древней вѣры? Гдѣ теперь и другіе, также неоцѣненные камни моего вѣнца, славные роды русскихъ князей, мои сапфиры и алмазы, князья Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломорецкіе, Головчицкіе, Каширскіе, Масальскіе, Горскіе, Оболинскіе, Лукомскіе, Пузыны и другіе безъ числа? Гдѣ вмѣстѣ съ ними и другіе роды древніе, именитые, сильные роды славнаго по всему міру силою и могуществомъ народа русскаго,—Ходкевичи, Глѣбовичи, Кішки, Сапѣги, Дорогостойскіе, Воины, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Халецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хребтовичи, Тризны, Горностаи, Божѣи, Мышковскіе, Гурви, Сѣмашки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Челненскіе, Калиновскіе, Кирдеи, Заборовскіе, Мелешки, Боговитыны, Павловичи, Сосновскіе, Ску-

мины, Поцѣи и другіе? Вы, злые люди (своею измѣною), обнажили меня отъ той дорогой моей ризы и теперь насмѣхаетесь надъ немощнымъ моимъ тѣломъ, изъ котораго, однако, вы всѣ вышли. Но помните: прокляты всѣхъ, открывающій наготу своей матери! Прокляты будете и вы всѣ, насмѣхающіеся надъ моей наготой, радующіеся ей! Настанетъ время, что всѣ вы будете стыдиться своихъ бѣдствій».

Съ половина XVII вѣка явились новыя силы для поддержанія народнаго русскаго духа. Это были—казачество и научное движеніе, данное западно-русскимъ митрополитомъ Петромъ Могилой.

Казачество привело къ добровольному присоединенію Малороссіи къ московской Руси, а научное движеніе создало ученыхъ духовныхъ, на которыхъ отразилось вліяніе западнаго латинства. Число кievскихъ ученыхъ сдѣлалось настолько значительно, что они шли въ московскую Русь, гдѣ и пристали сперва къ новому движенію патриарха Никона, а затѣмъ къ преобразованіямъ Петра Великаго, захвативъ въ свои руки все духовное образованіе въ Россіи.

Во время самованцевъ и въ смутныя времена московской Руси опять возникли стремленія въ соединенію. Но литовско-русское государство уже тогда составляло одно общее политическое цѣлое съ латинско-шляхетскою Польшею, и литовскіе государи были уже по духу своему поляками-латинянами, и притомъ подъ вліяніемъ іезуитской силы, ради избирательнаго образа правленія и неурядицы шляхетскихъ сеймовъ. По этимъ причинамъ избраніе боярами въ Москвѣ на царство королевича Владислава не могло быть встрѣчено народнымъ сочувствіемъ, и поляки явились въ Москвѣ сворѣе врагами-побѣдителями, чѣмъ союзниками-друзьями, такъ что, при поднятіи русскаго народнаго духа мѣщаниномъ Кузьмою Мининымъ, поляки были изгнаны изъ московской Руси. Утвержденіе прочнаго единодержавія и развитіе государственности со времени народнаго избранія на царство Михаила Феодоровича († 1645 г.) въ восточной Руси и постепенное ослабленіе шляхетской Польши совершенно измѣнили взаимныя отношенія двухъ половинъ Россіи. Польскіе короли, при слабости своей власти, даже, когда хотѣли, не могли ничего сдѣлать для огражденія русскихъ отъ притѣсненія польской шляхты. Король Владиславъ IV, перечисливъ заслуги казачковъ польскому государству, сказалъ, между прочимъ, днѣпровскимъ казакамъ, просившимъ его защиты отъ притѣсненій польской шляхты, (записаны современникомъ подлинныя слова

короля на русскомъ языкѣ): «Яво воєнные есте люде, такъ маючи шаблю при боку своемъ и въ рукахъ самопаль (ружье) можете своихъ древнихъ вельностей тимъ оружіемъ у поляковъ доходить» (Лѣтопись Величка, т. I, стр. 25).

Казави неоднократно слѣдовали этому совѣту своего государя и даже сражались иногда за него противъ польской шляхты, и всегда за православіе, противъ уніи, за свои и вообще народно-русскія права, а также противъ напавша евреевъ, покровительствуемыхъ польскими магнатами. Воимъ извѣстно какъ о гайдамакахъ, такъ и о Эборовскомъ договорѣ съ польскимъ правительствомъ (1649 г.), въ которомъ замѣчательны ¹⁾:

Статья 7. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ находиться казакіе полки, жида не могутъ жить.

Статья 8. Православный митрополитъ будетъ засѣдать въ сеймахъ. На слѣдующемъ сеймѣ будетъ постановлено рѣшеніе касательно уніи и церковныхъ имуществъ ²⁾.

Статья 9. Всѣ должности и чины въ воеводствахъ кievскомъ, брацлавскомъ и черниговскомъ будутъ раздаваемы только православнымъ.

Статья 10. Иезуиты не могутъ находиться въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ есть привилегированныя русскія школы, которыя должны оставаться въ цѣлости.

Приводимъ (въ переводѣ) слова польскаго короля Яна Казимира († 1672 г.), сказанныя имъ въ 1661 году по поводу слабости королевской власти въ Польшѣ:

«Желалъ бы я быть ложнымъ пророкомъ, но нѣтъ сомнѣнія, что Польша сдѣлается жертвою другихъ народовъ (если не измѣнитъ своего избирательнаго образа правленія). Русь и Литва пойдутъ къ Москалю, одного съ нимъ языка и большею частью одной вѣры. Бранденбургцу открыта будетъ великая Польша до моря (Балтійскаго). Домъ австрійскій, при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, не откажется отторгнуть къ себѣ малую Польшу. Всякій государь найдетъ лучшимъ владѣть частицею Польши, приобрѣтенною оружіемъ, чѣмъ владѣть цѣлою Польшею, вооруженною старыми привилегіями противъ своего государя» ³⁾.

¹⁾ «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ», т. 3, № 143.

²⁾ Было постановлено на сеймѣ уничтожить самую унію, но рѣшеніе это никогда не было приведено въ исполненіе.

³⁾ Discursus politicus de causis et remediis malorum Poloniae. Relacye nunciuzow oprestolskich i innych osob w Polsce od roku 1548 do 1690. — Т. 2, стр. 307.

Добровольное присоединеніе Малороссіи при Хмѣльницкомъ къ московской державѣ и неоднократныя волненія днѣпровскихъ казаковъ повели къ открытому и постоянному вмѣшательству русскихъ государей въ дѣла (о диссидентахъ) западно-русскаго народа, все болѣе и болѣе притѣсняемаго латино-польскою шляхтою. Чѣмъ слабѣе становилось польское государство, тѣмъ болѣе былъ притѣняемъ народъ. Виленскій центральный архивъ древнихъ актовъ заваленъ жалобами народа на разныя притѣсненія, переносимыя съ сейма на сеймъ и неполучившими разрѣшенія; читая подлинныя документы, трудно вѣрить всему, что совершалось въ европейскомъ государствѣ въ XVIII вѣкѣ для обращенія православныхъ въ унию или латинство.

Такимъ образомъ сама Польша много способствовала къ разрѣшенію историческаго вопроса о соединеніи въ одно цѣлое западной и восточной Руси, и безъ сомнѣнія усвоила это соединеніе своею узкою фанатическою нетерпимостью и своимъ внутреннимъ шляхетскимъ неустройствомъ. Соединеніе это совершилось въ 1773—1795 годахъ силою русскаго оружія, при настойчивой политикѣ времянь Екатерины II и слабости ближайшихъ сосѣднихъ государствъ, захватившихъ себѣ однако части раздробленной Польши, какъ удачно предсказалъ это король Янъ Казиміръ въ 1661 году.

Въ то время русское дѣло въ литовской Руси было въ весьма плохомъ положеніи и народно-русская сила изнемогала въ борьбѣ съ торжествующею латино-шляхетскою силою, пережившею въ грабѣ польскую государственную власть. Народно-русская сила возложила всѣ свои надежды на восточную, московскую Русь.

П. Морозовъ.

(Продолженіе будетъ).

МЫТАРСТВА УПРЯМЦА.

(СОВРЕМЕННАЯ БЫЛЬ).

А онъ, мятежный, просить бури,
Какъ будто въ бурѣ есть покой...

М. Лермонтовъ.

I.

Вдѣтельное оно.

Инспекторъ народныхъ училищъ Сонской губерніи, Ермилъ Егоровичъ Федосеевъ, жилъ на лучшей улицѣ губернскаго города Сонска, называемой Дворянской, и занималъ весь нижній этажъ каменнаго дома. Этотъ домъ нѣкогда принадлежалъ богатому помѣщику Ушакову; страсть имѣть любовницъ изъ артистокъ раззорила уже сѣдаго Донъ-Жуана, и его домъ, вмѣстѣ съ имѣніемъ, пошелъ съ молотка. На аукціонѣ взялъ верхъ Иванъ Павфиловичъ Груздевъ, купецъ первой гильдіи и почитатель женскихъ училищъ, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ мужикъ-кулакъ, хозяинъ маленькой артели каменщиковъ. Занавѣши бельэтажъ барскаго дома съ его роскошною обстановкою, Груздевъ бесплатно предложилъ низъ подъ которое нибудь изъ трехъ женскихъ городскихъ училищъ.

— Деньгѹ дадутъ хорошую за низокъ-то, потому вонъ комната-то—страсть, цѣльная анкилада! Да, я люблю дѣлать добро, пуцай ихъ обучаются! Жертвую!

— Это высокій, высокій поступокъ съ вашей стороны! съ паёсомъ произнесъ Ѳедосеевъ, которому сдѣлалъ свое заявленіе почитель.

— Н-да-а! Я ужь такой! продолжалъ Груздевъ, поглаживая бороду:—люблю эти благотворенія... Не изъ чего либо такого, примѣрно, награжденія, а такъ, стало по Божьему, отъ сердца...

— Узнаю васъ, Иванъ Панфиловичъ, узнаю!

Инспекторъ потрясъ руку купцу и съ улыбкою, какъ-бы прося снизойти къ его просьбѣ, прибавилъ:

— А ужь какъ хотите, почтеннѣйшій и достоуважаемый Иванъ Панфиловичъ, а такъ нельзя, безъ гласности! Ужь позвольте въ «Вѣдомостяхъ» хотя заявить. Такое пожертваніе—и ни слова! Развѣ можно?

— Да я што-же? Особеннаго резонта противу не имѣю! Коли нужно, пуцай! Я про-то единственно, што эфтого бахвальства-то, значить, не люблю. А оно пуцай! Што мнѣ красись-то, нешто худо какое? Такъ и пишите: бесплатно, на двадцать пять лѣтъ; и бумагу хворменную дамъ, все какъ слѣдъ!

Явился вопросъ: которое училище помѣстить въ новомъ домѣ Груздева?

Инспекторъ не брался рѣшить самъ и созвалъ маленькій совѣтъ изъ педагоговъ. Этотъ совѣтъ единогласно постановилъ, что всего приличнѣе въ нижнемъ этажѣ дома Ивана Панфиловича помѣстить «Преображенское училище для дѣвицъ», до сей поры помѣщавшееся въ маленькой квартиркѣ, неподалеку отъ того дома, гдѣ жилъ Ѳедосеевъ.

Инспекторъ подчинился рѣшенію совѣта, и училище перевели въ новое помѣщеніе. вмѣстѣ съ тѣмъ туда же переѣхалъ и самъ инспекторъ. Семейство у него было большое: супруга и дочка, у супруги сестрица, у сестрицы тоже дочка, теща, родная мать Ермила Егоровича, какая-то «дальная родственница» и, кажется, тетка бабушки или что-то въ этомъ родѣ! Да еще прислуга. Какое громадное помѣщеніе нужно было для всѣхъ! И вотъ, изъ тринадцати комнатъ, двѣнадцать занялъ инспекторъ съ семействомъ, а тринадцатую (правда, самую большую) отвели подъ школу. Библіотекѣ, т. е. шкафу съ кучкою книгъ, не нашлось особой комнаты и бібліотеку помѣстили въ передней.

— Теперь отлично! говорилъ Ѳедосеевъ:—школа подъ руками совсѣмъ, каждую минуту могу видѣть все.

— Ужь чего ближе, тутъ и есть! соглашался Груздевъ.— Подъ самымъ окомъ, можно сказать!

— Ха, ха, ха, добродушно смѣялся инспекторъ:— вотъ что хорошо, такъ хорошо! Именно, подъ самымъ окомъ! Да вѣдь, Иванъ Панфиловичъ, и я самъ-то, такъ сказать, око! Мое назначеніе все обозрѣвать, руководить всѣмъ. Око...

— Што ужъ и говорить, вѣстимо око отъ правительства, ежели такъ, къ приѣзду. И бдительное око! Это вѣрно!

— Иванъ Панфиловичъ, вы меня захвалите!

Но позвольте, читатель, познакомить васъ съ «бдительнымъ окомъ», прежде чѣмъ продолжать свою лѣтопись.

Это былъ человекъ средняго роста, плотный, отчего онъ казался нѣсколько выше. Его блѣлое лицо съ щеками, слегка оттѣненными румянцемъ, было выхолено; надушенные русые усы и бакенбарды тщательно расчесаны. Красивые сѣрые глаза на-выкатъ безпрестанно мѣняли свое выраженіе: то уничтожали начальническую строгостью, то обдавали сдержанною надменностью, то приковывали къ себѣ мягкостью и ласкою, лучившеюся изъ нихъ. Тонъ и приемъ изобличали въ Ермиль Егоровичѣ джентльмена, но джентльмена не по происхожденію, а по «выучкѣ», какъ говорилъ одинъ острякъ. Если-бы вы захотѣли узнать подробности о личности инспектора и стали собирать о немъ свѣдѣнія, то пришли бы въ изумленіе, получивши отъ двухъ лицъ два мнѣнія, діаметрально противоположныя. Одинъ бы сказалъ вамъ, что это «человекъ верхъ совершенства, цѣлый коробъ всевозможныхъ добродѣтелей, уменъ» и т. д., и т. д. Другой же заявилъ бы вамъ прямо, что «это безсердечный эгоистъ, профанъ въ дѣлѣ, надменность же его только результатъ недалъновидности».

На самомъ дѣлѣ Ермиль Егоровичъ былъ ни то, ни другое.

Сынъ мелкаго помѣщика, онъ едва могъ кончить уѣздное училище, послѣ чего и сдѣлался наставникомъ въ приходской мужской школѣ. Фортуна улыбнулась ему и вывезла на хорошее и теплое мѣсто. Въ то время, какъ Федосеевъ былъ простымъ приходскимъ учителемъ, мѣсто смотрителя занималъ до крайности ограниченный и надутый человекъ.

— «Чинъ чина почитай!»

Это была любимѣйшая его поговорка. Противъ лести и каждаго денія онъ не могъ устоять, хотя, въ то же время, ни за что не сознался бы въ такой собственной слабости. Федосеевъ понималъ своего начальника и окружилъ его особо такую предупредительностью, такимъ вниманіемъ съ своей стороны, такъ льстилъ

и кадилъ каждыдневно, что привелъ его въ окончательное умиленіе. Результатомъ этого умиленія было повышеніе Федосеева, который попалъ въ учителя уѣзднаго училища.

Ермилъ Егоровичъ не желалъ остановиться на этомъ. Помирился съ скромною ролью учителя уѣзднаго училища, да развѣ стоило для того столько унижаться и льстить? И вотъ Федосеевъ началъ присматриваться, нельзя ли подняться еще повыше. Зрѣніе и нюхъ въ этомъ отношеніи у него развились отлично.

Окинувъ быстрымъ взглядомъ полководца районъ своихъ дѣйствій, Ермилъ Егоровичъ намѣтилъ слабую позицію непріятеля. Это была дрожайшая половина директора, женщина де-белая и сырая, но страстная любительница «амуровъ». Молодой человѣкъ смѣло повелъ атаку и легко достигъ своей цѣли. Вліяніе Федосеева на директора, посредствомъ его жены, стало прочнымъ и оказалось несомнѣнно. Говорятъ, впрочемъ, что молодой учитель не забывалъ и лично угождать директору, подавая ему шинель, проигрывая въ преферансы и наушничая исподтишка. А въ результатъ опять повышеніе: услужливый учитель получилъ мѣсто смотрителя. Судьбѣ захотѣлось, видно, поощрить «смѣлаго человѣка» и до конца довести свою юмористическую пролѣтку, и она послала на ревизію нѣкоего старичка-саладона. Федосеевъ съумѣлъ ловко подслужиться и ему, и черезъ полгода былъ инспекторомъ народныхъ училищъ въ Сойской губерніи.

Занявши такой постъ, Ермилъ Егоровичъ не потерялся. Обладая отъ природы нѣкоторою способностью говорить «красно», онъ принялся читать новыя сочиненія по педагогикѣ. Онъ постигъ сущность различныхъ методовъ нагляднаго обученія, о чемъ и старался довести до свѣдѣнія всякаго слушателя. Но весь этотъ энциклопедическій матеріалъ лежалъ въ его головѣ сырымъ, безъ системы и нерезюмированный. Въ спорахъ онъ всегда старался какъ можно больше наговорить, и только ужъ послѣ этого чувствовалъ себя облегченнымъ, сбросившимъ съ плечъ лишнюю тяжесть. Имена Песталоцци, Дистервега, Ушинскаго и Бунакова такъ и сыпались у него съ языка въ перемежку съ иностранными словами, какія онъ помнилъ (а помнилъ онъ ихъ не мало), и всѣмъ этимъ невольно сбивалъ съ толку спорившаго съ нимъ.

— А Богъ его знаетъ, замѣчалъ иной учитель-простачекъ: — можетъ быть и правда; вишь, какъ сыплеть цитатами-то! Надо полагать, человѣкъ большой эрудиціи.

О людяхъ совершенно простыхъ, въ родѣ Ивана Панфиловича Груздева, и говорить нечего, они чуть не благоговѣли передъ Ѳедосеевымъ.

— И говорить неча, ораторствовалъ въ своей компаніи попечитель, — нашъ инспекторъ — голова! Ты послушай-ка, какъ онъ тебѣ почнетъ росписывать, што книга! Умнѣющій человекъ! И какихъ только словъ онъ не знаетъ!

— Прогресь все любить поминать Ермиль Егоровичъ, замѣчалъ собесѣдникъ.

— Эво сказалъ — прогресь! махалъ руками Груздевъ: — нашель мудренное слово! Это-то и мы съ тобою повторимъ.

— Сивилизацію опять.

— И это плевое дѣло! Не въ сивилизаціи вся масть! Онъ, братецъ, такое слово скажетъ, что въ три дни не выговоришь, вотъ это такъ штука!

Всѣ безмолвно соглашались и Груздевъ долго еще сохранялъ на своемъ лицѣ выраженіе удивленія и благоговѣйной торжественности.

За красивыми фразами инспектора и наборомъ иностранныхъ словъ скрывалась полная безъидейность, всякое отсутствіе крѣпкихъ принциповъ. Но не Груздевымъ, конечно, было замѣтить это. А тотъ, кто замѣчалъ, тотъ умѣлъ пользоваться и съ этой стороны эксплуатировалъ Ѳедосеева, какъ увидить читатель изъ нашего разказа.

II.

Упрямецъ въ кабинетѣ „бдительнаго ока“.

Было еще только одиннадцать часовъ утра. Июльское солнышко хотя и довольно сильно нагрѣвало землю, но въ кабинетѣ Ермила Егоровича было прохладно. Деревья сада, стоявшія близъ окна, не пропускали сквозь свою густую листву палящихъ лучей въ полной ихъ силѣ; солнышко свѣтило, но зной его ослаблялся зеленью. По временамъ, по глянцовитому полу пробѣгала узорчатая тѣнь отъ колебавшихся вѣтвей кленовъ и березъ. Канарейка въ клеткѣ, подвѣшанной къ окну, пала разбрызгивала воду въ чашечкѣ и обдавала каплями брызговъ оконникъ, стекла и спинку кресла.

Въ кабинетѣ было тихо.

Хозяинъ, въ халатѣ и туфляхъ безъ задковъ, читалъ газету, уютно помѣстившись въ креслѣ. На столѣ, передъ нимъ, стояла недопитая чашка кофе и лежала уже погасшая сигаретка. Онъ до того углубился въ чтеніе, что не слышалъ даже, какъ вошелъ въ кабинетъ сторожъ.

Этотъ постояль съ минуту и затѣмъ нерѣшительно окликнулъ барина:

— Ваше вы-діе!

Өедосеевъ медленно поднялъ голову и вопросительно-недовольно посмотрѣлъ на кавалера.

— Ваше выс-діе! Васъ спрашиваютъ!

— Кто?

— Не могу знать; учитель, надо полагать!

— Ахъ, Господи! Когда же ты будешь помнить мои приказанія?

— Я говорилъ ему; занаты, говорю, не могутъ принять... Не уходитъ-сь! «Надо-сь», говоритъ!

— Да говорилъ я тебѣ или нѣтъ—спрашивать фамилію?

— Виновать-сь, ваше выс-діе!

— Отвѣчай: говорилъ или нѣтъ?

— Говорили-сь! Забылъ-сь!.. виновать!

— Когда же конецъ этому? Ты долженъ понять,—уже начиная нѣсколько горячиться, продолжалъ Өедосеевъ:—ты долженъ понять, что взаимные договоры нельзя нарушать безнаказанно! Ты взял на себя извѣстныя обязанности, я плачу тебѣ, и ты долженъ исполнять мои приказы! Не хочешь—можешь уходить! Я не требую ничего противъ договора; но тѣ параграфы, которые я выговорилъ въ условіи,—а ты долженъ помнить условія,—обязательны. Такъ я говорю?

— Точно такъ-сь, ваше выс-діе!

— Я напоминаю тебѣ въ послѣдній разъ! Иди и узнай кто такой?

Онъ положилъ газету на колѣни и, зѣвая, вытянулся съ наслажденіемъ.

— Господинъ Бузоровъ! доложилъ сторожъ, остановившійся въ дверяхъ.

Тѣнь недовольства скользнула по лицу инспектора.

«Десятый разъ! подумалъ онъ;—экъ вѣдь какъ присталь! Но нельзя же опять, когда нибудь надо принять... все равно не отстанеть».

— Пусть войдетъ, произнесъ громко Ермилъ Егоровичъ и запахнулъ полы своего халата.

Черезъ минуту въ кабинетъ вошелъ молодой человекъ, не особенно высокій, но нѣсколько выше средняго роста, хорошо сложенный и, пожалуй, очень красивый въ интеллигентномъ смыслѣ. Капитановаго цвѣта волосы кольцами ниспадали на плечи. Лицо нѣсколько блѣдное съ мягкими, тонкими чертами, съ римскимъ носомъ — было очень выразительно, какъ и темно-синіе съ металлическимъ блескомъ глаза, надъ которыми темныя брови вытянулись почти въ горизонтальную линію. Довольно было мелькомъ взглянуть на вошедшаго, чтобы понять, что это была натура нервная и подвижная.

— Здравствуйте, садитесь, промолвилъ инспекторъ вѣжливо, но холодно, чуть-чуть кивая головою въ отвѣтъ на поклонъ молодого человека, который присѣлъ на кресло, причемъ его розовыя, полныя губы нервно передернулись.

— Что скажете? продолжалъ инспекторъ, откладывая газету и устремляя взоръ на учителя.

— Я пришелъ узнать на счетъ мѣста, глухо выговорилъ молодой человекъ.

— Мѣста?

— Вы еще давно обѣщали мнѣ въ Сосинкѣ.

— Да, да, въ Сосинкѣ! повторилъ инспекторъ; — ваша фамилія Бузоровъ?

— Бузоровъ, отвѣтилъ учитель, подумавъ сердито про себя: «чего это онъ комедію то ломаетъ? знаетъ вѣдь меня, да и сейчасъ же сторожъ докладывалъ».

— Такъ! Я не забылъ про васъ. Но тутъ, видите-ли, такого рода обстоятельства вышли, что... Федосеевъ занялся.

— Мѣсто уже заняли, подсказалъ Бузоровъ.

— Да, уже! какъ бы съ сожалѣніемъ повторилъ инспекторъ.

Молодому человеку стало теперь понятно, почему его такъ долго не принимали.

— Кто же занялъ мое мѣсто? сдержанно спросилъ онъ.

— Рожновскій.

Учитель чуть-чуть пожалъ плечами. Онъ зналъ хорошо своего счастливаго соперника. Это былъ образецъ тупости, но человекъ умѣвнѣй угождать начальству, за что и получилъ то мѣсто, какое по праву должно было принадлежать Бузорову, какъ кончившему курсъ въ числѣ первыхъ.

— Но вѣдь Рожновскій былъ назначенъ въ Сергіевское? промолвилъ тихо Бузоровъ.

— Да-а... сначала... Но...

— Стало быть Сергѣевское не занято?

— Напротивъ! Туда опредѣленъ Николаевъ. За него просила сама Марья Гавриловна.

О, если просила эта дама, нечего было и разговаривать. Буворатовъ хорошо соназавалъ силу жены предсѣдателя казенной палаты. Но чѣмъ могъ Николаевъ заслужить ея расположение? Неужели только тѣмъ, что вылетѣлъ случайно ея болонку?... Да не все ли равно чѣмъ? къ чему доискиваться? съ горькою усмѣшкою задалъ самъ себѣ вопросъ молодой человекъ.

— Что же тогда, неужели для меня такъ-таки ничего и нѣтъ? промолвилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

Инспекторъ потеръ рукою лобъ, какъ бы соображая. Онъ зналъ Буворатова за человека бесспорно даровитаго, идущаго въ учителя по желанію; но ему не совсѣмъ нравилась горячность молодаго человека, его привычка «совать носъ» куда не слѣдуетъ, его «анализъ» того, что «должно быть свято». Такого человека, по мнѣнію инспектора, нельзя было пускать на «хорошее мѣсто». Это значило бы поощрять его за прошлыя «продерзости». Да, наконецъ, и Марья Гавриловна...

— Я весь въ долгу... ни стипендіи, ни мѣста, продолжалъ между тѣмъ молодой человекъ, уже волнуясь.

«Развѣ предложить? подумалъ Федосеевъ. — Да, попробую».

— Видите ли, началъ онъ, поправляя на пальцѣ перетень: — одно мѣсто собственно есть, только въ Глушковскомъ уѣздѣ.

— Это чуть не къ самовдамъ, сказалъ Буворатовъ.

— Да, не близко. Я и не предлагаю; вы имѣете право на лучшее мѣсто. Подождите.

— Я не могу ждать. Да и не все ли равно, махнулъ рукою молодой человекъ, — гдѣ не служить, лишь служить! Все равно надо же.

— Конечно.

Федосеевъ не ожидалъ такой уступчивости со стороны учителя и былъ очень доволенъ. Къ тому же Глушковскій уѣздъ считался чѣмъ-то въ родѣ ссылки и всякій старался отдѣлаться отъ назначенія въ этотъ уѣздъ.

«Поступить туда, это значить замерзнуть или спиться, говорили всѣ». А онъ соглашался. Чего лучше! Приказать, безъ сомнѣнія, можно; но отправить хорошаго педагога приказомъ въ такія дебри — это значить выдать себя. А теперь, все прекрасно устраивается само собою.

— Ну вотъ, я очень радъ, молодой человекъ, что вы рѣ-

шаетесь ѣхать, заговорилъ инспекторъ довольнымъ тономъ.— Глухой край—заораторствовалъ онъ—всего болѣе нуждается въ людяхъ беззапятно отдающихся дѣлу, въ молодыхъ силахъ. Вы еще полны энергіи и желанія пользы; вы много, много можете сдѣлать хорошаго для народа, томящагося во тьмѣ...

— Позвольте, а какъ же подъемныя? перебилъ оратора Бузоратовъ.

— Подъемныя? осякъ сразу инспекторъ.— На этотъ счетъ вамъ придется съестись съ глушковскимъ земствомъ. Я бы радъ, но у меня нѣтъ суммъ.

— Какимъ же образомъ я доберусь?

— Снеситесь съ управою.

— А пока все время жить здѣсь и дожидаться? иронически сказалъ учитель.

Федосеевъ пожалъ плечами. Съ минуту длилось молчаніе.

— Ахъ, да! спохватился инспекторъ,—вамъ придется еще въ земской управѣ писать сочиненіе.

— Это зачѣмъ?

— Чтобы узнать степень вашего развитія.

— Но вѣдь я уже сдалъ экзамень! Развѣ этого еще недостаточно? удивился учитель.

— Для насъ—да. Но это ужъ со стороны земства.

— Кто же компетентнѣе? Не господинъ же Пузанчиковъ? уже съ усмѣшкою выговорилъ Бузоратовъ.

Федосеевъ изволилъ какъ бы невзначай одобрительно улыбнуться, но сейчасъ же прибавилъ совершенно серьезно:

— Земство тоже отчасти хозяинъ. Оно, такъ сказать, въ своемъ правѣ.

— Глушковское, въ такомъ случаѣ, а причемъ здѣшнее?

— Можете и тамъ, но здѣсь удобнѣе. Если земству сочиненіе не понравится, васъ могутъ не принять. Не ѣхать же обратно? А между тѣмъ, дальнія земства довѣрили эти испытанія здѣшнему губернскому.

— Гм! улыбнулся Бузоратовъ.— Впрочемъ, объ этомъ не стоитъ говорить; написать недолго.

— Конечно. А затѣмъ, мнѣ хотѣлось сказать вамъ вотъ что: я бы желалъ знать или, вѣрнѣе, ознакомились съ тѣмъ, какъ вы понимаете свои обязанности, и въ случаѣ, если вы смотрите ошибочно, разъяснить вамъ. Въ Глушковскомъ уездѣ болѣе одного раза въ годъ я быть не могу.

— Я вѣдь еще не знаю условій мѣстной жизни, а потому

могу рассуждать только предположительно, уклончиво отвѣтилъ Бузоровъ.

— Вы ошибаетесь! горячо возразилъ инспекторъ.—Прежде чѣмъ приступать къ дѣлу, у васъ уже все должно быть выработано. Чей методъ вы предпочитаете?

— Да пока я предполагаю держаться барона Корфа, сказалъ Бузоровъ только для того, чтобы сказать что-нибудь. Онъ ни мало не дорожилъ мнѣніемъ инспектора, на котораго привыкъ смотрѣть какъ на флюгарку, какъ на человѣка, профессія котораго болтать и болтать, изъ любви къ словамъ. Эта любовь заводила его такъ далеко, что онъ и не замѣчалъ, какъ впадалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Бывали такіе случаи: является къ Ѳедосееву учитель и заявляетъ желаніе слѣдовать такой-то методѣ. На самомъ же дѣлѣ онъ противъ нея.

— Какъ! восклицаетъ Ѳедосеевъ.—Вы хотите этотъ методъ, да вѣдь онъ... Последнее слово педагогика, лучшіе представители мысли... И пойдетъ.

Учитель возражаетъ, сначала сильнѣе, потомъ все слабѣе и слабѣе, и затѣмъ вдругъ спрашиваетъ:

— Изъ вашихъ словъ я убѣждаюсь, что методъ (онъ называетъ тотъ, который ему нравится), гораздо лучше!

— Еще бы! ухватывается инспекторъ,—да это... Покойный Ушинскій, свѣтлый умъ и, можно сказать, гений, анализируя детально, принимая во вниманіе условія соціальнаго быта... И пойдетъ опять.

А учителю только того и надо. Онъ благодаритъ инспектора за наставленіе и получаетъ разрѣшеніе вести дѣло по любимому способу.

Черезъ нѣсколько дней является другой учитель и продѣлываетъ съ Ѳедосеевымъ точно такую же штуку, только въ другомъ направленіи, и тоже добивается своего. Такимъ образомъ всѣ учителя держались любимыхъ методовъ съ разрѣшенія инспектора, который былъ доволенъ своимъ умѣніемъ «убѣждать и оспаривать».

Эту черту Ѳедосеева зналъ и Бузоровъ. Но ему вовсе не хотѣлось спорить и потому онъ сказалъ что-то пришло на умъ. Вѣдь собственно все равно: что ни скажи — противъ всего инспекторъ будетъ возражать.

Оно такъ и случилось.

— Какъ Корфа? воскликнулъ Ермиль Егоровичъ.—Да его методъ грѣшитъ... Я вамъ сейчасъ это докажу какъ дважды два... Во первыхъ...

Бузоровъ мысленно проклялъ себя за то, что сейчасъ же послѣ своего согласія не ушелъ отъ этой «говорильной машины». Онъ зналъ уже, что стоитъ только Федосееву вскочить на своего конька, а тамъ уже онъ будетъ гарцовать до тѣхъ поръ, пока не уморитъ своего собесѣдника, оглушивъ его цѣлымъ потокомъ трескучихъ фразъ.

Молодой человѣкъ разсѣянно слушалъ инспектора и возражалъ изъ одного приличія; нельзя-же было не защищаться! Да и тогда гдѣ же побѣда для Федосеева? А она необходима.

Торжество инспектора было полное: горячій и упрямый учитель со всѣмъ согласился. Это польстило начальству и оно ласково изволило сказать:

— Надѣюсь, г. Бузоровъ, вы поведете дѣло какъ слѣдуетъ, и оправдаете мои надежды на васъ, какъ на человѣка способнаго и преданнаго школѣ. А затѣмъ желаю вамъ всякаго успѣха! Какъ только управа одобритъ ваше сочиненіе—я выдамъ бумагу!

Они простились даже любезно.

Молодой человѣкъ, какъ шальной, выскочилъ на улицу и только уже здѣсь вздохнулъ свободно. А Федосеевъ самодовольно поглаживалъ рукою свою холеную бородку, какъ человѣкъ только что защитившій блистательно любимую идею, обративъ яростнаго противника въ ея послѣдователя.

III.

Чистилище.

Громкій хохотъ наполнялъ собою все зало губернской сонской управы, гдѣ засѣдало двое ея членовъ. Одинъ изъ нихъ былъ Никита Никитичъ Балалайкинъ, отставной штабъ-ротмистръ, одержавшій на своемъ вѣку безчисленное число побѣдъ надъ дамами и теперь, на земскія деньги, въ качествѣ члена управы, двадцать дней въ мѣсяцъ раскатывавшійся по узѣду, чтобы сражаться на зеленомъ полѣ. Девизомъ его было: «веселись, а печаль по боку!» Вѣрилъ онъ только, кажется, въ то, что онъ «красивъ и ловокъ», и еще въ то, что «мужицкая шея крѣпка и вынесетъ не одного Балалайкина». Когда же ему указывали на тотъ фактъ, что недоимки все болѣе и болѣе увеличиваются, онъ, хохоча, говорилъ:

— Вздоръ! Беллиберда!

— Но вотъ вамъ-съ цифры!.. факты!

Ему подсовывали земскія таблицы; онъ, ихъ отбрасывалъ въ сторону и возражалъ также кратко:

— Вранье! не умѣютъ добывать! Мужикъ— шельма! Его надо чики-чикъ, чики-чикъ!

Приэтомъ онъ такъ заразительно хохоталъ, что даже люди, которые въ душѣ возмущались его отвѣтами, невольно смѣялись.

На земскихъ собраніяхъ онъ ничего не говорилъ и ничего не слушалъ, а только рисовалъ голыхъ женщинъ во время засѣданія и пилъ коньякъ въ антракты. Въ управѣ онъ смѣшилъ всѣхъ или своими рассказами, или, чаще всего, глумленіями надъ членомъ-товарищемъ, Евдокимомъ Сократовичемъ Пузанчиковымъ, котораго онъ звалъ не иначе, какъ Стократомъ Овдотьевичемъ.

Этотъ Стократъ Овдотьевичъ вышелъ изъ «сѣрыхъ овчинъ», а теперь считался однимъ изъ воротилъ уѣзда, имѣлъ нѣсколько домовъ и жилъ на барскую ногу, «по-господски», выражаясь его языкомъ, такъ какъ въ квартирѣ была вѣнская мебель и даже «фортепяны». Для сына нанята была гувернантка, которая учила юнаго Пузанчикова нѣмецкому и французскому языкамъ. Это-то послѣднее обстоятельство и было поводомъ къ тому хохоту, который стоялъ въ залѣ управы. Балалайкинъ, покуривая трубочку, не отставалъ отъ Пузанчикова.

— Такъ вотъ какъ, Стократъ Овдотьевичъ—заливался зе-мець изъ военныхъ:—и «гувернантка» у васъ. Ахъ, чортъ его бери, ишь что выдумалъ! Чай многому она научила твоего фунтика... тьфу! Пуда, что-ли? Да... Пуда! Многому она выучила? а?

— Ничаво, дѣвица толковая, старательная! Теперь Пудка не мало словъ этихъ знаетъ. Спервоначалу я и не вѣрилъ ей: пришла это такая сухопарая и трещить. Я сичасъ: ты мнѣ тѣни-то не наводи! Мораль эту мы знаемъ доподлинно! Ты учи, тогда и увидимъ.

— И выучила?

— То ись-какъ! Теперя Пудка ино такъ забормочить, что совсѣмъ словно нѣмчура. И я это, на старости, отъ него наслыхался.

И Пузанчиковъ совершенно наивно называлъ нѣсколько словъ.

— Какъ? какъ? что? подхватывалъ Балалайкинъ.

— Бродъ тамъ какой-то, а это по нашему хлѣбъ. Чудно.

— Стократъ Овдотьевичъ, тебя морочать! Ну какъ-же это

можно, чтобы хлѣбъ и бродъ? Послѣ этого скажутъ кочень и членъ управы!

Раздавался дружный хохотъ всѣхъ служащихъ, которые только при предсѣдателѣ, мрачномъ и желчномъ Ратниковѣ, держали себя въ «струнѣ».

— Ну, какъ-же это... кочень, что-же тутъ ужъ?.. замѣчалъ Пузанчиковъ въ замѣшательствѣ.

— А что-же? Чѣмъ хуже брода? Бродъ—сбродъ и хлѣбъ? Ахъ, Стократъ, Стократъ... и что ты на старости лѣтъ выучилъ? а? И опять хохотъ.

Во время такого веселаго занятія попалъ въ управу Бузоровъ.

— Вамъ что-съ? обратился къ нему секретарь.

— Меня послалъ сюда г. инспекторъ.

— Ахъ, Ермилъ Егоровичъ! Вамъ что-же? Вы учитель?

— Да.

— Мѣстъ въ нашемъ уѣздѣ вѣдь, кажется, нѣтъ?

— Да мнѣ не мѣсто, а сочиненіе!

— Сочиненіе? задумался на минуту секретарь.— Да какъ-же теперь-то: нѣтъ господина предсѣдателя?

— А члены?

— Позвольте, вмѣшался Балалайкинь, подходя къ столу секретаря,—если не ошибаюсь, дѣло идетъ о сочиненіи?

— Да, но Петра-то Петровича...

— А Пузанчиковъ-то зачѣмъ? развѣ не членъ?

— Что-же они-то? промолвилъ секретарь, не зная какъ понять предложеніе Балалайкина: въ шутку или серьезно.

Онъ и улыбнулся какъ-то неопредѣленно.

— Какъ что? воскликнулъ ротмистръ-земець, вполне серьезно, хотя углы его рта приэтомъ подергивались:—человѣкъ говоритъ по-нѣмецки и вдругъ—на-ка обида какая!

Кто-то изъ писцовъ хихикнулъ.

— Стократъ—ragdon! Сократъ Овдо... тьфу! Евдокимъ Соколовичъ, громко крикнулъ Балалайкинь:—пожалуйте-ка сюда!

Переваливаясь и обтирая клѣтчатымъ платкомъ лоснящееся лицо, подошелъ Пузанчиковъ.

— Что вамъ, Микита Микитичъ?

— Да вотъ-съ, къ вамъ: «гигзаментъ» держать! говорилъ Балалайкинь, закусывая губу,—сочиненіе!

— То есть что-же это? съ недоумѣніемъ произнесъ купецъ.

— Какъ что? Помните Петръ Петровичъ задавалъ сочиненіе учителямъ?

— Ну, да-съ!

— Вотъ и вы задайте сему молодому человѣку.

Бузоратовъ былъ опѣненъ всѣмъ этимъ. «Что это? гдѣ я? Въ циркѣ или въ управѣ?» подумалось ему.

— Я, кажется, не во время пришелъ, промолвилъ онъ, дѣлая движеніе назадъ.

— Позвольте, позвольте! остановилъ его Балалайкинь:—если по вашему теперь не время, то значить и всегда не время.

— Я хотѣлъ бы знать, когда могу застать господина предсѣдателя? сухо промолвилъ Бузоратовъ.

— А никогда—вплоть до сентября... т. е. почти никогда! Онъ въ имѣніи и является въ городъ яко метеоръ!

Молодой человѣкъ задумался. «Ждать?.. но какъ же ждать? А безъ сочиненія все равно вѣдь не уѣдешь! Но что за глупая комедія? И неужели писать для этого... дурака!»

— Тогда нельзя ли поскорѣе дать мнѣ тему? сказала Бузоратовъ рѣшительно.

— Сію минуту! уже серьезнѣе произнесъ Балалайкинь, умѣвший недурно понимать людей. Да и самая фигура Бузоратова, смахивающаго на художника, заставила земца войти въ предѣлы солидности и приличія.

Онъ пригласилъ молодаго человѣка въ отдѣльную комнату, отдавъ на ходу приказанія сторожу:

— Бумаги, перо и чернилъ! Живо!

Черезъ минуту все это было принесено, и Балалайкинь обратился къ учителю:

— Не угодно-ли? Здѣсь никто не помѣшаетъ.

— О чемъ же писать? Вы не задали темы? сказалъ Бузоратовъ.

— Ради Бога избавьте отъ этого! Пишите о чемъ угодно! Я никогда не былъ учителемъ, а Стократъ... т. е. Евдокимъ Сократовичъ, поправился земець, который теперь ошибся уже наумышленно:—онъ и совсѣмъ тутъ не при авантажѣ! Избавьте насъ!

И улыбаясь, и покручивая усы, онъ вышелъ изъ комнаты, оставивъ Бузоратова одного вдохновляться для творчества, судить которое предстояло двумъ земцамъ. Онъ еще не начиналъ писать, когда дверь пріотворилась со скрипомъ и въ отверстіе просунулась курчавая голова.

— Можно? или помѣшаю? раздался вопросъ шепотомъ.

— Войдите! отвѣчалъ Бузоратовъ.

Въ комнату вошелъ низенькаго роста брюнетъ, въ засаленномъ скюртукѣ и съ перомъ за ухомъ. Это былъ писецъ управы

Сомовъ, учившійся въ «педагогическихъ же курсахъ», но вслѣдствіе «провала» на экзаменѣ съ перваго отдѣленія на второе, покинувшій курсы. Онъ былъ знакомъ съ Бузоровымъ.

— Ну что даль-таки мѣсто, Ермилка? началъ Сомовъ, садясь на стулъ, противъ товарища, вынимая коробочку съ папиросами и подчюя ими.

Оба закурили.

— Даль-то даль...

— Да не то что общаю? да?

— Не то.

— Рожновскій предвосхитилъ?

— Да, этотъ дуракъ.

— А ты знаешь, что онъ женится?

— Нѣтъ, да и не можетъ быть!

— Ей-Богу женится! Да ты отгадай на комъ?

Бузоровъ отрицательно покачалъ головою и выпустилъ клубъ дыма.

— Почему же я могу знать! выговорилъ онъ.

— На Манухиной!

— Какъ? встрепенулся Бузоровъ:— на любовницѣ Ермилки?

— Э-э! Ему, братъ, общано скоро мѣсто въ городъ.

Презрительная улыбка искривила губы Бузорова.

— Подлость! процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Да-съ! Знай нашихъ! А вѣдь Машенька ничего... поленькая...

— Ничего, согласился Бузоровъ, снисходительно посмотрѣвъ на Сомова.

Этотъ закурилъ, отрывисто затягиваясь, и бросая папиросу въ каминъ, промолвилъ:

— А ты куда-же?

— Въ Глушковскій уѣздъ.

— Что ты? И ѣдешь? воскликнулъ Сомовъ.

— Ъду.

— Да вѣдь это у чертей на куличкахъ!

— Не все-ли равно? Дѣло вездѣ есть.

— Фантазія! А въ Порошкино-то, хуже что-ли?

— Да развѣ свободно?

— Свободно.

— А онъ сказалъ, что все занято. Если-бы я... Да ну его къ чорту! озлобленно проговорилъ вдругъ Бузоровъ:— все держится на... Уѣхать бы скорѣе! Уходи, я буду писать!

Онъ подвинулъ къ себѣ чернильницу и взялъ въ руки перо.

— Ну, пиши, пиши, махнулъ рукою Сомовъ:—проходи наше чистилище!

— Какое чистилище? спросилъ Бузоратовъ какъ-то механически, нисколько не интересуясь отвѣтомъ и уже углубляясь въ размышленіе по поводу предстоящей работы.

— А это мы такъ прозвали, смѣясь докладывалъ писецъ.— Всѣ вы ждете, какъ рай, мѣста, а безъ сочиненія его нельзя получить; чтобы въ рай попасть, надо значить у насъ первоначально искусь пройти... Вотъ мы и прозвали, что вы... да ты ужъ пишешь?

— Мм, мм! качнулъ головой Бузоратовъ, вывода заглавіе: «Изъ курсовыхъ воспоминаній».

Приэтомъ у него мелькнуло въ головѣ: «а вотъ-бы штука-то написать всю правду»? «Да, недурно», рѣшилъ онъ мысленно и улыбнулся.

Онъ не написалъ, конечно. А написать можно было многое.

На «курсы» ушло много денегъ, покрайней мѣрѣ неизмѣримо больше того, что они дали. А что они собственно дали? Что могли они дать при томъ составѣ педагоговъ, какой былъ, и при томъ отношеніи къ дѣлу, какое существовало?

Если кто и понималъ отчасти дѣло, за которое взялся, такъ это былъ одинъ Куницынъ, читавшій педагогику. Но и онъ не отличался усердіемъ и прилежаніемъ; да и мудрено было требовать этого отъ человѣка утомленнаго, охрипшаго за день на лекціяхъ въ гимназіи. Проговорить съ 9 часовъ до 2—3-хъ чтонибудь да значить. А тутъ съ 4-хъ опять уроки въ педагогическихъ курсахъ. Поневолѣ человѣкъ манкировалъ лекціями или читалъ ихъ по книгѣ, а то просто-на-просто заставлялъ читать вслухъ кого-нибудь изъ слушателей. Безъ сомнѣнія, это была небрежность, но ее прощали всѣ Куницыну за тѣ немногія лекціи, которыя онъ читалъ въ минуты вдохновенія, неуставшій. Это были лекціи, которыя приводили въ восторгъ Бузоратова. Умъ соединялся съ талантомъ, знаніе—съ истиннымъ краснорѣчіемъ. Если-бы не эти лекціи не стоило бы и оставаться на курсахъ ни одного дня!

Для кого въ самомъ дѣлѣ?

Исторію преподавалъ нѣкто Уткинъ. Зналъ ли онъ исторію когданибудь, или все перезабылъ, Богъ вѣсть! Надо думать, что не зналъ никогда, потому что по профессіи былъ сначала учителемъ чистописанія, и только Аллахъ вѣдаетъ, какимъ образомъ попалъ онъ въ учителя исторіи на курсы. И читалъ же

онъ ее! Ни одного слова болѣе, ни одного лишняго противъ Иловайскаго, и то краткаго, ученики не слыхали изъ устъ этого ученаго мужа. Явясь въ классъ, онъ сѣлся на кресло, клалъ раскрытую книгу въ каеэдру и, откинувшись на спинку стула, началъ читать. Гладко и правильно. Еще-бы! Иловайскій пишетъ литературно! Старый и не отличавшійся памятью Уткинъ безъ книги не могъ ступить шагу. Хронологія всегда была для него мученіемъ. И попадалъ же онъ въ просакъ отъ поры до времени! Разъ какъ-то, спрашивая ученика о Всеволодѣ-Большое Гнѣздо, Уткинъ ошибся страницей. Желая поправить курсиста, онъ вдругъ отчеканилъ годъ и... поперхнулся, перескочилъ чуть не на сто лѣтъ! Дѣло было, впрочемъ, въ семейномъ кругу, ничего. Всѣ только разсмѣялись, не придавъ никакого значенія ошибкѣ «професора». Его знанія были извѣстны.

Но другой фактъ случился на глазахъ высшаго начальства. Шелъ урокъ исторіи. Уткинъ читалъ по книжкѣ о Екатеринѣ Великой. Все шло хорошо: учитель читалъ, изъ учениковъ—кто слушалъ сквозь дрему, кто пробѣгалъ лекціи къ слѣдующему уроку. Иные совершенно спокойно услаждались Дюма или Поль-де-Коккомъ. Вдругъ является директоръ гимназіи.

Уткинъ засуетился и хотѣлъ было спрашивать учениковъ.

— Ненадо, ненадо, остановило его начальство:—вы, какъ жетса, рассказывали?

— Э-э... да-съ, да-съ, ваше превосходительство! Я...я рассказывалъ! залепеталъ Уткинъ.

— Такъ продолжайте, продолжайте! Я послушаю.

«Продолжайте!» Легко сказать, но какъ продолжать... безъ книги?

— Такъ-съ вотъ, господа, Екатерина Великая... гм, гм!.. Это была мудрая, великая государыня... Она сама написала наказъ... Европейскіе умы уважали ее. Она вела войны... первая война была... была въ...

Увы! годъ начала первой войны исчезъ изъ памяти Уткина. Онъ смѣшался окончательно и потъ выступилъ на его лбу.

Начальство не допустило до дальнѣйшаго скандала. Оно высказало удовольствіе, что «по исторіи ушли уже такъ далеко», спросило одного ученика и... удалилось. Было ли потомъ «секретное внушеніе» ученому мужу—объ этомъ сонская лѣтопись умалчиваетъ; но изъ нея извѣстно, что ученый мужъ до конца существованія курсовъ оставался профессоромъ исторіи, продолжая читать ее по Иловайскому.

Подстать Уткину былъ и преподаватель «математики».

Этотъ путался въ задачахъ на смѣшеніе и особенно на правило товарищества.

— Столько-то! возглашаетъ педагогъ, рѣшивъ задачу.

— Въ книгѣ отвѣтъ не тотъ, замѣчаетъ ученикъ.

— Какъ такъ?

— Посмотрите!

— Гм!

Передѣлываетъ, не сходится снова.

— Стало быть, опечатка! рѣшаетъ учитель, — переправьте!

И переправляютъ. Такими «переправленіями» были испещрены всѣ задачки «Буссе и Лаве».

Случалось и наоборотъ.

«Математикъ» разъ задалъ такую задачу, что никакъ не могъ самъ ее рѣшить. Немногіе рѣшили и изъ слушателей. У всѣхъ отвѣты получились разные. Кто правъ? У одного отвѣтъ сходный съ отвѣтомъ учебника, а у всѣхъ другихъ нѣтъ. Всѣмъ по двойкѣ, а рѣшившему — пять. И что же оказалось потомъ? Этотъ-то одинъ и не рѣшилъ совсѣмъ задачи. Онь, какъ говорится, на «уру» набросалъ множество дѣйствій и вывелъ внизу 2,340, прибавивъ: вѣрно съ отвѣтомъ. А какъ нарочно въ этотъ разъ въ учебникѣ была дѣйствительная опечатка.

«Словесность» преподавалъ на курсахъ Ложбицкій. Прежде всего онъ не умѣлъ говорить правильно по-русски. Въмѣсто «коротко—кóротко», «высоко». Не страница, а страница и т. д. Можно себя представить, какъ прекрасно читалъ онъ прозу и въ особенности стихи. Впрочемъ, это внѣшняя сторона. Къ сожалѣнію, Ложбицкій не могъ похвастаться и знаніемъ своего предмета. Какъ Уткинъ видѣлъ якорь спасенія въ Иловайскомъ, такъ Ложбицкій — въ Стоюнинѣ. Приѣмъ тотъ же самый: книга въ каведру и чтеніе, «яко бы отъ себя». Никого онъ этимъ не обманывалъ, конечно, но вѣдь басня объ аистѣ, прячущемъ голову въ траву, вамъ извѣстна, читатель. За то и случались съ Ложбицкимъ точно также промахи, заставлявшіе хохотать классъ.

«Теоретикъ» превращался въ «еретика», благодаря опечаткѣ, и быстрому чтенію. Рѣчь о Крыловѣ вдругъ смѣнялась рѣчью о Гоголѣ. Правда, онъ спохватывался, но уже поздно. А вся причина въ томъ, что въ книгѣ, по ошибкѣ переплетчика, страницы оказывались перепутанными.

Однако, все сходило съ рукъ этой «столбовой троицѣ», какъ прозвали ее курсисты.

— Земля держится на трехъ китахъ, смѣялись будущіе

просвѣтителѣ народа,—а наши курсы на трехъ столбахъ: Уткинѣ, Дырочкинѣ и Ложбицкомѣ.

Какихъ же педагоговъ могла создать эта «столбовая троїца?» За то и были среди воспитанниковъ экзemplары, достойные кунсткамеры. Они напоминали собою бурсаковъ Помяловскаго; но вѣдь тѣ готовились отжаривать шестопсалміе, а эти просвѣщать народъ.

Всѣхъ замѣчательнѣе былъ Рожновскій.

Малому шель двадцать первый годъ. И вотъ вызываютъ его при ревизорѣ, во время урока исторіи.

— Потрудитесь разсказать о Петрѣ Великомѣ. Знаете?

— Знаю-съ.

— Который это Петръ по числу?

Онъ навѣрное бы не отвѣтилъ, да взглянулъ на парты—товарищъ показалъ палецъ.

— Первый, возгласилъ торжественно Рожновскій.

— Такъ. Разскажите-же.

Увы! Печать молчанія на устахъ.

— Въ которомъ году вступилъ на престолъ Петръ I?

Молчаніе.

— Въ какомъ вѣкѣ жилъ?

Молчаніе.

— Да теперъ-то какой вѣкъ, знаете? уже вскрикнулъ ревизоръ, потерявши терпѣніе.

— Знаю.

— Ну?

— Тысячу восемьсотъ семьдесятъ .. такой-то.

Ревизоръ всплеснулъ руками.

Другой ученикъ не могъ отвѣтить на вопросъ: когда тѣла сжимаются и когда расширяются, и не могъ никакъ объяснить различіе кривой линіи отъ ломаной.

Разумѣется, не всѣ были таковы, да этого и не могло быть. Но если кто и зналъ что нибудь, то зналъ, благодаря чтенію и своимъ внѣ-класснымъ занятіямъ. Бузорову, прошедшему гимназію до шестаго класса, въ курсахъ, строго говоря, нечего было и дѣлать. И онъ дѣйствительно не дѣлалъ ничего, посѣщая курсы только для лекцій Куницына, или въ видѣ развлеченія.

Но дома онъ работалъ усердно, серьезно смотря на свою будущую дѣятельность. Онъ шелъ въ учителя по желанію, предпочитая скромное и не легкое поприще болѣе выгодному мѣсту, какое онъ могъ получить и какое ему уже обѣщали. Но имъ

руководила идея. Онъ хотѣлъ быть полезнымъ именно имъ, темнымъ людямъ, которые бродятъ въ потьмахъ, безъ понятія о вѣрѣ и Богѣ.

Онъ не кончилъ гимназіи, благодаря просто случаю. За какой-то проступокъ ему предложили на выборъ или карцеръ, или удаленіе. Онъ сгоряча подалъ просьбу объ увольненіи и поступилъ на курсы. «Все равно, рѣшилъ онъ, — я займусь два года, а потомъ... что мнѣ въ атестатѣ?»

Знакомый комерсантъ предлагалъ ему мѣсто въ конторѣ. Ему нуженъ былъ человекъ, бойко владѣющій перомъ.

Бузоровъ не согласился. Разъ увлекшись идеей, онъ прямо пошелъ къ цѣли, не слушая отговорокъ и увѣщаній.

— Будь что будетъ! сказалъ онъ.

— А если скверно?

— Ну, все равно! Да захочу, добьюсь! Тамъ нужны силы.

Два года на курсахъ въ матеріальномъ отношеніи были тяжелы для Бузорова. Круглый сирота, не имѣя ничего, кромѣ стипендіи въ 7 р. 50 к., онъ нуждался постоянно. Жить на семь рублей довольно трудно, тѣмъ болѣе, когда и эти семь рублей выдавались не аккуратно. Стипендію на руки получалъ Уткинъ. Но этотъ мужъ, незнавшій исторіи, хорошо зналъ ариметику и любилъ нажитья. Онъ задерживалъ деньги, покупая на нихъ сѣно и съ выгодой перепродавая его, а стипендіаты ждали, по два и по три дня не ѣвши. Соберутся толпой, нападуть — и только благодаря настойчивому требованію, добьются наконецъ жалкихъ семи рублей съ полтиною.

И все-таки были хорошія минуты въ жизни юноши. Бузоровъ и еще трое курсистовъ составляли протестующихъ, прозванныхъ Уткинымъ «лѣвыми». Эти «лѣвые» собирались, читали, спорили и мечтали.

А въ этихъ-то мечтахъ и все счастье юности!

Бузоровъ быстро написалъ сочиненіе. Онъ коснулся прошлыхъ товарищескихъ вечеровъ, гдѣ намѣчались планы будущей дѣятельности, и развилъ эти планы. Сочиненіе вышло не особенно большое, не особенно выдержанное, но горячее, искреннее. Бузоровъ объ этомъ не старался (стоило ли стараться для земцевъ въ родѣ Стократа?), но онъ увлекся и все вышло помимо его воли.

Онъ подписалъ фамилію и отнесъ сочиненіе къ членамъ управы.

— Уже? сказалъ Балалайкинь, оставляя № «Развлеченія».

— Да! Не особенно велико.

— И куда больше... все равно вѣдь Алексѣй въ печку броситъ! Ахъ, радон попсиѡцъ, я забылъ, что авторы народъ самолюбивый.

— Ну, здѣсь-то это... началъ было учитель, но не кончилъ и замолчалъ.

Но дѣйствительно что-то укололо его. «Такъ вотъ для чего писалось? для печки?»

— Присядьте, пожалуйста! продолжалъ Балалайкинь. — Вы курите? Не угодно-ли?

Онъ старался быть любезнымъ, чтобы сгладить свою неловкость относительно судьбы «писаній».

— Пока вы курите, мы приготовимъ записку г-ну инспектору, заявивши о вашей полной годности для высокой дѣятельности...

— Но вѣдь вы же еще не читали? замѣтилъ Бузоровъ.

— Это ничего не значить. Мы вамъ вѣримъ, да и что читать? Я знаю только то, что ничего не знаю. А онъ, сэръ Пузанчиковъ, одно слово «бродъ» — и только! Не такъ ли, Стократъ Овдотьевичъ?

Балалайкинь, подъ вліяніемъ выпитой бутылки пива и газеты, пришелъ опять въ свое обычное расположеніе.

— Тогда зачѣмъ же было и писать? не удержался учитель, возмущенный внутренно такимъ отношеніемъ къ дѣлу.

— Такъ-съ угодно начальству, т. е. Петру Петровичу и всѣмъ земствамъ. Это, видите ли, законъ, форма...

— Да вѣдь можно выдать бумагу и такъ?

— Ай, ай, нѣтъ! Сочиненіе ваше все-таки съ годикъ пролежитъ у насъ. А потомъ уже въ архивъ Алексѣя! Впрочемъ, вѣдь это я такъ, съ Стократомъ Овдотьевичемъ. А попадись вы на предсѣдателя, онъ бы не такъ, у-у! Но, право, не жалѣйте! Такъ скорѣе. Не правда-ли?

— Разумѣется, рѣшилъ про себя Бузоровъ, — только все-таки писать для печки невесело!

IV.

«Я въ пустыню удаляюсь!»

«Чистилище» пройдено, бумага о назначеніи получена. Нужно ѣхать. А ѣхать было нельзя. У Бузоратова буквально не было ни гроша въ наличности и не мало долговъ, слѣдовательно, переводя на алгебраическій языкъ, Бузоратовъ имѣлъ минусъ. Это, конечно, хуже, чѣмъ нуль. Надо было не только хлопотать о деньгахъ на дорогу, но и упросить кредиторовъ подождать. Съ однимъ изъ нихъ молодой человѣкъ какъ нарочно встрѣтился сейчасъ же по выходѣ отъ инспектора, получивши предписаніе объ опредѣленіи на должность сельскаго учителя въ Глушковскій уѣздъ, въ деревню Андрюково.

— А, Григорій Несторовичъ, воскликнулъ тотъ, — откуда это? Никакъ отъ начальства?

— Да, отъ инспектора.

— Ну что, какъ дѣла?

— Да ничего.

— Мѣсто-то какъ?

— Да получилъ, опредѣленіе вотъ тутъ ужъ, показалъ молодой человѣкъ на боковой карманъ скюртука.

— А! наконецъ-то! радостно воскликнулъ кредиторъ. — Слава Богу, слава Богу! радуюсь. Пора, пора! И заждались же вы, право!

— Да, три мѣсяца.

— Шутка-ли, шутка-ли! Надо чѣмъ жить!

— Вотъ я вамъ около...

— Э, что тутъ, пустое. Развѣ я не вѣрю? перебилъ кредиторъ. — Вотъ теперь разочтетесь, прибавилъ онъ полшутя, полусерьезно, тонко дѣлая намекъ, что «дѣйствительно-де время бы покончить счеты».

— Ужъ право я и не знаю... какъ! вздыхая промолвилъ Бузоратовъ. — У меня денегъ совсѣмъ нѣту!

— А подъемныя?

— Да инспекторъ не даетъ. Тамъ получу.

— Гм! гм! Это... а я думалъ, право... Конечно, я вѣрю... но въ животѣ и смерти Богъ воленъ, знаете пословицу.

— Я вамъ выдамъ новый вексель! поспѣшилъ сказать Бузоратовъ.

— Да это что, я вѣдь не для того, чтобы... я, оно конеч-

но, да, да, вы ужь пожалуйста векселекъ. Какъ нибудь зайдете... вы когда ѣдете-то?

— Я думаю очень скоро, только вотъ...

— Вы теперь-то свободны?

— Да, а вамъ что?

— Зайдемте-ка въ «Берлинъ», тамъ вы и перепишите; у меня всегда есть бланка, съ улыбочкою проговорилъ Ципурскій, мѣстный ростовщикъ, опутавшій своими тенетами пол-города.

Новый вексель былъ переписанъ съ накидкою десяти рублей.

Но Ципурскій былъ не единственный кредиторъ. Самымъ страшнымъ для учителя являлся лавочникъ; человекъ грубый. Молодой человекъ боялся оскорблений и отчасти не избѣгъ ихъ. Лавочникъ также согласился на вексель, но не удержался отъ замѣчанія.

— Вѣдь вотъ дѣло-то; проговорилъ онъ тономъ сытаго кулака и съ нахальностью людей этого сорта:— кормишь, кормишь голытьбу всякую, а что потомъ получишь-то? У другаго только и въ карманѣ, что блоха на арканѣ. Ей-Богу!

Бузоратовъ дрожащей рукой дописалъ вексель, бросилъ его на прилавокъ и выбѣжалъ изъ лавки. Кровь хлынула ему въ голову и застучала въ вискахъ. А къ горлу подступали слезы.

— Ишь, тоже: обидѣлось его благородіе! глумливо засмѣялся лавочникъ, пряча вексель:—голь перекатная, а вѣдь тоже анбиція... не мужикъ!.. А что мужикъ? Мы и сиволапые, да ѣдимъ свой хлѣбъ, да еще ихъ же безбрючниковъ поимъ и кормимъ!

Въ Горкиной улицѣ, близъ кладбища, стоялъ, да и теперь еще стоитъ, небольшой одноэтажный домишка, покосившійся набокъ, выкрашенный не то въ сѣрую, не то въ бурую краску. Этотъ домишка принадлежитъ вдовѣ-солдаткѣ Аграфенѣ Прохоровнѣ Заморенной, которая живетъ въ какомъ-то чуланѣ, гдѣ-то рядомъ съ чердакомъ, а весь домъ отдаетъ въ наемъ. Деньги съ жильцовъ и отъ продажи разнаго хлама на «вѣкъ» въ толкучемъ рынкѣ, вотъ и всѣ матеріальные ресурсы Заморенной. У нея то, въ одной изъ кѣтокъ-комнатъ и жилъ Бузоратовъ съ самаго своего поступления на педагогическіе курсы.

Разбитый и униженный возвращался домой молодой человекъ, и мысль, гдѣ взять денегъ на дорогу, еще болѣе увеличивала его тяжелыя мученія.

Онъ столкнулся въ сѣняхъ съ хозяйкою, только что вернушеюся изъ рынка.

— Ну что, батюшка, какъ? съ соболѣзнованіемъ освѣдоми-лась она у жильца.

— Да худо, Аграфена Прохоровна, нехотя и не безъ раздраженія отвѣтилъ Бузоратовъ.

— Тсъ! сокрушительно причмокнула солдатка и покачала головою.— Ты какъ-же теперь-то?

— Да ужь не знаю, право!..

— Ахъ ты, Боже мой! То мѣста нѣтъ; а то и мѣсто, да опять другое горе... И много надо-то?

— Не меньше... да я и самъ не знаю сколько!

— А ѣхать-то какъ? въ лодкѣ?

— Лодкою надо ужь, все же дешевле.

— Оно вѣрно... А ты прицѣнился?

— Нѣтъ... да что-же... Надо денегъ сначала. Былъ у многихъ—и ничего.

— Ахъ ты горе какое! Да ты, полно, не сокрушайся, утѣшала солдатка:—никто какъ Богъ. Что духомъ-то упадать!

— Я и не упадаю! Я въ крайнемъ случаѣ пѣшкомъ пойду. рѣшительно заявилъ вдругъ Бузоратовъ, и его нервное лицо, за минуту полное чуть-ли не отчаянія, мгновенно измѣнилось.

— И, что-ты! разсмѣялась Заморенная:—пѣшкомъ. Пряткой какой! Надо поискать... да постой-ка: ты обѣдалъ севодни?

— Когда-же... т. е. я закусилъ, поправилась молодой чело-вѣкъ, вдругъ весь вспыхивая отъ этого простаго и участливаго вопроса. «Голытьба всякая!» вспомнилось ему выраженіе лавочника.

— Э, да ты чего тутъ церемониться-то вздумалъ, да проводить меня? возразила Заморенная:—меня-то нечего конфузиться; я, родимый, не такая... Нечего меня-то... Иди-ка, въ комнату, я тебѣ принесу каши и киселя гороховога... Неважно, да у насъ что ужь есть...

— Я не хочу, Аграфена Прохоровна.

— Ладно, ладно... разговоры-то эти оставь... иди къ себѣ, иди!..

Какъ не отговаривался жилецъ, но солдатка не отставала и заставила его «поѣсть».

И какая-же каша вкусная! А кисель-то? да это—предестъ что такое! Бузоратовъ съѣлъ все, что было принесено, и съѣлъ бы еще столько.

— Ну, вотъ и ладно! такъ-то лучше, сказала хозяйка, убирая посуду.—А то на-ко, чваниться надумалъ! А теперь вотъ что, родной мой Григорій Несторичъ, иди-ка ты къ Желтому мосту, да прицѣнись къ лодкамъ. Надо знать на всякій случай!

— Я и самъ думалъ, да денегъ-то...

— Все равно: прицѣнись только покамѣсть, а тамъ видно будетъ. Цѣну-то знать надо безпремѣнно!

Онъ согласился и отправился къ мосту, гдѣ была стоянка большихъ, крытыхъ лодокъ, ходящихъ по рѣкѣ Мутыянкѣ, не стѣсняясь тѣмъ, что по ней уже бѣгаютъ пароходы.

— Што-жъ пароходы?.. то особъ статья. Наша рублика — особливая, говорили лодочники.

На набережной было совершенно тихо. Народу совсѣмъ не видно. На лодкахъ тоже словно все обезлюдѣло. Легонько парусились флаги на мачтахъ лодокъ, словно и они заразились общею лѣнью, царившею вокругъ.

Бузоровъ рѣшился отыскать когонибудь. По трапу осторожно перебрался онъ на лодку, которая стояла ближе всѣхъ къ мосту, и спустился во внутрь. Въ маленькой кануркѣ онъ нашелъ сѣдовласаго старца, пившаго чай. Старикъ былъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и даже безъ сапогъ. Потъ такъ и капался съ его морщинистаго лица. Досыта, всласть напивался человекъ «китайскаго зелья».

— Чаво тебѣ, молодецъ? опросилъ Бузорова старикъ.

— Мнѣ бы хозяина лодки?

— А пошто? Ъхать, што-ли?

— Ъхать!

— Я самый и есть хозяинъ... Ты куда?

— До Песчанска.

— Въ общей, чай?

— Конечно, въ общей.

— Такъ, такъ!

Старикъ схлебнулъ аппетитно остатки чая съ блюдечка, поставилъ его на столикъ и, обтираясь какою-то тряпкою, не спѣша проговорилъ:

— Три рублика положъ.

— Дорогонько, дѣдь! И очень даже!

— Цѣна самая ладная. Завсегда возимъ за три! Ну, да ужъ изволь, уважу: два съ восьмью гривнами — и кончено!

— Дѣдушка, что-ты? Да пароходъ...

— И што ты говоришь про пароходъ! Онъ развѣ меньше шести возить? Ешто вотъ на палубѣ, безъ покрышки!

— А время-то?

— Ну што тамъ за временемъ торговаться... будемъ ешто! Ну, да что съ тобой, давай два съ полтиной! Ужъ это какъ разъ!..

— Сбавь, дѣдь!

— Да сколько же съ тебя? Не за даромъ же везть?

— Полтора рубля!

— И, што ты, родной! Ты вотъ што: если хочешь ѣхать изволь: два съ четвертью! И не торгуйся болѣе—не уступлю! И то дешево, да ужь для тебя. На одѣяніе твое гляючи.

Бузоратовъ поспѣшилъ согласиться.

— Семинаристъ надо полагать, а! догадывался старикъ. — На побывку? Кажись только время-то...

— Я въ учителя ѣду.

— А! въ деревню, стало... да-а! Ну, быть такъ!.. Сбавлю ешо четвертакъ, только и ты уважь...

— Чѣмъ-же?

— Подмоги ребятамъ моимъ въ дорогѣ, што если... Не Богъ вѣсть што вѣдь... а все таки оно... а?

Бузоратовъ согласился, и торгъ былъ оконченъ.

— Когда-же отплаваете? освѣдомился онъ.

— Да какъ тѣ сказать-то: время предѣлить нельзя. Клади ждемъ. Ну и пассажиръ тоже...

— Все таки скоро?

— Хотѣлось завтра, а то може и послѣ завтра... Тогда-то ужь навѣрное. Рази што задержать... да вѣтъ, не должно быть... Управимся!

Бузоратовъ поговорилъ еще недолго съ лодочникомъ, сказалъ, что зайдетъ завтра, и отправился обратно домой.

«Только гдѣ деньги? мучилъ его вопросъ. — Деньги ничтожныя, а достать... попробуй!»! Онъ и пробовалъ, да неудачно вездѣ. Сомовъ можетъ быть даль бы, да самъ въ долгу какъ въ шелку. Пріятелей въ жизни у всѣхъ не мало, а подойди роковая минута — никто почти не поможетъ, хоть умирай!

На другой день, утромъ, отправляясь на рынокъ, хозяйка завернула къ Бузоратову. Онъ сидѣлъ у стола и высчитывалъ на бумагѣ расходы.

— Ну что, батюшка, узналъ, какая цѣна-то? спросила солдатка.

— За два берется.

— Ишь, и то повздорожало. Прежде-то, кажись, менѣ брали, право.

— Да не въ этомъ дѣло, сказалъ учитель. — Два—такъ два. Это еще что бы! Да сапоги плохи, купить надо; на дорогу ѣды... Безъ пяти-шести не обойдешься. А то и всѣ десять! Вонъ они, сапоги-то, чуть держатся!

— О-хо-хо! сокрушительно вздохнула солдатка.— Што и говорить, деньги какъ вода. Не досталъ?

— Нѣту.

— Ну, такъ вотъ что, родимый...

Она развязала на шлатѣ узелокъ, вынула изъ него пятирублевку и положила на столъ передъ дчителемъ.

— На, родной! Не побрезгуй!

— Что это такое? воскликнулъ озадаченный жилецъ.

— Возьми себѣ, а послѣ сочтемся, уплотишь.

— Что вы, Аграфена Прохоровна! ужаснулся Бузоратовъ, краснѣя.— Да вы сами...

— Ахъ, полно, Григорій Нестеричъ! И чего ты спорить любишь? Не терять же мѣста, коли...

— Да я вамъ и такъ долженъ еще сколько...

— Ну и отдашь все за-разъ потомъ. Вѣдь не захочешь обидѣть вдову?

— Да помигуйте!..

— Чего тамъ! Ты отвѣть только: вѣдь не захочешь обидѣть?

— Аграфена Прохоровна!.. Да нѣтъ, я не возьму! ни за что! рѣшительно выговорилъ учитель, возвращая деньги хозяйкѣ.

— И не обижай меня! Слышишь, не обижай! какъ-то особенно проговорила Заморенная.— Что отъ сердца, тѣмъ никогда не брезгуй, Григорій Нестеричъ! Помни!

Ея голосъ вибрировалъ и на глазахъ показались слезы.

Молодой человекъ стоялъ передъ нею, опустивши руки. Лицо его нѣсколько разъ мѣнялось. Солдатка смотрѣла на него съ глубокимъ участіемъ и слеза, крупная слеза прокатилась по ея лицу.

— Э, что думать-то, бери—и вся недолга! сказала она, кладя руку на плечо жильца.

— Спасибо вамъ! только и могъ выговорить Бузоратовъ.

Въ его голосѣ послышались также слезы и онъ ничкомъ бросился на постель.

Было воскресенье, около пяти часовъ вечера. На набережной виднѣлись массы гуляющаго наряднаго люда. Множество яликовъ и стружковъ скользило по свѣтлому, чуть-чуть рябившемуся лону рѣки.

Въ это время одна изъ крытыхъ лодокъ отправлялась въ путь. Съ крикомъ и бранью отвязывались канаты; бѣжали рабочіе по верху лодки и тоже что-то кричали. Нѣсколько паса-

жировъ стояли наверху. Это были все по большей части люди простые и бѣдные. Виднѣлось нѣсколько богомолковъ съ котомками и солдатъ съ мѣшками.

Среди пассажировъ стоялъ и Бузоровъ. Онъ едва сдерживалъ слезы. Сильное волненіе замѣчалось въ лицѣ. Молодому человѣку было тяжело это общее веселіе.

«Друзья, родные... думалось ему.—А у меня? Если-бы не эта бѣдная, добрая солдатка, что стоитъ вотъ на берегу и, плача, смотреть на меня, никто бы и не пришелъ проводить... И зачѣмъ плачетъ она? Что я ей? Вонъ кланяется опять. Добрая женщина!»

— Съ Богомъ! раздался голосъ хозяина.

Головы пассажировъ обнажились и руки замелькали въ воздухѣ. Всѣ молились, повернувшись лицомъ къ церкви Николая Угодника, стоящей недалеко отъ моста, на набережной.

Перекрестился и Бузоровъ.

«Что-то будетъ?» невольно мелькнуло въ его умѣ.

Заморенная кланялась и крестила его.

Кланялся ей и Бузоровъ, и глаза его туманило и заслоняло что-то влажное.

— Ну, поѣхали! произнесъ чей то голосъ вблизи Бузорова.

Онъ машинально оглянулся.

То говорилъ подвыпившій мастеровой, который сейчасъ же вдругъ и затянулъ визгливымъ голосомъ:

Я-я въ пусты-нню-ю уда-ля-юсь

Отъ прикра-а-сны-ихъ здѣшнихъ мѣстъ.

«Да, ужь дѣйствительно удаляюсь въ пустыню, подумалъ Бузоровъ.—Но отъ прекрасныхъ ли мѣстъ?.. Во всякомъ случаѣ дорогихъ во многихъ отношеніяхъ. Здѣсь были хорошія минуты, здѣсь... здѣсь, наконецъ... Что—наконецъ? Да, наконецъ, вотъ эта добрая, славная женщина!» отвѣтилъ самъ себѣ молодой человѣкъ.

Онъ быстро повернулся въ сторону моста.

Заморенная опять учащенно закивала головою. Она кланялась до тѣхъ поръ, пока лодка, завернувшись за изгибъ, не скрылась совсѣмъ изъ виду.

Хотя и по теченію, но лодка пошла неособенно скоро. Бузоровъ стоялъ наверху, у кормы, и смотрѣлъ по сторонамъ, припоминая знакомыя мѣста. Вотъ церковь Меодія, съ золотымъ куполомъ, который теперь ласкали прощальные лучи солнца.

Въ этой церкви онъ, еще ребенкомъ, молился Богу вмѣстѣ съ своею матерью, не зная твердо молитвъ и только вѣря дѣтскимъ сердцемъ, что «Богъ добръ и справедливъ». У него уже и тогда было богатое воображеніе. Ему часто казалось, что Спаситель, изображенный на стѣнѣ, дѣйствительно живой, непременно живой. Онъ говорить, губы шевелятся, вотъ и рука подымается, благословляя дѣтей.

«Если-бы быть мнѣ тутъ, среди нихъ!» мечталъ мальчикъ.

Онъ подросъ, уже бѣгаетъ въ училище. Съ трепетомъ отпускаетъ его мать, напутствуя на дорогу крестнымъ знаменіемъ; беспокоится и няня-старушка. Но все сходитъ благополучно. Вотъ онъ уже въ церкви изрѣдка читаетъ на клиросѣ. Сколько наслажденія доставляло это ему тогда!.. Золотые годы!

Вотъ и та лужайка, недалеко отъ церкви, гдѣ играли въ бабки. И детали одна за другою начали возникать въ его воображеніи.

А сердцу становилось грустно.

Медленно плыветъ лодка, точно даетъ еще разъ, послѣдній разъ, можетъ быть, хорошенько взглянуть на покидаемые мѣста.

Вотъ острогъ. О, какъ онъ боялся съ дѣтства этого зданія! Какъ холодно становилось ему, какъ только попадалъ онъ подъ его своды. А онъ ходилъ изрѣдка съ матерью въ тюремную церковь. Испитыя, блѣдныя лица, смотряція черезъ рѣшетку, со всею ясностью припомнились ему снова. Онъ вспоминаетъ, какъ горько плакалъ, увидѣвъ за рѣшеткою дѣвочку. И худой, смуглый священникъ, съ длинными черными волосами, вспомнился неволью. Какая судьба! Въ той тюрьмѣ, гдѣ онъ былъ священникомъ, въ той самой тюрьмѣ умеръ его сынъ, единственный сынъ! И онъ былъ его, Бузоратова, товарищъ.

Сердцу становится еще грустнѣе, что-то придавливаетъ его.

А лодка медленно подвигается все впередъ.

Вотъ казармы, гимнастика. Здѣсь они, гимназисты, часто упражнялись въ ловкости. Вотъ и садъ купца Ендовина съ домомъ. А вотъ и знаменитая горка, гдѣ они, кончившіе педагоги, пировали въ день акта.

Это былъ хорошій день!

Сердце радостнѣе забилося, и этотъ свѣтлый день ясно припомнился Бузоратову.

Праздникъ начался еще въ городѣ, въ квартирѣ товарища Чембулатова... Гдѣ-то онъ теперь? Уѣхалъ на родину на мѣсяць—и ни слуха!.. Въ маленькой комнатѣ его собралось нѣсколько курсистовъ и ихъ знакомыхъ изъ семинаристовъ, гимна-

зистовъ, и два приходскіе учителя. Было тѣсно и жарко, не смотря на то, что окно было открыто. Да, впрочемъ, на улицѣ было еще жарче. Солнце пекло ужасно.

Шумный разговоръ и восторженные рѣчи не умолкали ни на минуту. Горячилась и волновалась молодежь. Черезъ нѣсколько дней она вся разсыпалась, чтобы, отдохнувши за лѣто, приняться за трудное дѣло. Мѣста уже были намѣчены, кому въ Сонскомъ уѣздѣ, кому въ другихъ. Бузорову обѣщано было въ Соснинкѣ, въ 30 верстахъ отъ Сонска.

Молодой хозяинъ досталъ огромный самоваръ и около него, стоявшаго на кругломъ столѣ, собралась молодая компанія. По случаю разлуки пущень былъ послѣдній грошъ; на столѣ красовались булки, сыръ, масло, колбаса, какое-то печеніе и даже пиво и вино. Чембулатовъ усердно подчивалъ и чаемъ, и пивомъ, и яствами.

Всѣ пили, ѣли—и всѣмъ было весело и хорошо.

«Чаепитіе» длилось болѣе трехъ часовъ. Наконецъ, мѣдный великанъ, котораго два раза подогрѣвали, былъ убранъ окончательно со стола и молодые люди еще съ большимъ жаромъ отдались бесѣдѣ. Темою разговора было народное образование, народная жизнь; говорили о необходимости твердо и неуклонно проводить въ народъ свои убѣжденія, знанія, добытыя чтеніемъ (конечно, не отъ «столбовой же троицы») и уроками подъ руководствомъ Куницына. Вспоминались его лучшія лекціи.

— Господа! воскликнулъ вдругъ восторженно Бузоровъ, нервы котораго были приподняты бесѣдою:—господа, довольно фразъ о дѣлѣ! Примемся скорѣе за самое дѣло. Подѣлимся своими знаніями, мыслями съ тѣми, кто знаетъ меньше насъ. Будемъ же учить и учиться, пойдемъ въ народъ, внесемъ въ его темную жизнь благодѣтельный свѣтъ науки, разовьемъ, подыдемъ его во всѣхъ отношеніяхъ и научимъ той истинѣ, какая есть все благо въ жизни.

Идемъ безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!

Пусть будетъ много труда, горя и лишеній,—все вынесемъ! А нѣтъ—что же? Лучше погибнуть на такомъ посту, чѣмъ блаженствовать, преслѣдуя жалкія эгоистическія цѣли! Не такъ ли, друзья?

— Такъ! Вѣрно! Правда! Правда! Ура! закричали всѣ въ отвѣтъ.

— Ура-а! присоединился къ товарищамъ и самъ ораторъ.

Кровь стучала въ вискахъ. Голова туманилась. Кто подалъ мысль ѣхать на горку и тамъ закончить пиръ—неизвѣстно. Но всѣ ухватились за это предложеніе и поѣхали на лодкахъ. И до семи часовъ утра шло пиршество на горкѣ, подъ открытымъ небомъ.

Бузоровъ невольно вздохнулъ, вспомнивъ все это.

«Хорошія обѣщанія! А многіе ли изъ насъ сдержатъ ихъ? возникъ у него вопросъ.—Я самъ?.. Буду биться, упорно биться, а если... «мертвые срама не имутъ!»

А лодка плыла медленно внизъ.

На палубѣ шли разговоры; мастеровой нѣсколько разъ принимался пѣть пѣсню, но она обрывалась на первыхъ же словахъ.

Показалось село Мураево. Бѣлая ограда церкви и самый храмъ Божій, богатый и большой, благодаря усердію старосты, мѣстнаго богача. Вотъ и его каменный домъ съ паркомъ. Дворецъ точно... прелесть!

— Эка домина-то, а! воскликнулъ хозяинъ лодки, стоявшій у руля.

Бузоровъ молча посмотрѣлъ на него.

— Князьи палаты! восторгался лодочникъ.— Да, везетъ инымъ! Самъ помню его сидѣльцемъ, а на-ка теперь! О, Господи! А добрый человекъ, нечего грѣхъ брать на душу! Золото--сердце! Умень только, прахтикъ на удивленіе! Посмотри-ка, вотъ парк-то... Бываль? ошесся лодочникъ уже къ Бузорову.

— Бываль.

— Опять зайдѣ!

— Развѣ мы пристанемъ?

— И нечуже даже! Завсегда такъ ужь: до Мураева—первое колѣно. А тамъ и пойдемъ ужь, какъ слѣдъ быть. Тутъ прощаемся съ Сонскомъ, да-а!

Черезъ нѣсколько минутъ лодка причалила къ берегу.

А. В. Кругловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПАРИЖЪ ВЪ ПЕРІОДЪ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ.

(НОВЫЕ ОЧЕРКИ ИЗЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ СТРАНЫ МИЛЛАРДОВЪ).

МАКСА НОРДАУ.

Букинисты.

Я уже упоминалъ о безчисленныхъ книготорговцахъ, которые расположились, на восточный ладъ, подъ аркадами Одеона съ своимъ товаромъ въ открытыхъ стѣнныхъ нишахъ, или подъ сводами, около колоннъ, идущей вокругъ этого зданія галереи. Этотъ торгующій людъ не имѣетъ ничего общаго съ прочими торговцами Парижа. Онъ представляетъ собою, такъ сказать, особенную специальность въ дѣлѣ книжной торговли. Подобно людямъ, проходящимъ мимо ихъ взадъ и впередъ, имѣющіяся здѣсь книги находятся или еще въ самомъ началѣ, или уже въ концѣ своего жизненнаго поприща. Книготорговцы Одеона держатъ у себя только вновь вышедшія книги, или уже ненаходящія себѣ сбыта старинныя произведенія, которыя, полежавъ болѣе или менѣе продолжительный срокъ на окнахъ книжныхъ магазиновъ, сбываются нетерпѣливыми издателями за самую ничтожную цѣну, какъ нигде негодный бумажный хламъ. Съ одной стороны аркады, разставленныя правильными рядами, помѣщаются на полкахъ только что вышедшія изъ печати книги; а по другую сторону, —

наваленныя въ безобразную кучу, лежатъ книги, ненаходящія въ публикѣ спроса, но которыя тѣмъ не менѣе не могутъ быть отнесены къ разряду старинныхъ. Не представляетъ ли это собою самымъ нагляднымъ образомъ грустнаго подобія превратностей жизни. Онѣ какъ будто завистливо и насмѣшливо смотрятъ другъ на друга. Здѣсь изданія Шарпантье и Гашетта какъ будто сами нахально напрашиваются на глаза всякаго своими кокетливыми, совершенно новенькими, безъ малѣйшаго пятнышка, обертками ярко желтаго цвѣта; а тамъ, грязныя, запыленныя томы книгъ какъ будто робко прячутся другъ за друга и точно хотятъ укрыться отъ взглядовъ прохожихъ. Новенькія книги имѣютъ таковой гордый видъ, что вамъ такъ и кажется, что онѣ, насмѣшливо поглядывая на своихъ несчастныхъ *vis-à-vis* по другую сторону коридора, будто кричатъ имъ: «Намъ принадлежить будущее! Мы составляемъ собою событіе дня. Въ насъ всѣ задачи на продолжительное обогащеніе человѣческой мысли! Въ насъ залогъ безсмертія для нашего автора!» На что старыя книги злобно шипятъ имъ въ отвѣтъ: «Знаемъ мы эту пѣсню! Мы также думали о себѣ прежде! Мы сами съ такими же надеждами появились на Божій свѣтъ! Но это однако-жъ не помѣшало намъ быть забытыми въ самый же первый день нашего существованія, а теперь мы не болѣе какъ макулатуры, и вотъ, посмотрите, со всѣми вами будетъ тоже самое!» А люди, прогуливающіеся подъ аркадами, не замѣчаютъ, не понимаютъ этого молчаливаго разговора книгъ между собою, такъ что имъ и въ голову не приходитъ найти въ этомъ обстоятельствѣ сходство съ своею собственною жизнью. Молодые люди расхаживаютъ здѣсь съ видомъ побѣдителей; грудь ихъ широко дышетъ; душа полна самоувѣренности, блестящихъ надеждъ, большихъ ожиданій; жизненное поприще открыто разстилается передъ ними и они вступаютъ въ него гордыми триумфаторами; ни одинъ изъ нихъ не сомнѣвается, что ему обеспечены въ будущемъ: власть, слава, богатство, безсмертіе. Взгляните вы, напримѣръ, на этого кончающаго курсъ медика: онъ уже видитъ себя ранѣе профессоромъ въ одной изъ первѣйшихъ клиникъ Франціи, къ которому со всѣхъ концовъ вселенной стекаются цѣлыя сотни юношей, жаждущихъ услышать отъ него слово науки; посмотрите на этого юриста: онъ уже мнитъ себя преемникомъ Беррье, президентомъ касационнаго департамента, министромъ юстиціи; посмотрите на этого студента, который на сходкахъ въ Латинскомъ кварталѣ прославился бойкостью своихъ рѣчей и который воображаетъ, что его ждетъ поприще, гдѣ онъ мо-

зеть стяжать себѣ репутацію втораго Гамбетты; взгляните на этого юнаго писателя, который сочиняетъ только въ тиши своей скромной каморки, гдѣ изводитъ пропасть бумаги, и рукописи его еще ни разу не появлялись въ печати, но онъ уже заранѣе слышитъ восторженные аплодисменты, которыми публика встрѣчаетъ появленіе его драмы, и въ воображеніи своемъ уже видитъ массу покупателей его книги, тѣснящихся здѣсь же, подъ этими же самыми аркадами, и разбирающихъ ее на расхватъ. И никто изъ этой самонадѣянной, заносчивой молодежи не оглянется на тѣхъ угрюмыхъ, грустнаго вида стариковъ, которые, какъ блѣдныя тѣни, молча проходятъ въ толпѣ; ни одинъ изъ этихъ юношей, съ блестящимъ, полнымъ веселья и жизни взглядомъ, не оглянется на сошедшихъ со сцены и забытыхъ людей, которые изъ своей борьбы за существованіе ничего не вынесли, кромѣ воспоминанія о своемъ стремленіи ко всему прекрасному, которые, съ сердцемъ, наполненнымъ такого рода горько сладостныхъ ощущеній, опять-таки приходятъ въ мѣстность, бывшую свидѣтельницами ихъ грезъ и мечтаній, и которые жмутся въ кружкахъ беззаботной молодежи Латинскаго квартала, чтобы, смотря на нее, вызывать въ своей душѣ пріятный призракъ своихъ собственныхъ начинаній.

Разумѣется, только глазъ посторонняго наблюдателя можетъ подмѣтить тотъ глубокій смыслъ, какой представляютъ эти, рядкомъ разставленныя, новыя книги и въ кучу сваленныя старыя, причемъ въ умѣ является невольное сравненіе ихъ съ молодыми людьми и стариками, во всякое время дня прогуливающимися пестрой, смѣшанной толпой подъ аркадами Одеона. Обыкновенный прохожій видитъ во всемъ этомъ только разнообразную массу праздныхъ людей, которые, отъ нечего дѣлать, по цѣлымъ часамъ стоятъ возлѣ этихъ книгъ и добросовѣстно читаютъ ихъ, не платя за это ни гроша. Такого рода любезное отношеніе къ публикѣ составляетъ отличительную черту характера всѣхъ одеонскихъ книготорговцевъ. Они не вносятъ въ свое дѣло ни малѣйшаго педантизма; они не отказываютъ публикѣ въ бесплатномъ умственномъ развлеченіи; у нихъ нѣтъ той холодной комерческой 'щепетильности, которая господствуетъ въ бульварныхъ книжныхъ лавкахъ, куда, за исключеніемъ самыхъ короткихъ знакомыхъ хозяина, не допускается никто иначе, какъ въ качествѣ покупателя; приобрѣлъ книгу, заплатилъ за нее деньги и ступай вонъ! Здѣсь же книжныя сокровища лежатъ на свободѣ и открыто, какъ на рынкѣ, какъ бы зазывая проходящихъ: идите сюда, берите и пользуйтесь! Купили вы—

хорошо; не купили—тоже не бѣда! Книгопродавецъ между тѣмъ сидитъ тутъ возлѣ, въ какойнибудь нишѣ, и нисколько не опасается за цѣдность своего товара; онъ и слова не скажетъ, когда люди останавливаются передъ его книгами, пересматриваютъ одну за другою, берутъ ихъ въ руки, перелистываютъ, читаютъ, смотрятъ въ нихъ картинки, причеиъ даже иногда дѣлаютъ выписки для себя и разрѣзываютъ съ боку листы книги, и потомъ, не поблагодаривши ихъ владѣльца и даже не поклонившись ему, уходятъ прочь; онъ простираетъ свою радушную любезность даже до того, что пожилымъ людямъ, остановившимся порыться въ его сокровищахъ старой и новой литературы, онъ всегда предлагаетъ стулъ, чтобы имъ было покойнѣе заняться этимъ. Оказывая такую любезность, онъ нисколько не имѣетъ въ виду расчета, чтобы подобнаго рода платоническій любитель чтенія превратился въ покупателя; а тотъ, въ свою очередь, нисколько не считаетъ себя обязаннымъ расплатиться ради этого обстоятельства хотя на одну серебряную монету. Но такой, повидимому, неособенно выгодный для снисходительнаго книготорговца обычай однакожь не приноситъ ему ни малѣйшаго уцербъ, потому что большинство покупающей книги парижской публики формируетъ свою библиотеку старыхъ и новыхъ литературныхъ произведеній изъ складовъ одеонскихъ книготорговцевъ, на томъ основаніи, что послѣдніе пріобрѣтаютъ всякую книгу въ самый первый день ея появленія и продаютъ ее двадцатью или двадцатью пятью процентами дешевле противъ цѣны, существующихъ на нее въ большихъ книжныхъ магазинахъ; а книги, на которыя уже почти нѣтъ спроса, сбываются ими за нѣсколько су, чуть не даромъ.

Однакожь книги, осужденныя на быстрое пониженіе своей цѣны при продажѣ, не кончаютъ свое жизненное поприще въ складахъ одеонскихъ торговцевъ. Если онѣ уже довольно долгое время лежали тамъ, на виду у всѣхъ, причеиъ ничтожная, назначенная за нихъ цѣна не въ состояніи была соблазнить къ пріобрѣтенію ихъ даже лавочника, торгующаго сыромъ, то онѣ переходятъ уже въ руки товарищей одеонскихъ торговцевъ по ремеслу, въ руки «букинистовъ», обыкновенно располагающихся возлѣ набережныхъ.

Букинисты принадлежатъ къ разряду тѣхъ немногихъ оригинальныхъ явленій, которыя остались Парижу въ наслѣдство еще отъ періода «Рососо». Это добродушно-насмѣшливое прозвище сложилось какъ-то само собою. «Bouquin»—это такого рода презрительное названіе, которое можетъ быть передано словами:

«старый» книжный хламъ. Самое слово «*Voisquin*» возбуждаетъ въ умѣ всякаго француза представление о плохой и грязной книжонкѣ, переплетъ которой весь изъѣденъ червями, о какомъ нибудь фоліантѣ, переплетенномъ въ свиную кожу, объ истрепанныхъ, вонючихъ, засаленныхъ и покрытыхъ чернильными пятнами книгахъ, въ простой бумажной обложкѣ, и всѣ поля которыхъ разрисованы безобразными головами съ ослиными ушами. Но въ переносномъ смыслѣ, вѣтреная студенческая молодежь называетъ именемъ «*voisquin*» всякую книгу болѣе серьезнаго содержанія, чѣмъ самый пустѣйшій романъ. Такимъ образомъ букинистъ является просто хранителемъ этихъ испачканныхъ книжныхъ сокровищъ, — челоуѣкомъ, у котораго находятъ себѣ самое послѣднее убѣжище всѣ старыя книги подъ конецъ своего существованія, и если онѣ, втеченіи года, не получаютъ и у него сбыта, то уже предаются уничтоженію на какой нибудь бумажной фабрикѣ.

Букиниста, впрочемъ, никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ продавцемъ старинныхъ книгъ, который уже принадлежитъ къ болѣе высшему разряду такого рода торговцевъ. У него есть лавка, съ окномъ для выставки книгъ, «свой фронтонъ на улицу», какъ выражались обыкновенно въ средніе вѣка на счетъ наслѣдственнаго домовладѣльца; его товаръ состоитъ изъ тѣхъ старинныхъ и рѣдкихъ изданій, при видѣ которыхъ приходится въ умиленіе фанатическій антикварій; у него можно найти «*Codices*» съ штемпелемъ библиотеки Мазарини, томы «*Grollieri et amicorum*», экземпляры изъ первоначальнаго періода книгопечатанія, и *editiones principes*, — однимъ словомъ, такія книги, за которыя продавецъ, съ гордымъ и спокойнымъ видомъ, даже не моргнувъ глазомъ, смѣло спрашиваетъ тысячу или двѣ тысячи серебряныхъ монетъ, точно также какъ съ васъ спрашиваютъ ихъ въ ювелирной лавкѣ Rue de la Paix за самый обыкновенный брилiантъ. У букиниста вы стали бы напрасно искать подобныхъ сокровищъ; у него, даже и случайно, никогда не попадаются такія книги, которыя стоимостью своею равнялись бы не только драгоценнымъ камнямъ, но даже простымъ богемскимъ гранатамъ; въ видѣ исключенія, появляются у него книги, за которыя онъ запрашиваетъ баснословную цѣну въ два франка, но такіе случаи бываютъ чрезвычайно рѣдки; обыкновенно самая дорогая цѣна продаваемыхъ имъ книгъ не превышаетъ цифры въ полтора франка, а самыя дешевыя книги продаются имъ за одинъ су. Существуютъ, конечно, на этотъ счетъ разныя таинственныя сказанія, будто нѣкоторымъ любителямъ удалось

отрыть въ хламѣ букиниста нѣсколько замѣчательно цѣнныхъ и рѣдкихъ книгъ, которыя были приобрѣтены ими тамъ будто-бы за нѣсколько сантимовъ; но я, съ своей стороны, положительно не вѣрю этимъ анекдотамъ. Вѣроятно сочиненію подобнаго рода легендъ не мало способствуетъ древній видъ самаго букиниста, который и послужилъ канвою для причудливой народной фантазіи. Басни эти не приобрѣтаютъ однакожъ болѣе правъ на достовѣрность даже и тогда, когда васъ приводятъ въ свою бібліотеку какойнибудь ничего несмыслящій въ книгахъ глупецъ, который, показывая вамъ рѣдкую книгу, непременно сочтетъ необходимымъ похвалиться передъ вами своимъ знаніемъ и, самодовольно улыбаясь, вполголоса скажетъ вамъ: «А что? неправда-ли, хорошій экземпляръ! Вѣдь стоитъ четыреста или пятьсотъ франковъ, неправда-ли? Ну, а я купилъ его за десять су, слышите-ли, батюшка? за десять су, у перваго попавшагося букиниста на Pont des Arts!» Это вѣчный и всѣмъ извѣстный фокусъ, въ которому обыкновенно прибѣгаютъ всѣ безтолковые собиратели коллекцій. Они непременно станутъ увѣрять васъ, что приобрѣли самую замѣчательную по своей цѣнности и рѣдкости вещь въ какомънибудь невозможномъ мѣстѣ, за безцѣнокъ, у ихъ прежняго, незнавшаго имъ настоящей цѣны обладателя; между тѣмъ какъ въ дѣйствительности эти удивительныя находки были куплены у патентованныхъ торговцевъ за цѣну, въ десять разъ превышающую ея стоимость. Я, съ своей стороны, долженъ сказать по совѣсти, что мнѣ никогда не случилось встрѣчать на самомъ дѣлѣ приобрѣтенія такого рода сокровищъ у букинистовъ. Единственная покупка, надѣлавшая столько шума и о которой мнѣ рассказывали, это былъ лексиконъ французскаго языка, составленный Littré, и который былъ приобрѣтенъ за десять франковъ; за то объ этомъ заговорилъ весь Латинскій кварталъ. Но при дальнѣйшихъ справкахъ оказалось, что изъ втораго тома было вырвано половинное количество листовъ, вмѣсто которыхъ вклеено было соответственное имъ количество изъ лексикона Наполеона Ландэ, такъ что это обстоятельство уже въ значительной степени уменьшало цѣнность приобрѣтеннаго экземпляра.

Набережная по лѣвую сторону Сены, съ одного конца Латинскаго квартала до другаго, слѣдовательно, все пространство между Pont Neuf и Pont des Saints Pères представляетъ собою исключительное мѣсто стоянки классическаго букиниста. Рано поутру является онъ сюда съ своей ручной тележкой, въ которой цѣлой кучей нагромождены одинъ на другой нѣсколько довольно боль-

шихъ, квадратныхъ, плоскихъ, деревянныхъ ящичковъ, которые онъ разставляетъ одинъ возлѣ другаго на широкой край каменнаго парапета набережной, и предоставляетъ свои положенныя въ эти ящики книги въ распоряженіе вѣтра и прохожихъ. Разложивъ такимъ образомъ свой товаръ, онъ отходитъ въ сторону и располагается въ лѣтнее время подъ громаднымъ зонтикомъ, который онъ ставитъ въ видѣ палатки возлѣ какого нибудь уличнаго фонарнаго столба, а зимой отправляется въ сосѣдній кабачекъ, изъ оконъ котораго онъ можетъ наблюдать за цѣлостью своего товара; если же начинается идти дождь, что случается въ Парижѣ раза три-четыре втеченіи дня, то онъ стремглавъ бросается къ своимъ ящикамъ и закрываетъ ихъ крышками. Но какъ только ливень прекратился, онъ опять снимаетъ крышки. Относительно читающей и обыкновенно ничего не покупающей публики, онъ поступаетъ съ такою же любезностью, какъ и его высшій собратъ по ремеслу подъ аркадами Одеона; онъ никому не мѣшаетъ читать, и выходитъ изъ своего убѣжища только тогда, когда его позовутъ; неудовольствіе свое онъ выражаетъ только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда какой нибудь варваръ роется въ его книгахъ такъ, какъ овернецъ разгребаетъ угли лопатой.

Отношенія между парижской публикой и букинистомъ существуютъ самыя дружескія, преисполненыя довѣрія и симпатіи. «*Vousiquier*» — составляетъ одно изъ самыхъ любимыхъ развлеченій парижанина. Этотъ характеристическій глаголъ мѣстнаго парижскаго языка объясняется самъ собою. Онъ означаетъ хожденіе отъ одного ящика букиниста къ другому и перерываніе всѣхъ его книгъ вверхъ дномъ. Опять-таки, повторяю, перерываніе, но никакъ не покупку. Букинистѣ повидимому совѣтъ и не претендуетъ на сбытъ своихъ книгъ; но крайней мѣрѣ я могу констатировать тотъ фактъ, что книги у него безсмѣнно остаются однѣ и тѣ же. Весною 1875 года мнѣ пришлось уѣхать изъ Парижа на довольно продолжительное время; потомъ лѣтомъ 1876 года, когда я возвратился, первымъ дѣломъ отправился на набережную, гдѣ располагаются букинисты. Не безъ удовольствія увидалъ я опять моихъ старыхъ знакомцевъ: «Исторію Наполеона» Норвина, «Жизнь женщины легкаго поведенія» Брантома, неизбѣжные толстые томы академическаго словаря, однимъ словомъ, тутъ были налицо всѣ книги, которыя я привыкъ видѣть постоянно въ продолженіи многихъ лѣтъ. Вдругъ я замѣтилъ убыль — тутъ не доставало «*Географіи Мальтъ-Брена*», которая стоитъ 1 франкъ и

50 сантимовъ. Это обстоятельство положительно взволновало меня и по всей вѣроятности это внутреннее волненіе отразилось на моемъ лицѣ, потому что букинистъ подошелъ ко мнѣ и, какъ-бы извинясь, сказалъ:

— Вы не находите здѣсь старой географіи Мальть-Брена? Вотъ видите ли въ чемъ дѣло, продолжалъ онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, — нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, я долженъ былъ продать ее. Слово «долженъ» совершенно успокоило меня, а букинистъ, какъ-будто въ оправданіе свое, добавилъ: — одному отцу семейства нужна была эта книга для его дѣтей, вы понимаете...

Всякій, у кого найдется свободный часъ времени, чтобы прогуляться, проходя по набережной, непременно проведетъ этотъ часъ у букиниста. Здѣсь можно увидать *monsieur Durand*¹⁾ и ему подобныхъ, занимающихся преимущественно разсматриваніемъ картинокъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ и ограничивающихся потомъ только ощупываніемъ прочности книжнаго переплета; здѣсь вы встрѣтите старыхъ, декорированныхъ господъ, академиковъ и профессоровъ, которые съ затаеннымъ страхомъ высматриваютъ, не находятся ли, въ числѣ прочихъ книгъ, ихъ собственныя произведенія, и которые внутренно радуются, если увидать сочиненія своихъ пріятелей или коллегъ; здѣсь вы встрѣтите и свободныхъ отъ занятій по службѣ солдатъ, которые простираютъ деликатность своего обращенія до того, что послѣ перебирания книгъ, продолжающаюся иногда нѣсколько часовъ, покупаютъ какой нибудь давнишній номеръ рошфоровскаго «Фонаря», за который платятъ пять сантимовъ чистыми деньгами. Ученикъ сапожнаго мастера, проходя мимо этого, какъ магнитомъ притягивающаго къ себѣ мѣста, невольно останавливается и погружается въ созерцаніе картинокъ nepозволительнаго свойства, между тѣмъ какъ заказчики, къ которымъ онъ долженъ былъ доставить эту обувь, проклиная мастера за промедленіе. Тутъ, въ свободныя минуты, забѣгаетъ также изъ мелочной лавочки молодая дѣвушка-продавщица, чтобъ почитать какой нибудь изъ помѣщаемыхъ въ фельетонѣ романовъ, которые экономныя швеи вырѣзываютъ изъ получаемаго ими «*Petit-Journal*», собираютъ эти листки и, когда романъ уже совсѣмъ законченъ, шиваютъ ихъ въ тетрадку и въ такомъ видѣ продаютъ ихъ за нѣсколько су букинисту, который находитъ въ нихъ самый благодарный матеріалъ для продажи, потому что дѣвушка, однажды начавшая читать такой романъ

¹⁾ Смотри: «Русская Рѣчь», іюнь, 1881.

урывками, не успокоится до тѣхъ поръ, пока не приобрететь его въ свою собственность. Не смотря на то, что наблюдение со стороны владѣльца этого книжнаго товара бываетъ самое поверхностное, тѣмъ не менѣе онъ почти никогда не имѣетъ повода жаловаться на какую нибудь неделикатность публики въ этомъ отношеніи, такъ что не было даже никогда ни одного примѣра похищенія изъ запаса принадлежащихъ ему сокровищъ. Чаше случаются такого рода, несовсѣмъ честные маневры, которые имѣютъ цѣлью еще большее пониженіе цѣны и безъ того уже баснословно дешеваго товара. Нестѣсняющійся такимъ безсовѣтнымъ способомъ покупатель перекладываетъ при этомъ нужную ему книгу изъ одного ящика въ другой, сосѣдній, такъ какъ для каждаго ящика существуетъ своя особенная цѣна, написанная сверху, и которая все понижается постепенно, по мѣрѣ того порядка, въ какомъ ящики поставлены одинъ возлѣ другаго; обыкновенно такой подлогъ ведетъ за собою приобретение книги за еще болѣе дешевую цѣну и почти никогда не бываетъ замѣченъ букинистомъ. Существуетъ еще другой, въ еще большей степени коварный и безсовѣтный способъ надуть этого добраго человѣка. Такой мошенникъ, любитель чтенія, сначала дѣлаетъ видъ, что перелистываетъ книгу и тѣмъ временемъ перекладываетъ нѣкоторые распившіеся листы не въ надлежащее мѣсто; потомъ подходит къ букинисту и съ притворнымъ сожалѣніемъ говоритъ ему:

— Я купилъ бы у васъ эту книгу, да тутъ недостаетъ нѣсколькихъ листовъ. Букинистъ, слегка просмотрѣвъ книгу, съ грустью убѣждается въ такомъ печальномъ фактѣ и въ раздумьѣ покачиваетъ головою; тѣмъ временемъ покупатель небрежнымъ тономъ говоритъ ему: — ну ужъ такъ и быть, я куплю книгу и въ этомъ видѣ, если вы уступите мнѣ ее подешевле. Но обыкновенно именно такого рода готовность купить книгу съ неполнымъ количествомъ листовъ изобличаетъ обманщика и наводитъ букиниста на подозрѣніе, заставляющее его повнимательнѣе заняться просмотромъ, который всегда имѣетъ послѣдствіемъ отысканіе недостающихъ листовъ. Если же онъ этого не замѣтитъ, то, конечно, соглашается на значительную сбавку цѣны и покупатель достигаетъ своей гнусной цѣли. Букинистъ, который сообщилъ мнѣ о подобныхъ продѣлкахъ и который извѣдалъ ихъ собственнымъ опытомъ, съ горечью сказалъ при этомъ:

— И зачѣмъ только люди прибѣгаютъ къ такимъ ненужнымъ хитростямъ! Имъ стоило бы только для этого открыть ротъ и сказать: «monsieur! назначенная на этой книгѣ цѣна въ пять су

для меня недоступна; уступите мнѣ ее за два су!» Ну, отчего же было не сказать такимъ манеромъ? Вѣдь мы же небезжалостные тираны, въ самомъ дѣлѣ!

Нѣтъ, букинисть дѣйствительно нежестокосердый человѣкъ, и тотъ, кто счелъ бы его за тирана, самъ оказался бы человекомъ въ высшей степени несправедливымъ. Онъ представляетъ собою олицетвореніе предупредительности, дешевизны и снисходительности; я могъ бы привести въ доказательство тому множество примѣровъ. Не помню хорошенько, кажется, Monselet рассказывалъ одну исторію про кого-то изъ господъ, изъ разряда «богэмы», который имѣлъ обыкновеніе каждый день приходить все къ одному и тому же букинисту, брать въ руки одну какую-то книгу, читать ее въ продолженіи всего послѣобѣденнаго времени, и прежде чѣмъ уйти, рисовать въ книгѣ ослиное ухо, въ родѣ замѣтки на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ остановился, чтобы на слѣдующій день продолжать свое чтеніе. Однакожъ Monselet не досказалъ всей исторіи до конца, и я хочу прибавить къ ней фактическое дополненіе. Однажды пришелъ какой-то незнакомый человѣкъ и купилъ именно ту самую книгу, которую читалъ господинъ изъ кружка «богэмы». Послѣдній явился въ свой обычный часъ, сталъ отыскивать книгу и не нашелъ ее; она исчезла! Онъ подозвалъ къ себѣ букиниста и строгимъ голосомъ спросилъ его:

— Куда дѣвалась книга?

Букинисть сконфузился, замямся и объявилъ, что онъ ее продалъ.

— Какъ продалъ? заревѣлъ на него, что есть мочи, тотъ. — Развѣ вы не знали, что я читаю эту книгу?

— Ей Богу, не зналъ! клялся несчастный букинисть; — иначе я ни за что на свѣтѣ не позволилъ бы себѣ продать ее!

Господинъ изъ кружка «богэмы» остановилъ его и холодно сказалъ ему:

— Вы поступили относительно меня очень гадко, поэтому я нахожусь вынужденнымъ никогда болѣе не брать у васъ книгъ для чтенія! Съ этими словами онъ удалился величественною походкою, и хотя букинисть потомъ каждый день, видя его проходящимъ мимо, умолялъ его не измѣнять своимъ прежнимъ привычкамъ, но тотъ упорно настаивалъ на своемъ и наотрѣзъ отказался приходить къ нему «*voici*», такъ что миръ былъ заключенъ не ранѣе того времени, когда букинисть принималъ рѣшительныя мѣры. Онъ купилъ однажды ту книгу, которую имѣлъ неосторожность продать, и предоставилъ ее своему преж-

нему клиенту въ его полное распоряженіе, что окончательно смягчило послѣдняго и онъ опять принялъ его лавочку подъ свое покровительство.

Только однажды пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ того, что букинистъ вышелъ изъ себя; но, я увѣренъ, что при подобныхъ обстоятельствахъ даже самый праведный Іовъ потерялъ бы всякое терпѣніе. Какой-то господинъ самымъ безцеремоннымъ образомъ хозяйничалъ въ книжныхъ ящикахъ букиниста, переворачивалъ все вверхъ дномъ, клалъ книги обратно какъ попало и не въ тѣ ящики, откуда ихъ бралъ, рвалъ листы, неосторожно переворачивая ихъ, каждую минуту спрашивалъ о цѣнѣ той или другой книги, хотя цѣна ихъ обозначена была крупными цифрами на каждомъ ящикѣ, мѣшалъ другимъ подойти къ ящикамъ и при всемъ этомъ даже и не думалъ купить что нибудь у букиниста, который, наконецъ, придумалъ избавиться отъ докучливаго посѣтителя и громко крикнуть своему сосѣду:

— А знаешь ли ты, кумъ, какую новость я хочу сообщить тебѣ? Вчера одинъ господинъ цѣлое послѣ-обѣда простоялъ у моихъ ящиковъ съ книгами, все перерылъ, перешвырялъ, все перечиталъ и ничего не купилъ! И какъ-бы ты думалъ? Вдругъ онъ упалъ мертвый! Съ нимъ сдѣлался солнечный ударъ!

Сосѣдъ отвѣтилъ на это громкимъ смѣхомъ, а сказка эта, выдуманная букинистомъ на счетъ безцеремоннаго господина, заставила послѣдняго покраснѣть и поспѣшно удалиться. Но потомъ этотъ же самый букинистъ почувствовалъ сильныя угрызенія совѣсти по поводу того, что обидѣлъ «un client», и послѣ цѣлый день ходилъ мрачный, какъ ночь.

Я уже отчасти намекнулъ, какого сорта книги наполняютъ собою ящики букиниста. Въ самыхъ первыхъ и самыхъ дорогихъ ящикахъ по цѣнности заключающагося въ нихъ товара, находятся старыя, уже всѣми давно забытыя историческія сочиненія. Цѣлый рядъ ящиковъ бываетъ отведенъ для произведеній прежнихъ и современныхъ академиковъ. По волѣ злыхъ судьбъ, литературнымъ дѣтищамъ этихъ господъ суждено быть постоянно выбрасываемымъ на набережныя, въ ящики букинистовъ. У всякаго изъ нихъ непременно находятся всѣ каталоги прежнихъ выставокъ и «Salons», служащіе грустнымъ напоминаніемъ перелистывающему ихъ, что онъ сталъ годомъ, а можетъ быть и нѣсколькими, старше; есть всякіе старыя иллюстрированныя журналы, случайныя брошюры, изданныя по поводу какого нибудь событія или обстоятельства, такъ называемыя «neiges d'antan» (прошлогодній снѣгъ), объ остаткахъ котораго съ такою грустію

освѣдомляется Villon въ своей поэмѣ. Особенную категорію составляютъ экземпляры посвященныхъ кому нибудь сочиненій, разсылаемые авторомъ своимъ пріятелямъ и знакомымъ, которые спѣшатъ поскорѣе сбыть ихъ букинистамъ. Я самъ имѣлъ случай купить такого рода экземпляръ «Исторіи французской революціи», написанной Луи Бланомъ, и который онъ посвятилъ своему другу, также писателю, Théodore Anne. Въ другой разъ, мнѣ удалось приобрести одинъ томъ «Lutetia», съ собственноручнымъ, подписаннымъ Гейнрихомъ Гейне посвященіемъ. Я подарилъ эту драгоценную книгу одной страстной поклонницѣ великаго поэта, и надѣюсь, что она не перейдетъ изъ рукъ своей теперешней владѣлицы въ ларь букиниста.

Мой пріятель, музыкантъ.

Блѣдный Гансъ Майеръ! Это былъ одинъ изъ самыхъ несчастнѣйшихъ людей, какихъ я когда либо встрѣчалъ въ моей жизни! И познакомился я съ нимъ весьма страннымъ образомъ. Однажды, послѣ обѣда, сидѣлъ я по обыкновенію на соломенномъ стулѣ подъ аркадами Одеона у одной изъ колоннъ и читалъ газеты; удовольствіе это, какъ ужъ я имѣлъ случай говорить въ предшествовавшей главѣ, стоитъ здѣсь всего только два су; цѣна, какъ видите, доступная для всякаго кармана. Отъ времени до времени я прекращалъ мое чтеніе и поглядывалъ на проходившую мимо меня, подъ этими сводами, толпу. Въ числѣ лицъ, которыхъ я привыкъ видѣть тамъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, замѣтилъ я однажды фигуру, совершенно выдѣлявшуюся изъ обычной, прогуливающейся подъ аркадами публики. Это былъ молодой, сухопарый, поразительно высокаго роста человекъ, съ блѣднымъ, почти безбородымъ лицомъ, длинными, блѣлыми волосами и большими, кроткими, голубыми глазами, добродушно и мечтательно смотрѣвшими на Божій міръ изъ-за своихъ очковъ съ толстыми стеклами. Ну точь въ точь *candidatus theologiae*, какъ его всегда описываютъ въ книгахъ. Я ни на одну секунду не усомнился въ томъ, что этотъ блѣлый юноша—нѣмецъ, занесенный судьбою на берега Сены, и случай доставилъ мнѣ въ скоромъ времени возможность убѣдиться, что я не ошибся.

Одинъ, быстро проходившій мимо господинъ засмотрѣлся на какую-то хорошенькую дѣвушку, на которую постоянно огля-

двигался, не уменьшая притомъ скорости своей походки, причемъ онъ со всего размаха наткнулся на вышеупомянутаго блондина, такъ что тотъ пошатнулся и едва не былъ спибенъ съ ногъ. Положеніе было такого рода, въ которомъ какъ разъ выразился національный характеръ. Удивленный такимъ столкновеніемъ, французъ отскочилъ шага на два назадъ, принявъ танцмейстерскую позу, граціознымъ движеніемъ руки приподнял свою шляпу и, съ пріятною улыбкою, вполголоса проговорилъ:

— Pardon, monsieur, pardon!

А нѣмецъ, въ самый моментъ полученнаго толчка выругался вслухъ:—чортъ бы тебя побралъ! и съ мрачнымъ видомъ стиснулъ кулаки, какъ будто готовая отвѣтить на этотъ нечаянный толчокъ такимъ же, уже вполнѣ сознательнымъ и умысленнымъ.

Я, самъ не знаю почему, вступился за француза и громко сказалъ:

— Это было сдѣлано совсѣмъ неумышленно!

— Да чортъ его знаетъ! Вѣдь онъ, я думаю, не слѣпой! отвѣчалъ онъ мнѣ сердито, между тѣмъ, какъ французъ, съ улыбкою поклонившись намъ обоимъ, преспокойно пошелъ своею дорогою. Только тутъ и я, и нѣмецъ, сообразили, что мы незнакомы другъ съ другомъ и случайно заговорили между собою сразу по-нѣмецки, какъ будто встрѣтились на одной изъ улицъ Берлина, и потому послѣшили познакомиться уже болѣе officialнымъ образомъ, послѣ чего я узналъ, что его зовутъ Гансъ Майеръ, что онъ баварскій уроженецъ и по профессіи музыкантъ.

Какъ обыкновенно водится при подобныхъ обстоятельствахъ, я спросилъ его: давно ли онъ въ Парижѣ и нравится ли ему этотъ городъ?

Повидимому мой вопросъ произвелъ дѣйствиіе магическаго ключа на его сердце, которое какъ будто только и ожидало этой минуты, чтобы излиться быстрымъ, неукротимымъ потокомъ словъ, въ смыслѣ самой горчайшей іереміады.

— Парижъ дѣйствительно прекрасный городъ, сказалъ онъ;— но то, что говорятъ о Неаполѣ, т. е. что это рай для людей и адъ для рабочихъ лошадей, можетъ быть, съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями, приложимо и къ Парижу, которому слѣдуетъ дать названіе рая для миліонеровъ и ада для музыкантовъ. А такъ какъ я, къ сожалѣнію, не миліонеръ, а только музыкантъ, то вы легко можете представить себѣ, въ какой степени я бѣдствую здѣсь.

Я впрочемъ совершенно чистосердечно признался ему, что никакъ не могу себѣ этого представить.

— Конечно, возразилъ онъ мнѣ на это, — если кто самъ не музыкантъ по профессіи, тому трудно составить себѣ понятіе о непроходимомъ музыкальномъ, чисто варварскомъ невѣжествѣ этихъ добрыхъ парижанъ. Въ этомъ отношеніи они дикари, почтеннѣйшій, дикари изъ каменнаго періода, дикари въ родѣ краснокожихъ людоедовъ! Даже названіе «терзаніе слуха», данное исполняемой у нихъ музыкѣ великимъ маэстро, — онъ принялъ сосредоточенный и торжественный видъ, произнесъ слово «маэстро», — даже такое названіе недостаточно сильно, чтобы выразить тѣ мученія, которыя доставляетъ мнѣ музыкальный Парижъ ежедневно и ежечасно. Лишь только выйду я, въ самомъ миролюбивомъ настроеніи духа, на улицу, — какъ всѣ, до одного человѣка, насвистываютъ вокругъ меня наифальшивѣйшимъ образомъ, способнымъ свести съ ума человѣка съ хорошимъ музыкальнымъ слухомъ, хоръ заговорщиковъ изъ «La fille de madame Angot». Спѣшу поскорѣе опять къ себѣ домой, и что же? Моя сосѣдка завываетъ какой-то приторно-слезливый романсъ, исполненіе котораго было бы въ состояніи выгнать изъ своей раковины даже прирощенную къ ней улитку. Потомъ бѣгу въ который нибудь изъ общественныхъ садовъ, въ надеждѣ по крайней мѣрѣ тамъ обрѣсти убѣжище и покой, — военный оркестръ царапаетъ на струнныхъ инструментахъ и дудитъ на духовыхъ какой-то невозможный глупѣйшій галопъ, между тѣмъ, какъ на лицахъ внимательно слушающей публики, при каждомъ ударѣ въ большой барабанъ, появляется блаженная улыбка, и тѣмъ оглушительнѣе слышится этотъ «Вив!» тѣмъ громче выражаетъ она свои восторги. Если же это исполняется не военнымъ оркестромъ, то какимъ нибудь «Орфеономъ». Господи! вотъ мука-то, эти Орфеоны!! А между тѣмъ публика остается въ высшей степени довольна, тогда какъ они извлекаютъ изъ своихъ инструментовъ такіе не позволительные звуки, что такихъ музыкантовъ не потеряли бы ни въ одной цивилизованной странѣ, и ихъ, за такое исполненіе, положительно стоило бы, съ веревкою на шеѣ, отправить въ ссылку на галеры! Въ опереточныхъ театрахъ вѣчно слышишь одну бессмысленную музыку; въ ухахъ только и слышится «Ди-дель-дум-дой! ди-дель-дум-дой!» отчего черезъ пять минутъ чувствуешь страшную головную боль и точно голова постепенно превращается въ пивной котелъ. Въ оперномъ театрѣ играютъ такую дребедень, что положительно можно придти въ ужасъ. Ихъ новыя оперы до такой степени плохи,

что въ ихъ партитуры жалко было бы даже завернуть кусокъ сыра, изъ опасенія, чтобы онъ не сдѣлался невозможнымъ для ѣды; а всѣ пѣвцы, и въ особенности пѣвицы, такъ фальшивятъ, что никогда не попадутъ въ тонъ, а все около него, все равно какъ слѣпой, который вздумалъ бы стрѣлять въ цѣль. Въ концерты публика съѣзжается для того только, чтобы погримасничать, выставить на показъ свои наряды, свои букеты и румяна, причемъ слушаніе музыки уже является дѣломъ второстепеннымъ; впрочемъ и слушать-то нечего! А потому еще эти «Soirées» въ такъ называемомъ хорошемъ обществѣ. Чего только не слушаешься тамъ отъ господъ, занимающихся музыкою, или пѣніемъ; одна кудахтаетъ курицею, другая напоминаетъ своимъ исполненіемъ бляеніе козы. У меня положительно волосы становятся дыбомъ, какъ только вспомню объ этомъ! И потому повторяю вамъ, почтеннѣйшій, что Парижъ—это адъ для музыкантовъ!

Совсѣмъ оглушенный и ошеломленный этою стремительною быстрою неумолкаемою рѣчи, которая сдѣлала бы честь любому капуцинскому монаху, я рискнулъ перебить его вопросомъ: зачѣмъ же онъ пріѣхалъ въ этотъ адъ и главнымъ образомъ, зачѣмъ же онъ продолжаетъ оставаться въ немъ? Мой новый пріятель, съ видомъ одушевившагося пророка и съ сверкающими глазами, произнесъ вполголоса:

— Для чего я остаюсь въ этомъ аду? Для того, что хочу просвѣтить его свѣтомъ истины. А когда я съ удивленнымъ видомъ посмотрѣлъ на него, онъ продолжалъ все болѣе и болѣе одушевляясь.—О, даже въ наше время есть апостолы и мученики, и вы видите во мнѣ одного изъ нихъ. Я пріѣхалъ сюда съ такою же цѣлью, какъ миссіонеръ отправляется на острова Южнаго океана. Я хочу обратить этихъ музыкальныхъ язычниковъ; я хочу привести ихъ въ блаженное лоно истинной музыки и буду настойчиво дѣйствовать въ этомъ направленіи, если-бы мнѣ даже пришлось погибнуть для достиженія моей цѣли.

— Нужно надѣяться, что ваше намѣреніе не приведетъ васъ къ такому печальному концу, успокоивалъ я его; — однакожь, скажите мнѣ, какимъ же образомъ проводите вы въ жизнь вашу благу апостольскую миссію?

— Я поступилъ въ оркестръ Паделу, гдѣ играю первую скрипку и гдѣ постоянно держу проповѣдь къ моимъ товарищамъ. Я даю уроки на скрипкѣ, на фортепіано, и обучаю генераль-басу моихъ учениковъ, причемъ всячески стараюсь внушить имъ мои взгляды на музыку. Нужно всегда начинать дѣй-

ствовать въ маленькомъ районѣ. Впослѣдствіи я надѣюсь имѣть въ своемъ распоряженіи болѣе обширный кругъ дѣйствія.

Въ эту самую минуту часовая стрѣлка на башнѣ Люксембурга показывала одиннадцать часовъ. Взглянувъ на нее, Гансъ Майеръ схватилъ меня за руку, горячо пожалъ ее и проговорилъ:

— Въ одиннадцать часовъ у меня урокъ въ Rue de l'Odéon. Мнѣ пора идти! Но я очень радъ, что нашелъ человѣка, передъ которымъ могъ излить мое сердце, и буду очень счастливъ опять увидаться съ вами.

Это обстоятельство не заставило себя ждать, и впослѣдствіи мы видѣлись акуратно въ извѣстные дни. Каждый вторникъ и каждую пятницу Гансу Майеру необходимо было приходиться въ Quartier Latin. Отъ девяти до десяти часовъ онъ давалъ уроки на фортепіано въ Rue Racine единственной дочери одного, удалившагося отъ дѣлъ укуснаго фабриканта; отъ одиннадцати до двѣнадцати онъ преподавалъ теорію музыки и правила композиціи какому-то, жившему въ Rue de l'Odéon, оперному пѣвцу; а въ промежутокъ времени, между этими двумя уроками, онъ приходилъ отдохнуть подъ аркадами Одеона отъ своихъ музыкальныхъ страданій. По мѣрѣ того, какъ знакомство наше дѣлалось все болѣе короткимъ и близкимъ, я сталъ замѣчать, что Гансъ Майеръ становится все грустнѣе и меланхоличнѣе. Однажды, въ пятницу, онъ показался мнѣ какъ-то еще печальнѣе настроеннымъ. Онъ подошелъ ко мнѣ съ опущенною головою, съ мрачнымъ, точно отуманеннымъ взглядомъ, причемъ длинныя, перепутанныя пряди его бѣлокурыхъ волосъ висѣли въ беспорядкѣ изъ-подъ его мягкой, пуховой, съ широкими полями шляпы.

— Представьте, что со мною случилось сегодня, заговорилъ онъ, не давъ мнѣ времени спросить его о здоровьѣ. — Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я выбиваюсь изъ силъ съ этой противной жабой, и мнѣ, наконецъ, показалось, что и въ ея дурацкой головѣ стали проявляться нѣкоторые проблески пониманія, такъ что я иногда оставался почти доволенъ ея игрою. Сегодня я заставилъ ее сыграть одну маленькую вещицу Баха, правда, нѣсколько серьезную, но въ высшей степени благородную и образующую музыкальный вкусъ учащихся; вдругъ эта барышня останавливается на пол-тактѣ и съ дерзостью, которая совсѣмъ ошеломила меня, говорить мнѣ:— «Господинъ Майеръ, благодаря методѣ вашего ученія, я играю теперь уже настолько хорошо, что вы могли бы, наконецъ, дать мнѣ разучить что

нибудь порядочное. Оставимте эту скучную вещь и займетесь теперь какуюнибудь настоящею музыкальною піесою». Съ этимъ словомъ она отбросила прочь потную тетрадь, въ которой находились сочиненія Баха, и на мѣстѣ ея развернула другую. И что же это было, какъ бы вы думали? произнесъ онъ, чуть не со слезами въ голосъ.—Это былъ: *Valses des roses*, сочиненія Мѣтра!!!

Я сдѣлалъ видъ, что совершенно потрясенъ сообщенною имъ трагическою новостью, и старался утѣшить его; но онъ положительно не хотѣлъ ничего слушать.

— Нѣтъ, нѣтъ! повторялъ онъ.—Я уже знаю, что говорю! Съ этимъ народомъ каши не сварить! Скорѣе канать способнѣе пройти сквозь игольные ушко, чѣмъ французъ сдѣлаться музыкальнымъ человѣкомъ! Вѣдь въ томъ, что я рассказалъ вамъ, проявляется не простой капризъ молодой дѣвушки,—нѣтъ, причину того нужно искать глубже, гораздо глубже. Я долго думалъ объ этомъ и пришелъ къ убѣжденію, которое останется во мнѣ навсегда непоколебимымъ. Французы положительно лишены музыкальнаго чутья, и этотъ недостатокъ есть слѣдствіе прочихъ свойствъ ихъ характера. Вы сами нѣсколько разъ старались доказать мнѣ, что самое главное достоинство французскаго ума заключается въ ясности, трезвости и математической точности мышленія. Въ музыкѣ же совсѣмъ нѣтъ математичности, трезвости и ясности. Отличительная черта ея—расплывчивость и неопредѣленность. Она представляетъ собою какъ-бы вещество въ растворенномъ видѣ, а не кристаллъ. Ее можно только угадывать и чувствовать, но не опредѣлять и формулировать. Она въ одно и то же время есть и настроеніе, и ощущение, и мечта! А такъ какъ французскій умъ способенъ усваивать только такія понятія, которыя имѣютъ точно опредѣленные и ясныя границы, то потому для него и остается непостижимымъ безграничный и туманный міръ музыки.

Я поздравилъ его съ такимъ поразительнымъ изложеніемъ теоріи на счетъ психологическихъ свойствъ націи, но слегка усомнился въ непреложной вѣрности высказаннаго имъ взгляда.

— Для народа, у котораго, вслѣдствіе особенностей конструкции его мозга, является положительное отсутствіе музыкальнаго чутья, французы, однакожъ, собственно очень много дѣлаютъ для музыки. Напримѣръ, они даютъ оперѣ такую огромную денежную субсидію, какой не отпускаетъ на этотъ предметъ ни одна нація въ мірѣ. Они основали свою національную консерваторію и назначаютъ отъ имени правительства лучшимъ

ученикамъ ежегодную премію, называемую «prix de Rome». Они награждаютъ своихъ композиторовъ орденами. Они обогащаютъ своихъ виртуозовъ. Франція произвела такихъ талантливыхъ людей, какъ Мегюль, Бойельдье, Оберъ, Галеви, Гуно...

Но пріятель мой не далъ мнѣ окончить и раздраженно перебилъ меня. Я видѣлъ очнь хорошо, что при каждомъ новомъ аргументѣ съ моей стороны, онъ собирался зажать мнѣ ротъ и, наконецъ, не выдержавъ, сказалъ:

— Вотъ ужъ отъ васъ-то я никогда не ожидалъ такого поверхностнаго сужденія! Какъ можно обольщаться и вводить себя въ заблужденіе такими чисто ви́шними вещами? Если французы и дѣлаютъ много для музыки, то, повѣрьте мнѣ, только ради моды. Вѣдь теперь всѣми признано, что музыка непрсмѣнно должна входить въ составъ образованія современнаго человѣка, а потому общественныя условія прямо требуютъ отъ націи, считающей себя самою цивилизованною изъ всѣхъ, чтобы она культивировала музыку наравнѣ со всѣми прочими искусствами и науками. *Noblesse oblige*. Если нація эта постоянно утверждаетъ, что идетъ впереди всѣхъ другихъ въ дѣлѣ образованія, то она не можетъ пренебрегать музыкою, не рискуя подвергнуться опасности выслушать отъ своихъ сосѣдей такого рода заявленіе: «и эта нація еще смѣетъ хвастаться передъ другими своимъ образованіемъ, между тѣмъ какъ она стоитъ пока на такой степени вандализма и варварства, что ничего не смыслитъ въ музыкѣ, для которой не сдѣлано ею также ровно ничего». Все это просто одно лишь тщеславіе, почтеннѣйшій, одно національное тщеславіе! Вы взгляните только, какъ нелѣпо и безтолково тратятся здѣсь громадныя суммы для музыки. Не смотря на колоссальную цифру субсидіи, выдаваемую ими на большую оперу, послѣдняя хуже всѣхъ оперъ, существующихъ въ Европѣ. Оперный репертуаръ до смѣшнаго малъ и до смѣшнаго безвкусежъ. Всѣ пѣвцы, взятые вмѣстѣ, не стоятъ выдѣннаго яйца. Всѣ эти сотни тысячъ идутъ, главнымъ образомъ, на деворачіи. «Prix de Rome» — сказали вы? Это тоже хорошая штука! И приче́мъ тутъ Римъ для этикъ несчастныхъ молодыхъ музыкантовъ? Развѣ только для того, чтобы послушать, какъ распѣвають на итальянскомъ языкѣ «Madame Angot!» Нѣтъ, если-бы французское правительство серьезно отнеслось къ музыкѣ, то оно присудило бы талантливейшимъ ученикамъ не «prix de Rome», а «prix de Baireuth!».

«Ага! такъ ты поклонникъ Вагнера!» подумалъ я, но только не сказалъ этого.

— А что касается французскихъ композиторовъ, то я попрошу васъ лучше и не говорить со мною о нихъ. Мегюль, ну, пожалуй, этотъ еще туда сюда; онъ честно относился къ музыкѣ и изъ него могло бы еще выйти что нибудь порядочное. А потомъ вы назвали Галеви! Вамъ, конечно, неизвѣстно, что онъ былъ сынъ нѣмецкаго еврея и долженъ быть отнесенъ къ разряду еврейскихъ музыкантовъ. Что же касается остальныхъ, нѣтъ, вы, навѣрное, хотѣли пошутить со мною, назвавъ мнѣ имена всей этой музыкальной мелюзги! Сами французы не находятъ ничего другаго сказать о своихъ композицияхъ, что они «умные музыканты!» Умная музыка! Можно ли было выдумать такую бессмыслицу? Это все равно, что сказать: остроумная архитектура, или юмористическое садоводство, или мелодичная скульптура. Вѣдь музыка не выдумываетъ остроумья! Французы, въ этомъ случаѣ, доказали, что они недалеко уѣхали со всѣмъ своимъ «esprit». Умная музыка! Ну, съ чѣмъ это сообразно?!

Онъ на минуту замолчалъ и разразился злобнымъ смѣхомъ. Не давъ мнѣ времени вставить въ разговоръ хотя одно словечко, онъ продолжалъ:

— Впрочемъ, что же доказываютъ всѣ эти субсиди, преміи, даже проявленіе изрѣдка какихъ нибудь единичныхъ талантовъ? Съ одной стороны, они доказываютъ похвальное стремленіе французскаго правительства покончить постыдный пробѣлъ въ общемъ образованіи націи; а съ другой — доказываютъ вѣрность опошлившагося изреченія, что нѣтъ правилъ безъ исключенія. Но тѣмъ не менѣе остается одна неопровержимая истина, что въ массѣ парижанъ нѣтъ и тѣни музыкальнаго чутья.

— Васъ ослѣпляетъ ваше увлеченіе, доходящее до фанатизма, вслѣдствіе котораго вы не замѣчаете фактовъ, говорящихъ за себя, мой любезнѣйшій Гансъ! возразилъ я, воспользовавшись его минутнымъ молчаніемъ. — Вѣдь вы не можете отрицать того, что популярныя концерты Paderoup и Colonne всегда бывають переполнены публикою?

Онъ коварно усмѣхнулся, съ выраженіемъ лица, которое сдѣлало бы честь любому мелодраматическому «интригану». — Да, конечно. А спросите Паделу, чего ему стоило привлечь публику и сформировать свой оркестръ, которому онъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не въ состояніи былъ выдать жалованья? Теперь, разумѣется, вошло въ моду проводить у него по зимамъ воскресное послѣ-обѣденное время. Плата за входъ

такая ничтожная, а посѣщеніе этихъ концертовъ сдѣлалось требованіемъ хорошаго тона. Но вы посмотрите все-таки, какія уступки онъ долженъ дѣлать всей этой, лишенной музыкальнаго пониманія толпѣ, ради того, чтобы имѣть возможность вести свое дѣло! Вѣдь онъ даже не смѣетъ играть чего нибудь истинно хорошаго!— Тутъ я замѣтилъ, что Гансъ Майеръ не высказалъ вполнѣ всю свою мысль.— Сыгравъ произведеніе Бетховена, онъ какъ-бы спѣшитъ оправдаться передъ публикою и преподноситъ ей потомъ какую нибудь вещь Массенэ или Массеэ. И какъ можете вы серьезно защищать музыкальное пониманіе въ жителяхъ такого города, въ которомъ даже не существуетъ порядочнаго квартетнаго исполненія?

— Подождите! остановилъ я его, торжествуя свою побѣду. — Видите ли, насколько несправедливымъ дѣлаетъ васъ ваше предубѣжденіе! Развѣ вы никогда ничего не слышали о <trompette?>

— <Тромпette?> Что это такое?> спросилъ удивленный Гансъ Майеръ.

И я пояснилъ ему значеніе этого учрежденія, считая своимъ долгомъ сдѣлать тоже самое передъ читателемъ. Въ Парижѣ живетъ одинъ человекъ, по имени Эмиль Лемуанъ, одна изъ самыхъ интереснѣйшихъ и милѣйшихъ личностей во всемъ этомъ громадномъ городѣ. Блестящимъ образомъ окончивъ курсъ наукъ въ политехнической школѣ, онъ, при выходѣ изъ нея, не воспользовался патентомъ на чинъ поручика, обыкновенно выдаваемымъ лучшимъ ученикамъ, потому что, будучи страстнымъ республиканцемъ, не хотѣлъ служить тогдашнему императорскому правительству, и предпочелъ сдѣлаться гражданскимъ инженеромъ и професоромъ математики въ частныхъ школахъ, въ званіи котораго состоитъ и до сихъ поръ. Превосходно образованный, но безъ малѣйшаго педантизма, умный какъ всѣ черти, взятые вмѣстѣ, чудакъ, преисполненный всякихъ уморительныхъ странностей и причудъ (однажды, напримеръ, онъ приручилъ поросенка какъ собаку, который, выросши и превратившись въ большую свинью, всюду бѣгалъ за нимъ, когда онъ прогуливался по бульварамъ или заходилъ въ какой нибудь ресторанъ), онъ еще въ добавокъ прекрасный музыкантъ, какъ немногіе изъ его соотечественниковъ. Онъ ощущалъ недостатокъ въ хорошемъ квартетѣ музыкантовъ, которые могли бы исполнять классическую музыку, и вотъ онъ однажды рѣшился помочь этому горю. Съ этою цѣлью онъ нанялъ залу у одного фортепьяннаго фабриканта, пригласилъ нѣсколькихъ дѣльныхъ

музыкантовъ, которые по доброй волѣ вызвались играть у него, позвалъ къ себѣ нѣсколькихъ друзей, одинаковыхъ съ собою взглядовъ, и устраивалъ въ продолженіи цѣлой зимы каждую недѣлю квартетный вечеръ, на которомъ игралась только нѣмецкая классическая музыка. Эти концерты отличались именно тѣмъ, что носили на себѣ отпечатокъ самой милой непринужденности. Приходили туда въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ были на улицѣ, здоровались въ залѣ съ Лемуаномъ дружескимъ пожатіемъ руки, обмѣнивались съ нимъ нѣсколькими веселыми фразами, садились какъ и гдѣ кому вздумается, и внимательно слушали. Въ антрактахъ, между исполненіемъ отдѣльныхъ нумеровъ, музыканты разговаривали съ публикою; а по окончаніи концерта, вся эта компанія—самъ Лемуанъ, исполнители музыки и слушатели, взявъ другъ друга подъ руку, отправлялись въ ближайшій ресторанъ, чтобы тамъ, за стаканомъ пива, провести еще нѣсколько времени въ веселой бесѣдѣ. Такимъ образомъ положено было начало квартетному обществу, которому Лемуанъ далъ въ послѣдствіи названіе «Trompette.» Вскорѣ слухъ объ этихъ пріятныхъ вечерахъ достигъ до высшего общества и всѣмъ вдругъ захотѣлось также получить приглашеніе. Но Лемуанъ былъ хозяиномъ, строго наблюдавшимъ за сохраненіемъ однажды заведеннаго порядка, не желая впускать въ свой домъ какихъ нибудь, нарушающихъ такой порядокъ, элементовъ. Для того, чтобы быть допущеннымъ въ «Trompette», нужно было прежде всего быть безусловно пріличнымъ и чистымъ человѣкомъ, потомъ представить доказательство, что можешь съ любовью и благоговѣніемъ выслушать исполненіе гайдновскаго квартета, наконецъ клятвенно обѣщать, что никогда не опозоришь залу Лемуана—гдѣ онъ всѣхъ принималъ въ жакеткѣ—появленіемъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ. Въ настоящее время «Trompette» насчитываетъ нѣсколько сотенъ своихъ членовъ или посѣтителей. Лемуанъ уже въ состояніи платить музыкантамъ—исполнителямъ жалованье; дебютанты увиваются около него, чтобы имѣть возможность попасть на его вечера и тамъ имѣть случай быть представленными «сливкамъ» музыкальнаго Парижа, такъ что «Trompette», ничего непотерявшая отъ своего первоначальнаго, пріятно свободнаго характера, сдѣлалась главнымъ разсадникомъ строго-классической музыки въ Парижѣ.

Гансъ Майеръ сначала слушалъ мое повѣствованіе скептически, потомъ съ возрастающимъ интересомъ, и кончилъ тѣмъ, что сталъ убѣдительно просить меня познакомить его съ Ле-

муаномъ. Мы условились на счетъ мѣста, гдѣ я долженъ былъ его представить, и черезъ три дня добрякъ Гансъ былъ уже участвующимъ членомъ въ «Trompette». Очевидно было, что наступилъ новый фазисъ въ жизни моего пріятеля. Куда дѣвалась его прежняя угрюмость и ворчливость! Онъ даже почти повеселѣлъ. При нашихъ дальнѣйшихъ встрѣчахъ подъ аркадами Одеона, онъ нѣсколько разъ выражалъ мнѣ, что дѣйствительно еще можно жить въ Парижѣ; сознавался, что былъ, можетъ быть, неправъ, приписывая всѣмъ французамъ полнѣйшее отсутствіе музыкальнаго пониманія, и находилъ, что «Trompette» въ самомъ дѣлѣ прекрасное учрежденіе. Такимъ образомъ прошло нѣсколько недѣль и я уже собирался шутя замѣтить ему, что видно не апостоль обратилъ языческой народъ, а, напротивъ, языческой народъ обратилъ апостола, какъ вдругъ, въ одну изъ пятницъ, я увидаль его еще мрачнѣе и еще озлобленнѣе, чѣмъ прежде.

— Что, опять должно быть печень пошаливаетъ? спросилъ я его, озадаченный его видомъ.

— Все одно и то же, быстро и рѣзко отвѣтилъ онъ, безъ всякихъ предисловія.— Мой прежній взглядъ былъ совершенно правильный: французы положительно лишены музыкальнаго чутья.

— А что-же «Trompette»?

— Я и знать больше не хочу вашей «Trompette!» Я уже больше не хожу туда! Всякій, сколько нибудь уважающій себя музыкантъ никогда не долженъ ноги заносить туда.

— Да что же такое случилось?

— Что случилось! Я однажды предложилъ этимъ господамъ составить програму для одного вечера: четыре нумера изъ произведеній Вагнера, одинъ нумеръ Листа и два нумера Макса Бруха. Ну, какъ вы полагаете, что они мнѣ сказали на это? Они расхохотались мнѣ въ глаза!—При этихъ словахъ, онъ стиснулъ даже кулаки отъ негодованія.—Этотъ опытъ уже окончательно подкрѣпилъ во мнѣ мое прежнее убѣжденіе. Французъ, при большой силѣ воли и упорномъ изученіи музыки, еще можетъ развить въ себѣ настолько пониманія, чтобы полюбить Моцарта и Бетховена, но ему никогда не возвысится до пониманія Вагнера. Это весьма натурально, потому что у первыхъ двухъ композиторовъ преобладаетъ въ ихъ произведеніяхъ мелодія, которая все-таки представляетъ собою элементъ ясности и оформленности въ музыкѣ. Это еще можетъ быть достигнуто французскимъ умомъ. Но какъ только этотъ послѣдній остатокъ облеченія музыки въ матеріальную форму совлекается съ нея,

когда французъ вдругъ очутится лицомъ къ лицу съ безпрелѣльностью безконечной мелодіи, тогда у него душа уходитъ въ пятки и онъ чувствуетъ себя совершенно выбитымъ изъ своей колеи.

Но мнѣ вскорѣ опять представился случай доказать ему фактически несообразность его, до фанатизма доходившаго предубѣжденія въ этомъ отношеніи. У меня какъ разъ, въ эту минуту находился въ рукахъ листокъ газеты, которую я поднесъ къ его подслѣповатымъ глазамъ.

— Ну, вотъ вамъ, читайте, невѣрующій Гансъ; читайте—и постарайтесь исправиться отъ вашего предубѣжденнаго взгляда. На одномъ изъ столбцовъ газеты была напечатаная програма имѣющаго быть въ скоромъ времени концерта Паделу, гдѣ главнымъ номеромъ была увертюра «Валкирій» Рихарда Вагнера. Гансъ впился глазами въ газету, покачалъ головою, опять прочелъ что было тамъ напечатано и стоялъ передо мною, какъ ошпаренный пудель.

— Возможно-ли это? пробормоталъ онъ нѣсколько разъ себѣ подъ-нось. — «Валкиріи» въ Парижѣ! А я, какъ нарочно, вышелъ изъ оркестра Паделу, поддавшись вспышкѣ минутнаго гнѣва. Нѣтъ! я, во что бы то ни стало, долженъ опять попасть къ нему въ оркестръ, чтобы быть участникомъ въ исполненіи этой вещи, если-бы мнѣ даже пришлось для этого убить кого-нибудь! И сказавъ эти слова, онъ опрометью бросился бѣжать отъ меня, забывши даже кивнуть мнѣ головою на прощанье.

На слѣдующее воскресенье, я былъ однимъ изъ первыхъ посѣтителей, явившихся въ концертъ Паделу. Громадная зала Cirque d'Évèges была сверху донизу биткомъ набита публикою. Изъ всѣхъ шести или семи тысячъ мѣстъ, по пятнадцати су, не было ни одного пустаго мѣста. Оставались пока еще незанятыми нѣсколько кресель по пяти франковъ.

Около двухъ часовъ пополудни сталъ усаживаться оркестръ на платформѣ, которая занимаетъ половину арены цирка. Въ первыхъ рядахъ скрипачей увидаль я моего пріятеля Ганса. Его бѣлокурныя космы растрепались еще болѣе, но лицо сіяло радостью. Онъ обводилъ глазами всю эту огромную массу публики и какъ будто молча просилъ у нея прощенія въ томъ, что такъ несправедливъ былъ въ своихъ сужденіяхъ о ней. Первымъ номеромъ програмы была бравурно сыгранная симфонія Бетховена, исполненіе которой награждено было громкими, нескончаемыми рукоплесканіями; потомъ, послѣ короткаго перерыва на нѣсколько минутъ, коротенькая, толстая фигура бѣлокюраго Паделу

снова появилась на капельмейстерскомъ мѣстѣ. Вотъ онъ поднялъ кверху свою дирижерскую палочку; вотъ скрипачи, всё какъ одинъ человѣкъ, согласно и стройно провели смычками по своимъ инструментамъ... вдругъ въ публикѣ поднялся неистовый крикъ, какія-то завыванья, топанье ногами, свистъ, щиканье, гвалтъ, какіе-то возгласы, словъ которыхъ невозможно было разобрать; нашлось даже нѣсколько личностей, которыя затянули какую-то площадную пѣсню, — однимъ словомъ, это былъ такой невообразимый, страшный хаосъ звуковъ, замушавшихъ даже оркестръ, что Паделу, обратившійся къ публикѣ съ просьбою замолчать, не могъ промолвить ни одного слова за этимъ шумомъ.

Смятеніе это продолжалось нѣсколько минутъ, потомъ эта кошачья музыка стала понемногу ослабѣвать.

Паделу, желая воспользоваться этою паузою, попытался было снова обратиться къ публикѣ съ увѣщаніемъ; но лишь только онъ открывалъ ротъ, какъ этотъ адскій концертъ опять возобновлялся съ новою силою и продолжался до тѣхъ поръ, пока оркестръ и Паделу не ушли прочь съ своего мѣста. По прошествіи нѣкотораго времени капельмейстеръ и музыканты появились въ другой разъ на эстрадѣ и началось исполненіе третьяго нумера концерта, принятаго публикою съ одобреніями, имѣвшими въ высшей степени демонстративный характеръ. Я сталъ отыскивать глазами въ оркестрѣ моего пріятеля, но его тамъ не было, онъ куда-то скрылся.

На другое утро почтальонъ принесть мнѣ открытое письмо слѣдующаго лаконическаго содержанія:

«Любезный другъ! Мѣра терпѣнія моего переполнилась. Эта сволочь имѣла дерзость осмѣлеть Вагнера, и я не въ состояніи выносить подобнаго рода продѣлокъ. Сегодня вечеромъ я уѣзжаю изъ этого проклятаго города. Искренно жалью васъ, что вы остаетесь въ немъ, и это сожалѣніе будетъ всюду сопровождать даже и вдалекѣ живущаго отъ васъ, вѣчно преданнаго вамъ Ганса Майера».

Съ тѣхъ поръ о моемъ пріятелѣ не было ни слуха, ни духа. Но если подземныя враждебныя силы вызовутъ опять когда нибудь новую вооруженную борьбу между Франціею и Германіею, что было бы вѣлчайшимъ несчастіемъ для человечества вообще и для цивилизаціи въ особенности, то я убѣжденъ, что ни одинъ нѣмецкій солдатъ не будетъ сражаться противъ Франціи съ такимъ усердіемъ и съ такою яростью, какъ музыкантъ Гансъ Майеръ.

Два революціонера.

Я долгое время не могъ составить себѣ яснаго понятія о самомъ, такъ сказать, механизмѣ народнаго возстанія. Я никакъ не могъ добиться вѣрнаго представленія въ своемъ умѣ о томъ, какимъ образомъ возникаютъ революціи, откуда берутся уличные борцы, кто именно тѣ люди, которые въ данный моментъ, какъ бы сами собою являются во главѣ возстанія, и я понималъ всѣ детали новѣйшей исторіи Франціи лишь тогда, какъ поближе присмотрѣлся къ типу тѣхъ странныхъ личностей, съ образчикомъ которыхъ я намѣренъ познакомить читателей въ особѣ Пара Grégoire.

Пара Grégoire теперь уже семидесятилѣтній старикъ, но такой бодрый и свѣжій, что ему на видъ никакъ нельзя дать болѣе пятидесяти лѣтъ. Наружность его настолько бросается всякому въ глаза, что въ Латинскомъ кварталѣ всѣ знаютъ его отъ мала до велика; онъ живетъ въ одной изъ самыхъ дальнихъ улицъ, неподалеку отъ обсерваторіи, занимая крошечную комнатку, какъ и всѣ одинокіе холостяки. Онъ крѣпкаго тѣлосложенія, нѣсколько пониже средняго роста, приземистый, широкоплечій, съ высокою грудью, и всегда держится прямо. Его смуглое, загорѣлое лицо обрамлено густою бородою, въ которой, также какъ и въ его густыхъ, длинныхъ волосахъ, только кое-гдѣ пробивается сѣдина. Его маленькіе глаза бойко сверкаютъ изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей. Въ костюмѣ своемъ онъ нисколько не соображается ни съ модою, ни съ временемъ года. Онъ всегда одѣтъ въ одно и то же платье. Онъ постоянно носитъ нѣчто въ родѣ широкаго камзола, который, также какъ и панталоны, сшитъ изъ шерстянаго бархата красновато-коричневаго цвѣта; сверхъ этого платья на его плечахъ накинуть испанскій плащъ, однимъ краемъ котораго онъ обыкновенно задрапировывается, а если иногда забудетъ сдѣлать это, то плащъ этотъ оказывается настолько длиненъ, что закутываетъ его совсѣмъ до пятъ; наконецъ, въ дополненіе къ этому наряду, онъ носитъ на головѣ кучерскую, черную, лакированную шляпу. Полиція, подъ надзоромъ которой онъ находится чуть-ли не съ самаго дѣтства, должна быть ему крайне признательна за такое постоянство въ неизмѣнности его оригинальнаго костюма, потому что послѣдній въ значительной степени облегчаетъ ей ея обязанность, никогда не терять изъ виду личность Пара Grégoire.

Рара Grégoire потомокъ одной изъ самыхъ древнѣйшихъ, гордящихся своей революціонной аристократіей, фамилій, которыя съ 1789 года постоянно проливали свою кровь при каждой уличной борьбѣ, происходившей въ Парижѣ. Онъ говоритъ о своихъ предкахъ такимъ же тономъ, какъ англійскій Говардъ или Перси, и положительно гордится своимъ происхожденіемъ. Когда онъ принимается разсказывать о великихъ подвигахъ своихъ предковъ, то глаза его блестятъ, его обыкновенно неподвижное и мрачное лицо оживляется и проясняется, а его нѣсколько хриплый голосъ принимаетъ ту самую интонацію, съ какою актеръ, изображающій въ Théâtre Français Донъ Рюисъ Гомецъ де-Сильва, объясняетъ императору Карлу V (въ «Nepanî» Виктора Гюго) біографію портретной фамильной галереи своихъ предковъ. И дѣйствительно, немного найдется такихъ людей, которые могли бы похвастаться подобными фамильными исторіями дѣяній, какъ Рара Grégoire. Его дѣдъ былъ въ 1789 году писаремъ въ Шателэ, что въ то время почти равнялось должности судьи; онъ принималъ участіе въ разгромѣ Бастиліи, причемъ былъ раненъ въ ногу осколкомъ обвалившейся каменной стѣны, слѣдовательно, принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ раненыхъ въ тотъ день, которымъ началась революція; парижскій народъ чествовалъ его какъ героя, а Мирабо, Лавфайетъ, Робеспьеръ, Дантонъ, Марать и Демуланъ, отчасти даже Сантерръ, были его пріятелями. Двое первыхъ однакожь вскорѣ отшатнулись отъ него, но со всѣми прочими онъ сохранилъ дружескія отношенія до конца ихъ, или своей собственной жизни. Робеспьеръ сдѣлался диктаторомъ, Дантонъ—вожакомъ партіи, Сантерръ—генераломъ, а дѣдъ нашего Рара Grégoire'a не хотѣлъ даже принять на себя званія депутата; онъ довольствовался тѣмъ, что въ качествѣ члена клуба якобинцевъ, продолжалъ оставаться попрежнему мрачнымъ, страстнымъ и безкорыстнымъ революціонеромъ. Но, хотя онъ и не раздѣлялъ власти и почестей съ членами своей партіи, тѣмъ не менѣе паденіе ихъ отразилось также и на немъ самомъ; бѣлый терроръ отправилъ его, послѣ 9 термидора, на эшафотъ, какъ будто онъ былъ участникомъ краснаго террора и его тогдашнихъ преимуществъ наравнѣ съ другими.

Сынъ былъ вполне достоинъ своего отца. Будучи также юристомъ, онъ оказался немного скомпрометированнымъ въ періодъ реставраціи, вслѣдствіе чего былъ исключенъ изъ этой корпораціи. Во время іюльской революціи ему было уже за пятьдесятъ лѣтъ. Grégoire еще не назывался тогда «Рара

Grégoire», а былъ совсѣмъ юнымъ, двадцатилѣтнимъ слушателемъ курса правъ. Отецъ взялъ его съ собою на барикады и они оба вмѣстѣ, въ продолженіи трехъ кровавыхъ дней, сражались за мечту о свободѣ. Сражаясь божь-о-божь, одинъ возлѣ другаго, отецъ и сынъ совершали положительно чудеса храбрости, которая доставила имъ въ Парижѣ всеобщую извѣстность. Во всѣхъ кварталахъ рассказывали почти невѣроятныя вещи о ихъ мужествѣ. Луи Филиппъ выразилъ желаніе ихъ видѣть, и когда они были ему представлены, то онъ, съ видомъ искренняго чувства, пожалъ имъ обоимъ руку. Свидѣтели этой трогательной сцены восторженно крикнули: «Vive le Roi!» А старикъ и его сынъ въ одинъ голосъ крикнули: «Vive la République!» повернули налѣво кругомъ и, вытянувшись въ струнку, удалились, маршируя въ ногу. Сосѣди обоихъ уличныхъ борцовъ всѣ, безъ исключенія, получили окруженный тремя лучами «Іюльскій крестъ»; большинство изъ нихъ пожелали занять какую нибудь государственную должность и получили ее, или пенсію, или другую награду; но ни сынъ, ни внукъ участвовавшаго въ разгромѣ Бастиліи не получили ни креста, ни какого бы то ни было знака отличія. Правда, что они и не требовали ничего; но правда и то, что правительство съ величайшею предупредительностью старалось уберечь ихъ безкорыстіе отъ всякихъ искушеній и соблазновъ. Все ихъ усердіе въ продолженіи іюльскихъ дней доставило имъ однакожь одно преимущество: состоять подъ полицейскимъ надзоромъ въ качествѣ опасныхъ личностей.

Grégoire продолжалъ попрежнему посѣщать свои лекціи и въ 1832 году уже почти окончилъ курсъ своихъ наукъ. Но тутъ случился бунтъ 5 іюня, по поводу похоронъ генерала Ламарка. Онъ съ отцемъ опять появился въ числѣ уличныхъ борцовъ, защищавшихъ одну барикаду въ Rue St.-Denis. Старикъ былъ раненъ пулею въ грудь, а молодой получилъ рану въ руку. Перваго захватили, а послѣднему удалось убѣжать. Старикъ умеръ въ госпиталѣ, прежде чѣмъ ему успѣли всадить въ грудь, рядомъ съ мѣстомъ, куда была воажена пуля, другую на законномъ основаніи; а Grégoire, будучи двадцатидвухъ-лѣтнимъ юношей, остался главою своего знаменитаго рода. Онъ нѣкоторое время скрывался у рабочихъ, пока его рана совсѣмъ не зажила и онъ могъ уже съ нѣкоторою безопасностью показаться опять на улицахъ Парижа. Полиція, увидавъ его въ первый разъ послѣ іюньскихъ дней, скорчила недовольную гримасу, но тѣмъ не менѣе оставила его въ покоѣ.

Stégoire, уже изучившій законы настолько, чтобы понять, что знаніе ни къ чему не приведетъ его и что такъ продолжать не годится, рѣшилъ бросить это занятіе и посвятить себя другому, болѣе полезному. Онъ сдѣлался химикомъ и занялся изученіемъ взрывчатыхъ веществъ, избравъ своею спеціальностью приготовленіе пороха. Онъ съ такимъ рвеніемъ предался этому дѣлу или, правильнѣе говоря, этой страсти, что полиція нѣсколько разъ приходила къ нему для домашнихъ обысковъ, конфисковала его запасы и химическіе составы, а его самого засадила на нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьму. Но по всей вѣроятности, таково было уже предопредѣленіе судьбы, чтобы этотъ независимый гражданинъ умеръ не ранѣе, какъ послѣ принятія изъ рукъ государства еще новыхъ благодѣяній. Тюрьма однакожь не усмирила его; напротивъ, въ апрѣлѣ 1834 г. онъ уже опять является на барикадахъ, которыя были имъ воздвигнуты уже по совершенно новой системѣ. Улучшенія, сдѣланныя имъ въ этомъ отношеніи, были одобрены знатоками и съ тѣхъ поръ были постоянно примѣняемы на дѣлѣ всѣми истыми парижскими революціонерами. Но въ то время эти улучшения однакожь немного пособили ему, потому что его барикада была разрушена, а онъ самъ, продолжавшій бороться какъ левъ, былъ наконецъ захваченъ. Его приговорили къ разстрѣлянію, но потомъ замѣнили казнь пожизненнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ, откуда онъ наконецъ, по прошествіи двѣнадцати лѣтъ, былъ выпущенъ, вслѣдствіе состоявшейся амнистіи. Но получивъ снова свободу, онъ недолго оставался празднымъ.

Въ февралѣ 1848 года онъ участвовалъ въ разгромѣ Тюльери, причемъ даже на нѣсколько минутъ усѣлся на тронѣ Луи Филиппа, къ возведенію котораго на престолъ онъ самъ же способствовалъ вмѣстѣ съ другими. Тогда онъ сдѣлался снова членомъ правительственной партіи, обѣдалъ за однимъ столомъ съ Ледрю-Ролленомъ, отвѣчалъ на общіе почтительные поклоны всѣхъ встрѣчавшихся ему на улицѣ людей и принималъ подъ свое покровительство заискивавшую въ немъ молодежь. Министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ ему префектуру, отъ которой онъ отказался; его окрутъ избралъ его своимъ мэромъ, но онъ отклонилъ отъ себя и эту честь; его батальонъ національной гвардіи поднесъ ему чинъ маіора, который былъ имъ принятъ, и состоя въ этомъ офицерскомъ чинѣ, онъ оказался однимъ изъ самыхъ дѣятельнѣйшихъ военныхъ людей въ Парижѣ, настолько дѣятельнымъ, что полиція, вѣроятно все еще по старой привычкѣ, стала слѣдить за нимъ еще болѣе зорко,

чѣмъ когда либо. Такого рода недовѣріе оказалось въ послѣдствіи величественнымъ основаніемъ, потому что въ іюні его баталіонъ былъ первымъ, самымъ храбрѣйшимъ и лучше всѣхъ дѣйствовавшимъ изъ всѣхъ прочихъ, принимавшихъ участіе въ уличныхъ стычкахъ. Будучи опять раненымъ, опять побѣжденнымъ, ему удалось однакожъ бѣжать изъ Парижа, переодѣтымъ. Кавеньякъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ злился на то, что не могъ доставить себѣ удовольствія приказать разстрѣлять Grégoire'a.

Черезъ два года, онъ осмѣлился опять показаться въ Латинскомъ кварталѣ. Полиція привѣтствовала его появленіе съ затаенною радостью, такъ какъ она чувствовала, какъ будто ей чего-то не достаётъ въ его отсутствіи. Само собою разумѣется, что 4 декабря 1851 года онъ опять соорудилъ барикаду въ самомъ центрѣ Faubourg St. Antoine. Онъ доставилъ этимъ порядочно хлопотъ посланнымъ противъ мятежниковъ войскамъ, которымъ, съ большими потерями, съ своей стороны, все-таки удалось овладѣть этою барикадою, позади которой побѣдители нашли только троихъ раненыхъ. Всѣ прочіе защитники исчезли, вмѣстѣ съ ними и Grégoire. Еслибы его захватили съ оружіемъ въ рукахъ, то разумѣется убили бы тотчасъ же на мѣстѣ. Но полиція нашла его только нѣсколько мѣсяцевъ спустя, удовольствовавшись тѣмъ, что послѣ продолжавшагося нѣсколько мѣсяцевъ ареста и сильныхъ побоевъ, пока тянулось слѣдствіе, выслала его, наконецъ, подъ почетнымъ жандармскимъ конвоемъ за границу.

Какая-то, случившаяся затѣмъ амнистія снова дала ему возможность возвратиться въ отечество и онъ опять появился въ Латинскомъ кварталѣ. Въ то время онъ былъ уже въ такомъ возрастѣ, когда его почти можно было назвать «Papa Grégoire». Когда онъ въ своемъ странномъ костюмѣ расхаживалъ по улицамъ, то всѣ указывали на него другъ другу пальцами, приговаривая: «посмотри, вонъ идетъ знаменитый Grégoire! нашъ Grégoire!» Въ кварталѣ всѣ положительно боготворили его. Хотѣли даже избрать его депутатомъ, но онъ настойчиво отклонялъ отъ себя всякаго рода почести. Не препятствовалъ онъ только одному, чтобы около него группировалась вся честолюбивая, республиканская, полная блестящихъ надеждъ на будущее, молодежь. Случайные посѣтители, допускаемые имъ въ его жилище, бывали поражены цѣлою коллекціею моделей, которыя представляли собою постепенныя улучшенія, происшедшія въ постройкѣ барикады, съ самаго начала ихъ воздви-

женія до настоящаго времени. Онъ неустанно работалъ въ этомъ направленіи, читалъ цѣлые курсы и давалъ частные уроки въ устройствѣ барикадъ, за что бралъ самую умѣренную плату. Казалось, что всѣ его помыслы сосредоточены были на этомъ дѣлѣ и на химическихъ работахъ. Онъ былъ душою всѣхъ революціонныхъ заговоровъ, которые такъ часто происходили въ Парижѣ въ послѣдніе годы имперіи. Всѣ люди слова и дѣла, которые достигли съ тѣхъ поръ власти и высокаго положенія, были тогда его самыми близкими друзьями.

Новое готовившееся возстаніе, которое должно было доставить ему случай испробовать его послѣднюю модель барикадъ, было предупреждено вдругъ вспыхнушею войною. Событія смѣнялись одно другое съ удивительною быстротою, такъ что 4 сентября наступило въ такую минуту, когда люди еще не успѣли ономниться. Въ первый разъ послѣ 1848 года «Papa Grégoire» очутился снова на сторонѣ правительства, всѣ члены котораго были его сообщниками по заговору и его самыми близкими друзьями. Опять ему стали предлагать мѣсто префекта и должность начальника какого-нибудь бюро; но на всѣ такого рода вызовы онъ обыкновенно отвѣчалъ лишь пожатіемъ плечъ или ироническою усмѣшкою. За то онъ съ удовольствіемъ принималъ званіе члена барикадной комисіи, президентомъ которой былъ, какъ извѣстно, Рошфоръ. Правительство, обрадованное тѣмъ, что онъ согласился занять офиціальную постъ, убѣждало его принять титулъ генералъ-инспектора барикадъ и мундиръ съ нѣсколькими золотыми нашивками на рукавѣ, но упорный старикъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ, оставшись попрежнему просто «Papa Grégoire» и сохранивъ свой прежній костюмъ, состоящій изъ круглаго плаща и кучерской шляпы. Впрочемъ онъ хорошо сдѣлалъ, потому что въ скоромъ времени ему опять пришлось бы отказаться отъ своего титула и мундира съ галунами, потому что въ октябрѣ того же года онъ перешелъ на сторону опозиціи, такъ какъ онъ только тамъ чувствовалъ себя въ своей сферѣ, и 31 октября явился во главѣ партіи, устроившей вооруженную демонстрацію противъ городской ратуши. Всякому извѣстно, что эта вспышка мятежа, предвѣстница коммуны, была подавлена. Для равнообразія въ жизни, «Papa Grégoire» былъ посаженъ въ тюрьму, причемъ имѣлъ по крайней мѣрѣ то утѣшительное сознаніе, что былъ заключенъ туда своими друзьями. Судьба, должно быть, позаботилась о немъ на этотъ разъ, бросивъ его въ одну изъ провіціальныхъ тюремъ, гдѣ онъ и просидѣлъ все время періода коммуны. Еслибы онъ былъ

посажень въ одну изъ парижскихъ тюремъ, то коммуна навѣрное освободила бы его оттуда, послѣ чего онъ непременно сдѣлался бы однимъ изъ ея защитниковъ, и тогда его не миновала бы участь, постигшая Ригò, Росселя и прочихъ.

Въ концѣ осени 1872 года онъ отбылъ свое наказаніе и опять возвратился въ Парижъ. Чтò собственно дѣлалъ онъ въ послѣдующіе затѣмъ годы, я не знаю, потому что познакомился съ нимъ только лѣтомъ 1876 года. Онъ обыкновенно по два раза въ день приходилъ подъ аркады Одеона, гдѣ занимался чтеніемъ утреннихъ и вечернихъ газетъ. При этомъ онъ прежде всего внимательно прочитывалъ всѣ радикальныя газеты и заканчивалъ бѣглымъ просмотромъ клерикальных, бонапартистскихъ и роялистическихъ литературныхъ органовъ. Почти всегда сопровождалъ его молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ, въ которомъ еще издали можно было тотчасъ же угадать представителя богемы. Онъ былъ маленькаго роста, худенькій, смуглый и отличался необыкновенною подвижностью фізіономіи и жестовъ. Волосы и бороду онъ носилъ такъ же, какъ «Papa Grégoire», и подражаніе которому было настолько велико, какъ это позволяли ему его природныя физическія средства. Платье его было крайне поношенное и запачканное; недостатокъ бѣлья скрывалъ небрежно повязанный на шеѣ фуляровый платокъ, концы котораго висѣли между лацканами его сюртука. Въ скоромъ времени я узналъ, что этотъ господинъ называется «Magius Сапсе», что онъ уроженецъ юга Франціи и что его прошедшее, не смотря на молодые годы, уже богато политическими перипетіями. Это былъ прежній студентъ, который, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, принималъ участіе въ заговорахъ, устраиваемыхъ «Papa Grégoire'омъ» и безчисленнымъ множествомъ тогдашнихъ республиканскихъ знаменитостей. Въ день 4 сентября онъ находился въ числѣ тѣхъ, которые ворвались въ зданіе законодательнаго корпуса и сопровождали новое правительство въ Hôtel de Ville. Въ видѣ зачетной платы за усердіе, одинъ префектъ правительства охраны національной безопасности взялъ его съ собою въ провинцію, въ качествѣ секретаря.

Но въ мартѣ 1871 года префектъ этотъ былъ смѣненъ, а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, также и его секретарь. Въ періодъ коммуны «Сапсе» исчезъ, такъ что никто не могъ узнать, гдѣ онъ находится. Когда порядокъ былъ снова восстановленъ въ Парижѣ, онъ вдругъ опять появился тамъ и началъ подписывать въ газетахъ радикальнаго направленія; однакожь, по всей вѣроят-

ности, такого рода дѣятельность брала у него неособенно много времени, потому что онъ по цѣлымъ днямъ шатался подъ аркадами Одеона, рылся въ книгахъ тамошнихъ торговцевъ, съ жадностью голоднаго проглатывалъ одна за другою всѣ газеты, а потомъ вступалъ съ кѣмъ попало въ нескончаемые и вышней степени горячіе разговоры. Онъ былъ болтливъ въ такой же степени, какъ «Papa Grégoire» молчаливъ. Языкъ его молилъ безъ умолку, и онъ имѣлъ привычку разговаривать вообще очень громко и сопровождать свои слова сильною жестикюляціею. Въ кварталѣ всѣ считали его какъ бы фактотумомъ «Papa Grégoire», котораго онъ постоянно провожалъ до дому и часто приходилъ даже вмѣстѣ съ нимъ. Если «Papa Grégoire» вздумалъ, напри- мѣръ, посидѣть подъ аркадами Одеона, то Мариусъ непременно садился возлѣ него, приносилъ ему газеты и указывалъ ему въ нихъ на нѣкоторые мѣста, которыя казались ему стоящими вниманія. Обыкновенно «Papa Grégoire» не отвѣчалъ ему ни слова, но выслушивалъ, что тотъ говорилъ ему. Мариусъ всегда разговаривалъ съ большимъ азартомъ и какъ будто всегда находился въ порывѣ какого-то страстнаго увлеченія. — «Ай, ай, какая пылкая голова!» говорили вполголоса люди, которымъ хотя ненадолго приходилось его послушать. — «Если-бы у насъ было побольше такихъ республиканцевъ какъ этотъ, то дѣла во Франціи пошли бы иначе», таковъ былъ общій отзывъ о немъ всей свободномыслящей публики Латинскаго квартала.

Между тѣмъ наступило 16 мая. Въ Латинскомъ кварталѣ началось сильное политическое волненіе. Подъ аркадами Одеона собирались густыя толпы людей, которые съ мрачнымъ видомъ и сжатými кулаками читали газеты и рѣзко высказывали свои взгляды по поводу событій дня. Мариусъ просто бѣсновался, гдѣзъ изъ кожи и оралъ во все горло: — «Неужели Парижъ потерпитъ такой позорный образъ дѣйствій? Если-бы я только нашелъ пятьсотъ человѣкъ, на которыхъ могъ бы вполне положиться, то я сію же минуту повелъ бы ихъ въ Елисейскій дворецъ и мигомъ водворилъ бы тамъ порядокъ!» А «Papa Grégoire» имѣлъ при этомъ еще болѣе, чѣмъ всегда, спокойный видъ и только многозначительно улыбался.

Аркады Одеона были, втеченіи всего періода 16 мая, постояннымъ гнѣздомъ разныхъ агитацій и находились подъ особеннымъ надзоромъ тайной полиціи. Публика вскорѣ замѣтила это и хотя она собиралась здѣсь въ еще большемъ количествѣ, чѣмъ въ болѣе спокойныя времена, но тѣмъ не менѣе стала

держатъ себя осторожнѣе и начала говорить между собою только вполголоса. Одинъ Мариусъ не унимался и попрежнему продолжалъ свои громогласныя разглагольствованія. Всѣ понемногу стали сторониться отъ него, чтобы не быть скомпрометированными, а «Papa Grégoire» нерѣдко убѣждалъ его быть поумнѣреннѣе въ своихъ словахъ и выраженіяхъ. — «Когда придетъ время, то нужно будетъ приступить къ борьбѣ и дѣйствовать; а пока не пришло, то къ чему по-пустому чесать языкъ!» обыкновенно самымъ хладнокровнымъ тономъ убѣждалъ онъ пылкаго уроженца юга, когда тотъ начиналъ уже слишкомъ горячиться.

Лѣто, столь обильное разными волненіями, уже приближалось къ концу. Парижъ пережилъ грандіозныя похороны Тьера и еще болѣе грандіозный день 14-го октября; потомъ наступилъ ноябрь, за нимъ декабрь, но реакціонное министерство, повидимому, даже и не думало прѣклониться передъ волею страны, выразившеюся 14-го октября при выборахъ со стороны республиканскаго большинства. Въ городѣ стали ходить тревожные слухи. Поговаривали о приготовлявшемся государственномъ переворотѣ и противъ котораго вся нація возстала бы какъ одинъ человѣкъ. Многіе истинные республиканцы вооружались и втайнѣ готовились дать отпоръ предполагавшемуся реакціонному покушенію. Въ аудиторіяхъ учебныхъ заведеній и подъ аркадами Одеона часто раздавались слѣдующія слова: «Поосторожнѣе пожалуйста! Завтра вся эта исторія разыграется окончательно!» И приэтомъ люди обмѣнивались многозначными взглядами и крѣпкимъ рукопожатіемъ. Въ особенности, въ одинъ декабрьскій день какъ бы въ самомъ воздухѣ чуялись революція и уличная борьба. «Papa Grégoire», вопреки своему обыкновенію, поутру совсѣмъ не появлялся подъ аркадами Одеона и пришелъ туда только поздно вечеромъ, чтобы наскоро просмотрѣть газеты. Онъ имѣлъ взволнованный видъ и былъ еще молчаливѣе прежняго. А Мариусъ, напротивъ, уже разумѣется находившійся тутъ, по обыкновенію не умолкалъ, причемъ онъ разразился такими ужасными ругательствами противъ маршала Макъ-Магона и министровъ, что люди, стоявшіе неподалеку отъ него, въ испугѣ начали расходиться въ разныя стороны, а «Papa Grégoire» спокойнымъ тономъ сказалъ ему:

— «Мариусъ, вы дождетесь того, что васъ схватятъ!»

— Пусть только посмѣютъ показать сюда свой носъ эти лакеи Елисейскаго дворца, я уже знаю какъ встрѣтить ихъ!

ораль Мариусъ, съ удивляющимъ видомъ, размахивая своею тростью, на которую опирался въ эту минуту.

— Вспомните только одно, Мариусъ, кто посаженный въ тюрьму человеку уже не въ состояніи защищать баррикады! возразилъ ему на это «Papa Grégoire», вставая съ своего мѣста и удаляясь прочь.

— Неужели вы боитесь этой сволочи? Да развѣ эти прихвостни Едисейскаго дворца осмѣлятся прикоснуться своими погаными руками къ честному гражданину!

Едва только Мариусъ успѣлъ произнести эти слова, какъ къ нему подошелъ, приведенный шпиономъ, переодѣтымъ въ партикулярное платье, sergent de ville и обратился съ краткою, но внушительною фразою:

— Промчу васъ, иди за мною, только пожалуйста безъ великихъ скандаловъ! Если жъ вы будете сопротивляться, то я сейчасъ же свяжу васъ!

Я самъ лично былъ свидѣтелемъ того, какъ Мариусъ вдругъ, въ одинъ моментъ, перемѣнилъ тонъ. Превъзменная громкая рѣчь и азартъ мгновенно смѣнились молчаніемъ и покорностью, такъ что онъ сдѣлался смиреннѣе и кроточе какъ ягненокъ. Онъ даже и не пытался сопротивляться, а напротивъ съ величайшею уважительною оживленностью: — конечно хорошо, милостивый государь, сію минуту! Затѣмъ онъ подошелъ къ продавцу газетъ, возвратилъ ему взятый у него для прочтенія нумеръ, поклонился и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, ушелъ въ сопровожденіи sergent de ville и шпиона. Озадаченная такою неожиданностью публика стояла, понутивъ голову.

Нѣсколько дней спустя, Дюфоръ сформировалъ новое министерство; маршаль покорился, кризисъ окончился. Мариусъ былъ выпущенъ изъ подъ ареста и снова явился подъ аркадами Одеона. Онъ былъ одѣтъ совсѣмъ въ новое платье изъ-подъ котораго виднѣнъ былъ воротникъ чистой накрахмаленной рубашки, и при встрѣчѣ съ «Papa Grégoire» ограничился лишь однимъ поклономъ, но уже не сѣлся рядомъ съ нимъ. Такъ продолжалось недѣли полторы или двѣ, потомъ онъ куда-то скрылся и совсѣмъ пересталъ показываться подъ аркадами Одеона. Многіе обращались къ «Papa Grégoire» съ вопросомъ: «куда дѣвался Мариусъ?» — «Не знаю, отвѣчалъ тотъ съ усмѣшкой, — теперь побѣда за нами и онъ, можетъ быть, занятъ преслѣдованіемъ непріятеля». Вскорѣ всѣ узнали, что Мариусъ уже болѣе не живетъ въ латинскомъ кварталѣ и, какъ сказываютъ, нанялъ себѣ комнату по близости бульваровъ. По всей вѣроятности въ

его обстоятельствахъ произошла совсѣмъ неожиданно счастливая перемена.

Однажды утромъ, вскорѣ послѣ Нового Года, къ продавцу газетъ подошелъ «Papa Grégoire» и, спрося у него одинъ номеръ «Lapresse», сказала притомъ, какъ бы мимоходомъ:

«Вы недавно спрашивали меня, куда дѣвался Мариусъ? На это я могу сказать вамъ, что Мариусъ, кажется, — виноватъ, не Мариусъ, а monsieur Cange, теперь на пути къ тому, чтобы сдѣлаться важною особою. Вчера я случайно встрѣтился съ нимъ въ Rue Vivienne, но онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ меня, и не удостоилъ меня даже поклономъ.»

И дѣйствительно monsieur Cange сталъ дѣлать карьеру. Въ періодъ 16-го мая онъ былъ посаженъ въ тюрьму, и этотъ родъ мученичества далъ ему право на награду. Въ самый день Нового года онъ былъ зачисленъ въ штатъ полиціи и первымъ его дѣломъ на этомъ поприщѣ было то, что за «Papa Grégoire'омъ» стали слѣдить еще зорче и внимательнѣе. А теперь, по прошествіи трехъ лѣтъ, monsieur Cange уже состоитъ начальникомъ полицейскаго бюро и кавалеромъ ордена почетнаго легіона. Что же касается «Papa Grégoire», то онъ попрежнему читаетъ газеты подъ аркадами Одеона, работаетъ надъ улучшеніемъ способовъ для устройства баррикадъ, и продолжаетъ рассказывать благоговѣнно внимающей ему, живущей въ Латинскомъ кварталѣ молодежи, исторію геройскихъ подвиговъ своихъ предковъ.

(Переводъ съ французскаго).

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ДОНА.

II.

УСМИРЕНІЕ ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ БУЛАВИНСКАГО БУНТА ¹⁾.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Войсковой кругъ въ Черкасѣ.—Чтеніе жалованной царской грамоты.—Астраханское возмущеніе.—Донцы не принимаютъ сторону бунтовщиковъ.—Бороды и нѣмецкое платье.—Отписки въ посольскій приказъ.—Войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ.—Кондратій Булавинъ и первое неудовольствіе донецкихъ городковъ.

Весною, 9 мая 1706 года, въ Черкасѣ, на майданѣ, т. е. на обширной площади, собрался многочисленный войсковой кругъ, ибо, по случаю успѣшнаго лова рыбы, понаѣхало много казаковъ изъ верховыхъ станицъ, а также изъ такъ называемыхъ запольныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Сѣверный Донецъ, изъ айдарскихъ городковъ, болѣе другихъ въ данное время интересовавшихся дѣлами главнаго войска. Чтутъ русскіе люди угодника Николая Чудотворца; уважаютъ заступника православія и донскіе казаки, отъ чего собранія круга пригонялись или къ 6 де-

¹⁾ Хотя мы пересмотрѣли архивъ морскаго министерства, но, по недостатку документовъ, принуждены предложить читателямъ лишь отдѣльными сценами, рисующія соборъ общій характеръ эпохи.

Авторъ.

кабря, или ко дню перенесенія мощей св. угодника ¹⁾). Весело смотрѣли старшины и казаки, подъ вліяніемъ мягкой прохлады съ моря, пригнавшаго къ свѣжимъ струямъ Дона саженныхъ осетровъ и аршинныхъ стерлядей. Айдарскіе казаки навезли вдоволь чистой соли изъ славянскихъ солеваренныхъ источниковъ, слѣдовательно съ избыткомъ можно было наготовить зернистой икры для приготовления гостинцевъ самому царю и любимымъ его царедворцамъ. Къ тому же, только что подѣлили царское жалованье, присланное не въ зачетъ, въ суммѣ 20,000 р., что по нынѣшнему курсу стоило по крайней мѣрѣ въ десять разъ болѣе. Ожидалось и обыкновенное ежегодное жалованье изъ денегъ, хлѣба, пѣннаго вина, свинца и пороха.

Въ бархатныхъ, разнаго цвѣта, кафтанахъ, унизанныхъ золотыми пуговицами съ застежками; въ атласныхъ шароварахъ и сафьяныхъ сапогахъ, опоясанные дорогимъ оружіемъ, покрытымъ драгоценными каменьями, въ бобровыхъ и собольихъ шапкахъ, стояли впереди другихъ старшины: Максимъ, Федоръ и Василій Минаевы—дѣти недавно умершаго войскового атамана Фрола Минаева, Ефремъ Петровъ, и бывшіе войсковые атаманы: Илья Григорьевъ и Акимъ Филиппевъ. Тутъ же находились Максимъ и Леонтій Поздѣевы, десять лѣтъ тому назадъ подарившіе царя Петра дорогимъ презентомъ—двумя турецкими, съ бою взятыми, галерами. Рядомъ съ строптивымъ и суровымъ старшиною Ильею Зерщиковымъ стоялъ походный атаманъ казачьяго отряда, квартировавшаго въ недавно устроенной Петромъ крѣпости Бахмутѣ, Кондратій Афонасевичъ Булавинъ, красивый и рослый казакъ, отличавшійся своимъ атлетическимъ тѣлосложеніемъ, а около него казаки донецкихъ, айдарскихъ и другихъ верховыхъ городковъ, ведшіе, повидимому, свою, отдѣльную отъ низовыхъ казаковъ, бесѣду.

Пришелъ и войсковой атаманъ съ насѣбою въ рукѣ, Лукьянъ Максимовъ, получившій свой постъ 1 января 1706 года ²⁾ и сзумѣвшій, въ трудную для московскаго государства годину, угодить самодержавному царю. За войсковымъ атаманомъ слѣдомъ прибыло духовенство и пѣвчіе. На аналой положили евангеліе, крестъ и образъ св. Николая Чудотворца. Атаманъ всталъ на подостланный подъ его ноги коверъ, а молодой казакъ хорун-

¹⁾ Собственно въ Черкасскомъ городѣ обычное торжественное собраніе войскового круга бывало 20 іюля, т. е. въ Ильинъ день.

²⁾ Обычное избраніе войсковыхъ атамановъ бывало въ Новый годъ.

жій поставилъ около Лукьяна Максимова войсковое знамя. Всѣ стояли въ шапкахъ, шумно разговаривая.

— Атаманы молодцы, пожалуйста, помолчите, вскрикнулъ войсковой есаулъ, по нынѣшнему начальникъ штаба. Возгласъ повторился три раза и когда поутихло, то Лукьянъ Максимовъ приказалъ войсковому дѣлау читать царскую грамоту, присланную еще два мѣсяца тому назадъ; но такъ какъ приложенія къ грамотѣ запоздали, то и чтеніе царскаго рескрипта войсковые старшины отложили до 9 мая, рассчитывая внушительною грамотою возратить постъ войсковаго атамана Акиму Филипповичу, имѣвшему огромное вліяніе на усмиреніе астраханскаго бунта. Недолюбливали казаки Лукьяна Максимова за его двоедупіе, а главное, за назначеніе его войсковымъ атаманомъ въ 1700 году, послѣ смерти знаменитаго Фрола Минаева, московскимъ правительствомъ, которое отстранило избраннаго въ войсковомъ кругу старшину Илью Григорьева¹⁾.

То была извѣстная и нынѣ сохранившаяся на Дону жалованная грамота царя Петра Алексѣевича, выданная за государственною печатью «лѣта отъ созданія міра 7214, а отъ рождества Избавителя нашего Исуса Христа 1706, мѣсяца февраля 21 дня».

Упомяная о заслугахъ войска, признанныхъ предшествовавшими царями, а также о преслѣдованіи главнымъ войскомъ раскольниковъ, грамота похваляла, что они, донскіе казаки, и все войско донское «того ихъ астраханскаго злаго совѣта не приняли и никому изъ донскихъ казаковъ къ тому непристойному и злому дѣлу приставать отнюдь не велѣли и заказъ о томъ учинили ерѣпкій, подъ смертнымъ страхомъ, и сами они, войсковой атаманъ и старшины и прочіе донскіе казаки, обѣщались и впредь служить вѣрно... а кто къ крестному цѣлованію на правдѣ приходитъ не будетъ и тѣхъ велѣли они, войсковой атаманъ и все войско донское, по обыкновенію войсковому, сажать въ воду и ради обереженія города Царицына и иныхъ мѣстъ отъ тѣхъ же астраханскихъ бунтовщиковъ... отобравъ нѣсколько тысячъ добраго воинства со всякимъ воинскимъ оружіемъ и съ ратною, и доброю, и вѣрною старшиною, съ Максимомъ, да съ Василиемъ Позднѣвымъ, съ товарищи, послали безъ отчаянія, которые (т. е. старшины) бывъ тамъ, астраханскихъ бунтовщиковъ,

¹⁾ Морской арханъ. О смѣнѣ Фрола Минаева, объ избраніи Ильи Григорьева и о назначеніи Лукьяна Максимова.

которые шли въ верховые города для возмущенія, не пропустили и съ царицынскими служилыми людьми многіе воинскіе промыслы имѣли... и были всегда противу такихъ воровъ и бунтовщиковъ во всякой готовности... за которую ихъ вѣрную службу того же прошедшаго (1705) года, по именному нашему великаго государя, нашего царскаго величества указу, сверхъ обыкновеннаго годоваго, денежнаго и хлѣбнаго жалованья, послали къ нимъ денегъ 20,000 р.». Затѣмъ въ грамотѣ говорится о посылкѣ новаго жалованья: «и на память той, ихъ донскихъ казаковъ и всего войска донскаго, вышеписанной къ намъ, великому государю, вѣрныя службы, пожаловали мы ихъ... значными войсковыми клейноты. Войсковымъ атаманамъ, въ знаѣ ихъ управленія, перначъ серебряный, съ каменьемъ, золоченъ; бунчукъ, съ яблкомъ и съ досткою, и съ трубкою серебряною, золоченъ; знамя большое, писанное на камнѣ золотомъ, въ прибавку же шесть знаменъ комчатыхъ, писанныя золотомъ и серебромъ, и проч.»...

— Бери же войсковою нашъ атаманъ новую жалованную булаву (перначъ) и становись подъ новое войсковое знамя, дарованное державнымъ государемъ Петромъ Алексѣевичемъ, сказалъ одинъ изъ именитыхъ старшинъ, бывший въ 1700 году войсковымъ атаманомъ, Илья Григорьевъ.

— Нѣтъ, подожди, крикнули казаки верховыхъ и айдарскихъ городковъ;—при такой великой милости царя, не выбрать ли намъ новаго атамана?

— Вѣстимо такъ, вскричали всѣ;—станемъ выбирать!

— Подумайте же, побесѣдуйте же, атаманы-молодцы, о новомъ атаманѣ, сказалъ войсковою есаулъ. Казаки стали совѣщаться по группамъ; низовые отдѣльно отъ верховыхъ, айдарскіе и другіе, по притокамъ рѣчки Сѣвернаго Донца, составили также отдѣльную группу.

Пока они совѣщаются о важномъ войсковомъ дѣлѣ, напомнимъ читателю, въ чемъ состояло значеніе умиротворенія донскими казаками астраханскаго бунта.

По поводу усмиренія стрѣльцовъ въ Москвѣ и заточенія царевны Софьи въ Новодѣвичій монастырь имѣется слишкомъ много историческихъ рассказовъ и драматическихъ хроникъ. Матеріалъ этотъ, слѣдовательно, достаточно исчерпанъ.

Но если главный очагъ неудовольствій противъ реформъ Петра былъ потушенъ и буквально залитъ людскою кровью, то тлѣющіе очаги, точно непотушіе вулканы, постоянно готовы

были извергать свою лаву на низовьяхъ Волги, Яика, Дона и Дибира. Здѣсь преобразователь Россіи всегда могъ ждать народныхъ волненій; которыя были тѣмъ грознѣе, что пламя находило себѣ питательный матеріалъ и въ центрѣ московскаго государства. Недовольныхъ было слишкомъ много, не только между народомъ, отягощеннымъ непосильными денежными сборами и ежедневными работами, но между торговыми людомъ и потомками бояръ. Въ самомъ царскомъ семействѣ, помимо царевны Софьи, врагами царя Петра были его первая жена и первородный сынъ, наследникъ престола, Алексѣй Петровичъ.

Вся Малороссія представляла вулканическую почву, но главный очагъ по прежнему находился ниже пороговъ, въ Сѣвн, въ Запорожьѣ. Янцѣе казаки съ самаго начала своего водворенія и въ особенности со времени принятія всѣмъ войскомъ обрядностей старой вѣры, также были постоянно противъ всякихъ новшествъ.

Взятіе Петромъ крѣпости Азова отъ турокъ не удовлетворило донскихъ казаковъ, какъ это мы подробно изложили въ своей первой статьѣ ¹⁾.

Наконецъ низовье Волги: Царицынъ, Красный и Черный Яръ, а главное, Астрахань, въ началѣ XVIII столѣтія представляло, не смотря на усмиреніе бунта Стеньки Разина, наиболѣе грозный вулканъ, ибо лава отсюда быстро могла сообщаться среднему теченію Дона, отъ Дубовки, на Волгѣ, до Паншина городка; моремъ заносилась и на Терекъ.

Какъ извѣстно, стрѣльцкіе бунты были безпощадно усмирены въ Москвѣ. Много было казенныхъ, еще болѣе сосланныхъ на каторжные работы въ крѣпость Азовъ; но большинство недовольныхъ успѣло бѣжать въ верховне донскіе городки, на запольныя рѣчки и на низовья Волги. Въ первопрестольной столицѣ бунты затихли и не стало надежды поднять народъ непосредственно въ Москвѣ. Однакоже оставалась надежда поднять стрѣльцовъ и населеніе подалше отъ Москвы. И вотъ въ половинѣ 1705 года, когда царь находился на западѣ съ войскомъ, возстаніе за старину вспыхнуло въ самомъ отдаленномъ углу государства, въ Астрахани, гдѣ еще свѣжо было преданіе объ успѣхахъ Стеньки Разина. Мѣсто оказалось наиболѣе удобнымъ и выбрано было не одними мѣстными жителями, а недоволь-

¹⁾ «Отъ Разина до Булавина» (№№ 1, 2 и 3 «Русской Речи», 1881 года).

ными съ разныхъ мѣстъ, почему астраханскій бунтъ и не носитъ вполне мѣстнаго характера. Астрахань была лишь сборнымъ пунктомъ, годнымъ для восстанія еще и потому, что здѣсь, какъ въ началѣ XIX столѣтїя въ Сибирѣ, повсюду и начальныя люди обыкновенно разнуздывались, т. е. ослѣплялись корыстолюбіемъ и распущенностью во всѣхъ отношенїяхъ и своими притѣсненїями возбуждали сильнѣйшее неудовольствїе, чѣмъ и воспользовались заводчики мятежа.

Въ іюнѣ того же года въ Астрахани прошла народная молва, что государя не стало, и для того астраханскій воевода Тимошей Ржевскій и начальныя люди вѣру христіанскую покинули, стали брить бороды и ходить въ нѣмецкомъ платьѣ. Въ двадцатыхъ числахъ іюля на базарѣ прошла молва, что запрещено будетъ играть свадьбы семь лѣтъ, а дочерей и сестеръ приказано будетъ выдавать замужъ за нѣмцевъ, которыхъ уже шлютъ изъ Казани. Астраханцы пришли въ смятеніе и рѣшились выдавать своихъ дѣвицъ какъ можно скорѣе замужъ, до указа, чтобы потомъ не выдавать ихъ за нѣмцевъ. 29 іюля, въ воскресенье, было сыграно свадебъ со сто¹⁾; на каждой не обошлось безъ зелена-вина, а разгоряченныхъ было легко поднять на бунтъ. Ночью, часу въ четвертомъ, у Нивольскихъ воротъ собралось человекъ около 300 и черезъ Пречистенскїя ворота вломилось въ Кремль. Прохоръ Носовъ схватилъ караульнаго капитана московскаго полка и ударилъ о землю, потомъ иностранца-матроса порубилъ саблею; всего убито было пять человекъ. Тутъ кто-то ударилъ въ набатъ, а по набату собирались въ Кремль стрѣльцы и солдаты всѣхъ полковъ; искали воеводу, но не нашли; взяли у митрополита изъ кельи подъячаго, сына Кучукова и передъ соборною церковью закололи кепьями. Въ ту же ночь солдаты убили своего полковника Девина и капитана Меера; стрѣлецъ закололъ и жену Меера за то, что за нѣсколько времени до бунта она говорила ему: «станете и вы въ постъ мясо ѣсть». Другіе говорили:

— Надобно идти въ Москву провѣдать государя, живъ ли онъ?

— А развѣ есть слухъ, что не живъ?

— Да, говорятъ, что не стало.

¹⁾ Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1861 годъ помѣщенъ историческій рассказъ С. Соловьева, подъ заглавіемъ «Сто свадебъ». См. также «Исторію Россїи въ періодъ преобразованій», т. XV.

— Нѣтъ, онъ живъ, да въ ваточеніи въ Стевольномъ, закладенъ въ столпъ; а на Москвѣ не прямой государь.

На другой день утромъ два солдата, Давыдовъ и Прохоръ Носовъ, сыскали воеводу Ржевскаго за кухню, въ курятникѣ, и привели въ кругъ. Явился обличитель. Онъ кричалъ на воеводу: «ты меня за три обруча кнutomъ билъ». Судъ былъ не долготъ: стрѣлецъ Уткинъ бросился на Ржевскаго и прокололъ его копьемъ. Покончили съ царскимъ воеводою; надобно было выбрать своего начальника. Стрѣльцы Тенютинъ и Яковлевъ кричали громче всѣхъ, что надобно выбрать въ старшины ярославскаго гостя Якова Носова, раскольника и астраханца—бурмистра Гаврилу Гончигова, «они-де люди умные, все войско управлять». Ихъ и выбрали старшинами.

Старшины тотчасъ же разослали грамоты къ обрестнымъ казакамъ, поднимать ихъ за старину. Въ грамотахъ писалось: «Стали мы въ Астрахани за вѣру христіанскую, и за брадобритіе, и за нѣмецкое платье, и за табакъ, и что въ церквахъ насъ и нашихъ женъ и дѣтей въ русскомъ старомъ платьѣ не пушдали, а которые въ церковь Божью ходили и у тѣхъ платье обрѣзали, и отъ церквей Божіихъ отлучали и выбивали вонъ, и всякое ругательство намъ и женамъ нашимъ и дѣтямъ чинили воеводы и начальныя люди, и болванамъ, кумирскимъ богамъ, они, воеводы и начальныя люди, поклонялись и насъ кланяться заставляли¹⁾. И мы за вѣру христіанскую стали и чинить того, что болванамъ кланяться, не хотѣли. И мы о томъ многое время терпѣли и, посовѣтовавъ между собою, мы, чтобы намъ вѣры христіанской не отбыть и болванамъ, кумирскимъ богамъ, не поклоняться и напрасно смертію душою съ женами и дѣтьми вѣчно не умереть, и за то, что стала намъ тягость великая, и мы, того не могучи терпѣть и вѣры христіанской отбыть, противъ ихъ противились и воеводу Тимофея Ржевскаго и изъ начальныхъ людей иныхъ убили до смерти, а иныхъ посадили за караулъ» и проч.

Казалось, началось то же, что происходило въ бунтъ Стеньки Разина, когда изстуженная чернь не остановилась передъ

¹⁾ Кумирами бунтовщики называли столярной работы личины деревянные, на которыхъ у иноземцевъ и у русскихъ начальныхъ людей кладутся нагадныя волосы для береженія, чтобы волосы (парики) не мялись. Соловьевъ, т. XV, стр. 136.

умерщвленіемъ астраханскаго владыки. Страшная кончина преосвященнаго, казалось, взывала еще о мщениі¹⁾.

Прежде всего обратились къ терскимъ и гребенскимъ казакамъ; послѣдніе однакоже, не смотря на пристрастіе къ старой вѣрѣ, всегда отличались консервативнымъ направлениемъ и приверженностью къ царской власти. Астраханскіе посланцы и привезенная ими грамота произвели однакоже волненіе на Терекѣ. Здѣсь возмутились всѣмъ городомъ (Терки); стрѣльцы и терскіе казаки пришли къ воеводѣ на дворъ съ конями. Воевода уговаривалъ астраханцамъ не вѣрять и не смущаться. Воевода остался живъ; но казаки требовали выдачи своего полковника, и когда воевода не выдалъ, они на другой день вломилась съ ружьемъ въ воеводскіе хоромы, взяли полковника силою, отвели за караулъ, пытали и убили всѣмъ полкомъ. И на Терекѣ, какъ въ Астрахани, приступили немедленно къ избранію начальныхъ людей; неволею взяли посадскаго Василія Авдѣева всѣмъ городомъ, да казака Степана Тимоѣева въ атаманъ и цѣловали крестъ быть за одно съ астраханцами.

На Терекѣ однакоже далеко не всѣ думали одинаково; казаки и московскіе стрѣльцы были за бунтъ, но терскіе стрѣльцы, конные и пѣшіе, съ ними не тянули. Да и отъ казаковъ терскихъ и гребенскихъ была послана въ Астрахань отписка, показывающая, что «прелестныя» воззванія бунтовщиковъ не произвели сильнаго волненія въ станичныхъ бругахъ.

«Мы ради, писали казаки,—за вѣру Христову, и за брадо-

¹⁾ 11 мая 1671 года казаки-бунтовщики пригласили астраханскаго митрополита Іосифа въ кругъ. Онъ одѣлъ полное облаченіе и явился въ сопровожденіи духовенства. Митрополита положили на огонь и спрашивали: «Слави свое воровство, какъ ты переписывался?» Іосифъ не отвѣчалъ ни слова, только повторялъ молитву и проклиналъ палача. Послѣ попытки повели на казнь, на раскатъ, проходя тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежалъ еще трупъ убитаго за него Мирона, Іосифъ осѣнилъ его и поклонился. Ввели на раскатъ, посадили на край и хотѣли толкнуть. Іосифъ снутился передъ послѣднею минутою, ухватился за казака и поволокъ было его съ собою. Тогда воры положили его на бокъ на краю раската и столкнули. Это были самые отчаянные воры, которые работали на раскатъ. Но съ другимъ чувствомъ стояло большинство воровъ подлѣ раската. Ихъ страхъ увеличивался болѣе и болѣе съ приближеніемъ дѣла къ развязкѣ; когда же, наконецъ, тѣло Іосифа ударилось о землю, казакамъ послышался страшный стукъ, они обомлели и минутъ двадцать стояли въ глубокомъ молчаніи, повѣя головы. Потомъ опохѣвлялись пыткой и казнью воеводы князя Семена Львова.

бритіе, и за табакъ, и за нѣмецкое платье, мужское и женское, и за отлученіе церковей Божіихъ стоять и умирать; но вы, все великое астраханское войско и все православное христіанство, не прогнѣвайтесь на насъ за то, что войска къ вамъ на помощь не послали, потому что, живымъ Богомъ клянемся, сами вы знаете, что насъ малое число и съ ордою со всею мы не въ миру; чтобы намъ по прежнему отъ орды женъ и дѣтей не потерять».

А между тѣмъ воевода, вышедши съ вѣрными правительству людьми изъ города, возвратился съ татарами и черкесами и усмирилъ бунтовщиковъ; нѣкоторыхъ казнилъ, а заводчиковъ отослалъ въ Москву.

Красный и Черный Яръ объявили себя за Астрахань, но далѣе этихъ городовъ бунтъ не пошелъ. Умные люди, распорядившіеся въ Астрахани, отправили Ивана Дорофеева съ войскомъ поднимать Поволжье. Дорофеевъ подошелъ къ Царицыну; однакоже крестьяне ему отказали, говоря между прочимъ: «и казаки донскіе къ вамъ пріѣзжали изъ разныхъ станицъ и къ вашему пріобщенію приставать не хотятъ и вамъ отказали».

Отправляя Дорофеева къ Царицыну, выборные астраханскіе старшины, умные люди, наказывали ему: если донскіе казаки къ нимъ пристанутъ, то, взявъ Царицынъ боемъ, идти до Москвы и по дорогѣ брать города, а противниковъ побивать до смерти, потому что государь въ Стекольномъ закладенъ въ столпъ, а на Москвѣ управляютъ бояре: Бутурлинъ, да Головинъ, и пришедъ къ Москвѣ, провѣдать о томъ подлинно. Дорофеевъ не пошелъ далѣе, ибо донскіе казаки не пристали.

«Отчего же, спрашиваетъ Соловьевъ¹⁾,—на Великой рѣкѣ не нашлось охотниковъ постоять за Христову вѣру и за брадобритіе? Охотники были, отвѣчаетъ историкъ Россіи,—потому что, кромѣ желанія добыть зипуны, накопились и сильныя неудовольствія на Москву, на царя. Охотники явились бы, но ихъ было еще немного; они не были въ собраніи, притомъ у нихъ не было вожда. Астраханскій бунтъ,—говоритъ историкъ Россіи,—«въ эпоху преобразованій» произошелъ внезапно, безъ предварительнаго сношенія съ недовольными на Дону, застигнулъ послѣднихъ врасплохъ, вовсе неприготовленными; притомъ умные люди, распорядившіеся въ Астрахани, сдѣлали

¹⁾ Т. XV, стр. 135.

большую ошибку, отправивъ возмутительныя письма къ Черкаску, къ правительству донскому, тогда какъ старшины и вообще старые казаки никогда не начинали возстанія противъ московскаго правительства и бунты вспыхивали не въ Черкасскѣ, а въ дальнихъ казачьихъ городкахъ». Соловьевъ отвѣтилъ на поставленный вопросъ несовсѣмъ вѣрно. Уже въ это время донское войско стало рѣзко раздѣляться на два лагеря, нынѣ почти слитые вмѣстѣ: на казаковъ низовыхъ и верховыхъ, на аристократовъ и плебеевъ, на консерваторовъ и прогрессистовъ. Главное войско, т. е. казаки низовые, группировавшіеся въ Черкасскѣ (нынѣ Старочеркасская станица), высылали полки по требованію правительства, получали за это жалованье, которое и дѣлили между своими, причѣмъ войсковою атаманъ и старшины удерживали часть жалованья въ свою пользу; бывавшіе въ отрядахъ верховые казаки обдѣлялись, или вовсе ничего не получали. Низовые казаки стояли за древніе казачьи порядки, но уступали правительству, которое, занявъ Азовъ и преградивъ гирла Дона сваями¹⁾, зорко смотрѣло за всѣми дѣйствіями старшины и войсковыхъ атамановъ, уже зависѣвшихъ въ описываемое время отъ губернатора Азовской и Звенигородской провинцій графа Толстаго. Ежемѣсячные отчеты, въ видѣ исторической лѣтописи, этого губернатора показываютъ, что въ Азовѣ былъ извѣстенъ каждый шагъ войсковыхъ атамановъ и донской старшины²⁾.

Верховые же казаки, главнѣйшимъ образомъ, стремились къ свободѣ захвата земель и приложенія къ нимъ вольнаго труда; они же начали пахать и сѣять, противно основному законоположенію войска, препятствовавшему развитію хлѣбопашества. Но и тѣ, и другіе казаки, какъ въ петровское время, такъ и до сихъ поръ, нисколько не сочувствовали общимъ внутреннимъ волненіямъ въ государствѣ и дѣйствовали по пословицѣ: «наша хата съ краю». Стрѣлецкій и астраханскій бунты могли имѣть себѣ сторонниковъ лишь въ отдѣльныхъ личностяхъ, а не во всемъ донскомъ населеніи, къ тому же далеко болѣе развитомъ, чѣмъ окрестное населеніе. Могли ли донскіе казаки внимать подстрекательствамъ астраханцевъ о нѣмецкомъ платѣ и брадобритіи, когда знали хорошо, что московское правительство не

¹⁾ Дѣла архива морскаго министерства.

²⁾ «О смерти войсковаго атамана Фрола Минаева и выборѣ Ильи Григорьева и затѣмъ Лукіана Максимова». Тамъ же.

стремится дѣлать какія-либо новшества въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, на Дону? Вотъ что еще за годъ до астраханскаго бунта говорили казаки, прибывшіе съ зимовою станицею въ посольскій приказъ:

«И тѣмъ де они, донскіе казаки, предъ иными народами отъ него великаго государя пожалованы и взмыканы, что къ нимъ и по сіе число о бородахъ и о платьѣ его великаго государя указы не прислано и платье де они носятъ по древнему своему обычаю, какъ кому изъ нихъ которое нравится. Иные де любятъ носить платье и обувь по-черкески и по-калмыцки, а иные обыкли ходить въ русскихъ стародревнаго обычая платьѣ, и что кому лучше похочется, тотъ такъ и творитъ и въ томъ де между ними, казаками, распри и никакого помѣхання другъ надъ другомъ нѣтъ, и нѣмецкаго де платья никто изъ нихъ, казаковъ, у нихъ на Дону не носитъ и мастеровъ, т. е. портныхъ, которые бы нѣмецкое платье могли дѣлать, въ городахъ ихъ казацкихъ не живутъ, и охоты де у нихъ, казаковъ, кромѣ изволенія государскаго къ тому, нѣтъ, а когда къ тому будетъ изволеніе на нихъ его, государя, и они де воли его, государской, противны не будутъ ¹⁾».

Послѣднія, подчеркнутыя нами слова имѣютъ большое значеніе. Не раболовство заставляло такъ говорить донскихъ казаковъ: еще не настало время ихъ полнаго подчиненія. Они, просто, не придавали значенія такимъ малостямъ, какъ платье и борода, и въ этомъ отношеніи, повторяемъ ²⁾, они рѣзко отличаются отъ уральскихъ казаковъ, почти всецѣло принадлежащихъ къ расколу ³⁾. Въ настоящее же время донскіе казаки, въ особенности низовые и вообще городскіе (Новочеркасскъ, Урюпинь, Нижнечирскъ), отличаются въ домашнемъ быту необыкновеннымъ пристрастіемъ къ нѣмецкому платью, какъ до шестидесятихъ годовъ этого столѣтія они предпочитали даже въ церквахъ носить обыкновенные халаты, продаваемые въ столицахъ и губернскихъ городахъ бухарскими купцами. Нынѣ, едва казакъ воротился со службы, онъ первымъ дѣломъ наряжается въ штатскій жилетъ и обзаводится пиджакомъ и петан-

¹⁾ Распросныя рѣчи станичнаго атамана.

²⁾ «Историческіе очерки Дона». Борьба Чернышева съ донскими атаманами («Русская Рѣчь», 1881 г., июль и августъ).

³⁾ По свѣдѣніямъ за 1880 г., изъ населеніи Уральской области (97,812 душъ обоаго пола), только 8,561 или мѣше 10% исповѣдуетъ чистое православіе.

леркою; этой моды у нихъ не могутъ выжить мѣстные военные начальники, называемые атаманами отдѣловъ.

Совсѣмъ другое дѣло экономическія, социальныя реформы, нарушающія ихъ матеріальное, хотя бы кажущееся, положеніе. Здѣсь въ донскихъ казакахъ всегда можно встрѣтить энергическій протестъ, почему и введеніе подобныхъ преобразованій земствомъ требуетъ большей осторожности и такта. За донскихъ казаковъ правительство можетъ оставаться спокойнымъ: еще долгое время ни либеральныя, прогрессивныя стремленія русской интеллигенціи, ни утопіи социалистовъ, а тѣмъ паче нигилистическія и анархическія стремленія, не находили и не найдутъ себѣ сочувствія въ казакахъ Дона.

Въ этомъ, по нашему мнѣнію, исторія имѣетъ громадное значеніе, ибо, на основаніи прошедшаго, даетъ возможность уразумѣть и настоящія стремленія столь сплоченнаго общества, которое не заволнуется отъ одной брошенной ему мысли, отъ одного, хотя бы даже и краснорѣчиво составленнаго воззванія, которымъ никакъ нельзя назвать безграмотное письмо астраханскихъ бунтовщиковъ. Донское казачье общество—это каменный очагъ; онъ и не загорится отъ одной искры. Но будемъ продолжать.

Завѣдывавшій корабельнымъ дѣломъ, а слѣдовательно, наблюдавшій за распоряженіями воеводъ и губернаторовъ въ Воронежѣ и Азовѣ,—этихъ двухъ важныхъ пунктахъ административной дѣятельности петровскаго времени, графъ Апраксинъ, впоследствии адмиралъ, т. е. морской министръ, въ августѣ 1705 г. писалъ въ Черкасскъ, чтобы тамошнее правительство отправило отъ себя во всѣ городки добрыхъ казаковъ, съ подтвержденіемъ отнюдь нигдѣ не приставать къ астраханцамъ, а если явятся воры, то ловили бы, били, или прислали въ Воронежъ. Войсковому атаману Апраксинъ приказалъ идти къ Царицыну и тамъ пресѣчь воровской замыселъ. О себѣ Апраксинъ сообщалъ, что идетъ къ нимъ войною съ солдатскими полками, а напередъ себя посылаетъ слободскіе казачіе полки, расположенные въ сѣверной части нынѣшней Харьковской губерніи; тоже самое онъ писалъ и въ другіе донскіе городки.

«О походѣ своемъ писалъ къ нимъ и пустилъ эхо, чтобы ихъ привести въ размышленіе», доносилъ Апраксинъ самому царю.

Изъ опросовъ зимовыхъ станицъ и отписокъ въ посольскій приказъ видно, какъ распорядились донскіе старшины и войсковой атаманъ Филиппевъ съ астраханскими подстрекателями въ бунту.

«И тѣ де астраханскіе лазутчики 5 человекъ и съ ними черноярцевъ 2 человека, а всего 7 человекъ... пріѣхали въ Черкасскъ, къ прежде бывшему ихъ войсковому атаману Якиму Филиппену и онъ де атаманъ того-же числа учинилъ кругъ и въ томъ кругу при собранныхъ казакахъ тѣхъ подсылщиковъ спрашивалъ, съ какими они дѣлами присланы, и тѣ де ихъ подсылщики объявили противъ того, какъ и въ войсковой отпискѣ показаво и которые съ ними присланы прелестныя письма, они, подсылщики, атаману и казакамъ объявили и подали и войсковой атаманъ и прочіе, съ ними собранные, всѣ казаки, велѣли тѣ письма войсковому своему писарю (дьяку) прочесть вслухъ, и какъ тѣ письма прочли, тогда они, атаманъ и всѣ казаки, единогласно закричали, что они никогда къ такому злему дѣлу не пристануть и приставать не будутъ, потому что они, казаки, ему, великому государю, служатъ всегда вѣрно и неизмѣнно, и за воровъ и измѣнниковъ не стоятъ, и приговорили де они, казаки, тѣхъ подсылщиковъ и съ прелестными ихъ письмами отослать въ Москвѣ и о тѣхъ де посыльщичахъ для вѣдома писали они въ Азовъ, къ губернатору... а до того де ихъ подсылщиковъ въ Черкасскъ пріѣзду, по вѣдомостямъ, съ Царицына и о томъ ихъ астраханскихъ бунтовщиковъ злохитромъ вымыслѣ было у нихъ, казаковъ, въ Черкасскомъ крестное цѣлованіе, чтобы никто изъ нихъ, казаковъ, къ тому злему дѣлу не приставалъ, о чемъ и во всѣ донскіе верхніе городки, къ атаманамъ и казакамъ посланы съ нарочными посыльщичками войсковыя ихъ письма, съ жестокимъ, смертнымъ страхомъ, дабы изъ тѣхъ верхнихъ городковъ къ тѣмъ астраханскимъ и къ инымъ, ни къ какимъ ворамъ не приставать».

«Да по тѣмъ же де царицынскимъ вѣдомостямъ, служа ему, государю, вѣрно, послали они, казаки, съ Черкаскаго конныхъ казаковъ болѣе 2,000, съ атаманомъ, съ Максимомъ Фроловымъ и съ полковниками: Василиемъ Позднѣевымъ и съ Ефремомъ Петровымъ, съ товарищи, которымъ приказано взять съ собою, въ прибавку, изъ верхнихъ городковъ, которые до Паншина, отъ 10 до 2 человекъ, а за Паншинымъ по Дону и по Хопру и по Медвѣдицѣ велѣно идти изъ всякаго городка по половинѣ, у которыхъ казаковъ есть добрыя лошади и тѣ бы были въ конницѣ, а незаконные шли бы судами, и для того де водянымъ путемъ казацкаго сбора, oprичъ Максима Фролова съ товарищи, посланы изъ Черкаскаго, изъ старшинъ, Ѳеодоръ Фроловъ... съ товарищи, которымъ, какъ сухимъ, таеъ и водянымъ путемъ приказано изъ войска идти къ Царицыну, мимо Пап-

нина, и тотъ городовъ отъ прихода воровъ и бунтовщиковъ остерегать всякими мѣрами, какъ возможно, и тѣмъ де донскимъ казакамъ, которые будутъ въ водяномъ пути, суда свои отъ Паншина до Царицына велѣно вести на подводяхъ степью... и тотъ де вышписанный атаманъ, Максимъ Фроловъ, съ товарищи и съ конными казаками въ тотъ путь съ Черкаскаго поѣхали августа (1705 г.), въ послѣднихъ числахъ воинскимъ собраніемъ и съ добрымъ ружьемъ и отпустили въ тотъ походъ съ молебнымъ пѣніемъ, и тѣхъ де ихъ казаковъ коннаго и воданымъ отправленіемъ въ томъ походѣ по смѣтѣ будетъ 10,000 казаковъ ¹⁾».

Такимъ образомъ бунтъ былъ остановленъ въ самомъ началѣ несогласіемъ донскихъ низовыхъ казаковъ въ немъ участвовать, а между тѣмъ Петръ тотчасъ же принялъ энергическія мѣры къ его потушенію. Царь находился въ Митавѣ, когда изъ Москвы получилъ вѣсть объ астраханскомъ возмущеніи. Постигая, какъ и всегда, всю опасность волнений на родимѣй и мѣстности, въ которой загорѣлся бунтъ и вняя, какими горючими матеріалами окружена эта мѣстность, понимая также, что многіе и не въ дальнемъ разстояніи отъ Москвы встрѣтятъ съ радостью людей, возставшихъ за брадобритіе и старое платье, царь велѣлъ фельдмаршалу Шереметеву изъ Кіева поспѣшно двигаться къ Москвѣ, за которую онъ очень опасался. Въ письмѣ къ Стрѣшневу отъ 12 сентября 1705 года, мы читаемъ: «чтобы деньги изъ приказовъ собравъ, вывели изъ Москвы, или съ вѣрными (людьми) тайно, гдѣ положили или закопали, всякаго ради случая... Почты, кои ходятъ за рубежъ и во городу, извольте задержать до времени».

Шереметевъ съ дороги далъ знать государю, что донскіе казаки не за бунтовщиковъ, а противъ нихъ; вѣрное извѣстіе о томъ же получено было и отъ Апраксина. Самое большое опасеніе не сбылось; за Москву теперь можно было и не страшиться. Однако же Петръ не любилъ складывать рукъ, вслѣдствіе утѣшительныхъ извѣстій, и писалъ Шереметеву: «Для Бога не мѣшай, какъ обѣщался и тотчасъ пойдѣ на Казань».

Въ какое радостное изумленіе пришелъ Петръ, получивши извѣстіе о томъ, что казаки отвергли предложеніе астраханскихъ бунтовщиковъ, всего лучше видно изъ письма его къ Апраксину

¹⁾ «Приложеніе къ историческому описанію войска донскаго» (составлено въ 1822 г.), распросные рѣчи атамана Саввы Кочетова въ 1705 г.

(отъ 25 сентября). «Письма ваши принялъ, изъ которыхъ въразумѣлъ, что всемилосердый Господь не въ конецъ гнѣвъ свой пролилъ».

Торопя Шереметева съ войскомъ въ Астрахани, суровый съ стрѣльцами возстаніями царь хотѣлъ попытаться покончить съ астраханскими бунтовщиками болѣе мирнымъ и кроткимъ путемъ.

На эту новую, незамѣченную историками Петра сторону, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, ибо съ этой стороны мягкаго обращенія царя съ бунтующимъ народомъ, а не войскомъ (стрѣльцы) мы неоднократно встрѣтимся въ нашемъ повѣствованіи. Геніальный, хотя и жестокой царь дѣйствуетъ сообразно обстоятельствамъ. 11 октября 1705 года онъ послалъ въ Астрахань съ однимъ изъ тамошнихъ учителей грамоту, съ увѣщаніемъ къ народу отстать отъ бунтовщиковъ и перехвативши главныхъ зачинщиковъ, прислать ихъ въ Москву, чѣмъ де они заслужатъ прощеніе; въ противномъ случаѣ грозилъ пытками и казнями. 3 января 1705 года, Кисельниковъ пріѣхалъ въ Астрахань. Собрался кругъ, ибо Астрахань, какъ то было въ разинское время, управлялась теперь по-казацки. Царскую грамоту приняли въ кругу и послали за митрополитомъ Самсономъ. Когда онъ пришелъ, стали читать грамоту и, выслушавъ ее, молебствовали за государево здоровье, при пушечной стрѣльбѣ. 13 января, митрополитъ приводилъ всѣхъ къ присягѣ и положили: «буде отъ кого впредь, съ того числа, какая будетъ невѣрность и имъ чинить указъ, чего они будутъ достойны». Написали повинную къ государю, для ея поднесенія выбрали 8 человекъ и отправили вмѣстѣ съ Кисельниковымъ. Въ повинной говорилось: «междоусобіе учинилось за брѣдобріе и нѣмецкое платье и отъ многихъ воеводы Ржевскаго и полковниковъ у начальныхъ людей для взятковъ и обидъ» и проч. въ томъ же родѣ, какъ въ послѣдствіи войсковою атаманъ Дона Булавинъ отписывалъ по случаю убіенія князя Юрія Долгорукова.

12 февраля пріѣхалъ Кисельниковъ съ челобитною въ Москву. Чтеніе повинной и рассказы челобитчиковъ произвели такое сильное впечатлѣніе на боярина Головина, наиболѣе вліятельнаго въ то время приближеннаго къ Петру сановника, что Головинъ рѣшился просить царя о безусловномъ помилованіи. «Довольно я съ ними говорилъ,—писалъ Головинъ царю,—всѣ кажутся вѣрны и мужики добры. Изволь, Государь, хотя себя понудить и показать къ нимъ милость. А послать ихъ къ тебѣ надобно было

непремѣнно, понеже гораздо вѣрно увѣрятся и во всякомъ страхѣ и послушаніи будутъ, а намъ лучшіе воры нежного вѣрять. Только и въ насъ не безъ воровъ бывало».

Произвела ли повинная и на Петра такое же впечатлѣніе, хотѣлъ ли онъ поскорѣе покончить на востокѣ, по затруднительности обстоятельства на западѣ, или, что всего вѣроятнѣе, оба побужденія дѣйствовали одинаково сильно, но только царь послушался совѣта Головина и отпустилъ челобитчиковъ съ грамотою, въ которой заключалось всепрощеніе. Но умные люди въ Астрахани распорядились иначе. Хотя и была отправлена повинная, однако же они не знали, чѣмъ кончится дѣло, а между тѣмъ Шереметевъ приближался съ войскомъ, котораго впрочемъ не было и трехъ тысячъ. Можно было рассчитывать на удачное сопротивленіе, а удача доставить союзниковъ, и, какъ видно, у заводчиковъ почему-то не исчезала надежда на возможность похода въ Москвѣ.

Позднѣе царь писалъ Головину, чтобы послалъ въ Казань морскую команду: «выбрать тамъ 5 судовъ, поставить на нихъ по 12 или по 8 пушекъ и тотчасъ по взломѣ льда плыть къ Царицыну и встать тамъ на якорѣ. Суда эти, писалъ царь, лучше 10,000 войска, могутъ воровъ вверхъ не пропустить».

Чтобы уничтожить, или, по крайней мѣрѣ, ослабить главную причину неудовольствія, Петръ далъ слѣдующій указъ довѣренному человѣку, казанскому вице-губернатору Никитѣ Бударцеву: «Во всѣхъ низовыхъ городахъ вѣдать податями и собирать, таже и сымать оныя, или паки наложить ради нынѣшняго тамъ смятенія астраханскаго и сіе чинить, смотря по времени, мѣсту и людямъ, и всячески тщиться, чтобы утѣшать и не откуда для сборовъ податей указу ничьего не слушать, а что невозможно будетъ дѣлать, объ указѣ писать мнѣ и въ томъ тщиться съ такимъ прилежаніемъ, какъ Богу и здѣшнему суду добрый отвѣтъ дать».

На счетъ казаковъ Чернаго Яра царь писалъ Головину: «Буде черноярцы съ донскими казаками уговорятся въ томъ, чтобы ихъ вину простить, велѣть уговаривать». На вопросъ Щепотева: «Что доброе сдѣлаете на Черномъ Яру, что съ ними дѣлать? отвѣчалъ: «Кромѣ прощенья и по старому быть иного ничего; таже и вездѣ не держайте, ни точію дѣлать, ни словомъ жестокимъ съ нимъ поступать, подъ опасеніемъ живота».

Черноярцы покорились, хотя нескренно. Шереметевъ общелся съ ними сурово и приказалъ отобрать оружіе.

«У черноморцевъ, писалъ Петръ, — вы ружья отбирали напрасно и удивляюсь, что просите указу, что дѣлать съ зачинателями (черноморцами) и астраханцами, ежели покорятся. Ко всѣмъ многократно отъ меня и отъ адмирала (Головина) писано: «конечно всѣхъ милостію и прощеніемъ винъ обнадеживать и, взявъ Астрахань, отнюдь надъ ними и надъ заводчиками ничего не чинить; и черноморцамъ нынѣ объявить, что ружья у нихъ отобрали только до тѣхъ мѣстъ, пока и астраханцы покорятся и вину принесутъ, и тогда по прежнему тѣ ружья имъ отдать и привести ихъ ко кресту въ вѣрности, а и зачинщиковъ причинныхъ ничѣмъ не озлоблять и только ихъ препоручить и дать имъ жить на свободѣ и всяко тщиться, чтобы ласкою ихъ привлечь и чтобы они о своемъ состояніи писали... и подъ Астраханью безъ самой крайней нужды никакого жестокаго и непріятельскаго поступка не воспринимать и то развѣ они по прїѣздѣ своихъ челобитчиковъ и по полученіи нашей грамоты и по многимъ твоимъ добродѣтельнымъ присылкамъ весьма упорны явятся и не поворотятся, чего мы, по отпискамъ ихъ къ тебѣ, быть не чаемъ».

По отношенію къ донскимъ казакамъ, Головинъ писалъ царю: «Лучшее развѣ то воры учинать, что разбѣгутся, а если имъ возмущать и бѣжать на Донъ, ей-ей никогда не пристанутъ и милостію твоею казаки довольны и вѣрны».

13 марта 1706 года, Шереметевъ усмирилъ астраханцевъ. Участники были перехвачены и отправлены въ Москву. Здѣсь ихъ колесовали, казнили и умерло во время продолжительнаго розыска 365 человекъ¹⁾.

Астраханскій бунтъ, ограниченный одною мѣстностью, не трудно было затушить, — говорить Соловьевъ, — ибо донскіе казаки не дали ему разгорѣться.

Какъ мы уже сказали, вопросы о нѣмецкомъ платьѣ и брадобритіи вовсе не касались донскихъ казаковъ; совсѣмъ другое дѣло были матеріальные интересы, касавшіеся населенія Великой рѣки.

Еще въ 1700 году государь писалъ войсковому атаману Ильѣ Григорьеву и всему войску донскому: «Указали мы вамъ сего настоящаго лѣта верховыхъ донскихъ городовъ казаковъ, которые живутъ по Хопру и Медвѣдицѣ и по разнымъ рѣчкамъ, перевести и поселить по двумъ дорогамъ къ Азову, од-

¹⁾ Соловьевъ, т. XV.

нихъ до Валуйки, а другихъ отъ Рыбнаго къ Азову же, чтобы тѣ оба пути впредь были населены и жили, а буде вы, атаманъ и казаки, нынѣшняго лѣта казаковъ не сведете и не поселите и по нашему указу тѣ хоперскіе и медвѣдичскіе казаки будутъ поселены въ другихъ мѣстахъ»¹⁾.

Въ августѣ 1701 года велѣно было взять въ преображенскій приказъ съ Дону казаковъ: изъ Тишанскаго городка Андрея Поминова и Левку Сметанина, да изъ Нижнечирскаго городка Игнашку Пчелинца. Левка говорилъ: «царь Иванъ Алексѣевичъ живъ и находится въ Иерусалимѣ для того, что бояре воруютъ; царь Петръ полюбилъ боярѣ, а царь Иванъ чернѣ полюбилъ»²⁾. Сказывалъ Левкѣ про царя Ивана пришлый челоувѣкъ Авилка, который живетъ на рѣчкѣ Камповѣ Бѣлой, впадающей въ Днѣпръ; пришелъ Авилка изъ Иерусалима, и донскіе казаки почитаютъ его за святаго, потому что онъ имъ пророчествуетъ; въ первый азовскій походъ сказалъ, что Азова не возьмутъ, а во второй сказалъ, что возьмутъ. Пчелинецъ говорилъ про Петра: «онъ не царь, а антихристъ; царица Наталья родила царевну дѣвицу, а вмѣсто той царевны своровали бояре и подмѣнили иноземца, Францова сына Лефорта»³⁾. Казакъ Назарка говорилъ: «Азову за государемъ недолго быть»⁴⁾: донскіе казаки, взявъ его, передадутся къ турецкому султану по прежнему».

Недовольные казаки говорили: «теперь намъ, на Дону, отъ государя тѣсно становится; какъ онъ будетъ на Дону, мы его приберемъ въ руки и отдадимъ турецкому султану, а прибрать его въ руки намъ и малыми людьми свободно: ходить онъ по Дону въ шлюпкѣ съ малыми людьми».

Признавъ необходимымъ устроить почтовую дорогу изъ Воронежа до Азова, а селенія по этой дорогѣ заселить донскими казаками и возложить на нихъ почтовую гоньбу, Петръ съ года на годъ дѣйствовалъ въ этомъ направленіи энергичнѣе и настойчивѣе.

Въ 1704 году Апраксинъ пишетъ:

«По указу твоему, посланъ отъ меня майоръ и съ нимъ 50 челоувѣкъ солдатъ для свода казачьяго городка Богучаръ (ны-

¹⁾ «Грамота на Донъ» 1700 г.

²⁾ Эти слухи распространялись въ то время по всей Россіи.

³⁾ «Грамота на Донъ» 1700 г.

⁴⁾ Въ 1711 году онъ былъ вновь уступленъ Турціи.

нѣшней Воронежской губерніи) и они учинились ослушны и писали въ Черкасній: нынѣ присланъ изъ Черкаса казакъ Ефремъ Петровъ и съ нимъ писали отписку къ тому майору съ великимъ невѣжествомъ и съ той отписки послалъ списокъ къ Теодору Алексѣевичу ¹⁾, и писалъ о доложеніи тебѣ, государю. Прошу, государь, милости, повели мнѣ прислать указъ, что съ ними дѣлать? ²⁾

Петръ отвѣчалъ: «О Богучарѣ учини такъ: взявъ солдатъ пошли и, перехвативъ, посылай на каторги» ³⁾.

Въ то же время отъ донскихъ казаковъ требуется, чтобы они содержали гарнизонъ въ крѣпости Азовѣ. Апраксинъ въ 1705 году пишетъ царю: «Нынѣ писано къ нему (Толстому), чтобъ послалъ указъ въ Черкаскъ о присылкѣ казаковъ 1,000 человекъ: изволишь приказать... когда будутъ присылаться указы, чтобы были азовскихъ указовъ послушны. А мочно имъ по вся годы въ лѣтнее время у Азова держать по 2,000 человекъ для охраненія, ежели не такъ, то азовскимъ жителямъ конечная будетъ тѣснота».

Изъ донскихъ казаковъ, кромѣ конныхъ частей, стали формировать пѣшія команды. «Къ тѣмъ же Бердянскимъ озерамъ въ посылкѣ сухимъ путемъ для оберегательства отъ воровскихъ людей и отъ всякихъ случаевъ конныя службы казаковъ 70; для соляной ломки пѣшихъ казаковъ 150; для возки соли изъ работныхъ полковъ съ телѣгами и съ лошадьми 100». Въ дѣлахъ морскаго архива имѣется указаніе, что Петръ хотѣлъ запретить казакамъ имѣть лошадей.

Эти и другіе документы рисуютъ положеніе Черкаска по отношенію къ московскому правительству и подчиненіе донскихъ атамановъ воронежскому губернатору Апраксину и азовскому—Толстому. Какъ и во все послѣдующее столѣтіе, русскій народъ, хотя и тяготится, но исполняетъ царскія повелѣнія; но въ началѣ XVIII столѣтія донскимъ казакамъ трудно было привыкать исполнять указы коменданта крѣпости Азова. А повидимому Толстой энергично настаиваетъ на заселеніи почтовой дороги, на сведеніи казачьихъ городковъ, а главное, на выводѣ изъ верховыхъ городковъ казаковъ, зашедшихъ туда послѣ 1696 года, т. е. послѣ взятія крѣпости Азова.

¹⁾ Страшневу.

²⁾ Приложение къ исторіи русскаго флота.

³⁾ Письмо Петра къ Апраксину изъ Нарвы.

Вернемся теперь къ войсковому кругу.

Прежде чѣмъ выбрать войсковаго атамана, казаки потребовали прочесть указъ о сводѣ казачьихъ городковъ ¹⁾. Въ указѣ говорилось: «и вы бы атаманы и казаки и все войско донское, тѣ помянутые городки, которые поселены не по указу и на шляхахъ, а именно: Новый Айдаръ, Шульгинъ, Осиновоу, Ровенекъ на Красной Кабинѣ и которые построены, кромѣ Стараго Айдара, по инымъ заповѣдямъ, послѣ Азовской службы велѣли свести и старослуживыхъ казаковъ, которые въ тѣхъ городкахъ живутъ, перевести за Сѣверскій Донецъ, а новопрішлыхъ, которые пришли изъ нашихъ Великаго Государя украинскихъ городковъ, бѣгая отъ службы и отъ азовскихъ корабельныхъ работъ, распрося, выслать за провожатыми въ украинные города, кто отколы пришелъ, не дожидая впредь нашего, Великаго Государя, указу, для того, что тѣ городки по справкѣ построены вновь и послѣ азовскихъ походовъ, а городкамъ-де, которые поселены по Сѣверному Донцу, Старый Айдаръ и выше Айдару иные напередъ сего до азовскихъ походовъ, и тѣмъ порядкомъ быть по прежнему, а въ городкахъ же, что на шляхахъ, въ Заказномъ и въ Бѣленскомъ, жильцовъ всѣхъ велѣтъ переписать по именамъ и старослуживцевъ казаковъ оставить и велѣтъ имъ жить въ тѣхъ городкахъ для почтовой гоньбы, ... а которые люди по перепискѣ явятся въ тѣхъ городкахъ, новопрішлые... выслать по прежнему въ тѣ же мѣста, откуда кто пришелъ, и для того нынѣ посланъ къ вамъ изъ Москвы стольничій нашъ, Леонтій Шеншинъ, которому велѣно у васъ быть до тѣхъ мѣстъ, какъ по прежнему».

Кругъ зашумѣлъ; старшины Ефремъ Петровъ, Якимъ Филиповъ и Иванъ Григорьевъ совѣтывали исполнять указъ, ибо за исполненіе царскихъ повелѣній главное войско получало жалованье. Войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ говорилъ уклончиво, указывая, что и прежде они, атаманы, получали, не только такіе же указы, но и царскія грамоты, однако донскіе казаки оставались на своихъ мѣстахъ, а если кои и выгонались, такъ негодные къ службѣ и дурные по поведенію казаки. Стар-

¹⁾ Собственно изъ посольскаго приказа грамота значится 7 іюля 1706 года, но изъ общаго смысла документовъ морскаго архива видно, что передъ грамотами посылались такіе же указы отъ губернатора Азовской и Звенигородской провинцій. Слѣдующую затѣмъ сцену мы также по необходимости пишемъ на основаніи общаго смысла документовъ; точныхъ же указаній мы не нашли.

шина и бахмутскій походный атаманъ Булавинъ громилъ московское правительство и въ особенности воеводу Толстаго и Апраксина, стремящихся древнихъ лыцарей обратить въ батраковъ; почтовыхъ погонщиковъ, или посадить на каторги вмѣстѣ съ невольниками. «А сами вы знаете, какая нудная служба на этихъ подлыхъ каторгахъ, гдѣ человекъ объ одномъ лишь думаетъ, когда-то Богъ пришлетъ ему смерть. У насъ отнимаютъ соляные источники и насъ же заставляютъ добывать и возить соль для солдатъ изюмскаго полка и для азовскаго гарнизона. Не слѣдъ потакать воеводамъ и стольникамъ, присылаемымъ изъ Москвы для описи казачьихъ городковъ. Безъ взятокъ дѣло не обойдется и кто имъ не заплатитъ, новопривышій ли, старослуживой ли онъ казакъ, его безпрѣмѣнно запишутъ въ почтари». Булавинъ говорилъ много и сильно и указывалъ казакамъ, что со взятіемъ Азова царемъ, прежніе морскіе походы донцевъ прекратились, а съ ними пресѣклись и богатство, и казачья удаля; не только не слѣдуетъ исполнять царскихъ указовъ, но нужно возстать цѣлымъ войскомъ, отнять Азовъ, Таганрогъ, Воронежъ и идти на Москву.

— «Ужъ подлинно ты дурень, возразилъ ему Василій Фроловъ:—высокъ ты ростомъ и рѣчишь, да мозгу у тебя въ башкѣ немного, чтобы въ такую пору бунтовать народъ противу великаго государя». Однако-же другіе старшины благодарили Булавина за отстаиваніе имъ въ Бахмутѣ соляныхъ варницъ.

Булавину сталъ также возражать бывшій войсковой атаманъ Акимъ Филипьевъ; но послѣдняго остановили казаки верховыхъ и айдарскихъ городовъ, говоря, что онъ уже пересолил своимъ угодничествомъ московскому правительству, однажды отправивши астраханскихъ подсылщиковъ въ Москву.—«Того де прежде войсковой кругъ не дѣлывалъ». Лукьянъ Максимовъ успокоивалъ обѣ стороны, давая надежды верховымъ и айдарскимъ казакамъ, что онъ устроитъ такъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы.

Когда войсковой есаулъ обратился къ кругу о выборѣ новаго атамана, лишь немногіе голоса высказались за Филипьева, Ефрема Петрова и Илью Григорьева. Большинство осталось на сторонѣ Максимова. Двоедушіе атамана было на руку казакамъ верховыхъ станицъ.

— Бери же новую булаву и становись подъ жалованное великимъ государемъ знамя, сказалъ войсковой есаулъ.

Максимовъ снялъ шапку, приложился къ евангелію, къ образу Ниволая Чудотворца и ко кресту и затѣмъ, взявъ въ руку

перначъ, пожалованный Петромъ, всталъ подь новое войсковое знамя и потомъ уже надѣлъ на голову свою соболью шапку. Казаки немедленно обнажили головы и закричали:

— Да здравствуетъ нашъ славный атаманъ Лукьянъ Леонтьевичъ Максимовъ,—и по обычаю три раза его качали.

Такимъ образомъ до новаго выбора остался войсковою атаманъ, избранный для усмиренія астраханскаго бунта, ибо по видимому дѣйствіями прежняго атамана Авима Филиппова большинство осталось недовольнымъ и не дало ему возможности пожать лавры въ Царицынѣ и Астрахани, куда, какъ мы видѣли, Леонтій Максимовъ отправилъ до 10,000 казаковъ, съ лучшими, болѣе извѣстными старшинами. Выпили зелена вина за здравствованіе великаго государя, за войсковаго атамана и за все донское войско. Стали дѣлить жалованье и по обыкновенію обдѣлили верховыхъ казаковъ. Кругъ шумѣлъ; но большинство состояло изъ низовыхъ казаковъ, оставшихся довольными распоряженіями и дѣлежемъ Лукьяна Максимова. Верховымъ казакамъ приходилось смириться; но досада и злоба накипѣли у нихъ въ сердцахъ.

Верховые, и изъ запольныхъ рѣчекъ (лежащихъ по лѣвому берегу Дона и его притокамъ) казаки понурили головы и возвращались домой, не съ радостными вѣстями, опасаясь, что ихъ въ скоромъ времени сгонять съ насиженныхъ, благодатныхъ мѣстъ и переселять на почтовую дорогу. Стали они думать, какъ бы избѣжать подобной будущности. Посмотримъ, на кого они могли рассчитывать и надѣяться.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Уральскіе казаки и ихъ борьба съ киргизами.—Башкирскій бунтъ.—Запорожья и кошевой атаманъ Гордженко.—Отношенія къ нему Мазепы.—Значеніе каждаго полководца и апогей Карла XII въ 1707 году.—Царь Петръ I подготовляетъ мѣры къ ограженію наступательныхъ дѣйствій Карла XII.—Шведскій король ищетъ союзниковъ въ московскомъ государствѣ.

Конецъ XVII и начало XVIII столѣтій почти не представляетъ борьбы яицкихъ казаковъ противу московскаго правительства ¹⁾. Подчиненіе казаковъ вѣдѣнію казанскаго приказа въ

¹⁾ Рибининъ. «Матеріалы къ географіи и статистикѣ уральскаго казачьяго войска».

1680 году, не касалось внутренняго строя и правъ общины, но ограничивалось по большей части нарядами казаковъ на внутреннія и вѣншія службы. Даже стрѣлцкіе бунты не подняли противъ правительства казачьихъ населеній: ни въ одномъ изъ историческихъ памятниковъ и документовъ, относящихся къ этому событію, мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго. Отбывая государственныя службы, яцкіе казаки въ то же время должны были ограждать себя отъ новыхъ враговъ — киргизовъ, которые вытѣснили около того времени джунгарь, калмыковъ и каракалпаковъ съ занимаемыхъ ими мѣстъ и наводнили все пространство степей отъ сибирскихъ предѣловъ и Сыръ-Дарьи до Каспійскаго моря и р. Урала. Этимъ обстоятельствомъ объясняется недостатокъ сочувствія уральцевъ къ народнымъ стремленіямъ того времени, поднятымъ расколомъ, стрѣлцкими и астраханскимъ бунтами. Киргизы были враги неутомимые, не то, что калмыки и нагайскіе татары, соприкасавшіеся своими кочевьями съ территоріею Дона; киргизы оказывались въ то время безстрашными, настойчивыми и незнавшими усталости въ своихъ набѣгахъ на восточную границу европейской Россіи. Ихъ удалцы (джигиты) соединялись партіями и съ необыкновенною быстротою и искусствомъ, скрывая слѣды свои отъ сторожевыхъ казаковъ, доходили до Яика, гдѣ переправлялись вплавь, бросались въ степи, а оттуда на русскія селенія, грабили ихъ и угоняли скотъ. Быть въ ладу съ ними не было возможности; они сами дробились на множество независимыхъ родовъ, которые вели другъ съ другомъ постоянную борьбу, такъ что дружественныя сношенія съ однимъ родомъ не исключали возможности грабежей со стороны другихъ родовъ. Съ такими-то врагами пришлось выдерживать казакамъ первый бой и они дѣйствительно вели противъ нихъ войну постоянную и ожесточенную, воздавая за набѣги набѣгами, за грабежи — раззореніемъ киргизскихъ кибитокъ и угономъ скота.

Но если яцкіе казаки были не свободны, то и московское правительство не было свободно располагать своими военными силами, сосредоточенными на востокѣ, въ казанскомъ генералъ-губернаторствѣ.

Хотя завоеванія Россіи по Волгѣ, Камѣ и за уральскими горами были быстры и, повидимому, легки, однакоже побѣжденные дивари неравнодушно сносили русское подданство и возмущались при первомъ удобномъ случаѣ, особенно тѣ изъ нихъ, которые, будучи магометанами, смотрѣли на турецкаго султана, какъ на своего естественнаго главу, и ждали отъ него

избавленія отъ христіанскаго ига. Тяжести, павшія на русскихъ людей, вслѣдствіе постройки флота и веденія сѣверной войны противъ Карла XII, косвенно падали и на инородцевъ. Эти тяжести, какъ въ астраханскомъ воеводствѣ, такъ и во всѣхъ отдаленныхъ областяхъ государства, увеличивались чиновническими злоупотребленіями и породили сильное неудовольствіе, которымъ воспользовались сильные люди, желавшіе свергнуть русское иго подъ знаменемъ магометанства.

Съ 1705 года между башкирами обнаружилось сильное волненіе; въ немъ обвиняли уфимскаго комисара, притѣснявшаго башкиръ при сборѣ съ нихъ лошадей для войска и при отысканіи среди нихъ бѣглыхъ рекрутъ. Въ 1707 году уфимскій же башкирецъ, назвавшись султаномъ, ѣздилъ въ Константинополь и Крымъ просить помощи дѣлу единовѣрцевъ, потомъ пробрался на Кубань, оттуда къ горскимъ народамъ и прельстилъ ихъ, выдавая себя за святаго и за султана башкирскаго. Горцы—чеченцы провозгласили его своимъ владыкою. Скоро пристали къ нему кумыки, аграханскіе казаки-раскольники и терскіе татары. Въ началѣ 1708 года султанъ-самозванецъ подошелъ къ терской крѣпости, сжегъ слободы и острогъ. Терскій воевода, Романъ Вельяминовъ, послѣ долгаго сопротивленія, долженъ былъ уйти въ верхній городъ, гдѣ и былъ осажденъ врагами. Русское правительство отправило къ Терску моремъ 1,200 солдатъ, да степью нѣсколько сотъ вѣрныхъ татаръ и 3000 калмыковъ. 26 февраля это войско напало на непріятеля подъ Терскомъ и разбило его на голову; самъ раненый султанъ былъ взятъ въ плѣнъ. Но этимъ дѣло не кончилось; поднялись горскіе народы для общаго магометанскаго дѣла, они успѣли переписаться съ башкирами и въ 1707 году вся Башкирія заволновалась.

Волненіе было тѣмъ опаснѣе, что у возставшихъ явился глава, назвавшійся ханомъ. Для поимки этого хана, 16 ноября 1707 года, изъ Уфы посланъ былъ въ башкирскія волости отрядъ въ 900 человекъ; съ нимъ отправились и башкиры, неприявшіе къ бунту. Съ другой стороны, отъ Казани, на помощь къ Уфѣ, шли конные отряды и пѣшія команды. Во время боя, башкирцы, бывшіе при отрядахъ, измѣнили и, соединясь съ своими, окружили правительственныя войска въ степи, гдѣ морили ихъ десять сутокъ, не давая имъ ни пить, ни ѣсть, ни спать, а когда русскіе люди обезумѣли отъ голоду и бессонницы, воры пробились черезъ обозъ, побили и взяли въ плѣнъ

400 человекъ; остальные же 500—успѣли пробиться и соединиться съ войсками, высланными изъ Казани въ Уфу.

Мятежъ разгорался болѣе и болѣе. Русскія села и деревни запылали. Обязанность усмирить возстаніе была возложена на воеводу князя Хованскаго. Царь, какъ и въ астраханскомъ бунтѣ, требуетъ употребленія кроткихъ мѣръ. 2 февраля 1708 г. Хованскій послалъ изъ Казани толмача для переговоровъ съ башкирами. Последніе, на сдѣланные имъ вопросы о бунтѣ, отвѣчали: «все это они дѣлаютъ для того, чтобы великому государю подлинно учинилось извѣстно: потому что напередъ сего къ нему, государю на Москвѣ на прибыльщиковъ о всякихъ своихъ нуждахъ посылали они своихъ челобитчиковъ, и тѣ ихъ челобитчики были переиманы и биты кнутомъ, а иные перевѣшаны... и чтобы великій государь пожаловалъ, велѣлъ съ нихъ башкирцевъ, татаръ, вотяковъ и черемисовъ, для ихъ скудости новонакладную прибыль снять и они отступать и пойдутъ въ дома свои».

Давъ такой отвѣтъ, мятежники пошли дальше и во второй половинѣ февраля стояли уже въ 30-ти верстахъ отъ Казани. Въ Казанскомъ уѣздѣ, между Камою и Волгою и за Камою, русскія и вотяцкія селенія почти всѣ были разорены, а люди побиты и взяты въ плѣнъ.

Но остановимся пока на этомъ и обратимся къ Запорожью и Малороссіи. Было ли и здѣсь спокойно?

Днѣпровская долина представляетъ и понынѣ обильное пространство лѣсовъ, камышей и болотъ, прорѣзанныхъ множествомъ рукавовъ Днѣпра, въ которыхъ можно запутаться, тогда какъ на Бугѣ и Днѣстрѣ нѣтъ такихъ удобныхъ для упорной обороны мѣстностей. Поэтому немудрено, что главное пребываніе Запорожья или низоваго войска, извѣстное подъ именемъ Сѣчи, было на Днѣпрѣ и, по свидѣтельству исторіи, Сѣчь нѣсколько разъ перемѣняла свое мѣсто.

Со времени соединенія южной Руси съ Москвою, въ силу присяги, данной гетманомъ Украйны Богданомъ Хмѣльницкимъ, 8 января 1654 года и Сѣчь запорожская дала присягу на подданство царю московскому. Съ этихъ поръ исторія Сѣчи тѣсно связана съ исторіею Малороссіи; но собственно степи остаются еще чуждыми всякаго политическаго значенія.

Обращаясь къ писателямъ и картамъ этого періода¹⁾, встрѣчаемъ указаніе, что степи между Бугомъ и Днѣстромъ при-

¹⁾ Шмидтъ, «Матеріалы для географіи и статистики Херсонской губерніи».

надлежали Едисанской ордѣ, находившейся въ зависимости отъ хана крымскаго, но болѣе номинальной, чѣмъ дѣйствительной. Степи же, болѣе обширныя, лежавшія по лѣвую сторону Буга до Днѣпра, обозначались на картахъ землею войска запорожскаго, иногда Едисанской орды, а иногда и тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, безъ означенія какихъ либо границъ между ними. Извѣстно только, что Едисанская орда, — подобно ногайской, по отношенію къ донскимъ казакамъ, — была предметомъ глубокой ненависти запорожцевъ, и что между ними происходили ожесточенныя сшибки. Присутствіе же кочевниковъ на Днѣпрѣ и Бугѣ показываетъ, что пространство между этими рѣками могло быть опаснымъ для татарскихъ кочевниковъ, тѣмъ болѣе, что запорожцы, на основаніи польскихъ жалованныхъ грамотъ, считали всю эту землю своею «вольностью» и вообще внезапныхъ другихъ грамотъ не признавали, почему и считали своимъ долгомъ не пускать на свои земли враждебныхъ имъ татаръ. Устья Днѣпра считались владѣніемъ крымскихъ хановъ и противъ того мѣста, гдѣ находится нынѣшній городъ Бериславъ, были воздвигнуты четыре крѣпости, и двѣ на островѣ, построенныя послѣ чигиринской битвы (1678). На пространствѣ между крѣпостями были протянуты черезъ Днѣпръ цѣпи для загражденія свободнаго плаванія запорожцамъ, принужденнымъ пробираться въ море подъ выстрѣлами изъ крѣпостныхъ пушекъ.

Въ 1680 году между Турціею и Россіею было заключено перемиріе на 20 лѣтъ, по которому Турція уступила Россіи Запорожье, котораго она прежде домогалась, и обѣщала не строить крѣпостей въ заднѣпровскихъ степяхъ. Такъ началось первое наступательное движеніе Россіи въ степи нынѣшней Херсонской губерніи.

Здѣсь же замѣтимъ, что запорожцы считали своимъ все пространство отъ Днѣстра до Калміуса и даже до Міуса; однако же пространство между двумя послѣдними рѣками постоянно оспаривалось донскими казаками и окончательно утверждено за ними лишь въ царствованіе императрицы Елисаветы, въ 1746 году.

Въ описываемое нами время, запорожцы не хотѣли признавать никакихъ трактатовъ, отнимавшихъ или ограничивавшихъ ихъ вольности, т. е. владѣнія, а потому стычки между крымцами и запорожцами были постоянныя, и жалобамъ со стороны обѣихъ правительствъ и неудовольствіямъ не было конца. Царь Петръ стремился болѣе положительнымъ трактатомъ означить границу земель съ ханствомъ крымскимъ, дабы дерзкіе набѣги

татаръ не смѣли переходить условленную черту. Въ 1705 г. царемъ посланъ былъ для того думный дьякъ Емельянъ Украинцовъ, который съѣхался въ степяхъ на Бугѣ съ турецкимъ вомисаромъ и они учинили «межевую запись, постановленную у р. Буга». Этимъ документомъ граница опредѣлилась и юго-западный уголъ днѣпровско-бугской части нынѣшней Херсонской губерніи уступался подъ вочевья татаръ. Разумѣется, запорожцевъ, въ данномъ случаѣ свѣдущихъ людей, не спросили, и такъ какъ одновременно само московское правительство стало препятствовать казакамъ производить ихъ смѣлыя, удалые поиски на Черномъ морѣ, то запорожскіе казаки стали выражать неудовольствіе противъ Петра, а прежде всего противъ распоряженій гетмана Малороссіи Мазены, дѣйствовавшаго пока согласно видамъ московскаго правительства. И въ Запорожьѣ, какъ на Дону, не борода и нѣмецкое платье оттолкнули временно казаковъ отъ Петра, а нарушеніе царемъ ихъ казачьихъ матеріальныхъ преимуществъ и въ особенности земельныхъ довольствій, которыя казаки, шагъ за шагомъ, отнимали отъ татаръ. Прежніе московскіе государи также заключали трактаты съ Турціею о сводѣ казачьихъ городковъ и о недозволеніи донцамъ и запорожцамъ гулять по Черному морю; но подобныя трактаты оставались мертвою буквою и, фактически, казаки сами вели наступательное движеніе по кавказскимъ предгорьямъ, со стороны Дона, и по Дунаю, со стороны Днѣпра и южнаго Буга. Царь Петръ, рѣшившись ввести Россію въ систему европейскихъ государствъ, стремился также исполнять буквально трактаты, а такъ какъ послѣдніе не согласовались, ни съ традиціями русскаго народа, ни съ нравами, обычаями и военными воззрѣніями донскихъ и запорожскихъ казаковъ, то нечего удивляться, что казаки стали противодѣйствовать московскому правительству. Великій государь употребляетъ несмѣланное для казаковъ дѣло: помогаетъ басурманамъ противъ русскаго народа. Усиленіе крѣпости Азова на Дону, возведеніе крѣпости Каменнаго Затона на Днѣпрѣ прямо указывали прежнимъ лыцарямъ, что русскій царь не желаетъ болѣе услугъ казачества на Черномъ морѣ, а стремится лично, съ созданными имъ регулярными войсками, потѣшными полками, побороть всѣхъ враговъ Россіи. Мы уже представили картину неудачнаго наступательнаго движенія царя Петра къ предѣламъ Турціи и еще болѣе неудачнаго созданія Петромъ; вмѣсто народнаго—казачьяго, своего правительственнаго флота. Слѣдовательно, нечему удивляться, что донскіе и запорожскіе казаки, выполнявшіе охотно повелѣ-

нія царя Алексѣя Михайловича содѣйствовать наступательному движенію Польши въ предѣлы нынѣшнихъ приднѣвскихъ княжествъ, въ царствованіе Петра, въ самый тяжелый моментъ для русскаго государства, когда Карлъ XII вторгается въ предѣлы Россіи, поднимаются бунтомъ противъ самого царя. Въ данномъ случаѣ и первый разъ въ исторіи Дона, донскіе казаки скрѣпляютъ союзъ, дабы одновременно дѣйствовать противъ самого государя Россіи. Но взглянемъ на болѣе мелкіе историческіе факты описываемой эпохи, насколько они касаются Запорожья.

Въ началѣ XVIII столѣтія Мазепа слалъ письмо за письмомъ о запорожскихъ поведеніяхъ: «зломъ намѣреніи проклятыхъ запорожцевъ». «Не такъ страшны они, запорожцы, ибо малое ихъ собраніе, и не такъ страшны пересылки съ ними крымскаго хана, какъ то зѣло разсуждати надобно, что чуть не вся Украина тѣмъ же запорожскимъ духомъ дышетъ, понеже обыкновенность та, что народъ посполитый своеюлю любитъ и всякій подъ властію пребывающій желаетъ оной надъ собою не имѣти». Мазепа доносилъ также, что запорожцы заключили союзъ съ ханомъ крымскимъ, будучи особенно недовольны тѣмъ, что подлѣ нихъ царь строитъ крѣпость Каменный Затонъ. Для объясненія по этимъ дѣламъ въ гетману поѣхалъ знаменитый прибыльщикъ (министръ финансовъ) Курбатовъ, и Мазепа объявилъ ему, что въ Каменный Затонъ необходимо тотчасъ же прислать два или три полка доброй пѣхоты; задержанныхъ въ Москвѣ запорожцевъ и жалованье прислать къ нему, гетману, или въ Сѣвскъ, чтобы можно было отослать ихъ немедленно въ Запорожье, если казаки усмирятся, а уже послѣ думать, какъ наказать ихъ за прежнія преступленія. Изгнать запорожцевъ изъ жилищъ ихъ, или привести въ совершенную покорность трудно: во 1-хъ потому, что, если сядутъ въ Сѣчѣ, въ числѣ 5,000, то идти на нихъ нужно генеральною войною, что нынѣ невозможно, а бѣлгородскимъ разрядомъ ихъ не прогнать; во 2-хъ, имъ будетъ помощь отъ хана; въ 3-хъ, если, испугавшись большого войска, выйдутъ изъ Сѣчи, то пойдутъ во владѣнія хана, поселятся на Кардашинѣ, внизъ Днѣпра къ морю, или въ пристояхъ, пущее разореніе стануть чинить и другіе будутъ къ нимъ перебѣгать; а что турки хотятъ войны—это ясно, потому что безъ ихъ позволенія ханъ не заключилъ бы съ запорожцами союза».

Предложеніе было принято; задержанные запорожцы были отпущены въ Сѣчъ. На Запорожье поѣхалъ стольникъ Протасьевъ

съ жалованьемъ и съ требованіемъ, чтобы запорожцы присягнули на вѣрность великому государю. Казаки объявили Протасьеву, что имъ креста цѣловать не для чего, потому что они государю крестъ цѣловали прежде и потомъ не измѣняли; хану крымскому никогда не присягали и посылали къ нему, не для измѣны, а для того, что прежде имъ всегда было извѣстно объ отправленіи посланниковъ изъ Москвы къ туркамъ и въ Крымъ, а теперь они ни о чемъ не знаютъ: ходятъ послы изъ Москвы и отъ гетмана въ Турцію и въ Крымъ мимо Сѣчи; для того они и посылали въ Крымъ, чтобы подлинно обо всемъ освѣдомиться. Протасевъ настаивалъ, чтобы цѣловали крестъ.

— Присягнемъ тогда, отвѣчали запорожцы, — когда великій государь приважетъ снести Каменный Затонъ и подтвердить грамотою права наши на земли по Днѣпру и Самарѣ.

Всѣ старанія привести ихъ къ присягѣ оставались тщетными. По этому случаю Мазепа писалъ Головину: «Вижу, дондеже того проклятаго пса кошеваго Кости Гордѣенко не станеть, по тѣхъ мѣстъ не надѣяться къ твердой и всецѣлой отъ запорожцевъ вѣрности. Не знаю, какой другой изобрѣсти способъ, дабы дни его прекратить. Нынѣ паки пишу къ желательнымъ моимъ въ Сѣчъ, желая, чтобы смысался и поднялся такой человекъ, дабы его проклятаго пса не стало». Царь приказалъ Мазепѣ пріѣхать въ Москву, а до тѣхъ поръ не дѣлать запорожцамъ никакихъ насилій.

Однакоже, хотя и временно, желаніе гетмана исполнилось. Въ іюлѣ 1703 года онъ писалъ Головину: «Слава Господу Богу! радѣніемъ и неуспыннымъ стараніемъ проклятый песь Костя кошевой, если не испустилъ проклятой души своей, то по крайней мѣрѣ съ кошества съ безчестіемъ свинуть; все войско на него возстало за то, что знался съ разбойниками и добычу у нихъ бралъ, и если-бы изъ Сѣчи въ дугъ не ушелъ, то конечно не былъ бы живъ. Послѣ сего побѣга выбрали въ кошевые Герасима Крысу и теперь можно надѣяться, что войско низовое будетъ въ надлежащемъ великому государю послушаніи». Но радость гетмана была непродолжительна; въ сентябрѣ онъ уже писалъ Головину: «Запорожцы своимъ желательствомъ ко мнѣ вновь отозвались; не только бѣдныхъ людей селитренныя майданы, нечаянно напавъ, разорили, но и мой гетманскій до основанія снесли и учѣнили мнѣ убытку на 8,000 рублей. Не знаю, что съ такими бездушниками дѣлать, понеже ихъ никакимъ способомъ, ни милостью, ни дѣлами, ни вольностью, не можно усмирить. Новый кошевой сокрушается, что не ме-

жесть исполнить своего обѣщанія, даннаго въ Москвѣ и въ Батуринѣ; со всѣхъ сторонъ пребывающее гультайство надъ постояннымъ, добрымъ товариществомъ взяло силу и похваляется Новобогородицкій и другіе городки раззорять».

Въ декабрѣ новыя вѣсти. Герасима Брысу смѣнили и на его мѣсто вновь выбрали Костю Гордѣенка, который въ 1704 г. прямо объявилъ царскому посланцу:

— Каменно-затовскій воевода Шеншинъ чинить намъ всякія обиды; лошадей отнимаетъ; меня и войско бранить и называетъ своими рабами; всячески угрожаетъ; говоритъ, будто солдаты, бѣгая изъ Каменнаго Затона, живутъ у насъ на Сѣчѣ. У насъ такихъ бѣглыхъ солдатъ въ Сѣчѣ нѣтъ, а хотя бы и были, то у насъ издревле такое поведеніе: кто придетъ, гѣхъ и принимаемъ, и кто захочетъ, тотъ у насъ живетъ. Да онъ же, воевода, присылаетъ на кошь людей своихъ для провѣдыванія, чтѣ между нами чинится, а у насъ мало ли какіе есть пьяные казаки; говорятъ, кто что хочетъ, и того слушать у нихъ нечего. Да онъ же, воевода, держитъ нашего запорожскаго казака въ колодахъ безвинно. И если онъ, воевода, и впередъ будетъ дѣлать такъ, то намъ уже терпѣть больше будетъ нельзя; чтобы отъ его злыхъ поступковъ не учинилось какого возмущенія, которое можетъ обхватить и весь сѣверъ; не возмутить бы этимъ и всю малую Россію.

Прошелъ годъ, а у Мазепы тѣ же отписки. 8 Января 1705 года гетманъ писалъ Головину: «Запорожцы, ни послушанія, ни чести мнѣ не отдадутъ; что мнѣ дѣлать съ этими собаками? А все то происходитъ отъ проклятаго пса кошеваго, который такую въ себѣ хитрость имѣетъ, что всегда, собравъ къ себѣ сначала атамановъ, привѣтно говорить; потомъ раду собираетъ, въ которой будучи наполненъ его духомъ, кричать и говорить то, что онъ имъ приказываетъ».

Въ Запорожьѣ, пишетъ Соловьевъ,—благодаря Каменному Затону созрѣла вражда къ Москвѣ, вражда эта могла быть потушена, не обѣщаніемъ лишняго жалованья, а срытіемъ этой твердыни, вмѣстѣ съ самарскими крѣпостями. Но на это не могъ согласиться царь, уже увѣренный въ полномъ спокойствіи на Дону, благодаря укрѣпленію Азова. Для полного освѣщенія рисуемой нами исторической хроники, мы не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ о главномъ дѣйствующемъ лицѣ той эпохи, шведскомъ королѣ Карлѣ XII.

Ни одна слава не имѣетъ такого обаянія, какъ слава даровитаго и счастливаго полководца. Предъ военною славою пре-

клоняются всё—съ самыхъ нижнихъ ступеней до корованныхъ особъ. Геніальному полководцу, соединяющему въ одну дунгу, въ единую мысль, сердца сотни тысячъ солдатъ, уже нетрудно привлечь на свою сторону миліоны народа, такъ какъ послѣдній обыкновенно разъединенъ своими разнообразными интересами. Передъ побѣдителемъ падаютъ ницъ всё—мужчины, женщины, дѣти. Побѣжденные встрѣчаютъ его колѣнопреклоненными, союзные народы простираютъ къ нему руки съ вѣнками и букетами цвѣтовъ, а подобное умиленное зрѣлище невольно увлекаетъ массы. Но истинно великихъ полководцевъ—диктаторовъ было немного. Въ древнее время Александръ Македонскій и Цезарь, въ среднее—Карлъ Великій и въ настоящее столѣтіе—Наполеонъ I. Всѣ четверо, будучи военачальниками и диктаторами, обладали разнообразными человѣческими знаніями, и военный геній, давшій имъ обаяніе, составлялъ лишь одно, хотя и главное звено въ цѣпи ихъ разнообразныхъ способностей. Но даже и одинъ военный талантъ, безъ придачи другихъ знаній, можетъ дѣйствовать на массы, въ особенности, если подобный талантъ соединенъ съ корованною личностью, привыкшею къ самодержавному управленію. Въ послѣднемъ положеніи находился Карлъ XII, король шведскій, въ описываемое нами время, въ 1707 году. Въ началѣ помянутаго нами года всё преклонялись предъ королемъ-полководцемъ, обладавшимъ къ тому же вполне рыцарскими достоинствами: щедростью, неутомимостью и цѣломудріемъ. Передъ Карломъ XII заискивали министры и полководцы Франціи, Австріи, Венгріи и Бранденбурга. Знаменитый Мальборо пріѣзжалъ поклониться ему, какъ новой военной звѣздѣ, приводя въ своей привѣтственной рѣчи, что и сама императрица Германіи, не будь она женщина, явилась бы заявить свое удивленіе и восторгъ передъ вѣнчанымъ военнымъ геніемъ. Враги Карла XII и союзники русскаго царя Петра—короли датскій и саксонскій, трепетали не только за свои послѣднія пріобрѣтенія, но и за наслѣдственныя земли. Августъ саксонскій уже отказался отъ польской короны; однако же король шведскій не согласился принять на себя обузу управленія Рѣчью Посполитою, указавъ полякамъ на своего любимца Станислава Лещинскаго и прибавивъ, что онъ завоевываетъ царства, чтобы ставить въ нихъ государей по собственному усмотрѣнію. И на самый московскій престолъ онъ намѣревался посадить своего кандидата.

Таково было положеніе Карла XII относительно русскаго
Кн. I.—Январь, 1882.

царя, оставленнаго въ 1707 году безъ союзниковъ и обязаннаго разсчитывать на однѣ собственныя силы.

Въ началѣ 1707 года, какъ мы сказали, военная слава Карла XII была въ апогеѣ. Отмѣтимъ главные факты Сѣверной войны этого періода.

Въ срединѣ 1706 года, Петръ I, не зная о походѣ шведскаго короля въ Саксонію, боялся за Кіевъ и приказалъ Меншикову двинуться къ этому, дорогому для Россіи, городу: 4 Іюля въ Кіевъ пріѣхалъ самъ царь и 15 августа заложилъ крѣпость около Печерскаго монастыря. Постройку ея должны были принять на себя малороссійскіе казаки.

Между тѣмъ Карлъ XII не встрѣтилъ въ Саксоніи ни малѣйшаго сопротивленія. Все бѣжало, что только могло бѣжать; оставшіеся были обложены тяжелыми податями въ пользу Швеціи. Король Августъ тщетно надѣялся, что другія державы не позволятъ Карлу вступить въ Саксонію и тѣмъ нарушить нейтралитетъ Германіи.

Много, по обмѣновенію, было представленій на словахъ и на бумагѣ, но никто не смѣлъ тронуться противъ непобѣдимаго шведскаго героя. 13 августа 1706 года тайно былъ подписанъ договоръ уполномоченными съ обѣихъ сторонъ: Августъ отказывался отъ польской короны, признавалъ польскимъ королемъ Станислава Лещинскаго, прерывалъ союзъ съ русскимъ царемъ, выдавалъ Паткуля и русскихъ солдатъ, находившихся въ Саксоніи.

Со стороны Россіи всѣ дипломатическія средства были употреблены для пріобрѣтенія посредниковъ при заявленіи мира, съ условіемъ сохраненія Петербурга; но дипломатическія средства не дѣйствовали. Въ Польшѣ всѣ дѣла шли, «какъ молодая брага», по выраженію Петра. Пришлось возложить войну на однѣ русскія плечи, и съ первыхъ же дней 1707 года царь распоряжается приготовлениями къ оборонѣ. 4 января Петръ писалъ къ Апраксину: «Уже вамъ то подлинно извѣстно, что сія война подъ однимъ нами осталась: того для, ничто таеъ надлежитъ хранить, яко границы, дабы непріятель, или силою, а паче лукавымъ обманомъ не впалъ и внутренняго разоренія не принесъ».

На счетъ обороны малороссійской границы, Петръ писалъ гетману Мазепѣ 24 января: «Надлежитъ вамъ вящее приготовленіе и осторожность имѣть, чтобы заранѣе къ походу изготовиться и чтобы по самой первой травѣ въ маѣ подъ Кіевомъ стать, какъ для совершенія начатой фортеціи, а паче для обо-

роны отъ непріятеля своихъ краевъ... что конечно намѣренъ въ первыхъ числахъ мая идти къ нашимъ краямъ, чего для надлежитъ вѣнее приготовленіе въ войскахъ имѣть, и понеже можете знать, что войско малороссійское нерегулярное и въ полѣ противъ непріятеля стать не можетъ, того для совѣтую вамъ довольное число лопатъ и заступовъ вѣлѣть ваять съ собою, такожъ и добрую полевую артилерію, дабы возможно у Днѣпра, въ удобныхъ мѣстахъ, шанцами или окопами укрѣпиться и тѣмъ возбранить непріятелю ходъ въ свою землю».

Войско было пополнено новымъ наборомъ. Какъ прежде искали всюду денегъ для кораблестроенія, такъ теперь отыскивали людей, чтобы включить въ составъ арміи.

Карлъ XII давалъ время распоряжаться русскому царю. Была даже надежда, что онъ завязнетъ въ Германіи, гдѣ завелъ споръ; однакоже всё ему уступали; все передъ нимъ, признаннымъ военнымъ гениемъ, преклоналось. Только въ августѣ 1707 года шведское войско двинулось изъ Саксоніи. Оно имѣло отличный видъ: народъ былъ сытый, отлично обмундированный и вооруженный. При королѣ находилось 24,500 человекъ конницы и 20,000 пѣхоты. Кромѣ того, въ Лифлянді стоялъ Левенгауптъ съ 16,000, а въ Финлянді Либекеръ съ 14,000 войска; оба были наготовѣ, чтобы по первому приказу вступить въ русскіе предѣлы. Немудрено, пишетъ Соловьевъ, что при тѣхъ средствахъ, въ головѣ Карла составлялись самыя смѣлыя планы: онъ говорилъ, что заключить съ Россією миръ по-саксонски; онъ стремился свергнуть Петра съ престола и на его мѣсто возвести принца Якова Собѣжскаго.

Карлъ XII надѣялся, что ему поможетъ неудовольствіи на Петра въ Россіи. Еще въ концѣ 1706 года онъ сказалъ германскому посланнику, что скоро хочетъ навѣстить варваровъ въ Москвѣ, потому что въ Москвѣ многіе князья ему преданы.

Однакоже проявлялись уже симптомы и противъ побѣдоноснаго шведскаго короля. Изъ Вѣны имѣлись извѣстія, что шведы идутъ нехотя и сами говорятъ, что совсѣмъ отышли отъ войны послѣ продолжительнаго покоя и роскошнаго житія въ Саксоніи. Нѣкоторые уже предсказывали побѣду царю. Другіе говорили, что хотя менѣе славы, но болѣе безопасности, если Петръ выведетъ свои войска изъ Польши и будетъ ослаблять силы непріятельскія частыми стычками, внезапными наѣздами казачьихъ полковъ и разными военными хитростями. Петръ до времени отказался отъ славы, началъ такъ называемую малую

войну и въ данномъ случаѣ поступилъ какъ мудрый полководецъ, ибо дѣйствовалъ сообразно обстоятельствамъ.

Получивъ извѣстіе о приближеніи шведовъ, Меньшиковъ выступилъ изъ Польши въ Литву и расположился съ кавалеріею въ Дзенцолахъ, а фельдмаршалъ Шереметевъ съ пѣхотою остановился въ Минскѣ. Послѣ военнаго совѣта въ мѣстечкѣ Меричѣ, Петръ распорядился, чтобы въ польскихъ владѣніяхъ отнюдь не давать генеральной битвы, а стараться заманивать непріятеля къ своимъ границамъ, вреда ему при всякомъ удобномъ случаѣ, особенно при переправахъ черезъ рѣки.

Ждали, что король шведскій быстро пройдетъ владѣнія своего посаженника Станислава Лещинскаго и немедленно вторгнется въ Россію; но, къ всеобщему удивленію, Карлъ четыре мѣсяца выстоялъ въ бездѣйствіи на берегу Вислы. Шведы, привыкшіе къ роскошному житію въ богатой Саксоніи, начали хозяйничать въ бѣдной Польшѣ, хватая все, что только могли захватить. Карлъ смотрѣлъ на грабительство солдатъ своихъ сквозь пальцы. Станиславъ Лещинскій горько жаловался, что шведы обижаютъ его подданныхъ такъ же немилосердно, какъ и русскіе; но на его жалобы не обращалось вниманія. Французскій посланникъ, находившійся при Карлѣ, доносилъ своему двору, что шведы питаютъ къ полякамъ глубочайшее презрѣніе и не считаютъ ихъ достойными какого-либо вниманія. Самъ король шведскій былъ такъ возмущенъ поведеніемъ поляковъ, что не считалъ ихъ достойными никакой награды, ни относительно цѣлаго государства, ни относительно отдѣльныхъ лицъ.

Однако же не совсѣмъ бесполезно проводилъ Карлъ свое время въ Варшавѣ. Чтобы сломить окончательно московскаго царя, король шведскій искалъ союзниковъ въ самой Россіи. Хотя онъ и хвалился, что имѣлъ приверженцевъ между родовитыми русскими казаками; но историческіе документы этого не подтверждаютъ. Какъ бы то ни было, но дѣйствительно Карлъ XII намѣтилъ себѣ союзника, весьма опаснаго для московскаго государя. То былъ распорядитель земель, лежащихъ по Днѣпру, гетманъ Малороссіи, Иванъ Степановичъ Мазепа.

Н. Красновъ.

(Продолженіе будетъ).

СМЕРТЬ ПАТРИАРХА ГЕРМОГЕНА.

Обездолена крамолой,
Въ безднѣ смуты утопал,
Какъ корабль, гонимый бурей,
Погибаетъ Русь святая.

На Москвѣ пануютъ ляхи,
И измѣной безпримѣрной
Нагло избранъ ужъ на царство
Королевичъ иновѣрный;

И засѣвъ въ Кремлѣ, поляки
И измѣнники-бояре
Шумно, весело гуляютъ,
Словно въ бѣшеномъ угарѣ.

Вдругъ неожиданное извѣстье.
Все въ испугѣ, все въ смущеньи!
Нижній Новгородъ поднялся!..
Собрался ополченье!..

Князь Пожарскій воеводой
Выбранъ цѣлою землею,
И съ могучей земскою ратью
Скоро будетъ подъ Москвою!..

Истомленного страданьемъ,
 Въ узахъ тягостнаго плѣна,
 Непощадно мучать яхи
 Патриарха Гермогена,

Вымогая, чтобъ святитель,
 Грознымъ пастырскимъ прещеньемъ,
 На Москву низовой рати
 Задержалъ бы наступленье.

Но безсильны надъ владыкой
 Все, и лесть, и истязанье.
 Шлетъ святитель вѣрной рати
 Не запретное посланье,

А въ глазахъ враговъ смущенныхъ
 Онъ ее благословляетъ,
 И помочь ей благодать Божью
 Со слезами умоляетъ.

Изможденъ святитель пыткой,
 Истопились старца силы
 И предъ нимъ ужъ ангелъ смерти
 Отворяетъ дверь могилы.

Но душа его святая,
 На порогѣ самомъ рая,
 Все болѣетъ и томится
 О судьбѣ роднаго края.

И въ предсмертной агоніи,
 Помертвѣлыми устами,
 Все о немъ онъ молить Бога,
 Молить жарко, со слезами.

Вдругъ подвалъ сырой и смрадный,
 Гдѣ въ оковахъ онъ томился,
 Преисполнясь омиамомъ,
 Чуднымъ свѣтомъ озарился.

И предсталъ предъ страсотерпцемъ,
 Убѣленный сѣдинами,
 Въ черной инова одеждѣ,
 Нѣвый старецъ, ветхій днями.

И прозрѣнемъ духа свыше,
 Умирающій святитель
 Угадалъ, кто сей, неожиданный,
 Не отъ міра посѣтитель.

Былъ то Сергій преподобный,
 Радонежскій чудотворецъ,
 Вѣстникъ милости Господней,
 Божьей правды ратоборецъ,

Неустанный, неумолчный,
 Передъ благостью небесной,
 За святую Русь предстатель
 И молитвенникъ болѣзный,

Кто своимъ благословеньемъ,
 Въ пору бѣдствія инаго,
 Укрѣпилъ на бой съ Мамаемъ
 Князя Дмитрія Донскаго.

— «Миръ тебѣ, мой братъ о Богѣ!
 Кротко молвилъ гость чудесный,—
 Услыхалъ твою молитву
 Сердцевѣдецъ Царь Небесный.

На твое, за Русь родную,
 Призирая сокрушенье,
 Принести тебѣ Онь, брате,
 Мнѣ дозволилъ утѣшенье.

Шлетъ тебѣ Онь благовѣстье:
 Отжени тоску сомнѣнья;
 Не погибнетъ Русь святая,
 Близокъ часъ ея спасенья!

Не погибнетъ Русь святая,
 Врагъ надъ ней не вознесется.
 Сила земская возстала—
 Братъ мой, вѣруй! Русь спасется!

Эта сила Русь во вѣки
 Не продать и не обманеть,
 Эта сила скоро, скоро
 Подъ Москвою грозно станеть,

Грозно схватится съ врагами,
 И пробьетъ въ Москвѣ дорогу,
 И въ Кремлѣ завѣтномъ скоро
 Грянетъ «Слава въ вышнихъ Богу!»

Сокровенны для живущихъ
 Тайны Божья провидѣнья,
 Но тебѣ Господь, въ часъ смертный,
 Посылаетъ откровенье:

Аки золото въ горнилѣ
 Огнь палящій очищаетъ,
 Каеъ булатъ на наковальнѣ
 Подъ ударами крѣпчаетъ,

Каеъ въ природѣ бури, грѣзы,
 Сокрушая то, что хило,
 Возбуждаютъ, укрѣпляютъ
 Все, что здраво, въ чемъ есть сила.

Таеъ, въ путяхъ Непостижимый,
 Днями скорби и страданья
 Воспитуетъ Богъ народы
 На великое призванье.

Братъ мой, внемли! возвѣщаю
 Волю Господа святую!
 Ждетъ удѣлъ великій въ мѣрѣ
 Нашу родину земную.

Будетъ время, средь народовъ,
Русь высоко вознесется,
Но тяжелыми путями
Пробиваться ей придется.

И не разъ еще случится
Ей извѣдать горе злое,
Гнетъ неволи и безправья,
Горе смуты и крамолы,

Пришлыхъ хищниковъ обиды,
Скорби всяческой невзгоды;
Будутъ грозно подыматься
На нее войной народы.

Устроить ей будутъ ковы,
Зломъ иль завистью объаты,
И свои лихіе люди,
И чужіе супостаты.

И не разъ казаться будетъ,
Что, подъ гнѣтомъ бѣды и горя,
Краю нашему родному
Не отбиться въ этомъ спорѣ,

Не изжить ему бездоля
Выше силы, выше мѣры;
Возликують супостаты,
Усомнятся маловѣры.

Но и въ черную годину,
Посреди борьбы неравной,
Не погибнетъ Русь святая
И народъ нашъ православный.

И съ враждою, и съ бѣдою
Онъ управится стумѣть;
Все онъ, стойкій, переможетъ,
Все онъ, крѣпкій, одолѣетъ.

И дождется, и добьется
 Онъ, за всё свои невзгоды,
 Царства свѣта, царства правды,
 Царства мира и свободы!»

Смолкнулъ Божій благовѣстникъ,
 Скрылось чудное видѣнье.
 Старецъ взоръ возвелъ на небо
 И воскликнулъ въ умиленьи:

— «Русь не сгинетъ! Русь спасется!..
 Боже благодати великой!
 Отпущаеши Ты съ миромъ
 Нынѣ, Господи Владыко,

Своего раба; прими же
 Ты его въ свою обитель!»
 И почилъ съ послѣднимъ словомъ
 Успокоенный святитель.

М. Розенгеймъ.

МЕХАНИЧЕСКІЯ ОСНОВЫ ПРОЦЕССОВЪ РАЗМНОЖЕНІЯ.

Природа не представляетъ намъ ни одного акта творенія; она есть вѣчное продолженіе.
Клодь Бернаръ.

I.

Общія замѣчанія.

«Рожденіе организованныхъ существъ есть величайшая тайна органической экономіи и всей природы», говоритъ Кювье въ введеніи къ своей «Исторіи животнаго царства».

«Тайна рожденія не болѣе темна, чѣмъ всѣ другія тайны жизни, но и не менѣе», говоритъ Клодь Бернаръ¹⁾.

Дѣйствительно, прошло уже то время, когда «фактъ появленія новаго существа, рожденнаго или вообще произведеннаго какимъ бы то ни было образомъ», считался совершенно изолированнымъ, отдѣльнымъ отъ всѣхъ другихъ жизненныхъ проявленій, когда въ немъ видѣли «созидающую силу инаго, высшаго порядка».

Если еще Кювье могъ признавать «рожденіе организованныхъ существъ величайшею тайною», то, въ настоящее время, очень хорошо уже извѣстно, что «явленія происхожденія жизни не имѣютъ другой сущности и не окружены болѣе непрони-

¹⁾ Клодь Бернаръ, «Курсъ общей физиологіи». Жизненные явленія, общія животнымъ и растеніямъ. Перев. съ французскаго. С.-Петербургъ, 1878, стр. 52.

цаемымъ мракомъ, чѣмъ всѣ другія проявленія органической экономіи и всей природы». Если рожденіе существъ и поддержаніе ихъ существованія могло прежде разсматриваться принадлежащими къ «различнымъ порядкамъ», то нынѣ мы знаемъ уже, что явленія эти, по своему происхожденію, однородны; что «одинъ и тотъ же законъ управляетъ и проявленіями жизни, которая начинается, и жизни, которая поддерживается,—это законъ развитія». Его мы находимъ всюду: онъ опредѣляетъ собою возникновеніе органической жизни, онъ же обуславливаетъ собою всѣ послѣдовательныя, преемственныя измѣненія этой многосложной жизни. И нѣтъ ни одного факта, нѣтъ ни единого даннаго, который позволялъ бы признать, что явленія размноженія не входятъ въ эту цѣпь, что происхожденіе и рожденіе организованнаго существа дѣлаетъ перерывъ въ этомъ пути преемственныхъ измѣненій. Напротивъ, основныя истины біологіи свидѣтельствуютъ самымъ несомнѣннымъ образомъ, что «существо, которое рождается, не есть новое твореніе въ своемъ происхожденіи; въ предшествующемъ развитіи существъ, отъ которыхъ оно произошло и продолженіемъ которыхъ оно служить, оно почерпнуло родъ привычки или фізіологическаго воспоминанія, усвоило необходимость, которой оно должно слѣдовать. Словомъ, это также развитіе, продолжающееся и идущее впередъ» (Клодъ Бернаръ)¹⁾.

Съ указанной здѣсь объединяющей точки зрѣнія, рожденіе органическихъ существъ теряетъ свою таинственность; оно не только уже не стоитъ особнякомъ, а, напротивъ, составляетъ одно изъ необходимыхъ звеньевъ въ неразрывной цѣпи послѣдовательныхъ измѣненій, именуемыхъ жизнью. Мало того, явленія размноженія и относятся именно къ числу той дѣятельности, которою устанавливается связь между этими измѣненіями, и независимо отъ которой преемственность послѣднихъ была бы абсолютно невозможна. Это мы необходимо должны допустить, въ виду того, что размноженіе представляетъ собою одинъ изъ фактовъ продолжающагося развитія, что оно есть продолженіе предшествующихъ состояній, а не начало новыхъ. Да, именно, продолженіе.

Подобно тому, какъ возникновеніе органической жизни есть продолженіе предшествующихъ состояній, присущихъ неорганическому міру, и должно быть разсматриваемо, какъ результатъ наиболѣе сложнаго сочетанія простѣйшихъ формъ движенія,

¹⁾ Тамъ же, стр. 56.

такъ точно и возникновеніе каждаго анатомическаго элемента, рожденіе каждаго организованнаго существа составляетъ продолженіе предшествующаго развитія соотвѣтствующихъ элементовъ, соотвѣтствующихъ существъ. Независимо отъ такого рода взаимодействія, проявленіе жизни было бы невозможно.

Обособленіе жизни, «которая рождается», отъ той, «которая только поддерживается», потому именно и немислимо, незаконно, что это двѣ половины одного цѣлаго, двѣ половины до того неразрывно между собою связанные, что разъединеніе ихъ равносильно ихъ разрушенію. Вѣдь жизнь только потому и поддерживается, что она рождается, и поддерживается она настолько, насколько рождается.

Въ самомъ дѣлѣ, обратите вниманіе на основныя условія проявленія этой жизни; существованіе каждаго организма, принадлежитъ ли онъ къ простѣйшимъ или высшимъ формамъ, будетъ ли онъ представителемъ растительнаго или животнаго царства—все равно, существованіе каждаго организма, въ каждый данный моментъ, необходимо предполагаетъ совмѣстное участіе двоякаго рода процессовъ—процессовъ разрушенія и созиданія. Жизнь любаго существа была бы невозможна, если-бы части его, разрушаясь, не возстановлялись вновь; но это возстановленіе достигается путемъ организующаго синтеза и происходитъ оно такимъ образомъ, что каждая возстановляющаяся часть, по своимъ, не только физико-химическимъ, но и біологическимъ свойствамъ, составляетъ прямое продолженіе предшествующей, разрушенной части; послѣдняя, разрушаясь, сообщаетъ свою внутримолекулярную подвижность новымъ элементамъ, заступающимъ ея мѣсто. Независимо отъ такой передачи того внутренняго движенія, которымъ опредѣляется жизненность со всѣми ея особенностями, было бы нелегко понять, какимъ образомъ можетъ сохраняться существо организма при непрерывномъ обмѣнѣ его веществъ. И такъ, жизнь каждаго организма достигается на счетъ жизни его частей и поддерживается путемъ воспроизведенія послѣднихъ, по мѣрѣ ихъ разрушенія.

Такимъ же образомъ, подобно тому, какъ индивидуальная жизнь поддерживается воспроизведеніемъ частей, такъ видовая жизнь поддерживается воспроизведеніемъ цѣлаго, и какъ въ первомъ случаѣ, такъ и во второмъ, это воспроизведеніе выражаетъ собою продолженіе предшествующаго біологическаго состоянія. И здѣсь, и тамъ, размноженіе является противовѣсомъ смерти; оно поддерживаетъ равновѣсіе въ борьбѣ органическаго міра съ обружающимъ и служитъ тѣмъ самымъ могучимъ орудіемъ, бла-

годаря которому этотъ органическій міръ сохраняетъ свое существованіе, не смотря на непрерывный рядъ испытываемыхъ имъ разрушеній.

Смерть и возрожденіе—это прошедшее и будущее, и, подобно послѣднимъ, такъ же неразлучны, такъ же невозможны одно безъ другаго; какъ будущее необходимо предполагаетъ прошедшее и составляетъ его продолженіе, такъ рожденіе неизбѣжно предполагаетъ смерть. «Происхожденіе новой жизни для поддержанія творенія неминуемо, въ силу той ограниченности жизни каждаго организма, которая обуславливается самою организаціею», говоритъ Клаузь ¹⁾. Но какъ бы мы не объясняли причины этой ограниченности, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что она противоположна условіямъ происхожденія «новой жизни», насколько процессы дезорганизациі противоположны процессамъ организациі, насколько распаденіе противоположно соединенію.

Такимъ образомъ, если, съ этой точки зрѣнія, мы станемъ разсматривать смерть, какъ неизбѣжную дань органическаго міра неорганическому, какъ возвратъ послѣднему того, что временно у него было заимствовано, то, съ тѣмъ вмѣстѣ, мы имѣемъ право видѣть въ происхожденіи новой жизни возвращеніе органическому міру того, что принадлежитъ ему по праву побѣды.

Если смерть выражаетъ собою торжество неорганической природы надъ органическою (точнѣе біорганическою), преобладаніе первой надъ второю, а противъ такой очевидной истины едва-ли кто станетъ спорить,—то, съ другой стороны, необходимо также признать, что размноженіе выражаетъ собою торжество органическаго міра надъ неорганическимъ, преобладаніе жизни надъ безжизненностью.

Эти сопоставленія имѣютъ болѣе глубокой смыслъ, нежели можетъ казаться съ перваго раза, и будучи надлежаще поняты, не только совершенно устраняютъ метафизическое представленіе о разсматриваемыхъ здѣсь процессахъ, но, напротивъ, даютъ возможность свести эти процессы къ основному механическому принципу—движенію, именно, къ различнымъ состояніямъ движенія, что, въ свою очередь, дозволяетъ весьма опредѣленно выяснить, къ какой именно категоріи должны быть отнесены такого рода измѣненія, какъ смерть и возрожденіе.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы мы ни поясняли смерть, несом-

¹⁾ Барль Клаузь, «Основы зоологіи». Переводъ съ примѣчаніями, подъ редакціею профессора С. Усова и А. Петунникова. Москва, 1873 г., стр. 27.

нѣнно одно, что это процессъ дезорганизаціи, разрушенія, послѣдовательно направляющійся отъ сложѣйшаго къ простѣйшему; сперва разрушается совмѣстная дѣятельность частей, умираетъ цѣлое, а затѣмъ одна за другою умираютъ и части, въ порядкѣ большей или меньшей зависимости ихъ отъ цѣлаго. Высшая, наиболѣе сложная форма движенія, именуемая жизнью, распадается, на составляющія ее простѣйшія формы, въ какихъ проявляется движеніе среди явленій неорганическаго міра. Жизненные свойства организованнаго существа исчезаютъ, подобно тому, какъ исчезаютъ химическія свойства сложнаго тѣла, съ его распаденіемъ на составные элементы, и какъ въ послѣднемъ случаѣ вещество тѣла, такъ въ первомъ случаѣ существо организма испытываетъ цѣлый рядъ нисходящихъ измѣненій; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ жизненные движенія переходятъ въ простѣйшія, физико-химическія движенія, высшія четырехчленные органическія образованія распадаются на низшія, трехчленные органическія соединенія, а эти, въ свою очередь, — на двухчленные неорганическія соединенія.

Словомъ, природа организма, въ концѣ концовъ, возвращается туда, откуда органическая жизнь беретъ свое начало. Цѣлымъ рядомъ нисходящихъ измѣненій эта жизнь, эта высшая форма движенія уподобляется простѣйшимъ, физико-химическимъ состояніямъ, простѣйшимъ формамъ движенія.

Такимъ образомъ, въ явленіяхъ смерти ничто не исчезаетъ, но все упрощается, до окончательной асимилациіи высшаго низшимъ; и съ этой точки зрѣнія мы должны, конечно, разсматривать смерть, какъ процессъ окончательнаго уподобленія жизненныхъ явленій явленіямъ безжизненнымъ, біорганическаго вещества — веществу неорганическому. Здѣсь уже простѣйшія формы движенія не только не сочетаются въ болѣе сложную, не только не побуждаются вибрировать въ унисонъ послѣдней, а напротивъ, онѣ поглащаютъ эту сложную форму, именуемую жизнью, онѣ побуждаютъ ее вибрировать въ унисонъ себѣ. Когда побѣда на сторонѣ низшаго, когда элементарныя формы движенія возрастаютъ на счетъ и въ ущербъ высшаго, жизненнаго движенія — это смерть. Вотъ почему можно признать, не рискуя сдѣлать большой ошибки, что смерть есть также размноженіе, но размноженіе неорганической природы на счетъ біорганической.

Настоящая точка зрѣнія весьма существенна для занимающаго насъ вопроса, такъ какъ она значительно облегчаетъ правиль-

ную постановку его и даетъ возможность выяснитъ въ общихъ чертахъ существенный характеръ противоположнаго процесса — процесса возрожденія, процесса происхожденія новой жизни. Достаточно припомнитъ вышеприведенную аналогію между условіями, поддерживающими индивидуальную жизнь и видовую, чтобы допустить, что названные сейчасъ процессы выражаютъ собою одинъ изъ фактовъ организующей дѣятельности. Но эта организующая дѣятельность характеризуется явленіями совершенно противоположными тѣмъ, которыя выступаютъ въ процессахъ разрушенія, процессахъ смерти.

Если, въ случаѣ смерти, простѣйшія формы движенія возрастаютъ на счетъ высшей формы — жизненнаго движенія, то въ случаѣ организующей дѣятельности имѣютъ мѣсто обратныя превращенія; здѣсь уже воспринимаемая извнѣ простѣйшія формы движенія не только не поглощаютъ высшую, каковою характеризуется біорганическое вещество, а напротивъ, побуждаемая вибрировать въ унисонъ послѣдней, сами уподобляются этой высшей формѣ движенія. И вотъ, такимъ-то путемъ организующей дѣятельности, неорганическое вещество сперва превращается въ органическое, а затѣмъ въ біорганическое, — стало быть, въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ уже дѣло съ возростаніемъ высшей формы на счетъ низшей. А такъ какъ «рожденіе», вообще «происхожденіе новой жизни», одинъ изъ фактовъ организующей дѣятельности, то само собою разумѣется, мы неизбѣжно должны признать относительно этого факта прямо противоположное тому, что было выведено нами для факта смерти.

Такимъ образомъ насколько смерть выражаетъ собою окончательное уподобленіе жизненныхъ явленій явленіямъ безжизненнымъ, насколько въ ней можно видѣть размноженіе неорганической природы насчетъ біорганической, настолько же происхожденіе новой жизни есть уподобленіе безжизненныхъ явленій жизненнымъ, настолько же оно есть, въ концѣ концовъ, возрастаніе біорганической природы насчетъ неорганической. Настоящее заключеніе, всецѣло покоящееся на основномъ механическомъ принципѣ, свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что процессы размноженія составляютъ то именно орудіе, которымъ органической міръ расширяетъ свое вліяніе, путемъ численнаго возрастанія своихъ членовъ насчетъ продуктовъ неорганической природы.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно сопоставитъ тотъ отдаленный періодъ въ исторіи земли, когда органическая жизнь на ней

совершенно отсутствовала, съ нынѣшнимъ, изобилующимъ растительными и животными формами. Очевидно, что для каждаго даннаго момента, матеріалъ, изъ котораго построены эти формы, составляетъ убытокъ въ экономіи неорганической природы; очевидно также, что этотъ убытокъ долженъ былъ возрастать пропорціонально росту органической жизни, а съ тѣмъ вмѣстѣ должна была возрастать и энергія воздѣйствія послѣдней на окружающее. Но что же выражаетъ собою такое возрастаніе биорганической природы насчетъ неорганической, какъ не фактъ приспособленія нѣкоторой, постепенно увеличивающейся части послѣдней къ условіямъ существованія, опредѣляемымъ высшею формою движенія—жизнью.

Если миліоны лѣтъ назадъ планета наша не знала инаго міра помимо мертвой, неорганической природы, а затѣмъ возникаетъ жизнь и изъ ничтожнаго комочка слизи разрастается въ безчисленныя, многосложныя формы растительнаго и животнаго царства, то кто же не признаетъ въ этомъ фактѣ развитія преобразовательной способности биорганической природы насчетъ неорганической; и если тѣмъ не менѣе въ данномъ фактѣ большинство продолжаетъ видѣть приспособленіе жизни къ окружающему, отказывая ей въ обратной способности, то это подтверждаетъ только старую истину, что термины часто совершенно превратно выражаютъ смыслъ обозначаемаго ими явленія.

Это кажущееся отступленіе отъ занимающаго насъ предмета, въ дѣйствительности какъ нельзя болѣе приближаетъ къ нему, такъ какъ только что упомянутое возрастаніе органическаго міра и его распространеніе очевидно прежде всего обязано процессамъ размноженія; достаточно обратить вниманіе на самое слово—размноженіе, чтобы согласиться съ этимъ.

И такъ, съ поясняемой здѣсь точки зрѣнія, роль размноженія состоитъ не только въ томъ, чтобы поддерживать видовую жизнь, но и содѣйствовать распространенію биорганическаго вліянія на окружающее. Въ самомъ дѣлѣ, допустите только, что процессы размноженія отсутствуютъ, и вы неизбежно должны будете признать, что, въ сравнительно короткій періодъ, органическій міръ перестанетъ существовать и наступитъ царство мертвой природы; вотъ этому-то воцаренію и воздѣйствуетъ прежде всего способность размноженія. Отсюда уже само собою вытекаетъ біологическое значеніе данной способности.

Съ другой стороны, какъ бы ни поясняли происхожденіе этой способности, изъ всего вышеизложеннаго несомнѣнно, однако, что по природѣ своей она механическаго происхожденія и опре-

дѣляется условіями той сложной формы движенія, которая именуется жизнью. Но согласно новѣйшимъ воззрѣніямъ на природу жизненныхъ явленій,—воззрѣніямъ, вполне отвѣчающимъ основному положенію механической теоріи, эта сложная форма движенія сводится, въ концѣ концовъ, къ внутримолекулярной подвижности протоплазмы. Стало быть и процессы размноженія должны быть поставлены въ прямую зависимость отъ данной подвижности, должны быть рассматриваемы, какъ неизбежное слѣдствіе этой подвижности.

Такимъ образомъ, если энергія протоплазмы, выражающаяся ея внутримолекулярнымъ движеніемъ, дѣйствительно играетъ опредѣляющую роль въ жизненныхъ явленіяхъ, то въ виду вышесказаннаго совершенно уже ясно, что процессы размноженія должны быть поясняемы условіями даннаго внутримолекулярнаго движенія; они должны были возникнуть изъ этихъ условій; они должны были складываться и развиваться въ соотвѣтствіи съ требованіями наиболѣе полнаго проявленія жизненной энергіи протоплазмы, ея внутримолекулярной подвижности.

Выяснить это основное положеніе молекулярной біологіи возможно тщательнымъ анализомъ фактовъ, относящихся къ области явленій размноженія, и показать такимъ образомъ, что въ происхожденіи этихъ явленій играютъ роль не только внѣшнія условія, но и внутреннія, не только приспособленіе къ окружающему, но и приспособленіе къ требованіямъ біоорганической природы,—такова задача ностоящаго труда.

II.

Различные способы размноженія.

Уже то, выше формулированное положеніе, что роль размноженія состоитъ не только въ томъ, чтобы поддерживать видовую жизнь, но и содѣйствовать распространенію біоорганическаго вліянія на окружающее, прямо указываетъ на соотвѣтствіе данной функціи требованіямъ наиболѣе полнаго проявленія жизненной энергіи,—соотвѣтствіе, истинный смыслъ котораго слѣдуетъ искать въ зависимости процессовъ размноженія отъ условій внутримолекулярной подвижности протоплазмы. И дѣйствительно,

факты вполне подтверждаютъ эту зависимость; но для надлежащей оцѣнки относящихся сюда явленій намъ необходимо прежде всего познакомиться въ общихъ чертахъ съ главными, существенными способами размноженія.

Какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ царствѣ, происхожденіе новой жизни достигается двоякимъ путемъ: путемъ бесполого размноженія (агамогенезисъ) или полового (гамогенезисъ); въ первомъ случаѣ размноженіе достигается всегда на счетъ одной производящей единицы, во второмъ случаѣ—всегда на счетъ двухъ производящихъ единицъ.

Бесполое размноженіе—агамогенезисъ, въ свою очередь, представляетъ нѣсколько различныхъ способовъ, изъ которыхъ наиболѣе существенные: дѣленіе, почкованіе и размноженіе спорами или зародышами. Изъ нихъ дѣленіе характеризуется именно тѣмъ, что тѣло производящаго организма постепенно распадается на двѣ совершенно обособленныя другъ отъ друга части, изъ которыхъ каждая развивается въ самостоятельное существо. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ возникновеніе новыхъ существъ достигается путемъ уничтоженія индивидуальнаго существованія производящаго организма.

Почкованіе отличается отъ дѣленія тѣмъ, что, въ противоположность послѣднему, здѣсь уже образованіе новыхъ организмовъ происходитъ не на счетъ всего существа производящаго организма, а только на счетъ нѣкоторой части его, превращающейся въ отрпыскъ или почку, которая, достигнувъ опредѣленнаго возраста, отдѣляется и развивается въ самостоятельное существо, или остается прикрѣпленнымъ къ материнскому организму и такимъ образомъ содѣйствуетъ возникновенію колоніи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое образованіе отрпысковъ или почекъ происходитъ не съ наружной стороны производящаго организма, а внутри его, и тогда размноженіе извѣстно подъ именемъ внутренняго почкованія.

Наконецъ, третій способъ бесполого размноженія, путемъ образованія зародышей или споръ, характеризуется тѣмъ, что это процессъ всегда внутренній и выражается внутреннимъ, полнымъ или неполнымъ дробленіемъ материнскаго организма на зародышевыя тѣльца, которыя, достигнувъ внутри организма извѣстнаго развитія, выходятъ изъ него и превращаются въ самостоятельно существующія особи.

Таковы три различные способа бесполого размноженія. Если же мы примемъ теперь во вниманіе, что, помимо бесполого размноженія, существуетъ, какъ было упомянуто выше и какъ

знаеть каждый, половое размноженіе—гамогенезисъ; что это размноженіе, въ противоположность предъидущему, всегда происходитъ на счетъ двухъ производящихъ единицъ, всегда предполагаетъ участіе двухъ элементовъ оплодотворенія; что, наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ элементы эти вырабатываются въ одномъ и томъ же организмѣ (гермафродитизмъ, слитнополое размноженіе), въ другихъ же—въ двухъ различныхъ организмахъ, мужскомъ и женскомъ (раздѣльнополое размноженіе),—если, говоримъ мы, приять во вниманіе всѣ эти многообразные способы размноженія, то невольно рождается вопросъ: гдѣ же слѣдуетъ искать причину такого разнообразія?

Отчего въ одномъ случаѣ имѣеть мѣсто безполое размноженіе, а въ другомъ—половое; въ одномъ случаѣ «происхожденіе новой жизни» вовсе не требуетъ оплодотворенія материнскаго организма, въ другомъ, напротивъ, оно невозможно независимо отъ оплодотворенія? Очевидно, оплодотвореніе играетъ здѣсь существенную роль; но какова эта роль и въ какой мѣрѣ проявленіе ея можетъ быть пояснено согласно установленному въ предъидущей главѣ основному положенію? Точно также, какъ объяснить указанные выше различные способы безполого размноженія? Существуетъ ли между ними связь и чѣмъ опредѣляется она; представляютъ ли эти способы агамогенезиса постепенное усовершенствованіе одного, наиболѣе примитивнаго, и въ какомъ отношеніи находится къ нимъ гамогенезисъ, т. е. половое размноженіе?

Если, дѣйствительно, процессы размноженія обязаны своимъ происхожденіемъ внутримолекулярной подвижности протоплазмы, если они дѣйствительно складывались въ условіяхъ наиболѣе полного проявленія данной подвижности, а стало быть, и наиболѣе полного проявленія жизненной энергіи протоплазмы,—то, очевидно, всѣ указанныя здѣсь особенности должны имѣть своимъ источникомъ данныя условія, должны были возникнуть въ зависимости отъ этихъ условій. И только тогда, когда подобнаго рода зависимость будетъ обстоятельно доказана; когда съ помощью ея окажется возможнымъ составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе, какимъ образомъ и насколько условія внутримолекулярной подвижности протоплазмы содѣйствовали возникновенію различныхъ способовъ размноженія, какимъ образомъ и насколько различныя проявленія этой функціи могутъ быть сведены къ данной подвижности и ею истолкованы,—только тогда могутъ считаться выясненными механическія основы процессовъ размноженія.

И такъ, если намѣченныя здѣсь соотношенія отвѣчаютъ дѣйствительности, если всѣ формы генезиса (размноженія) берутъ свое начало отъ одного источника и, въ концѣ концовъ, выражаютъ одно изъ дѣятельныхъ состояній протоплазмы, то между формами жизни долженъ существовать цѣлый рядъ преемственныхъ переходовъ, связывающихъ половое размноженіе съ бесполомъ, дѣленіе съ почкованіемъ, почкованіе съ спорообразованіемъ, и сводящихъ эти различныя формы къ одной, наиболѣе элементарной. Посмотримъ же, что говорятъ факты, и прежде всего, конечно, факты, относящіеся къ явленіямъ простѣйшаго характера.

III.

Организмы размножаются, потому что жизнь приспособляется.

Само собою разумѣется, что размноженіе, какъ одна изъ общихъ жизненныхъ функцій, должно быть присуще протоплазмѣ настолько, насколько присуща ей жизнь; точно также не менѣе ясно, что простѣйшую форму размноженія слѣдуетъ искать тамъ, гдѣ дѣятельность протоплазмы, ея жизненныя свойства отличаются наибольшею обособленностью. Сюда именно относятся тѣ «организмы безъ органовъ», которые, въ видѣ однородныхъ еомочковъ протоплазмы, ведутъ отдѣльное, самостоятельное существованіе и извѣстны подъ именемъ монеръ, открытыхъ впервые Геккелемъ. Относительно природы этихъ элементарнѣйшихъ существъ можно сказать почти тоже самое, что говоритъ Клодъ Бернаръ о протоплазмѣ вообще, именно, что это «родъ жизненнаго хаоса, который еще не получилъ никакого вида и въ которомъ все смѣшано—способность дезорганизоваться и организоваться посредствомъ синтеза, способность реагировать, двигаться и проч.». Функція размноженія не составляетъ, конечно, исключенія; она также мало обособлена и, подобно двигательной способности, характеризуется крайнею неопредѣленностью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь именно выступаетъ упомянутая выше зависимость до того наглядно, что размноженіе и движеніе протоплазмы часто совершенно нераздѣлимы. Въ самомъ дѣлѣ, многочисленныя наблюденія свидѣтельствуютъ единогласно, что примитивный способъ размноженія простѣйшихъ существъ, строго говоря, ничѣмъ не отличается отъ простаго

механическаго разрыва цѣлаго на части. Опыты съ любою монерою могутъ представить весьма поучительные тому примѣры.

Такъ, изслѣдованія Гримма надъ монерою, открытою имъ въ 1875 г. и названною зеленою протомиксою (*Protoxuca viridana*) привели его къ заключенію, что протомиксу эту «можно рвать на части, нисколько не мѣшая ея жизненнымъ отправленіямъ; она не умираетъ отъ этого, не перестаетъ двигаться, не перестаетъ питаться; каждая оторванная отъ нея часть, какъ ни въ чемъ ни бывало, выпускаетъ псевдоподіи въ мѣстѣ разрыва и продолжаетъ свою уже самостоятельную жизнь, возрастая независимо до максимальной величины всѣхъ вообще особей этого вида. Но такъ какъ протоплазма, составляющая тѣло протомиксы, чрезвычайно вѣзна и жидка, такъ что часто расплывается въ весьма тонкую пластинку, то можно было предположить уже предварительно, что и въ естественныхъ условіяхъ жизни онѣ подвергаются случаямъ разрыва».

И такое предварительное заключеніе вполне оправдывается наблюденіемъ, которое дѣйствительно показываетъ, что «протомиксы, достигши извѣстной величины, довольно часто подвергаются процессу разрыванія на части или, что все равно, процессу дѣленія, который и представляетъ собою простѣйшую форму размноженія». При естественныхъ условіяхъ это дѣленіе «зависитъ отъ противоположнаго направленія въ движеніи протоплазмы. Вообразимъ себѣ, что по двумъ противоположнымъ псевдоподіямъ происходитъ болѣе быстрое теченіе протоплазмы отъ центра къ периферіи, чѣмъ въ обратномъ направленіи; слѣдствіемъ этого является неминуемое накопленіе протоплазмы въ двухъ, далеко отстоящихъ другъ отъ друга точкахъ, тогда какъ лежащая между ними масса уменьшается и можетъ очень быстро принять видъ болѣе или менѣе незначительнаго перешейка, по которому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, протоплазма можетъ снова соединиться въ одну массу, что дѣйствительно и бываетъ; въ другихъ же случаяхъ, а именно у болѣе крупныхъ особей, каждая изъ отдѣлившихся частей протоплазмы, — выпуская уже отъ себя новыя псевдоподіи, направляющіяся большею частью въ сторону противоположную той, по направленію которой находится другая половина первичной, дѣлящейся особи, — удаляется, и перешеекъ дѣлается все тоньше и тоньше, пока не достигнетъ непримѣтной тонины и не разорвется. Тогда связь между обѣими новыми особями прекращается и онѣ уже живутъ самостоятельно, какъ двѣ независимыя особи, происшедшія черезъ дѣленіе одной. Но иногда процессъ дѣленія происходитъ въ нѣсколько

измѣненной формѣ. Тогда какъ въ описанномъ случаѣ дѣленіе происходитъ вслѣдствіе того, что двѣ половины особи, такъ сказать, стремятся уйти въ противоположныя стороны, въ другой разъ мы видимъ, что протомикса остается неподвижною на одномъ и томъ же мѣстѣ, а на концѣ одной изъ ея псевдоподій, напримѣръ, около приставшей къ ней діатомеи (панцирной водоросли), скопляется нѣкоторое количество ея протоплазмы, обособляющееся въ новую особь, вслѣдствіе того, что эта протоплазма утончается при своемъ основаніи и, наконецъ, отрывается отъ старой особи. Въ этомъ случаѣ мы получаемъ двѣ особи, большею частью значительно отличающіяся другъ отъ друга по своей величинѣ, тогда какъ въ первомъ случаѣ онѣ болѣе или менѣе равны между собою¹⁾ (Гриммъ¹⁾).

Разсмотрѣнная здѣсь простѣйшая форма размноженія, какъ свидѣтельствуемъ только что описанные факты, отличается такою неопредѣленностью, что о какомъ бы то ни было обособленіи данной функціи не можетъ быть и рѣчи. Весь процессъ сводится къ простому механическому разрыву цѣлаго на части, разрыву, который можетъ быть произведенъ искусственно. И вотъ здѣсь именно, въ этой крайней несложности, и слѣдуетъ искать одно изъ основныхъ условий, положившихъ начало происхожденію процессовъ размноженія.

Въ самомъ дѣлѣ, главное условіе разсматриваемаго явленія—это, конечно, возможность самостоятельнаго существованія частей въ случаѣ разрыва цѣлаго, и такая возможность объясняется именно отсутствіемъ той дифференцировки, той спеціализаціи между этими частями, которая устраняла бы ихъ независимое другъ отъ друга существованіе. Дѣйствительно, протомикса, этотъ голый комочекъ протоплазмы, не обнаруживаетъ не только такой сложной, но вообще какой бы то ни было дифференцировки; не обнаруживаютъ ее и другіе монеры, и наблюденія вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, что, подобно протомиксѣ, любую монеру можно рвать на части, не нарушая ея жизненныхъ отправленій. Опыты Геккеля, произведенныя имъ надъ различными монерами, не оставляютъ въ томъ никакого сомнѣнія²⁾.

Но что же отсюда слѣдуетъ? Если простое механическое

¹⁾ О. А. Гриммъ: «Къ ученію о простѣйшихъ животныхъ». С.-Петербургъ, 1877 г., стр. 42—46.

²⁾ Ernst Haeckel: «Biologische Studien. Erstes Heft: Studien über Moneren und andere Protisten. Leipzig 1870; стр. 22, 54 и др.

разобцненіе частей не нарушаетъ жизненныхъ отправленій и каждая обособленная часть можетъ существовать самостоятельной жизнью, роста и развиваться,—то само собою разумѣется, что каждый разъ, когда такое разобцненіе будетъ имѣть мѣсто, мы будемъ имѣть дѣло съ простѣйшимъ случаемъ размноженія.

И такъ, самая примитивная форма размноженія идетъ рука объ руку съ отсутствіемъ надлежащей дифференцировки между частями цѣлаго, и возможность ея происхожденія обуславливается возможностью самостоятельнаго существованія этихъ частей. Въ самомъ дѣлѣ, допустите на минуту, что эта послѣдняя возможность отсутствуетъ, что простѣйшее существо, будучи раздѣлено на части, умираетъ, или, другими словами, что существованіе каждой изъ этихъ частей необходимо требуетъ содѣйствія остальныхъ и, независимо отъ нихъ, жизненные отправленія ея невозможны,—тогда, конечно, размноженіе путемъ дѣленія было бы немислимо.

Но это далеко не все.

Искусственное разобцненіе частей, во всякомъ случаѣ не есть естественное разобцненіе, и достигаемое такимъ путемъ размноженіе не есть естественное размноженіе, въ томъ именно смыслѣ, что оно не можетъ быть разсматриваемо, какъ жизненное отправленіе, присущее данному организму. Стало быть, строго говоря, далеко не всякое дѣленіе можетъ быть отождествляемо съ процесомъ размноженія какъ съ жизненною функціею, ибо каждая жизненная функція, хотя бы и совершенно еще не обособившаяся, находится въ томъ или другомъ отношеніи къ остальнымъ функціямъ, тогда какъ искусственное дѣленіе никакого такого отношенія не обнаруживаетъ и обнаруживать не въ состояніи. Искусственное дѣленіе можетъ быть, можетъ и не быть. Размноженіе же вовсе не есть случайное явленіе, и объяснять его происхожденіе случайностью значитъ ничего не объяснить.

Хотя данная функція и аналогична въ своей примитивной формѣ простому разобцненію цѣлаго на самостоятельныя части, но пока такое разобцненіе не составляетъ прямого слѣдствія условій жизнедѣятельности, о размноженіи не можетъ быть и рѣчи; и на оборотъ, разъ соотвѣтствующія условія даны, оно уже является біологической необходимостью.

И такъ, каковы эти условія?

Какъ мы видѣли, по мнѣнію Гримма, онѣ опредѣляются «противоположнымъ направленіемъ въ движеніи протоплазмы». Но такое объясненіе въ свою очередь требуетъ объясненія. Само собою, конечно, разумѣется, что если «по двумъ противо-

положнымъ псевдоподіямъ происходитъ болѣе быстрое теченіе протоплазмы отъ центра въ периферіи, чѣмъ въ обратномъ направленіи», то въ результатѣ получится раздѣленіе всей массы протоплазмы на двѣ половины. Вопросъ однако въ томъ, откуда является такое противоположное направленіе въ движеніи протоплазмы, какими жизненными условіями оно опредѣляется и въ какой мѣрѣ оно составляетъ слѣдствіе жизнедѣятельности?

Въ данномъ случаѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что если дѣленіе монеры вызвано не насильственно, а напротивъ, является слѣдствіемъ внутренняго стимула, то оно всегда наступаетъ въ опредѣленный моментъ жизнедѣятельности протоплазмы. Существуетъ извѣстный періодъ, ранѣе котораго размноженіе, хотя-бы выражающееся разсматриваемою здѣсь примитивною формою, не имѣетъ мѣста. Періодъ этотъ совпадаетъ съ развитіемъ монеры, съ ея возростаніемъ; процессъ дѣленія наступаетъ только тогда, когда монера достигаетъ наибольшей величины. Пока монера растетъ, процессъ этотъ отсутствуетъ; онъ наступаетъ, когда монера перестаетъ расти. Другими словами, одна изъ этихъ функцій какъ-бы переходитъ въ другую.

Исходя именно изъ такихъ фактовъ, Геккель устанавливаетъ чисто механическую теорію размноженія простѣйшихъ существъ путемъ дѣленія. Согласно этой теоріи, «простѣйшіе организмы, увеличиваясь черезъ питаніе, достигаютъ наконецъ предѣла, за которымъ силы одного центра становятся уже недостаточно, чтобы сдерживать въ равновѣсіи всю массу накопившихся частицъ. Если организмъ продолжаетъ расти, то естественно возникаетъ новый центръ, вокругъ котораго группируется доля его частицъ, отпадающая такимъ образомъ отъ первоначальнаго организма и образующая новый, совершенно подобный первому» ¹⁾. Разсматривая предметъ съ этой точки зрѣнія, легко уже придти къ заключенію, что размноженіе есть ростъ организма, перешедшій за предѣлы его индивидуальности ²⁾.

Повидимому, только что упомянутое отношеніе между ростомъ монеръ и ихъ размноженіемъ черезъ дѣленіе—говоритъ въ пользу такого опредѣленія; но, тѣмъ не менѣе, оно признается

¹⁾ «Ученіе объ органическихъ формахъ». Подъ ред. Ил. Мечникова, стр. 50, С.-Петербургъ, 1869.

²⁾ См. между прочимъ, «*Natürliche Schöpfungsgeschichte*». Von Er. Haeckel. Siebente, ungearbeit. u. vermer. Auflage. Berlin, 1879, S. 168. Того же мнѣнія держится Клаусъ: «Основы зоологіи», стр. 27 и др.

далеко не всѣми учеными. Такъ, нашъ почтенный зоологъ Мечниковъ, въ своемъ изложеніи «Общей морфологіи» Геккеля, замѣчаетъ по поводу только что приведенной механической теоріи размноженія: «Эта механическая теорія не выдерживаетъ критики. Не говоря уже о томъ, что яйца двухъ сосѣднихъ видовъ животныхъ (которыя, слѣдовательно, не могутъ быть одарены слишкомъ различною силою спѣвленія) начинаютъ часто дѣлиться при весьма различныхъ объемахъ; но мы повсюду еще встрѣчаемъ примѣры дѣленія или сегментации желтка безъ малѣйшаго предварительнаго увеличенія въ объемѣ» ¹⁾.

Смѣемъ, однако, думать, что факты эти не даютъ права совершенно отвергать теорію Геккеля; они доказываютъ только, что эта теорія не обнимаетъ всѣхъ случаевъ дѣленія; чѣмъ больше они обнаруживаютъ уклоненій отъ начальной формы даннаго размноженія, тѣмъ менѣе объяснимы съ точки зрѣнія геккелевской теоріи. Но отсюда, однако, вовсе не слѣдуетъ, чтобы данное толкованіе противорѣчило такимъ элементарнымъ случаямъ дѣленія, которыя обнаруживаются голымъ комочкомъ протоплазмы (монеры) и гдѣ вышеуказанное отношеніе между ростомъ и дѣленіемъ несомнѣнно существуетъ.

Правда, самъ Геккель думаетъ нѣсколько иначе; онъ придаетъ своей теоріи болѣе универсальное значеніе и полагаетъ, что, подобно монерамъ, и дѣленіе каждой клѣтки обуславливается ростомъ, перешедшимъ предѣлы ея индивидуальности. Но противъ этого мнѣнія, раздѣляемаго также Гоффмейстеромъ ²⁾ относительно дѣленія растительныхъ клѣточекъ, говорятъ дѣйствительно очень много фактовъ, въ особенности обнаруженные новѣйшими наблюденіями, съ которыми мы будемъ еще имѣть случай познакомиться, и которыя свидѣтельствуютъ о такой сложности измѣненій, предшествующихъ дѣленію клѣтокъ, какая не можетъ быть объяснена однимъ увеличеніемъ ихъ объема.

И такъ, хотя ростъ и играетъ несомнѣнно нѣкоторую роль въ начальной стадіи процессовъ дѣленія, тѣмъ не менѣе, роль эта не имѣетъ того всеобщаго значенія, которое приписываетъ ей Геккель. И не только на основаніи фактовъ, но на основаніи даже однѣхъ теоретическихъ соображеній было бы невозможно согласиться съ Геккелемъ. Въ самомъ дѣлѣ, участіе переростапія, въ рассматриваемомъ здѣсь явленіи, сводится именно въ

¹⁾ Ил. Мечниковъ, «Ученіе объ органическихъ формахъ», стр. 50.

²⁾ Hoffmeister, «Ueber die Pflanzenzelle», 1867.

тому, что оно нарушаетъ связь между частицами протоплазмы, сдерживающую ихъ въ одной массѣ, и побуждаетъ послѣднюю раздѣлиться по меньшей мѣрѣ на двѣ половины. Но вѣдь ничто не даетъ намъ права утверждать, что связь эта не можетъ быть нарушена иными условіями, независимо отъ роста. Мы выяснимъ настоящую мысль точнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе приблизимся къ рѣшенію занимающаго насъ вопроса, если обратимъ вниманіе на слѣдующіе два вопроса:

Во первыхъ, отождествлять связь между частицами протоплазмы «съ силою сцѣпленія» (die Cohesion der Plastidul), какъ это дѣлаетъ Геккель, неосновательно просто потому, что тогда становится непонятнымъ, почему сравнительно незначительное увеличеніе объема микроскопическаго комочка протоплазмы, въ видѣ какой нибудь монеры, побуждаетъ уже ее раздѣлиться пополамъ, тогда какъ протоплазма плазмодія слизистыхъ грибовъ можетъ удерживаться въ одной массѣ, тысячи разъ превосходящей величину монеры, хотя не можетъ быть и рѣчи о соотвѣтствующей разницѣ въ силѣ сцѣпленія между частицами протоплазмы.

И такъ, связь, сдерживающая частицы протоплазмы въ одной массѣ, въ видѣ комочка болѣе или менѣе опредѣленной величины, не можетъ быть уподобяема «силѣ сцѣпленія»; эта связь не только механическая (въ узкомъ смыслѣ этого слова), но и біологическая; она опредѣляется не только «сцѣпленіемъ» частицъ протоплазмы, но и ихъ совмѣстною дѣятельностью, ихъ взаимодѣйствіемъ, и послѣднимъ болѣе, нежели первымъ.

Но что такое это взаимодѣйствіе? Какъ слѣдуетъ его понимать?

Съ точки зрѣнія молекулярной біологіи, оно выражаетъ собою опредѣленное сочетаніе внутреннихъ, частичныхъ движеній протоплазмы, побуждающихъ ихъ вибрировать въ унисонъ другъ другу; словомъ, это есть опредѣленное состояніе гармоніи внутримолекулярной подвижности протоплазмы, достаточное для того, чтобы, силою взаимной работы, сдерживать опредѣленное число послѣднихъ въ общей массѣ. Строго говоря, «сцѣпленіе» мы должны совсѣмъ оставить въ сторонѣ, какъ понятіе, дающее совершенно ложное представленіе о явленіи, съ которымъ его обыкновенно связываютъ. Съ механической точки зрѣнія, здѣсь не можетъ быть рѣчи объ иной «силѣ», помимо той, которая выражается сопротивленіемъ данной формы внутренняго движенія ея разрушенію. И это тѣмъ болѣе несомнѣнно относительно такого сложнаго вещества, какъ протоплазма.

Каждому микроскопическому комочку, въ который обособи-

лась протоплазма въ видѣ той или другой монеры, соотвѣтствуетъ опредѣленная форма внутримолекулярнаго движенія, и каждый изъ этихъ комочковъ, по закону неуничтожаемости силы, стремится сохранить свою форму внутренняго движенія. Но энергія такого стремленія прямо зависитъ отъ энергіи даннаго движенія. Представьте же себѣ, что послѣдняя возрастаетъ въ такой мѣрѣ, что, такъ сказать, не можетъ уже болѣе укладываться въ первоначальную форму; тогда совмѣстная дѣятельность частей даннаго комочка протоплазмы будетъ нарушена настолько, чтобы не сдерживать ихъ болѣе въ 'общей массѣ, и послѣдняя раздѣлится, по крайней мѣрѣ, на двѣ половины.

Отсутствіе общей работы, общаго внутримолекулярнаго движенія, связывающаго частицы протоплазмы въ одно цѣлое, побуждаетъ данное цѣлое раздѣлиться на такое число новыхъ единицъ, при которомъ эта общая работа становится возможною. Или, говоря иначе, когда подвижность частицъ комочка протоплазмы выступаетъ изъ сферы общаго взаимодействія и изъ одного первоначальнаго центра движенія образуется два новыхъ, тогда на такое же число распадается и комочекъ. Первоначальная форма движенія восстанавливается путемъ дѣленія цѣлаго на части, наиболѣе соотвѣтствующія этой формѣ движенія, и восстанавливается каждый разъ, какъ только она стремится быть нарушенною.

По мнѣнію Геккеля, какъ мы видѣли, такое нарушеніе обуславливается ростомъ. Но намъ кажется, что объяснить размноженіе ростомъ, вообще говоря, несовсѣмъ удобно; вѣдь ростъ индивидуума, хотя бы каковойнибудь монеры, есть опять-таки ничто иное, какъ размноженіе частицъ протоплазмы, принявшей опредѣленный видъ ¹⁾. Это во первыхъ.

Во вторыхъ, что побуждаетъ организмъ расти за предѣлы его индивидуальности? Ростъ, какъ извѣстно, объясняется преобладаніемъ организующей дѣятельности надъ процессами разрушенія. Однако, что же выражаетъ это преобладаніе? Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ не праздный. Если жизнь есть приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, какъ утверждаетъ Спенсеръ и какъ это считается «истиною истинъ» послѣдователями дарвинизма, то чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что организующій процессъ продолжаетъ обнаруживаться и послѣ того, какъ

¹⁾ «Живое существо есть протоплазма, принявшая извѣстный видъ» (Клодъ Вернаръ).

приходъ превышаетъ расходъ и когда, стало быть, внѣшній побудительный стимулъ къ питанію отсутствуетъ.

Спросить, отчего организмъ растетъ, значитъ спросить, отчего протоплазма, принявшая извѣстный видъ, потребляетъ больше, чѣмъ расходуетъ; значитъ признать фактъ, что организующая функція опредѣляется не внѣшнимъ, а внутреннимъ стимуламъ, побуждающимъ ее обнаруживаться и въ томъ случаѣ, если внѣшній къ тому стимулъ отсутствуетъ. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ организующій синтезъ, подобно двигательной функціи, опредѣляется самодѣятельностью протоплазмы и, подобно послѣдней, присущъ ей, насколько присуще ей проявленіе жизни.

Жизнь стремится приспособлять, и это какъ нельзя ярче выступаетъ въ томъ фактѣ, что организующая дѣятельность не только покрываетъ расходъ, но и накопляетъ, расширяетъ внутримолекулярную подвижность протоплазмы на счетъ воспринимаемыхъ извѣ низшихъ формъ движенія, умножаетъ біорганическое вещество на счетъ неорганическаго. И такая работа продолжается непрерывно, она непрерывно продолжаетъ умножать частицы протоплазмы. Пока такое умноженіе отвѣчаетъ требованіямъ индивидуальнаго существованія даннаго организма, оно выражается его ростомъ; но и затѣмъ умноженіе протоплазмы, умноженіе высшей формы внутримолекулярнаго движенія, не прерывается; работа идетъ своимъ чередомъ, и избытокъ біорганическаго вещества, избытокъ жизненнаго движенія, освобождается въ видѣ новой жизни. Въ этой новой жизни—та же работа, то же продолженіе предъидущей дѣятельности и тотъ же залогъ для начала послѣдующей.

Такъ, приспособляя безпрерывно, множится протоплазма, и этимъ умноженіемъ обуславливаетъ процессы роста тамъ, гдѣ они имѣютъ мѣсто, и процессы размноженія тамъ, гдѣ ростъ отсутствуетъ. Понимаемое съ этой точки зрѣнія, размноженіе монеръ черезъ дѣленіе составляетъ только простѣйшій случай только что поясненныхъ соотношеній. И здѣсь, въ каждомъ комочкѣ протоплазмы продолжается та же работа, то же умноженіе біорганическаго вещества, то же умноженіе высшей, внутренней формы движенія на счетъ низшей, внѣшней. И пока данный комочекъ можетъ вмѣстить въ себя такое умноженіе, пока оно соотвѣтствуетъ общей работѣ его протоплазматическихъ частицъ—онъ продолжаетъ расти; затѣмъ, дальнѣйшій избытокъ движенія находитъ себѣ выходъ въ дѣленіи этого комочка на двѣ новыя самостоятельныя единицы.

Подводя такимъ образомъ итогъ вышерассмотрѣннымъ соотношеніямъ, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: самостоятельность протоплазмы, выражающаяся образовательнымъ процесомъ, побуждаетъ ее къ непрерывному умноженію; пока организмъ участвуетъ въ этомъ умноженіи составляющей его протоплазмы—онъ растетъ; когда же онъ перестаетъ въ немъ участвовать какъ цѣлое—наступаетъ размноженіе. Это всего проще, а потому и всего рѣзче обнаруживается въ такой элементарной формѣ размноженія, какъ дѣленіе монеръ.

Такимъ образомъ, припоминая, что выражаетъ собою непрерывное стремленіе протоплазмы къ умноженію ея частицъ, къ умноженію ея внутримолекулярнаго движенія, мы уже будемъ имѣть право сказать: организмы размножаются потому, что жизнь приспособляетъ.

Послѣдующія главы покажутъ, въ какой мѣрѣ высказанныя здѣсь положенія подтверждаются фактами размноженія, и въ какой мѣрѣ онѣ истолковываютъ эти факты.

Л. К. Поповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СМУТА УМОВЪ.

У всякаго вѣка своя болѣзнь, свои слабости. Врядъ-ли найдется время, когда люди смотрѣли бы на близкое имъ дѣло безъ преувеличеній и увлеченій въ одну сторону. Лѣтъ 40, 50 тому назадъ было въ обычаѣ льстить внутреннему и внѣшнему могуществу русскаго государства, писать дифирамбы, официальные и неофициальные, нашему народному богатству, неистощимости нашихъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ. Это былъ вредный китаизмъ своего рода, туманомъ застилавшій отъ нашихъ глазъ очень мало утѣшительную дѣйствительность.

Погромъ Севастополя и спасительное возрожденіе русской народной жизни манифестомъ 19 февраля 1861 года отрезвили насъ отъ этихъ грезъ легкомысленнаго оптимизма и лживой патріотической реторики. Приведемъ на удачу, какъ характерный образчикъ нашихъ былыхъ отношеній къ вопросамъ народнаго благосостоянія, отрывки изъ сочиненія 1833 года «О состояніи промышленныхъ силъ Россіи», Пельчинскаго, посвященнаго авторомъ будущему Царю-Освободителю, тогда еще наслѣднику престола, и издавнаго при императорской академіи наукъ.

«Утѣшительно видѣть нынѣ сіи подвиги народнаго быта, стремящагося къ благоденствію, но не менѣе усладительно прозрѣть въ нихъ и грядущее величіе благословенной Россіи, обезпечиваемой мудростію правительства», пишетъ авторъ въ своемъ вступленіи.

«Послѣднія десять лѣтъ попеченій нашего правительства

столько открыли новых источниковъ для отечественной промышленности, столько распространили производительныя силы, столько разлили вещественныхъ и умственныхъ богатствъ на народное благосостояніе, — что рядъ всѣхъ сихъ счастливыхъ дѣйствій составляетъ новый періодъ быстро возрастающаго могущества Россіи»; а въ концѣ своей книги, обзрѣвъ всѣ «блестательные успѣхи отечественной промышленности», авторъ заключаетъ:

«Представляя сіе состояніе промышленныхъ силъ Россіи въ 1831 году и разительное развитіе оныхъ въ послѣднее десятилѣтіе, не можемъ ли сказать съ полною увѣренностію, что въ будущемъ успѣемъ еще болѣе?»

Если подобная ребяческая похвальба въ наше время можетъ вызывать только улыбку, то, съ другой стороны, тенденціозный пессимизмъ въ оцѣнкѣ нашихъ внутреннихъ силъ, который замѣнили въ настоящее время, по крайней мѣрѣ въ извѣстной части нашей печати, прежнія размахистыя бравады наши, — нисколько не болѣе способенъ внушить къ себѣ довѣрія, нисколько не менѣе страдаетъ преувеличеніями всякаго рода.

Минорный тонъ, въ которомъ такъ дружно заговорила эта часть нашей печати въ довѣйшій періодъ нашей исторіи, такъ же невѣренъ и отчасти такъ же неисцретенъ, какъ и мажорный тонъ былого времени, о которомъ «свѣжо преданіе, но вѣрится съ трудомъ».

Конечно, въ этомъ тонѣ больше сочувственныхъ отношеній къ народу, чѣмъ въ героическихъ возгласахъ себялюбиваго патріотизма 30-хъ годовъ, — тѣмъ не менѣе тонъ этотъ, какъ всякое искаженіе истины, представляетъ собою несомнѣнно-болѣзненное явленіе нашей общественной жизни.

Для сравненія приведемъ также весьма характерныя выписки изъ книги, которая послужила въ свое время и въ значительной степени теперь служитъ камертономъ для многихъ «ислѣдователей» и «наблюдателей» нашего экономического быта.

Я говорю про извѣстную книгу Флеровскаго «Положеніе рабочаго класса въ Россіи», 1869 года.

Авторъ знакомитъ насъ, въ отдѣльныхъ монографіяхъ своего рода, съ промышленнымъ и земледѣльческимъ населеніемъ всѣхъ угловъ Россіи, отъ сибирскаго рудоконя и бѣломорскаго рыболова, до пахаря Херсонской губерніи и владимірскаго кустаря.

Но прочитавъ эти длинныя патетическія описанія на 1000 страницахъ медкаго шрифта, читатель чувствуетъ, что онъ на-

полнился не свѣдѣніями о народномъ хозяйствѣ или о дѣйствительномъ положеніи рабочихъ силъ могучаго племени, создавшаго великое государство, неустойчиво растущаго и цивилизующагося, а какую-то тетрадь скорбныхъ листовъ безнадежно зачухнушаго, безсильнаго срадальца, издыхающаго на своей больничной койкѣ.

До какихъ предѣловъ безнадежности дошло положеніе нашего рабочаго сословія, а съ нимъ и всѣхъ производительныхъ силъ нашей страны, по мнѣнію подобныхъ одностороннихъ «ислѣдователей», можно видѣть, на примѣръ, изъ слѣдующихъ словъ Флеровскаго: «Нашего крестьянина не только нельзя сравнивать съ современнымъ пролетаріемъ Германіи, Франціи или Англіи, но даже съ французскимъ работникомъ прошлаго столѣтія, т. е. того времени, которое считалось такимъ бѣдственнымъ для французскаго рабочаго класса».

«...Я думалъ сравнить положеніе нашего крестьянина съ положеніемъ бывшихъ рабовъ — негровъ Соединенныхъ Штатовъ, но оставилъ эту мысль».

«Что могло выйти изъ этого сравненія? Негръ стѣбилъ отъ 2—3 тысячъ рублей серебромъ, слѣдовательно, онъ былъ порядочный капиталъ; его преждевременная потеря была чувствительна для плантатора, который заботился о его благосостояніи, какъ только могъ...»

«Я не могъ вывести мысли, что сравненіе это можетъ кончиться въ пользу рабовъ, о Боже!» (стр. 55—56).

Это было писано въ самый разгаръ нашей эпохи возрожденія, когда десятки миліоновъ десятинъ земли были уже отданы крестьянамъ по уставнымъ грамотамъ, вмѣстѣ съ свободою.»

Но этого мало: «ужасное матеріальное положеніе» создаетъ еще болѣе ужасное нравственное:

«Женщины избѣгаютъ брака (?) вездѣ, гдѣ только онѣ могутъ это сдѣлать; крестьянскія дѣвушки выходятъ замужъ такъ поздно (?), какъ только дозволяютъ имъ родители, и родители, зная какая тяжкая участь быть на Руси женою, прощаютъ имъ всѣ ихъ слабости».

«Отецъ, котораго положеніе тяжкое и котораго развратъ дочери неоднократно спасалъ отъ розогъ, когда приходилось платить подати, смотреть на это кивомъ пальцы».

«Мужъ смотритъ обыкновенно кивомъ пальцы на развратъ жены, если онъ имѣетъ отъ этого кое-какія выгоды, но встрѣчаются и такіе выродки челоуѣчества, которые принуждаютъ своихъ женъ къ прелюбодѣянію, чтобы заставить ихъ имѣть

совокупленіе съ старыми и отвратительными мущинами, отъ которыхъ можно получить порядочныя деньги».

«Жена, забитая и загнанная, обобранная до послѣдней нитки домашнимъ тираномъ, не зная, чѣмъ и какъ кормить семью, считаетъ ребенка для себя не утѣшеніемъ, а тяжкимъ бременемъ. Если она чадолюбива и хороша собою, она нерѣдко предается разврату, чтобы спасти жизнь своихъ дѣтей, и въ объятіяхъ отвратительнаго богатаго сластолюбца помышляетъ о тѣхъ плетяхъ и побояхъ, которыми наградить ее мужъ въ послѣдовательномъ рядѣ наказаній за невѣрность.

«Большинство матерей-крестьянокъ думаетъ не о томъ, какъ бы воспитать дѣтей, а о томъ, какъ бы хорошо было, если-бы они скорѣе умерли; нерѣдко мать даже готова способствовать этому, лишь бы только не слишкомъ мучила совѣсть; жизнь ребенка такая вещь хрупкая, что подобныя затаенныя желанія всегда исполняются» (стр. 54).

Но довольно этихъ выписокъ. Читатель нѣкоторыхъ нашихъ современныхъ журналовъ не найдетъ въ этихъ выпискахъ ничего новаго или забытаго. Если-бы мы, вмѣсто старой книги Флеровскаго, раскрыли на удачу въ любой книжкѣ этихъ журналовъ такъ называемыя «хроники внутренней жизни» или такъ называемыя «статьи по экономическимъ вопросамъ», то читатель подумалъ бы, что мы продолжаемъ выписки изъ той же характерной книги 60-хъ годовъ.

Вотъ до какихъ карикатуръ на народъ, вотъ до какихъ клеветъ на него, до какого непониманія его характера, доходятъ привилегированныя друзья этого народа во имя будто бы любви и состраданія къ нему.

Эти лживыя страницы пишутъ не чужестранные авторы какихъ нибудь «Les Danicheff», воспѣвающіе русскую героиню Nadia Fédog для потѣхи самодовольныхъ невѣжъ парижскаго бульвара, а считающіе себя «знатоками» русскаго «народа», «погружавшіеся въ его глубь», «страдающіе его страданьемъ и радующіеся его радостью».

Люди, относящіеся къ русскому мужику безпристрастно и трезво, непреувеличивающіе ни его мистическихъ доблестей, ни его апокалипсическихъ страданій, и за это производимые людьми крайнихъ взглядовъ въ себялюбивыхъ буржуа, въ сытыхъ эксплуататоровъ и т. п., въ сущности гораздо болѣе уважаютъ человѣческое достоинство этого мужика и справедливѣе оцѣниваютъ его нравственныя силы, чѣмъ страстные палегиристы

его всероссійскаго мученичества, дѣлающіе изъ него въ концѣ концовъ звѣря и преступника.

Эти мнимые враги мужика имѣли бы полное право обратиться къ этимъ мнимымъ друзьямъ мужика простыя, но глубокія слова, сказанныя когда-то Жанъ-Жакомъ Руссо по адресу его католическихъ противниковъ, въ «письмѣ къ Филополису» (извѣстному натуралисту Карлу Боннѣ):

«И такъ я все остаюсь чудовищемъ, которое утверждаетъ, что человѣкъ по природѣ добръ, а мои противники все остаются честными людьми, которые, въ назиданіе публики, селятся доказывать, что природа произвела на свѣтъ только однихъ мерзавцевъ».

Этого мало, что въ подобныхъ преувеличеніяхъ и обобщеніяхъ большая ложь, хотя, конечно, рѣдко намѣренная.

Въ ней еще и несомнѣнный вредъ своего рода. Убивать въ народѣ, въ обществѣ вѣру въ свои силы, въ свое будущее, искусственно преувеличивать картину его лишений и страданій, раздражать его нервы назойливымъковыряніемъ его язвъ,—это значитъ подрывать въ немъ его дѣятельныя силы и приучать его замѣнять безплодными жалобами на свое горе мужественную борьбу съ нуждою, значитъ звать его не на поле настойчиваго и одушевленнаго труда, а въ темныя сферы завистливаго и бездѣтельнаго недовольства своею судьбою.

Такая точка зрѣнія можетъ увеличивать ряды мѣняющихся, тоскующихъ, впадающихъ въ отчаяніе, малодушно опускающихъ руки и только жадно устремляющихъ глаза на чуждый успѣхъ, на чужое благополучіе, но не прибавить ни одного дѣйствительнаго работника на пользу народнаго благосостоянія, не возбудить въ народномъ духѣ нивакого подъема скрытыхъ въ немъ активныхъ силъ.

«Лишніе люди» были всегда лишними и мало-желанными даже въ обществѣ праздныхъ и обеспеченныхъ людей; но обратиться въ «лишнихъ людей», въ людей, неумѣющихъ отыскать себѣ мѣста на землѣ, всѣмъ недозвольныхъ, ни къ чему непригодныхъ, развращающихъ свой духъ малодушными умствованіями, людей труда и нужды,—это было бы плохую заслугою того поученія, которое достигло бы подобныхъ результатовъ.

Было бы неискренностью отрицать, что нашъ современный духъ уже въ значительной степени зараженъ этою язвою. Я говорю не о простомъ народѣ, въ первобытную природу котораго не могло такъ скоро проникнуть растлѣніе нашей мысли, который до сихъ поръ еще живетъ отъ насъ совершеннымъ

особнякомъ, не читаетъ того, что мы пишемъ, по-своему понимаетъ свое положеніе, по-своему негодуетъ на него и по-своему помогаетъ себѣ, не умѣя понимать нашихъ болѣзненныхъ и почти всегда книжныхъ взглядовъ на него, оставаясь еще твердо на старинныхъ устояхъ своихъ самобытныхъ понятій и вѣрованій.

Но если въ простомъ нашемъ народѣ страдаютъ отъ этой язвы малодушія пока еще только немногія, исключительныя личности, почему нибудь уже отколовшіяся отъ народа и попавшія въ непривычныя ему области жизни, за то въ такъ называемыхъ образованныхъ и особенно въ полуобразованныхъ классахъ общества, въ мѣщанствѣ, чему нибудь научившемуся, въ духовенствѣ, въ недостаточной чиновнической и дворянской средѣ, юношество наше начинаетъ почти эпидемически страдать этимъ духовнымъ растлѣніемъ.

Юношество въ томъ не виновато. На то оно. юношество, чтобы чувствовать страстно, чтобы быть способнымъ на порывы великодушія, чтобы негодовать всѣмъ существомъ на то, что ему выставляется какъ общественное зло. Скептицизмъ и холодный анализъ не есть удѣлъ молодого ума.

Онъ слишкомъ неопытенъ, чтобы не увѣровать со всею горячностью убѣжденія въ дѣйствительность того безнадежнаго состоянія, которое ему рисуется со всѣхъ сторонъ, во имя участія къ народу, во имя любви къ нему.

Едва онъ начинаетъ читать осмысленно, едва его мысль дѣлаетъ свои первые шаткіе шаги къ познанію божьяго міра, какъ ужъ онъ попадаетъ въ атмосферу сирожета зубоваго.

Отечество и цѣлый людской міръ представляются ему какою-то ужасающею иллюстраціею къ Дантову «Аду». Только вражда, только неправда, только страданія встрѣчаютъ вкругомъ каждый его взглядъ и каждое его движеніе, въ толкованіяхъ этихъ неблагоприятныхъ учителей.

Ему можетъ искренно погрезиться, что онъ живетъ въ годы какихъ нибудь варварскихъ гоненій Юстиніана или Юліана, когда отреченіе отъ грѣховнаго міра и смерть представляли единственный исходъ для честной души.

Ничто не питаетъ въ немъ свѣтлаго влеченія къ жизни и людямъ, не насаждаетъ въ немъ плодотворнаго и бодрящаго идеала. Еще не успѣвъ ощутить въ своемъ сердцѣ любви и радости, онъ уже переполняетъ его ненавистью и тоскою. Еще не задавшись ни однимъ подвигомъ братства и единенія, онъ уже куетъ въ себѣ гнѣвные помыслы вражды.

Самое сочувствіе его къ человѣчеству и правдѣ въ этой мрачной атмосферѣ отрицанія, куда такъ рано окунули его, невольно принимаетъ холодный и теоретическій характеръ, поселяя въ немъ полную разорванность съ живымъ человѣчествомъ, съ осуществленною въ жизни правдою, и замѣняя ихъ какою-то отвлеченною идеею, несогрѣвающею души, неприносящею живаго плода, часто нечувствительно переходящею въ безчеловѣчность.

Какую, въ самомъ дѣлѣ, цѣну могутъ имѣть въ глазахъ воспитаннаго такъ юности всѣ тѣ представленія, на которыхъ основывается обыкновенно система нашихъ нравственныхъ поступковъ? Что для нихъ родина, когда ихъ пріучаютъ смотрѣть на нее единственно какъ на громадную темницу страдающаго народа?

Все, что кругомъ ихъ, все, что существуетъ—твердятъ имъ на разные лады—суть порожденія зла и обмана, и само порождаетъ только зло и обманъ. Возможно ли на этой почвѣ любить чтонибудь и когонибудь въ мірѣ, возможно ли дорожить въ немъ чѣмънибудь и еѣмънибудь?

Даже идеи, величайшая добыча многолѣтнихъ усилій цѣлаго человѣчества, и тѣ какую могутъ имѣть для нихъ цѣну? Наука, религія, цивилизація—учатъ ихъ передовые мудрецы отрицанія—это тоже тонкія сѣти своего рода, въ которыя ловкіе себялюбцы ловятъ наивныя народныя массы для того, чтобы еще прочнѣе завладѣть и еще всестороннѣе злоупотребить ими.

Только одинъ выходъ изъ такого безнадежнаго положенія вещей дѣлается, наконецъ, естественнымъ для самыхъ послѣдовательныхъ изъ нихъ: это полное отвращеніе ко всему существующему, жажда скорѣйшаго уничтоженія настоящаго.

Погруженныя, вмѣсто жизни, въ такія мрачныя фантазмагоріи, нѣкоторыя суровыя и страстныя натуры могутъ незамѣтно дойти до крайнихъ предѣловъ ожесточенія. Натуры же болѣе челоуѣколюбивыя и кроткія ограничиваются внутренними терзаніями, безысходною тоскою, нервными разстройствами всякаго рода, отвращеніемъ къ жизни райѣ, чѣмъ началась эта жизнь.

Огромное количество самоубійствъ и сумасшествій, которымъ отличается наше время, коренится, конечно, въ этомъ безнадежномъ настроеніи духа нашихъ молодыхъ поколѣній.

Дошло до того, что дѣлается страшно имѣть сына, страшно видѣть дочь съ пробужденною мыслью, съ стремленіями скольконибудь духовнаго свойства.

Если дѣвушка предается книгамъ, отправляется «на курсы», если она вообще старается избрать для себя путь сколько нибудь отличный отъ обычнаго жребія дѣвицы,—родные въ ужасѣ, они предчувствуютъ едва не гибель ея.

И это вовсе не значить, чтобы эти родные были непременно враги науки, образованія, враги всякихъ новыхъ путей для женщины.

Нѣтъ, даже искренніе друзья широкаго развитія женской самостоятельности и серьезнаго женскаго образованія нерѣдко переполняются этимъ ужасомъ. Ужасаетъ не наука, не освобожденіе женщины отъ средне-вѣковыхъ предрасудковъ быта, не новизна...

Ужасаетъ именно та атмосфера отчаянія и отрицанія, которою стала все чаще и чаще дышать наша молодежь, особенно учащаяся, изъ которой трудно выбраться ей на свѣжій воздухъ, и которая такъ легко можетъ приводить теперь къ гибели молодую душу, полную жадныхъ запросовъ и горячей впечатлительности.

Въ этихъ духовныхъ дебряхъ пропадаетъ бесплодно не только изрядная доля нашей доброй, талантливой молодежи, но пропадаютъ и самыя понятія о добрѣ и злѣ, о вредѣ и пользѣ, исчезаетъ самая возможность общественныхъ стремленій къ какому нибудь твердому идеалу, даже просто къ чему нибудь хорошему, дорогому для сердца и убѣжденія, потому что хорошаго уже ничего не остается и ничего дорогаго быть не можетъ.

Самая вѣра въ прогрессъ, въ идеи свободы, въ истины науки, все это до такой степени потрясено и спутано, до такой степени потеряло бывшее значеніе и былую неотразимую силу привлекательности, что подчасъ дѣлается просто стыдно употреблять эти слова, лишившіяся своего внутренняго смысла.

Но въ нихъ вѣдь не однѣ слова; въ нихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и могучее практическое дѣйствіе. Можетъ же, на примѣръ, возникнуть какая нибудь спасительная жизненная реформа, въ родѣ освобожденія крестьянъ, среди этого отсутствія вѣры во все и во всѣхъ?

Вотъ, кажется, крѣпостное населеніе освобождено и получило въ собственность миліоны десятинъ земли. Принимаются мѣры къ облегченію этому населенію его выкупнаго тягла, къ переносу его на плечи цѣлаго государства; страна, рабски молчавшая и бездѣйствовавшая, получаетъ земскія и общественныя управленія, все болѣе расширяющія свою дѣятельность; учреж-

дается новый судъ, равноправный и милостивый, гласный и публичный, вмѣсто прежнихъ тайныхъ канцелярскихъ судовъ, вмѣсто недавняго застѣнка и пытокъ.

Безграмотная и грамоты боявшаяся страна, гдѣ на-дняхъ еще палками загоняли въ корпуса даже недорослей передоваго дворянскаго сословія, гдѣ едва прошло 100 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Ломоносовъ долженъ былъ пройти пѣшкомъ черезъ половину Россіи, чтобы дойти до первой школы,—страна эта покрывается тысячами училищъ всякаго рода, заводятъ мужскія и женскія гимназій даже по уѣзднымъ городамъ; феодаль-помѣщикъ, еще на нашей памяти продававшій людей, какъ товаръ, и отдававшій въ солдаты кого хотѣлъ по своему капризу, вынужденъ посылать въ эти самые солдаты, рядомъ съ сыномъ своего пастуха, своего собственнаго барчука-сына.

Наши глухія черноземныя поля, наши безпредѣльныя степи востока и юга, гдѣ въ дни нашей юности гнили массы хлѣба, никѣмъ непокупаемаго, и наши лѣсныя дѣбри, наши безплодныя промышленныя губерніи, въ то же время нерѣдко умиравшія съ голоду отъ невозможности подвезти къ нимъ свой же русскій хлѣбъ, теперь прорѣзаны во всѣхъ направленіяхъ сѣтями желѣзныхъ путей, уравнивающихъ и цѣны, и запасы, и условія жизни.

Страшный подъемъ торговыхъ и промышленныхъ силъ Россіи, сравнительно съ жалкимъ состояніемъ ихъ въ началѣ этого вѣва, очевиденъ всякому, кто хочетъ видѣть истину, а не свою фантазію. Все это послѣдствія приложенія тѣхъ именно идей цивилизаціи, свободы, прогресса и науки, которыми когда-то искренно и единодушно одушевлялись передовые люди Россіи и особенно ея печать.

И что же—въ этой, казавшейся намъ столь драгоценной добычѣ цивилизаціи и науки, въ этихъ плодахъ дерева, на которое мы возлагали упованіе, какъ евреи въ пустынѣ на мѣднаго змія, теперь наши мудрецы отрицанія видятъ только вопиющую неправду, всенародную гибель, безвыходное страданіе и дѣлаютъ изъ величайшей исторической эпохи русской исторіи не всесвѣтную славу нашу, а позоръ передъ міромъ; не могучій источникъ нашего возрожденія и силы, нашего богатырскаго роста вверхъ, а какую-то черную могилу, будто бы разверзшуюся передъ нашими ногами и готовую поглотить насъ.

Стало быть, не искренни были ихъ прежнія восторженныя нажденія тѣмъ самымъ идеямъ прогресса и свободы, которыхъ свѣянiе вызвало новыя условія нашей общественной жизни!

Въ такомъ случаѣ, какое неожиданное разочарованіе способны внушить они теперь къ этимъ былымъ идеаламъ своимъ, во имя которыхъ они еще недавно съ одушевленіемъ распатывали столбы стараго зданія, обѣщая въ новомъ зданіи молочныя рѣки и кисельные берега!

Былые враги ихъ теперь, пожалуй, вправѣ были бы сказать имъ: «Если, исполнивъ ваши завѣты, Россія дошла до такой степени несчастія, до такого разстройства и бѣдности, то изъ-за чего же вы возставали тогда противъ крѣпостнаго права и противъ насъ, его защитниковъ? Къ чему вы разрушили весь нашъ до-реформенный міръ, въ которомъ, судя по вашимъ собственнымъ описаніямъ настоящаго, никогда не было ни такого безсилія, ни такого горя!»

Но это все кошмаръ, своего рода болѣзненное преувеличеніе, которое нужно обличать и опровергать.

Россія далеко не такъ безъисходно бѣдна, не такъ безъисходно невѣжественна, несчастна и неустроена; Россія вовсе еще не на краю гибели, какъ хотятъ увѣрить насъ. Россія, слава Богу, здорова и сильна, какъ она не бывала втеченіи своей исторіи; Россія цивилизуется и неудержимо растетъ въ своихъ силахъ. Можетъ быть никогда основные интересы самаго многочисленнаго и самаго нуждающагося населенія ея, крестьянъ, не были выдвинуты правительствомъ такъ рѣшительно на первый планъ, какъ теперь, и никогда еще не была такъ сильна рѣшимость правительства исправить ошибки старой исторіи въ пользу тѣхъ, кто больше всѣхъ пострадалъ отъ этихъ ошибокъ.

Конечно, мы не хуже другихъ знаемъ, какія еще великія и многія нужды народныя предстоитъ удовлетворить правительству; не хуже другихъ знаемъ всѣ великіе грѣхи и недостатки нашего управленія и нашей общественной жизни. Мы не ждали чужихъ голосовъ, чтобы при случаѣ заявить о нихъ со всею откровенностью. Но мы считаемъ необходимымъ отличать самую смѣлую критику существующихъ порядковъ, самое рѣшительное указаніе на потребности еще неудовлетворенныя, отъ той растлѣвающей проповѣди всероссійскаго страданія и всероссійской гибели, противъ которой мы давно уже энергически возстаемъ.

Печатное слово такое могучее орудіе, съ которымъ нельзя шутить; прошла та пора, когда въ литературу играли для свѣтской забавы только одни досужіе люди, когда всевозможныя капризныя выходки мысли существовали только для утонченнаго

наслажденія литературныхъ гурмановъ, ни къ чему дальше не вели и ни на что больше не обязывали. Теперь литература замѣняетъ современному человѣку и церковную каѳедру, и площадь народныхъ собраній, и школу. Теперь она не только учитъ мыслить, но и заставляетъ дѣйствовать.

Поэтому одно ей имя литературы не можетъ избавлять ее отъ обязанности нести нравственную отвѣтственность за тѣ идеи и цѣли, которыя она проводитъ. Отъ этихъ идей и цѣлей слишкомъ зависитъ судьба дѣтей нашихъ, на нихъ воспитывающихся, судьба всѣхъ дѣлъ нашихъ, подвергающихся ихъ вліянію, чтобы было возможно, какъ прежде, почтительно разшаркиваться передъ каждою дикою и ложною идеею, изъ-за того только, что она литературная.

Но для того, чтобы возможно было здоровымъ идеямъ свободно бороться съ болѣзненными идеями, необходимо одно условіе—свобода борьбы. Свобода борьбы—значитъ свобода литературнаго мнѣнія въ ту и въ другую сторону. Стѣсненіе печати—одно изъ самыхъ бесплодныхъ и наибольше потерявшихъ кредитъ орудій борьбы съ ложными идеями. Нельзя бороться съ тѣмъ, что себя не высказываетъ, что прячетъ свою голову и свое жало въ темнотѣ, что надѣваетъ на себя вынужденную маску.

Область мысли живуча, какъ и область физической жизни. Однимъ запрещеніемъ появляться на свѣтъ Божій въ той или другой формѣ нельзя достигнуть того, чтобы ошибочныя и опасныя понятія дѣйствительно исчезли и уступили мѣсто болѣе здоровымъ.

Сдавленная сверху, мысль будетъ растекаться внизу, какъ запертая вода, но всѣмъ жиламъ подземнымъ, незамѣтно просверливая себѣ ходы въ темнотѣ; тѣмъ болѣе упорная, чѣмъ больше едавливаютъ ее.

Взгляды, наименѣе доказательныя, часто не выдерживающіе самой поверхностной критики, въ ореолѣ преслѣдованія, въ темнотѣ и молчаніи, могутъ приобрѣтать несвойственный имъ характеръ священныхъ истинъ, обнаруженія которыхъ трепещетъ міръ.

«Видно, они дѣйствительно не опровержены по своей сущности, если о нихъ боятся говорить, если противъ нихъ защищаются только чрезвычайными мѣрами насилія», вправѣ думать послѣдователи этихъ взглядовъ. И какъ имъ не увѣровать послѣ того въ нихъ, ничто же сумняшеся.

Всякій знаетъ, какое внезапное значеніе, очень рѣдко соот-

вѣтствующее ихъ внутреннему достоинству, приобретаетъ у насъ запрещенная книга, вырѣзанная статья, приостановленная газета. Общество невольно старается вычитать въ самыхъ обыкновенныхъ выраженіяхъ, въ самыхъ дешевыхъ мысляхъ ихъ, нѣчто особенно глубокое, особенно мѣткое, несомнѣнно попавшее въ какое нибудь дѣйствительно больное мѣсто, тщательно скрываемое отъ общества заинтересованною въ томъ властью. Сейчас же всѣ предполагаютъ, что это только отвернулся маленький случайный уголокъ завѣсы, а что тамъ, дальше за нимъ, можно бы было открыть нивѣсть какое зло, если-бы только не запрещали говорить откровенно. И замѣчательно, что всѣ партіи, всѣ отгѣнки мнѣній инстинктивно становятся на сторону преслѣдуемой книги или запрещеннаго журнала. Всякій чувствуетъ въ этомъ нарушение своихъ собственныхъ священныхъ правъ, несправедливое посягательство на свободу духа, невозможное стремленіе насильно заставить людей думать такъ, а не иначе. Всякій понимаетъ, что если нынче преслѣдуются по личному усмотрѣнію идеи одного характера, то завтра эти самыя идеи могутъ случайно получить господствующее мѣсто и запретить существованіе противоположныхъ имъ идей, сегодня одобряемыхъ. Это и случалось не разъ, какъ всѣ знаютъ. Потребность свободной мысли, свободной вѣры — есть такое свойство человѣка, котораго погасить никогда невозможно, за которое человѣкъ будетъ жертвовать самыми дорогими для него выгодами. Если же было бы возможно погасить въ душѣ человѣка этотъ святой огонь его, эту искренность его жизни, то самъ человѣкъ въ подобномъ видѣ не стоилъ бы ничего, не стоилъ бы названія человѣка. Мало того, никакіе расчеты руководящей власти не могли бы быть построены на такой безхарактерной природѣ, которая оказалась бы равно годною, т. е. равно безучастною ко всевозможнымъ цѣлямъ и принципамъ, а слѣдовательно, не была бы способна послужить опорой чему нибудь и кому нибудь.

Оттого, что общество, лишенное права свободнаго слова, свободной мысли, свободной совѣсти, въ которомъ духовная жизнь можетъ течь только по обязательнымъ, цензурою указаннымъ путямъ, никогда не можетъ чувствовать себя удовлетвореннымъ и спокойнымъ.

Оно невольно бываетъ раздражительно, уныло, неувѣренно въ себя и въ томъ, что дѣлается кругомъ. Какая можетъ быть вѣра въ тѣ или другія дѣла, въ тотъ или другой порядокъ, когда единственный человѣческій путь для выработки всякой правды, — свободно рождающаяся и свободно проявляющая себя

мысль,—закрѣтъ для общества. Какъ можетъ вѣрить въ себя тотъ человѣкъ, у котораго отрицаютъ права искренняго убѣжденія, т. е. самую его человѣческую суть?..

Мы не думаемъ нисколько утверждать, чтобы наша русская мысль въ наши дни находилась въ состояніи какого нибудь исключительнаго стѣсненія. Это было бы слишкомъ явнымъ преувеличеніемъ. Стоитъ только сравнить статьи нашихъ теперешнихъ журналовъ съ статьями 50-хъ и даже 60-хъ годовъ, не говорю уже 30-хъ или 40-хъ, чтобы убѣдиться, какъ ушли мы впередъ въ отношеніи даже свободы слова, хотя въ этомъ отношеніи мы вообще ушли еще недалеко. Если заглянуть еще глубже назадъ, въ дни Радищева и Новикова, въ вѣкъ нашего новорожденнаго европеизма, въ отношеніи къ свободѣ мысли и совѣсти нашего великаго преобразователя, то мы, конечно, подумаемъ, что прожили съ тѣхъ поръ тысячелѣтіе, а не столѣтіе или полтора.

Можетъ быть, не всякій читатель знакомъ, напримѣръ, съ тѣми оригинальными мѣрами цензуры, какія предписывалъ нашъ царь-европеецъ относительно несочувственныхъ ему и подозрительныхъ ему направленийъ мысли. Развертываемъ на удачу сборникъ его указовъ и подъ 1723 годомъ, января 19, читаемъ:

«Монахамъ никакихъ по кельямъ писемъ, какъ выписокъ изъ книгъ, такъ и грамотокъ совѣтныхъ, безъ собственнаго вѣдѣнія настоятеля подъ жестокимъ на тѣлѣ наказаніемъ никому не писать, и грамотокъ кромѣ позволенія настоятеля не принимать, и по духовнымъ и гражданскимъ регулямъ чернилъ и бумаги не держать.

«А ежели которому брату настоящая письма потреба, и тому писать въ трапезѣ, изъ общей чернильницы и на бумагѣ общей, за собственнымъ настоятеля своего позволеніемъ, а самовольно того не держать подъ жестокимъ наказаніемъ».

Этою строгостью Великій Петръ думалъ обуздать суемудріе разныхъ Пименовъ-лѣтописцевъ, съ ужасомъ и негодованіемъ взиравшихъ на его западныя новшества. Однако и его желѣзная дубинка была не въ силахъ разбить ту скудельную чернильницу и разорвать тотъ утлый свитокъ бумаги, съ помощью которыхъ русское старовѣріе силилось изобразить его дѣянія, какъ пришествіе антихристова; расколъ мысли и совѣсти нельзя было остановить не только запрещеніемъ чернильницъ, но даже и двойными податными окладами и прогрессивными штрафами за нехождение къ исповѣди, которыми обложилъ Петръ раскольниковъ.

«...И кто по тѣмъ книгамъ является безъ исповѣди, и съ такихъ править, тѣхъ приходоу, священникамъ штрафы, съ разночинцовъ и съ посадскихъ, первой по рублю, второй по 2 рубля, третьей по 3 рубля, а съ поселянъ первой по десяти денегъ, другой по гривнѣ, третьей по пяти алтынѣ. А которые въ такихъ противностяхъ явятся, и о тѣхъ подавать вѣдомости въ губерніяхъ губернаторамъ и лантратамъ. Имъ по тѣмъ вѣдомостямъ таковымъ чинить наказаніе, а потомъ имъ ту исповѣдь исполнять же» (указъ 16 іюля 1722 г.).

Нужно согласиться, что подобныя цензурныя приемы были во всякомъ случаѣ нѣсколько по-круче нашихъ современныхъ. Но приведенныя нами цитаты пригодны не для одного того, слишкомъ естественнаго вывода; онѣ еще могутъ убѣдить самаго упорнаго сторонника принципа дубинки, на сколько этотъ принципъ безсиленъ и невозможенъ въ борьбѣ съ безплотною силою духа, въ области религиозныхъ вѣрованій и убѣжденій мысли.

Поэтому мы бы привѣтствовали какъ великое благо для правительства и общества, если-бы, наконецъ, была покинута всѣми осуждаемая и всегда бессильная система административныхъ каръ печати, которая неволью вводитъ въ область, особенно нуждающуюся въ искренности, честности и твердости убѣжденій, въ строгой законности приемовъ, духъ угодливости и шаткости, отвращает многія почтенныя и полезныя силы отъ литературныхъ предпріятій, въ виду ихъ слишкомъ рисованнаго, отъ случайности зависимаго положенія, и мало-по-малу можетъ отдать важную воспитательную силу литературнаго поученія въ руки разныхъ шарлатановъ и барышниковъ.

Отвѣтственность печати передъ судомъ совершенно достаточно обезпечиваетъ общество и государство отъ проступковъ и преступленій путемъ печати. Если законы о печати недостаточны, неудобны, ихъ можно пересмотрѣть и видоизмѣнить обычнымъ законодательнымъ путемъ. Но даже очень строгіе законы и даже очень требовательный судъ всегда будетъ предпочтительнѣе личнаго произвола и случайныхъ усмотрѣній. Законъ устанавливаетъ заранѣе общую для всѣхъ и совершенно объективную норму требованій, которую возможно соблюдать всякому, кто этого желаетъ, и которую обязанъ соблюдать всякій, кто живетъ подъ законами государства. Но предвидѣть личное сочувствіе или несочувствіе не можетъ никто и не обязанъ никто.

Мы всё жалуемся на тяжелое нравственное состояніе, угнетающее наши души, на отсутствіе въ нихъ радостныхъ надеждъ и свѣтлой вѣры даже въ то, что дѣлается у насъ несомнѣнно хорошаго. Никто словно не замѣчаетъ этого хорошаго, словно не принимаетъ его за что нибудь серьезное и прочное. Всѣ словно ждутъ, что вотъ проснешься завтра и ничего этого не будетъ, а будетъ совсѣмъ другое, очень скверное. Всякій словно боится вприсакъ попасться, боится развѣсить уши передъ баснями и получить вдругъ обухомъ по головѣ.

Оттого всѣ дѣйствуютъ, говорятъ, думаютъ и чувствуютъ какъ то съ оглядкою, осторожно, ощупывая ногою каждый шагъ, держа на всякій случай камень за пазухою, не позволяя себѣ увлекаться самыми искренними своими порывами и вкусами, не довѣряя самымъ повѣренными убѣжденіямъ, все чего-то ожидая и остерегаясь,—что-то, молъ, будетъ, что-то еще выйдетъ.

Общественная жизнь не смѣетъ распускать всѣхъ своихъ жаровъ и двинуться смѣло на встрѣчу будущему. Она какъ-то лѣниво и нехотя подкладываетъ топливо въ свой паровозъ, словно ежеминутно готовая дать задній ходъ и опустить тормазы.

Наша литература отрицанія, проповѣдующая безнадежную внутреннюю гнилость всего нашего социальнаго, государственнаго и экономическаго строя, осмѣивающая и стыдящаяся его, не признаетъ среди насъ никакой другой живой и плодотворной силы, кромѣ какой-то беспочвенной, книжной «интеллигенціи», и то только такой «интеллигенціи», которая не имѣетъ никакихъ гражданскихъ обязанностей, никакого практическаго дѣла и опыта, а исключительно читаетъ книжки и пишетъ книжки. Да и то какія книжки! Далеко не всѣ, а лишь очень определеннаго характера, книжки извѣстнаго лагеря или, по крайней мѣрѣ, извѣстныхъ темъ.

Эта литература отрицанія, вѣрная своему катехизису, объясняетъ наше томительное состояніе общественнаго духа тѣмъ, что будто бы вышеозначенная «интеллигенція» лишилась кредита и нѣкоторымъ образомъ взята въ подозрѣніе. Безцеремоннымъ приѣмомъ она подмѣняетъ себя, свою худосочную и угрюмую партію одного-двухъ журналовъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ всею русскою образованностью, всею европейскою мыслью, всею цивилизаціею человѣчества.

При такой постановкѣ вопроса, ей нетрудно, конечно, разжалобить міръ своею злосчастною судьбою. Она, видите ли, получила какую-то закулисную цензурную кару, и этого ей достаточно, чтобы возопить о закрытіи русской образованности, о

прекращеніи вѣка цивилизаціи и наступленіи мрачнаго вѣка «чавкающей свиньи» и торжествующихъ дворнниковъ. Ей уже кажется, что вмѣстѣ съ какою-то ея журнальною статьею, не появившеюся въ печати среди десяти тысячъ другихъ статей на ту же тему, провалился въ преисподнюю и Пушкинъ, и Лермонтовъ, и Гоголь, — вся наша поэзія, вся наша гуманная мысль.

Она наивно забываетъ при этомъ, что такъ трогающіе ее теперь Лермонтовы и Пушкины, и вся наша поэзія, и вся наша гуманная мысль, тою же самою партіею, въ тѣхъ же самыхъ журналахъ, хотя и подъ другою обложкою, столько лѣтъ рвались въ клочки, топтались въ грязь, объявлялись баловствомъ праздныхъ крѣпостныхъ баръ, вредною сантиментальною чепухою, застилающею глаза отъ мрачной дѣйствительности; что недавніе руководители и пророки ея, съ самодовольнымъ хохотомъ босоногихъ блузниковъ, добравшихся до статуй музея, еще недавно выкидывали за окно всѣхъ этихъ пушкинскихъ Татьянь, всѣхъ этихъ тургеневскихъ Еленъ и Лизъ, провозглашали сапоги выше Шекспира и вмѣсто лживо поэтическихъ, по мнѣнію ихъ, Жюльетъ и Дездемонъ, поднимали на свой щитъ какуюнибудь Вѣру Павловну изъ Мѣщанской улицы, съ ея аппетитомъ къ мужскому тѣлу, съ ея краткосрочными словесными договорами вмѣсто семейнаго союза, и съ швейною, какъ идеаломъ гражданскаго призванія. Они, пытавшіеся когда-то съ такимъ одушевленіемъ разрушить все наше искусство, науку, нашу духовную жизнь, распатывавшіе всѣ авторитеты, послужившіе къ созданію европейской и нашей русской образованности, проповѣдывавшіе вандализмъ однихъ матеріальныхъ интересовъ толпы, одну близорукую justice distributive, съузвившіе всѣ горизонты человѣческаго міра въ кусокъ хлѣба для рабочаго, не понимавшіе въ этомъ рабочемъ его религіозныхъ и нравственныхъ потребностей, отрицавшіе въ цѣломъ человѣческомъ мірѣ все, вромѣ нервовъ, мускуловъ и кишечнаго канала, — они вдругъ плачутъ по погибшей поэзій, гуманности и цивилизаціи! Свинья, видите ли, ихъ съѣла!

Свинья-то, можетъ быть, и ѣла ихъ, противъ этого мы не споримъ, да та ли только свинья, о которой говорятъ они?

Нѣтъ, мы видимъ главную причину нашего томительнаго состоянія не въ томъ, въ чемъ видятъ, а именно въ томъ, чего не хочетъ видѣть литература отрицанія.

Мы допускаемъ, конечно, какъ уже объяснили выше, что всякія цензурныя стѣсненія мысли и совѣсти удручающимъ образомъ дѣйствуютъ на общественное настроеніе, и что уже ради

одной бодрости общественной жизни необходимо было бы помириться даже съ несомнѣнными неудобствами, даже съ нѣкоторыми несомнѣнными опасностями свободнаго слова.

Но свободное слово еще далеко не идеаль само по себѣ. Свободное слово дорого только тѣмъ, что оно можетъ повести къ торжеству истины и пользы надъ ложью и вредомъ; что только оно одно способно дать исходъ и развитіе дѣйствительнымъ сокровищамъ духа человѣческаго, не терпящимъ никакой формы, не слушающимся никакого предписанія.

Свободное слово дорого потому, что безъ него искажается и впадаетъ въ уродство самая духовная природа человѣка, какъ отъ операциі оскопленія искажается его физическій организмъ: не растетъ волосъ тамъ, гдѣ онъ долженъ расти, вмѣсто румянца является желтая блѣдность, голосъ мужа становится голосомъ ребенка или слабой женщины, и даже самое тѣло мужчины, мускулистое, широкоплечее, постепенно принимаетъ женскій узоръ плечей, широкоутробный и ожирѣвшій слядъ.

Кому дорого правильное духовное развитіе народа, тотъ долженъ стоять за свободу его слова, за свободу его совѣсти.

Но все-таки вліяніе временныхъ стѣсненій нашей печати и вообще нашихъ правъ свободнаго сужденія далеко не можетъ объяснить настоящаго нашего настроенія.

Общество наше еще никогда не пользовалось современно-свободнымъ словомъ, да и врядъ-ли когда пользовалось болѣе свободнымъ, чѣмъ теперь, кромѣ какихъ нибудь кратковременныхъ мгновеній.

Поэтому можно смѣло сказать, что его не можетъ особенно удивить нынѣшнее стѣсненіе печати. Къ тому же есть очень значительная часть общества, которая сама настроена весьма враждебно къ нѣкоторымъ органамъ нашей печати и вовсе не страдаетъ ихъ страданіями.

Если Петербургъ, Москва, Одесса, Харьковъ и проч. могутъ относиться съ нѣкоторымъ раздраженіемъ къ насилванію ихъ вкусовъ, путемъ запрещенія тѣхъ или другихъ органовъ, то за неизмѣримую уѣздную и деревенскую область Россіи можно ручаться, что она относится къ этимъ вещамъ, по меньшей мѣрѣ, спокойно. А между тѣмъ и эта малограмотная область также чувствуетъ на своей душѣ какую-то свинцовую доску, придавившую ее въ послѣднее время. Чувство это не можетъ вызываться такимъ, сравнительно, пустымъ поводомъ, какъ прекращеніе розничной продажи какой нибудь петербургской или московской газеты, или вырѣзка статьи изъ какого нибудь жур-

нала. Нѣтъ, чувство это неизмѣримо общѣе, глубже и серьезнѣе. Не можетъ вызываться оно и опасеніями, что мы идемъ навадъ, что мы собираемся тормазить свѣтлыя и спасительныя реформы нашего освободительнаго періода, что мы салимся возстановить идеалы своихъ среднихъ вѣковъ, какъ хотять увѣрить насъ, не знаю вполнѣ ли искренно, наши огорченные отрицатели.

Кромѣ ихъ, комически смѣшивающихъ съ судьбами русской цивилизаціи судьбу своего тѣснаго партейнаго уголка, никто не будетъ настолько слѣпъ, чтобы не видѣть рѣшительныхъ и послѣдовательныхъ стремленій нашего правительства по тому пути реформъ общественнаго быта и особенно благосостоянія народнаго, по которому неудержимо двинулъ Россію ея царь-обновитель.

Не слѣдовало бы намъ, русскимъ гражданамъ, изъ-за личнаго раздраженія, изъ-за случайныхъ частныхъ, хотя бы даже изъ-за нѣкоторыхъ отдѣльныхъ ошибокъ и заблужденій, закрывать глаза на совершающіеся передъ нами знаменательные акты нашей внутренней политики, плодотворные и по характеру своему, и по своимъ прагматическимъ послѣдствіямъ для блага народа, не признавать, не поддерживать нашимъ сочувствіемъ тѣхъ добрыхъ начинаній нашего правительства, которымъ мы теперь свидѣтели и которыя издавна составляли наше собственное *prim desiderium*.

Изъ-за того, что тѣ, а не другія лица выполняютъ дорогую для насъ программу, что давно манившая насъ мечта осуществляется не съ тѣми внѣшними церемоніями, какія мы воображали себѣ, неблагоприятно было бы бесплодно хмуриться, пролизировать или завертываться въ тогу насмѣшливаго безмолвія въ ту рѣшительную историческую минуту, когда ставятся на очередь коренные вопросы народнаго благополучія, когда государственная власть нуждается въ опорѣ и дружелюбномъ содѣйствіи всѣхъ просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ силъ страны.

Иначе мы довавали бы, что намъ дорого не благо родины само по себѣ, а дорога наша собственная роль въ этомъ благѣ, дорого наше авторское самолюбіе, наши личные вкусы и пристрастія; искреннее служеніе своей странѣ не можетъ примириться съ этою готовностью проваливать все хорошее, что не идетъ прямо черезъ наши руки, съ этою рѣшимостью окрещивать именовъ реакціи и лжи даже честное и спасительное дѣло, если только дѣятели этого дѣла не пользуются нашими симпатіями.

Во всякомъ случаѣ это могло бы послужить печальнымъ

пробнымъ камнемъ для искренности сочувственныхъ влеченій къ народному благу нашихъ инновѣщающихъ отрицателей, слишкомъ увлекающихся своими домашними бурями въ стакаты воды и своею междоусобною булавочною войною.

Облегчается выкупное тягло бывшихъ крѣпостныхъ; указывается рѣшительный предѣлъ обязательныхъ отношеній; столбовое чудище, стерегшее и защищавшее отъ малѣйшаго прикосновенія кабацкое царство и кабацкій барышъ, отброшено въ первый разъ въ сторону; безсовѣстно расхищаемая столько времени государственная земля готовится стать неприкосновеннымъ запасомъ для надѣленія землею тѣхъ рукъ, которыя обрабатываютъ ее своимъ потомъ и мозолями.

Помыслы правительства настойчиво направляются на то, чтобы поднять благосостояніе сельскаго населенія и системою аренды казенной земли, и системою кредита для покупки частныхъ земель, и системою льготныхъ переселеній на казенныя земли.

Ставится на разрѣшеніе вопросъ о широкомъ переустройствѣ всего правительственнаго строя села, уѣзда, губерніи, чтобы придать единство и практическую силу разрозненнымъ и непригоднымъ частямъ теперешняго механизма управления, въ которомъ старыя колеса перемѣшаны съ новыми, не соотвѣтствуя одно другому.

И все это не отлагается куда нибудь въ долгій ящикъ, не таится во тмѣ канцелярій, не поручается однимъ бюрократическимъ фантазіямъ департаментскихъ чиновниковъ, а обсуждается въ земствахъ, разработывается совѣщаніями мѣстныхъ людей, членовъ такого же земства.

Этому ли направленію, этимъ ли начинаніямъ не сочувствовать и не помогать «прогрессивной интеллигенціи», если она дѣйствительно интеллигенція, если только она искренно прогрессивна?

Неужели-же въ самомъ дѣлѣ полезнѣе для блага общества безсодержательное фронтингованіе подъ сурдинку и напѣваніе своихъ озлобленныхъ пѣсенокъ все на одну и ту же нескончаемую тему объ участіи, о дворникѣ, объ урядникѣ, зажмуривъ глаза, заткнувъ уши, не видя и не признавая совершающихся вкругомъ важныхъ событій народнаго благополучія и рѣшительнаго движенія впередъ нашей внутренней жизни? Право, это нѣсколько напоминаетъ остановившихся на точкѣ замерзанія легитимистовъ каковаго нибудь Сень-Жерменскаго предѣстья, ко-

терне фрондируютъ въ своихъ закупоренныхъ аристократическихкихъ отеляхъ противъ неудержимо несущейся впередъ живой жизни страны, отворотившись отъ нея и упрямо повторяя когда-то заученныя, но давно выдохшіяся формулы.

И для тѣхъ, какъ для нашихъ «прогресистовъ», ихъ собственная вороватня и торжество ихъ маленькой клики, видно, важнѣе правды, важнѣе народнаго блага.

И такъ, не задній ходъ нашего правительственнаго царова томить наше общественное мнѣніе, потому что по-истинѣ не видать этого задняго хода, и ничто, кажется, не предвѣщаетъ его. Общественное томленіе, по нашему мнѣнію, имѣетъ другой, болѣе глубокой источникъ — смущеніе умовъ.

Умы у насъ смутились, понятія перепутались — вотъ гдѣ истина. Еще недавно существовали у насъ очень опредѣленныя направленія взглядовъ и стремленій общества, несложненныя никакими таинственными теченіями.

Одни твердо вѣрили, что извѣстныя перемѣны быта, извѣстныя мѣры въ томъ или другомъ смыслѣ, извѣстныя права, даруемыя обществу, ведутъ къ несомнѣнному улучшенію нашего общественнаго состоянія, составляютъ для насъ шагъ впередъ, и потому единодушно и радостно боролись за эти начала движенія.

Другая сторона ожидала отъ этихъ самыхъ мѣръ и перемѣнъ только вреда, только обезсилія и разстройства государства и съ упорствомъ отставала, поэтому, прежнія формы быта.

Но почва у нихъ была одна и та же, цѣли однѣ и тѣ же — развитіе существующаго государственнаго и общественнаго строя.

И консерваторы, и либералы наши были одинаково русскіе люди, для которыхъ одинаково былъ дорогъ весь народъ русскій, дворянинъ какъ крестьянинъ, которые одинаково крѣпко были преданы царю своему, признавали одинаково законныя народныя интересы въ благосостояніи всѣхъ положеній и сословій царства русскаго.

Но, въ послѣдніе годы, у насъ выработались и созрѣли, мало-по-малу, ученые, не имѣющіе уже ничего общаго ни съ либерализмомъ, ни съ консерватизмомъ, ни даже съ самыми крайними идеалами такъ называемыхъ народниковъ нашихъ.

Высжиженные гдѣ-то въ темныхъ углахъ тѣхъ европейскихъ странъ, гдѣ скопляются, какъ клопы въ норахъ, всевозможные элементы общественной смуты и вражды, выметаемые здоровою жизнью обществъ съ ея открытаго пути, эти дикіе ученые при-

няли среди отверженцевъ русскаго общества, на почвѣ невѣжества и жаднаго себялюбія, особенно звѣрскаго и безумнаго характера.

Шайки убійцъ, поджигателей, цареубійцъ, стали проявлять свои кровожадные принципы и свою кровожадную дѣятельность въ дѣломъ рядѣ неслыханныхъ злодѣйствъ, подкоповъ, взрывовъ, выстрѣловъ, измѣнически направленныхъ въ самое сердце народа русскаго, въ его священный идеалъ правды, добра и силы— въ русскаго цара.

1-е марта освѣтило вдругъ своимъ кровавымъ заревомъ всю ужасную истину, до того времени не для всѣхъ еще ясную.

Кто не понималъ, и тотъ понялъ. Безпощадный, безчеловѣчный врагъ оказался среди насъ. Врагъ нашего прошлаго, нашего настоящаго, нашего будущаго, ненавистникъ и истребитель всего того, чѣмъ мы живемъ, во что вѣримъ,— что есть мы сами.

Врагъ, съ которымъ невозможны споры, убѣжденія, соглашенія, уступки, который не говоритъ и не спрашиваетъ, а молча гѣзетъ къ шеѣ съ веревкою или кинжаломъ.

Онъ даже не манитъ ничѣмъ, не общается ничего. Онъ твердитъ одно: «души и разрушай все, что видишь; приводи все въ хаосъ, не жалѣй никого и ничего!.. А тамъ будь что будетъ!.. Не наше дѣло, мы не знаемъ... Души, не раздумывай!..»

Стало вдругъ необходимо для нашего общества построить свои ряды такъ, чтобы въ нихъ не могъ проникнуть этотъ новый врагъ, чтобы онъ рѣзко и наглядно выдѣлился въ свой особый разбойничій станъ, не имѣющій никакихъ точекъ соприкосновенія ни съ какими нашими внутренними направленіями, равногласіями, партіями; чтобы онъ сразу оцѣнилъ свое положеніе, сразу понялъ, что онъ одинаковый врагъ всему русскому, образованному и необразованному, консервативному и либеральному, правительству, обществу, народу; что въ отношеніяхъ къ нему прекращаются всѣ наши домашніе счеты другъ съ другомъ, и всѣ мы, какъ бы ни были различны наши идеалы, единодушно ополчаемся на него ратью, какъ ополчаются, забывъ свои распри и счеты, всѣ жители деревни на бѣшеннаго волка, забѣжавшаго въ ихъ улицу.

Все это, казалось, должно было произойти по естественному закону вещей, по врожденному чувству справедливости, по чувству самосохраненія.

Но этого не произошло.

Общество наше осталось въ какой-то смутѣ ума. Мы такъ отвѣли жить и судить практически, по дѣйствительному требованію дѣла, и, наоборотъ, такъ привыкли пребывать въ области зайствованныхъ съ-чужи теоретическихъ предразсудковъ, безъ умѣнія оцѣнить ихъ пригодность къ жизни и роковыя послѣдствія ихъ, что не нашли въ себѣ ни умѣнья, ни рѣшимости безповоротно размежеваться съ дикими ученіями. Какъ люди, никогда не жившіе своимъ собственнымъ опытомъ, никогда не косившіе на себѣ отвѣтственности за свои ошибки, мы вдругъ оторопѣли передъ необходимостью высказать свой самостоятельный и искренній приговоръ тому, что въ сущности ужасало насъ, но чего мы не осмѣливались понимать и называть по-своему.

Нашему невѣжеству и нашей безхарактерности все мерещилось, что мы можемъ, пожалуй, неосторожнымъ приговоромъ разобидѣть блюстителей обязательныхъ для насъ книжныхъ принциповъ, можемъ показаться въ ихъ глазахъ не тѣмъ, чѣмъ намъ хотѣлось бы казаться передъ ними, чѣмъ они приказываютъ намъ быть. Наша глупость и наша трусость были не въ силахъ опредѣлить сами себѣ даже того, должны ли мы смѣшиваться съ либерализмомъ, съ крайними формами прогресса, царубійство и взрывы улицъ.

Значительная часть нашей молодежи, значительная часть такъ называемой «прогрессивной интеллигенціи» нашей боялись и до сихъ поръ боится откровенно высказаться по этому вопросу, не потому, чтобы они сочувствовали взрывамъ и убійствамъ,—избави Боже отъ этого!—но именно по отсутствію всякой нравственной и умственной самостоятельности, по ребяческому своему малодушію и суевѣрью.

«Возстать энергически противъ царубійцъ—это, значить, открыто стать на сторону правительства»,—думаютъ многіе,—«это, значить, признать всѣ его ошибки и несправедливыя дѣйствія, одобрить програму его политики, которую мы не одобряемъ. Съ другой стороны, высказать свое сочувствіе казненному или преслѣдуемому, за что бы ни казнили или преслѣдовали его, это, значить,—думаютъ они,—остаться вѣрнымъ своему либеральному принципу, отвергающему всякія насилія, всякія казни за различіе въ политическихъ взглядахъ.

И вотъ, такимъ образомъ, создается кельное и совершенно не отвѣчающее дѣйствительности положеніе русской общественной мысли въ глазахъ сторонняго наблюдателя: значительная часть учащихъ, мыслящихъ и пишущихъ людей, отчасти без-

молвіемъ своимъ, отчасти сочувственными намеками, поддерживаютъ его убѣжденіе, что наши анархисты и терористы представляютъ собою не исчадіе зла, возмущающее весь народъ русскій, отъ мала до велика, а своего рода партію передовыхъ борцовъ за свободу и права народа противъ деспотизма власти.

Но это ложь прежде всего относительно самихъ нашихъ «прогресистовъ».

Они сами не могутъ вѣрить и не вѣрятъ, чтобы герои динамита дѣйствительно были людьми ихъ лагеря, защитниками ихъ интересовъ. Они должны понимать, что дай волю этимъ винжалъщикамъ, и прежде всего удары ихъ направятся именно на сторонниковъ прогреса, какъ партіи, наиболее опасной для ихъ цѣлей своими мирными перспективами постепеннаго развитія по европейскому шаблону, особенно ненавистному терористамъ. Никакими конституціями и реформами не насытятся этихъ дикарей, жаждущихъ всесвѣтнаго крупненія нынѣшняго общества.

Еще больше это ложь относительно господствующаго настроенія русскаго общества, не говоря уже о простомъ народѣ, который изстари выработалъ для всѣхъ такихъ смутчиковъ своихъ характерное имя «лихихъ людей», прилаженное имъ съ разными мѣстными варіаціями и къ теперешнимъ нашимъ терористамъ.

А между тѣмъ, послѣдствія этой лжи чрезвычайно важны. Ложь эта и составляетъ главный источникъ той смуты умовъ, которою мы озаглавили настоящую статью.

Ложь эта поселила то непобѣдимое, удручающее всѣхъ взаимное недоувѣріе, которое ощущаетъ теперь каждый изъ насъ, которое проникаетъ собою всѣ сферы жизни нашей, не только политической, литературной и общественной въ широкомъ смыслѣ, но даже частную и семейную нашу жизнь.

Невыдѣленный нами прочь, невымежеванный отъ насъ самихъ элементъ зла остается не чѣмъ нибудь, внѣ насъ стоящимъ и намъ рѣшительно чуждымъ, съ чѣмъ можно прямо бороться, что можно счесть и взвѣсить, какъ всякую опасную внѣшнюю силу, и отъ которой можно огородиться, какъ отъ всего, наступающаго со стороны, а остается именно неудобнымъ, неяснымъ, скрытымъ внутри, незамѣтно смѣшивающимся съ идеями и дѣйствіями, противъ которыхъ нежелательны и часто немислимы враждебные удары, а потому и недостижимымъ для этихъ ударовъ общественной самозащиты.

Но если самое зло, такимъ образомъ, ускользаетъ, во мно-

жествъ случайвъ, отъ прямаго преслѣдованія и ослабляетъ бо-рющуюся съ нимъ руку постоянною встрѣчкою съ безразличными и средними элементами, его удерживающими, то за то самые эти средніе элементы возбуждаютъ невольное раздраженіе и подозрѣніе, какъ въ прямыхъ органахъ власти, призванныхъ къ охранѣ государства отъ враждебныхъ ему силъ, такъ и во всемъ остальномъ обществѣ, искренно жаждущемъ искоренить изъ себя, разъ навсегда, губящее его зло.

Люди практическаго дѣла, серьезно озабоченные будущимъ, неограничивающіе своихъ интересовъ книжками ежемѣсячныхъ журналовъ и номерами ежедневныхъ газетъ, съ ужасомъ думаютъ, на кого же можно положиться, гдѣ искать опоры въ борьбѣ съ грозящею обществу опасностью?

Встрѣчая странную недосказанность и уклончивость въ «прогрессивной» части литературы, въ своемъ «образованномъ» юношествѣ, а часто даже затаенное сочувствіе къ тѣмъ, кто переполняетъ общество ужасомъ своихъ преступленій, — они мало-помалу приучаются съ недоувѣріемъ и враждебностью относиться даже ко всему хорошему, что исходитъ изъ лагеря этого ложнаго прогресса, ложнаго образованія; они нечувствительно при-выкаютъ обобщать и смѣшивать всякія либеральныя стремленія съ стремленіями разрушительными. Затѣвается ли какая нибудь важная реформа въ прогрессивномъ смыслѣ, принимаются ли какія нибудь мѣры къ развитію народнаго образованія, хотя бы самимъ правительствомъ, огромная масса общества часто смотритъ на это подозрительно и несочувственно.

«Какой провъ поощрять образованіе, когда оно ведетъ теперь только къ бѣдствіямъ, когда оно лишаетъ человѣка основныхъ здравыхъ понятій и дѣлаетъ его врагомъ своего отечества?» думаетъ практическій людъ, и не одно купечество, духовенство или крестьянство, не одно глухое деревенское дворянство, но и многіе люди, сами получившіе образованіе, сами всегда дѣятельно сочувствовавшіе общественной пользѣ.

«Вотъ еще новая реформа, новое улучшеніе, новыя жертвы со стороны государства и общества», говорятъ они. — «Но какая же польза изъ этого? Чѣмъ больше сдѣлано для народа, тѣмъ безнадежнѣе и несчастнѣе признается положеніе народа тѣми, у кого книги въ рукахъ, которые имѣютъ притязаніе считать себя представителями передовой мысли, жрецами прогресса. Развѣ эти мѣры, эти улучшенія помирятъ ихъ съ обществомъ и правительствомъ, прекратятъ ихъ проклятія настоящему, ихъ упреки

асѣтъ намъ въ погибели народа; развѣ они останавятъ, наконецъ, измѣнническую руку враговъ?

Недовѣріе къ нашему теперешнему образованію, къ нашему теперешнему учению, къ нашей теперешней литературѣ, во всему, что стремится двигать общество впередъ, развивается чрезвычайно замѣтно среди людей, еще на-дняхъ бывшихъ стойкими сторонниками общественнаго прогресса, — недовѣріе, не къ ученію или литературѣ вообще, а именно только къ нашему, именно только къ нынѣшнему, и именно потому и только потому, что нѣкоторыя направленія литературы, считающія себя передовыми по преимуществу, и что часть нашего молодого поколѣнія, также считающая себя передовою по преимуществу, не сочли нужнымъ твердо выиснить передъ обществомъ своихъ отношеній къ партіи анархіи и терора, съ которою борется Россія, и даже дали обществу поводъ, очевидно ложный, подозрѣвать себя въ нѣкоторомъ сочувствіи къ этой партіи.

Если когда было естественно и простиительно недовѣріе и подозрительность, то именно въ наше смутное время, когда, въ великому нашему горю, пришлось повѣрить тому, что еще вчера готовъ былъ считать за невозможное, когда самые хладнокровные и нѣмчатательные люди вправѣ ожидать рѣшительно всего. Если когда было необходимо ясно и точно установить свой символъ вѣры и провести рѣзкую разграничительную черту между тѣмъ, гдѣ кончаются самыя крайнія мнѣнія гражданскія пожеланія и гдѣ начинается станъ враговъ отечества, въ то же время и моихъ враговъ, — то именно въ наши дни поразительной неожиданности, неимовѣрныхъ заблужденій и смертельной вражды.

Счесться своими, разобраться, кто за насъ и кто противъ насъ, — это такая неотложная общественная задача, которая съ 1 марта рѣшительно стала на первую очередь передъ всѣми другими вопросами.

Удивительно, какъ находятся люди, которые этого не поняли и не понимаютъ до сихъ поръ, которые дѣтски изумляются рѣзкому передвиженію фронта въ нашихъ общественныхъ и литературныхъ кругахъ послѣ катастрофы 1 марта, рѣзкому измѣненію точекъ зрѣнія и требованій.

Но развѣ 1 марта ничего не случилось такого, что вдругъ отверзло наши очи на многое, что до тѣхъ поръ скрывалось въ нѣкоторомъ туманѣ сомнѣній? Развѣ новыя обстоятельства, новыя опасности, не создаютъ обязательно новаго способа дѣй-

ствій, новыхъ задачъ? Или государственная и общественная жизнь есть мертвая кукла, не вѣдающая жизненныхъ видоизмѣненій и приспособленій, катящаяся все на однихъ и тѣхъ же колесикахъ, — все по однимъ и тѣмъ же слѣдкамъ, для забавы ребенка.

Недовѣріе и подозрительность въ нашихъ «прогрессистамъ», въ нашей учащейся и только что выучившейся молодежи, питаемое практической частью общества, разумѣется, не могло не проникнуть въ значительной степени и въ сферы самого правительства, въ которомъ также образовались сильныя теченія въ этомъ смыслѣ, сильныя до такой степени, что нужно удивляться настойчивости и искуству тѣхъ представителей власти, которымъ удается, не смотря на это могучее сопротивленіе, все таки вести правительственный корабль по рѣшительному пути усовершенствованій и обновленія народной жизни.

Съ своей стороны, вся честная либеральная наша мысль, непричастная заблужденіямъ своей крайней фракціи, чувствуетъ несправедливость этой огульной заподозрѣнности и недовѣрія, вслѣдствіе этого она сама начинаетъ относиться къ враждебнымъ ей теченіямъ общества и правительства съ раздраженіемъ и опасеніями, какъ къ силѣ, посягающей на ея законное существованіе и стремящейся вырвать изъ ея рукъ плоды долговременной борьбы ея на пользу общества и народа.

Стоя на этой почвѣ, она точно также нерѣдко отдѣливаетъ пристрастно и неправильно даже то хорошее и плодотворное, что исходить изъ стана людей, къ которому она питаетъ недовѣріе; даже тѣ мѣры обороны, которымъ предпринимаются исключительно противъ явныхъ враговъ отечества, противъ террористовъ и нигилистовъ, нерѣдко принимаются на свой счетъ нашею либеральною мыслью и возбуждаютъ ея естественное негодованіе и обидное сознаніе оказываемой ей несправедливости. Все вмѣстѣ, это и создаетъ ту тяжелую атмосферу всеобщаго взаимнаго недовѣрія, раздраженія и мрачныхъ ожиданій, которая давить нашу душу не только въ жизни политической, литературной или общественной, но даже и въ частной жизни.

Понятно, что въ такой атмосферѣ даже самыя благонамѣренныя и плодотворныя начинанія правительства не въ силахъ создать радующихъ горизонтовъ и свѣтлаго настроенія общественнаго духа, которые немелкими тамъ, гдѣ нѣтъ вѣры ни другъ въ другъ, ни въ завтрашній день.

Уничтожить это гибельное взаимное недовѣріе, повторяемъ, возможно только на почвѣ основнаго вопроса переживаемой

нами исторической минуты, только объединивъ наши взгляды относительно опаснѣйшаго врага нашего отечества, только единодушно, всѣми нашими партіями и отѣнками мнѣній, громко признавъ, что врагъ этотъ есть нашъ общій врагъ, и что затѣмъ всѣ наши домашніе счеты и разногласія касаются только насъ самихъ.

Пока партіи наши были исключительны партіями литературными, партіями слова, а не дѣла, всякаго рода точки зрѣнія были терпимы и мыслимы, являясь только своеобразными подробностями въ теоретической разработкѣ вопросовъ; но теперь наивно было бы такъ сповойно и легко относиться къ значенію этихъ партій.

Теперь среди насъ живетъ и беспощадно работаетъ притаившійся до времени смертельный врагъ нашъ. Онъ неутомимо проповѣдуетъ, неутомимо подыскиваетъ и набираетъ своихъ адептовъ, посылая ихъ въ рѣшительныя минуты на злодѣйства и ужасы, имѣющіе конечною цѣлью сокрушить весь нашъ государственный, общественный, семейный и религіозный строй, упразднить огнемъ и кровью всѣхъ насъ и все наше.

Было бы безумно не оглядываться теперь, не искать этого врага, не принимать мѣръ противъ его вѣроломныхъ ударовъ; было бы безумно съ довѣрчивою слѣпотою отдавать въ его сѣти наши беззащитныя молодыя поколѣнія, оставаясь въ легкомысленномъ невѣдѣніи, кто поучаетъ ихъ печатнымъ или устнымъ словомъ, враги наши или друзья наши?

Теперь всѣ маски должны быть сняты, всякія умолчанія и недоговоры отложены въ сторону. Теперь не время двусмысленныхъ ужимокъ, полусловъ и намековъ. Теперь необходимо вскому сказать честно и твердо: я съ вами, а не съ ними.

И если-бы это было сказано всѣми, кто можетъ это сказать,—прояснилась бы и прочистилась сразу наша общественная атмосфера.

Тогда описался бы самъ собою кругъ нашихъ враговъ; тогда мы почувствовали бы себя дома, въ домѣ своемъ, и каковы бы ни оказались силы враговъ, мы не убоились бы борьбы съ ними, разъ они стали извѣстны, разъ мы можемъ видѣть ихъ и схватиться съ ними грудь съ грудью. Мы крѣпко убѣждены, что ихъ оказалось бы очень мало, гораздо менѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ у насъ, гораздо менѣе, чѣмъ сами они расчитываютъ. Уничтожить взаимное недоразумѣніе, неопредѣленность и несносность нашего положенія относительно общаго

врага—вотъ что нужно. А для этого достаточно одной искренности, одного признанія важности и необходимости такого шага.

Нужно ли еще доказывать эту важность, эту необходимость?

Неужели всё мы, либералы, прогрессисты, радикалы, консерваторы, неодинаково чувствуемъ позорное состояніе какого-то рабства передъ невѣдомымъ и невѣдомыми?

Неужели всё мы неодинаково понимаемъ, какъ далека отъ всякихъ цѣлей и интересовъ свободы та средневѣковая тиранія кинжала и веревки, которою продолжаютъ грозить намъ изъ черной дыры руки безыменныхъ злодѣевъ въ черныхъ маскахъ, этотъ возмутительнѣйшій и колоссальнѣйшій изъ всѣхъ деспотизмовъ?

Всякій другой видъ насилія и произвола еще возможно перенести.

Когда Иванъ Грозный производилъ свои жестокія пытки, въ этомъ былъ какойнибудь смыслъ.

Это было только случайное заблужденіе или увлеченіе той законной силы, которая была призвана народомъ къ безграничной власти, къ распоряженію его судьбами по произволу своему—согласіемъ и внутреннимъ убѣжденіемъ самого же народа этого, цѣдой русской страны.

Каково бы ни было внутреннее достоинство подобныхъ убѣжденій, самый пристрастный человѣкъ долженъ признать, что единодушное согласіе многихъ миліоновъ есть нѣчто обязательное для немногихъ единицъ. Человѣкъ, будучи республиканцемъ въ душѣ и сознавая, что кругомъ его 80 миліоновъ народа, горячіе приверженцы царской власти, разумѣется, не можетъ присвоить своему единоличному взгляду такое значеніе, чтобы считать себя вправѣ не покоряться желанію этихъ 80 миліоновъ.

Это именно и даетъ нѣкоторый нравственный смыслъ произволу, опирающемуся на всеобщее одобреніе самаго принципа произвола. Оттого-то люди древней Россіи, князья и бояре, гибнувшіе на лобномъ мѣстѣ по велѣнію жестокаго царя, умирая, сохраняли покорность и благоговѣніе въ казнившей ихъ рукѣ. Они были искренніе люди своего народа, и сознавая всю несправедливость претерпѣваемой казни, возмущаясь противъ личной жестокости Ивана IV, въ то же время не переставали вѣрить въ самое право его казнить и миловать ихъ, вѣрили въ божественное значеніе самой власти царской.

Но что можетъ быть унизительнѣе и безсмысленнѣе, какъ цѣлому народу находиться подъ тиранію днѣихъ идей какого нибудь невѣдомаго заговорщика, какого нибудь ничтожнаго тайнаго кружка злодѣевъ и фанатиковъ, которые не смѣютъ выступить на свѣтъ Божій съ своимъ ученіемъ, потому именно, что весь народъ содрогнется отъ него и подавить его своимъ презрѣніемъ.

Повторяемъ, нельзя избрѣсти рабства, болѣе постыднаго, болѣе возмущающаго свободный духъ человѣка, какъ это постоянное издѣваніе дерзкаго произвола немногихъ личностей надъ глубокими убѣжденіями, вѣрованіями и желаніями многомиліоннаго народа.

Бывали въ исторіи разныхъ народовъ печальныя эпохи, когда законъ и власть, изображающія собою силу народа, были до такой степени потрясены, что помимо ихъ, часто выше ихъ, становилась какая нибудь иная тайная сила, сама себѣ присвоившая права закона, власти. Исторія пережила и вѣка тайныхъ судилищъ, и всемогущество іезуитскаго ордена, грозное для папъ и императоровъ.

Но эти тайныя судилища, по крайней мѣрѣ по идеѣ своей, выросли на почвѣ нравственныхъ началъ, стремились, хотя и средствами насилія, къ восстановленію той правды, которая лежала въ сознаніи всего тогдашняго общества, которая давно призывалась имъ, но торжеству которой препятствовали, по мнѣнію тогдашнихъ сторонниковъ этой правды, пороки и преступленія отдѣльныхъ людей. Члены какого нибудь *Sainte-Vehme* хотя и казнили свои жертвы судомъ нелегальнымъ, но все-таки они казнили людей, заслуживающихъ эту казнь своими собственными злодѣяніями и преступленіями, по общему мнѣнію даже тѣхъ, кто не принадлежалъ къ составу тайнаго общества; все-таки подобный самосудъ, какъ ни опасенъ и ни ошибоченъ онъ по принципу, на дѣлѣ являлся выразителемъ и исполнителемъ желаній и взглядовъ самаго народа. Онъ служилъ не цѣлямъ разрушенія и хаоса, а цѣлямъ порядка и законности, восстановленію общества, а не уничтоженію его; онъ являлся не врагомъ, а напротивъ того, мстителемъ существовавшихъ въ обществѣ нравственныхъ и юридическихъ основъ, карателемъ за нарушеніе ихъ.

Но, конечно, и въ такой формѣ онъ не могъ быть терпимъ, ибо легко могъ выродиться въ произволь отдѣльныхъ личностей надъ обществомъ, въ тайный терроризмъ, страшнѣе всякаго явнаго.

Исторія не терпитъ общихъ мѣстъ и не принимаетъ во вниманіе самыхъ благонамѣренныхъ илюзіи. Она, вводитъ въ жизнь новыя силы звѣрской дикости, безжалостной послѣдовательности, какія только изрѣдка освѣщались намъ въ прежніе вѣка, въ самыя кровавыя эпохи ихъ, — какъ неистовства Стеньки Разина, «Сентябрскія убійства Парижа», «Варфоломѣевская ночь».

Тутъ прямо и открыто владычествуетъ надъ всѣмъ одно страстное влеченіе — истребить огнемъ и мечемъ все, что не они сами. Обречь погибели цѣлый міръ, и на развалинахъ его дать свободный разгулъ своему фанатизму.

На публичныхъ сходкахъ американскихъ социалистовъ, устали Гассельмана уже давно предначенъ къ казни винжаломъ и веревкою маститый вождь, объединитель Германіи, который, кажется, не можетъ быть обвиняемъ ни въ отсутствіи парламентаризма и свободной прессы, ни въ грубыхъ мѣрахъ реакціи. Развѣ можно ручаться, что этому Гассельману посчастливится не болѣе, чѣмъ его предшественникамъ Геделю и Нобилингу?

Республика точно также мало спасетъ отъ террора подземныхъ анархистовъ, какъ и конституція. Если недостаточно примѣра зарѣзаннаго Линкольна, освободителя негровъ, если мало живы въ памяти нашихъ поколѣній послѣдовательныя казни жирондистовъ, дантонистовъ, эбертистовъ, неперестававшія обогрывать самую неподдѣльную республиканскою кровью республиканскую гильотину Франціи, — то недавно еще всякій могъ прочесть во французскихъ газетахъ, какъ парижскіе ораторы, вернувшіеся съ каторги, въ своихъ, столь же восторженныхъ, сколь бессмысленныхъ спичахъ, обрекали смерти одного изъ главныхъ основателей французской республики — Леона Гамбетту, краснаго изъ красныхъ даже по мнѣнію многихъ республиканцевъ. Это алчное и слѣпое чудовище, если ему дать волю, пожретъ не только всѣ существующія у насъ формы общественной жизни и мысли, но даже самого себя и своихъ дѣтищъ.

Поэтому невозможно достаточно изумляться близорукости нѣкоторыхъ политическихъ партій Европы и нѣкоторыхъ нашихъ лжепрогресистовъ, которые все еще продолжаютъ воевать съ страшнымъ подземнымъ чудовищемъ, уже познавшимъ вкусъ крови и теперь жадно облизывающемся на новыя жертвы, прежде всего на этихъ самыхъ, заигрывающихъ съ нимъ легкомысленныхъ людей.

У насъ, въ Россіи, какъ мы твердо убѣждены, анархія является только ничтожною, зашлою шайкою, чуждою всякихъ

корней въ народѣ и обществѣ; въ Европѣ она гораздо грознѣе, могучѣе, гораздо глубже вросла въ народныя организмы.

Но за то опасность отъ нея у насъ увеличивается паразитическою слабостью отпора, общественною слѣпотой и дряблостью, бездарностью агентовъ власти.

Въ нашемъ обществѣ, ничтожное теперь ядро можетъ возбуждать широкое внутреннее броженіе, именно потому, что общество само не окристаллизовано въ прочно выработанныя, живучія формы, что оно само находится въ какомъ-то подготовительномъ состояніи маточнаго раствора. Кромѣ крестьянскаго сословія, живущаго своею самобытною и обособленною жизнью, язва анархїи не встрѣтитъ въ нашемъ обществѣ ни крѣпкой сословной организаціи, ни сильныхъ союзовъ во имя какой нибудь нравственной или экономической цѣли, ни живаго религіознаго чувства, ни основательныхъ знаній, ни глубоко укорененныхъ привычекъ воспитанія, ни строгой жизни семьи, ни чувства законности, ставшаго естественнымъ инстинктомъ, воплотившагося въ плоть и кровь нашу.

Вотъ сюда-то прежде всего должны быть направлены неутомимыя усилія наши въ борьбѣ на жизнь и смерть съ анархїею.

Обществу нашему должна быть предоставлена, наконецъ, свободная школа для выработки въ себѣ этихъ основныхъ, неразвитыхъ въ немъ силъ, полнымъ довѣріемъ къ нему правительственной власти, снятіемъ съ него бесполезной опеки, такъ вредно задерживающей его естественный ростъ.

Чѣмъ сильнѣе и самостоятельнѣе будетъ общество наше, тѣмъ больше незамѣнимыхъ союзниковъ прїобрѣтетъ правительство наше для борьбы съ своимъ подземнымъ врагомъ, тѣмъ вѣрнѣе истребятся въ обществѣ тѣ ядовитыя сѣмена, изъ которыхъ вырастаютъ эти губительныя паразитическія растенія.

Въ этомъ отношеніи европейскія общества дѣйствительно имѣютъ огромное преимущество передъ нами.

Если само зло тамъ сильнѣе и глубже, то за то оно нейтрализируется тамъ массою другихъ, враждебныхъ ему силъ, привыкшихъ къ борьбѣ и способныхъ къ побѣдѣ.

Пока надъ обществомъ виситъ дамокловъ мечъ терроризма, пока ходъ государственной машины можетъ быть остановленъ въ каждую данную минуту, по прихоти горсти безумцевъ, и величайшіе государственные дѣятели могутъ быть устранены ими со сцены исторіи однимъ взмахомъ злодѣйской руки, — въ мирѣ

не можетъ существовать ни правильнаго развитія общественныхъ учреждений, ни здоровой внутренней политики, ни мирныхъ занятій науками, искусствами и промыслами.

Постоянное осадное положеніе равно убійственно и для гражданственности, и для благосостоянія народовъ.

Всякій законъ, всякій порядокъ теряютъ почву и внутренній авторитетъ, когда обществу не обезпеченъ покой завтрашняго дня; когда самыя основныя твердыни государственнаго зданія подвержены опасности ежедневной гибели; когда въ общество проникаетъ леденящее сознаніе, что есть гдѣ-то во тьмѣ нѣчто болѣе сильное, чѣмъ законъ и вѣковыя учрежденія цѣлаго народа, выражающія волю его.

Это унижительное сознаніе своего рабства передъ произволомъ невѣдомыхъ злодѣевъ должно поглощать всю энергію гражданскаго чувства человѣка; онъ долженъ, во что бы то ни стало, прежде всего вооружиться противъ подземной тираніи и сокрушить ее въ прахъ, или самому погибнуть отъ нея, если-бы она могла оказаться такою баснословно могучею. Выносить же позоръ своего государственнаго и общественнаго безсилія нѣтъ никакой возможности, никакого смысла. Лучше не жить вовсе, чѣмъ жить подъ ежеминутнымъ страхомъ взрывовъ, убійствъ и всякихъ кровавыхъ катастрофъ, быть трусливымъ свидѣтелемъ того, какъ энергическіе исполнители своего общественнаго долга безнаказанно падаютъ на нашихъ глазахъ подъ ударами тайныхъ злодѣевъ, за нашу свободу, за наше спокойствіе, неотмщенныя, незащищенные нами.

Полтора вѣка наполняли ужасомъ азіатскія страны «ассасины» XII и XIII столѣтій, изувѣрныя послѣдователи Гассана-Ибнъ-Саббага, высылаемые своимъ мистическимъ «старцемъ горы» изъ своей заоблачной крѣпости Аламонда на чудовищныя злодѣянія; ихъ трепетали всѣ, цари, правители, и всѣ платили имъ дань.

Но то была Азія, не знавшая иной жизни, кромѣ жизни раба или деспота, богопоклоненія или убійства; то была темная дикость среднихъ вѣковъ, съ ея всеобщою приниженностью и необезпеченностью; то былъ міръ мрачнаго фатализма, противъ котораго никто не смѣлъ возмущаться.

Не на то же мы выработали европейскую науку и цивилизацію XIX вѣка, съ ея идеями человѣческой чести и свободы, чтобы отдаться во власть нашихъ доморощенныхъ «ассасиновъ», опьяненныхъ, вмѣсто гашиша, фанатическимъ бредомъ своего собственнаго невѣжества и звѣрствомъ своей нравственной природы?

Убить царя!.. Это всего два слова. Но какое необъятное значеніе имѣютъ эти два слова! Убийство русскаго царя поразило какъ ударомъ грома не однихъ русскихъ, вѣрныхъ царю, любящихъ царя, даже не однихъ такъ называемыхъ монархистовъ запада, не однихъ союзниковъ и друзей Россіи.

Оно одинаково поразило и политическихъ недруговъ Россіи, и недруговъ монархическаго правленія. Поразило потому, что въ глазахъ всякаго мыслящаго человѣка убійство народнаго вождя есть предѣлъ насилія личности надъ народомъ, предѣлъ торжества анархическихъ силъ надъ закономъ.

Въ древнее время вожди до такой степени олицетворяли собою народную силу, что поединокъ вождей рѣшалъ судьбы народовъ. Въ этомъ инстинктѣ древности много внутренней правды.

Если даже священная глава царя, глубоко чтимая цѣлымъ народомъ, охраняемая всѣми его физическими и нравственными силами, не можетъ быть безопасна отъ произвола злодѣевъ, то ясно, что все въ ихъ власти. Если они проникли даже въ эту святая святыхъ, въ самый алтарь государства, то куда же послѣ этого не проникнуть они, если только захотятъ этого?

Можетъ ли всегда дѣйствовать увѣренно и твердо даже самый высшій исполнитель закона и воли государя, когда онъ знаетъ, что никто не защититъ его отъ приговора подземныхъ тирановъ, поборовшихъ законъ и государство?

Можетъ ли всегда съ искренностью и одушевленіемъ обличать гнусныя ученія анархистовъ и направлять общество на путь правды профессоръ, проповѣдникъ, писатель, которыхъ вліяніе можетъ показаться слишкомъ опаснымъ незрѣлому агенту торжествующей надъ всѣмъ тайной власти?

Кто еще знаетъ, какое участіе въ власти нашей полиціи и администраціи при борьбѣ съ злодѣями, въ потворствѣ нѣкоторыхъ органовъ нашей печати, играла до сихъ поръ малодушная трусость, или слишеомъ благоразумная осторожность? А это то именно и есть то постыдное духовное рабство, противъ котораго предостерегаемъ и вооружаемся мы.

Мы, русскіе, свергали въ своей исторіи не одно тяжкое иго, одолѣвали не одного опаснаго врага. Свергали татарина и поляка, выгнали шведа и француза, смирили донскія, поволжскія, уральскія вольницы, Разинныхъ и Пугачевыхъ. Всѣ били насъ сначала, отъ всѣхъ мы долго терпѣли, но подъ конецъ мы теряли терпѣніе, сознавали недостойность и невыносимость своего положенія и одолѣвали врага.

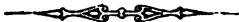
Настоящая борьба наша съ анархіею нисколько не менѣе серьезна, какъ самыя роковыя эпохи нашей исторіи.

Пугачевскіе принципы разрушенія, звѣрская кровожадность Разина, татарское иноземное рабство — грозятъ намъ и теперь въ дѣяніяхъ разныхъ бѣглыхъ жидовъ, инородцевъ и доморожденныхъ русскихъ исчадій. Все злобное и дерзкое, что выплозло изъ-подъ навоза и захогѣло жребія избранниковъ безъ труда и заслуги, соменулось вмѣстѣ и полѣзло на приступъ современнаго европейскаго общества. Наша Россія служитъ только первымъ бастиономъ; который намѣтила себѣ эта черная рать всесвѣтнаго зла.

Въ Россіи нашей она разчитываетъ найти болѣе брешей и менѣе осторожныхъ и энергическихъ защитниковъ. Пусть же самая оскорбительность этого замысла послужитъ намъ предостереженіемъ.

Одушевимся и сплотимся, наконецъ, вмѣстѣ; оставимъ нашу старую рознь, какъ сплывались въ былое время наши отцы, наученные жестокимъ опытомъ собственнаго раздора и неурядиць, — и тогда наступитъ конецъ «смутному времени», тогда прекратится томящая насъ теперь смута умовъ.

Евгеній Марковъ.

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА.

(ВАРИАЦІЯ НА МОТИВЪ ИЗЪ Е. МАНЮЭЛЯ).

Молиться я хочу; минута наступаетъ,
Что будто создана для свѣтлыхъ, чистыхъ думъ;
Вотъ ночь надъ городомъ покровъ свой разстилаетъ
И скоро въ немъ замретъ дневной работы шумъ.
О, пусть уляжется моей души тревога:
Я въ помыслахъ моихъ желаю воскресить
Тотъ образъ вѣчнаго и любящаго Бога,
Который я успѣлъ почти совсѣмъ забыть.
Хочу въ моемъ умѣ зажечь остатокъ свѣта,
Что въ немъ послѣдними ужъ искрами горитъ,
Огонь, которымъ грудь моя была согрѣта,
Онъ пепломъ и золой, едва блестя, покрытъ.

Мнѣ памятенъ одинъ изъ давнихъ, юныхъ дней:
Такой же вечеръ былъ; ужъ солнце догорало,
И краснымъ золотомъ остывшихъ лучей
Лицо коварное волшебницы моей
И косы темныя, свергая, обливало...

Но для чего теперь объ этомъ вспоминать?
 Къ давнишнимъ образамъ зачѣмъ стремятся очи?
 Прогонимъ прошлое, которое опять,
 Подобно призраку, встаетъ подъ сѣнью ночи!
 Оно теперь меня не можетъ возмутить,
 Я сожалѣній чуждъ, я съ грезами разстался,
 Въ минуту тишины хочу я позабыть
 То рабство жалкое, въ которомъ пресмыкался...
 Помолимся!.. И пусть спасительный полетъ,
 На крыльяхъ пламенной, восторженной молитвы,
 Меня отъ суеты безумной унесетъ,
 Дастъ миръ моей душѣ среди житейской битвы.

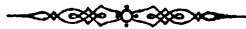
Помолимся!.. Но миръ едва ли низойдетъ,
 Священной тишиной мнѣ душу наполняя,
 Когда былая скорбь въ ней громко вопиетъ,
 Былыя имена и лица призывая.
 Я вижу образы всѣхъ тѣхъ, кого любилъ,
 Они изъ прошлыхъ дней опять ко мнѣ несутся;
 Я ими дорожу: я имъ обязанъ былъ
 Часами радости, что больше не вернутся.

Тѣ дни прошли давно... затѣмъ пора борьбы,—
 И въ памяти моей ея волненья живы,—
 Исканье разныхъ благъ, превратности судьбы
 И честолюбія безумные порывы.
 О, сколько здѣсь преградъ и терній я встрѣчалъ!
 Какъ я тревожился! Ты, Господи, свидѣтель,
 Какъ я, въ отчаяннѣ моемъ, изнемогалъ,
 И какъ порой моя слабѣла добродѣтель...
 О, сколько бѣдствія и сколько горькихъ слезъ,
 Моихъ и ближняго!.. Но... вновь я увлекаюсь:
 Я къ прошлому лечу на легкихъ крыльяхъ грезъ
 И отъ Тебя, о, Боже, удаляюсь.

Помолимся!.. Но гдѣ слова мнѣ обрѣсти,
 Что сердце нѣкогда мнѣ миромъ наполняли?

Зачѣмъ становитесь вы на моемъ пути
Житейской суеты, работы и печали?
За мыслью мысль летить и каждая изъ нихъ
Свой образъ суетный изъ мрака выдвигаетъ;
Все это прошлое опять въ глазахъ моихъ
Безостановочно проходить и мелькаетъ.
Назойливо встаютъ, волнуются въ тиши
Воспоминанія, видѣній вереницы..
О, Боже праведный, какъ трудно для души
Подняться до Тебя изъ стѣнъ своей темницы!..

Д. Михаловскій.

ПОПУЛЯРНЫЯ ВЕСЪДЫ О ВОЗМОЖНОСТИ ЛЕЧИТЬСЯ ПО ГОМЕОПАТИЧЕСКОМУ СПОСОБУ ВЪ ОТСУТСТВІЕ ВРАЧА ¹⁾.

§ 6. Воспаленіе пищева́рника.

Воспалительное пораженіе пищева́рника бываетъ или простое катаральное воспаленіе слизистой оболочки, появляющееся вслѣдствіе распространенія катаральнаго процесса во рту или въ желудѣ на пищева́рникъ, или же оно не только захватываетъ слизистую оболочку, но также и остальные, болѣе глубоко лежащіе слои ткани этого органа.

Въ этихъ случаяхъ почти всегда болѣзнь происходитъ отъ механическаго или химическаго поврежденія пищева́рника ка-кимъ нибудь постороннимъ тѣломъ или очень горячею пищею, или, наконецъ, острыми, разъѣдающими веществами, кислотами и другими ядами. Наконецъ, бываетъ иногда, что дифтеритъ или крупъ распространяется на пищева́рникъ.

Симптомы и теченіе.

При легкомъ катаральномъ воспаленіи слизистой оболочки пищева́рника, симптомы бывають не очень значительны.

Больные жалуются на глухую боль, которая по мѣсту со-отвѣтствуетъ пораженной части пищева́рника, и боль эта обостряется весьма замѣтно во время глотанія, въ особенности

¹⁾ См. «Русская Рѣчь», 1881 г.

твердой пищи. Нерѣдко пища не проходитъ въ желудокъ, а выбрасывается назадъ, смѣшанная съ слизью, или же, если уже образовались изъязвленія на слизистой оболочкѣ, то замѣчаются въ выбрасываемой пищѣ слѣды крови.

Въ болѣе серьезныхъ случаяхъ боль бываетъ острая и иногда весьма сильная, и глотаніе такъ болѣзненно, что дѣлается окончательно невозможнымъ даже для жидкостей въ самомъ небольшомъ количествѣ. При позывахъ на рвоту, съ страшными страданіями выбрасывается немного гноевидной слизи. Если образуется въ пищепріемникѣ нарывъ, то всѣ эти симптомы постепенно усиливаются, пока нарывъ не прорвется, и тогда внезапно слѣдуетъ большое облегченіе больного. Въ этихъ, болѣе серьезныхъ случаяхъ почти всегда бываетъ и болѣе или менѣе значительное лихорадочное состояніе.

Въ высшей степени важны послѣдствія воспаления пищепріемника, въ особенности суженіе его, которое, послѣ исчезновенія воспаления, никогда не показывается сразу, а развивается очень медленно. Больные сначала только, отъ времени до времени, чувствуютъ въ какомъ нибудь мѣстѣ пищепріемника остановку при глотаніи. Затѣмъ это затрудненіе глотанія постепенно учащается и усиливается, пока, наконецъ, можетъ дойти до того, что больной вовсе не въ состояніи глотать. Та часть пищепріемника, которая выше мѣста суженія (стриктуры) всегда болѣе или менѣе расширяется, такъ что пища въ этомъ мѣстѣ остается нѣкоторое время, пока она рвотою не выбрасывается назадъ.

ПРЕДСКАЗАНІЕ.

Воспаленіе пищепріемника опасно особенно по своимъ послѣдствіямъ, т. е. суженію этого органа, ведущему нерѣдко къ смерти отъ истощенія. Особенно сильно это бываетъ послѣ ожога пищепріемника горячими жидкостями или кислотами. Простое катаральное воспаленіе вовсе не опасно.

ЛЕЧЕНІЕ.

Вниманіе должно быть главнымъ образомъ обращено на причину. Въ случаѣ присутствія въ пищепріемникѣ посторонняго тѣла, его необходимо по возможности скорѣе извлечь.

Приэтомъ, если постороннее тѣло находится въ верхней части пищепріемника, то нужно стараться извлечь его черезъ ротъ. Иногда случается, что постороннее тѣло, напримѣръ, ко-

сточка, засидеть у самаго входа пищепріемника, но рвотою не освобождается. Въ такомъ случаѣ, нѣрѣдко возможно извлечь это постороннее тѣло прямо пальцами. Тутъ, однако, нужно смѣло дѣйствовать и войти въ ротъ больнаго всею рукою. Если же это невозможно, то нужно способствовать его прохожденію въ желудокъ, давая больному сначала проглатывать немного твердой пищи, а если это не помогаетъ, то съ большою осторожностью ввести черезъ ротъ длинный эластичный катетеръ и, легкимъ давленіемъ сверху, пропихнуть постороннее тѣло до желудка. Въ случаяхъ ожоги разѣдающими веществами, нужно немедленно давать тепловатое, слизистое питье, или тепловатое молоко въ большомъ количествѣ. Если ожога произошла отъ кислотъ, то слѣдуетъ въ питье прибавлять *Magnesia usta*, по чайной ложкѣ на стаканъ.

Самыя лучшія лекарства: *Agnică* послѣ пораненія пищепріемника; *Cantharides*—послѣ ожога горячими жидкостями, *Rhus toxicodendron* послѣ разѣдающихъ веществъ и кислотъ.

При воспаленіи пищепріемника безъ особенныхъ видимыхъ причинъ, слѣдуетъ давать *Mercurius solubilis*—въ началѣ лучше всего попеременно съ *Belladonna*.

Что касается до леченія суженія пищепріемника, то, конечно, внутреннее употребленіе лекарствъ можетъ исцѣлять только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ суженіе происходитъ отъ утолщенія слизистой оболочки, или когда оно спазматическое, вслѣдствіе раздраженія слизистой оболочки. Лекарства, дававшія въ подобныхъ случаяхъ хорошіе результаты: *Phosphor*, *Baptisia tinctoria*, *Sulfur*, *Hepar sulfuris*, *Iodium*, *Arsenicum*.

Если суженіе происходитъ отъ образованія рубца, какъ послѣ ожоги, то необходимо прибѣгнуть къ помощи хирургіи и постепенно расширить стриктуру введеніемъ эластичныхъ бужей.

Діета.

Страшная жажда больныхъ, появляющаяся обыкновенно при воспаленіи пищепріемника, утоляется лучше всего маленькими кусочками льда. Почти всегда глотаніе твердой пищи совершенно невозможно; но даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно возможно, больнымъ слѣдуетъ, до полнаго исчезновенія всѣхъ симптомовъ раздраженія пищепріемника, давать одну жидкую пищу: овсянку, молоко, сырыя или совсѣмъ жидко сваренныя яйца. Тоже самое относится и къ случаямъ суженія, такъ какъ употребленіе твердой пищи ухудшаетъ болѣзнь.

ГЛАВА IV.

БОЛѢЗНИ ЖЕЛУДКА, КИШЕКЪ И БРЮШИНЫ.

§ 1. Острый катаръ желудка.

Болѣзнь эта встрѣчается весьма часто, какъ у взрослыхъ, такъ и у дѣтей, особенно у младенцевъ. Самая обыкновенная причина ея бываетъ неподходящая по количеству или по качеству пища. Уже простое переполненіе желудка вполне доброкачественною пищею можетъ вызвать катаральныя явленія въ этомъ органѣ, хотя всегда сравнительно легкія. Въ большинствѣ случаевъ пища была значить или слишкомъ жирная, или кислая, или вообще неудобоваримая по своему составу. Также и слишкомъ высокая или слишкомъ низкая температура принимаемой пищи можетъ имѣть раздражающее дѣйствіе на слизистую оболочку желудка.

Затѣмъ, острый катаръ желудка часто бываетъ послѣдствіемъ простуды и особенно простуды ногъ. Наконецъ, причиною этой болѣзни иногда бываютъ сильныя душевныя афекты, въ особенности досада или гнѣвъ. Нельзя не удивляться, что весьма многіе не знаютъ, что чрезвычайно вредно ѣсть послѣ сильного проявленія досады или гнѣва, и немедленно послѣ такого афекта садятся обѣдать; если же имъ, во время обѣда, случится разсердиться, то преспокойно продолжаютъ ѣсть. Послѣдствіемъ такой неосторожности почти всегда бываетъ острый катаръ желудка.

Симптомы и теченіе.

а) У взрослыхъ. Въ болѣе легкіхъ формахъ остраго катара желудка больные чувствуютъ сначала непріятную тяжесть и давленіе въ желудкѣ, изжогу (въ особенности, если болѣзнь произошла отъ слишкомъ жирной пищи); желудокъ вздувается вслѣдствіе неправильнаго сваренія пищи и сопряженнаго съ этимъ развитія газовъ, является отрыжка, пустая или кислая, и нерѣдко ко всему этому присоединяются тошнота и рвота. Чувство давленія въ желудкѣ часто усиливается до болѣе или менѣе сильной боли. Языкъ бываетъ приѣтомъ обложенный, въ особенности въ задней его части. Жажда бываетъ усиленная и больные жалуются на тяжесть и боль головы, преимущественно во лбу. Апетита, конечно, не бываетъ никакого. Покуда катаральное состояніе ограничивается желудкомъ, испраженіе обы-

вновенно задержано, а при переходѣ разлагающихся веществъ въ кишки, появляются кашеобразныя, вонючія испраженія, сопряженныя съ болью въ животѣ. Моча всегда темная и уменьшена въ количествѣ.

Въ болѣе серьезныхъ случаяхъ, во всему этому или съ самаго начала болѣзни, или вскорѣ послѣ появленія первыхъ симптомовъ, присоединяется лихорадочное состояніе и тогда получается картина болѣзни, извѣстная подъ названіемъ гастрическая лихорадка. Характеръ и продолжительность этой лихорадки бывають различны, но слѣдуетъ замѣтить, что температура почти всегда въ началѣ болѣзни выше, чѣмъ впослѣдствіи. Это обстоятельство важно, потому что гастрическая лихорадка часто имѣетъ нѣкоторое сходство съ брюшнымъ тифомъ, при которомъ температура, въ продолженіи всей первой недѣли постепенно подымается. Кромѣ того, впрочемъ, при гастрической лихорадкѣ весьма часто появляется сыпь на губахъ (*herpes labialis*), чего при тифѣ никогда не бываетъ. Мѣстные симптомы со стороны желудка при гастрической лихорадкѣ обыкновенно тѣ же, какъ при остромъ катарѣ, хотя обыкновенно нѣсколько слабѣе. Языкъ всегда очень обложенъ, вкусъ дурной, аппетита нѣтъ, но рвоты часто не бываетъ и тошнота меньше. За то общее страданіе организма гораздо значительнѣе и слабость бываетъ иногда очень большая.

При переходѣ остраго катара желудка на тонкія кишки иногда появляется желтуха, вслѣдствіе припухлости слизистой оболочки въ желчномъ каналѣ (*ductus choledochus*) и задержанія желчи.

b) У дѣтей. Острый катаръ желудка у младенцевъ, питающихся грудью, или же искусственно—коровьимъ молокомъ, или другими сурогатами материнскаго молока—есть болѣзнь настолько же серьезная, насколько она у взрослыхъ въ большинствѣ случаевъ незначительна. Причиною почти всегда бываетъ или недоброкачественность пищи младенца, или неправильности относительно количества ея. При кормленіи грудью, качество молока портится или вслѣдствіе грубыхъ погрѣшностей въ діетѣ со стороны кормящей женщины, или вслѣдствіе душевныхъ волненій и потрясеній, незадолго предшествовавшихъ кормленію. Діета, необходимая для всякой кормилицы, состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что необходимо строго воздерживаться отъ всего кислаго, соленого и остраго. Но еще важнѣе этого та опасность, которой подвергается младенецъ при кормленіи грудью вскорѣ послѣ сильнаго душевнаго афекта,

какой бы онъ ни былъ, особенно же послѣ сильнаго гнѣва.

Острый катаръ желудка есть еще одна изъ менѣе опасныхъ послѣдствій такого непростительнаго легкомыслія. Нерѣдко бываютъ случаи, что, послѣ такого кормленія, дѣти моментально заболѣваютъ острымъ раздраженіемъ мозга и въ нѣсколько часовъ умираютъ въ страшныхъ судорогахъ. При искусственномъ кормленіи, этой послѣдней опасности нѣтъ, но за то достиженіе вполне однообразной по всѣмъ своимъ свойствамъ пищи весьма трудно. Ребенку даютъ молоко разной температуры, разныхъ степеней разведенія водою, наконецъ, иногда отъ разныхъ коровъ и т. д. Относительно количества пищи, самая обыкновенная неправильность состоитъ въ томъ, что кормятъ младенца слишкомъ часто, такъ что, не успѣвъ окончить свареніе одной порціи, желудокъ принимаетъ уже слѣдующую. Это относится совершенно одинаково какъ въ кормленію грудью, такъ и къ искусственному кормленію, хотя необходимо имѣть въ виду, что соблюденіе правильныхъ интерваловъ (до 6 недѣль—2 часа, послѣ 6 недѣль—3 часа) при искусственномъ кормленіи еще важнѣе, такъ какъ тутъ достиженіе вполне хорошихъ качествъ пищи уже гораздо труднѣе.

Первымъ симптомомъ остраго катара желудка у младенцевъ бываетъ рвота. Тутъ, однако, слѣдуетъ замѣтить, что рвота непосредственно и немедленно послѣ приѣма пищи у грудныхъ дѣтей не есть симптомъ, указывающій на болѣзнь желудка, а наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ, есть знакъ здоровья. Дѣло въ томъ, что желудокъ маленькихъ дѣтей такъ устроенъ, что онъ съ большою легкостью выбрасываетъ обратно все, что по качеству и количеству ему не подходитъ. Если-бы этого не было, то очень немного дѣтей остались бы въ живыхъ, потому что самыя грубыя ошибки при кормленіи младенцевъ встрѣчаются повсюду весьма часто. Всему, однако, есть мѣра. Желудокъ младенца, при частомъ повтореніи неправильностей въ кормленіи, устаетъ выбрасывать пищу немедленно обратно и она нѣкоторое время остается въ немъ, вызывая острое катаральное пораженіе слизистой оболочки. Затѣмъ, черезъ нѣкоторое время, слѣдуетъ рвота уже полуваренной пищи, обыкновенно въ видѣ полуствороженнаго молока, съ нѣвоторою примѣсью слизи. При этомъ, конечно, дѣти беспокоятся, плачутъ, желудокъ вздувается, дыханіе дѣлается неправильнымъ и болѣе короткимъ и вообще появляются всѣ знаки остраго болѣзненнаго состоянія, не исключая лихорадочнаго повышенія темпера-

туры. При прохожденіи полусваренной и неправильно сваренной пищи въ кишкѣ, раздраженіе, конечно, является и тутъ, и послѣ запора, появившагося въ началѣ болѣзни, черезъ 12—24 часа появляется поносъ, сначала обыкновенно зеленовато-слизистый, а потомъ водянистый, съ бѣлыми и желтоватыми клочьями. По мѣрѣ распространенія катаральнаго состоянія на всѣ части пищевыхъ путей, общее страданіе, слабость, безпокойство и лихорадка, конечно, постепенно усиливаются, и если не удастся прекратить болѣзнь, то дѣти, черезъ 2—3 недѣли, обыкновенно умираютъ отъ истощенія.

Предсказаніе.

Острый катаръ желудка, если къ нему не присоединяется лихорадка, у взрослыхъ рѣдко бываетъ продолжителенъ. Иногда желудокъ самъ собою очень быстро, посредствомъ рвоты, освобождается отъ раздражающихъ его веществъ и тогда вся болѣзнь прекращается въ 1—2 дня. Опасности никакой приэтомъ не бываетъ. Не слѣдуетъ, однако, терять изъ виду, что даже самыя кратковременныя острия катаральныя пораженія желудка, вслѣдствіе погрѣшностей въ діетѣ, если онѣ повторяются часто, обыкновенно ведутъ къ хроническому катару желудка и кишекъ, т. е. болѣзни, отъ которой питаніе организма всегда значительно страдаетъ.

Гастрическая лихорадка бываетъ иногда весьма продолжительна, и при большой слабости организма, напримѣръ, у очень старыхъ людей, болѣзнь эта можетъ быть сопряжена съ опасностью.

Острый катаръ желудка у маленькихъ дѣтей есть, въ большинствѣ случаевъ, серьезная болѣзнь, нерѣдко даже ведетъ къ смерти и поэтому требуетъ всегда самаго внимательнаго леченія и строгое соблюденіе подходящей діеты.

Леченіе.

Въ свѣжихъ случаяхъ, гдѣ острый катаръ желудка появляется вскорѣ послѣ погрѣшности въ діетѣ или переполненія желудка и всегда бываетъ тошнота, очень полезно облегчить рвоту, давая больному выпить нѣсколько стакановъ тепловатой воды.

Алопаты даютъ рвотное, но это причиняетъ лишнее страданіе больному и иногда усиливаетъ значительно раздраженіе желудка. Еще хуже дѣйствуютъ слабительныя, распространяя раздраженіе и на кишкѣ. Гомеопатія даетъ намъ возможность

избѣгнуть и то, и другое, и притомъ исцѣлить больнаго гораздо скорѣе.

Важнѣйшія лекарства слѣдующія: *Nux vomica*, *Pulsatilla*, *Bryonia*, *Ipecacuanha*, *Antimonium crudum*, *Colocynthis*, *Arsenicum*, *Belladonna*, *China*, *Chamomilla*, *Phosphori acidum*.

Смотря по разнымъ причинамъ, отъ которыхъ произошла болѣзнь, слѣдуетъ сначала употреблять слѣдующія средства:

Послѣ простаго переполненія желудка: *Nux vomica*, *Ipecacuanha* и *Pulsatilla*.

Послѣ слишкомъ холодной пищи (мороженое, холодные фрукты): *Arsenicum*, *Pulsatilla*.

Послѣ сильной досады: *Chamomilla*, *Bryonia*.

Послѣ спиртныхъ напитковъ или кофе: *Nux vomica*.

Послѣ продолжительнаго горя: *Ignatia*, *Staphysagria*.

При большой слабости и малокровіи: *China*, *Pulsatilla*.

Послѣ очень жирной пищи: *Pulsatilla*, *Carbo vegetabilis*.

Затѣмъ для правильнаго выбора лекарства необходимо имѣть въ виду слѣдующее:

Nux vomica подходит у больныхъ, ведущихъ сидячую жизнь, при полнотѣ и вздутіи желудка послѣ ѣды; тупое чувство давленія подъ ложечкой, отрыжка, изжога, вкусъ кислый или горькій, языкъ желтовато обложенъ, боль во лбу, ухудшеніе симптомовъ утромъ, слишкомъ рѣдкое дѣйствіе желудка, раздражительное расположеніе духа.

Pulsatilla соотвѣтствуетъ слѣдующимъ симптомамъ: постоянная зябкость; отсутствіе жажды и аппетита; вкусъ жирный, острый или слизистый; кислая или желчная отрыжка, вздутость живота и водянистыя или желтовато-слизистыя поносныя испраженія; отвращеніе отъ теплой пищи.

Bryonia (весьма важное лекарство въ этой болѣзни) при чувствительности и вздутіи желудка, съ тошнотою и чувствомъ озноба; рвота—сначала пищею, а потомъ желчью; вкусъ сладковатый, неприятно прѣсный; боль въ желудкѣ, ухудшающаяся немедленно послѣ принятія пищи; боль головы, чувство давленія изнутри наружу во лбу; лихорадочное состояніе по вечерамъ и ночью.

Ipecacuanha—при незначительномъ лихорадочномъ состояніи; тошнота, рвота, поносъ съ рѣзью въ животѣ; вкусъ горькій, какъ отъ порченаго масла; отсутствіе позыва на пищу, кромѣ какъ на сладкое; чувство пустоты въ желудкѣ при вздутіи его.

Antimonium crudum—послѣ обремененія желудка, при тошнотѣ и отрыжкѣ пищею; языкъ сильно обложенъ, бѣловатый;

отсутствіе аппетита при чувствѣ голода; сильная жажда; общая слабость и томленіе; запоръ на низъ.

Arsenicum—при сильной боли въ желудкѣ и животѣ; тошнота и рвота; сильнѣйшая жажда; впалое лицо; малый учащенный пульсъ и частыя небольшія жидкія испражненія.

Belladonna подходит особенно въ гастрической лихорадкѣ, вызванной простудою; боль въ желудкѣ весьма значительна, колющая, рѣжущая и сильно давящая; отсутствіе аппетита и сильный позывъ на кислое питье; сильная головная боль; раздраженіе слизистой оболочки рта и зѣва.

China—при сильномъ пученіи отъ вѣтровъ, отрыжкѣ и рвотѣ несваренною пищею; позывъ на кислое и острое; давленіе въ желудкѣ отъ всякой пищи; общая слабость; моча темная и мутная; цвѣтъ лица желтоватый.

Chamomilla—при постоянномъ горькомъ вкусѣ во рту; отрыжка и рвота желчью; красное лицо; жженіе въ глазахъ; большая раздражительность.

Colocynthis—при катарѣ желудка отъ простуды, особенно весною и осенью; аппетитъ небольшой; послѣ ѣды вскорѣ являются сильныя, судорожныя боли въ желудкѣ, которыя при употребленіи наружной теплоты нѣсколько облегчаются.

Phosphori acidum—въ тѣхъ случаяхъ, когда очень мало мѣстныхъ симптомовъ, но замѣчается отсутствіе аппетита и большая слабость.

Противъ остраго катара желудка у маленькихъ дѣтей въ началѣ, при появленіи рвоты слѣдуетъ давать *Iresacianha*, если рвота скоро слѣдуетъ за принятіемъ пищи; если же прошло нѣкоторое время послѣ ѣды, то лучше подходит *Nux vomica*. При частомъ повтореніи рвоты и угрожающемъ упадкѣ силъ: *Veratrum*. Если рветъ кисло-пахнувшимъ молокомъ, то слѣдуетъ давать *Pulsatilla*, а если притомъ слабитъ зеленовато и часто: *Chamomilla*.

Діета.

Само собою разумѣется, что при остромъ катарѣ желудка строгая діета необходима. Въ началѣ болѣзни, особенно если она произошла отъ переполненія желудка, лучше всего нѣкоторое время, отъ 12 до 24 часовъ, не давать больному ничего, кромѣ свѣжей воды. Затѣмъ, когда раздраженіе желудка начинаетъ уменьшаться, можно давать молоко (если больные могутъ его переносить), овсянку, свареную на водѣ, и легкій чай съ небольшимъ количествомъ слегка поджареннаго бѣлаго хлѣба.

По мѣрѣ того, какъ языкъ начинаетъ очищаться, можно прибавить яйцо въ сметку, куриный супъ и вареную курицу, и по прошествіи всѣхъ гастрическихъ симптомовъ, наконецъ, можно дозволить бульонъ говяжій, бѣлое мясо, дичь и жареную говядину.

Относительно діеты маленькихъ дѣтей въ этой болѣзни мы уже выше указали на важнѣйшія правила, которыя слѣдуетъ соблюдать. Иногда ребенокъ не можетъ переносить по какимъ либо причинамъ молоко кормящей его матери или кормилицы, тогда слѣдуетъ перемѣнить кормилицу. Строго нужно слѣдить за тѣмъ, чтобы ребенка не кормили слишкомъ часто, такъ какъ многія кормилицы имѣютъ привычку давать грудь всегда, какъ только пошевелится ребенокъ, особенно ночью. Изъ искусственныхъ средствъ кормленія лучшее есть козье молоко. Коровье молоко должно быть свѣжее, отъ здоровой коровы и непремѣнно отъ одной. До шести недѣль его слѣдуетъ на половину разбавлять кипяченою водою, затѣмъ до трехъ мѣсяцевъ одною третью, а затѣмъ, наконецъ, можно давать его неразбавленнымъ; всегда же необходимо прибавлять немного сахара, такъ какъ материнское молоко гораздо слаще коровьяго. Кромѣ молока есть еще нѣсколько искусственныхъ препаратовъ для кормленія младенцевъ (Арорутъ, швейцарское сгущенное молоко, мука Нестли и проч.) изъ которыхъ заслуживаетъ предпочтенія дѣтская мука Нестли. Почти лишнее замѣтить, что строжайшее и крайне тщательное соблюденіе чистоты есть одно изъ самыхъ важныхъ условій для успѣшнаго искусственнаго кормленія. Притомъ необходимо наблюдать за тѣмъ, чтобы пища ребенка была по возможности всегда одной и той же температуры..

§ 2. Хроническій катаръ желудка.

Какъ острый катаръ желудка принадлежитъ къ самымъ частымъ острымъ болѣзнямъ, такъ въ ряду хроническихъ болѣзней хроническій катаръ желудка занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Онъ очень часто бываетъ послѣдствіемъ часто повторяющихся острыхъ катаральныхъ поражений слизистой оболочки желудка, но встрѣчается также и въ сопровожденіи многихъ другихъ болѣзненныхъ процесовъ, какъ, на примѣръ, при малокровіи, чахоткѣ, болѣзняхъ печени, селезенки, почекъ, сердца и проч. Нерѣдко катаръ съ самаго начала принимаетъ форму хроническаго страданія, совершенно самостоятельнаго, вслѣдствіе неправильной діеты и въ особенности вслѣдствіе дол-

гаго злоупотребленія спиртными напитками. Наконецъ, слѣдуетъ еще упомянуть о томъ, что иногда беременность вызываетъ хроническій катаръ желудка, который всегда бываетъ весьма упорный.

Симптомы и теченіе.

Чувство болѣзненнаго давленія въ сторонѣ желудка (подъ ложечкой) есть одинъ изъ самыхъ постоянныхъ симптомовъ. Боль эта рѣдко очень сильна и обыкновенно обостряется во время пищеваренія послѣ ѣды. Языкъ всегда бываетъ обложенный, особенно задняя его часть. Апетитъ вообще бываетъ плохой; чувство голода иногда проявляется даже очень сильно, но когда больные начинаютъ ѣсть, то сейчасъ-же насыщаются даже очень малымъ количествомъ пищи. Приѣтомъ больные часто чувствуютъ сильнѣйшій позывъ на острые, соленныя и кислыя вещи. Вкусъ почти всегда притупленъ, прѣсный, слизистый. Такъ какъ при хроническомъ катарѣ вареніе пищи въ желудкѣ всегда болѣе или менѣе значительно замедлено, то пища въ немъ остается сравнительно очень долго (иногда даже по нѣсколько дней) и переходитъ въ броженіе, соединенное всегда съ значительнымъ развитіемъ газовъ. Поэтому больные страдаютъ отъ изжоги и отрыжки, а также отъ вѣтровъ, которые иногда бываютъ причиною весьма сильныхъ болей въ разныхъ мѣстахъ живота. Рвота пищею при хроническомъ катарѣ есть сравнительно рѣдкій симптомъ и появляется только развѣ изрѣдка, послѣ какой нибудь погрѣшности въ діетѣ. Если послѣ приѣма пищи постоянно появляется черезъ нѣкоторое время рвота, то это всегда знаки болѣе глубокаго и серьезнаго болѣзненнаго процесса въ желудкѣ. Есть однако форма хроническаго катара желудка, въ которой часто появляется рвота водянисто-слизистой жидкости, особенно утромъ, какъ это, на примѣръ, бываетъ, когда катаръ вызванъ долгимъ злоупотребленіемъ спиртными напитками. Головная боль, въ видѣ тупаго давленія во лбу, рѣдкія и тугія испраженія, дурное расположеніе духа, раздражительность, нерасположеніе къ работѣ, сонливость днемъ и бессонница ночью довершаютъ картину этой болѣзни.

Хроническій катаръ желудка—болѣзнь всегда продолжительная. При правильномъ леченіи и строгомъ соблюденіи подходящей діеты исходъ большею частью бываетъ благополучный; въ противномъ же случаѣ болѣзнь эта можетъ вести къ весьма серьезнымъ послѣдствіямъ, къ изъязвленіямъ на слизистой оболочкѣ, суженію выхода желудка (Pylorus) и сопряженному съ этимъ

расширенію желудка и проч. При большой продолжительности хроническаго катара питаніе всего организма всегда значительно страдаетъ, что выражается постепеннымъ исхуданіемъ больнаго и упадкомъ силъ.

Предсказаніе.

Хотя хроническій катаръ желудка самъ по себѣ не опасенъ, но все-таки серьезное леченіе этой болѣзни необходимо, такъ какъ медленное, но постоянно увеличивающееся истощеніе больныхъ и могущія развиться послѣдовательныя болѣзни, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ведутъ даже къ смертельному исходу.

Леченіе.

Такъ какъ симптомы при хроническомъ катарѣ желудка бываютъ весьма разнообразны, то число лекарствъ, подходящихъ въ этой болѣзни, довольно большое. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

Нихъ вописа одно изъ самыхъ важныхъ средствъ. Подходить особенно во всѣхъ случаяхъ, происходящихъ отъ злоупотребленія спиртными напитками. Вкусъ горькій или кислый. Отсутствие аппетита при чувствѣ голода. Ухудшеніе всѣхъ припадковъ послѣ ѣды. Отрыжка, горькая или кислая, иногда съ болью. Давящая боль въ желудкѣ. Рвота водою и слизью. Испражненія рѣдкія и твердыя. Усиленіе страданій отъ умственныхъ занятій. Пріема 3—4 въ день бываетъ достаточно.

Bryonia: давленіе и боль въ желудкѣ, какъ-бы отъ камня, облегчающіяся послѣ пустой отрыжки. Отрыжка пищею съ неприятнымъ гнилымъ вкусомъ и рвота слизью или желчью. Вкусъ прѣсный или горькій. Жажда и постоянный позывъ на холодное питье.

Antimonium crudum подходит въ случаяхъ, происходящихъ отъ часто повторявшагося переполненія желудка. Языкъ покрытъ толстымъ бѣлымъ или желтоватымъ налетомъ. Отсутствие аппетита при чувствѣ голода. Запахъ изо рта гнилой или противно-слабеватый. Отрыжка. Общая слабость и запоръ.

Pulsatilla имѣетъ большое сходство съ симптомами *Bryonia*, только при большой жабости, когда жажды никакой нѣтъ. Припадки являются не тотчасъ послѣ ѣды, а нѣсколько времени спустя, и облегчаются при движеніи (гдѣ движеніе ухудшаетъ страданія, подходит *Bryonia*).

China: вкусъ или вовсе отсутствуетъ, или горькій. Мѣстныя

боли незначительны, но упорны. Апетита вовсе нѣтъ. Бездѣйствіе желудка, большая полнота и вздутость живота, отрыжка, рвота, или испражненія совершенно непереваренною пищею. Позывъ на кислое и острое. Цвѣтъ лица желтый, сѣроватый; моча темная и мутная.

Seria особенно подходит у женщинъ. Желудочные симптомы соединены съ нервнымъ разстройствомъ. Часто облегчаетъ весьма быстро желудочныя страданія во время беременности. Апетитъ ненормальный, сильный позывъ на острое. Образование кислоты въ желудкѣ и изжога послѣ ѣды и особенно ночью. Судорожныя схватки въ желудкѣ съ отдѣленіемъ темной мочи.

Phosphor подходит, когда боль желудка появляется уже во время ѣды. Сильное развитіе кислотъ въ желудкѣ и маслянистый вкусъ при отрыжкѣ и рвотѣ. Соответствуетъ хроническому катару съ воспалительнымъ характеромъ.

Lusorodium: при упорномъ характерѣ и большой продолжительности болѣзни. Сѣроватый цвѣтъ лица и большая худоба. Продолжительный запоръ на низъ.

Arsenicum: сильная, давящая и жгучая боль въ желудкѣ. Мучительная жажда. Горькій, кислый или гнилой вкусъ. Послѣ ѣды тошнота и рвота съ страшною болью. Долго продолжающееся отсутствіе аппетита и постепенное исхуданіе тѣла.

Sulfur: часто имѣетъ весьма благотворное дѣйствіе въ случаяхъ, въ которыхъ всѣ другія лекарства были бесполезны. Долгий запоръ иногда быстро разрѣшается. Во всѣхъ случаяхъ хроническаго катара желудка бываетъ полезно давать, кромѣ другаго подходящаго лекарства, каждые 2—3 дни одинъ приемъ *Sulfur* (непремѣнно высокаго, т. е. 30 дѣленія).

Calcaea carbonica подходит чаще всего у женщинъ и у дѣтей. Развитіе кислотъ и позывъ на острое съ отвращеніемъ отъ мяса. Жадный голодъ при отсутствіи аппетита. Изжога и вздутіе живота. Наклонность къ поносу.

Діета.

Весьма понятно, что при леченіи хроническаго катара желудка діета имѣетъ въ высшей степени важное значеніе. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ употребленіе спиртныхъ напитковъ вызвало болѣзнь, ихъ слѣдуетъ запретить безусловно. Въ другихъ случаяхъ, такъ, напримѣръ, у женщинъ и людей, вообще непривыкшихъ къ вину, небольшое количество хорошаго, стараго вина

иногда приносить даже несомнѣнную пользу. Кофе, по своему физиологическому дѣйствию, замедляетъ и задерживаетъ пищевареніе и поэтому безусловно запрещается при хроническомъ катарѣ. Особенно въ этомъ отношеніи вреденъ черный кофе послѣ обѣда, который, по странному недоразумѣнію, многими считается за весьма полезную вещь, будто бы способствующую пищеваренію. Затѣмъ слѣдуетъ воздержаться отъ всего жирнаго, во всѣхъ формахъ. Мясо слѣдуетъ ѣсть безъ соусовъ. Всякаго рода пироги, кулебаки, слоеное тѣсто и тому подобныя вещи должны быть изгнаны изъ пищи страдающихъ катаромъ желудка.

Особенно большимъ лишеніемъ для больныхъ бываетъ воздержаніе отъ острыхъ, кислыхъ и соленыхъ вещей и пряностей, такъ какъ ими вызывается нѣчто въ родѣ аппетита. Однако аппетитъ этотъ искусственный и опять-таки ведетъ только къ новому обремененію желудка пищею, которую онъ не въ состояніи сварить.

Необходимо также имѣть въ виду вредное вліяніе нѣкоторыхъ, часто встрѣчающихся привычекъ во время ѣды. Сюда относятся въ особенности слишкомъ скорая и поспѣшная ѣда безъ достаточнаго размельченія пищи, посредствомъ жеванія, и употребленіе слишкомъ горячей пищи. И то, и другое, очень способствуетъ развитію хроническаго катара желудка.

Относительно положительной стороны діеты, т. е. назначенія больному подходящей пищи, невозможно давать общія указанія, такъ какъ тутъ необходимо сообразоваться съ привычками всякаго больнаго и съ особеннымъ характеромъ всякаго отдѣльнаго случая. По возможности легкая и удобоваримая и вмѣстѣ съ тѣмъ питательная пища—вотъ что слѣдуетъ подбирать. Исключеніе изъ этого правила составляютъ тѣ случаи, гдѣ катаръ былъ послѣдствіемъ излишняго употребленія питательной пищи и обжорства. Въ этихъ случаяхъ бываетъ полезно давать неслишкомъ питательныя вещества и кормить больнаго впроголодь, чтобы дать желудку нѣсколько отдохнуть отъ непосильной работы.

Хорошіе, спѣлые фрукты, сырые и вареные, въ видѣ компота, почти всегда переносятся хорошо. Молоко—отличное питательное средство при катарѣ, но къ сожалѣнію далеко не всегда переносится, такъ какъ нерѣдко усиливаетъ развитіе кислотъ и вызываетъ ослизеніе, горечь и тошноту. Лучшая форма его—такъ называемое парное молоко. У людей, непривыкшихъ къ спиртнымъ напиткамъ, у женщинъ и у дѣтей—бываетъ

весьма полезно прибавлять къ молоку небольшое количество стараго коньяку (5—10 капель на стаканъ мелока).

§ 3. Воспаленіе желудка. Gastritis.

Всѣ тѣ вредныя вліянія, которыя вызываютъ острый катаръ желудка, могутъ при усиленномъ дѣйствіи вести къ развитію воспаленія этого органа. Однако эта, такъ называемая идиопатическая форма воспаленія желудка встрѣчается къ счастью весьма рѣдко. Часто механическое поврежденіе стѣнокъ желудка проглоченными осколками стекла, иглками и проч. служитъ причиною этой болѣзни, а чаще всего отравленіе, какъ минеральными, такъ и растительными ядами, имѣющими сильное разъѣдающее дѣйствіе на слизистую оболочку и вообще на стѣнки желудка. Сравнительно часто встрѣчаются случаи отравленія спиртомъ.

Симптомы и теченіе.

Картина болѣзни бываетъ весьма различна, смотря по чувствительности организма и по силѣ дѣйствовавшей причины. Боль въ желудкѣ бываетъ чрезвычайно сильная, острая, невыносимая, доводящая больныхъ до припадковъ отчаянія. При томъ желудокъ на оцущь очень чувствителенъ. Затѣмъ слѣдуетъ рвота, томящая, въ высшей степени болѣзненная даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не было отравленія. Сначала рветъ оставшеюся въ желудкѣ пищу, а затѣмъ слюзу, нерѣдко смѣшанною съ кровью. Приятномъ бываетъ болѣе или менѣе значительное лихорадочное состояніе, частый, малый пульсъ и страшнѣйшая жажда, которую весьма трудно утолить, такъ какъ даже малое количество выпитой воды сейчасъ-же вызываетъ рвоту. При дурномъ исходѣ болѣзни силы быстро падаютъ, является икота, обмороки, бредъ и, наконецъ, смерть. Въ другихъ случаяхъ слѣдуетъ весьма медленное улучшеніе состоянія больного, и болѣзнь принимаетъ характеръ упорнаго хроническаго катара.

Въ очень острыхъ случаяхъ иногда больные умираютъ уже черезъ нѣсколько часовъ. При благополучномъ исходѣ болѣзнь продолжается до четырехъ недѣль.

Предсказаніе и леченіе.

Воспаленіе желудка принадлежитъ къ весьма опаснымъ болѣзнямъ. Даже при самомъ благополучномъ исходѣ полное исцѣ-

леніе требуетъ весьма продолжительнаго леченія, иногда продолжающагося мѣсяцами, и при малѣйшей погрѣшности діеты состояніе больного, уже поправляющагося, можетъ снова сдѣлаться опаснымъ. Изъ опасныхъ послѣдствій этой болѣзни особенно важны образованіе нарывовъ и прободеніе стѣнки желудка.

Въ случаяхъ отравленія ѣдыми веществами раньше всего конечно необходимо давать подходящія противоядія по правиламъ, общимъ для всѣхъ школъ и методовъ леченія. До приготовления антидотовъ полезно бываетъ давать больнымъ молоко въ большомъ количествѣ.

Изъ гомеопатическихъ лекарствъ могутъ быть употребляемы:

Argentum— въ самыхъ сильныхъ формахъ воспаленія, но также и въ болѣе легкихъ случаяхъ; симптомы слѣдующіе: давленіе, боль и жженіе въ желудкѣ, большая чувствительность желудка къ малѣйшему давленію. Рвота съ страшною болью послѣ всякой пищи. Страшная жажда, при невозможности проглотить много сразу; стѣсненіе дыханія; страхъ и беспокойство. Задержаніе мочи и испраженій. Холодность конечностей при жарѣ въ туловищѣ. Холодный потъ. Впалое, блѣдное лицо; малый, частый пульсъ.

Phosphor: въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ кромѣ жженія есть также рѣзущая боль въ желудкѣ. Сильный ознобъ. Конвульсіи.

Belladonna подходит въ болѣе легкихъ случаяхъ, особенно въ началѣ болѣзни.

Samroga можно давать въ тѣхъ случаяхъ, которые имѣютъ сходство съ холерою, при внезапномъ упадкѣ силъ и ледяномъ холодѣ всего тѣла.

Tartarus stibiatus и *Antimonium crudum* нерѣдко подходят въ хронической формѣ воспаленія желудка, развивающейся иногда у пьяницъ.

При остромъ воспаленіи желудка лекарство конечно лучше всего дается въ водяномъ растворѣ и притомъ въ частыхъ приемахъ, черезъ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ часа.

ДИЕТА.

На высотѣ болѣзни больнымъ нельзя ничего давать, кромѣ маленькихъ кусочковъ льду, для утоленія страшной жажды, и слизистаго питья. Во время выздоровленія необходима самая тщательная осторожность относительно твердой пищи, имѣя въ виду возможность образованія нарывовъ въ желудкѣ, а также большую раздражительность этого органа послѣ такой тяжкой болѣзни. Молоко, сырыя яйца, легкій куриный бульонъ должны

составлять пищу до полного восстановленія поврежденной слизистой оболочки.

§ 4. Круглая желудочная язва (*Ulcus ventriculi rotundum. Ulcus perforans*).

Поверхностныя изъязвленія на слизистой оболочкѣ желудка образуются такъ же легко, а можетъ быть еще легче, какъ на всѣхъ другихъ слизистыхъ оболочкахъ, и долго продолжающійся хроническій катаръ нерѣдко ведетъ къ ихъ образованію. Однако онѣ вообще не имѣютъ очень большаго значенія и заживаютъ при исцѣленіи катара. Совершенно другое дѣло круглая желудочная язва, появляющаяся, въ частію, сравнительно рѣдко. Эта язва, которая, вѣроятно, происходитъ отъ закупориванія какой нибудь маленькой артеріи въ стѣнкѣ желудка, всегда сопряжена съ омертвѣніемъ не только слизистой оболочки, но также и мышечнаго и серознаго слоя стѣнки желудка, вслѣдствіе чего она ведетъ къ прободенію желудка. Поэтому, если не образовалось заранѣе сращеніе желудка въ пораженномъ мѣстѣ съ сосѣдними органами (въ особенности съ печенью), то за прободеніемъ стѣнки неминуемо слѣдуетъ выступленіе содержимыхъ въ желудкѣ веществъ въ брюшную полость и общее воспаленіе брюшины, весьма быстро ведущее къ смерти.

Причины этой болѣзни еще мало извѣстны. Замѣчательно, что гораздо чаще заболѣваютъ женщины, нежели мужчины (въ 2 раза больше). Особенно часто образованіе круглой желудочной язвы совпадаетъ съ неправильностями въ появленіи регулъ, на примѣръ, у молодыхъ дѣвицъ, страдающихъ блѣдною немочью. Затѣмъ болѣзнь эта бываетъ у людей, страдающихъ легкими или сердцемъ. Наконецъ, сравнительно часто круглая язва наблюдалась у кухарокъ, вѣроятно вслѣдствіе вреднаго вліянія частаго пробованія очень горячаго кушанья на слизистую оболочку желудка.

Симптомы и теченіе.

Симптомы, сопровождающіе круглую желудочную язву, по степени и силѣ чрезвычайно разнообразны. Бываютъ случаи, въ которыхъ больные ничего особеннаго не чувствуютъ, кромѣ развѣ симптомовъ незначительнаго хроническаго катара и большой склонности къ запору, и вдругъ заболѣваютъ со всѣми знаками прободенія желудка и быстро умираютъ отъ общаго воспаленія брюшины. Чаше, однако, больные страдаютъ острою,

рѣжущую и колющую болью, появляющеюся почти постоянно послѣ ѣды, особенно послѣ твердой пищи.

Боли эти обыкновенно распространяются и на всю верхнюю часть живота и почти всегда отзываются въ спину. Кроме того, обыкновенно замѣчается отрыжка, изжога, потеря аппетита, склонность къ запору и, наконецъ, рвота пищею и слизью, въ которой замѣчаются жилки крови, если маленький кровеносный сосудъ поврежденъ. Въ другихъ случаяхъ, рвотою иногда выбрасывается очень большое количество крови, изъ чего нужно заключить, что лопнула болѣе крупная артерія.

Въ большинствѣ случаевъ, къ счастью, до прободенія стѣнки желудка образуются сращения съ сосѣдними органами и предотвращаютъ, такимъ образомъ, смертельный исходъ, неминуемо слѣдующій за выступленіемъ находящейся въ желудкѣ пищи въ полость живота. Въ этихъ случаяхъ является сразу ужасающая боль по всему животу, быстрый упадокъ силъ, вздутіе живота, лицо принимаетъ мертвенное выраженіе, пульсъ дѣлается едва ощутательнымъ и больные умираютъ черезъ 24—36 часовъ. Мнѣ пришлось, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, наблюдать одинъ случай, въ которомъ я имѣлъ необыкновенное счастье предусмотрѣть опасность угрожающаго прободенія желудка и спасти жизнь больной назначеніемъ почти абсолютной діеты. То была молодая дѣвица, страдавшая нѣсколько времени схватками въ желудкѣ послѣ ѣды, при неправильныхъ регулахъ. Къ этому присоединилась рвота, и я однажды замѣтилъ въ слизи, смѣшанной съ пищею, кровяныя жилки. Имѣя сильное подозрѣніе, что причина этихъ симптомовъ круглая язва и опасаясь возможности прободенія желудка, я предупредилъ объ этомъ родителей и запретилъ больной всякую пищу и питье, за исключеніемъ одного только молока, которое давалось по одной чайной ложкѣ каждыя 5—10 минутъ. Ровно черезъ 36 часовъ послѣ этого назначенія внезапно послѣдовало прободеніе желудка, со всѣми симптомами сразу появившагося воспаленія брюшины, но такъ какъ, кромѣ самаго незначительнаго количества молока и нѣсколькихъ капель желудочнаго сока ничего въ желудкѣ не было, то воспаленіе брюшины было умѣренное и больная выздоровѣла черезъ три недѣли.

ПРЕДСКАЗАНІЕ.

Круглая язва принадлежитъ къ весьма серьезнымъ болѣзнямъ желудка. Даже при самомъ благополучномъ исходѣ, перистальтическое движеніе желудка во время пищеваренія, вслѣд-

ствіе срощеній съ сосѣдними органами, затруднено, и питаніе, болѣе или менѣе, страдаетъ. Затѣмъ, могущія быть кровотеченія имѣютъ расслабляющее вліяніе на организмъ. Наконецъ, возможность прободенія желудка до совершеннаго срощенія пораженнаго мѣста съ другимъ органомъ всегда угрожаетъ жизни больнаго.

Леченіе.

Два главныхъ лекарства, соотвѣтствующія этой болѣзни, суть: *Arsenicum* и *Carbo vegetabilis*, къ которымъ бываетъ полезно присоединить *Sulfur* въ рѣдкихъ приемахъ. Во время сильныхъ судорожныхъ болей въ желудкѣ, появляющихся послѣ ѣды, иногда очень хорошо дѣйствуетъ *Atropinum sulfuricum*, а также и *Bismuthum subnitricum*. Гартманъ рекомендуетъ въ случаяхъ, гдѣ боль желудка и рвота появляются во всякое время, *Argentum nitricum* въ одномъ изъ низкихъ растираній.

Кромѣ этихъ лекарствъ, могутъ еще быть употребляемы, смотря по симптомамъ: *Phosphor*, *Plumbum*, *Natrum muriaticum*, *China*, *Veratrum* и *Calcaea carbonica*.

Діета.

Самая большая предусмотрительность въ отношеніи діеты въ этой болѣзни крайне необходима. Вообще все, что сказано относительно діеты при катарѣ желудка, относится еще въ большей мѣрѣ къ круглой язвѣ. Кромѣ тѣхъ весьма рѣдкихъ случаевъ, въ которыхъ можетъ посчастливиться предусмотрѣть близкую опасность прободенія желудка, слѣдуетъ давать больнымъ по возможности легкую, но вмѣстѣ съ тѣмъ питательную пищу для поддержанія правильнаго питанія и предупрежденія упадка силъ.

§ 5. Ракъ желудка (*Carcinoma ventriculi*).

Ракъ желудка принадлежитъ къ болѣзнямъ, которыя встрѣчаются сравнительно часто. Приблизительно въ одной трети всѣхъ случаевъ ракъ поражаетъ именно этотъ органъ. Мужчинъ заболѣваетъ вдвое больше, чѣмъ женщинъ. Обыкновенно ракъ желудка появляется въ возрастѣ отъ 50 до 60 лѣтъ; въ весьма рѣдкихъ случаяхъ эта болѣзнь была наблюдаема до 40 лѣтъ. Относительно причинъ мы ничего вѣрнаго не знаемъ, хотя вѣжета, что долгое злоупотребленіе спиртными напитками, а также сильныя душевныя потрясенія, особенно горе, способствуютъ

развитію рака въ желудкѣ. Нерѣдко расположеніе къ этой болѣзни бываетъ наследственное.

Симптомы и теченіе.

Въ началѣ заболѣванія наблюдаются всегда всѣ симптомы хроническаго катара желудка. Больной чувствуетъ давящую боль въ желудкѣ послѣ ѣды, пищевареніе замедляется, желудокъ легко вздувается, вслѣдствіе развитія газовъ, появляются отрыжка, изжога и тошнота. Всѣ эти симптомы мало-по-малу усиливаются, пока, наконецъ, появляется опухоль, соотвѣтствующая анатомическому положенію желудка, твердая, нѣсколько подвижная и въ большинствѣ случаевъ болѣзненная на ощупь. Опухоль эта медленно увеличивается и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаются всѣ симптомы. Рвота появляется чаще, и нерѣдко вмѣстѣ съ пищею выбрасывается болѣе или менѣе значительное количество крови, разложившейся вслѣдствіе дѣйствія желудочнаго сока и имѣющей видъ кофейной гущи. Со всѣмъ тѣмъ общее состояніе больныхъ всегда выражаетъ глубокое и тяжкое страданіе. Цвѣтъ лица принимаетъ какой-то особенно характерный землисто-желтоватый оттѣнокъ и больные быстро и весьма сильно худѣютъ. Средняя продолжительность болѣзни—одинъ годъ, самая долгая—два года.

Предсказаніе.

Всѣ врачи старой школы утверждаютъ, что ракъ желудка неизлечимъ и всегда и во всѣхъ случаяхъ ведетъ къ смерти больного. Съ другой стороны, въ гомеопатической литературѣ мы находимъ примѣры, яко-бы, исцѣленія отъ этой страшной болѣзни. Къ сожалѣнію, нельзя не согласиться съ нашими противниками старой школы, что въ этихъ случаяхъ, имѣвшихъ благополучный исходъ, остается сомнѣніе относительно правильности распознаванія. Однако, тѣмъ же менѣе, никто не можетъ отрицать, что въ числѣ случаевъ успѣшныхъ исцѣленій гомеопатическими лекарствами сильнаго хроническаго катара желудка, гдѣ симптомы указывали на явное расположеніе къ раковому перерожденію, были и такіе, въ которыхъ врачъ-гомеопатъ имѣлъ дѣло уже съ первымъ періодомъ этого самаго перерожденія. Тѣ случаи, въ которыхъ раковая опухоль уже вполне развита, всегда кончаются смертью.

ЛЕЧЕНІЕ.

Такъ какъ ракъ исключительно развивается изъ хроническаго катара желудка, то необходимо болѣзнь эту всегда и во всѣхъ случаяхъ лечить самымъ тщательнымъ образомъ, какъ относительно назначенія лекарствъ, такъ и относительно режима и діеты. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при соблюденіи этого важнаго правила многіе больные спасутся отъ страшной, угрожающей имъ опасности.

При вполне развитой раковой опухоли слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующія лекарства:

Arsenicum: уменьшаетъ боль и рвоту и часто задерживаетъ ходъ болѣзни. Высокія дѣленія и не слишкомъ частые приемы (отъ 2 до 3 въ день) давали лучшіе результаты.

Nux vomica: даетъ паліативное облегченіе при значительномъ развитіи кислотъ, уменьшаетъ изжогу и вздутіе живота и способствуетъ разрѣшенію запора.

Lycoperidium: въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣйствіе *Nux vomica* на испраженія недостаточно, при жгучей боли подъ ложечкою и когда рвота слизью появляется только ночью или утромъ.

Veratrum: противъ рвоты, появляющейся послѣ ѣды, если *Arsenicum* не оказываетъ дѣйствія.

Hydrastis canadensis особенно рекомендуется англійскими и американскими гомеопатами, какъ при другихъ формахъ рака, такъ и при ракѣ въ желудкѣ.

Во всѣхъ случаяхъ бываетъ полезно давать лекарства въ сравнительно рѣдкихъ приемахъ и особенно не переходить слишкомъ скоро отъ одного лекарства къ другому.

ДІЕТА.

При ракѣ желудка необходимо придерживаться, по мѣрѣ крайней возможности, укрѣпляющаго режима. Бульонъ, приготовленный въ герметически закупоренномъ сосудѣ безъ воды, молоко, яйца, какао, хорошее старое вино, мясной соевъ,—вотъ главныя вещества, вторыми слѣдуетъ питать больныхъ, такъ какъ твердая пища переносится обменно очень дурно. Пищу слѣдуетъ давать почаще (каждые 3 часа) и по небольшому количеству сразу.

§ 6. Желудочное кровотеченіе.

Хотя желудочное кровотеченіе не есть самостоятельная болѣзнь, а всегда только симптомъ или осложненіе, какойнибудь

другой болѣзни, но оно имѣеть такое важное практическое значеніе, что мы считаемъ необходимымъ разсмотрѣть его отдѣльно. Причины бывають различныя, мѣстныя и общія: поврежденіе кровеноснаго сосуда въ желудкѣ, вслѣдствіе изъязвленій, рака или сильнаго ушиба желудка; затѣмъ изъ общихъ причинъ главныя: прекращеніе регулъ, сильныя застои крови въ органахъ живота, разжиженіе крови при цынгѣ, тифѣ и проч.

Симптомы и теченіе.

Незначительныя кровоизліянія обыкновенно не производятъ никакихъ особенныхъ симптомовъ, кромѣ появленія крови въ испраженіяхъ, которыя принимаютъ очень темный, почти черный цвѣтъ. При болѣе значительномъ кровотеченіи является чувство тяжести и давленіе въ желудкѣ, тошнота и, наконецъ, рвота кровью, которая, вслѣдствіе вліянія желудочнаго сока, всегда имѣеть темный, буроватый или совсѣмъ черный цвѣтъ и обыкновенно выходитъ сгустками. При этомъ, смотря по количеству крови, замѣчаются всегда болѣе или менѣе значительныя симптомы остраго малокровія; блѣдность лица, холодность конечностей, малый, частый пульсъ и, наконецъ, обмороки. При поверхностномъ изслѣдованіи, иногда можно легко ошибиться и принять легочное кровотеченіе за желудочное и наоборотъ, такъ какъ иногда сильный приступъ кашля можетъ кончиться рвотою и въ то же время можетъ произойти разрывъ кровеноснаго сосуда въ легкихъ. Но во первыхъ, при легочномъ кровотеченіи, кровь всегда гораздо свѣтлѣе, жидкая, пѣнистая; а во вторыхъ, присутствіе другихъ симптомовъ страданія легкаго и отсутствіе таковыхъ со стороны желудка, скоро объясняютъ въ чемъ дѣло. Наконецъ, бывають случаи, что обильное носовое кровотеченіе появляется во снѣ и кровь неволью проглатывается. Въ этихъ случаяхъ можетъ появиться рвота кровью, не имѣющая однако никакихъ дурныхъ послѣдствій, и при совершенно здоровомъ состояніи желудка.

Послѣ рвоты, больные обыкновенно чувствуютъ мучительную жажду. Черезъ нѣсколько времени, если не удастся остановить кровотеченіе, рвота кровью можетъ возобновиться, и бывають случаи быстрога смертельнаго исхода, вслѣдствіе чрезмѣрной потери крови. Испраженіе при этомъ, конечно, тоже содержитъ значительное количество крови и принимаетъ совершенно черный цвѣтъ.

ПРЕДСКАЗАНИЕ.

Хотя случаи смертельнаго по своему обилію кровотеченія сравнительно рѣдки, но большая склонность желудочнаго кровотеченія повторяться черезъ нѣсколько времени дѣлаеть предсказаніе въ большинствѣ случаевъ сомнительнымъ, и самое тщательное леченіе и большая осторожность относительно діеты всегда крайне необходимы.

ЛЕЧЕНІЕ.

Во время самаго кровотеченія, самое главное лекарство *Troscianna*, которую конечно слѣдуетъ давать въ довольно частыхъ приемахъ, т. е. черезъ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ и 1 часть.

Когда кровь свѣтлая и въ небольшомъ количествѣ, то лучше подходит *Nux vomica* и *Belladonna*.

При большой слабости больнаго, холодности конечностей, маломъ пульсѣ и обморожѣ необходимо давать *Veratrum*, а если присоединяются конвульсіи—*Secale cornutum*.

Если тѣло теплое и страшная жажда и безпокойство особенно выдающіеся симптомы, то подходит *Arsenicum*.

Если кровотеченіе вызвано ушибомъ слѣдуетъ давать *Agnica*.

Иногда у новорожденныхъ дѣтей является кровотеченіе изъ желудка, и тогда рекомендуется *Aconitum*.

Въ случаяхъ, когда регулы приостановились, подходит *Pulsatilla*.

Послѣ приостановленія регулъ въ критическомъ возрастѣ *Belladonna*.

Противъ послѣдующаго малокровія лучшее средство *China*.

Относительно наружныхъ мѣропріятій, слѣдуетъ замѣтить, что онѣ ни къ чему не ведутъ, но всегда почти къ нимъ прибѣгаютъ уже потому, что окружающіе этого требуютъ. Холодный компрессъ на желудокъ во всякомъ случаѣ не вреденъ.

ДІЕТА.

Первое правило, что больной долженъ строго соблюдать горизонтальное положеніе и по возможности избѣгать всякаго движенія. Маленькіе куски льду или маленькіе глотки свѣжей холодной воды утоляютъ мучительную жажду. Пищу въ первое время (отъ 12 до 24 часовъ) не слѣдуетъ давать вовсе. Затѣмъ можно дать овсянку, почти холодную. Вообще, покуда есть опасность возвращенія кровотеченія нельзя давать ничего теплаго.

При большой слабости и угрожающемъ упадкѣ силъ можно давать по чайной ложкѣ старое вино. По прошествіи самыхъ угрожающихъ симптомовъ, необходимо еще долгое время тщательно слѣдить за всѣми явленіями со стороны желудка и соблюдать большую осторожность въ діетѣ.

§ 7. Судорожная боль желудка. (Cardialgia).

Всѣ безъ исключенія болѣзни желудка сопряжены съ болѣе или менѣе сильными, частыми и продолжительными болями, которыя уступаютъ подходящимъ къ болѣзни лекарствамъ. Но кромѣ того, бываютъ случаи, въ которыхъ сильнѣйшія боли съ судорожнымъ характеромъ появляются безъ всякихъ явныхъ матеріальныхъ измѣненій въ желудкѣ. Боли эти чисто нервныя и бываютъ чаще у женщинъ, нежели у мужчинъ. Во многихъ случаяхъ судорожная боль желудка сопровождается разстройствомъ половой сферы, неправильности регулъ, слѣдную немочь молодыхъ дѣвицъ, болѣзни матки и проч. У женщинъ низшихъ сословій злоупотребленіе кофеемъ нерѣдко служитъ явною причиною этого страданія. У мужчинъ слишкомъ сильное куреніе часто вызываетъ боль желудка; затѣмъ, одною изъ причинъ тоже бываетъ онанизмъ. Бываютъ случаи, въ которыхъ простуда вызываетъ это страданіе.

Симптомы и теченіе.

Картина этой болѣзни бываетъ въ высшей степени разнообразна. Боль является всегда приступами, но въ различныхъ случаяхъ, въ различное время и съ весьма различнымъ характеромъ. Легкое прикосновеніе къ желудку обыкновенно значительно усиливаетъ боль, въ то время, какъ сильное давленіе на него нерѣдко облегчаетъ. Продолжительность отдѣльнаго приступа боли рѣдко больше одного часа, причѣмъ сила ея въ началѣ меньше, затѣмъ быстро увеличивается, а подъ конецъ иногда является отрыжка, или весьма обильное отдѣленіе свѣтлой, водянистой мочи. На высотѣ боли, особенно у женщинъ, нерѣдко является обморочное состояніе. Кромѣ того, присоединяется въ нѣкоторыхъ случаяхъ головная боль, сердцебиеніе и большая слабость. Иногда, послѣ одного приступа, вскорѣ слѣдуетъ еще нѣсколько другихъ, но въ большинствѣ случаевъ, паузы довольно продолжительны, если новый приступъ не вызывается какою нибудь побочною причиною. Въ началѣ болѣзни вліяніе на общее состояніе здоровья не замѣчается, но при

большой продолжительности ея, питаніе организма всегда болѣе или менѣе страдаетъ, въ особенности, когда боль появляется вскорѣ послѣ вды и болные вслѣдствіе этого опасаются ѣсть.

ПРЕДСКАЗАНІЕ.

Судорожная боль желудка никогда не бываетъ опасна для жизни, но болѣзнь эта иногда весьма упорна и продолжительна, въ особенности, когда не удастся опредѣлить или уничтожить причину ея. Успѣхи гомеопатическаго леченія въ этой болѣзни, впрочемъ при правильномъ выборѣ лекарства, нерѣдко бываютъ блистательны, тѣмъ болѣе, что безуспѣшное алопатическое леченіе часто продолжается годами.

Леченіе.

Число испытанныхъ противъ этого страданія лекарствъ довольно значительно и мы ограничимся назвать главныя изъ нихъ.

Nux vomica: часто исцѣляетъ, а въ большинствѣ всѣхъ случаевъ даетъ облегченіе. Главный характеръ боли: стягиваніе, давленіе, щемленіе съ чувствомъ, какъ будто платъе давить на желудокъ. Давящая боль въ груди, въ спинѣ, между лопатками и въ поясницѣ. Появленіе приступа боли утромъ на тощахъ. Тошнота, сильное отдѣленіе слюны, рвота пищею или слизью, сердцебіеніе, кислый или гнилой вкусъ во рту, запоръ на низъ, пученіе въ животѣ. Подходитъ для мужчинъ и женщинъ съ живымъ темпераментомъ; при боли желудка вслѣдствіе пьянства, отъ кофе и послѣ тяжкихъ болѣзней или онанизма.

Arsenicum: подходитъ особенно, когда приступъ боли является около полуночи. Боль жгучая, несносная, очень сильная, доводящая больного до отчаянія или до обморока. Языкъ при этомъ чистъ; желудокъ въ порядкѣ. При этомъ болные чувствуютъ сильнѣйшее безпокойство и страхъ. Лекарство это чаще подходитъ для женщинъ, нежели для мужчинъ, и соотвѣтствуетъ особенно меланхолическому и нервному темпераменту.

Opium: особенно подходитъ у раздражительныхъ субъектовъ, которые легко сердятся, или если припадокъ вызванъ сильною досадою. Боль давящая, какъ отъ камня, съ одышкою и большимъ безпокойствомъ. Ожесточеніе часто ночью. Стучащая головная боль, особенно въ темени. Положеніе тѣла съ согнутымъ впередъ туловищемъ облегчаетъ боль.

Colocynthis: при щемающей боли, являющейся въ нѣсколькихъ

пароксизмахъ, слѣдующихъ быстро одинъ за другимъ, принуждающихъ больного съживаться; наружное тепло облегчаетъ, всякая ѣда и питье усиливаетъ боль. Отрыжка также облегчаетъ.

Ignatia: подходитъ, когда боль происходитъ отъ горя или скорби. Боль давящая, усиливается отъ ѣды, появляется чаще ночью.

Seria: соотвѣтствуетъ боли желудка, происходящей отъ различныхъ разстройствъ жевской половой сферы. Приступы являются преимущественно утромъ и до обѣда.

Pulsatilla: главное лекарство, когда боль появляется у дѣвиць, страдающихъ блѣдною немочью (*Chlorosis*). Приступы являются на тощахъ; боль сначала какъ бы успокаивается послѣ ѣды, а затѣмъ сильнѣе возвращается.

Belladonna: особенно подходитъ, если боль появилась послѣ простуды. Боль распирающая, съ накопленіемъ газовъ, съ сильнымъ раздраженіемъ всей нервной системы. Облегченіе при наклоненіи туловища назадъ. Пустая отрыжка.

Cocculus: въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *Colocynthis* облегчалъ, но не совсѣмъ уничтожилъ боль.

China: соотвѣтствуетъ особенно боли, появляющейся у больныхъ, истощенныхъ тижкою болѣзнію или значительною потерей крови. Боль давящая или щемящая; то облегчается, то усиливается ѣдою. Отрыжка и образование кислоты въ желудкѣ.

Bismuthum: часто подходитъ у субъектовъ, страдающихъ истеріею или ипохондріею. Боль отдается въ спину и сопряжена съ сильнымъ отдѣленіемъ слюны.

Carbo vegetabilis: при жгучей, давящей боли съ сильнымъ развитіемъ газовъ въ желудкѣ. Часто подходитъ послѣ *Nux vomica*.

Діета.

Въ общихъ чертахъ слѣдуетъ придерживаться той же діеты, какъ при хроническомъ катарѣ желудка. Въ особенности вредно все жирное и кофе. Весьма хорошо въ этой болѣзни, какъ вспомогательное средство, дѣйствуютъ методическія обмыванія всего тѣла или, по крайней мѣрѣ, всей верхней части тѣла свѣжею, комнатною водою по утрамъ, въ особенности у людей, ведущихъ преимущественно сидячую жизнь.

БОЛѢЗНИ КИШЕКЪ.

§ 1. Катаръ кишекъ (Catarrhus intestinalis).

Также какъ и желудокъ, кишечный каналъ весьма часто поражается катаромъ и притомъ въ еще болѣе различныхъ формахъ. Мы подраздѣляемъ, по примѣру доктора Бера, всѣ встрѣчающіяся въ практикѣ формы катара кишекъ на четыре категории: простой острый катаръ, холерина, хроническій катаръ и гастрическая катаральная лихорадка. Причины, вызывающія всѣ эти различныя формы, бываютъ однѣ и тѣ же и потому мы ихъ рассмотримъ вмѣстѣ.

Всѣ тѣ вредныя влiянiя, которыя ведутъ къ появленiю катара желудка, могутъ при извѣстномъ расположенiи организма вызвать катаральное пораженiе кишечнаго канала. Притомъ есть однако еще нѣкоторыя вещества, которыя, рѣдко вредно дѣйствуя на слизистую оболочку желудка, преимущественно вызываютъ катаръ кишекъ, какъ, напримѣръ фруиты. Затѣмъ сюда относятся всѣ слабительныя лекарства. Тѣ люди, которые считаютъ, что отъ времени до времени принять слабительное, яко-бы для очищенiя кишекъ (!), есть весьма невинное удовольствiе и вмѣстѣ пользительная вещь, во многихъ случаяхъ жестоко ошибаются. Всякое слабительное вызываетъ искусственный острый катаръ желудка. Правда, что въ совершенно здоровомъ организмѣ этотъ искусственный острый катаръ часто очень скоро проходитъ почти (!) безслѣдно самъ собою; но во первыхъ, это только «почти» безслѣдно, а во вторыхъ, это далеко не всегда случается. Кто мало-мальски привыкъ тщательно наблюдать, тотъ знаетъ, что послѣ употребленiя слабительнаго первое и непосредственное явленiе есть всегда большая или меньшая склонность къ запору, т. е. послѣ остраго искусственнаго катара является хотя-бы самая легкая склонность къ образованiю таковаго же искусственнаго хроническаго катара.

Если это повторяется, то эта склонность нѣсколько усиливается, и при постоянномъ и частомъ употребленiи слабительныхъ, употребляемыхъ яко-бы съ цѣлью исцѣлить запоръ и удалить причину его, т. е. хроническiй катаръ кишекъ, эта болѣзнь, въ концѣ концовъ, постоянно усиливаясь, можетъ сдѣлаться окончательно неизлечимою. Конечно, на первыхъ порахъ, это дѣйствiе слабительныхъ лекарствъ мало беспокоитъ пациентовъ и они продолжаютъ самымъ легкомысленнымъ образомъ относиться къ дѣлѣ, уповая на спасительное «очищенiе» же-

лудва касторовымъ масломъ или какими нибудь хитро сплетенными слабительными пилюлями. Есть люди, которые такимъ образомъ десятки лѣтъ своей жизни проводятъ между обжорствомъ и слабительными и бранять гомеопатию, потому что она не обладаетъ средствами «очищенія». Плачевныя послѣдствія такого безцеремоннаго отношенія къ органамъ пищеваренія, основаннаго на томъ наивномъ воззрѣнн, будто кишечный каналъ стеклянная реторта, которую можно вынуть, если она засорилась, не могутъ не оказаться впослѣдствн.

Послѣ погрѣшности въ дѣтѣ и слабительныхъ самая частая причина катара кишекъ простуда и особенно простуда ногъ.

а) Простой острый катаръ кишекъ

Симптомы и теченіе.

Обыкновенно появленію остраго катара кишекъ предшествуетъ впродолженн нѣкоторыхъ часовъ непріятное общее чувство забкости, отвращеніе отъ пищи и тупая головная боль.

Затѣмъ открывається поносъ. Испражненія сначала болѣе кашеобразны, потомъ все болѣе и болѣе жидки. Частность ихъ весьма различна отъ 3—4 въ сутки до столькихъ же и болѣе въ часъ. Языкъ при этомъ, если нѣтъ также и катара въ желудкѣ, совершенно чистый, по крайней мѣрѣ въ началѣ болѣзни. Почти всегда съ поносомъ сопряжена болѣе или менѣе сильная боль въ животѣ, щемящая, рѣзущая или давящая. Болѣзнь рѣдко продолжается болѣе трехъ или четырехъ дней и при выздоровленн всегда на первыхъ дняхъ замѣчается склонность къ запору. При неблагоприятныхъ обстоятельствахъ даже легкій острый катаръ кишекъ можетъ перейти въ хроническій. У маленькихъ дѣтей во время прорѣзыванія зубовъ и при отнятіи отъ груди весьма часто появляется эта болѣзнь и нерѣдко даже принимаетъ угрожающій характеръ.

Леченіе.

Мы изъ весьма значительнаго числа лекарствъ, могущихъ подходить при остромъ катарѣ кишекъ, называемъ самыя важныя:

Иресасуанна: при частыхъ, желтоватыхъ, совершенно жидкихъ испражненіяхъ, съ тошнотою или рвотою, съ болью или рѣзью въ животѣ, съ значительною общею слабостью и сонливостью.

Mercurius solubilis: поносъ, зеленоватый или слизистый, съ натугою и гнетениемъ въ заднепроходной кишкѣ; рѣзущая боль и чувство озноба передъ испражнениями. Лихорадочное состояніе и безновойство; подходитъ весьма часто при поносахъ у дѣтей во время прорѣзыванія зубовъ.

Chamomilla: при поносѣ, появившемся послѣ сильной досады, и при зубномъ поносѣ у дѣтей. Слизисто-желчныя, желтоватыя или зеленоватыя испраженія съ болью живота. Испраженія, похожія на рубленныя яйца. Вздутость и бурчаніе въ животѣ. Сильное безпокойство и плачь дѣтей. Одно изъ самыхъ важныхъ лекарствъ при простомъ остромъ катарѣ ешекъ.

Arsenicum: когда испраженія водянистыя, слизистыя, свѣтлыя или буроватыя; появляются особенно ночью или подь утро. Жгучая боль въ животѣ, сильная жажда, тошнота и значительная общая слабость.

Dulcamara: при поносѣ послѣ простуды, особенно лѣтомъ. Желтоватыя, слизистыя испраженія съ коликою, особенно около пупка. Поносъ больше къ вечеру и ночью.

Rheum: особенно при зубномъ поносѣ у дѣтей, если предшествовала простуда. Темныя, жидковатыя испраженія съ кислымъ запахомъ. Развитіе газовъ въ кишкахъ и боль въ животѣ.

Pulsatilla: поносъ, особенно ночью, безъ особенной боли, которая появляется нѣсколько времени послѣ испраженія. Слизистыя, зеленоватыя испраженія съ ознобомъ.

Colchicum: при натужномъ поносѣ, съ отхожденіемъ бѣлой студенистой слизи. Особенно подходитъ у людей весьма склонныхъ къ постоянному возвращенію поноса при малѣйшей простудѣ или погрѣшности въ діетѣ.

Colocynthis: при кашеобразныхъ, желчныхъ испраженіяхъ съ сильными приступами щемящей боли и большою забкостью.

Phosphori acidum: при водянистомъ или слизистомъ поносѣ съ незначительною болью или безъ боли. Непроизвольныя испраженія.

Діета.

По возможности большее воздержаніе отъ пищи весьма полезно. При жадѣ не слѣдуетъ давать много воды; лучше дѣйствуетъ легкое слизистое питье, рисовая вода или сухарная вода. Послѣ прекращенія поноса слѣдуетъ съ нѣкоторою осторожностью переходить къ обыкновенной пищѣ.

b) Холерина (*Cholera nostras*).

Холериной называется сильный острый катаръ кишечника, соединенный съ такимъ же значительнымъ катаральнымъ поражениемъ желудка. Она появляется или отдѣльными случаями, или небольшими, ограниченными эпидеміями, и въ послѣднемъ случаѣ всегда происходитъ отъ особеннаго атмосферическаго вліянія.

Симптомы и теченіе.

Началу болѣзни, часто за нѣсколько часовъ, предшествуетъ общее недоможеніе, тошнота, боль и бурчаніе въ животѣ. Затѣмъ, обыкновенно ночью, больные просыпаются съ тошнотою и чувствомъ давленія подъ ложечкою, и появляется сильнѣйшая рвота, а затѣмъ поносъ, сначала окрашенный, а затѣмъ болѣе и болѣе водянистый, похожій на рисовую воду. При этомъ боли въ животѣ могутъ быть незначительны, или же очень сильны. Въ болѣе легкихъ случаяхъ, черезъ нѣсколько часовъ, и поносъ, и рвота успокоиваются, и больной начинаетъ понемногу поправляться. Бываютъ, однако, и весьма серьезные случаи, очень похожіе на азиатскую холеру, въ которыхъ развивается довольно быстро упадокъ силъ, появляются судороги въ ногахъ, температура тѣла значительно падаетъ, пульсъ ослабѣваетъ и больные въ 12—24 часовъ умираютъ отъ истощенія. Однако эти случаи составляютъ исключеніе. Чаще грудныя формы холерины переходятъ въ гастрическую катаральную лихорадку.

У дѣтей болѣзнь эта рѣдко начинается съ такою силою, какъ у взрослыхъ, но за то она, большею частью, гораздо болѣе продолжительна. Большею частью преобладаетъ одно изъ двухъ: или рвота, или поносъ. Ухудшеніе этихъ симптомовъ преимущественно бываетъ ночью.

Предсказаніе.

Холерина у взрослыхъ, врѣзкаго сложенія, почти никогда не опасна. У престарѣлыхъ, слабыхъ, болѣзненныхъ субъектовъ, а въ особенности у дѣтей, она часто принимаетъ угрожающій характеръ; а для грудныхъ дѣтей холерина очень опасна, если не удастся быстро прекратить ее, что, впрочемъ, при правильномъ гомеопатическомъ леченіи, случается крайне рѣдко.

Леченіе.

Главныя лекарства: *Ipecacuanha*, *Veratrum* и *Arsenicum*.

Ipecacuanha соотвѣтствуетъ особенно началу болѣзни, пока испражненія еще окрашены и притомъ, когда преобладаетъ рвота. Почти всегда подходитъ у дѣтей; сильное безпокойство, холодный потъ и судороги въ ногахъ не противорѣчатъ употребленію этого лекарства. Приемы должны быть сравнительно частыя, черезъ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ часа, смотря по силѣ симптомовъ.

Veratrum подходитъ, когда сразу и рвота, и поносъ очень сильны, при безцвѣтныхъ испражненіяхъ, и вообще, чѣмъ болѣе случай имѣетъ сходство съ азіатскою холерою.

Arsenicum подходитъ при появленіи сильныхъ болей въ желудкѣ и животѣ, маленькихъ, но очень частыхъ испражненіяхъ, кровянистыхъ или очень вонючихъ, гнилыхъ, при тяжеломъ дыханіи, съ сильнѣйшею жаждою, страшнымъ безпокойствомъ и страхомъ, большою блѣдностью лица и слабымъ, едва осязаемымъ пульсомъ.

Во время поправленія больныхъ, при отсутствіи аппетита, часто очень хорошо дѣйствуетъ *Nux vomica*. Если поносъ дѣлается рѣже, но долгое время не прекращается и притомъ нѣтъ или почти нѣтъ боли, то показано *Acidum phosphoricum*, а при боли въ животѣ—*Phosphorus*.

Діета.

Во время приступа болѣзни больные имѣютъ сильнѣйшее отвращеніе отъ пищи. Слизистое питье или небольшое количество воды необходимо для утоленія жажды. Особенно важно быть крайне осторожнымъ въ діетѣ послѣ холеры дѣтей, такъ какъ у нихъ болѣзнь эта весьма легко возвращается при малѣйшей погрѣшности въ діетѣ. Количество пищи, даваемой сразу, должно быть крайне умѣренно, и слѣдуетъ давать самыя легкія вещи. Для ускоренія выздоровленія весьма полезно отъ двухъ до трехъ разъ въ день давать дѣтямъ, даже годовымъ, по чайной ложкѣ какаго нибудь хорошаго, сладкаго вина.

с) Хроническій катаръ кишекъ.

Хроническій катаръ кишекъ развивается часто изъ остраго, въ особенности если онъ повторялся часто; затѣмъ, если въ большихъ размѣрахъ были употребляемы слабительныя лекарства. Кромѣ того, эта болѣзнь часто сопровождается болѣзнями

печени, селезенки и желудка и почти всегда чахотку легких (Tuberculosis).

Симптомы и течение.

Симптомы и вся картина болѣзни бываетъ различна у взрослыхъ и у дѣтей.

У взрослыхъ бываетъ или запоръ, или поносъ, или, наконецъ, и то, и другое, въ перемежку. При запорѣ бываетъ черезъ 2, 3 и болѣе дней испражнение твердое, состоящее изъ темныхъ, иногда почти черныхъ, маленькихъ кусочковъ, похожихъ на овечій калъ, покрытыхъ тягучею, стекловидною слизью, иногда съ кровавыми жилками. Поносъ бываетъ не очень частый, но въ высшей степени упорный; испражненія несовсѣмъ жидкия, съ примѣсю твердыхъ кусковъ и слизи. Въ случаѣ образованія изъязвленій на слизистой оболочкѣ кишекъ, въ испражненіи бываетъ и примѣсь гноевидной жидкости или крови. Приэтомъ, конечно, всегда наблюдаются: отсутствіе или болѣзненное измѣненіе вкуса и аппетита; языкъ обложенъ, особенно на задней его части; больные страдаютъ приливами къ головѣ или къ геморoidalнымъ кровеноснымъ сосудамъ, головною болью и въ большинствѣ случаевъ очень дурнымъ расположеніемъ духа. При большой продолжительности поноса питаніе значительно страдаетъ, является общая худоба и слабость со всѣми признаками малокровія, и, наконецъ, можетъ даже развиться водянка.

У дѣтей самый главный симптомъ—поносъ. Испражненія или очень частыя и необильныя, или же появляются отъ 4 до 6 разъ въ день, но за то обильнѣе. Цвѣтъ испражненій обыкновенно въ началѣ болѣе темный, зеленоватый, а затѣмъ можетъ быть очень разнообразный. Самое обыкновенное время появленія этой болѣзни у дѣтей—время перехода отъ груднаго молока къ обыкновенной пищѣ, или время прорѣзыванія зубовъ, особенно коренныхъ и глазныхъ.

Предсказаніе.

Хотя хроническій катаръ кишекъ есть болѣзнь часто весьма упорная, но при правильномъ гомеопатическомъ леченіи и бдительномъ надзорѣ надъ діетою больные почти всегда выздоравливаютъ, если болѣзнь не слишкомъ запущена. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ катаръ кишекъ является въ видѣ осложненія другой хронической болѣзни, онъ часто значительно ускоряетъ не-

благоприятный исходъ, въ особенности если преобладаетъ поносъ, какъ, напримѣръ, при легочной чахоткѣ.

Леченіе.

Nux vomica есть главное лекарство для взрослыхъ, если болѣзнь еще не слишкомъ долго продолжается. Подходить при запорѣ, когда испражненіе состоитъ изъ маленькихъ твердыхъ кусочковъ, а также когда отъ времени до времени появляются кашеобразныя испражненія. При колющей боли въ заднепроходной кишкѣ, частыхъ позывахъ на низъ, развитіи газовъ, боли въ печени, приливѣ крови къ головѣ.

Lycoperdium соотвѣтствуетъ болѣе застарѣлымъ случаямъ. Испражненія очень рѣдки, похожи на овечій калъ; частые тщетныя позывы; гемороидалныя шишки; вздутіе живота и вѣтры, съ трудомъ отходящія. Очень дурное, угнетенное расположеніе духа. Сѣроватый, блѣдно-желтоватый цвѣтъ лица. Дѣйствіе этого лекарства на испражненіе часто поразительное.

Sulfur: при самомъ упорномъ задержаніи испражненія, если испражненія темныя, сухія, какъ небольшие камни, покрытыя слизью, съ натугою и болью въ проходѣ и въ гемороидалныхъ шишкахъ. Также при поносѣ, перемежающемся съ запоромъ.

Natrum muraticum подходит при упорномъ запорѣ, когда нѣтъ ни позыва, ни потребности, и кишечный каналъ кажется въ совершенномъ бездѣйствіи.

Phosphorus: при хроническомъ поносѣ у взрослыхъ и у дѣтей, при темныхъ, кашеобразныхъ испражненіяхъ съ слѣдами крови и съ сильною болью въ животѣ.

Acidum phosphoricum: также въ случаяхъ хроническаго поноса, безъ особенной боли, когда испражненія больше свѣтлыя и водянистыя, и при сильномъ развитіи газовъ.

Serica: особенно у женщинъ, когда упорный запоръ перемежается съ кашеобразными испражненіями, содержащими мало желчи.

Plumbum: при застарѣломъ запорѣ, весьма упорномъ, съ коликою; чувство затыгиванія и суженія кишекъ.

Calcaea carbonica или *Calcaea acetica* весьма важное лекарство при хроническомъ поносѣ у дѣтей, который почти всегда наблюдается вмѣстѣ съ весьма явнымъ золотушнымъ расположеніемъ. Значительное развитіе кислотъ и уменьшеніе или даже совершенное отсутствіе желчи въ испражненіяхъ, служатъ осо-

беннымъ показаніемъ для этихъ лекарствъ, первое болѣе для *Calcaea acetica*, второе болѣе для *Calcaea sagbonica*.

Arsenicum: весьма хорошо дѣйствуетъ при гнилыхъ, разложившихся испражненіяхъ и общей слабости и худобѣ.

China: подходит особенно въ случаяхъ, гдѣ большая часть пици проходитъ черезъ кишечный каналъ почти неизмѣнною, и въ испражненіяхъ находятся совершенно несваренныя вещества. Также при поносѣ съ сильнымъ, волчьимъ аппетитомъ, съ пученіемъ живота.

ДІЕТА.

Самое тщательное регулированіе діеты есть предметъ первой необходимости въ этой болѣзни. При этомъ, кромѣ соблюденія основныхъ правилъ, общихъ для всѣхъ безъ исключенія случаевъ, необходимо еще сообразоваться съ индивидуальными особенностями всякаго отдѣльнаго случая. Никогда не слѣдуетъ ѣсть много сразу и необходимо раздѣлить необходимую для достаточнаго питанія пищу по крайней мѣрѣ на три приѣма, а у дѣтей еще болѣе. Нѣкоторые врачи взрослымъ при хроническомъ катарѣ кишекъ часто назначаютъ исключительную молочную діету. Хотя нельзя отрицать, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ молоко переносится хорошо, иногда достигается хорошій результатъ, но все-таки эта діета даетъ больному слишкомъ мало питательныхъ веществъ и поэтому силы организма, уже ослабленныя болѣзнію, недостаточно поддерживаются. При употребленіи другихъ питательныхъ веществъ, крѣпкаго бульона, сырыхъ яицъ, скобленаго сыраго мяса и небольшого количества стараго вина, молоко, въ особенности парное, къ которому бываетъ полезно прибавлять немного коньяку (5—10 капель на стаканъ), весьма хорошее вспомогательное средство.

У дѣтей мелко скобленное сырое мясо (вырѣзка) также очень хорошо, если только переносится, что къ сожалѣнію не всегда случается. Вообще необходимо тщательно наблюдать, какъ различныя питательныя вещества дѣйствуютъ на организмъ, и избѣгать всего того, что усиливаетъ наклонность къ поносу и раздражаетъ слизистую оболочку кишекъ.

НАЧАЛА СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ.

СОЧИНЕНИЕ ИПОЛИТА ТЭНА.

РЕВОЛЮЦИЯ.

ТОМЪ ВТОРОЙ ¹⁾.

Торжество якобинцевъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ такомъ разложившемся обществѣ, гдѣ народныя страсти представляютъ единственную дѣйствительную силу, власть несомнѣнно принадлежитъ той партіи, которая сумѣетъ ими воспользоваться при помощи лести. Слѣдовательно, на ряду съ законнымъ правительствомъ, неспособнымъ ни умѣрить эти страсти, ни удовлетворить ихъ, возникаетъ правительство незаконное, которое ихъ допускаетъ, возбуждаетъ и руководитъ ими. По мѣрѣ того, какъ первое разлагается и распадается, утверждается и организуется второе, пока, наконецъ, ставъ въ свою очередь законнымъ, оно замѣнитъ окончательно первое.

I.

Давно установилась теорія, оправдывающая каждое народное стремленіе или попытку къ независимости, — теорія не импрови-

¹⁾ См. Русская Рѣчь, 1881 г.

зованная, не подставная, не поверхностная, но глубоко проникшая въ общественную мысль, вскормленная продолжительною работою предшествовавшей ей философіи, она является какъ-бы живучимъ и крѣпкимъ корнемъ, изъ котораго выросло новое древо конституціонное—это догматъ народнаго владычества. Въ буквальный смыслъ слова онъ значитъ, что правительство ничтожнѣе чиновника, что оно не болѣе какъ слуга. «Мы—его учредители и какъ до, такъ и послѣ его учрежденія, мы остаемся его властелинами. Между нами и имъ немислимъ никакой контрактъ, никакое соглашеніе на неопредѣленное или продолжительное время, которое не могло бы быть уничтожено взаимнымъ рѣшеніемъ или вслѣдствіе отступничества одной изъ сторонъ. Какимъ бы оно ни было и что оно ни предпринимай, у насъ нѣтъ никакихъ обязанностей относительно него; всѣ обязанности на его сторонѣ; мы имѣемъ полное, неоспоримое право измѣнять, ограничивать, отнимать, когда намъ это заблагоразсудится, власть, которую мы ему вручили. По праву первобытной и неотъемлемой собственности, дѣло общественное принадлежитъ намъ, намъ однимъ, и если мы передаемъ его въ руки этого правительства, то дѣлаемъ это подобно королямъ, временно вручающимъ свою власть министру; тотъ неминуемо стремится злоупотреблять ею, а наше дѣло слѣдить за нимъ, предупреждать его объ этомъ, высивать съ него, обуздывать его, а въ случаѣ надобности и согнать его окончательно. Въ особенности же слѣдуетъ остерегаться тѣхъ хитростей и уловокъ, къ которымъ оно будетъ прибѣгать, подъ предлогомъ охраненія общественнаго спокойствія, для того, чтобы этимъ связать намъ руки. Законъ, стоящій неизмѣримо выше всѣхъ законовъ, издаваемыхъ имъ, запрещаетъ ему касаться нашего владычества, а онъ уже посягаетъ на это, разъ какъ рѣшается въ чемъ бы то ни было стѣснять это владычество. Всякое собраніе, даже законодательное, узурпируетъ власть, когда оно относится къ народу, какъ къ лѣнивому, неспособному королю; когда оно подчиняетъ его законамъ, самимъ народомъ неутвержденнымъ; когда оно позволяетъ ему дѣйствовать лишь черезъ посредство своихъ избранниковъ. Народъ долженъ имѣть возможность дѣйствовать самъ и непосредственно, собираться, обсуждать общественныя дѣла, совѣщаться, контролировать поступки своихъ уполномоченныхъ, обсуждать ихъ, налегать на нихъ своими предложеніями и требованіями, исправлять ихъ ошибки, при помощи своего здраваго смысла, своею энергіею пополнять ихъ недостатокъ дѣятельности, вмѣстѣ съ ними управлять рулемъ, приэтомъ иногда ихъ совершенно

отстраняя, и даже, при надобности, выбросить ихъ за бортъ, если дѣло идетъ о спасеніи судна, направляемаго ими на рифъ».

Вотъ какова въ своемъ существѣ доктрина народной партіи, и народъ примѣнилъ ее къ дѣлу 14 іюля 1789 г. и 5 и 6 октября; а въ клубахъ, въ газетахъ, въ собраніи за нее непрестанно ратовали Люстало, Камилль Демуланъ, Фреронъ, Дантонъ, Марать, Петіонъ и Робеспьеръ. По ихъ мнѣнію, вездѣ существуетъ захватъ, равно какъ въ центральной, такъ и въ мѣстныхъ администраціяхъ. Какая намъ польза въ томъ, что мы свергли одинъ деспотизмъ, если мы создаемъ другой? Мы не подчиняемся больше аристократіи привелигированныхъ, но за то мы подчиняемся «аристократіи нашихъ же уполномоченныхъ». Уже въ Парижѣ «вся масса гражданъ ничтожна въ сравненіи съ муниципалитетомъ». Онъ посягаетъ на наши неоспоримыя права, когда отказываетъ какому либо округу въ правѣ отрѣзать по желанію своихъ пятерыхъ представителей въ городской думѣ; когда онъ опредѣляетъ постановленія, не подвергнувъ ихъ сперва санкціи избирателей; когда онъ не допускаетъ гражданъ собираться, гдѣ имъ заблагоразсудится; когда онъ стѣсняетъ клубы, собирающіеся въ Пале-Рояль подъ открытымъ небомъ. «Патрули ихъ ослабляютъ патріотизмъ этихъ собраній», и мэръ Байльи, облекающійся въ ливрею, присвоивающій себѣ 110,000 ливровъ содержанія, раздающій капитанскіе чины, обязывающій разносчиковъ запасаться бляхами на право торговли, а газеты и журналы имѣть подпись редактора,—не только тиранъ, но просто воръ. и грабитель и «преступенъ въ оскорбленіи націи». Національное собраніе поступаетъ еще хуже того. Принять присягу конституціи, какъ оно это сдѣлало, насильно подчинить насъ своему рѣшенію, заставить и насъ присягнуть, не взирая на наше первенствующее право и не заручившись предварительно нашимъ полнымъ согласіемъ,—это непризнаніе нашего владычества, это поруганіе величія націи, это замѣнъ народной воли, волею двухсотъ человекъ. Представители наши не оказали намъ должнаго уваженія; и это случилось не въ первый и не въ послѣдній разъ; они неоднократно превышали данную имъ власть; они обезоруживаютъ, связываютъ и изувѣчиваютъ своего законнаго владыку; они именемъ народа издають декреты противъ самаго же народа. Таковъ ихъ военный законъ, придуманный съ цѣлью «потушить возстаніе гражданъ», т. е. единственное средство, остающееся намъ противъ заговорщиковъ, грабителей и измѣнниковъ. Таковъ декретъ, воспреещающій всякое печатное воз-

звание или коллективную петицію, — «декретъ, вполне неосновательный и неприложимый», и «заключающій въ себѣ самое ужасное посягательство на права націи». Таковъ въ особенности избирательный законъ, требующій отъ избирателей небольшого цѣнза, а отъ избираемыхъ большого, «что освящаетъ аристократію богатства». Бѣдные, исключаемые подобнымъ декретомъ, должны считать его недѣйствительнымъ, заставить вписать себя по неотъемлемому личному праву и спокойно вотировать, такъ какъ естественное право превышаетъ писанное, и миліоны гражданъ, у которыхъ несправедливо отнято право избирательства, поступили бы вполне основательно и справедливо, если, по выходѣ изъ засѣданія, схватили бы за шиворотъ вождей-хищниковъ большинства и сказали бы имъ: «Вы только что вычеркнули насъ изъ числа общества, такъ какъ въ задѣ сила была на вашей сторонѣ; мы же, въ свою очередь, вычеркиваемъ васъ изъ числа живыхъ, такъ какъ на улицѣ сильнѣйшіе мы. Вы насъ убили гражданственно; мы васъ убиваемъ физически».

Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія, каждое возстаніе становится законнымъ. Робеспьеръ съ трибуны извиняетъ жакеріи, отказывается называть разбойниками поджигателей замковъ, оправдываетъ возстанія въ Суассонѣ, въ Нанси, въ Авиньонѣ, въ колоніяхъ. По поводу двухъ повѣшенныхъ въ Дуэ, Демулэнъ замѣчаетъ, что это было дѣломъ рукъ народа, соединеннаго съ войсками. «И потому я говорю безъ боязни ошибиться: они узаконили возстаніе»; они были виновны — и потому хорошо поступили, повѣся ихъ. Вожди партій не только извиняютъ у бійства, но даже подстрекаютъ къ тому. Демулэнъ, въ «Фонарѣ», требуетъ, чтобы въ каждомъ изъ 83-хъ департаментовъ производилось хоть на одномъ фонарѣ повѣшеніе; а Маратъ въ своей газетѣ непрестанно бьетъ тревогу во имя принциповъ. «Если затрогиваютъ общественную безопасность, то народу принадлежитъ право отнять власть отъ тѣхъ, кому онъ ее вручилъ... Заточите австріянку и ея зятя... захватите всѣхъ министровъ съ ихъ чиновниками и заточите ихъ; зорко слѣдите за главою муниципалитета и за помощниками мэра; не спускайте глазъ съ генерала и арестуйте весь главный штабъ... Наслѣдникъ престола не имѣетъ права обѣдать, когда вы нуждаетесь въ насущномъ хлѣбѣ. Соберитесь организованнымъ военнымъ корпусомъ и обратитесь прямо къ національному собранію съ требованіемъ назначить вамъ достаточное содержаніе изъ общественныхъ суммъ. Наставляйте на

томъ, чтобы патриотическая контрибуція была употреблена въ пользу немущихъ въ государствѣ. Если вамъ отважатъ, то соединитесь съ арміею и раздѣлите между собою земли и богатства злодѣевъ, зарывшихъ свое золото, чтобы голодомъ принудить васъ опять наложить на себя иго... Настала пора рубить головы всѣхъ министровъ и ихъ сподвижниковъ, Лафайета и злодѣевъ главнаго штаба, всѣхъ баталіонныхъ командировъ, столь плохихъ патриотовъ, Байля, весь враждебный революціи муниципалитетъ, всѣхъ измѣнниковъ національнаго собранія». Правда, что между просвѣщенными людьми Марать слылъ за иступленнаго, за безумца; а между тѣмъ, таково было послѣднее слово этой теоріи: въ свѣетѣ политическомъ строю выше власти, врученной, правильной и легальной, она ставитъ власть анонимную, бессмысленную и ужасную, произволь которой безграниченъ, инициатива которой непрерывна, а вмѣшательство убійственно; народъ—это недоувѣрчивый и вровожадный султанъ, который, выбирая своихъ визирей, нисколько не стѣсняется съ ними и держитъ наготовѣ острую саблю, чтобы при случаѣ снести имъ голову.

II.

Нѣтъ ничего удивительнаго, если каковой-либо хотя и непрактичный, но глубокомысленный политикъ создаетъ подобную теорію въ уединеніи своего кабинета; бумага все тернитъ и умы отвлеченные, призрачные, философскія маріонетки, каковы и ихъ изобрѣтенія, поддаются самымъ несбыточнымъ комбинаціямъ. Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что каковой нибудь сумасшедшій проновѣдуетъ подобную теорію изъ глубины своего подвала; это легко объясняется: его преслѣдуютъ призраки, онъ живетъ внѣ міра дѣйствительнаго и, къ тому же, посреди этой неустанно клокочущей демократіи, онъ, вѣчный доносчикъ, зачинщикъ каждаго возстанія, подстрекатель каждаго убійства, становится, подъ именемъ «друга народа», полновластнымъ распорядителемъ жизнью, настоящимъ владыкою. Можно еще допустить, что народъ, обремененный налогами, несчастный, голодный, возбуждаемый декламаторами и софистами, прибѣгаетъ къ подобной теоріи; въ минуту тяжелыхъ страданій не гнушаешься никакимъ средствомъ, чтобы облегчить ихъ, и понятно, что угнетенный вѣритъ въ ту доктрину, которая помогаетъ ему избавиться отъ притѣснителя. Но что политики, законодатели, государственные люди, наконецъ, министры и представители го-

сударственной власти увлеклись подобною теоріею; что они придерживались ея все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ она становилась все разрушительнѣе; что, видя ежедневно, впродолженіи трехъ лѣтъ, какъ рушится подъ ея ударами весь государственный строй, они все-таки не признали въ ней причину всего этого разгрома; что просвѣщенные самою тяжелою, ужасающею опытностью, они вмѣсто того, чтобы сознавать ея пагубность, восхваляли ея благодѣянія; что многіе изъ нихъ, цѣлая партія, почти все собраніе, возвели ея на степень догмата и до конца примѣняли ея съ полнымъ энтузіазмомъ и со всею узкостью непреложнаго убѣжденія; что затертые ею въ узкій проходъ, постепенно все болѣе и болѣе суживавшіяся, они шли безъ устали впередъ, давя другъ друга; что, придя въ цѣли, въ воображаемую храмину воображаемой свободы, они очутились въ бойнѣ; что въ этой общей національной рѣвнѣ они становились поочередно, то мясниками, то избиваемымъ скотомъ; что вопреки своимъ правиламъ всеобщей и доведенной до совершенства свободы, они учредили деспотизмъ—достойный Дагомэя, судилище—подобное инквизиціи, человѣческія гекатомбы—подобныя древнимъ мексиканскимъ; что посреди своихъ тюремъ и эшафотовъ, они не перестали вѣровать въ свое правое дѣло, въ свое человѣколюбіе, въ свою добродѣтель, и что падал, они считали себя мучениками;—все это очень странно. Невозможно привести второй примѣръ подобнаго умственного затмѣнія, подобнаго отступленія отъ здраваго смысла и избытка гордости, и чтобы вызвать такія явленія нужно было стеченіе обстоятельствъ, какое могло представиться лишь разъ.

Впрочемъ, ни преувеличенное самолюбіе, ни догматическія разсужденія не есть исключительное явленіе въ человѣческой расѣ. Въ каждой странѣ существуютъ неразрушимо эти два подземные корня якобинизма. Вездѣ ихъ сдавливаетъ водворенный общественный строй. Вездѣ они равно стремятся сбросить съ себя давящее ихъ всею своею тяжестью историческое наслоеніе. И сегодня, какъ въ былыя времена, въ чердачныхъ каморкахъ студентовъ, въ меблированныхъ комнатахъ богемы, въ пустынныхъ кабинетахъ докторовъ, не имѣющихъ практики, и адвокатовъ, лишенныхъ клиентовъ, встрѣчаются Бриссо, Дантоны, Мараты, Робеспьеры и Санъ-Жюсты въ зародышѣ; только они не развиваются, за недостаткомъ воздуха и солнечнаго луча. Когда двадцатилѣтній юноша вступаетъ въ свѣтъ—и разумъ, и самолюбіе его равно оскорблены. Во первыхъ, каково бы ни было общество, къ которому онъ принадлежитъ, оно, по его мнѣнію, несомнѣнно скан-

дализируетъ здравый разумъ, такъ какъ оно дѣло рукъ не философа-законодателя и не построено на ясномъ принципѣ, а есть, это дѣло рукъ многихъ послѣдовательныхъ поколѣній, постоянно приспособлявшихъ его къ своимъ многочисленнымъ, разнообразнымъ и измѣнчивымъ нуждамъ. Оно создано не логикою, а исторіею, и юный мыслитель только пожимаетъ плечами при видѣ этой устарѣлой постройки, основа которой произвольна, архитектура несвязна и гдѣ вездѣ видны заплаты. Во вторыхъ, сколько ни будь совершенны всѣ учреждения, законы и нравы, они учреждены раньше его и потому имъ не санкціонированы; другіе, его предшественники, выбирали за него, и они то заключили его въ тѣ нравственныя, политическія и социальныя рамки, въ которыхъ ему приходится поневолѣ вращаться. Что въ томъ, если онѣ не удовлетворяютъ его; онъ долженъ повернуться и идти, подобно запряженной лошади, между двумя оглоблями и съ тою сбруею, которую одѣли на него другіе. Къ тому же, какова бы ни была организація, такъ какъ суть ея все-таки іерархія, то судьба его почти всегда оставаться въ ней подчиненнымъ, солдатъ ли онъ, капралъ, или сержантъ. Даже при самомъ либеральномъ образѣ правленія, тамъ, гдѣ высшіе чины доступны всѣмъ, на нять, шесть первенствующихъ или командующихъ, цѣлыя сотни тысячъ остаются всю жизнь подъ командою, и хотя и говорятъ каждому новобранцу, что въ мѣшкѣ своемъ онъ носитъ маршальскій, жезлъ—девятьсотъ девяносто девять разъ на каждую тысячу онъ, пошаривъ въ своемъ мѣшкѣ, очень скоро убѣждается въ томъ, что никакого жезла въ немъ нѣтъ. Что же мудренаго, если онъ иногда порывается возставать противъ тяжелой дисциплины и вѣчной субординаціи? Что же удивительнаго, если онъ иногда непрочъ усвоить теорію, подчиняющую товарищей его произволу и дающую ему власть надъ его же начальниками? Тѣмъ болѣе, что нѣтъ другой доктрины болѣе упрощенной и болѣе приспособленной къ его неопытности; она, единственная, ему и доступна и сейчасъ же примѣнима; вотъ почему большинство молодыхъ людей, въ особенности же изъ числа принужденныхъ сами прокладывать себѣ дорогу при выходѣ изъ шеолы, болѣе или менѣе якобинцы; это является какъ-бы обыденною болѣзью, вслѣдствіе быстрого роста. Въ хорошо организованныхъ обществахъ, болѣзнь эта легка и скоро проходитъ. Общественныя учрежденія слишкомъ прочны и хорошо охраняются, и недовольные скоро убѣждаются, что они слишкомъ безсильны, чтобы поколебать ихъ; а возстанъ они противъ ихъ охранителей, то будутъ лишь

побиты. Да и сами они, не смотря на свой ропотъ, кончаютъ тѣмъ, что, тѣмъ или инымъ путемъ, вступаютъ въ этотъ существующій строй, завоевываютъ себѣ въ немъ мѣстечко и пользуются имъ, или просто покоряются судьбѣ, и въ концѣ концовъ, въ силу ли подражанія, привычки или разчета, они всецѣло отдаются этому порядку вещей, поддерживающему интересы общественныя, а слѣдовательно, и ихъ частныя. Почти всегда, черезъ какія нибудь десять лѣтъ, молодой человѣкъ примкнетъ, такъ и иначе, къ общему строю и шагъ за шагомъ подвигается въ своемъ отдѣлѣ, противъ котораго онъ ничего больше не замышляетъ, терпя ревностный надзоръ властей и полици, которыхъ онъ даже перестаетъ проблинать. И та, и другая, уже иногда кажутся ему полезными, и взирая на миліоны индивидовъ, давящихъ другъ друга въ своемъ непрерывномъ стремленіи поскорѣе и повыше взобраться по ступенямъ общественнымъ, онъ, наконецъ, понимаетъ, что худшее изъ бѣдствій, это недостатокъ преградъ и сторожей. А здѣсь сгнившія преграды всѣ вдругъ и разомъ поколебались, а слабые сторожа, въ своемъ безсиліи и испугѣ, ничего не могли сдѣлать. Распавшееся общество превратилось немедленно въ какую-то смутную толпу, волнующуюся и кричащую, гдѣ всѣ тѣснятъ и толкаютъ другъ друга и сперва, ливующіе и поздравляющіе себя взаимно съ тѣмъ, что нѣтъ больше стѣсненій, требуютъ, чтобы новыя преграды были по возможности слабы, а новые сторожа всеѣмъ безсилны и безоружны. Такъ и поступили; и самыя естественнымъ образомъ, лица, занимавшія первыя мѣста, очутились на послѣднихъ; было множество и убитыхъ въ этой свалкѣ и въ этомъ непрерывномъ безпорядкѣ, наименованномъ окончательнымъ благоустройствомъ; деревянныя бапки и грубые сапоги не переставали топтать и давить красныя каблуки и лакированные сапожки. Наступилъ просторъ догматическимъ выводамъ и безмѣрному самолюбію; нѣтъ болѣе старыхъ учрежденій и порядковъ, имъ импонирующихъ, ни силы физической, могущей ихъ обуздать. Напротивъ того, новая конституція вызывала къ жизни эти стремленія своими теоретическими разглагольствованіями и практическими примѣненіями, такъ какъ, съ одной стороны, по теоріи, она утверждала, что основана на чистомъ разумѣ, и дебютировала цѣлымъ перечисленіемъ самыхъ отвлеченныхъ догматовъ, на которыхъ она свято и непреложно созидала—какъ она этимъ хвалилась—свои постановленія и предписанія; другими словами, она оцѣняла всѣ законы пересужденію и болтовнѣ пустыхъ резонеровъ, истол-

ковывавшихъ и преступавшихъ ихъ по произволу. Съ другой стороны, на практикѣ, она передала всю власть въ руки избирателей и предоставляла клубамъ право контролировать должностныхъ лицъ, а это значило давать ходъ высокоумію честолюбцевъ, считавшихъ себя способными и клеветавшихъ на власти, съ цѣлью ихъ затмить. Всякаго рода правленіе есть центръ, дѣйствующій на людей какъ на растеніе, т. е. развивающій нѣкоторыя породы и губящій другія. А подобнаго рода правленіе производитъ больше всего политиковъ кофеенъ, клубныхъ ораторовъ, уличныхъ проповѣдниковъ, площадныхъ возмутителей, комитетныхъ диктаторовъ, однимъ словомъ, революціонеровъ и тирановъ. Въ этихъ искусственныхъ теплицахъ химера и самонадѣянная дерзость достигаютъ гигантскихъ размѣровъ и, по простествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, разгоряченныя головы гибнутъ окончательно.

Прослѣдимъ за ходомъ и дѣйствіемъ этой усиленно возвышенной и нездоровой температуры на воображенія и на честолюбія. Старое зданіе рухнуло; новое еще не возведено; необходимо совершенно пересоздать общественный строй; призываются къ дѣлу всѣ желающіе; а такъ какъ тутъ достаточно примѣнить самый несложный принципъ, подобно тому, какой примѣняется при начертаніи общаго плана, то, понятно, что онъ доступенъ первому встрѣчному. Тогда и отдѣльныя собранія, и клубы, и газеты, и брошюры, и каждая безразсудно предпринимчивая голова, все было переполнено, все кишело политическою мечтою. «Не найдется ни одного приказчика, воспитаннаго на чтеніи Элоизы, ни одного школьнаго учителя, переведшаго страницъ десять изъ Тита Ливія, ни одного артиста, просмотрѣвшаго Роллена, ни одного *bel-esprit*, сдѣлавшагося публицистомъ, вслѣдствіе зазубренія наизусть логогрифовъ «общественнаго договора», — которые не создавали бы новаго государственнаго строя... Такъ какъ нѣтъ ничего легче нежели усовершенствованіе воображаемаго, то всѣ бодрствующіе умы хлопчатъ и волнуются въ этомъ идеальномъ мірѣ. Начинаютъ съ любопытства, кончаютъ энтузіазмомъ. Толпа стремится произвести этотъ опытъ, подобно скупцу, мнящаго волшебствомъ добыть сокровища, и посреди этого ребяческаго очарованія, каждый надѣется придти къ тому, чего нивогда еще не было и во времена самаго либеральнаго образа правленія, — къ совершенству неповолебимому, къ всеобщему братству, къ возможности приобрѣсть все, что не достаетъ намъ, и наполнять нашу жизнь одними наслажденіями». Ужъ одно подобное предположеніе представляетъ немалое наслаж-

деніе. Витаетъ въ пространствѣ; при помощи десятка—другаго готовыхъ сентенцій, вычитанныхъ изъ какого-либо грошеваго республиканскаго катихизиса, тысячами распространеннаго по всѣмъ предметамъ и селеніямъ,—какой-нибудь деревенскій судья, сборщикъ податей у заставы, контролеръ контрамарокъ, сержантъ надъ солдатскою артелью,—дѣлается вдругъ законодателемъ и философомъ; онъ позволяетъ себѣ судить о Малуэ, о Мирабо, о министрахъ, о королѣ, о національномъ собраніи, о церкви, объ иностранныхъ кабинетахъ, о Франціи и объ Европѣ. Вслѣдствіе обращенія съ такими важными предметами, прежде для него недосыгаемыми, онъ начинаетъ дѣйствовать, читаетъ прокламаціи, говоритъ рѣчи; ему аплодируютъ и онъ самъ восхищается своими умными рѣчами и громкими словами. У него явилось теперь занятіе, составляющее его славу и въ то же время выгоду, а именно разглагольствованіе относительно предметовъ, ему самому недоступныхъ. «Въ одномъ какомъ-либо отдѣлѣ парижской администраціи,—разсказываетъ очевидецъ,—наговорится больше въ одинъ день, чѣмъ во всѣхъ политическихъ собраніяхъ Швейцаріи втеченіи цѣлаго года. Англичанину понадобилось бы полгода на изученіе того, что мы рѣшаемъ въ какіе нибудь четверть часа, и вездѣ рѣшительно, въ городскихъ думахъ, въ народныхъ собраніяхъ, въ отдѣльныхъ собраніяхъ, въ кабакахъ, въ общественныхъ садахъ и гуляньяхъ, на углахъ улицъ, тщеславіе воздвигаетъ трибуну для словоизверженія». Слѣдуетъ только вникнуть въ неисчерпаемую и неустанную дѣятельность подобнаго механизма у націи словоохотливой, гдѣ жажда выставить себя на показъ превышаетъ всѣ другія стремленія; гдѣ тщеславіе проявляется подъ большимъ числомъ видовъ, нежели число звѣздъ на небѣ; гдѣ репутаціи составляются уже частымъ повтореніемъ того, что онѣ заслужены; гдѣ все общество состоитъ изъ посредственностей и ихъ восхвалителей, возводящихъ ихъ на степень божества; гдѣ такъ мало довольныхъ своимъ положеніемъ; гдѣ какой-нибудь жалкій лавочникъ гордится своими эполетами болѣе, нежели великій Кондѣ гордился своимъ маршальскимъ жезломъ; гдѣ всѣ волнуются безцѣльно и бесполезно; гдѣ, начиная отъ полотера до драматическаго писателя, отъ академика до жалкаго писаки, марающего вечернюю газету, отъ придворнаго *bel esprit* до его лакея, философа, каждый обсуждаетъ и по своему перетолковываетъ и передѣлываетъ Монтескье съ самодовольствомъ и самоувѣренностью ребенка, едва выучившагося читать и уже считающаго себя ученымъ; гдѣ самолюбіе и страсть къ диспу-

тамъ, словопреніямъ и софизмамъ убила всякій разумный разговоръ; гдѣ говорятъ лишь съ цѣлью поученія, не сознавая того, что слѣдовало бы скорѣе молчать и самому поучаться; гдѣ успѣхъ нѣсколькихъ безумцевъ выдвинулъ впередъ всѣхъ помѣшанныхъ; гдѣ, воображаютъ, что имѣютъ принципы, когда извлекаютъ нѣсколько глухихъ выводовъ изъ плохо понятой книги; гдѣ мошенники трубятъ о нравственности, падшія женщины проповѣдуютъ любовь къ отчизнѣ, а самыя гнусныя существа кричатъ о человѣческомъ достоинствѣ; гдѣ бывший лакей вельможи величаетъ себя Брутомъ». Въ своихъ собственныхъ глазахъ онъ дѣйствительно Брутъ, и при случаѣ будетъ имъ совершенно, въ особенности относительно своего бывшего господина; вѣдь для этого только слѣдуетъ пустить въ ходъ ножъ или пику. А пока онъ довольствуется разыгрываніемъ своей роли, повторяетъ звучныя фразы и возбуждаетъ себя своими собственными тирадами; его здравый смыслъ уступилъ мѣсто высокопарному и трескучему революціонному жаргону, и декламация, довершая дѣло утопіи, облегчаетъ его мозгъ отъ послѣдняго баласта.

И не однѣ только мысли и идеи совратили новый порядокъ вещей; имъ искажены были и всѣ чувства. «Изъ Версальскаго замка и передней царедворцевъ власть перешла непосредственно и безъ всякаго противовѣса въ руки пролетаріевъ и ихъ льстецовъ». Весь персоналъ, прежняго правленія былъ вытѣсненъ заурядъ; также быстро, по всеобщему выбору, утвердился новый, и мѣста не раздавались по праву способностей, старшинства или опытности, но по праву самоувѣренности, интриги и преувеличенія. Были нивелированы не однѣ законныя права, но были низвержены и естественныя различія; вся общественная лѣстница была опрокинута и восстановлена низомъ вверхъ и первымъ дѣломъ общаго возрожденія былъ замѣнъ въ веденіи государственныхъ дѣлъ высшихъ чиновниковъ адвокатами, министрами — мѣщанами, дворянъ — простолюдинами, солдатъ — гражданами, офицеровъ — солдатами, генераловъ — офицерами, епископовъ — священниками, священниковъ — викаріями, викаріевъ — монахами, финансистовъ — ажіотерами, администраторовъ — шарлатанами, публицистовъ — журналистами, законодателей — ераснобоями, богатыхъ — бѣдными. «При этомъ зрѣлищѣ вездѣ пробудилась и заговорила алчность. Обиліе предлагаемыхъ мѣстъ и возможныхъ ваканцій возбудило жажду власти, увеличило самолюбіе и загло надежду даже въ самыхъ неспособныхъ людяхъ. Дикое и грубое самообольщеніе избавило всякаго глупца и невѣжду отъ сознанія собственнаго ничтожества. Они вообразили, что способны

на все, такъ какъ законъ допускалъ къ занятію общественныхъ должностей всѣхъ, на то способныхъ. Каждый могъ надѣяться удовлетворить своему честолюбію: солдатъ только и мечталъ о томъ, какъ бы замѣнить своего офицера; офицеръ о томъ, какъ бы сдѣлаться генераломъ; мелкій чиновникъ, какъ бы замѣнить своего начальника; простой адвокатъ, какъ бы добратся до пурпуровой мантии; священникъ, какъ бы сдѣлаться епископомъ; самый поверхностный литераторъ о томъ, чтобы стать законодателемъ. Масса мѣстъ и назначеній, оставшихся вакантными, вслѣдствіе назначенія множества временщиковъ, предоставляла, въ свою очередь, обширную карьеру низшимъ классамъ». Такимъ образомъ, мало-по-малу, слѣдствіемъ перемѣщенія сословій, произошло всеобщее нравственное потрясеніе. «Францію превратили въ обширный игорный столъ, на который каждый болѣе или менѣе энергичный гражданинъ, обладающій извѣстною дозою рѣшительности, самоувѣренности и горячею головою, какъ бы ни былъ низко поставленъ этотъ честолюбецъ на ступеняхъ общественныхъ, бросалъ кости... При видѣ того, какъ изъ ничтожества возникаютъ общественные дѣятели, врядъ-ли найдется какой-либо оборвышъ, въ сердцѣ котораго не проснулось бы соревнованіе». Все дѣло въ томъ, чтобы сзумѣть локтями проложить себѣ дорогу для того, чтобы взять билеты на эту огромную лотерею всеобщихъ удачъ, повышеній незаслуженныхъ, успѣховъ безъ помощи таланта, превозношеній безъ добродѣтелей, безчисленнаго множества должностей, раздаваемыхъ народомъ массами, и получаемыхъ имъ же по мелочамъ. Туда сбѣжались всѣ политическіе шарлатаны, и на первомъ планѣ тѣ, которые, будучи по своему искренни, вѣрятъ въ дѣйствительность своихъ снадобій и ищутъ власти, какъ средства всучить публикѣ свои рецепты. Такъ какъ они являются избавителями, спасителями, то всѣ мѣста имъ и предоставляются, и преимущественно высшія; они ихъ и осаждаютъ въ силу своей же совѣстливости и своего человѣколюбія; въ случаѣ надобности, они возьмутъ ихъ приступомъ, не стѣсняясь ничьею волею оставить ихъ за собою и станутъ, хотя-бы насильно, преподносить всему человѣчеству свои универсально-цѣлебныя средства.

III.

Таковы наши якобинцы, они зарождаются въ общественномъ разложеніи, подобно грибамъ, являющимся на непребродившей почвѣ. Разсмотримъ ихъ внутренній строй, а такой есть у нихъ,

какъ прежде былъ у пуританъ, и слѣдуетъ зондировать ихъ догматъ до самой его глубины, чтобы спуститься въ тотъ фیزیологическій слой, гдѣ разрушено все нормальное равновѣсіе между ихъ умственными способностями и чувствами.

Если государственный человѣкъ, несовсѣмъ недостойный этого громкаго имени, встрѣчаетъ на своемъ пути какой нибудь абстрактный принципъ, какъ, на примѣръ, принципъ народнаго владычества, если онъ его допустить, то лишь въ качествѣ матеріала для разработки. Принимаясь за него, онъ сперва представляетъ его примѣненнымъ и дѣйствующимъ и воображаетъ себѣ для этого ту или другую деревню, селеніе, или небольшой городъ, которыхъ онъ подчиняетъ новымъ законамъ, руководясь при этомъ своими собственными воспоминаніями или свѣдѣніями, какія онъ можетъ собрать. Затѣмъ, по мѣрѣ возможности, онъ представляетъ себѣ его жителей, начинающихъ дѣйствовать по данному принципу, т. е. рѣшающихъ дѣла большинствомъ голосовъ, стоящихъ на караулѣ, собирающихъ свои налоги и управляющихъ всѣми своими дѣлами. Такимъ образомъ, сводя по аналогіи съ этихъ десяти или двѣнадцати образцовыхъ группъ, которыя онъ себѣ вообразилъ, онъ переходитъ на остальные и, наконецъ, на всю территорію. Очевидно, что подобная операція трудна; дѣло случая, даже и при относительной вѣрности, требуетъ немалого наблюдательнаго таланта и, на каждомъ шагу, чрезвычайнаго такта, такъ какъ все дѣло въ томъ, чтобы разсчитать вѣрно, при помощи неточно собранныхъ и несовсѣмъ опредѣленныхъ данныхъ ¹⁾). И если политику удастся подобная операція, то это только благодаря тончайшему чутью, слѣдствію долговременной опытности, соединенной съ гениемъ. Да и тогда онъ подвигается въ своемъ новшествѣ или въ своей реформѣ крайне тихо и осторожно; почти всегда онъ прежде пробуетъ; онъ сперва примѣняетъ свой законъ по частямъ, постепенно, временно; онъ хочетъ прослѣдить его дѣйствіе; онъ всегда готовъ исправить, остановить, смягчить свою работу, руко-

¹⁾ Фоксъ, передъ тѣмъ какъ рѣшить какую нибудь мѣру, справлялся предварительно о томъ, каково о ней мнѣніе М. Г., одинъ изъ самыхъ посредственныхъ и даже самыхъ ограниченныхъ депутатовъ. Видя всеобщее удивленіе подобному приему, онъ разъяснилъ, что М. Г. представлялъ, на его взглядъ, вѣрнѣйшій типъ, и уровень способностей и предразсудковъ сельскаго джентльмена, и что онъ служилъ ему термометромъ. Точно также Наполеонъ говорилъ, что передъ изданіемъ какаго либо важнаго закона, онъ воображалъ себѣ впечатлѣніе, какое тотъ могъ произвести на самаго неотесаннаго крестьянина.

водясь приэтомъ успѣхомъ или неуспѣхомъ испытанія, и вся суть человѣческаго естества, съ которымъ онъ имѣетъ дѣло, разоблачается даже и его возвышенному уму, не иначе, какъ послѣ продолжительнаго исканія въ потьмахъ. Якобинецъ же поступаетъ совершенно наоборотъ. Его политическій принципъ—это геометрическая аксіома, носящая въ себѣ свое собственное твореніе, такъ какъ, подобно ей, онъ состоитъ изъ сложности нѣсколькихъ первобытныхъ идей, и его очевидность съ перваго взгляда бросается въ глаза каждому, способному сообразить, вмѣстѣ и въ отдѣльности, значеніе его составныхъ терминовъ. Человѣкъ вообще, человѣческія права, общественное соглашеніе, свобода, равенство, разумъ, природа, народъ, тираны—вотъ его элементарныя понятія; онѣ наполняютъ въ ясномъ или неопредѣленномъ видѣ мозгъ новаго сектатора; часто это не больше, какъ звучныя и неопредѣленныя слова; но что ему въ томъ—не успѣли онѣ сгруппироваться въ немъ, какъ онъ считаетъ ихъ за аксіому, которую онъ немедленно и прилагаетъ къ дѣлу, всю, цѣликомъ, при каждомъ удобномъ случаѣ и до крайности. Никакой заботы о людяхъ дѣйствительныхъ; онъ ихъ даже не замѣчаетъ и не хочетъ видѣть; онъ насильно, съ закрытыми глазами, ввергаетъ все человѣчество въ свою форму, въ которой ихъ и мѣситъ. Что ему до этой разнообразной матеріи, измѣнчивой и сложной; что ему крестьяне, ремесленники, мѣщане, священники, дворяне; какое ему дѣло до ихъ плуговъ, ихъ незатѣпливыхъ жилищъ, ихъ конторъ, ихъ сельскихъ домовъ, ихъ роскошныхъ отелей, со всѣми ихъ вверенившимися вѣрованіями, ихъ упорными наклонностями, ихъ дѣйствительными стремленіями. Ничто изъ всего этого не можетъ ни проникнуть въ его мозгъ, ни умѣститься въ немъ; всѣ входы въ него замкнуты абстрактнымъ принципомъ, который въ немъ разрастается и захватываетъ, наконецъ, все его пространство. Если, черезъ посредство своихъ двухъ каналовъ—глазъ и ушей, жизненный опытъ насильно вталкиваетъ туда какую либо назойливую истину, ей тамъ существовать немислимо; какъ-бы она ни была очевидна и вопіюща, онъ ее изгоняетъ, при надобности разрывая и душа ее, какъ клеветницу, потому что она опровергаетъ уже самъ по себѣ неопровержимый и неоспоримый принципъ. Понятно, что подобный умъ не можетъ быть здоровъ: изъ двухъ способностей, долженствующихъ дѣйствовать заодно и одновременно, одна атрофирована, другая же гипертрофирована; нѣтъ противовѣса фактовъ, чтобы уравновѣсить тяжесть формулъ. Сильно нагруженный, съ одной сто-

роны, и совершенно пустой съ другой, онъ стремительно опрокидывается на перетягивающую сторону—таковъ неизлечимый умственный порокъ якобинца.

Разсмотрите, напримѣръ, подлинныя памятники его мысли, журналъ «Друзей Конституціи» («Amis de la Constitution»), газеты Люстало, Демулѣна, Бриссо, Кондорсе, Фрерона и Марата, мелкія статьи и рѣчи Робеспьера и Сентъ-Жюста, дебаты между законодательнымъ собраніемъ и конвентомъ, адреса, рѣчи и доклады жирондистовъ и монтаньяровъ или, однимъ словомъ, всѣ сорокъ томовъ извлеченій и отрывковъ, собранныхъ и компилированныхъ Бюше и Ру. Никогда еще не было говорено такъ много и въ то же время такъ мало сказано; безсодержательное словоизверженіе и пустозвонная напыщенность своею монотонностью и надутостью вытѣснили всякое истинное слово. Въ подобномъ случаѣ, единовременный опытъ уже достаточно убѣдительно, и историкъ, отыскивающій точныхъ свѣдѣній въ этой безконечной путаницѣ, ничего отсюда не выноситъ, роится онъ хотя въ тысячахъ книгъ; развѣ изрѣдка и только кое-гдѣ проглянетъ какой нибудь поучительный фактъ или интересная подробность, воспроизводящая передъ его взорами отдѣльную личность или сцену, указывающая ему на дѣйствительныя, неискаженные мысли и чувства крестьянина или дворянина, рисующая ему яркими штрихами внутренность городской думы или казармы, собравшіяся муниципалитетъ или народное возстаніе. Для того, чтобы выяснить казкихъ нибудь пятнадцать-двадцать типовъ или положеній, резюмирующихъ въ себѣ исторію того времени, намъ придется обратиться къ другимъ источникамъ, къ корреспонденціямъ мѣстныхъ администрацій, къ процессамъ уголовныхъ судовъ, къ конфиденціальнымъ донесеніямъ полиціи, къ описаніямъ иностранцевъ, подготовленныхъ противоположнымъ воспитаніемъ и не придающихъ значенія словамъ, а прямо идущихъ къ фактамъ и видящихъ Францію дальше «Общественнаго Договора» (Contrat Social).

Вся эта живая, трепещущая Франція, эта колоссальная трагедія, разыгрывающаяся двадцатью-шестью миліонами людей на сценѣ, занимающей пространство въ двадцать шесть квадратныхъ миль, ускользаетъ отъ взора якобинца; какъ въ его сочиненіяхъ, такъ и въ его головахъ, носятся однѣ бѣсущественныя обобщенія, подобныя вышеприведеннымъ; онѣ развиваются въ ней при помощи извѣстныхъ пріемовъ идеологіи, иногда правильною тканью, тонкими нитями, если писатель резонеръ по профессіи, подобно Кондорсе, но чаще спутанными и без-

связными, образующими неровныя и неправильныя петли, если говорящій — импровизированный политикъ или философъ-дилетантъ, ученикъ, подобно обыкновеннымъ депутатамъ или клубнымъ ораторамъ. Это схоластика педантовъ, выгружаемая съ горячностью изступленнаго. Весь его лексиконъ содержитъ въ себѣ какую нибудь сотню терминовъ, и всѣ идеи сводятся къ одному, къ идеѣ о человѣкѣ, какъ отдѣльной личности, къ человѣческимъ единицамъ, совершенно равнымъ, независимымъ и впервые вступающимъ между собою въ соглашеніе, — вотъ ихъ пониманіе общественнаго строя. Нѣтъ болѣе первичнаго, несложнаго, такъ какъ, въ данномъ случаѣ, пришлось свести индивида на минимумъ; никогда еще мозгъ политиковъ не доходилъ сознательно до подобнаго истощенія, тѣмъ болѣе, что дѣйствовало въ имя системы, и понятія служивались ради упрощенія. Въ этомъ они слѣдовали приемамъ вѣка и шли по слѣдамъ Жанъ-Жака Руссо: ихъ умственные рамки сводились на форму классическую, и эта форма, значительно суженная послѣдними философами, доведена была у нихъ до крайнихъ предѣловъ вмѣстимости. Въ данномъ случаѣ, Кондорсе между жирондистами и Робеспьеръ между монтаньярами, оба ярые догматики и честнѣйшіе логики, являются лучшими представителями этого типа; послѣдній въ особенности является таковымъ въ совершенствѣ, благодаря своей умственной сухости и узкости, въ которыхъ его никто не превзошелъ. Безъ сомнѣнія, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы создавать законы прочные, т. е. приспособить общественный механизмъ къ различнымъ характерамъ, положеніямъ и обстоятельствамъ, подобный умъ является самымъ безсильнымъ и даже самымъ зловреднымъ, такъ какъ онъ близорукъ уже по своей конструкціи; къ тому же кодексъ его аксіомъ, помѣщающійся между его глазами и всѣми остальными предметами, заслоняетъ ему горизонтъ: онъ ничего не видитъ дальше своей клики и своего клуба, и въ пространствѣ за этими «предѣлами» онъ помѣщаетъ пустозвонныхъ идоловъ, плодъ своей утопіи. Но когда дѣло влится къ тому, чтобы приступомъ захватить власть или сомовластно же присвоить себѣ диктатуру, его механическая тугость и неповоротливость, вмѣсто того, чтобы вредить ему, наоборотъ, ему полезны. Онъ не затрудняется, подобно государственному человѣку, необходимостью освѣдомиться о всемъ предшествовавшемъ и брать его въ расчетъ, справляться съ статистическими данными; онъ не обязанъ разсчитывать и прослѣдить заранѣе, въ двадцати различныхъ отрасляхъ, будущіе и отдаленные результаты своего творенія, при соприкосновеніи

съ интересами, привычками и страстями различных классовъ. Теперь все это излишне, устарѣло; якобинецъ съ перваго взгляда знаетъ, какой родъ правленія необходимъ и какіе именно законы хороши и примѣнимы; въ дѣлѣ построенія, какъ равно и разрушенія, онъ придерживается самой несложной процедуры и такимъ способомъ достигаетъ самыхъ быстрыхъ и энергическихъ результатовъ; и если нужны продолжительныя и глубокія размышленія, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, что именно полезно двадцати шести миліонамъ живыхъ французовъ, достаточно одного взгляда, для опредѣленія того, что потребно и желательно абстрактнымъ людямъ теоріи. И дѣйствительно, теорія выкроила ихъ всѣхъ по одному шаблону и отняла у нихъ всякую волю, кромѣ элементарной; слѣдовательно, этотъ автоматъ-философъ по-своему желаетъ свободы, равенства, народнаго владычества, провозглашенія правъ человѣка, соблюденія общественнаго соглашенія. Чего же больше? Ему извѣстна воля народа, извѣстна уже предварительно; значить, можно дѣйствовать, не совѣщаясь съ гражданами; нѣтъ надобности собирать ихъ голоса, такъ какъ онъ уже заручился ихъ согласіемъ и одобреніемъ; въ противномъ случаѣ, со стороны народа это лишь проявленіе невѣжества, ошибки или злаго намѣренія, и тогда отвѣтъ его не имѣетъ никакого значенія, и потому, во избѣжаніе дурнаго, хорошо будетъ продиетовать ему хорошей. Въ этомъ случаѣ, якобинецъ будетъ поступать самымъ благонамѣреннымъ образомъ, такъ какъ люди, за права которыхъ онъ ратуетъ, не тѣ живые французы, которыхъ встрѣчаешь въ деревняхъ и на улицахъ городовъ, но люди вообще, какими они должны быть, выходя прямо изъ рукъ самой природы, или просвѣщенные чистымъ разумомъ. Съ первыми стѣсняться нечего: они исполнены предрасудковъ и ихъ мнѣніе—пустая болтовня. Со вторыми же, наоборотъ: якобинецъ проникнуть глубочайшимъ уваженіемъ въ безплотнымъ призракамъ своей фантазіи и безпрекословно преклоняется передъ отвѣтомъ, который онъ влагаетъ въ ихъ уста; они, въ его глазахъ, болѣе дѣйствительныя существа, нежели люди живые, и ихъ одобреніе единственное, которымъ онъ дорожить. Такимъ образомъ, въ крайнемъ случаѣ, противъ него возбуждается лишь мимолетное отвращеніе поколѣнія слѣпцовъ; въ замѣнъ же того, на его сторонѣ одобреніе всего человѣчества вообще, потомства, возрожденнаго его усиліями, людей, снова вернувшихся, благодаря ему, къ тому состоянію, изъ котораго они никогда не должны были бы выходить. Вотъ по-

чему онъ ни мало не считаетъ себя узурпаторомъ или тираномъ, а превозноситъ себя, какъ избавителя, какъ естественнаго посланника истиннаго народа, какъ избраннаго исполнителя всеобщей воли; онъ будетъ выступать безбоязненно, окруженный толпою этого воображаемаго народа; миліоны людей, одаренные метафизическою волею, которыхъ онъ создалъ по своему образу и подобию, будутъ поддерживать его своимъ единогласнымъ одобреніемъ, и внутреннее эхо его собственнаго голоса будетъ звучать и отдаваться, подобно хору торжественныхъ и восторженныхъ возгласовъ.

IV.

Если какая-либо доктрина прельщаетъ людей, то это происходитъ не столько во имя софизма, который она представляетъ, какъ ради обѣщаній, ею даваемыхъ; она больше дѣйствуетъ на ихъ чувства, нежели на ихъ разумъ, потому что если сердце иногда обманывается разумомъ, то разумъ тѣмъ болѣе часто обманывается сердцемъ. Какая либо система нравится намъ не потому, что мы ее считаемъ вѣрною; но мы ее считаемъ вѣрною потому, что она намъ нравится, и всякій политическій или религіозный фанатизмъ, каково бы ни было ложе, по которому онъ течетъ, неизмѣнно вытекаетъ изъ одного главнаго источника—изъ жгучей потребности, затаенной страсти, изъ дѣлаго скопленія глубокихъ и сильныхъ желаній, которымъ теорія эта представляетъ исходъ. И въ якобинцѣ, равно какъ и въ пуританинѣ, живетъ подобный источникъ. Что поддерживаетъ его въ пуританинѣ—это постоянныя опасенія встревоженной совѣсти, рисующей себѣ безусловную справедливость и вслѣдствіе этого становящейся слишкомъ суровою и усугубляющею заповѣди, данныя, по ея мнѣнію, Богомъ; если ее принуждаютъ поступать противъ нихъ, она возмущается, и становится повелительна до деспотизма, когда дѣло идетъ о передачѣ своего убѣжденія другимъ. Но ея первая и главнѣйшая забота, это обузданіе самого себя самимъ же собою, и потому она уже нравственна прежде, чѣмъ становится политическою. У якобинца же наоборотъ, первымъ побужденіемъ является не нравственность, а политика; онъ преувеличиваетъ не свои обязанности, а свои права, и его доктрина,

вмѣсто того, чтобы оберегать и будить его совѣсть, только льстить его гордости ¹⁾.

Но сколько бы ни было громадно и ненасытно человѣческое самолюбіе, въ данномъ случаѣ оно было удовлетворено, такъ какъ никогда еще не предоставлялось ему такой обильной пищи. Не ищите въ програмѣ секты тѣхъ ограниченныхъ правъ и преимуществъ, которыя гордый и исполненный чувства собственного достоинства человѣка требуетъ во имя справедливаго уваженія къ самому себѣ, т. е. полныхъ гражданскихъ правъ, сопровождаемыхъ свободою политическою, служащею имъ охраною, неприкосновенность имущества и жизни, святость закона, независимость судовъ, равноправность гражданъ передъ закономъ и налогами, уничтоженіе различныхъ привилегій и самовластій, избраніе депутатовъ и распоряженіе общественными доходами,—однимъ словомъ тѣхъ драгоцѣнныхъ обезпеченій, дѣлающихъ каждаго гражданина неприкосновеннымъ монархомъ въ его ограниченномъ кругу, защищающихъ его особу а равно и его имущество противъ всякаго притѣсненія, общественнаго или частнаго насилія, придающихъ ему увѣренность и спокойствіе въ глазахъ противниковъ и конкурентовъ, внушающихъ ему уваженіе къ своимъ уполномоченнымъ и къ самому государству. Развѣ только люди подобные Малюэ, Мунье или Малле-Дюпанъ приверженцы англійской конституціи и парламентарной монархіи, могли удовлетвориться такою жалкою подачкою; но теорія съ нею не поцеремонится и при надобности растопчетъ ее какъ бесполезный прахъ. Она не обѣщаетъ независимость и неприкосновенность частной жизни, право подачи голосовъ черезъ каждые два года, одно лишь вліяніе, контроль косвенный, ограниченный, непостоянный на дѣла общественныя,—нѣтъ, она обѣщаетъ политическое владычество, т. е. полное и неограниченное владычество надъ Франціей и французами. По поводу этого нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: по подлиннымъ словамъ Руссо, общественное соглашеніе требуетъ отъ каждаго

¹⁾ Демулянъ, этотъ enfant terrible французской революціи, сознаетъ эту истину, какъ и всѣ другіе. Послѣ того, какъ онъ говоритъ о революціяхъ пятнадцатаго и семнадцатаго столѣтія, сила которыхъ была въ ихъ добродѣтели, а корень въ совѣсти, и которыя поддерживались «анатизмомъ и надеждою на будущую жизнь», онъ заключаетъ такъ: «У нашей же революціи, чисто политической, источникъ заключается въ эгоизмѣ и въ личномъ узкомъ самолюбіи каждой отдѣльной личности, изъ слиянія котораго и образовался общественный интересъ».

общника полнѣйшаго отчужденія въ пользу общества всѣхъ его правъ, чтобы каждый отдавалъ себя всецѣло въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находится въ данный моментъ, включая туда всѣ его силы, способности и всякую собственность, такъ что государство, полновластно распоряжающееся не только всякою собственностью, но равно и всѣми тѣлами и душами, можетъ законно заставить своихъ членовъ подчиниться тому воспитанію, той вѣрѣ, тѣмъ мнѣніямъ, тѣмъ симпатіямъ, какія ему заблагодисудится избрать ¹⁾).

Между тѣмъ каждый человѣкъ, уже только потому, что онъ человѣкъ, по естественному праву долженъ быть однимъ изъ членовъ этого деспотическаго владыки; а потому, каково бы ни было мое положеніе, моя неспособность, мое невѣжество и ничтожество той роли, въ которой я прозябалъ, я имѣю полное право на собственность, на жизнь, на совѣсть двадцати шести миліоновъ французовъ, и мой удѣлъ быть царемъ, папой. Я буду и больше того, если останусь совершенно вѣренъ своей доктринѣ, такъ какъ великая королевская власть предлагаемая мнѣ, дается исключительно тѣмъ, которые, подобно мнѣ, подпишутъ все безъ исключенія общественное соглашеніе; всѣ же остальные, выкинувшіе оттуда какую либо кляузу, подвергаются отлученію, такъ какъ нельзя пользоваться преимуществами ка-кого либо уговора, если отказываешься отъ исполненія всѣхъ

¹⁾ Идея Руссо о всемогуществѣ государства, принадлежала равно Людовику XIV и Наполеону. Любопытно прослѣдить развитіе этой теоріи въ мозгу одного незначительнаго буржуа того времени, полуписателя, человѣка изъ толпы, Ретива de la Бретоннъ, («Парижскія ночи» XV ночь, 377) о сентябрьскихъ избіеніяхъ: «Нѣтъ, нѣтъ, я не чувствую жалости къ этимъ священникамъ-фанатикамъ: они сдѣлали слишкомъ много вреда отечеству. Когда цѣлое общество или его большинство чего-либо желаетъ, оно всегда право. Тотъ, кто этому противится и тѣмъ причиняетъ націи войну или мщеніе—чудовище. Порядокъ и спокойствіе всегда въ соглашеніи большинства, а меньшинство, повторяю я, всегда виновато, будь оно нравственно, даже право. Чтобы оцѣнить подобную истину, нуженъ только здравый смыслъ». По поводу казни Людовика XVI: «Имѣла ли нація право судить и казнить его? Мыслящее существо не можетъ предложить подобнаго вопроса. Каждая нація у себя имѣетъ право на все; она имѣетъ то же право, какое имѣло бы все человечество, если-бы земнымъ широмъ управляла одна нація, исключительно его заселяющая, и существовала бы одинъ исключительный образъ правленія. Кто бы тогда осмѣлился оспаривать у человечества его права? Въ силу того же неоспоримаго права, которое уже ощущали древніе греки, права цѣлой націи погубить даже невиннаго, они изгнали Аристидея и приговорили къ смерти Фокіона. О, истина, непонятая нашими современниками; сколько бѣдствій причинило подобнае непониманіе!»

его условій. Больше того: въ виду его учрежденія по праву естественному, онъ становится вполне обязательнымъ, и потому всякій отвергающій или неисполняющій его, уже тѣмъ становится злодѣемъ, преступникомъ противъ общества и врагомъ народа.

Прежде существовали преступления, заключавшіяся въ оскорбленіи величества королей; теперь же существуютъ преступленія оскорбленія величества народа, и ихъ совершаютъ, когда, дѣйствиємъ, словомъ или мыслью, отказываютъ или оспариваютъ у народа какую либо частицу той, болѣе нежели королевской власти, которая ему принадлежитъ. Такимъ образомъ догматъ, провозглашающій владычество народа, клонится въ сущности къ диктатурѣ нѣсколькихъ и къ осужденію на смерть и изгнанію остальныхъ. Человѣкъ, стоящій внѣ этой секты, стоитъ внѣ закона. Это мы—пять или шесть тысячъ парижскихъ якобинцевъ, мы—законный монархъ, непогрѣшимый владыка,—и горе всѣмъ сопротивляющимся или нерѣшительнымъ, кто бы они ни были: государственные люди, частные, духовенство, дворянство, богатые, негоціанты, совершенно непричастные или равнодушные, которые упорствомъ своего сопротивленія или неполнымъ своимъ повиновеніемъ, осмѣляются выразить сомнѣніе относительно нашего неоспоримаго права!

Всѣ эти заключенія выступаютъ и выясняются одно за другимъ, каковъ бы ни былъ логическій аппаратъ, ихъ выводящій, и никогда обиденный умъ, не отуманенный безмѣрною гордостью, не допуститъ ихъ безусловно и всецѣло. И дѣйствительно, нужно быть очень высокаго мнѣнія о себѣ, чтобы считать себя владыкою иначе, какъ черезъ посредство права голоса; чтобы обращаться съ дѣлами общественными такъ же безцеремонно, какъ съ своими частными; чтобы вмѣшиваться въ нихъ непосредственно и насильно; чтобы возводить себя и своихъ сторонниковъ въ руководители, въ цензоры, въ правители своего правленія; чтобы увѣрить себя, что достаточно посредственнаго воспитанія, ограниченнаго ума, плохой латыни, чтенія какихъ нибудь грошовыхъ изданій жалкихъ библіотекъ, свѣдѣній, собранныхъ изъ кофеенъ и газетъ, опытности клубной и муниципальных совѣтовъ, для того, чтобы рѣшать безапелляціонно тѣ великіе и сложные вопросы, которыхъ исключительные и специальные умы касаются очень осторожно и нерѣшительно. Подобное высокомеріе было въ якобинцѣ сперва лишь въ задатѣхъ и при обыкновенныхъ условіяхъ, за неимѣніемъ пищи, оно осталось бы въ видѣ застарѣлой плѣсени или изсохшаго зародыша. Однако, человѣ-

ческому сердцу неизвѣстны, какія страшныя сѣмена кроются въ немъ; а сѣмена эти, съ виду незначительныя и безвредныя, часто, при соприкосновеніи съ воздухомъ и пищею, развиваются въ ядовитое и колоссальное растеніе. Будь онъ адвокатомъ, прокуроромъ, медикомъ, журналистомъ, священникомъ, артистомъ, литераторомъ третьяго или четвертаго разряда, — якобинецъ похожъ на пастуха, нашедшаго неожиданно въ какомъ либо жалкомъ углу своей жалкой хижины документы, зовущіе его на царство. Какой разительный контрастъ между ничтожествомъ его положенія и великимъ значеніемъ, придаваемымъ ему этою теоріею! Съ какою любовью исповѣдываетъ онъ догматъ, такъ высоко поднимающій его въ его собственныхъ глазахъ! Онъ усердно читаетъ и перечитываетъ декларацію правъ, новую государственную конституцію, всѣ официальныя бумаги, возлагающія на него эти громадныя преимущества и важное значеніе; все его воображеніе этимъ переполнено и онъ невольно и сейчасъ же впадаетъ въ тонъ, причлествующій его высокому положенію¹⁾. Нѣтъ ничего надменнѣе и высокомернѣе подобнаго тона. Тонъ этотъ проявляется съ самаго начала въ клубныхъ рѣчахъ и въ петнціяхъ учредительнаго собранія. Люстало, Фреронъ, Дантонъ, Марать, Робеспьеръ, Сень-Жюсть постоянно придерживаются стиля повелительнаго, скоро становящагося стилемъ всей секты и общимъ жаргономъ, употребляемымъ послѣднимъ изъ ея лакеевъ. Вѣжливость, терпимость и все, что хоть нѣсколько напоминаетъ уваженіе и почтеніе къ другимъ, все изгнано изъ ихъ рѣчей и изъ ихъ поступковъ; узурпаторская и тираническая гордыня создала себѣ языкъ по образу своему, и у нихъ не только первые актеры, но и жалкіе статисты забрасываютъ всѣхъ своими громкими фразами. Каждый изъ нихъ, въ своихъ собственныхъ глазахъ, римлянинъ-спаситель, герой, великій человекъ. «Я былъ во главѣ иностранцевъ, пишетъ Анахарсисъ Клооцъ, — въ трибунахъ дворца, въ качествѣ представителя и уполномоченнаго всего рода человѣческаго, и министры тирановъ глядѣли на меня робкими и завистливыми глазами». При

¹⁾ Мониторъ, XI, 46, засѣданіе 5 января 1792. Рѣчь Изнара: «Теперь народу извѣстно его достоинство. Онъ знаетъ, что въ силу новаго государственнаго строя, девизъ каждаго француза долженъ быть слѣдующій: жить свободнымъ, равнымъ всѣмъ и состоять членомъ монарха-народа». Гильонъ де-Монлеонъ, I, 445. Изъ рѣчи Шалье въ лонскомъ центральномъ клубѣ, 21 марта 1793: «Знайте, что всѣ вы короли и даже болѣе королей. Развѣ вы не ощущаете царственности, разлитой въ вашихъ жилахъ?»

открытіи клуба въ Труа, одинъ школьный учитель совѣтуетъ женщинамъ «внушать своимъ дѣтямъ, лишь только они начнутъ лепетать, что они рождены свободными, равными по правамъ первымъ владыкамъ міра». Стоитъ прочесть описаніе путешествія Петіона въ королевской каретѣ во время возвращенія короля изъ Варенна, чтобы понять, до чего можетъ дойти самоувѣренность училищнаго дядьки и дерзость нелѣпнаго грубіяна ¹⁾. Барбару, Бюзо, Петіонъ, Роланъ и мадамъ Роланъ ²⁾ въ своихъ мемуарахъ и даже въ своихъ эпитафіяхъ непремѣнно награждаютъ себя патентами на добродѣтель и по своимъ собственнымъ завѣреніямъ равняются плутарховымъ героямъ. Самообожаніе все возрастаетъ, начиная отъ жирондистовъ и кончая монтаньярами. Двадцати-четырехлѣтній Сень-Жюсть, не имѣющій никакого положенія, сгораетъ отъ непомѣрнаго внутренняго честолюбія. «Мнѣ кажется,—говоритъ Маратъ,—что я истощилъ всѣ комбинаціи человѣческаго ума относительно нравственности,

¹⁾ Мортимеръ-Терно, «Исторія терора», I, 353 (собственный разсказъ Петіона). Этотъ жадный глупецъ не знаетъ даже орфографіи и т. д. Онъ убѣжденъ, что принцесса Елисавета желаетъ его прельстить и ухаживаетъ за нимъ. «Я думаю, что будь мы наединѣ, она бросилась бы мнѣ на шею и не устояла бы противъ искушенія, свойственнаго человѣческой природѣ». Но онъ драпируется въ свою добродѣтель и, тѣмъ не менѣе, поступаетъ по-свински относительно короля, маленькаго доина и женщинъ, которыхъ онъ сопровождаетъ.

²⁾ Мемуары мадамъ Роланъ, это обвиненіе эссенціи гордости и самоувѣренности, воображающей себя замаскированной и никогда не сходящей съ своихъ ходуль. «Я прекрасна, у меня возвышенное сердце, во мнѣ кипятъ чувства, я внушаю любовь, я сама ее чувствую, и остаюсь добродѣтельною; и исключительно умна, непобѣдимо мужественна; я философъ, политикъ, писательница и достойна высшаго положенія»,—вотъ постоянная мысль, проглядывающая между каждою ея фразою. Полцѣйшее отсутствіе истинной скромности, за то цѣлая масса крайне неприличныхъ поступковъ, совершенныхъ изъ бравады и чтобы чѣмъ-либо выдѣлиться изъ своего пола. Мадамъ Роланъ писала: «Я вижу во всемъ мірѣ лишь одну роль, подходящую мнѣ, а именно, роль провидѣнія». Та же самоувѣренность проявляется и у другихъ, только въ менѣе изысканныхъ претензіяхъ. Между бумагами желзнаго шкафа находятъ слѣдующее письмо, адресованное королю депутатомъ Рузъ: «Я все сравнилъ, все изучилъ, все предвидѣлъ, и мнѣ нужно для осуществленія моихъ великихъ замысловъ лишь руководство тѣми силами, которыя законъ поручаетъ намъ. Мнѣ извѣстны опасности, но я ихъ презираю; безсиліе считаетъ ихъ, но геній ихъ уничтожаетъ. Я устремлялъ взоры на всѣ европейскіе дворы и убѣжденъ, что заставлю ихъ подписать миръ. Осчастливленный всеобщимъ счастьемъ, я обращаю исключительно на васъ всеобщую благодарность». Какой-то неизвѣстный газетный писатель, по имени Роберъ, просилъ Дюмурье назначить его посланникомъ въ Константинополь, а Луве, авторъ «Фоблаза», объявляетъ въ своихъ мемуарахъ, что свобода погубла отъ того, что его не назначили министромъ юстиціи.

философіи и политики». Съ самаго начала и до конца революціи, Ребеспьеръ будетъ всегда въ глазахъ Ребеспьера единственнымъ, недосыгаемо чистымъ, непогрѣшимымъ, безгрѣшнымъ; никогда еще человекъ не воскуривалъ себя постоянно и въ такомъ неограниченномъ количествѣ фиміама. Дойдя до такихъ размѣровъ, гордость и тщеславіе способны испытать до дна подобную теорію, какъ бы ни былъ отвратителенъ ея осадокъ и какъ бы ни было убійственно дѣйствіе ея на тѣхъ самыхъ, которые, презирая тошноту, проглатываютъ этотъ ядъ. Вѣдь онъ самъ добродѣтель, значить преступно ему сопротивляться. Теорія эта, по объясненію якобинца, раздѣляетъ французовъ на двѣ группы: съ одной стороны, аристократы, фанатики, эгоисты, люди испорченные, однимъ словомъ дурные граждане; съ другой же—патріоты, философы, люди добродѣтельные, т. е. люди принадлежащіе къ сектѣ¹⁾. Въ силу подобнаго распредѣленія, весь обширный нравственный и социальный міръ, который эта теорія разбираетъ, сводится къ одной готовой антитезѣ. Ничего нѣтъ яснѣе главной цѣли подобнаго правленія: вся суть въ томъ, чтобы подчинить злыхъ добрымъ или, что еще удобнѣе, уничтожить злыхъ; для достиженія этой цѣли слѣдуетъ приступать въ большихъ размѣрахъ къ конфискаціи, къ тюремному заключенію, къ ссылкѣ, къ утопленіямъ и къ гильотинѣ. Все дозволено и даже похвально, когда дѣло касается измѣнниковъ; якобинецъ канонизировалъ свои убійства и убиваетъ теперь изъ филантропіи. Этимъ окончателно обрисовывается его характеръ, имѣющій также много общаго съ теологомъ, становящимся иневизиторомъ. Самые чрезвычайные контрасты группируются, чтобы составить его: это сумасшедшій, лишанный логики, и чудовище, воображающее, что одарено совѣстью. Гнетомый своимъ догматомъ и своею гордостью, онъ усвоилъ себя два уродства: уродство ума и сердца; онъ окончателно утратилъ здравый смыслъ

¹⁾ Мониторъ, XIV, р. 189. Речь Колло-д'Ербуа по поводу лонскихъ разстрѣливаній: «И мы также чувствительны? Якобинцы обладаютъ всеми добродѣтелями: они сострадательны, человеколюбивы, великодушны; но всѣ эти добродѣтели приберегаются для ихъ братьевъ патріотовъ, а аристократы никогда ими не будутъ!» Мейланъ, мемуары, 4: «Робеспьеръ восхвалялъ однажды нѣкоего по имени Деэе, человека известнаго своею безчестностью и которымъ онъ въ слѣдствіи пожертвовалъ». Но вашъ Деэе, сказалъ я ему,—известный мещанинъ.—Такъ что же, за то онъ хорошій патріотъ.—Но онъ злостный банкротъ.—Онъ хорошій патріотъ.—Но онъ воръ.—Онъ хорошій патріотъ». Я не могъ у него вынудить болѣе, нежели эти три слова.

и исказилъ нравственный. Онъ до такой степени углубился въ абстрактныя формулы, что пересталъ видѣть живыхъ людей; онъ такъ весь ушелъ въ самообожаніе, что сталъ видѣть въ своихъ противникахъ и даже въ своихъ соперникахъ злодѣевъ, достойныхъ лишь казни. Разъ вступивъ на этотъ путь, ничто не въ состояніи удержать его, такъ какъ охарактеризовавъ вещи совершенно противоположнымъ имъ именемъ, онъ извратилъ въ самомъ себѣ тѣ драгоцѣнныя понятія, которыя ведутъ насъ къ истинѣ и справедливости. Никакой свѣтъ не достигнетъ глазъ, считающихъ свое ослѣпленіе за ясновидѣніе; никакое раскаяніе не коснется души, превозносящей свое варварство, какъ патріотизмъ, и смотрящей на свои преступленія, какъ на святую обязанность.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Подобныя характеры встрѣчаются во всѣхъ классахъ; нѣтъ сословія или общественнаго положенія, могущаго служить охраною противъ бессмысленной утопіи или противъ безумнаго честолюбія, и потому неудивительно, что попадаются въ числѣ якобинцевъ люди, подобныя Барра и Шатоневъ-Рандну, принадлежащіе къ старому дворянству; подобныя Кондорсе, маркизу, математику, философу и члену двухъ самыхъ знаменитыхъ академій; подобныя Гобелю, епископу ляддаскому и викарію епископа базельскаго; подобныя Геро-де-Сешель, протезе королевы и оберъ-прокурору парижскаго парламента; подобныя Лепельтиде-Сентъ-Фаржо, первоприсутствующему и одному изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ Франціи; подобныя Карлу гессенскому, генераль-маіору, происходившему изъ царствующаго дома; подобныя, наконецъ, Герцогу Орлеанскому, принцу крови, и четвертому по положенію во всей Франціи. Но за исключеніемъ этихъ нѣсколькихъ дезертировъ, никто не поставляетъ новобранцевъ въ эту партію изъ всей наслѣдственной аристократіи, высшей магистратуры, крупной буржуазіи или землевладѣльцевъ, изъ представителей промышленности, торговли или администраціи, или же, наконецъ, вообще изъ людей, входящихъ въ составъ или могущихъ быть общественными авторитетами. Ихъ интересы были слишкомъ тѣсно связаны съ старымъ зданіемъ, даже

потрясеннымъ, для того, чтобы желать его окончательнаго разрушенія, и какъ бы ни была кратковременна и ограничена ихъ политическая опытность, имъ достаточно извѣстно, чтобы сообразить, что невозможно построить обитаемаго дома по плану, выведенному на бумагѣ, и въ основаніи котораго лежитъ совершенно дѣтская теорема. Съ другой стороны, въ низшемъ классѣ, въ массѣ черни и въ особенности сельскихъ жителей и крестьянъ, теорія эта, пока не перейдетъ въ легендарное состояніе, не найдетъ даже слушателей. Для мизниковъ, фермеровъ, мелкихъ землепашцевъ, прикованныхъ къ своей землѣ, для рабочихъ и ремесленниковъ, мыслительныя способности которыхъ, отяжелѣвшія и неразвившіяся вслѣдствіе постояннаго механическаго труда, не идутъ дальше горизонта ихъ деревеньки, и исключительно направлены на приобрѣтеніе насущнаго хлѣба, — всякая абстрактная доктрина вещь совсѣмъ непонятная. Если они и станутъ слушать догматы новаго катехизиса, то они останутся для нихъ такъ же темны, какъ и догматы стараго; у нихъ полнѣйшее отсутствіе развитія того умственнаго органа, который схватываетъ и усваиваетъ отвлеченности. Приведите ихъ въ клубъ, они будутъ тамъ спать, и ихъ разбудить развѣ только объявленіе о возвращеніи къ феодальнымъ временамъ и въ десятичному налогу; они лишь способны произвести буйства или возобновить жагерію, а впослѣдствіи, когда станутъ у нихъ отбирать или облагать податью хлѣбъ, они окажутся такими же непокорными республикѣ, какими были прежде королю.

Эта теорія выискиваетъ себѣ адептовъ въ иныхъ сферахъ, а именно, въ низшемъ слоѣ буржуазіи и въ высшемъ слоѣ простаго народа, хотя и изъ этихъ двухъ, нарастающихъ другъ на друга и сливающихся группъ слѣдуетъ исключить людей, пустившихъ корни въ своей профессіи или въ своемъ ремеслѣ и, слѣдовательно, не имѣющихъ ни времени, ни возможности заниматься общественными дѣлами; затѣмъ тѣхъ, которые завоевали себѣ въ общественной іерархіи подходящее и удобное мѣсто и не желали имъ рисковать; наконецъ, всѣхъ людей, хорошо устроившихся, женатыхъ, остепенившихся, среднихъ лѣтъ, съ улегшимися чувствами и съ установившимися понятіями, которыхъ жизненная опытность научила не довѣрять ни самому себѣ и никакой новой теоріи. Заносчивость и самонадѣянность вообще крайне умѣренно проявляются въ средней человѣческой средѣ, и на большинство людей спекулятивныя идеи дѣйствуютъ лишь слабо, временно и поверхностно, въ особенности же въ этомъ слоѣ, гдѣ втеченіи нѣсколькихъ по-

слѣдовательныхъ вѣковъ все общество состояло изъ подчиненныхъ и подвластныхъ, гдѣ унаслѣдовался уже обуржуазившійся умъ, т. е. дисциплинированный, любящій порядокъ, мирный и даже боязливый. Оставалось самое малое меньшинство¹⁾, неспокойное и замышлявшее разныя новшества; сюда относятся люди, плохо применувшіе къ своему ремеслу или къ своей профессіи, такъ какъ они занимаютъ въ ней лишь второстепенное или подчиненное положеніе; едва начавшіе или еще неуспѣвшіе ввязаться за дѣло и только порывающіеся примкнуть къ нему; затѣмъ люди съ непостояннымъ характеромъ и всѣ тѣ, которые остались ни при чемъ послѣ всеобщаго переворота: въ церкви—вслѣдствіе закрытія монастырей и раскола, въ судействѣ, въ администраціи, въ финансахъ, въ арміи, въ различныхъ общественныхъ или частныхъ учрежденіяхъ—вслѣдствіе переустройства, разныхъ измѣненій, приложенія новыхъ способовъ, перемѣщенія кліентовъ и патроновъ. Такимъ образомъ, значительное количество людей, въ обыкновенныя времена спокойно и осѣдло оставшихся бы при своемъ занятіи или въ своемъ положеніи, ставовились номадами и бредили всякими невозможными политическими хитросплетеніями. На первомъ планѣ стояли тѣ, которымъ классическое воспитаніе дало возможность понять абстрактный принципъ и вывести его послѣдствія; но лишенные спеціальной подготовки и замкнутые въ тѣсномъ кругу своихъ ограниченнхъ занятій и потребностей, они не въ состояніи были представить себѣ ясно очень большое и сложное общество и тѣ различныя условія, среди которыхъ оно живетъ; весь ихъ талантъ заключался въ томъ, что они съумѣютъ произнести рѣчь,

¹⁾ Малла-Дюпанъ, т. II, стр. 491. «Давтонъ говорилъ однажды одному изъ своихъ бывшихъ товарищей по службѣ, адвокату государственнаго совѣта: «Старый порядокъ сдѣлалъ великую ошибку. Въ силу его, я получилъ даровое казенное воспитаніе въ плессійскомъ училищѣ. Я тамъ учился съ знатными юношами, сдѣлавшимися моими товарищами и съ которыми я жилъ на самой короткой ногѣ. По окончаніи курса ученія, я оказался бѣднякомъ и дошелъ до нищеты, ища занятій. Парижская адвокатура была для меня недосягаема и безъ крайнихъ усилій нельзя было туда попасть. Не имѣя протекціи и знатнаго происхожденія, я не могъ попасть и въ военные. Церковь также не представляла мнѣ никакихъ ресурсовъ. Не имѣя гроша за душою, я равно не могъ купить никакого чина, никакой должности. Мои бывшіе товарищи не хотѣли меня и знать. Я остался безъ всякаго мѣста, и лишь много лѣтъ спустя мнѣ удалось купить себѣ званіе королевскаго адвоката. Настала революція; я и всѣ мнѣ подобные бросились въ нее. Насъ принудилъ къ тому старый порядокъ вещей тѣмъ, что далъ намъ хорошее воспитаніе и не позаботился впослѣдствіи о томъ, чтобы помочь намъ примкнуть къ дѣлу всѣ наши таланты». Это замѣчаніе относится равно и къ Робеспьеру, къ Демулану, къ Бриссо, къ Верньо и др.»

написать журнальную статью, брошюру, какой-либо отчетъ, и все это болѣе или менѣе напищеннымъ или догматическимъ слогомъ; разъ допустивъ существованіе подобнаго класса людей, слѣдуетъ согласиться, что нѣкоторые изъ нихъ даровитые будутъ красно-рѣчивы, и больше ничего. Къ числу подобныхъ принадлежали адвокаты, нотаріусы, эзекуторы, отставные мелкіе судьи и провинціальныя прокуроры, занимавшіе всѣ главныя роли и составлявшіе двѣ трети членовъ законодательнаго собранія и конвента; провинціальныя хирурги и медики, подобно Бо, Левассеру и Бодо; второ- или третьестепенныя литераторы, подобно Бареру, Луве, Гара, Манюзю и Ронсену; школьныя профессора, подобно Люше и Ромму; учителя, подобно Леонарду Бурдону; журналисты, подобно Бриссо, Демулэну и Фрерону; комедіанты, подобно Коло-д'Эрбуа; артисты, подобно Сержану; священныя ораторіи, подобно Фуше; капуцины, подобно Шабо; болѣе или менѣе разстриженное духовенство, подобно Лебону, Шалю, Ляваналю и Грегуару; едва выпущенные изъ школы студенты, подобно Сень-Жюсту, Моне-де-Страсбургъ, Руссэлену де-Сень-Альбену и Жюлэну де-ля-Драмъ; всѣ, однимъ словомъ, худо вспаханные, плохо засѣянные умы, на которые если упала эта теорія, то лишь заглушала собою добрыя сѣмена, а сама разрасталась, подобно крапивѣ. Присоедините къ нимъ разныхъ шарлатановъ и авантюристовъ мысли, людей съ разстроенымъ, больнымъ мозгомъ, всевозможныхъ иллюминатовъ и мечтателей, начиная съ Фоше и Клооца и кончая Шалье или Маратомъ, и всю эту безпорядочную, нестройную толпу нуждающихся и болтуновъ, проповѣдующихъ свои бессодержательныя, пустыя мысли и свои обманутыя претензіи по мостовымъ большихъ городовъ. На второмъ планѣ стояли люди, которымъ самое поверхностное полувоспитаніе дало возможность плохо и неясно усвоить себѣ абстрактный принципъ и вывести изъ него самыя плохія и неправильныя заключенія, но въ которыхъ обострившійся инстинктъ пополнялъ слабость первобытно-грубого разсужденія; ихъ алчность, ихъ зависть, ихъ злорадность отгадывали себѣ обильную пищу черезъ посредство этой теоріи, и якобинскій догматъ имъ былъ тѣмъ болѣе дорогъ, что воображеніе ихъ помѣщало подъ покровомъ его тумановъ неисчерпаемое сокровище. Они способны прослушать до конца, не засыпая, влубную рѣчь; аплодируя при этомъ самымъ избитымъ общимъ мѣстамъ, сдумѣють возбудить движеніе въ общественномъ саду и кричать съ трибуны, сдумѣють написать прото-

боль объ арестованіи, составить приказъ по національной гвардіи и при надобности давать просторъ своимъ легкимъ, рукамъ и саблямъ—но на этомъ и заканчивается ихъ способность. Къ этой группѣ принадлежатъ прикащики, подобно Геберу и Анрію, писаря, подобно Венсену и Шометту; мясники, подобно Лежандру; почтмейстеры, подобно Друэ; столары, подобно Дюплей; школьные учителя, подобно, напр., Бюшо, котораго сдѣлали министромъ, и множество другихъ, схожихъ съ ними, часто едва умѣющихъ писать и обладающихъ самыми смутными понятіями объ орфографіи, но способныхъ говорить; помощники учителей, унтеръ-офицеры, бывшіе нищенствующіе монахи, разношники, трактирщики, мелкіе лавочники, рыночные носильщики, мастеровые, начиная съ Гоншона, оратора Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, и кончая Симономъ, башмачникомъ Тампля, и Тришаромъ, присяжнымъ революціоннаго трибунала; сюда же причисляются мелочные торговцы, портные, сапожники, винные торговцы, цирюльники и другіе лавочники и артельные ремесленники, которые будутъ принимать самое непосредственное участіе въ сентябрьскихъ измѣненіяхъ. Прибавимъ сюда смрадное отребье, грязный хвостъ всякаго народнаго возстанія или народной диктатуры, хищныхъ звѣрей, подобныхъ Журдену д'Авиньонъ и американцу Фурнье; женщинъ, которыя, подобно Теруаньѣ, Розѣ Лякомбъ и визальщицамъ Конвенціи, отступились отъ своего пола; прощенныхъ разбойниковъ и всей этой разношерстой дичи, на которую охотится полиція и которая теперь не стѣсняется, благодаря малочисленности послѣдней; уличныхъ бродягъ; всю эту массу праздноватающихъ, не признающихъ ни субординаціи, ни работы, людей, сохраняющихъ посреди всеобщей цивилизаціи свои дивіе инстинкты и ссылающихся на народное владычество лишь въ видахъ удовлетворенія своихъ прирожденныхъ потребностей: распутства, лѣни и кровожадности. Вотъ какимъ способомъ набирается эта партія, вербуя и подбирая своихъ членовъ по всѣмъ сословіямъ, пожинающая ихъ пригоршнями въ тѣхъ двухъ грушахъ, гдѣ догматизмъ и тщеславіе обыденныя явленія. Тамъ воспитаніе довело человѣка до порога или до центра общихъ, обыденныхъ идей; онъ себя чувствуетъ стѣсненнымъ въ замкнутомъ кругу своей професіи или своего ремесла и стремится оттуда вырваться. Но воспитаніе осталось поверхностнымъ или только первоначальнымъ, а между тѣмъ внѣ своего тѣснаго кружка онъ уже не на своемъ мѣстѣ. Онъ видитъ, онъ распознаетъ политическія идеи,—вотъ почему онъ считаетъ себя способнымъ; но онъ ихъ видитъ лишь

въ одной формулѣ и распознаетъ ихъ черезъ туманное облако, — вотъ почему онъ неспособенъ, и пробѣлы, а равно и приобрѣтенія его разсудка неминуемо сдѣлаютъ изъ него якобицца.

II.

Подобнымъ образомъ настроенные люди не могутъ не сойтись, не сговориться, не соединиться, такъ какъ у всѣхъ у нихъ одинъ догматъ, а именно: принципъ владычества народнаго, и одна цѣль — завоеваніе политической власти. Въ силу единства цѣли, они составляютъ партію; въ силу единства догмата, они образуютъ секту, и лига ихъ тѣмъ плотнѣе сливается, что они въ то же время и секта, и партія.

Въ началѣ, общество ихъ, среди множества другихъ, неособенно выступаетъ. Со времени взятія Бастиліи политическія ассоціаціи возникаютъ во множествѣ; надо же было замѣнить низвергнутое или ослабѣвшее правленіе, позаботиться о безотлагательнѣйшихъ общественныхъ нуждахъ, вооружиться противъ разбойниковъ, запереться хлѣбомъ, оградить себя отъ возможныхъ покушеній со стороны двора. Вездѣ по городскимъ ратушамъ собрались комитеты; волонтеры образовывали гражданскія милиціи; тысячи мѣстныхъ, почти независимыхъ властей замѣнили собою почти уничтоженную центральную власть. Впродолженіи цѣлыхъ шести мѣсяцевъ всѣ устремились на дѣла общественныя, и каждый встрѣчный, ставшій вдругъ общественнымъ дѣятелемъ, понесъ свою посильную часть въ государственномъ бремени, — бремени всегда тяжеломъ, а тѣмъ болѣе таковомъ во время анархіи. Это мнѣніе большинства, но это не есть мнѣніе нѣкоторыхъ. Впослѣдствіи между принявшими на себя власть состоялся раздѣлъ, образовались двѣ группы: одна изъ нихъ, многочисленная, неподвижная, разложившаяся; другая же — небольшая, тѣсно сплоченная, дѣятельная, идущія каждая по своей дорогѣ и избравшія дороги, все болѣе и болѣе расходящіяся.

Съ одной стороны, находятся люди обыденные, занятые и нелишенные здраваго смысла, обладающіе нѣкоторою дозою совѣсти и необремененные излишнимъ самолюбіемъ. Если они подняли власть, то сдѣлали это только потому, что она вала-лась на землѣ, выброшенная на улицу; они только временно оставляютъ ее за собою, такъ какъ угадали заранѣе или же должны были въ скорости убѣдиться въ томъ, что этотъ трудъ имъ не подъ-силу, что это работа совершенно специальная и тре-

бующая для правильнаго исполненія извѣстной подготовки и нѣвторой компетентности. По одному вдохновенію нельзя сдѣлаться законодателемъ или администраторомъ, точно также, какъ нельзя вдругъ стать докторомъ или хирургомъ. Если бы какой-либо случай принудилъ меня къ этому, то я покорюсь судьбѣ, но, конечно, неохотно, буду практиковать по возможности меньше и лишь въ видахъ недопущенія моихъ паціентовъ къ самокалѣченію; но я буду въ постоянномъ опасеніи, что они умрутъ, вслѣдствіе моей операціи, и потому поскорѣе уберусь во-свои, лишь только назначать кого-либо другаго на мое мѣсто. Я буду очень радъ имѣть голосъ, подобно остальнымъ, при выборѣ этого другаго и, по силѣ знанія и опытности, постараюсь избрать изъ всѣхъ кандидатовъ того, который мнѣ покажется наиболѣе совѣстливымъ и знающимъ. Но разъ избравъ и назначивъ его, я не буду напрашиваться ему въ руководители; онъ у себя, въ своемъ кабинетѣ, и я не имѣю права входить туда безпрестанно и допрашивать его, какъ ребенка или подозрительную личность. Не мое дѣло предписывать ему его же предписанія, такъ какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ знаетъ больше моего; во всякомъ случаѣ, въ видахъ того, чтобы онъ дѣйствовалъ правильно и увѣренно, не слѣдуетъ ему угрожать, а равно не слѣдуетъ и мѣшать ему, чтобы онъ могъ сохранить ясность и свободу мыслей. И мнѣ не должны мѣшать; у меня своя контора и свои письменныя занятія, или же моя лавка и мои покупатели. Каждому свое занятіе, каждому свое дѣло; кто захочетъ присоединить чужое дѣло къ своему, тотъ обыкновенно портитъ и свое, и чужое. Такъ думало въ началѣ 1790 года и большинство здравыхъ умовъ, однимъ словомъ, всѣ тѣ, чей мозгъ не былъ оскверненъ манією честолюбія и резонерства, тѣмъ болѣе, что они прошли черезъ шестимѣсячный опытъ и теперь хорошо знали, какимъ опасностямъ, какимъ разочарованіямъ, какимъ тяжелымъ испытаніямъ подвергаются тѣ, которые берутся руководить расхолодившеюся и голодною толпою. Уже въ декабрѣ 1789 года утверждаютъ муниципальный законъ и почти немедленно по всей Франціи избираютъ мэровъ и муниципалитеты, затѣмъ въ послѣдующіе мѣсяцы—департаментскихъ и окружныхъ начальниковъ. Кончилось, наконецъ, междуцарствіе; опять водворилась власть законная, легальная, съ ясно опредѣленными правами. Честные и въ тоже время благоразумные люди спѣшили возвратить власть, кому слѣдуетъ, и, конечно, не стремились захватить ее вновь. Ихъ временныя общества, какъ болѣе не имѣвшія цѣли, немедленно распались, и если

какое-либо вновь возникало, то исключительно съ цѣлью защитить снова установленный порядокъ вещей. Съ этою цѣлью они соединялись и въ продолженіи еще шести мѣсяцевъ произносили взаимныя клятвы и снаряжали посольства. Послѣ того, т. е. послѣ 14 іюля 1790 года, они возвратились къ своей частной жизни, и смѣю утверждать, что отнынѣ для громаднѣйшаго большинства французовъ политическое честолюбіе являлось уже совершенно удовлетвореннымъ, такъ какъ, въ сущности, они, не переставая повторять фразы Руссо противъ общественной іерархіи, желали лишь уничтоженія административныхъ репрессалій и свободнаго доступа ко всѣмъ общественнымъ должностямъ¹⁾. Всего этого они добились и сверхъ того еще цѣлою массы другихъ вещей, какъ, напримѣръ, августѣйшаго титула монарховъ, уваженія къ себѣ общественныхъ властей, глубочайшихъ поклоновъ всѣхъ, говорящихъ рѣчи и держащихъ перо, и, что лучше того, настоящаго владычества, а именно: права избранія центральныхъ и мѣстныхъ властей. Имъ было предоставлено полнѣйшее право не только избирать депутатовъ, но всевозможныхъ должностныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, управителей нижнихъ палатъ, округовъ и цѣлыхъ департаментовъ, офицеровъ національной гвардіи, гражданскихъ и уголовныхъ судей, епископовъ и приходскихъ священниковъ; сверхъ того, чтобы лучше подчинить избираемыхъ избирателямъ, законъ обыкновенно поручалъ ему власть на самое ограниченное время, такъ что по прошествіи приблизительно каждыхъ четырехъ мѣсяцевъ избирательная машина снова должна была приводиться въ движеніе и призывать своего владыку къ отправленію его власти. Власть эта была далеко немаловажна, и въ скорости самъ владыка находилъ, что она слишкомъ обширна; становилось, наконецъ, несноснымъ такое частое вотированіе и такая масса новыхъ правъ и преимуществъ начинала равняться ваторжной работѣ. Уже съ самыхъ первыхъ мѣсяцевъ 1790 года большинство отступалось отъ своихъ правъ вотированія и число отсутствующихъ было неизмѣрно. Въ Шартрѣ, напримѣръ, въ маѣ 1790 года, на 1,551 дѣйствующаго гражданина 1,447 не является на предварительныя собранія. Въ

¹⁾ Ретивъ де-ля-Бретонъ, «Парижскія ночи», XI ночь, р. 36. «Я жилъ въ Парижѣ въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ и былъ свободенъ какъ воздухъ. Для того, чтобы, подобно мнѣ, пользоваться свободою, всѣмъ нужны были только два средства: быть честнымъ и не писать брошюръ противъ министровъ. Все остальное дозволялось, никогда моя свобода не была стѣснена, и только съ наступленіемъ революціи одному злодѣю удалось два раза подвергнуть меня аресту.

Безансонѣ, при назначеніи мэра и муниципальнаго совѣта, на 3,200 внесенныхъ въ списокъ избирателей насчитываютъ 2,141 отсутствующими въ январѣ 1790 года и 2,900—въ слѣдующемъ затѣмъ ноябрѣ. Въ Греноблѣ, въ августѣ и ноябрѣ того же года, на 2,500 вписанныхъ приходится болѣе 2,000 отсутствующихъ. Въ Лиможѣ почти на то же число внесенныхъ въ списки—является лишь 150 избирателей. Въ Парижѣ на 81,200 избирателей, въ августѣ 1790 года, 67,200 не вотируютъ, а три мѣсяца спустя число отсутствующихъ доходитъ уже до 71,408 человекъ. И такъ, на одного вотирующаго избирателя приходится четыре, шесть, восемь, десять и даже до шестнадцати невоотирующихъ. Тоже происходило относительно избранія депутатовъ. На предварительныхъ собраніяхъ 1791 года въ Парижѣ на 81,200 внесенныхъ въ списки 74,000 не являются на зовъ. Въ Дубсѣ на каждые четыре дѣйствующіе гражданина не приходитъ трое. Въ одномъ изъ кантоновъ Котъ-д'Ора при окончаніи вотиrowанія на мѣстѣ выборовъ остается лишь восьмая часть избирателей, и на вторичныхъ собраніяхъ отсутствующихъ не меньшее количество. Въ Парижѣ на 946 назначенныхъ избирателей только 200 подають свой голосъ; въ Руанѣ на 700 лишь 160, а въ послѣдній день избранія всего 60. Однимъ словомъ, «во всѣхъ департаментахъ,—говорить съ трибуны одинъ ораторъ,—на каждыхъ пять второразрядныхъ избирателей едва-ли одинъ исполняетъ свое назначеніе». Такимъ образомъ, большинство отступалось отъ своихъ правъ, и изъ нерадѣнія ли, непредусмотрительности, или усталости, изъ отвращенія ли къ шуму и гаму, производимому при избраніяхъ, изъ равнодушія ли къ политикѣ, или же, наконецъ, изъ нерасположенія ко всѣмъ представляющимся кандидатамъ, оно уклоняется отъ обязанности, возложенной на него конституціею. Оно, конечно, не поступало такъ съ цѣлью учредить иной образъ правленія, что было бы для него еще тяжелѣе и невыполнимѣе, въ виду новой и усиленной работы, какая потребовалась бы для новой лиги. Люди, ненаходящіе времени приходитъ всего четыре раза въ годъ, съ цѣлью положить избирательный билетъ въ ящикъ, понятно, не станутъ являться трижды на недѣлѣ, чтобы присутствовать на клубныхъ засѣданіяхъ. Они не подумаютъ вмѣшаться въ дѣла правленія и, конечно, не станутъ имъ руководить, такъ какъ отказываются даже отъ избранія его членовъ.

Совсѣмъ наоборотъ поступать честолюбивые и догматички, придающіе серьезное значеніе своему королевскому титулу; они не только вотируютъ на избраніяхъ, но рассчитываютъ на то,

жасть-бы оставить за собою ту власть, которую они вручают. По ихъ мнѣнію, каждый представитель власти ихъ креатура и остается имъ подсуднымъ, такъ какъ, по праву, народное владичество не можетъ быть имъ же уничтожено, а на дѣлѣ пользование властью имъ настолько понравилось, что разъ захвативъ ее, они не захотѣли отъ нея отказаться ¹⁾. Они успѣли стовориться, условиться, разсортироваться втеченіи шести мѣсяцевъ, предшествовавшихъ правильнымъ выборамъ; они часто и много совѣщались, установили между собою соглашенія и, по мѣрѣ того, какъ всѣ другія асоціаціи распадались и уничтожались, подобно временной плѣсени, ихъ живучія общества разрастались на покинутой тѣми почвѣ. Одно возникаетъ въ Марселѣ уже въ концѣ 1789 г., и по прошествіи первой половины 1790 г., каждый большой городъ имѣетъ свое, какъ, на примѣръ, Э (Aix)—въ февралѣ, Монпелье—въ мартѣ, Нимъ—въ апрѣлѣ, Лионъ—въ маѣ, Бордо—въ іюнѣ. Но ихъ возникаетъ особенно много со времени праздника федераціи. Съ той минуты, какъ всѣ мѣстные группы сливались въ одну общую отечественную, сектаторы также сплочивались и образовали свою отдѣльную лигу. Въ Руанѣ, 14 іюля 1790 года, два хирурга, одинъ типографщикъ, тюремный капеланъ, одна еврейка-вдова и еще четверо женщинъ или дѣтей, принадлежащихъ къ тѣмъ же семействамъ, всего восемь человѣкъ, образуютъ между собою совершенно отдѣльную асоціацію; они называютъ себя чистыми и не желаютъ сливаться со всею массою остальныхъ. Патріотизмъ ихъ самой высшей пробы и они по своему понимаютъ соціальное соглашеніе; если они и приносятъ присягу конституціи, то съ изъятіемъ въ свою пользу правъ человѣка, и они не только не надѣются поддержать произведенныя реформы, но и окончить начатую революцію. Они, во время федераціи, принимали въ свою среду и наставляли себѣ подобныхъ. Эти же, повидая столицу

¹⁾ Примѣръ этой власти и какія она допускаетъ самоуправства. Бенбо, I 140—147: «По опубликованію декретовъ отъ 4 августа, охранительный комитетъ въ Монтиньи, поддержанный всеми мѣстными патріотами, разлился подобно бующему потоку по имѣнію барона Шуазейя и истребилъ тамъ всѣхъ зайцевъ и всѣхъ куропатокъ, затѣмъ въ прудахъ выловилъ всю рыбу. Мы застали въ Мандрѣ, въ общемъ залѣ трактира около дюжины крестьянъ, собравшихся вокругъ стола, заставленнаго бутылками и стаканами, между которыми можно было разглядѣть чернильницу, нѣсколько перьевъ и что-то похожее на реестръ или на протоколъ.—«Право, не понимаю, что они тутъ дѣлаютъ, говорила трактирная хозяйка,—но они здѣсь собираются каждый вечеръ, остаются до утра, пьютъ, другаются, бѣсуются противъ всѣхъ и каждого, и называютъ себя комитетомъ».

и большіе города, переносятъ въ свои провинціальные городки и селенія ихъ предписанія и наставленія; имъ объяснили значеніе клуба, способъ устроить его, и повсемѣстно учреждаются, по тому же плану, съ тою же цѣлю и подъ тѣмъ же именемъ, отдѣльныя народныя общества. Черезъ мѣсяць ихъ было уже 60, а черезъ три 122; въ мартѣ 1791 года ихъ было 229, въ августѣ 1791 года около 400. Затѣмъ вдругъ распространеніе ихъ становится громаднымъ, такъ какъ два одновременныя толчка разбрасываютъ сѣмена ихъ по всевозможнымъ почвамъ. Во первыхъ, въ концѣ іюля 1791 года, люди умѣренные, сторонники закона, усиліями которыхъ удерживался порядокъ въ клубахъ, всѣ приверженцы конституціи и фельянтинцы, повпадаютъ клубы и предоставляютъ ихъ на произволъ преувеличенія и тривіальности безпокойныхъ и крайнихъ; немедленно политика у нихъ сѣзжаетъ на тонъ кабацкій и казарменный, слѣдовательно, политическая асоціація становится возможна вездѣ, гдѣ есть кабакъ или казарма. Во вторыхъ, въ то же самое время сзываютъ избирателей, чтобы назначить новый составъ національнаго собранія и возобновить составъ мѣстныхъ властей; такимъ образомъ добыча уже въ виду и повсемѣстно образуются общества, чтобы захватить ее. Въ два мѣсяца ихъ учреждается новыхъ до 600, въ концѣ сентября 1791 года ихъ насчитываютъ до 1,000, а въ іюнѣ 1792 уже до 1,200, т. е. соразмѣрно числу городовъ и большихъ селеній.—Послѣ низверженія трона, во время паники прускаго вторженія и анархіи, равной іюльской 1789 года, ихъ будетъ уже, подобно тому, какъ въ іюлѣ 1789 года, почти столько же, сколько всѣхъ общинъ, т. е. 26,000, говоритъ Редереръ,—по одному на каждую деревню, имѣющую отъ пяти до шести горячихъ головъ, крикуновъ и забіякъ, настолько обученныхъ грамотѣ, что они съ грѣхомъ пополамъ сзумѣютъ написать прошеніе.

Одинъ очень распространенный журналъ писалъ уже въ ноябрѣ 1790 года о необходимости отдѣльнаго клуба въ каждой городской улицѣ, въ каждомъ поселкѣ. «Пусть всякій честный ремесленникъ собираетъ у себя своихъ сосѣдей и читаетъ имъ, при свѣтѣ лампы, содержимой на общественный счетъ, декреты національнаго собранія, приправляя чтеніе своими собственными разсужденіями или заключеніями сосѣдей; въ концѣ же засѣданія, чтобы нѣсколько развеселить слушателей, запуганныхъ однимъ изъ номеровъ газеты Марата, пусть онъ закончитъ чтеніе одною изъ патріотическихкихъ назидательно-ругательскихъ рѣчей отца-Дюшена». Совѣту этому послѣдовали: на

засѣданіяхъ читали вслухъ брошюры и ватехизисы, присланныя изъ Парижа: «Сельскую Газету», «Вечернюю Газету», «Журналъ Монтаньяровъ», «Журналъ отца-Дюшэна», «Парижскія Революціи», «Журналъ Лакло»; вездѣ пѣли революціонные гимны. Если находился какой-либо краснобай, бывший священникъ ораторіи, законовѣдь, или школьный учитель, онъ выгружалъ весь свой запасъ трескучихъ фразъ, говорилъ о грекахъ и о римлянахъ, возвѣщалъ возрожденіе человѣчества; одинъ, на примѣръ, обращаясь къ женщинамъ, требовалъ, чтобы «декларация человѣческихъ правъ сдѣлалась лучшимъ украшеніемъ ихъ комнатъ, и чтобы, въ случаѣ войны, добродѣтельныя патриотки выступали во главѣ войскъ, подобно новымъ вакханкамъ, съ распущенными волосами и съ тирсами въ рукахъ». Кричали, аплодировали; всѣ головы горячились, возбужденныя этими разглагольствованіями и, наконецъ, вслѣдствіе взаимнаго соприкосновенія, окончательно разгорячались, подобно плохо раздутымъ углямъ, скоро потухшимъ бы отдѣльно, и образующимъ жаркій костеръ въ слитности. Въ то же время новыя убѣжденія устанавливаются и укрѣпляются; ничто, впрочемъ, ихъ такъ не поддерживаетъ и не распространяетъ, какъ политическая партія. Въ политикѣ, равно какъ и въ религіи, вѣра рождаетъ церковь, а церковь, въ свою очередь, поддерживаетъ вѣру; въ клубѣ также, какъ и въ послѣднемъ жалкомъ монастырѣ, каждый считаетъ себя правымъ, разъ возбудивъ единодушіе въ другихъ, и каждое слово или каждый поступокъ этихъ другихъ стремится къ тому, чтобы доказать ему правоту его убѣжденія, тѣмъ болѣе, что неоспариваемый догматъ скоро становится неоспоримымъ, а всякій яacobинецъ возвращается въ тѣсномъ и ревниво охраняемомъ кружкѣ, куда не допускается ни единая, противорѣчащая ему идея. Въ какихъ нибудь двухстахъ личностяхъ онъ видитъ все общество; ихъ мнѣніе тяготѣетъ надъ нимъ безъ всякаго противовѣса и помимо ихъ вѣрованій, которыя въ то же время и его собственныя, всякое убѣжденіе ему кажется нелѣпымъ и даже преступнымъ. Къ тому же, подъ вліяніемъ этихъ постоянныхъ проповѣдей, которыя въ сущности ничто иное, какъ лесть, онъ убѣдился, что онъ патриотъ просвѣщенный и добродѣтельный, въ чемъ уже не представляется ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ какъ патриотизмъ его былъ провѣренъ еще раньше вступленія его въ общество, и онъ носитъ въ карманѣ печатное тому доказательство. И такъ, онъ членъ избранной среды, и эта среда, пользуясь монополіей патриотизма, говоритъ громко, держится въ сторонѣ отъ другихъ

и отличается отъ простыхъ гражданъ своимъ тономъ и манерами. Съ самыхъ первыхъ своихъ засѣданій, клубъ въ Понтарлье воспрещаетъ своимъ членамъ прибѣгать къ формуламъ обыденной вѣжливости. «Нужно воздерживаться отъ обычая снимать шляпу, привѣтствуя кого либо; слѣдуетъ непремѣнно избѣгать въ разговорѣ выраженій въ родѣ «имѣю честь» и ему равносильныхъ». Въ особенности же приличествуетъ отдавать должное своему дѣйствительному значенію. Не заставляетъ ли знаменитая парижская трибуна якобинцевъ трепетать всѣхъ обманщиковъ и измѣнниковъ? И, при одномъ ея видѣ, не повергаются ли во прахъ всѣ противники революціи? «То же, что творится въ столицѣ, повторяется и въ провинціи; вездѣ едва возникающій клубъ уже возбуждаетъ и волнуетъ чернь. Во многихъ большихъ городахъ, напримѣръ, въ Парижѣ, Лионѣ, Эксѣ, Бордо существуетъ два соединенныхъ клуба, изъ которыхъ одинъ держится болѣе или менѣе прилично, состоитъ преимущественно изъ теоретиковъ, частію членовъ разныхъ администрацій, и имѣетъ болѣею частію въ виду полезное вообще»; другой же состоитъ изъ людей практическихъ, гдѣ кабацкіе краснобаи и ораторы кофеенъ поучаютъ работниковъ, огородниковъ, мелкихъ мѣщанъ. Второй является какъ-бы дополненіемъ перваго и, въ экстренныхъ случаяхъ, подготавливаетъ и подбираетъ для него руководителей мятежами и ихъ возбудителей. «Мы въ средѣ народа, — пишетъ одинъ изъ этихъ второстепенныхъ клубовъ, — мы читаемъ ему декреты, мы его предостерегаемъ противъ поступковъ и происковъ аристократовъ, посредствомъ чтенія и совѣтовъ. Мы разбискиваемъ и отыскиваемъ всѣ заговоры, всѣ махинаціи. Мы принимаемъ и не оставляемъ совѣтами всѣхъ тѣхъ, кто приходитъ къ намъ съ жалобою; мы поддерживаемъ ихъ требованія, если находимъ таковыя справедливыми; наконецъ, мы до нѣкоторой степени беремъ на себя всѣ мелкія подробности дѣла». Благодаря этимъ грубымъ помощникамъ, одареннымъ только здоровыми легкими и мощными руками, партія беретъ верхъ; захвативъ силу, она ее пускаетъ въ ходъ, и отказывая своимъ противникамъ во всѣхъ правахъ, она восстанавливаетъ всѣ привилегіи въ свою пользу.

III.

Разсмотримъ ея образъ дѣйствія, сперва относительно одного только и вообще на почвѣ ограниченной, а именно, относительно свободы печати. Въ декабрѣ 1790 года, инженеръ, по

имени Этьенъ, котораго Марать и Фреронъ обличали въ своихъ газетахъ и обзывали шпиономъ, приносить жалобу, приказываетъ арестовать оба номера и, называя типографщика передъ полицейскимъ судомъ, требуетъ публичнаго опроверженія или 25,000 франковъ за вредъ и убытки. Оба журналиста негодуютъ; по ихъ мнѣнiю, они непогрѣшимы и неприкосновенны. «Крайне важно,—пишетъ Марать,—чтобы никакой обличитель не былъ подсуденъ какому-либо суду, такъ какъ онъ отвѣтственъ исключительно предъ обществомъ за все, что онъ, по своему мнѣнiю, дѣлаетъ, или хотя утверждаетъ, что дѣлаетъ для спасенiя народнаго». Вотъ почему адвокатъ Этьена, мѣтръ Лангедокъ, измѣнникъ. «Мѣтръ Лангедокъ, совѣтую вамъ молчать... обещаю васъ повѣсить, если мнѣ это удастся». Между тѣмъ Этьенъ упорствуетъ и послѣ перваго рѣшенiя заявляетъ свой искъ. Тогда Марать и Фреронъ мечутъ громъ и молвiи. «Мѣтръ Торильонъ,—говоритъ Фреронъ полицейскому комисару,—вы заслуживаете примѣрнаго наказанiя и на глазахъ у всего народа; я требую, чтобы васировали этотъ позорный приговоръ». «Граждане,—пишетъ Марать,—идите толпами въ городскую ратушу и не потерпите ни единаго солдата въ залѣ засѣданiя». Изъ крайняго снисхожденiя ввели въ залъ, въ день процесса, лишь двоихъ гренадеръ, но и этого показалось много; толпа якобинцевъ кричить: «Прочь гвардiю! Мы здѣсь владыки», и гренадеры удаляются. «И на зло имъ,—говоритъ съ торжествомъ Фреронъ,—въ залѣ насчитывали шестьдесятъ побѣдителей Бастили, съ отважнымъ Сантеромъ во главѣ, и всѣ они собирались помѣшать процессу». Они такъ и поступаютъ, нападая сперва на истца; въ самыхъ дверяхъ суда бросаются они на Этьена и такъ его избиваютъ, что онъ ищетъ спасенiя на гауптвахтѣ; его осыпаютъ плевками и «едва не отрѣзаютъ ему уши»; друзья его преслѣдуются «сотнями пинковъ», онъ бѣжитъ и дѣло откладывается. Затѣмъ нѣсколько разъ его опять назначаютъ, но судьи отказываются вести его. Нѣкто Мандаръ, авторъ брошюры «О народномъ владычествѣ», встаетъ изъ числа присутствующихъ и объявляетъ Байльи, парижскому мэру, предсѣдательствующему въ судѣ, что онъ обязанъ отказаться отъ веденiя этого дѣла. Байльи, какъ по обыкновенiю, уступаетъ, прикрывая свою слабость приличнымъ предлогомъ: «хотя судья не можетъ быть отрѣшенъ отъ дѣла иначе, какъ по желанiю большинства, но для меня достаточно желанiя, заявленнаго однимъ гражданиномъ, и я удаляюсь». Что же касается другихъ судей, то скоро угрозы и ругательства заставляютъ и ихъ сдать, и при

помощи софизма, хорошо характеризующаго эту эпоху; они видятъ въ притѣсненіи, которому подвергается притѣсненный, законное средство, достаточно оправдывающее ихъ отказъ въ совершеніи правосудія. Этьенъ заявилъ имъ, что не можетъ присутствовать на засѣданіи, также какъ и его защитникъ, вслѣдствіе того, что рискуютъ тамъ жизнью; судъ на это отвѣчаетъ слѣдующее: «Въ виду того, что Этьенъ заявилъ ему о невозможности для него самого, а равно и для его защитника явиться на засѣданіе, вслѣдствіе риска, представляющагося тамъ для ихъ жизни, судъ объявляетъ жалобу и искъ Этьена, какъ неявившагося ни лично, ни черезъ посредство своего защитника, неподсуднымъ суду и приговариваетъ его къ уплатѣ убытковъ». Тогда оба журналиста вездѣ трубятъ свою побѣдную пѣснь, и статьи ихъ, распространенныя по всей Франціи, освобождаютъ правосудіе, стѣсненное дотолѣ своими же рѣшеніями. Теперь каждый якобинецъ можетъ безнаказанно выдавать, оскорблять и клеветать на кого только ему вздумается; онъ неподсуденъ судамъ и стоитъ выше закона.

Обратимъ вниманіе на ту свободу, которую она предоставляетъ своимъ противникамъ. За двѣ недѣли до случившагося, знаменитый писатель, трактующій еженедѣльно въ первомъ журналѣ того времени о всѣхъ политическихъ вопросахъ, не затрогивая при этомъ личностей, человекъ вполнѣ независимый, прямой и честный, краснорѣчивый, правдивый и храбрый защитникъ дѣйствительной свободы и общественнаго порядка, Маллэ-Дюпанъ, рассказываетъ, что прямо къ нему въ кабинетъ входитъ депутація отъ Пале-Рояля. Ихъ отъ двѣнадцати до пятнадцати человекъ, хорошо одѣтыхъ, довольно вѣжливыхъ, не особенно злонамѣренныхъ, но убѣжденных въ томъ, что ихъ вмѣшательство вполнѣ законно, а изъ рѣчей ихъ видно до какой степени господствовавшей тогда политической догматъ разстроилъ ихъ мозгъ. «Одинъ изъ нихъ обратился ко мнѣ съ рѣчью, заявляя, что они явились депутатами отъ патриотическихъ обществъ Пале-Рояля, дабы принудить меня отказаться отъ моихъ убѣжденій и прекратить мои нападки на конституцію, въ противномъ же случаѣ они употребятъ противъ меня самыя крайнія мѣры. «Я не признаю—отвѣтилъ я—иной власти, кромѣ власти закона и суда; законъ—единственный владыко всѣхъ насъ; вы противитесь конституціи, если посягаете на право свободы рѣчи и печати».—«Конституція—это всеобщая воля, возразилъ первый заговорившій,—законъ—это могущество сильнѣйшаго. Вы подѣ властію сильнѣйшаго и должны ей

подчиниться; мы выражаемъ вамъ желаніе народа, а желаніе его и есть законъ». Маллэ-Дюпанъ объясняетъ имъ, что ратуетъ противъ стараго порядка вещей, но что онъ стоитъ за власть короля. «О,—воскликнули они всѣ разомъ,—мы совсѣмъ не желаемъ свергнуть короля; мы его любимъ и будемъ защищать его власть; но вы не имѣете права ратовать противъ господствующаго убѣжденія и противъ свободы, опредѣленной національнымъ собраніемъ». Нѣтъ сомнѣнія, что Маллэ-Дюпанъ больше ихъ зналъ касательно этого предмета, такъ какъ родился въ Швейцаріи и жилъ въ республикѣ втеченіи двадцати лѣтъ; но имъ до этого нѣтъ дѣла; они упорствуютъ и кричатъ почти всѣ вмѣстѣ, не различая словъ, которыя сами произносятъ; всѣ противорѣчатъ другъ другу, когда дѣло касается подробностей, но всѣ стремятся къ одному—заставить его замолчать.—«Вы не имѣете права возставать противъ народной воли; этимъ вы проповѣдуете междоусобную войну, осворбляете декреты и раздражаете націю». Ясно, что нація для нихъ это они сами, или, по меньшей мѣрѣ, они ея представители; по праву самоизбранія они государственные люди, цензоры, полицейская власть, и уворяемый журналистъ долженъ счесть себя крайне счастливымъ, если все ограничится однѣми увѣщаніями. Еще за три дня его предупредили о томъ, что толпа, собравшаяся гдѣ-то въ ближайшемъ сосѣдствѣ, «угрожала поступить съ его домою, какъ поступила съ домою Де-Кастри,» гдѣ все было перебито и выброшено за окна. Въ другой разъ, по поводу неограниченнаго или удерживающаго veto, «четыре изступленныхъ пришли къ нему на домъ съ цѣлю объявить ему, въ то же время угрожая ему пистолетами, о томъ, что онъ своею жизнью отвѣчаетъ, если осмѣлится написать что-либо въ пользу г. Монье». Такимъ образомъ, съ самыхъ первыхъ дней революціи, съ той самой минуты, какъ нація отдавалось ея неогрѣнимое и неотъемлемое право говорить и писать свободно, тиранія отдѣльныхъ партій успѣшила отнять его у гражданъ, крича каждому, желавшему сохранить свободу совѣсти: «трепещи, умирай, или раздѣлай мои взрѣнія». Съ этого же времени, чтобы принудить къ молчанію тѣхъ, кто ей не по нраву, партія, именемъ своей личной власти и отвѣтственности¹⁾, приказываетъ и совершаетъ обыски и аре-

¹⁾ Изъ статьи Маллэ-Дюпана, помѣщенной въ «Mercure de France» № 3, сентября 1791 года; «Вслѣдствіе обвиненія, авторы котораго мнѣ хорошо известны, люксамбургское отдѣленіе послало 21 іюня, въ день отъѣзда короля, въ мою квар-

сты, самоуправства, насилія и, наконецъ, убійства. На долю Малла-Дюпана выпадаетъ въ одномъ лишь юнѣ 1792 года, «три приказа объ арестованіи, сто пятнадцать обвиненій, двукратное опечатываніе, четыре гражданскихъ вторженія въ его собственный домъ и, наконецъ, конфискація всѣхъ его имѣній во Франціи; онъ провелъ четыре года подъ постояннымъ опасеніемъ быть арестованнымъ или даже убитымъ». Если онъ и избѣгаетъ впоследствии гильотины или фонарнаго столба, то лишь благодаря изгнанію; а 10 августа избиваютъ до смерти на улицѣ другаго журналиста, Сюло. Вотъ какимъ образомъ партія эта понимаетъ свободу печати; по этому примѣру легко судить, какъ она относится и ко всѣмъ другимъ видамъ свободы. Законъ теряетъ всякую силу въ ея глазахъ, когда онъ ее стѣсняетъ или поддерживаетъ ея противниковъ; вотъ почему нѣтъ излишества, которое бы она себѣ не позволила, и нѣтъ права, въ которомъ она не отказывала бы другимъ.

Ничто не ограждено отъ произвола клубовъ. «Марсельскій, на примѣръ, принуждалъ весь муниципалитетъ подать въ отставку; заставлялъ его предварительно явиться по своему требованію; онъ не хотѣлъ признать властей своего департамента; онъ оскорбилъ высшихъ гражданскихъ чиновниковъ. Члены орлеанскаго клуба установили надзоръ надъ верховнымъ національнымъ судомъ и сами въ немъ засѣдали. Каенскіе жестоко оскорбили членовъ магистрата, захватили и сожгли дѣло, начатое противъ лицъ, разбившихъ статую Лодовика XIV. Альбійскіе силою взяли изъ регистратуры бумаги, касающіяся дѣла объ одномъ убійцѣ, и ихъ сожгли». Клубъ въ Кутенсѣ отдастъ депутатамъ своего округа приказаніе «не позволять себѣ ни малѣйшаго разсужденія противъ законовъ народныхъ». Ліонскій задерживаетъ артилерійскій транспортъ подъ тѣмъ предлогомъ, что назначенные министры не пользуются народнымъ довѣріемъ. Такимъ образомъ вездѣ царствуетъ или собирается царствовать клубъ. На примѣръ, при избраніяхъ, онъ отстраняетъ нѣкоторыхъ кандидатовъ, покровительствуетъ другимъ и вотируетъ почти исключительно самъ, въ крайнемъ же случаѣ заставляетъ вотировать такъ, что

тиру цѣлый военный отрядъ и полицейскихъ комисаровъ. Этому вторженію не предшествовало никакое слѣдствіе или судебное рѣшеніе, никакой офиціальныи и законный приказъ со стороны полиціи, какого-либо суда, или мирового судьи. Чиновники отдѣленія осмотрѣли мои бумаги, мои книги, мои письма, списали нѣкоторые изъ нихъ и унесли съ собою копии и оригиналы, приложивъ къ осталъному печати, для охраны которыхъ оставили двухъ стрѣлковъ».

въ результатѣ всѣ назначенія исходятъ отъ него, и онъ обла- даетъ на дѣлѣ, если и не по праву, всѣми привилегіями поли- тической аристократіи. Такимъ же точно образомъ онъ, въ слу- чаѣ надобности, изображаетъ полицейскій комитетъ, составляетъ и вездѣ распространяетъ номинальный списокъ злонамѣренныхъ, подозрительныхъ или равнодушныхъ; онъ выдаетъ дворянъ, сы- новья которыхъ эмигрировали, непринесшихъ присяги и про- должающихъ по прежнему жить въ своихъ приходахъ священ- никовъ, монахинь, «поведеніе которыхъ противно новой консти- туціи»; онъ подстрекаетъ, руководитъ или распоряжается мѣст- ными властями; онъ самъ изображаетъ власть дополнительную, высшую, всеобъемлющую. Подобное явленіе не могло не пора- зить разумныхъ людей и, во многихъ мѣстностяхъ, они про- тестовали. «Такой порядокъ вещей, — говорится въ одной петиціи, — неминуюемо долженъ вооружать гражданъ другъ противъ друга. Въ этихъ собраніяхъ разсуждаютъ, совѣщаются, доносятъ на всевозможныя личности и все это держится въ самомъ стро- гомъ секретѣ. Тамъ честный гражданинъ, оклеветанный самымъ жесточайшимъ образомъ, становится ихъ беззащитною жертвою и убивается. Это совершенное инвизиціонное судилище; это центръ, изъ котораго распространяются всѣ возмутительныя статьи; это шеола и расадникъ заговоровъ и интригъ. «Когда гражданамъ приходилось краснѣть изъ-за недостойныхъ выбо- ровъ, послѣдніе всегда исходили изъ подобнаго рода асосіацій... Клубъ, составленный изъ людей разгоряченныхъ, изъ поджига- телей, стремящихся управлять государствомъ», всегда и вездѣ ищетъ случая воспользоваться народнымъ увлеченіемъ, приобрьсть на него вліяніе, противодѣйствовать властямъ; ищетъ случая встать между ними и народомъ», захватить власть законода- тельную, стать колоссомъ деспотизма. «Тщетныя требованія, бесполезныя сѣтованія; національное собраніе въ своемъ посто- янномъ страхѣ за себя самое, поддерживаетъ народныя обще- ства своимъ покровительствомъ и своею снисходительностью. «Слѣдуетъ, — говорить одинъ изъ журналовъ этой партіи, — чтобы народъ образовалъ небольшіе кружки». Впродолженіи двухъ лѣтъ, кружки эти возникали все въ большемъ и большемъ ко- личествѣ, а теперь нѣтъ деревушки, гдѣ не было бы своей все- сильной олигархіи, банды организованной и правящей. Для того чтобы эти отдѣльныя банды слились въ общее единое войско, имъ оставалось лишь найти центръ соединенія и главный штабъ. Центръ этотъ уже давно образовался, главный штабъ въ пол-

номъ составѣ, и оба находятся въ Парижѣ, въ обществѣ друзей конституціи.

IV.

И дѣйствительно, во всей Франціи нѣтъ болѣе уполномоченнаго и старѣйшаго общества; оно возникло еще раньше революціи и ведетъ начало своего существованія съ 30 апрѣля 1789 года. Немедленно по пріѣздѣ въ Версаль, депутаты кемперскіе, геннебонскіе и понтивійскіе, изъ необходимости приученные, еще со времени съѣзда депутатовъ общественныхъ собраній въ Бретани, предварительно условливаясь относительно вотированія, наняли сообща залъ и основали немедленно, вмѣстѣ съ Мунъ, секретаремъ депутатовъ Дофине, и многими депутатами изъ другихъ провинцій, общество, которому суждено было упрочиться.

До 6 октября въ составъ его входили лишь народные представители, но вскорѣ перенесенное въ Парижъ, въ улицу Сентъ-Оноре, въ библиотечной залѣ якобинскаго монастыря, оно допустило въ свои члены другихъ значительныхъ или извѣстныхъ личностей, между которыми первое мѣсто занималъ Кондорсе, затѣмъ Лагарпъ, Шенье, Шанфоръ, Давидъ, Тальма, писатели, артисты, и число подобныхъ личностей доходить скоро до тысячи. Общество въ началѣ представляло крайне серьезный видъ; въ немъ насчитывали болѣе трехсотъ депутатовъ и статуты его, повидимому, составлены съ цѣлью привлечь въ свои члены самыхъ избранныхъ людей. Туда допускались лишь по представленію десяти членовъ и по избранію посредствомъ голосованія. Чтобы присутствовать на засѣданіяхъ, нужно было имѣть входной билетъ, и однажды случилось, что комиссаромъ у входныхъ дверей, поставленнымъ для провѣрки билетовъ, оказался молодой герцогъ шартрскій.

У общества была своя канцелярія, свой президентъ. Совѣщанія его носили на себѣ отпечатокъ парламентской серьезности, и въ силу утвержденныхъ статутовъ, поднимаемые вопросы были тѣ же самые, которые разбирало національное собраніе; въ другіе часы въ одномъ изъ нижнихъ залъ поучали рабочихъ, поясняли имъ конституцію.

Повидимому, нѣтъ общества болѣе приспособленнаго къ тому, чтобы руководить общественнымъ мнѣніемъ; но на дѣлѣ, при обстоятельномъ изученіи предмета, оказывается совсѣмъ иначе.

Провинція однако не дала себѣ труда изучить этотъ вопросъ, и по старой привычкѣ, привитой централизаціей, общество это беретса за образецъ уже потому только, что оно въ столицѣ. Вездѣ заимствуютъ его статуты, его правила, его духъ; оно становится какъ бы обществомъ-матерью, а всѣ другія—его приемными дѣтьми. Какъ бы въ подтвержденіе этого, оно печатаетъ ихъ списки во главѣ своего журнала, оно публикуетъ ихъ доносы, оно поддерживаетъ ихъ требованія; съ этой минуты нѣтъ ни одной отдаленнѣйшей и жалкой деревушки, гдѣ бы якобинецъ не чувствовалъ себя членомъ законнымъ и пользующимся поддержкою, и не только мѣстнаго клуба, котораго онъ въ дѣйствительности членъ, но и той обширной асоціаціи, многочисленныя отпрыски которой захватили всю территорію и чье всесильное покровительство распространяется на ничтожнѣйшаго изъ ея сторонниковъ. Взамѣнъ того, каждый присоединившійся клубъ подчиняется приказаніямъ, исходящимъ изъ Парижа, и не прерывающіяся сношенія центра съ оронечностями и обратно поддерживаютъ установившееся между ними соглашеніе.

Все это вмѣстѣ образуетъ обширный и сложный политическій механизмъ, машину, работающую неустанно соединенными усилиями тысячи рукъ, приводимыхъ въ движеніе посредствомъ рукоятки, находящейся въ Парижѣ, въ улицѣ Сентъ-Оноре, въ рукахъ нѣсколькихъ вожаковъ.

Нѣтъ машины болѣе дѣйствительной и лучше составленной для того, чтобы выработать какое либо искусственное и крайнее мнѣніе, для того, чтобы придать этому мнѣнію видъ неподдѣльнаго и прямого желанія всей націи, для того, чтобы вручить шумящему меньшинству права нѣмага большинства, для того, чтобы подчинить себѣ правительство.—«Мы придерживались самой несложной тактики, говоритъ Грегуаръ. — Порѣшили, что одинъ изъ насъ воспользуется удобнымъ случаемъ, чтобы вставить свое предложеніе на одномъ изъ засѣданій національнаго собранія. Онъ былъ напередъ увѣренъ въ томъ, что очень маленькое меньшинство будетъ ему аплодировать, большинство же шикать; но онъ этимъ ни мало не смущался. Онъ требовалъ, чтобы дѣло это передали на разсмотрѣніе комитета, на что и получалъ согласіе, причемъ противники надѣялись окончательно убить этотъ вопросъ. Тогда онъ вторично переходилъ въ вѣдѣніе парижскихъ якобинцевъ. При помощи циркуляра или своего журнала, они устраивали такъ, что относительно предложенія этого совѣщались въ трехъ или четырехъ-стахъ присоединен-

ныхъ и подчиненныхъ имъ обществахъ, и недѣли три спустя, со всѣхъ сторонъ адресы такъ и сыпались въ собраніе, требуя утвержденія декрета, проектъ котораго былъ первоначально ими отвергнутъ и который оно теперь принимало огромнымъ большинствомъ голосовъ, какъ бы въ силу того, что разсужденія и совѣщанія по поводу этого предмета дали достаточно созрѣть общественному мнѣнію».

Другими словами, національное собраніе обязано подчиниться, а иначе его къ тому принудить, не стѣсняясь при этомъ никакими средствами; касательно этого согласны всѣ вожаки клуба, будь они фанатики или интриганы.

Во главѣ первыхъ стоялъ Дюпоръ, бывшій совѣтникъ парламента, уже съ 1788 г. понявшій всю пользу бунтовъ; первыя революціонныя совѣщанія были у него; онъ предлагалъ «взрыть землю какъ можно глубже», и планы его при этой работѣ плугомъ были таковы, что даже Сійэсъ, радикалъ какихъ мало, обозвалъ ихъ «вертепной политикой». По стараніямъ этого же Дюпора былъ учрежденъ, 28 іюля 1789 года, сыскной комитетъ, вслѣдствіе чего всѣ доносчики и добровольные шпионы быстро формировали подъ его руководствомъ полицейскій надзоръ, скоро перерождавшійся, подъ его же руководствомъ, въ подстрекателей и возмутителей. Нижний залъ якобинцевъ, гдѣ каждое утро поучали рабочихъ, снабжалъ его новобранцами, и его сподвижники, братья Ламэтъ, вербовали тамъ безъ всякаго труда самыхъ ревностнѣхъ и избранныхъ своихъ агентовъ. «Всякій день десять преданнѣйшихъ людей приходятъ за приказаниями; каждый изъ этихъ десятихъ передаетъ ихъ, въ свою очередь, десяти личностямъ, принадлежащимъ къ различнымъ парижскимъ батальонамъ. При такомъ способѣ по всѣмъ батальонамъ и по всѣмъ отдѣламъ передается одновременно то же предложеніе провозвести бунтъ, то же обвиненіе противъ утвержденныхъ властей, противъ парижскаго мэра, противъ президента департамента, противъ командующаго національною гвардіею», и все это въ тайнѣ; все это дѣло мрака; сами руководители называютъ его «шабашемъ», и вербуя фанатиковъ, они не гнушаются услугами бандитовъ и разбойниковъ. «Распускаютъ слухъ о томъ, что въ такой-то день произойдутъ большіе безпорядки, убійства, значительное разграбленіе; всему этому предшествуетъ извѣстное распредѣленіе, передаваемое изустно второстепенными начальниками испытаннымъ и вѣрнымъ людямъ, вслѣдствіе чего и собираются всѣ разбойники изъ-за тридцати и сорока миль.

въ окружности ¹⁾). Однажды, чтобы возбудить бунтъ, «шестеро заранѣе сговорившихся людей составляютъ небольшую группу, посреди которой одинъ изъ нихъ разглагольствуетъ съ яростью; скоро набирается человекъ шестьдесятъ; затѣмъ всѣ шестеро первыхъ возбудителей идутъ съ мѣста на мѣсто, съ цѣлью образовать другія группы, и придать ихъ напускной тревогѣ вида дѣйствительнаго народнаго волненія. Въ другой разъ сорокъ фанатиковъ, одаренныхъ здоровыми легкими, въ сопровожденіи отъ четырехъ до пяти сотъ, нанятыхъ нарочно съ этою цѣлью людей, разбрелись по Тюльерійскому саду, «кричали какъ иступленные» и подходили къ самымъ окнамъ національнаго собранія, «требуя убійствъ». «Ваши эжескуторы,—говорилъ одинъ изъ депутатовъ,—которымъ вы отдали приказаніе принудить толпу къ молчанію, слышали неоднократно повторяемыя угрозы принести намъ головы осужденныхъ ею на смерть... Я слышалъ въ тотъ же вечеръ въ Палэ-Роялѣ, какъ одинъ изъ второстепен-

¹⁾ «Мониторъ», V, 212, 583, засѣданія 31 іюля и 7 сентября 1790 года. Изъ доклада и рѣчи Дюпона де-Немуръ. «Бандиты и бродяги начинаютъ разыгрывать роль въ Парижѣ уже съ 27 апрѣля 1789 года (дѣло Ревельона)». Ривароль пишетъ уже 30 іюля 1789 года: «Горе тому, кто встревожитъ подносокъ какой-либо націи! Для черни не можетъ настать просвѣщеннаго вѣка». Въ вступительной рѣчи своего будущаго словаря онъ упоминаетъ о тогдашнихъ своихъ статьяхъ: «Тамъ видны всѣ старанія, которыя я употребилъ для того, чтобы Европа не приписала французской націи всѣхъ ужасовъ, совершенныхъ толпою разбойниковъ, которыхъ революція, или золото какого-либо значительнаго лица привлекли въ столицу».—Изъ письма одного депутата къ его избирателямъ, опубликованнаго Дюпре въ Парижѣ, въ началѣ 1790 года. (Приведеннаго Сегуромъ въ «Revue de France» отъ 1 сентября 1880. Дѣло касается мѣръ, принятыхъ съ цѣлью заставить вотировать въ пользу конвенсаціи церковныхъ имуществъ): «Впродолженіи цѣлаго дня Всѣхъ Святыхъ (1 ноября 1789 г.) не переставали собирать и созывать такъ называемыхъ здѣсь помощниковъ революціи. Утромъ 2 ноября, когда депутаты отправились въ собраніе, они нашли на соборной площади и на всѣхъ улицахъ, ведущихъ къ архіепископскому дворцу, несмѣтную массу народа. Это была цѣлая армія въ 20 или 25,000 человекъ, большую часть совершенно босыхъ, въ шерстяныхъ колпакахъ, покрытыхъ локмотьями и вооруженныхъ лишь палками... Они осыпали самую ужасною бранью и угрозами проходившихъ мимо депутатовъ и громко кричали о томъ, что безпощадно перерѣжутъ всѣхъ, кто не будетъ вотировать въ пользу отобранія имѣній у духовенства. Около трехсотъ депутатовъ, несочувствовавшихъ этому движенію, не посмѣло отправиться въ собраніе.. Огромное скопленіе бандитовъ въ близкомъ соседствѣ отъ зала, ихъ рѣчи и угрозы внушали немалыя опасенія того, что они приведутъ въ исполненіе свои ужасные замыслы. Всѣ тѣ, которые не ощутили въ себѣ достаточно мужества, чтобы пожертвовать собою, пошли въ собраніе». Декретъ былъ принятъ большинствомъ 578 голосовъ противъ 346.

ныхъ вожаковъ этихъ мятежниковъ хвалился тѣмъ, что принудилъ вашихъ эзекуторовъ принести вамъ подобный отвѣтъ, прибавляя при этомъ: «каждый хорошій гражданинъ долженъ поторопиться и во-время послѣдовать этому совѣту». У этихъ агитаторовъ слѣдующій пароль: вѣрны-ли вы? и лозунгъ: я вѣрный человѣкъ; имъ платятъ по двѣнадцать франковъ въ день, и въ случаѣ надобности они тутъ же, на листъ, вербуютъ другихъ за ту же плату.

«Изъ многихъ показаній, данныхъ въ мэри и нѣкоторымъ офицерамъ національной гвардіи» констатированъ тотъ фактъ, что «честнымъ людямъ также нерѣдко предлагалось двѣнадцать франковъ, для того, чтобы присоединить свои крики къ крикамъ остальныхъ, и что часто деньги эти прямо всовывались имъ въ руки». Деньги же для этого черпаются изъ кассы герцога орлеанскаго, и черпаются изрядно: послѣ его смерти, вмѣсто 114 миліоновъ бывшаго у него состоянія, у него оказалось 74 миліона долга; принадлежа къ партіи, онъ беретъ на себя часть расходовъ, и будучи самымъ первымъ богачемъ Франціи платить соразмѣрно своему богатству. Онъ не представлялъ изъ себя дѣйствительнаго вождя, для этого его характеръ былъ слишкомъ мягокъ, онъ былъ слишкомъ изнѣженъ; но «его маленькій совѣтъ», и въ особенности его тайный секретарь Лябло имѣли большіе планы относительно его. Они замышляли сдѣлать его намѣстникомъ (lieutenant-general) королевства, а впоследствии регентомъ или даже королемъ, чтобы царствовать его именемъ и «дѣлить между собою выгоды». А пока они довольствовались тѣмъ, что эксплуатировали его слабохарактерность, въ особенности же Лябло, человѣкъ съ самыми макиавелистическими тенденціями, негнушавшійся ничѣмъ, съ умомъ глубокимъ, но крайне извращеннымъ, любившій невозможно чудовищныя комбинаціи: никто съ такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ не слѣдилъ за тѣми невыразимыми амальгамами, которыя образуетъ человѣческое озлобленіе въ связи съ развратомъ; онъ равно, какъ въ политикѣ, такъ и въ романѣ, избралъ себѣ спеціальность «опасныхъ связей». Бывало онъ, какъ любитель, зналъ толкъ въ женщинахъ и въ бандитахъ высшаго общества; теперь же онъ, какъ практикъ, умѣлъ вести дѣло съ женщинами и бандитами улицы. Ясно видѣнъ былъ его гений и его искусство при выборѣ проститутокъ и негодлеѣвъ, которые предводительствовали толпою женщинъ, отправившихся въ Версаль; а также очевидно его участіе «въ дѣлѣ Ревельона, при сожженіи заставъ и замковъ», и возбужденіи всеобщей паники, поднявшей всю

Францію противъ воображаемыхъ злодѣевъ. «Всѣ подобныя операціи, — говоритъ Малуэ, — оплачивались герцогомъ орлеанскимъ; онъ способствовалъ этому» ради своихъ личныхъ расчетовъ, а якобинцы ради своихъ. Союзъ ихъ, наконецъ, становится дѣломъ извѣстнымъ: 21 ноября 1790 года, Лякло назначаютъ секретаремъ общества, завѣдывающимъ корреспонденціей, официальнымъ директоромъ журнала, директоромъ тайнымъ, дѣйствительнымъ и постояннымъ всѣхъ предпріятій. Честолюбцы и демагоги, купленные агенты и революціонеры по убѣжденію, каждая изъ этихъ двухъ группъ работаетъ для себя, но обѣ работаютъ сообща, идя по одной дорогѣ, къ одной цѣли — завоеванію власти, каковы бы ни были способы ея достиженія.

V.

Съ перваго взгляда успѣхъ ихъ кажется сомнительнымъ, такъ какъ они представляютъ лишь меньшинство, къ тому же еще очень ограниченное. Въ ноябрѣ, напримѣръ, 1792 года въ Безансонѣ, на все количество революціонеровъ всевозможныхъ оттѣнковъ и степеней, жирондистовъ и монтаньяровъ, на болѣе нежели три тысячи избирателей, насчитываютъ ихъ только пять или шестьсотъ, и въ ноябрѣ 1792 года на шесть или семь тысячъ избирателей то же число. Въ Парижѣ, въ ноябрѣ 1791 года на болѣе нежели восемьдесятъ одну тысячу, внесенныхъ въ списки избирателей, ихъ всего шесть тысячъ семьсотъ; а въ октябрѣ 1792 года на сто шестьдесятъ тысячъ, внесенныхъ въ списки, ихъ менѣе четырнадцать тысячъ. Въ Труа, въ 1792 году, на семь тысячъ избирателей, а въ Страсбургѣ на восемь тысячъ, насчитываютъ лишь отъ четырехъ до пятисотъ. Вообще ихъ приходится не болѣе одной десятой части на все избирательное народонаселеніе, въ тому же, если еще отчислить жирондистовъ и полу-умѣренныхъ, то число ихъ сводится всего на половину. Въ концѣ 1792 года, въ Безансонѣ, на двадцать пять или тридцать тысячъ жителей, приходится всего триста истыхъ якобинцевъ, а въ Парижѣ, на семьсотъ тысячъ жителей — всего пять тысячъ; во всякомъ случаѣ, даже въ столицѣ, гдѣ они горячѣе и многочисленнѣе, нежели гдѣ-либо, включая туда всѣ критическіе моменты, когда они нанимаютъ бродягъ и набираютъ бандитовъ, число ихъ ни разу не превышаетъ десяти тысячъ. Въ большомъ городѣ, подобномъ Тулузѣ, посланный туда представитель народа насчитываетъ лишь четыреста человѣкъ сторонни-

ковъ. Допустимъ, что ихъ наберется до пятидесяти въ каждомъ маленькомъ городѣ, пятнадцать или двадцать въ каждомъ большомъ пригородѣ и пять или шесть въ каждой деревнѣ: круглымъ числомъ на каждыя пятнадцать избирателей и національныхъ гвардейцевъ приходится всего одинъ якобинецъ, и всѣ они вмѣстѣ по всей Франціи не составляютъ и ста тысячъ. Числа этого едва-ли достаточно для того, чтобы поработить отъ шести до семи миліоновъ людей компетентныхъ, способныхъ, и чтобы распространить на страну, населенную двадцатью шестью миліонами, болѣе неограниченный деспотизмъ, нежели практикующійся азіатскими монархами. Но сила не въ численности: они образуютъ банду въ многочисленной толпѣ, и банда эта, въ нестройной, бездѣйственной массѣ, ни передъ чѣмъ ни останавливающаяся, смѣло прокладываетъ себѣ дорогу и проникаетъ въ нее подобно острому куску желѣза, вбиваемому въ рыхлый щебень, штукатурку.

Это происходитъ потому, что всякая нація находитъ защиту лишь въ своемъ собственномъ правленіи, какъ противъ побѣдъ извнѣ, такъ противъ узурпаторства внутри себя. Правительство есть необходимѣйшее орудіе для дѣла общественнаго; когда его нѣтъ, или когда оно неблагоустроено, большинство, занятое чѣмъ-либо другимъ, въ тому-же всегда вялое и нерѣшительное, перестаетъ образовывать живой организмъ и распадается въ прахъ. Изъ двухъ родовъ правленія, могущихъ группировать вокругъ себя націю, одинъ съ 14 іюля 1789 года лежалъ поверженный на землю и окончательно разлагался, а снова появившійся призракъ его, былъ ужаснѣе его самого, такъ какъ онъ тащилъ за собою не только старую свиту бессмысленныхъ злоупотребленій и непосильныхъ налоговъ, но еще цѣлую шумную ораву воздаяній и отпщеній. Уже съ 1790 года онъ появляется на границѣ, ополчившійся на страну, болѣе самовластный, нежели когда-либо; предводительствуя готовящимся вторженіемъ алчныхъ чужеземцевъ и разъяренныхъ эмигрантовъ. Другой образъ правленія, едва лишь установленный учредительнымъ собраніемъ, былъ такъ плохо составленъ, что не могъ быть пригнѣненъ большинствомъ; онъ недостаточно приспособленъ, ему все не по рукѣ, не по силѣ, и никогда еще не производилось доселѣ политическаго механизма, столь тяжелаго и въ то же время столь безсильнаго. Только для того, чтобы приподнять его, требуется огромное усиліе, а именно приблизительно два дня въ недѣлю работы для каждаго гражданина. Поднято съ такимъ усиліемъ, да и то лишь на половину, оно плохо выполняетъ всѣ надобности, на кото-

рня его употребляютъ, какъ, напимѣръ, сборъ податей, увеличенное спокойствіе, продовольствованіе, покровительство свободы совѣсти, жизни и собственности. Онъ разрушается вслѣдствіе своего же движенія, а движеніе это образуетъ новый родъ правленія, незаконный, но дѣйствительный, замѣняющій и, наконецъ, вытѣсняющій первый. Въ большомъ централизованномъ государствѣ, ставшіе во главѣ руководятъ всѣмъ организмомъ; находясь постоянно въ подчиненіи, французы совершенно освоились съ нимъ; провинціалы невольно устремляли взоръ на столицу, а въ критическіе дни переворотовъ, они заранѣе спѣшили къ проѣзжей дорогѣ, чтобы поскорѣе узнать отъ курьера, какой родъ правленія выпалъ имъ на долю. Это центральное правленіе, въ какія бы руки оно ни перешло, принимается и признается большинствомъ, такъ какъ: во первыхъ, большая часть отдѣльныхъ группъ, желавшихъ бы свергнуть его, не смѣютъ затѣвать борьбы, и для этого новая власть кажется имъ слишкомъ сильною; вслѣдствіе укоренѣлой рутины, они воображаютъ, что за нею грядетъ вся великая, отдаленная Франція, которая, направленная этою властью, задавитъ ихъ всею своею тяжестью. Во вторыхъ, если какія-либо отдѣльныя группы и предпримутъ свергнуть се, онѣ не смогутъ поддержать борьбы, такъ какъ она окажется слишкомъ сильною для нихъ. И дѣйствительно, они еще не организованы; она же организована съ перваго дня, благодаря послушному и непрекословящему персоналу, завѣщанному ей падшимъ правительствомъ. Монархія или республика, чиновникъ все равно обязанъ каждое утро приходиться въ свою канцелярію для приведенія въ исполненіе возложенныхъ на него приказаній. Монархія или республика, а жандармъ каждое послѣ-обѣда совершаетъ свой обходъ, чтобы арестовать всѣхъ подлежащихъ аресту. Лишь бы приказаніе исходило свыше и путемъ іерархическимъ, оно будетъ исполняться, и по всему протяженію территоріи этотъ сложный механизмъ съ своею сотнею тысячъ колесъ работаетъ исправно, управляемый рукою, захватившею центральную рукоятку. Для приведенія въ движеніе этой рукоятки требуется лишь рѣшительность, сила и суровость, а каждый явобинецъ несомнѣнно обладаетъ этими тремя качествами.

Онъ исполненъ вѣры, а при помощи вѣры можно «сдвигать горы». Возьмите одного изъ обыкновенныхъ, невыступающихъ новобранцевъ партіи, напимѣръ, прескурора, второразряднаго адвоката, лавочника, ремесленника, и составьте себѣ по возможности ясное представленіе о странномъ дѣйствіи, какое должна

произвести эта доктрина на мозгъ, столь мало подготовленный, столь ограниченный, столь несоразмѣрный гигантской идеѣ, его охватывающей. Ему доступны были лишь рутинна, да узкія воззрѣнія его званія или ремесла; и вдругъ имъ овладѣваетъ философія полнѣйшая, теорія природы и человѣка, теорія общества и религіи, теорія всеобщей исторіи; овладѣваютъ заключенія относительно прошлаго, настоящаго и будущаго человѣчества, аксіомы абсолютнаго права, системы справедливости совершенной и окончательной, и все это слитое въ нѣсколько краткихъ суровыхъ формулъ, какъ, напримѣръ: «религія не болѣе какъ суевѣріе; монархія—узурпаторство; всѣ священники—обманщики; всѣ аристократы—вампиры; всѣ короли—тираны и чудовища». Такія мысли, влитыя въ такой умъ, подобно огромному потоку, прокладывающему себѣ дорогу въ узкомъ руслѣ, производятъ въ немъ страшный переворотъ, такъ какъ не онъ ими руководитъ, а онѣ сами увлекаютъ его. Человѣкъ видѣтъ себя. Изъ простаго буржуа или обыкновеннаго работника, не вырабатывается безнаказанно апостолъ и освободитель человѣчества, а онъ вѣдь готовится спасти все человѣчество, не только одну свою родину. Роланъ «со слезами на глазахъ» говорил за нѣсколько дней до 10 августа: «Если свобода умретъ во Франціи, то она уже навсегда потеряна для остальнаго человѣчества; всѣ надежды философовъ будутъ обмануты, и самый тяжелый деспотизмъ придавитъ гнетомъ своимъ всю землю». Грегуаръ, на первомъ засѣданіи конвента, проведя декретъ о низложеніи королевской власти, почти обезумѣлъ отъ одной мысли о неизмѣримомъ благодѣяніи, какимъ онъ награждалъ человѣчество. «Сознаюсь,—говоритъ онъ,—что избытокъ радости лишилъ меня въ продолженіи нѣсколькихъ дней сна и аппетита».—«Мы всѣ, весь народъ нашъ превратится въ боговъ!» восклицалъ однажды съ трибуны одинъ явобинецъ. Подобныя мечты могутъ довести до сумасшествія или, по крайней мѣрѣ до болѣзни. «Нѣкоторые подверглись горячешнымъ припадкамъ, продолжавшимся сутки,—говорилъ одинъ изъ товарищей Сэнъ-Жюста;—у меня же онъ продолжался болѣе двѣнадцати лѣтъ¹⁾».

¹⁾ Гильонъ де-Монлеонъ, I, 445. Изъ рѣчи Шалье въ центральномъ лионскомъ клубѣ, 23 марта 1793 года. «Говорятъ, что санкюлоты собираются пролить свою кровь; такъ говорить могутъ лишь аристократы. Развѣ возможно ранить санкюлота? Вѣдь онъ неуязвимъ, какъ сами боги, которыхъ онъ замѣнилъ на землѣ». Изъ рѣчи Давида въ конвентѣ по поводу Барра и Виаля: «при такомъ чудномъ образѣ правленія, женщина рождаетъ безбожною». Мерсье, Новый

Впослѣдствіи, «становясь старше и желая подвергнуть эту горячку анализу, многіе ее больше не понимали, удивлялись ей». Другой рассказываетъ, что у него во время кризиса, странство, отдѣлявшее разумъ отъ безумія, равнялось одному волоску». «Когда Сэнъ-Жюсть и я—говорить Бодо—жгли виссенбургскія батареи, то насъ за это превозносили, а между тѣмъ въ поступкѣ нашемъ не было и тѣни заслуги; мы хорошо знали, что ядра не коснутся насъ». Человѣкъ, въ этомъ крайнемъ состояніи, не знаетъ больше препятствій, и, судя по обстоятельствамъ, то возвышается надъ самимъ собою, то падаетъ ниже своего обыденнаго я, расточаетъ свою кровь и кровь другихъ, становясь героемъ въ жизни военной, ужаснымъ въ жизни гражданской; но ни въ той, ни въ другой онъ не встрѣтитъ сопротивленія, такъ какъ опьяненіе во сто кратъ увеличило его силу, и прохожіе поспѣшатъ заранѣе отстраниться отъ изступленнаго, выпущеннаго на свободу, какъ отъ разъяреннаго быка.

Если они не отстранятся, то будутъ опрокинуты, такъ какъ, помимо своей ярости, онъ не знаетъ никакихъ стѣсненій. Въ каждой политической борьбѣ встрѣчаются поступки недозволенные, или по крайней мѣрѣ такіе, которые большинство, если оно хоть нѣсколько честно и разумно, себѣ воспрещаетъ. Оно воздерживается отъ насилуванія закона, такъ какъ насилуваніе одного, влечетъ за собою насилуваніе остальныхъ. Ему претитъ даже мысль о сверженіи установленнаго правительства, въ виду того, что всякое междуцарствіе есть уже возвращеніе къ дикому состоянію. Ему противно одно предположеніе о народномъ возстаніи, такъ какъ это есть отступленіе отъ общественной власти въ пользу неразумія животныхъ страстей. Оно не желаетъ обратить правительство въ механизмъ, приспособленный лишь къ конфискаціямъ и убійствамъ, такъ какъ естественнымъ образомъ ожидаетъ отъ него, наоборотъ, охраны жизни и собственности. Вотъ почему относительно якобинца, позволяющаго себѣ все это, оно подобно безоружному, борящемуся съ вооруженнымъ ¹⁾.

Парижъ, I, 13: «Я слышалъ, какъ одинъ ораторъ воскликнулъ съ трибуны, и я могу это подтвердить:—Да, я захвачу свою голову за волосы, отрублю ее, и, предлагая ее деспоту, я скажу ему: тиранъ, взирай на поступокъ свободного человека!»

¹⁾ Лафайетъ, Мемуары, I, 467 (О якобинцахъ, по поводу 10 августа 1792 года): «Секта это, уничтоженія которой желали девятнадцать двадцатыхъ Франціи...» Дюрвай-Мальянъ, 49. Послѣ 20 июня 1792 года всеобщая ненависть къ якобинцамъ. «Всѣ общины Франціи, сильно возбужденныя противъ народныхъ обществъ, хотѣли бы отъ нихъ избавиться, чтобы не имѣть больше надобности подчиняться имъ».

Якобинцы презираютъ законъ уже по принципу, такъ какъ для нихъ единственный законъ заключается въ народномъ произволѣ. Они, не стѣсняясь, идутъ наперекоръ правительству, такъ какъ оно въ ихъ глазахъ лишь чиновникъ, котораго народъ во всякое время имѣетъ право выгнать. Всякое возстаніе имъ на руку, такъ какъ этимъ способомъ народъ достигаетъ своего неотъемлемаго владычества. Они не отвергають и диктатуры, такъ какъ посредствомъ ея народъ получаетъ свою неограниченную власть. Къ тому же они, подобно казуистамъ, допускають, что цѣль оправдываетъ средства ¹⁾. «Пусть лучше погибнуть колоніи, нежели какой-либо принципъ!» говорилъ одинъ изъ нихъ конституціонному собранію. «Если я когда-либо убѣжусь въ томъ, — пишетъ Сэнъ-Жюсть, — что невозможно приучить французовъ къ правамъ мягкимъ, энергическимъ, чувствительнымъ, непреклоннымъ, когда дѣло идетъ о тираніи и о несправедливости, то я заколю себя». А пока онъ гильотинировалъ другихъ. «Лучше обратимъ мы всю Францію въ одно обширное кладбище, — говорилъ Каррье, — нежели отважемся отъ мысли пересоздать ее по своему». Имъ ничего не стоитъ погубить все судно, лишь-бы добраться до руля. Уже съ самаго начала напустили они на общество уличные бунты и сельскія жакеріи, проституткозъ и разбойниковъ, гадовъ и дикихъ звѣрей. Во все продолженіе борьбы они эксплуатируютъ страсти самыя пагубныя и самыя грубыя: ослѣпленіе, легковѣріе и ярость толпы, дошедшей до изступленія, вслѣдствіе голода, опасенія бандитовъ, заговоровъ и угрозъ вторженія. Достигнувъ наконецъ власти при помощи разгрома, они ее удерживаютъ за собой посредствомъ террора и казней. Своеволие, доходящее до послѣднихъ предѣловъ возможности и ничѣмъ необуздываемое, непоколебимая вѣра въ свое право и полнѣйшее презрѣніе къ чужому, энергія фанатика и способъ дѣйствія злодѣя, — вотъ средства, достаточныя для меньшинства, чтобы поборотъ большинство. Это настолько вѣрно, что даже въ самой партіи побѣда всегда останется за менѣе численною группою, если вѣра и неразборчивость въ выборѣ средствъ будетъ на ея

¹⁾ Слова Леклера, депутата діонскаго комитета, къ парижскимъ якобинцамъ, 12 мая 1793 г.: «Слѣдуетъ возбудить въ народѣ макиавелизмъ; слѣдуетъ смести съ лица Франціи все, что есть въ ней нечистаго... Меня, конечно, назовутъ разбойникомъ, но вѣдь есть способъ поставить себя выше клеветы, а именно, уничтоживъ всѣхъ клеветниковъ».

сторонѣ ¹⁾. Политическіе игроки четыре раза между 1789 и 1794 годами садились къ игорному столу, гдѣ разыгрывалась верховная власть, и большинство изъ нихъ—безпристрастные, фельянтинцы, жирондисты, дантонисты, проигрывали партію, и проигрывали потому, что четыре раза сряду придерживались условій обыкновенной игры, по крайней мѣрѣ не рѣшались преступить одно изъ общепринятыхъ правилъ, боялись уклониться отъ предписаній жизненной опытности, отъ буквы закона, отъ чувствъ человѣческихъ, отъ состраданія и участія. Меньшинство же, наоборотъ, рѣшило во всякомъ случаѣ выиграть партію; по его мнѣнію, это было его неотъемлемое право, и если правила ему препятствовали, то тѣмъ хуже для этихъ правилъ. Въ рѣшительную минуту оно приставляло пистолетъ ко лбу своего противника, и, опроверживая столъ, захватывало выигрышъ.

¹⁾ Изъ сборника достовѣрныхъ актовъ касательно исторіи революціи въ Страсбургѣ, II, 210. Речь Бодо къ обществу страсбургскихъ якобинцевъ, 19 фримера, годъ 11: «Мы выключаемъ изъ числа сыновъ нашихъ всѣхъ эгоистовъ, всѣхъ безпечныхъ, враговъ свободы, враговъ всей природы вообще. Вѣдь всѣ они противятся благу общему, или по крайней мѣрѣ не способствуютъ ему. Истребимъ же ихъ всѣхъ до одного... будь ихъ хоть миліонъ; вѣдь каждый изъ насъ пожертвуетъ двадцать четвертою частью самого себя, чтобы спасти все тѣло отъ зараженія гангреной». «Изъ этого заключается, что ораторъ совѣтуетъ умертвить всѣхъ, кто вознодитъ преданъ республикѣ. Онъ думаетъ, что она обязана немедленно и безъ малѣйшаго колебанія уничтожить на всей своей территоріи сторонниковъ королей и феодализма».—Болье, очеркъ, V, 200: «Д'Антонель думалъ, какъ впрочемъ большинство республиканскихъ клубовъ, что для водворенія республики, слѣдовало установить приблизительное равенство имуществъ и въ виду этого уничтожить треть всего населенія». «Это общая идея всѣхъ «анатиковъ революціи».—Ля Ревельеръ-Лепо, Мемуары, I, 150: «Жанъ-Бонъ-Сентъ-Андрѣ утверждалъ, что для прочнаго водворенія республики во Франціи, слѣдуетъ сократить населеніе болѣе нежели на половину». Прерванный негодующимъ Ля Ревельеромъ-Лепо, онъ упорно настаиваетъ на своихъ словахъ. Гюэруа, депутатъ Па-де-Кале, предлагалъ въ своемъ журналѣ еще обширѣйшую ампутацію: онъ совѣтовалъ довести Францію до пятимиліоннаго населенія».

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„КАРТИНЫ МИНУВШАГО“

СТИХОТВОРЕНІЯ И ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ

А. А. НАВРОЦКАГО (Н. А. ВРОЦКАГО).

СОДЕРЖАНІЕ.

Вмѣсто предисловія.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Изъ волжскихъ преданій: 1) Коромыслова башня.—2) Князья могила.—3) Утесъ Стеньки Разина.—Новгородъ.—Псковъ.—Архимандритъ Порфирій.—Иванъ Грозный подъ Псковомъ.—Иванъ разбойникъ.—Печальникъ Русской земли.—Бояринъ.—Патріархъ Никонъ.—Бояринъ Кикинъ.—Патріархъ Гермогенъ.—Смерть Петра Великаго.—Двѣ жертвы.—Картина грядущаго.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

Стенька Разинъ.—Царевна Софья.—Послѣдняя Русь.—Боарское правленіе.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Памяти Царя-Освободителя.—Примѣчаніе.

Цѣна два руб., съ пересылкою два р. 50 к.

Складъ изданія въ главной конторѣ журнала «Русская Рѣчь» С.-Петербургъ, Средняя Подъяческая, 1.

ЗЕМСКОЕ ДѢЛО.

СУЩЕСТВЕННЫЕ НЕДОСТАТКИ НАШЕГО САМОУПРАВЛЕНІЯ, УКАЗАННЫЕ САМИМЪ
ЗЕМСТВОМЪ.

I.

Накопившійся за 1881 годъ матеріалъ даетъ намъ возможность исполнить наше обѣщаніе передъ читателемъ и представить ему выдержки изъ наиболѣе выдающихся мнѣній земствъ различныхъ губерній, вызванныхъ правительствомъ къ отвѣту на извѣстный циркуляръ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ отъ 22 декабря 1880 года за № 9. Этотъ циркуляръ, написанный по поводу сознанныхъ правительствомъ недостатковъ положенія 27 іюня 1874 года, вызвалъ среди большинства нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ органовъ самоуправленія весьма оживленную работу, въ которой, прямо или косвенно, но всѣ мыслящіе провинціальныя жители приняли посильное участіе. Было бы, безъ сомнѣнія, весьма полезно для разрѣшенія указаннаго правительствомъ вопроса, если-бы въ разработкѣ на него отвѣтовъ само крестьянство приняло болѣе близкое участіе, чѣмъ то, которое оно на самомъ дѣлѣ проявило исключительно чрезъ своихъ гласныхъ, засѣдающихъ въ земскихъ собраніяхъ. Теперь же почти всѣ заключенія, выраженныя земскими дѣятелями различныхъ губерній, составлены людьми, принадлежащими къ привилегированнымъ сословіямъ, которые, впрочемъ, въ современной Россіи вездѣ, исключая городовъ, стоятъ довольно близко къ крестьянству, переставшему мало-по-малу въ боль-

Кн. I.—Январь, 1882. 1

шей части нашего отечества видѣть въ господахъ одно лишь начальство. Указанная близость, составляющая непонятную загадку для людей, не знающихъ русскаго народа, выразилась въ значительной части отвѣтовъ, составленныхъ привилегированными по своему положенію людьми, засѣдающими въ земствѣ и спрошенными правительствомъ о нуждахъ крестьянскихъ обществъ.

Извѣстная часть кабинетнаго и чиновничьяго Петербурга, если судить по нѣкоторымъ органамъ нашей столичной печати, думала, что, увлекшись примѣрами западной Европы, представители русскаго земства, спрошенные правительствомъ о причинахъ неурядицы и бѣдности провинціи, отвѣтятъ примѣрно такъ: «Всѣ невзгоды нашего отечества происходятъ оттого, что мы, русская интеллигенція, не пользуемся правами политически свободныхъ людей, на европейскій, разумѣется, ладъ. Мы, интеллигенція, составляемъ соль земли; мы должны получить тѣ же права, какими пользуется буржуазія во всѣхъ образованныхъ странахъ міра; въ наши руки необходимо передать мѣстное самоуправленіе, также какъ и государственныя дѣла, и тогда все пойдетъ хорошо, потому уже, что мы представители науки, образованія и скопленныхъ богатствъ». Вопреки такимъ ожиданіямъ, русскіе земскіе люди отвѣтили совсѣмъ не такъ, какъ имъ подсказывали многіе всесторонне образованные господа. Земство наше нашло возможнымъ и даже необходимымъ сказать свое собственное слово, но не повторять тѣхъ фразъ, которыя можно цѣликомъ позаимствовать изъ любой исторіи западно-европейскихъ государствъ или изъ передовыхъ статей нашихъ, такъ называемыхъ, либеральныхъ газетъ. Русское земство, на вопросъ правительства относительно самой существенной стороны русской общественной жизни, громаднымъ большинствомъ своихъ представителей отвѣтило, что, основываясь на опытѣ и чувствѣ справедливости, оно находитъ необходимымъ сравнять совершенно людей всѣхъ сословій, какъ въ ихъ дѣятельности по мѣстному самоуправленію, такъ и въ ихъ подчиненности царю, въ которомъ всѣ истинно русскіе видятъ залогъ силы, состоящей въ единеніи, безъ котораго не можетъ быть ни вѣрности государства, ни процвѣтанія нашей родины. Такимъ образомъ, и на этотъ разъ самобытная Россія представила собою оригинальное явленіе, доказывающее, по нашему глубокому убѣжденію, ея могучія жизненныя силы и ея способность жить своимъ умомъ и чувствовать по своему. Русскіе образованные люди вмѣсто того, чтобы, пользуясь удобнымъ на то случаемъ, просить высшее правительство объ увеличеніи ихъ политическихъ правъ, т. е. о подчиненіи имъ народа, а въ нѣкоторой степени и верховной власти, ходатайствуютъ, помощію земскихъ собраній, которыми они руководятъ, чтобы ихъ

сравнивали въ правахъ съ безправнымъ отчасти передъ ними же и предъ многими начальниками русскимъ крестьянствомъ.

Это явленіе, вызванное, главнымъ образомъ, нашимъ дворянствомъ, частію же духовенствомъ и иными привилегированными сословіями, доказываетъ безспорно, что наши образованные дѣятели на общественной службѣ весьма близко стоятъ къ массѣ крестьянскаго населенія. Только убѣдившись въ существованіи въ народѣ исконныхъ понятій о правдѣ и справедливости, образованные люди могутъ смирить свой духъ настолько, чтобы просить царя сравнивать ихъ, благородныхъ людей, въ политическомъ и социальномъ отношеніяхъ съ крестьянами, бывшими ихъ же крѣпостными двадцать лѣтъ тому назадъ. Гдѣ же послѣ этого у насъ аристократическія, демократическія, буржуазныя и всякія иныя партіи, на которыя нѣкоторые смѣлые русскіе публицисты дѣлаютъ грамотныхъ представителей нашего народа. Такихъ партій у насъ нѣтъ среди людей, живущихъ практическою жизнью; онѣ, въ видѣ комичнаго исключенія, силятся существовать среди оторванной отъ почвы части городскихъ жителей, возсѣдающихъ въ гостинныхъ и кабинетахъ. Изъ отвѣтовъ, составленныхъ значительнымъ большинствомъ земствъ, выходитъ, что привилегированныя сословія довѣряютъ крестьянству, съ которымъ онѣ, не смотря на опасенія многихъ кабинетныхъ, такъ называемыхъ, либераловъ и консерваторовъ, вовсе не боятся слиться въ безсословной волости. Весь же русскій народъ довѣряетъ царю, у котораго просить лишь возможности указывать ему на свои нужды и выяснять дѣйствительное положеніе вещей. Доказательство нашихъ словъ читатель найдетъ въ постановленіяхъ земскихъ собраній, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и приступимъ.

II.

Общее направленіе, господствующее въ русскомъ земствѣ, распадается на множество оттѣнковъ, когда дѣло касается пракческаго примѣненія основной мысли передовыхъ общественныхъ дѣятелей различныхъ губерній и уѣздовъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что приведеніе въ исполненіе самыхъ благихъ предначертаній весьма важно, а потому для лицъ, слѣдящихъ за движеніемъ русской мысли, проявляющейся въ рѣшеніяхъ органовъ нашего самоуправленія, представляется необходимымъ познакомиться съ главными подробностями трудовъ различныхъ земствъ, указавшихъ, по волѣ правительства, на существенные недостатки этихъ земствъ, также какъ и на средства ихъ устраненія на будущее время. Среди рѣшительныхъ сторонниковъ безсословной волости, по введеніи которой начнется новая эпоха въ даль-

нѣйшемъ развитіи самопознанія русскаго народа, находятся, между прочими, владимірское и тверское губернскія земства. Мы остановимъ вниманіе читателя на постановленіяхъ названныхъ органовъ нашего самоуправленія потому, что въ этихъ постановленіяхъ, въ сжатой формѣ, выражены съ большею ясностью ожиданія и надежды нынѣшнихъ представителей общественной мысли отъ недалекаго, предусматриваемаго ими будущаго.

27 августа, на третьемъ экстренномъ владимірскомъ губернскомъ земскомъ собраніи въ 1881 году, разсматривался проектъ комисіи объ измѣненіи учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, въ связи съ переустройствомъ уѣзднаго и губернскаго управленія вообще ¹⁾. Губернское собраніе, выслушавъ докладъ комисіи, пришло къ слѣдующему заключенію объ измѣненіи положенія 27 іюня 1874 года:

1) Ходатайствовать о производствѣ обязательнаго выкупа надѣловъ остающимися временно-обязанными крестьянами и о такомъ же выкупѣ надѣловъ бывшими государственными крестьянами, съ погашеніемъ, въ опредѣленный по банковымъ правиламъ срокъ, оброчной подати. 2) Существующую крестьянскую волость преобразовать во все-сословную, земскую, причемъ она встанетъ въ такое же отношеніе къ уѣздному земству, въ какомъ уѣздное земство стоитъ къ губернскому, и въ такомъ случаѣ специальныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ оставить только, для окончанія поземельныхъ крестьянскихъ дѣлъ и обязательнаго выкупа, въ составѣ нынѣшняго губернскаго присутствія и его агентовъ по уѣздамъ... 9) Мѣры взыскапія недоимокъ предоставить уѣзднымъ присутствіямъ, равно какъ и наложеніе дисциплинарныхъ взысканій на сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ... на полицію возложить лишь исполненіе мѣръ, опредѣленныхъ уѣзднымъ присутствіемъ, не предоставляя исправнику наложеніе дисциплинарныхъ взысканій (Уѣздное присутствіе, по мнѣнію губернскаго земства, должно существовать лишь до окончанія выкупныхъ сдѣловъ между помѣщиками и крестьянами). 10) Приемъ сборовъ отъ сельскихъ старостъ и сборщиковъ и внесеніе ихъ въ казначейство возложить на волостныхъ старшинъ, снабдивъ ихъ отъ уѣзднаго присутствія шнуrowою книгою квитанцій съ талонами... 11) Допустить апелляціонныя жалобы на волостные суды къ мировымъ судьямъ, которые имѣютъ разбирать эти жалобы по обычному праву, съ участіемъ не менѣе чѣмъ двоихъ, изъ числа волостныхъ судей изъ участка. Касаціонныя жалобы на эту вторую инстанцію подлежатъ разрѣшенію въ сѣздѣ мировыхъ судей.

¹⁾ Постановленіе владимірскаго губернскаго земскаго собранія 27 августа 1881 года.

Мы не касаемся здѣсь всѣхъ подробностей, относящихся къ измѣненію, временно необходимыхъ, особыхъ губернскихъ и крестьянскихъ сословныхъ административныхъ учреждений; думаемъ, что и приведенныхъ данныхъ изъ постановленій владимірскаго губернскаго земства достаточно для того, чтобы судить о тѣхъ практическихъ приемахъ, съ которыми мѣстные общественные дѣятели рассчитываютъ произвести требуемыя временемъ дополненія и измѣненія въ органахъ мѣстнаго самоуправления. Суть дѣла въ томъ, что наше земство, въ томъ видѣ, въ которомъ оно существуетъ въ настоящее время, является учрежденіемъ, не имѣющимъ прямой, непосредственной связи съ крестьянскимъ самоуправленіемъ, и стоитъ совершенно особнякомъ отъ городского хозяйственнаго и административнаго управленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ земство не имѣетъ никакого опредѣленнаго мѣста въ ряду административныхъ и государственныхъ учреждений имперіи. Выходитъ, что земство стоитъ особнякомъ; оно не имѣетъ никакихъ юридическихъ правъ опираться на народъ, входящій, однако, въ его составъ, и не можетъ въ то же время требовать для себя чего-либо не только отъ государственныхъ и административныхъ учреждений, но даже отъ низшихъ исполнителей полицейской власти. До сихъ поръ на практикѣ часто случалось, что если земство начинало упорно отстаивать свои вполне законныя права, то чуждая ей административная власть употребляла всѣ свои старанія съ цѣлю исходатайствованія постановленія, циркуляра или разъясненія, суживающаго предѣлы дѣятельности органовъ мѣстнаго самоуправления. Земство поэтому до сихъ поръ представляло собою на практикѣ, такъ сказать, начальный опытъ народнаго самоуправления, недоведеннаго до конца и потому прозябавшаго какъ растеніе безъ прочныхъ корней и безъ образовавшейся вершины. Поэтому до сихъ поръ земство никого не удовлетворяло, и менѣе всего оно было понятно нашему небогатому крестьянину, платящему новыя повинности на содержаніе управъ и разныхъ обязательныхъ расходовъ, въ пользѣ и органической необходимости которыхъ онъ до сихъ поръ не убѣжденъ. Въ томъ же весьма еще недавно были убѣждены и нѣкоторые изъ образованныхъ общественныхъ дѣятелей, говорившихъ, что они не дѣлаютъ настоящаго дѣла, но только ведутъ пререканія съ разными властями, да отыскиваютъ свое мѣсто, путь къ которому затуманенъ множествомъ разъясненій и циркуляровъ, изученіе которыхъ уже само по себѣ составляетъ изрядный трудъ. Не легко было поэтому опредѣлить вѣвѣнную физиономію земскихъ дѣятелей. По сознанію крестьянъ и многихъ гласныхъ изъ другихъ сословій, члены и предсѣдатели управъ, также какъ и мировые судьи, были просто чиновниками, получавшими жалованье отъ народа и отписывавшимися отъ настоящихъ дѣлъ всякими отношеніями. Многіе

же администраторы, какъ настоящіе чиновники, не могли признать въ земскихъ дѣятеляхъ подобныхъ себѣ бюрократовъ и видѣли въ нихъ иногда опасныхъ демагоговъ, иногда же бесполезныхъ членовъ общества, тревожащихъ начальство неумѣстными ходатайствами. Разумѣется, въ настоящее время высшая администрація смотритъ на земскихъ людей, какъ на народныхъ представителей; но, избѣнившись въ своемъ составѣ, она можетъ въ самомъ скоромъ времени снова узрѣть въ нихъ бесполезныхъ, а можетъ быть и вредныхъ людей. Земство до сихъ поръ не имѣетъ твердой почвы подъ ногами, поэтому оно и не представляетъ изъ себя опредѣленной силы, и его выборные дѣятели вовсе не могутъ быть разсматриваемы, какъ истинные представители народа. Но къ чести самихъ земцевъ, надо признать, что они смотрѣли на себя большею частію какъ на слугъ народа, и никогда не домогались для себя какихъ-либо особыхъ правъ и преимуществъ. Они доказали свою коренную родственную связь съ народомъ, вставъ на его сторону при первомъ представившемся къ тому случаѣ, какимъ былъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 22 декабря 1880 года. Теперь можно положительно сказать, что представители земства, т. е. входящій въ его составъ такъ называемый интеллигентный классъ, не домогаются сдѣлаться ни буржуазіею, ни чиновниками, но добивается лишь чести быть дѣйствительнымъ представителемъ всего русскаго народа, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Если предлагаемыя земствомъ безусловныя волости будутъ устроены, то представители органовъ нашего самоуправленія явятся дѣйствительными народными избранниками и представятъ собою безспорно нравственную силу, чего мы имъ сердечно желаемъ достигнуть.

Владимірское губернское земство, обсуждая устройство земской волости, характеризуетъ это учрежденіе, между прочимъ, такими признаками: «1) Волостной сходъ долженъ состоять подъ предсѣдательствомъ лица, избираемаго на каждый разъ сходомъ изъ своей среды, изъ волостнаго старшины, членовъ волостнаго правленія, волостныхъ судей, сельскихъ старостъ, выборныхъ по одному на каждые десять дворовъ отъ сельскихъ обществъ, всѣхъ частныхъ владѣльцевъ, не входящихъ въ составъ сельскихъ обществъ, изъ лицъ, имѣющихъ торговля и промыслыя свидѣтельства, изъ всѣхъ настоятелей церквей, церковныхъ старостъ, сельскихъ учителей, врачей, ветеринаровъ, наконецъ, уполномоченныхъ отъ приписныхъ къ волости, по одному на каждые десять жителей, избранныхъ ими изъ среды себя на особомъ сходѣ. Общія условія на право участія на волостномъ сходѣ: возрастъ 25 лѣтъ, ненахождение подъ слѣдствіемъ и судомъ по обвиненіямъ, влекущимъ за собою ограниченіе правъ состоянія, согласно ст. 17 положенія о земскихъ учрежденіяхъ, непопороченность по суду и годич-

ный срокъ владѣнія имуществомъ, а для не владѣющихъ имуществомъ — трехгодичный срокъ пребыванія въ волости. Личные землевладѣльцы могутъ присылать на сходъ своихъ повѣренныхъ. 2) Волостной бюджетъ подлежитъ разсмотрѣнiю, измѣненiю и утвержденiю уѣзднаго земскаго собранiя; при этомъ уѣздное собранiе разсматриваетъ волостную смѣту расходовъ только въ томъ отношенiи, не превысила ли расходы волости установленнаго высшаго разкѣра обложенiя имуществомъ, и въ разсмотрѣнiе раскладки входитъ только по жалобамъ и протестамъ членовъ волостнаго схода и заинтересованныхъ лицъ». Последнiй пунктъ имѣетъ весьма важный практическiй интересъ среди лицъ, относящихся недовѣрчиво къ безсословной волости; находится немало такихъ, которые въ принципѣ не имѣютъ противъ нея рѣшительно ничего, но опасаются, что, на практикѣ, большинство схода, состоящее изъ малоимущаго крестьянства, обложитъ личныхъ землевладѣльцевъ и купцовъ такими высокими повинностями, при которыхъ окажется невозможнымъ успѣшное веденiе сельскаго хозяйства и торговли. Это возраженiе противъ устройства безсословной волости, весьма вѣско и имѣетъ одинаково серьезное значенiе и предъ юристомъ, и предъ администраторомъ, и предъ всѣми вообще благомыслящими людьми, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ себѣ представить благоустроеннаго государства, въ которомъ сельскiй или волостной сходъ, постановленiемъ простаго большинства голосовъ, можетъ назначить съ частныхъ лицъ такiе налоги, которые вели бы ихъ къ разоренiю. Весьма понятно, что матеріальный интересъ болѣе зажиточныхъ людей, входящихъ въ составъ волости, долженъ быть соблюденъ, согласно съ принятыми въ обществѣ правилами справедливости. Надо помнить, что главная цѣль преобразованiя волости изъ крестьянскон въ безсословную состоитъ въ томъ, чтобы въ ея составъ входили образованные и состоятельные люди, отъ участiя которыхъ на сходахъ и въ правленiи естественно ожидать болѣе правильной постановки общественныхъ вопросовъ и лучшаго веденiя дѣлъ въ правленiи. Начать же реформу несправедливостью, т. е. допущенiемъ гнета большинства надъ меньшинствомъ, во всѣхъ отношенiяхъ неосновательно, да едва ли и возможно. Тѣмъ не менѣе опасенiе такого неприятнаго случая существуетъ и порождаетъ недоброжелателей практическому осуществленiю реформы, справедливость которой въ принципѣ оснаривается весьма лишь немногими. Владимiрское губернское земство, допуская право безсословной волости къ самообложенiю повинностями, вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ необходимымъ опредѣлить норму, выше которой известныя имущества облагаемы быть не могутъ, и если это гдѣ либо встрѣтится въ послѣдствiи на практикѣ, то волостную смѣту съ такимъ правонарушенiемъ уѣздное земское собранiе не утвердитъ и тѣмъ заставитъ

передѣлать оную вновь. Счастливый исходъ, найденный владимірскимъ губернскимъ земствомъ для выхода изъ указаннаго выше затрудненія, успокоитъ вполне всѣхъ колеблющихся и опасующихся за свое имущество собственниковъ, которые вполне довѣряютъ уѣздному земству, тѣмъ болѣе, что на него можно приносить жалобы и въ губернское земство, и въ сенатъ.

Перехода снова къ предначертаніямъ, составленнымъ владимірскимъ земствомъ, мы остановимъ вниманіе читателя еще на нѣкоторыхъ, наиболѣе выдающихся пунктахъ, опредѣляющихъ значеніе будущей безусловной волости и ея связь съ мѣстнымъ самоуправленіемъ вообще. По заключенію губернскаго земства, волостной судъ, избираемый изъ крестьянъ-общинниковъ, долженъ быть удержанъ для разбора исковыхъ дѣлъ, истекающихъ изъ общиннаго пользованія землею и семейныхъ раздѣловъ, съ апелляціею къ мировому судѣ, который подобныя дѣла рѣшаетъ окончательно, совмѣстно съ двумя волостными судьями, приглашаемыми по очереди изъ другихъ волостей его участка. Всѣ же дѣла по проступкамъ должны подлежать разбору мирового судьи. Развивая далѣе свою мысль, земское владимірское собраніе дошло до убѣжденія, что вмѣстѣ съ преобразованіемъ нынѣшней волости во безусловную земскую мелкую единицу, необходимо сдѣлать нѣкоторыя добавленія, какъ къ земскимъ учрежденіямъ, такъ и къ уѣздному и губернскимъ управленіямъ. Собраніе находитъ, что, для простоты и единства управленія, слѣдуетъ ввести городское самоуправленіе въ общую систему земскихъ учрежденій, съ прибавленіемъ въ городскую думу гласныхъ отъ частей города, для того, чтобы каждая городская мѣстность имѣла въ думѣ своихъ представителей. Столицы и другіе подобныя имъ большіе города должны встать наравнѣ съ уѣздными земствами въ непосредственномъ отношеніи къ губернскому земству. Государственные и земскіе налоги полезно соединить въ одинъ, съ распредѣленіемъ ихъ между государственною казною и земствомъ въ опредѣленной пропорціи, въ которой будетъ разсчитываться и дѣйствительное поступленіе сборовъ. Общій земско-государственный налогъ съ недвижимыхъ имуществъ долженъ быть опредѣленъ законодательнымъ путемъ, процентомъ съ ихъ доходности, выше котораго не можетъ быть сдѣлано обложеніе безъ измѣненія самаго закона. Что касается до существующихъ нынѣ уѣздныхъ и губернскихъ коллегіальныхъ административныхъ правительственныхъ мѣстъ, то всѣ онѣ, по проекту владимірскаго земства, подлежатъ упраздненію, причѣмъ въ уѣздахъ и губерніяхъ останутся личные спеціальныя правительственные агенты разныхъ вѣдомствъ. Земскую же службу по выборамъ не обусловливать предварительнымъ избраніемъ

въ гласные, причѣмъ для нѣкоторыхъ земскихъ должностей полезно было бы установить, хотя невысокій, цензъ образованія, на примѣръ, обязательство кончить курсъ, по крайней мѣрѣ, въ уѣздномъ училищѣ. Все уѣздное управленіе сосредоточить въ уѣздной земской управѣ, состоящей подъ предсѣдательствомъ избираемаго уѣзднымъ земскимъ собраніемъ уѣзднаго земскаго головы, изъ членовъ, избираемыхъ тѣмъ же собраніемъ, съ участіемъ въ немъ всѣхъ специальныхъ правительственныхъ агентовъ, каждаго по его специальному дѣлу. Уѣздное земское собраніе состоитъ подъ предсѣдательствомъ лица, на каждую сесію избираемаго самимъ собраніемъ изъ его среды.

По нашему убѣжденію, весьма серьезнаго вниманія правительства заслуживаетъ также предложеніе владимірскаго земства учредить бдительный контроль надъ всѣми дѣйствіями уѣзднаго управленія. Такое уѣздное контрольное учрежденіе будетъ состоять подъ предсѣдательствомъ лица, избираемаго самимъ учрежденіемъ изъ его среды, изъ членовъ-ревизоровъ, избранныхъ уѣзднымъ собраніемъ, и правительственнаго уѣзднаго контролера. На это учрежденіе возложится обязанность ревизіи общаго государственно-земскаго казначейства и всѣхъ дѣйствій и отчетовъ управы для доклада уѣздному собранію. Все губернское управленіе придется тогда сосредоточить въ губернской земской управѣ, состоящей также изъ губернскаго земскаго головы, членовъ и правительственныхъ губернскихъ агентовъ, каждаго по своей специальности. Для ревизіи денежной отчетности и дѣятельности губернской управы предполагается установить губернское контрольное учрежденіе, которое будетъ состоять изъ предсѣдателя, избраннаго самимъ учрежденіемъ изъ его среды, изъ членовъ-ревизоровъ, избранныхъ губернскимъ собраніемъ, и правительственнаго губернскаго ревизора. Губернаторъ, какъ представитель государственной власти въ губерніи, есть непосредственный начальникъ государственной полиціи въ губерніи и блюститель исполненія законовъ и правильнаго хода всего самоуправленія въ губерніи. Его предложенія, основанныя на законѣ, подлежатъ исполненію. Его протесты на постановленія каждаго изъ земскихъ собраній разсматриваются мѣстнымъ собраніемъ, а на постановленія губернскаго собранія—этимъ послѣднимъ и окончательно разрѣшаются сенатомъ.

Таковъ въ главныхъ его чертахъ проектъ преобразованія мѣстнаго самоуправленія, составленный владимірскимъ губернскимъ земствомъ. Онъ весь основанъ на довѣрїи въ здравому смыслу и такту, которые ожидаются отъ мѣстнаго населенія, на что можно рассчитывать послѣ того, какъ вышеозначенными свойствами уже заявили себя земскія учрежденія, существующія втеченіи семнадцати лѣтъ. Нѣкоторые пункты проекта губернскаго земства совпадаютъ съ предложеніями,

дѣлавшимися и нами; между прочимъ, мы нѣсколько разъ имѣли случай повторять, что отношенія губернатора къ органамъ мѣстнаго самоуправления должны ограничиваться отношеніями прокурора къ судебнымъ дѣламъ и контролера, слѣдящаго за исполненіемъ закона. Мы имѣли случай указывать на нѣкоторыхъ губернаторовъ, которые и въ настоящее время стараются не выходить изъ той роли, которую русское земство указываетъ имъ въ будущемъ.

Мнѣніе тверскаго губернскаго земства и уѣзднаго новоторжскаго мы узнали изъ особой брошюры, полученной нами отъ тверской губернской управы ¹⁾. 15 марта 1881 года новоторжская земская управа представила уѣздному собранію перечень вопросовъ и предложеній объ измѣненіи положенія 27 іюня 1874 года, причемъ выразила мнѣніе, что гласные не ограничатся вѣроятно однимъ краткимъ отвѣтомъ на заданные правительствомъ вопросы, но воспользуются предложеніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ и выскажутъ свои соображенія и о другихъ мѣрахъ, ведущихъ къ лучшему устройству крестьянскихъ учреждений. Имѣя это въ виду, уѣздная управа, въ качествѣ матеріала, доложила собранію подробную записку по этимъ вопросамъ, внесенную новоторжскими губернскими гласными въ тверское губернское земское собраніе въ декабрь 1880 года, и заключеніе собранія по поводу обсужденія въ ономъ этой записки. Съ своей стороны, уѣздная управа выразила полное свое сочувствіе тому направленію, въ которомъ вопросъ, касающійся положенія крестьянскаго населенія, разработанъ въ названной запискѣ. Въ концѣ своего доклада новоторжская управа говоритъ, что весь интересъ при рѣшеніи этого вопроса заключается не въ томъ, чтобы сдѣлано было какое-либо общее постановленіе, которое выразило бы собою только взглядъ большинства, но чтобы вопросъ о положеніи крестьянскаго населенія былъ разсмотрѣнъ возможно разносторонне. Дѣло это не мѣстное и подлежитъ разсмотрѣнію болѣе чѣмъ трехсотъ собраній. Наиболѣе правильнымъ отношеніемъ къ дѣлу уѣздная управа признаетъ выраженіе земствомъ правительству лишь общаго мнѣнія о томъ направленіи, въ которомъ должны быть произведены необходимыя реформы въ крестьянскомъ дѣлѣ.

Содержаніе записки нѣкоторыхъ губернскихъ гласныхъ ²⁾, мнѣнія

¹⁾ «Докладъ новоторжской земской управы экстраординарному земскому собранію», 1881 годъ.

²⁾ Гласные: Т. П. Швейковскій, П. и А. Бакунины, В. Ляндъ, М. Петрунѣвичъ, Ф. Родичевъ, В. Цылевъ.

которыхъ были такъ сочувственно приняты тверскимъ губернскимъ и нсворожскимъ уѣзднымъ земскими собраніями, во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ того, чтобы съ нею въ общихъ чертахъ познакомился читатель. Составители записки начинаютъ съ того, что двадцать лѣтъ, протекшія со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, прошли не даромъ. Теперь многія части знаменитаго положенія 19 февраля 1861 года не могутъ уже удовлетворять современнымъ жизненнымъ требованіямъ. Притомъ нужно помнить, что во время изданія положенія 19 февраля прежде всего имѣлось въ виду совершить самый актъ освобожденія крестьянъ, щадя по возможности всѣ многообразныя и часто совершенно противоположныя интересы помѣщиковъ и крестьянъ. Поэтому очень многія изъ статей, вошедшихъ въ положеніе, имѣютъ значеніе временныхъ, переходныхъ законоположеній, клонящихся къ тому, чтобы примирить по возможности обѣ стороны. Въ настоящее же время стало существенно необходимымъ опредѣлить точнымъ образомъ юридическое положеніе крестьянъ, какъ въ отношеніи къ другимъ сословіямъ, такъ и къ государству вообще. Съ одной стороны, крестьяне не пользуются всѣми правами, предоставленными другимъ сословіямъ государства, съ другой—особенности его исторически сложившагося быта часто не признаются закономъ. Всякому, знакомому съ крестьянскою жизнью, извѣстно, что половина гражданскихъ законовъ, изложенныхъ въ X т. свода законовъ, вовсе непримѣнима къ условіямъ народнаго быта. Между тѣмъ законъ, дѣлающій исключеніе для малороссійскихъ губерній, для окраинъ и инородцевъ, въ виду особенности ихъ быта, совершенно не признаетъ существованія такихъ особенностей въ коренномъ русскомъ населеніи. Вглядываясь далѣе въ отношеніе крестьянъ ко всѣмъ начальствующимъ лицамъ и учрежденіямъ, составители записки усматриваютъ, что эти отношенія отличаются крайнею неопредѣленностью. По всякому его дѣлу, крестьянину приходится сходить въ два или три мѣста понапрасну, пока онъ, наконецъ, не попадетъ въ настоящее. Да и вообще нѣтъ того officialнаго лица или учрежденія, которое, тѣмъ или инымъ путемъ, не считало бы себя въ правѣ вмѣшиваться въ жизнь крестьянина и не признавало бы себя его начальствомъ. Такое ненормальное положеніе большинства населенія, естественно, отражается на всемъ строѣ русской жизни и становится причиною неустойчивости всѣхъ общественныхъ отношеній, а это ведетъ въ затмѣнію въ общественномъ сознаніи самаго понятія равноправности и законности, результатомъ чего является беззаконіе и произволь. Измѣненіе такого положенія составляетъ потребность не только того или другаго сословія, но

всего русскаго общества, а потому земство обязано высказать предъ правительствомъ всю ненормальность существующаго положенія и ходатайствовать объ его измѣненіи законодательнымъ путемъ. Земство должно откровенно высказать правительству тѣ общія требованія, которыя вызываются самою жизнью.

Эти требованія въ общей формѣ состоятъ въ томъ, что крестьянинъ, какъ человѣкъ и гражданинъ, долженъ пользоваться одинаковыми правами со всѣми другими подданными царя, и въ томъ, что тотъ же крестьянинъ, по отношенію къ общинѣ (тамъ, гдѣ она уцѣлѣла), можетъ руководствоваться обычаями, установленными втеченіи тысячелѣтнаго существованія русскаго народа. Во всѣхъ дѣлахъ, не касающихся сельской общины, крестьянину слѣдуетъ считаться равноправнымъ членомъ общества и подлежать вѣдѣнію всеобщихъ или, вѣрнѣе, безусловныхъ административныхъ и общественныхъ учреждений.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ и не вдаваясь въ подробности, касающіяся практическаго осуществленія предлагаемой реформы, тверскіе губернскіе гласные, составители записки, находятъ нужнымъ ходатайствовать предъ правительствомъ: 1) О скорѣйшей отмѣнѣ подушной подати и замѣнѣ ея налогомъ, падающимъ на каждаго русскаго гражданина соотвѣтственно его силамъ и способностямъ. 2) Ходатайствовать о замѣнѣ настоящей административно-фискальной крестьянской волости безусловною волостью, которая представляла бы собою низшую земскую единицу, по образцу той, какую изображаетъ изъ себя городъ съ новымъ городскимъ управленіемъ. Волость, будучи самостоятельною, подобно городу, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ, войдетъ въ то же время, какъ подчиненная единица, въ единицу высшаго порядка—уѣздное земство. Уничтоженіе нынѣшней фискально-полицейской волости ни въ какомъ отношеніи не нарушаетъ естественныхъ основъ крестьянскаго быта, какъ выразились составители записки. Напротивъ, установленіе безусловной единицы болѣе мелкой, чѣмъ уѣздъ, и имѣющей земскій хозяйственный характеръ, было бы въ высшей степени полезно, такъ какъ уѣздъ великъ и интересы различныхъ мѣстностей, входящихъ въ его составъ, не одинаковы. Гласные земства не находятся теперь въ такой непосредственной близости къ мѣстному населенію и его нуждамъ, въ какой будутъ къ нему стоять представители земской волости, которые естественнымъ образомъ будутъ интересоваться мелкими повидимому, но въ сущности весьма важными потребностями извѣстнаго лишь околodka. Теперешнія волости имѣютъ не хозяйственный, но чисто административный характеръ, а потому онѣ не удовлетворяютъ своему назначенію. Участіе въ волости нныхъ сословій, кромѣ крестья-

янскаго, можетъ быть только благотворно; оно внесетъ въ ея сходъ элементъ образованности, а въ сужденія этихъ сходо^в—многосторонность. 3) Ходатайствовать, чтобы съ представителей, какъ крестьянской, общины, такъ и всесословной волости, были сняты всякія фискальныя полицейскія обязанности, и освобожденіе старшинъ и сельскихъ старостъ отъ непосредственнаго подчиненія полицейскимъ властямъ въ той же мѣрѣ, какъ не подчинены имъ городской голова и члены городской управы. 4) Слѣдуетъ также ходатайствовать о принятіи мѣръ къ скорѣйшему прекращенію ничѣмъ неоправдываемой розни, существующей между крестьянами различныхъ наименованій. 5) Ходатайствовать, чтобы административная инстанція, завѣдывающая специальными общинными крестьянскими дѣлами, имѣла въ числѣ своихъ членовъ крестьянъ, избранныхъ волостными сходами. 6) Взамѣнъ существующихъ нынѣ волостныхъ судовъ, ходатайствовать объ устройствѣ особыхъ мірскихъ судовъ и приходскихъ судовъ, составленныхъ изъ выборныхъ крестьянъ и вѣдающихъ дѣла о раздѣлахъ семей, споры по передѣлѣ земель, о вознагражденіи за переносы усадебъ и проч.

По нашему убѣжденію, пятый и шестой пункты предполагаемыхъ составителями записки ходатайствъ едва ли удобны къ осуществленію. Въ настоящее время для специальныхъ крестьянскихъ дѣлъ существуютъ сельскіе сходы и волостные суды; мѣнять ихъ названія, не измѣняя почти состава входящихъ въ эти учрежденія лицъ, поведетъ только къ безполезной ломкѣ уже существующаго порядка, къ которому населеніе привыкло. Въ данномъ случаѣ справедливость требуетъ признать основательность мнѣнія большинства земствъ, находящихся, что гораздо удобнѣе исправить недостатки существующихъ порядковъ, чѣмъ заводить новыя реформы, не имѣющія за собою опыта. Земскіе люди въ значительномъ своемъ составѣ предлагаютъ поэтому оставить сельскій исходъ въ томъ видѣ, въ которомъ онъ теперь существуетъ и въ какомъ онъ находится въ продолженіи цѣлаго тысячилѣтія. Что-же касается до волостнаго суда, то его предлагаютъ преобразовать, въ виду злоупотребленій въ немъ укоренившихся. Такое преобразование состоитъ въ томъ, что волостной судъ будетъ составленъ изъ предсѣдателя—почетнаго мирового судьи, или иного, избраннаго изъ образованныхъ людей, и затѣмъ изъ нѣсколькихъ членовъ, выбранныхъ сходомъ, но изъ числа крестьянъ.

Составители записки высказываютъ, между прочимъ, соображеніе о томъ, что нѣкоторые люди боятся, какъ-бы въ безусловныхъ волостяхъ не обнаружилось слишкомъ большаго вліянія помѣщиковъ и какъ-бы это вліяніе не отразилось дурнымъ образомъ на крестьянскомъ само-

управленіи. И теперь, однако, богатый и вліятельный помѣщикъ можетъ всегда косвеннымъ путемъ дѣйствовать на рѣшеніе волостнаго суда, а иногда и всего схода, что дѣлается или чрезъ крестьянъ, находящихся у него въ экономической зависимости, или чрезъ предводителя дворянства, исправника и, наконецъ, непремѣннаго члена. Вліяніе, проявляемое помѣщиками законнымъ образомъ въ безсословной волости и въ качествѣ равноправныхъ членовъ схода, будетъ всегда лучше того, которое дѣйствуетъ окольнымъ путемъ. Притомъ образованные землевладѣльцы могли бы служить противовѣсомъ міроѣдамъ кулакамъ и кабатчикамъ, заправляющимъ иногда всѣми дѣлами нынѣшнихъ волостныхъ сходовъ, что, разумѣется, опаснѣе всякаго иного вліянія. Къ этому мы можемъ добавить уже и прежде высказанное нами соображеніе о томъ, что если и всѣ помѣщики данной мѣстности окажутся кулаками, то и тогда волость только выиграетъ, потому что между этими кулаками возникнетъ конкуренція, которая непременно освободитъ волость отъ эскалупаціи волостнаго писаря и безграмотныхъ старшинъ, творящихъ по незнанію такъ много зла. Здѣсь кстати сказать, что число такъ называемыхъ образованныхъ людей, опасющихся излишняго вліянія помѣщиковъ, т. е. личныхъ землевладѣльцевъ, на волостные сходы весьма незначительно. Судя же потому, что пишется въ нашихъ газетахъ и журналахъ, выходитъ, что большая часть передоваго нашего общества боится, напротивъ, того, чтобы крестьянская масса не подавила совершенно ничтожнаго числа просвѣщенныхъ людей, попавшихъ въ безсословную волость, какъ въ мрачную пучину. Представители такого мнѣнія опасаются, что русскій крестьянинъ, по глупости своей и по невѣжеству, не пойметъ ни одного дѣльнаго совѣта, который ему дадутъ люди, умѣющіе бѣгло читать книги и хорошо писать по русски. Мы рѣшительно не понимаемъ, на чемъ основана такая боязнь, не имѣющая никакого практическаго основанія. До сихъ поръ, т. е. до поднатія вопроса о безсословной волости, наша интеллигенція всегда восхваляла здравый народный смыслъ; теперь же многіе рѣшаются клеветать на мужика, объявляя его глупцомъ. Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ Россія, дѣльный и удобо-исполнимый совѣтъ всегда былъ принимаемъ русскимъ народомъ. Между прочимъ, объ умѣ нашего мужика можно судить по весьма крупному примѣру. Во все время существованія у насъ крѣпостнаго права мужикъ училъ своихъ господъ внести удобное и выгодное въ то время хозяйство по трехпольной системѣ; теперь, когда времена измѣнились, тотъ же мужикъ, на ряду съ немногими истинно просвѣщенными хозяевами, вводитъ травосѣяніе вездѣ, гдѣ это можно, и притомъ разводитъ такіа кормовыя травы,

которыя до него не были извѣстны за границу¹⁾. Вообще, горсть людей, считающихъ себя образованною и рѣшающаяся утверждать, что 80-ти миллионное населеніе Россіи несостоятельно въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, представляетъ комичное явленіе, доказывающее, что многіе умники на словахъ не рѣшаются взять на себя самое обыкновенное практическое дѣло, боясь, что своимъ неузнѣемъ они насмѣшатъ общество и сами себя сконфузятъ. Трудно въ самомъ дѣлѣ объяснить себѣ упорство нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ людей войти въ безусловную власть равноправными членами со всѣми добрыми людьми, если этими добрыми людьми до сихъ поръ вращаются волостные писаря и кабатчики. Да чего же можетъ стоить вся наша образованность, если, вооруженные ею, мы должны спасовать предъ невѣжею—писаремъ, невѣжею—кабатчикомъ и невѣжею—народомъ? Если мы не можемъ выдержать конкуренцію съ волостнымъ писаремъ, то должны сознаться или въ нашей собственной несостоятельности, или (чего впрочемъ не имѣемъ права сдѣлать) въ несостоятельности образованія вообще. Требования современной общественной жизни, справедливость и исповѣдуемая нами религія побуждаютъ лучшихъ людей встать рядомъ со всѣми остальными и признать себя равноправными съ каждымъ изъ русскихъ подданныхъ. Всѣ мы въ принципѣ сознаемъ такую необходимость, но боимся встрѣтиться лицомъ къ лицу съ практикою, какъ трусы, которые не ходятъ въ лѣсъ, страшась набрести на волка. Если безусловныя власти, предлагаемыя большинствомъ земскихъ людей, не хороши для осуществленія принципа гражданской равноправности, то пусть протестующіе противъ такихъ властей укажутъ на другое учрежденіе, помощью котораго было бы удобно достигнуть той же цѣли. Если же нѣкоторая часть такъ называемой интеллигенціи просто по безсознательному чувству боится русскаго народа, то пусть она это прямо такъ и заявитъ, и тогда нашему правительству и самому народу придется не брать ее въ расчетъ при дальнѣйшихъ реформахъ, которыя имѣются въ виду. Когда нѣкоторая часть общества боится людей и живаго дѣла, то можно безъ убытка для государства оставить такую часть общества въ сторонѣ и отъ людей, и отъ дѣла. Благодаря Бога, значительная часть образованныхъ земскихъ дѣятелей не принадлежитъ къ числу людей, сторонящихся отъ мужика, но искренно желаетъ встать съ нимъ рядомъ для того, чтобы оказывать ему посильную ихъ разуму помощь. Нѣкоторые противники всесословной,

¹⁾ Многіе факты такого рода указаны въ книгѣ А. Совѣтова «О разведеніи кормовыхъ травъ». С.-Петербургъ, 1879.

или безословной волости называютъ ея приверженцевъ идеалистами, задавшимися непрактичными стремленіями. Мы, напротивъ того, находимъ, что если для крестьянъ будетъ полезно такое сближеніе съ образованнымъ классомъ, при которомъ обѣ стороны имѣли бы общіе интересы, то еще болѣе пользы такое сближеніе окажетъ, значительному большинству такъ называемой интеллигенціи. Желая такого сближенія, обѣ стороны дѣйствуютъ не на основаніи отвлеченной идеи, но по необходимости, одинаково ими сознаваемой. Если особенно крупные землевладѣльцы могутъ въ настоящее время обойтись безъ изученія нравовъ и обычаевъ окружающаго ихъ сельскаго населенія и игнорировать потребности онаго, то этого ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи сдѣлать собственники средней руки и мелкопомѣстные, состоящіе изъ разночинцевъ, мѣщанъ, зажиточныхъ крестьянъ, дворянъ и лицъ иныхъ сословій, къ числу которыхъ принадлежитъ большинство частныхъ владѣльцевъ. Эти люди не могутъ вести своихъ дѣлъ успѣшнымъ образомъ, если они не знаютъ нравовъ и обычаевъ сосѣднихъ съ ними деревень и не знаютъ свойства крестьянъ, какъ отдѣльныхъ личностей. Не зная всего этого, частные собственники останутся безъ рабочихъ и будутъ постоянно обманываемы недобросовѣстными людьми. Для собственниковъ малой и средней руки, да и для многихъ крупныхъ владѣльцевъ, нравственно тяжело видѣть безобразія, совершаемыя нѣкоторыми волостными писарями, торгующими народнымъ трудомъ, пользуясь, съ одной стороны бѣдностью и невѣжествомъ крестьянъ, съ другой же получая мзду съ какого нибудь кулака, или кабатчика. Да, такой порядокъ вещей крайне невыгоденъ и привелигированнымъ землевладѣльцамъ, отъ которыхъ мірофды отбиваютъ рабочія руки и заблаговременно закабаляютъ ихъ, при помощи волостнаго правленія. Безпорядокъ въ волостномъ правленіи и соединенная съ нимъ эксплуатация народнаго труда особенно вредно отзываются на хозяйствахъ многихъ собственниковъ средней руки, не вступающихъ въ пріятельскія отношенія съ писаремъ, старшиною и кабатчикомъ. Кулаки, ворячающе дѣлами въ волостяхъ, только подшучиваютъ надъ барининомъ, указывающимъ имъ на дѣлаемыя народу притѣсненія. Бесиліе такихъ хозяевъ привилигированнаго сословія сознается массою населенія, удивляющагося въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тому, отчего это господамъ запрещено избираться, напримѣръ, въ старшины и не быть чужими людьми окружающему ихъ населенію. Польза, которую желали и могли бы принести образованные землевладѣльцы, засѣдая въ волости, несомнѣнна уже потому, что они имѣютъ болѣе правильное понятіе о порядкѣ и во всякомъ случаѣ смотрятъ на свои интересы не такъ узко, какъ кулаки и писаря, — полновластные хозяева въ значительномъ большинствѣ нашихъ нынѣшнихъ волостей. Конечно, весь-

ма богатые люди, имѣющіе большія фабрики, обширные винные заводы и проч. доходныя статьи, могутъ пока еще мало интересоваться волостью, потому что деньги даютъ имъ особое значеніе и равноправность имъ даже невыгодна; вся же остальная часть образованныхъ людей, живущихъ въ предѣлахъ волости, непосредственно заинтересована въ томъ, чтобы въ ней были водворены порядокъ и справедливость, за отсутствіемъ которыхъ они часто несутъ матеріальный ущербъ и терпятъ иногда нравственное униженіе. Въ будущемъ-же положеніе изолированной въ сельской жизни интеллигенціи сдѣлается еще хуже. Тутъ ужь очень далеко до идеализаціи, если разжирѣвшій кулакъ садится вамъ, образованному человѣку, на голову и вы не можете съ нимъ бороться самымъ дѣйствительнымъ средствомъ, выручающимъ всегда правдивыхъ людей—общественнымъ мнѣніемъ хотя-бы тѣхъ-же самыхъ крестьянъ, почтившихъ барина или разночинца выборомъ въ старшины, для того, чтобы поприжать свой хвостъ корыстный міроѣдъ.

Послѣ необходимаго съ нашей стороны объясненія съ людьми, несочувствующими безословной волости, переходимъ снова къ запискѣ, составленной нѣкоторыми гласными Тверской губерніи и рассмотрѣнной губернскимъ собраніемъ, которое отнеслось весьма сочувственно къ выраженной въ ней основной мысли. Перебирая причины неудовлетворительнаго положенія крестьянства, тверское земство говоритъ, что «вся совокупность неблагоприятныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ живетъ русскій народъ, создала въ немъ убѣжденіе въ томъ, что онъ является предъ государствомъ только платежною силою, что его насущные интересы не обезпечены закономъ, а подчинены произволу. Это породило всеобщее почти стремленіе къ скорой и легкой наживѣ насчетъ ближняго и хищнической растратѣ природныхъ богатствъ, упадокъ общественной нравственности, выразившійся такъ рѣзко въ грозномъ развитіи міроѣдства и кулачества, заполонившихъ нашу торговлю и промышленность, вторгнувшихъ въ земледѣліе, поработившихъ крестьянскую волость и общину и заявившихъ свой голосъ въ уѣздныхъ земствахъ. Это состояніе есть тяжкая болѣзнь, разъѣдающая всѣ ткани государственнаго организма и грозящая въ будущемъ столь мрачными бѣдствіями, что на обязанности всякаго русскаго лежить, забывъ узкіе, частные интересы, приложить стараніе къ устраненію столь глубоко вкоренившагося зла»¹⁾. Изъ этихъ знаменательныхъ словъ тверскаго земства можно составить себѣ понятіе о томъ нравственномъ состояніи, въ которомъ находится значительное большинство образованныхъ людей, живущихъ въ деревняхъ. Этому большинству тяжело жить среди неурядицы и произвола, ихъ окружаю-

¹⁾ Тамъ же, стр. 51.

щихъ и грозящихъ современемъ поглотить и ихъ самихъ, если съ ихъ стороны не будетъ принято энергическихъ мѣръ для восстановленія порядка и справедливости. Понятное дѣло, что начать нужно съ начала, т. е. съ безусловной волости, которая одна можетъ поднять упавшій народный духъ и призвать населеніе къ лучшей жизни; та же безусловная волость можетъ устранить дурное вліяніе міроѣдовъ въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствахъ, не выбирая въ гласные кабатчиковъ и кулаковъ, владѣющихъ теперь, мѣстами, крестьянскою волостью, какъ своею вотчиною. Если же допустить въ Россіи полное отсутствіе людей, то тогда и отъ усилій образованнаго класса ничего хорошаго ожидать нельзя. Но допустить это не можетъ ни одинъ человѣкъ, не впавшій въ отчаяніе. Недостатокъ честныхъ дѣателей есть явленіе важащееся и парализирующее другимъ явленіемъ—отсутствіемъ живаго дѣла для многихъ образованныхъ лицъ, выѣзжающихъ изъ деревень и стремящихся въ столицу и города, въ которыхъ они тоже не находятъ себѣ положительнаго дѣла. Тверское губернское земство заключаетъ свое мнѣніе объ указанной выше запискѣ, поданной нѣкоторыми ея гласными, такими словами, «хотя земство и стоитъ близко къ народной жизни и имѣетъ въ своемъ составѣ элементы, могущіе на основаніи точнаго сознанія и личныхъ наблюденій, а не кабинетнаго изученія, вѣдать вопросы общенародной жизни, но такъ какъ мѣропріятія, необходимыя для устройства и упорядоченія этой жизни будутъ имѣть значеніе не для одной Тверской губерніи, а общегосударственное», то губернское собраніе не считаетъ удобнымъ входить въ обсужденія о тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ мѣропріятіяхъ. Оно находитъ только необходимымъ теперь же ходатайствовать предъ правительствомъ о томъ, чтобы положеніе 19 февраля и послѣдующія узаконенія, къ нему относящіяся, въ виду крайней въ томъ потребности, были рассмотрѣны и измѣнены, дополнивъ притомъ, что единственнымъ способомъ къ достиженію этой цѣли и успѣшному разрѣшенію вопроса представляется участіе въ обсужденіи и разрѣшеніи его представителей самихъ заинтересованныхъ лицъ и въ особенности крестьянъ, какъ огромнаго большинства населенія. Въ принципѣ нельзя не согласиться съ такимъ заключеніемъ губернскаго тверскаго земскаго собранія; но практическое разрѣшеніе вопроса о томъ, какимъ способомъ призвать къ предполагаемому участію въ обсужденіи дѣла крестьянъ—оставленъ открытымъ, между тѣмъ разрѣшить такой вопросъ можетъ въ настоящее время одно лишь земство. Если нынѣшнимъ сословнымъ крестьянскимъ волостямъ будетъ предоставлено выбрать свѣдущихъ людей, то не попадутся ли среди таковыхъ міроѣды, которые, будучи сыты, и теперь твердятъ часто, что для исправленія нынѣшняго положенія кре-

стьянъ ихъ надо съчь, потому что они пьянствуютъ и бездѣльничаютъ. Кулаки и кабатчики, какъ извѣстно, забываютъ, что они всѣми средствами стараются спавать народъ, съ которымъ можно заключить всякій невыгодный для него договоръ, если онъ пьянъ, или хотя изрядно выпивши. Такіе представители отъ крестьянъ ни для кого не желательны, и можетъ быть безусловная волость, ослабивъ гнетъ кулаковъ надъ сходомъ, съумѣла бы сдѣлать лучший выборъ свѣдущихъ людей изъ крестьянъ, если таковыя потребуются. Вопросъ этотъ тверское губернское земство оставило, къ сожалѣнію, открытымъ. Между тѣмъ легко себѣ представить въ какомъ неловкомъ положеніи будетъ находиться правительство, пригласившее, положимъ, свѣдущихъ людей изъ крестьянъ и ставшее лицомъ къ лицу съ жидоморами и кабатчиками, участіе которыхъ нежелательно въ земствѣ и еще болѣе нежелательно въ комисіи для обсужденія государственнаго вопроса первой важности. Да, безусловная волость, вмѣстѣ съ увеличеніемъ крестьянскаго землевладѣнія, представляются въ настоящее время, единственнымъ средствомъ для того, чтобы поднять экономическое и нравственное состояніе русскаго народа и обратить его изъ платежной единицы въ гражданина, имѣющаго обязанности, но и пользующаго правами и извѣстнымъ достаткомъ. Живя въ деревнѣ и веда на принадлежащей намъ землѣ небольшое хозяйство, мы были бы недобросовѣстны, еслибы не высказали здѣсь, что при устройствѣ безусловной волости, особенно въ первое время по ея учрежденіи, образованнымъ людямъ въ провинціи представится тяжелая задача, которая, весьма можетъ быть, многимъ изъ насъ придется и не по-силамъ. При вступленіи въ безусловную волость образованные люди будутъ встрѣчены недоброжелательствомъ со стороны ея нѣгшнихъ заправителей. Это недоброжелательство особенно сильно обрушится на тѣхъ интеллигентныхъ представителей, которые, почему бы то ни было, мало популярны въ мѣстахъ своего жительства. Ослабить вліяніе міроѣдовъ можно только введеніемъ въ волости порядка, основаннаго на законности и справедливости, отъ которыхъ народъ долженъ получить матеріальную выгоду, которая одна въ состояніи вырвать его изъ-подъ экономическаго гнета міроѣдовъ. А для достиженія такого результата требуется время, любовь къ дѣлу и энергія, не всегда встрѣчаемая среди русско-интеллигенціи, развивающейся, къ сожалѣнію, болѣе всего кабинетнымъ путемъ и книгою, но не жизнью. Но главная трудность будущихъ новыхъ членовъ безусловной волости представится въ томъ недовѣріи, съ которымъ крестьяне встрѣтятъ многихъ владѣльцевъ, не находящихся съ ними въ настоящее время въ близкихъ сношеніяхъ. Народъ станетъ чутко прислушиваться къ каждому ихъ слову и всякая, сказанная ими неидушая къ дѣлу мысль будетъ принята за

глупость, которыхъ словоохотливые люди наговорятъ многое множество и тѣмъ на долгое время лишатъ себя возможности быть полезными народу, который имъ не станетъ довѣрять. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что участие въ бессословной волости для многихъ лицъ привилегированнаго сословія составляетъ нравственную потребность. У этихъ людей есть и сила, и знаніе, которыя они страстно желаютъ пустить въ ходъ, но для многихъ другихъ равноправная волость представляется чѣмъ то страннымъ, или даже страшнымъ, и участие въ ней окажется подвигомъ. Конечно, земскіе люди и избравшее ихъ населеніе видятъ въ бессословной волости свою родную стихію, и на нихъ должны быть возложены всѣ надежды въ удачномъ примѣненіи въ дѣлу этой реформы, когда настанетъ ея чередъ. Отъ всѣхъ это новое дѣло потребуетъ много труда и безпокойства, но безъ тяжелаго труда ничего хорошаго не можетъ сдѣлать человѣкъ ¹⁾.

Изъ имѣющихся у насъ подъ руками отчетовъ объ экстренныхъ и очередныхъ губернскихъ собраніяхъ, обсуждавшихъ, по предложенію правительства, вопросъ о неудовлетворительности крестьянскаго самоуправленія, рязанское земство разработало его наиболее подробнымъ образомъ. Въ май 1881 года обсужденіе правительственнаго предложенія, изложеннаго въ извѣстномъ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, началось въ рязанскомъ экстренномъ губернскомъ земскомъ собраніи по выслупаніи гласными мнѣнія князя Волконскаго, извѣстнаго общественнаго дѣятеля ²⁾. Князь, въ поданной имъ запискѣ, началъ съ того, что послѣ упраздненія крѣпостнаго права, наше сельское населеніе оказалось раздѣленнымъ на двѣ, почти чуждыя другъ другу, въ смыслѣ государственнаго союза, группы: на крестьянъ, слитыхъ въ сельскія общества, владеющихъ землею на общинномъ правѣ и имѣющихъ свое особое самоуправленіе, и на личныхъ землевладѣльцевъ, разобщенныхъ и между собою, и въ особенности съ крестьянами. Приэтомъ всѣ рабочія физическія силы отошли въ одну сторону, а все что было болѣе развито, такъ называемая интеллигенція, — въ другую. Отсюда самымъ естественнымъ образомъ возникли

¹⁾ Считаемо и въ этомъ году необходимымъ повторить, что по вопросу о бессословной волости мы охотно дадимъ мѣсто и статьямъ съ противоположными воззрѣніями, если онѣ будутъ имѣть исключительно общественный интересъ, а не прикрывать эгоистическія личныя, или частныя пожеланія.

Примѣч. редакціи.

²⁾ «Журналы рязанскаго губернскаго земскаго собранія X чрезвычайнаго созыва, май 1881 г.». Мнѣніе гласнаго князя Волконскаго, стр. 122.

между обѣими группами тѣ общественныя отношенія, которыя, видимо, стремятся отодвинуть ихъ другъ отъ друга еще дальше, превратить сельскую общину въ казарму рабочихъ, а личное землевладѣнiе въ чисто коммерческое предпріятіе, имѣющее одну цѣль—барышгъ. Далѣе, составитель записки говорить, что при такихъ отношеніяхъ каждая изъ сторонъ старается поживиться на счетъ другой, и хищничество, и взаимное надувательство процвѣтають, а отъ этого обѣ стороны становятся все болѣе и болѣе несостоятельными въ экономическомъ отношеніи и ведутъ къ такой же несостоятельности и всю Россію. Необходимо положить предѣлъ такимъ отношеніямъ, которыя, добавимъ мы отъ себя, такъ обострили въ западной Европѣ социальныя вопросы. Князь Волконскій доказываетъ далѣе, что для достиженія практическихъ цѣлей, надо оставить въ сторонѣ различныя кабинетныя теоріи и считаться съ жизнью такъ, какъ она есть. Жизнь же требуетъ не мудрствованій лукавыхъ, а дѣла безотлагательнаго, труднаго дѣла, дѣла согласованія интересовъ общиннаго и личнаго землевладѣнiя, существующихъ у насъ уже *de facto*. Семнадцатилѣтняя дѣятельность земскихъ учреждений въ Рязанской губерніи даетъ достаточное количество практически добытыхъ данныхъ для оцѣнки того, что полезнаго сдѣлало мѣстное самоуправленіе. Эти семнадцать лѣтъ не прошли безплодно. Въ доказательство своихъ словъ почтенный составитель записки указываетъ, что земскія учреждения привели въ извѣстность всѣ предметы обложенія въ губерніи, отмѣнили обязательныя натуральныя повинности, замѣнивъ ихъ денежными, вызвали къ жизни начальныя народныя училища, устроили больницы въ городкахъ и селеніяхъ, организовали взаимное земское страхованіе строеній отъ огня и проч. Но исполнивъ многія весьма крупныя обязанности, земскія учреждения Рязанской губерніи до сего времени не удовлетворили другимъ, еще болѣе важнымъ народнымъ потребностямъ. Такъ, народное продовольствіе до сихъ поръ весьма мало обезпечено; нищенство распространяется все болѣе и болѣе съ каждымъ новымъ годомъ; не принято никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ, въ видахъ предупрежденія пожаровъ; дальнѣйшее развитіе сельской школы не упрощено; ничего не сдѣлано въ видахъ оздоровленія городовъ и селеній; тоже слѣдуетъ сказать и о свободно распространяющейся чумѣ на рогатомъ скотѣ. Главная причина того, что общественныя дѣятели не успѣли, при всемъ своемъ желаніи, оправдать возложенныя на нихъ надежды, заключается, по мнѣнію князя, въ томъ, что составители положенія о земскихъ учрежденияхъ видимо стояли не на практической почвѣ земскаго хозяйства, а руководствовались соображеніями иного свойства и больше всего обращали вниманіе на сослов

ныя перегородки, раздѣляющія русскій народъ на классы, не слившіеся, разумѣется, и понинѣ въ одно стройное и крѣпкое цѣлое. Поэтому гласные не являются представителями земли, ея пользы и нужды, но лишь представителями различныхъ интересовъ ея населенія, раздѣленнаго на группы, т. е. личныхъ землевладѣльцовъ, крестьянъ-общинниковъ и горожанъ. Земскими учрежденіями забыты всѣ нужды болѣе мелкихъ единицъ, чѣмъ уѣзды и губерніи. Необходимы мелкія земскія единицы, представляющія села, деревни и волости. Теперь эти единицы не только что разобщены между собою, но и съ существующими земскими учрежденіями имѣютъ одну только связь, истекающую изъ обязанности платить повинности, а затѣмъ ни онѣ къ земскимъ учрежденіямъ, ни земскія учрежденія къ нимъ не имѣютъ никакихъ отношеній. Нынѣ дѣйствующія центральныя земскія учрежденія не могутъ удовлетворять самымъ насущнымъ потребностямъ населенія, не опираясь въ своей дѣятельности на болѣе мелкія единицы. За недостаткомъ послѣднихъ и за неизмѣнимъ вслѣдствіе того живой, производительной работы, нынѣшнему уѣздному и губернскому земству легко впасть въ односторонность и витать въ области отвлеченныхъ вопросовъ, разрѣшающихся ходатайствами, или превратиться мало-по-малу въ канцелярію выборныхъ чиновниковъ, такъ же мало заинтересованныхъ всѣмъ, что находится внѣ предѣловъ ихъ формальныхъ обязанностей, какъ и чиновники всякихъ другихъ канцелярій. На вопросъ о томъ, какое мѣсто займутъ въ мелкихъ земскихъ единицахъ образованные люди, князь Волконскій отвѣчаетъ, что они займутъ именно то мѣсто, которое имъ давно бы уже слѣдовало занять,—мѣсто передовыхъ людей труда, мѣсто образованныхъ сельскихъ хозяевъ, мѣсто защитниковъ законныхъ правъ и интересовъ своихъ округовъ; что же касается до положенія, которое они займутъ въ составѣ учреждений, нужныхъ для завѣдыванія дѣлами округа, то это положеніе ихъ можетъ быть обставлено такъ, чтобы оно было столько же удобно, какъ и положеніе всякаго гласнаго въ нынѣ дѣйствующихъ земскихъ учрежденіяхъ.

Рязанское губернское земское собраніе избрало особую комисію для всесторонняго разсмотрѣнія нуждъ современнаго крестьянскаго самоуправления ¹⁾. Эта комисія подробно разсмотрѣла перечень мѣстныхъ и ходатайствъ, приложенныхъ къ циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ отъ 20 декабря 1880 года. Касательно непремѣнныхъ членовъ и способа ихъ избранія, комисія говоритъ, что выборъ таковыхъ въ уѣздѣ

¹⁾ Тамъ-же. «Докладъ комисіи по вопросу объ измѣненіяхъ въ крестьянскихъ учрежденіяхъ», стр. 132—191.

или губерніи не представляет большой разницы. Опасаются, что при выборахъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ гласные дѣйствуютъ подъ влияніемъ духа партіи; тоже въ одинаковой степени можетъ относиться и къ губернскому земству. По этому поводу рязанская комісія спрашиваетъ: «Гдѣ и когда, въ какомъ вѣкѣ и въ какой странѣ, какіе либо выборы обходятся безъ личныхъ цѣлей и безъ интригъ партіи? Развѣ только выборы въ такія должности, которыя не интересуютъ ни избирателей, ни избираемыхъ, а производятся въ видѣ обязательной повинности. Партія, сильная въ уѣздѣ, конечно выберетъ всѣхъ должностныхъ лицъ ей удобныхъ; несомнѣнно также, что непремѣнные члены имѣютъ влияние на гласныхъ изъ крестьянъ. Но развѣ допущены выборы въ какія либо должности, облеченныя властью, допущено и взаимодействие избирателей и избираемыхъ, зависимость однихъ отъ другихъ. Отчего же на эту зависимость не жалуются при выборахъ въ другія земскія должности: председателя и членовъ управы, мировыхъ судей и проч.?» При выборахъ непремѣнныхъ членовъ въ губернскомъ собраніи, послѣднее подается на гласныхъ отъ уѣздовъ, а эти гласные избираются тоже сильною въ данной мѣстности партіею. Въ жизни нашего земства всяко бываетъ: случается, что партія въ уѣздахъ сильна, чѣмъ въ губерніи, случается и наоборотъ. Такое разнообразіе замѣчается не только по мѣстностямъ, но и по времени. Когда и гдѣ выбирать непремѣнныхъ членовъ въ уѣздѣ и когда въ губерніи? Если обстановка земскихъ выборовъ признается удовлетворительною для всѣхъ должностей, кромѣ непремѣннаго члена, то есть сильное основаніе думать, что самое значеніе такого члена не имѣетъ большой важности, или требованія, къ нему предъявляемыя, не осуществимы. Предполагая даже, что выбранъ образцовый непремѣнный членъ, комісія задается вопросомъ о томъ, что онъ можетъ дѣлать? Онъ долженъ быть рабочею силою уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Благодаря введенному порядку, установившемуся втеченіи 20 лѣтъ въ высшихъ и низшихъ крестьянскихъ учрежденіяхъ, дѣла, удобно разрешаемыя втеченіи одного или двухъ засѣданій, тянутся десятки лѣтъ и не предвидится имъ конца, при желаніи какой либо инстанціи отсрочить рѣшеніе. Главная работа всѣхъ такихъ инстанцій не въ томъ, чтобы покончить дѣло, но въ томъ, чтобы отъ онаго отписаться. Горю тому непремѣнному члену, который, видя всю безплодность отписки и переписки, вздумалъ бы заняться болѣе полезнымъ дѣломъ, — добиться, гдѣ можно, немедленныхъ и хорошихъ результатовъ. Его ждутъ подтвержденія цѣлыми десятками и репутація ничего не дѣлающаго человѣка. При введенныхъ нынѣ порядкахъ ни одно дѣло, даже о растратахъ сельскихъ суммъ, не можетъ разрешиться быстро и успѣшно.

Перечисливъ множество случаевъ, въ которыхъ обазывается полная несостоятельность бюрократическихъ порядковъ въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, комисія приходитъ къ выводу, что никакой образцовый непремѣнный членъ, никакой дѣлопроизводитель, какъ бы усерденъ и добросовѣстенъ онъ ни былъ, какими бы правами государственной службы онъ ни пользовался и какой бы отвѣтственности ни подлежалъ за поступки, не будетъ въ состояніи измѣнить характера дѣлопроизводства крестьянскаго присутствія. Учрежденіе это, отдаленное отъ населенія и мѣста дѣйствія, такъ обставлено по закону, что можетъ имѣть дѣло только съ бумажными официальными сообщеніями. Переходя къ положенію нынѣшнихъ сословныхъ волостныхъ правленій, рязанская губернская комисія напоминаетъ, что примѣненіе всѣхъ дѣлъ высшихъ и низшихъ правительственныхъ учреждений, а также и земскихъ, обрушивается, въ концѣ концовъ, на волости и на подвѣдомственныхъ ей безграмотныхъ сельскихъ старостъ. Можно поэтому представить себѣ, какъ обширны должны быть научныя свѣдѣнія старшины, что онъ долженъ помнить и понимать, если его назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы проводить въ жизнь и примѣнять на дѣлѣ предначертанія всѣхъ существующихъ въ Россіи официальныхъ лицъ, мѣстъ и учреждений, правительственныхъ и общественныхъ. Не трудно понять несостоятельность административной волости, если вспомнить, что старшины наши неграмотны, а писаря умѣютъ лишь писать и читать, не имѣя, разумѣется, никакой научной подготовки.

Рязанская комисія, развивая далѣе свою мысль, констатируетъ фактъ, что въ нашихъ селахъ и волостяхъ царствуютъ два бича: неграмотность и платежная несостоятельность, или, что то же, невѣжество и бѣдность сельскихъ жителей. Неграмотность не позволяетъ крестьянамъ повѣрять дѣйствія избранныхъ ими лицъ, а бѣдность вынуждаетъ ихъ занимать деньги подъ невозможные проценты, доходящіе до 60 и до 100 въ годъ, и дѣлаться несостоятельными плательщиками своихъ долговъ и государственныхъ податей и повинностей. Винить за это крестьянина, имѣющаго здравый смыслъ и отличающагося удивительною выносливостью, нѣтъ никакого основанія. Если въ каждомъ уѣздѣ будетъ не одинъ, не два идеально хорошихъ непремѣнныхъ члена и если они найдутъ возможнымъ разбѣзжать по селамъ и деревнямъ непрерывно втеченіи цѣлаго года, то весь ихъ трудъ, водворить въ волостяхъ и селахъ требуемый закономъ порядокъ, пропадетъ почти что даромъ.

Въ сообщенномъ при извѣстномъ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ перечнѣ жалобъ, встрѣчается указаніе на недостатокъ надзора за сельскими должностными лицами и слабость взысканія съ нихъ. Комисія не знаетъ такого официального лица, или мѣста, которое не

имѣло бы своей доли въ надзорѣ за волостными правленіями и подвѣдомственными имъ лицами, начиная отъ первоприсутствующаго въ касационномъ департаментѣ правительствующаго сената до судебного пристава при съѣздѣ мировыхъ судей и отъ министра внутреннихъ дѣлъ до урядника вклучительно. Если дѣло идетъ неладно, то никакъ не по недостатку надзора, а скорѣе вслѣдствіе его обилія. Этотъ надзоръ, а также права полиціи сажать подъ арестъ старшинъ и старостъ отталкиваютъ отъ сельскихъ должностей всѣхъ порядочныхъ домохозяевъ.

Коренныя причины недостатковъ крестьянскаго самоуправленія — бѣдность и невежество, могутъ быть устранены не начальствомъ, но иными, коренными же жѣрами. Устройство школы въ каждомъ селѣ, а въ большихъ селахъ по двѣ, податная реформа, болѣе равномерно и справедливо распредѣляющая всѣ повинности, отмена косвенныхъ налоговъ, всю тяжесть падающихъ на потребителей (?), введеніе новыхъ отраслей производства и упорядоченіе существующихъ; привлеченіе капиталовъ къ земледѣлію не съ дѣлью спекуляціи на земли, но въ видѣ помощи земледѣльцу, и открытіе для него мелкаго кредита, а также увеличеніе общиннаго и мелкаго личнаго землевладѣнія, что предоставитъ землепашцамъ возможность приобретать новыя земли, — таковы коренныя жѣры, которыя, по убѣжденію рязанской комисіи, могутъ устранить существующіе коренныя же недостатки русской жизни, бѣдность и невежество. «Если, говорится далѣе въ ея докладѣ, принять во вниманіе, что неся на плечахъ своихъ всю тяготу земли русской, крестьянство успѣло уплатить миліоны рублей выкупной суммы и сохранило свое хозяйство почти въ томъ же видѣ какъ получило, мы должны признать за нимъ великую силу и право на самостоятельность. Не опекаль и учить самоуправленію слѣдуетъ крестьянство, но учиться у него терпѣнію и упорному труду при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ».

Поэтому возможное сокращеніе начальства явится истиннымъ благодѣяніемъ для народа, для котораго было бы также полезно имѣть въ своей средѣ нѣсколько хорошо грамотныхъ и образованныхъ людей, которые помогли бы ему вести счетоводство и практически, на дѣлѣ, разъясняли бы ему его права и обязанности. Это тѣмъ болѣе необходимо, что безъ мѣстныхъ малыхъ земскихъ центровъ, уѣздное и губернскаго земства не могутъ выполнить возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей. Отсюда рязанская комисія приходитъ къ заключенію что «должны быть организованы мелкія земскія единицы, или округа, которые, состоя изъ плательщиковъ всѣхъ сословій и избранныхъ ими представителей, имѣли бы, какъ

и земскія собранія, право самообложенія, вѣдали бы свои мѣстныя нужды и поставлены были бы въ такія же отношенія къ уѣздному земству, въ кавія уѣзды поставлены къ губернскому».

При такомъ видоизмѣненіи слѣдуетъ упразднить учрежденіе крестьянскихъ волостей и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Изъ чисто крестьянскихъ учреждений сохранить лишь сельскіе скоты и избранныхъ имъ должностныхъ людей, съ обязанностями, поименованными въ ст. 51 общаго положенія о крестьянахъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ тѣ соображенія и выводы, которые указанная комитія представила на обсужденіе рязанскаго губернскаго земскаго собранія въ маѣ 1881 года. Рязанское губернское собраніе большинствомъ голосовъ постановило, что въ настоящее время еще нѣтъ необходимости въ образованіи малой земской единицы. Такимъ образомъ рѣшеніе этого жизненнаго вопроса отложено еще на годъ, а можетъ быть и на болѣе долгій срокъ. Въ томъ же, что вопросъ этотъ имѣетъ жизненную силу и что въ самой Рязанской губерніи онъ будетъ подниматься по всей вѣроятности ежегодно, до тѣхъ поръ, пока не разрѣшится въ положительномъ смыслѣ, въ томъ легко убѣдиться, прочтя постановленія нѣкоторыхъ уѣздныхъ земскихъ собраній названной губерніи. Такъ, между прочимъ, сямское собраніе¹⁾ постановило, что «уѣздному земству, какъ отдаленному отъ ближайшихъ мѣстныхъ нуждъ, остается принимать лишь общія мѣры по уѣзду, избѣгать всякихъ отдѣльныхъ мѣръ для той, или другой мѣстности, и буде такіа мѣры вынуждаются необходимостью, въ исполненіи ихъ въ подробностяхъ на мѣстѣ полагаться все на тѣ же волостныя правленія. Такое положеніе въ высшей степени неблагоприятно для земства. Чтобы земство имѣло въ населеніи дѣйствительно какое нибудь значеніе, чтобы населеніе встрѣчало въ земствѣ поддержку въ стремленіи улучшить жизнь, надо, чтобы земство знало, что нужно для каковой мѣстности; надо, чтобы населеніе той или другой мѣстности могло указать земству то, что ему, населенію, нужно. Всѣ мелкія мѣстныя нужды, которыя теперь или вовсе не удовлетворяются, или удовлетворяются дурно, только съ формальной стороны, волостными правленіями, могли бы, съ успѣхомъ, вѣдаться мелкими земскими единицами, состоящими изъ всѣхъ плательщиковъ округа, все равно, къ какому бы сословію они ни принадлежали. Что было бы не по силамъ участковому собранію, то принимало бы на себя земство. Всѣ постановленія уѣзднаго

¹⁾ Тамъ-же, стр. 122—246.

земства приводились бы въ исполненіе самими земскими людьми и, конечно, были-бы исполнены не съ канцелярской только стороны, что-бы очистить бумагу и послать отвѣтъ, а такъ, какъ нужно и выгодно населенію. Мысль объ учрежденіи мелкихъ земскихъ единицъ не новая; за что бы земство ни бралось, оно всегда встрѣчало главное препятствіе въ полномъ разобщеніи своемъ съ населеніемъ. Населеніе не знаетъ и не можетъ знать, что дѣлается въ земствѣ и обратно. Въ послѣднее время мысль о необходимости учрежденія мелкой земской единицы повторяется все чаще и чаще; для насъ, земцевъ, стало ясно, что безъ такихъ округовъ земству нельзя существовать, какъ дереву нельзя расти безъ корней.. Мы думаемъ, что недалеко то время, когда земскіе округа перестанутъ быть мыслью и станутъ дѣломъ существующимъ».

Рязанское уѣздное собраніе рассмотрѣло и приняло докладъ избранной ею комисіи, въ которомъ высказываются такія мысли: «Въ настоящее время, когда послѣ освобожденія крестьянъ прошло уже болѣе 20 лѣтъ, и когда помѣщики и ихъ бывшіе крѣпостные освоились съ своимъ положеніемъ, нѣтъ совсѣмъ надобности въ какихъ бы то ни было особыхъ для крестьянъ учрежденіяхъ. Люди, думающіе, что крестьяне недостаточно развиты для того, чтобы быть равноправными со всѣми другими сословіями—жестоко ошибаются. Крестьяне необразованны потому, что они бѣдны; крестьяне рѣзко отличаются въ жизни отъ другихъ, но только отъ болѣе богатыхъ. Всякая опека надъ ними теперь, всякое отдѣленіе ихъ отъ другихъ людей только мѣшаетъ имъ, только отдаляетъ ихъ отъ другихъ сословій... Мы видимъ теперь массу мелкихъ бѣдныхъ владѣльцевъ, не только крестьянъ, но и дворянъ, и мѣщанъ. Въ Рязанской губерніи встрѣчаются цѣлыя села, состоящіе не изъ крестьянъ, и эти привилегированные люди ничѣмъ въ своемъ бытѣ не отличаются отъ послѣднихъ. Бѣдные дворяне и мѣщане живутъ, ѣдятъ и одѣваются такъ же, какъ крестьяне. Между тѣмъ бѣдные люди привилегированныхъ сословій, тѣсно связанные, экономической и умственной жизнью, съ окружающимъ ихъ крестьянскимъ міромъ, не подчинены крестьянскимъ учрежденіямъ, не подсудны волостнымъ судамъ и управленіямъ, и не участвуютъ въ доходахъ и убыткахъ на общія надобности: на школы, больницы, церкви и кладбища. Самая жизнь крестьянскихъ селъ значительно измѣнилась за послѣднія 20 лѣтъ; въ селахъ и деревняхъ поселились торговые люди, открываются базары и лавки... Нельзя не обратить также вниманія и на то, что напиримѣръ сельская полиція, больница, дорога, церковь, сельскій судъ и сельскія болѣзни имѣютъ значеніе и для каждаго болѣе или менѣе крупнаго землевладѣльца... Такимъ образомъ, по мнѣнію уѣзднаго земскаго собранія, настала пора урав-

ненія отношеній всѣхъ жителей сель и деревень, замиреніе всѣхъ прежнихъ несообразностей, въ полномъ развитіи того принципа всесословности, который самимъ закономъ уже признанъ и освященъ въ учрежденіи всесословныхъ установленныхъ земскихъ собраній и въ призваніи крестьянскаго сословія къ участию въ отправленіи высшихъ государственныхъ обязанностей, назначеніемъ изъ нихъ присяжныхъ заседателей и членовъ высшихъ судовъ въ имперіи... Такимъ образомъ рязанское земское уѣздное собраніе рѣшительно высказалось за то мнѣніе, что отиѣна особыхъ крестьянскихъ учрежденіе и образованіе всесословной новой мелкой земской единицы представляется единственнымъ возможнымъ средствомъ улучшить положеніе крестьянъ и всѣхъ землевладѣльцевъ, и что засимъ всякое измѣненіе существующихъ крестьянскихъ учрежденій не можетъ поправить дѣла». Нѣтъ сомнѣній въ томъ, что при устройствѣ всесословныхъ волостей, или округовъ, или вообще при образованіи мелкой земской единицы вполнѣ выяснятся мѣстные причины, обуславливающія причины нынѣшняго низкаго экономическаго уровня большинства русскихъ крестьянъ, которые должны удивляться, почему это господамъ не дозволено совѣтоваться со всѣмъ православнымъ народомъ о такихъ дѣлахъ, которыя всѣмъ жителямъ извѣстной мѣстности одинаково близки и дороги.

Для того, чтобы судить о томъ настроеніи, въ которомъ находится русское земство, крайне заинтересованное вопросомъ о предстоящихъ преобразованіяхъ въ мѣстномъ самоуправленіи, необходимо знать не только мнѣніе большинства губерній, но также и меньшинства. Здѣсь уместно будетъ сказать, что во всѣхъ губернскихъ уѣздныхъ собраніяхъ извѣстный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ возбудилъ усиленную дѣятельность и вызвалъ такое оживленіе, которое наши земскіе дѣятели переживали только въ первый годъ по введеніи у насъ самоуправления. Изъ меньшинства земскихъ собраній, не рѣшающихся рекомендовать правительству всесословной волости и принимающихъ ее только въ принципъ, но ограничивающихъ ея дѣятельность на практикѣ, тульское можетъ считаться наилучшею, по нашему мнѣнію, представительницею группы людей, осторожныхъ и недовѣрчивыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ весьма ясно опредѣляющихъ свои взгляды и намѣренія. Тульская губернская земская управа, 11 іюля 1881 года, представила собранію докладъ о преобразованіи крестьянскаго управленія. Докладъ этотъ былъ переданъ на обсужденіе особой комисіи. Комисія эта, работавшая подъ предсѣдательствомъ П. Сама-

рина, составила и напечатала докладъ, съ которымъ мы и познакомили читателя ¹⁾. Комисія при составленіи своего труда взяла въ соображеніе весьма многія заявленія гласныхъ, а также и докладъ губернской управы, которая выяснила, что разработка циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ въ предѣлахъ, указанныхъ въ «перечнѣ возникшихъ предположеній объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій положенія 27 іюня 1874 года», не можетъ принести пользы, вслѣдствіе того, что это положеніе несостоятельно въ существенныхъ частяхъ, а именно въ тѣхъ, которыя составляютъ коренныя отступленія отъ положенія 19 февраля 1861 года. Таковыми отступленіями, по мнѣнію тульской губернской управы, слѣдуетъ считать: упраздненіе должности мирового посредника, учрежденіе должности непремѣннаго члена, составъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, подчиненіе волостныхъ старшинъ дисциплинарной власти исправниковъ и передача полиціи контроля за правильнымъ поступленіемъ нодатей и сборовъ. Если же положеніе 27 іюня 1874 года должно быть отмѣнено, то возникаетъ вопросъ о замѣнѣ его другимъ положеніемъ. Вслѣдствіе того задача расширяется и переходитъ за предѣлы вопросовъ, намѣченныхъ въ перечнѣ. Губернская управа въ своемъ докладѣ замѣтила, что идею хорошаго крестьянскаго управленія нельзя отдѣлить отъ понятія о хорошемъ самоуправленіи и тѣмъ замѣтила предѣлы, въ которыхъ долженъ быть разрѣшенъ вопросъ, поставленный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Многія отрасли управленія, находящіяся въ рукахъ земства, какъ-то: страхованіе, переустройство селеній, продовольствіе, школы, больницы, дороги и проч., имѣютъ для крестьянъ столь же существенное значеніе, какъ и дѣла, подвѣдомственные такъ называемымъ мѣстнымъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ. Поэтому комисія, избранная тульскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, поставила себѣ задачею полное по возможности сліяніе крестьянскаго самоуправления съ земскимъ, путемъ согласованія положенія 19 февраля 1861 года съ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ. Въ сущности предложенія и мысли комисіи ничѣмъ почти не разнятся отъ взглядовъ высказанныхъ тульской губернской земскою управою. Мы убѣждены, что всѣ самостоятельные люди, близко стоявшіе къ крестьянскому дѣлу послѣ 1861 года, единогласно признаютъ вмѣстѣ съ тульскимъ земствомъ, что положеніе 19 февраля не было въ точности исполнено, и что въ настоящее время оно настолько измѣнено въ существенныхъ

¹⁾ «Докладъ комисіи тульскаго губернскаго земскаго собранія по вопросу о переустройствѣ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений», 1881 годъ.

частяхъ, что отъ него остались одни клочки, кое-какъ между собою связанныя помощію новыхъ крестьянскихъ учреждений, несостоятельность которыхъ стала теперь уже очевидною. Весьма вѣроятно, что если-бы положеніе 19 февраля было въ точности исполняемо тѣми же мировыми посредниками и ихъ сѣздами, которые заслужили себѣ благодарность русскаго народа, то наше крестьянство не было бы доведено до того грустнаго положенія, обусловленнаго бѣдностью и безначаліемъ, царящими теперь въ селахъ и деревняхъ. Надо сказать правду, что мировые посредники не допустили бы такой способъ взысканія съ крестьянъ недоимокъ, какой введенъ былъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и подвѣдомственной ему полиціею, рѣшающею продавать за недоимки крестьянскій хлѣбъ осенью, по дешевымъ цѣнамъ, и вынуждающею народъ покупать таковой весной въ два и три раза дороже. Мировые посредники не допустили бы продажи необходимаго крестьянскаго скота и безтолковое сѣченіе крестьянъ за неплатежъ недоимокъ. Кромѣ того, при мировыхъ посредникахъ у крестьянъ было начальство всегда доступное и принимавшее ихъ по всѣмъ дѣламъ, встрѣчающимся въ жизни сельскаго человѣка. При посредникахъ грустное положеніе крестьянъ было бы ранѣе доведено до свѣдѣнія высокопоставленныхъ въ столицѣ лицъ и самого царя. Эти свѣдѣнія получились бы помимо бюрократіи и помощію протестовъ мировыхъ сѣздовъ, имѣвшихъ право обращаться прямо въ сенатъ и государственннй совѣтъ: Бюрократія уничтожила посредниковъ, мѣшавшихъ ей выбивать изъ народа рубли, и довела сельское населеніе до того положенія, о которомъ ей самой теперь приходится заботиться столько же, сколько и органамъ мѣстнаго самоуправления. Да, при соблюденіи мудраго положенія 19 февраля, вѣроятно народъ нашъ не былъ бы такъ бѣденъ и такъ забитъ, какъ теперь, и конечно не всѣ чиновники разныхъ вѣдомствъ были бы его начальниками и учителями. Вотъ вѣскіе мотивы, на основаніи которыхъ до сихъ поръ среди дѣловыхъ честныхъ людей живетъ привязанность къ положенію 19 февраля, отъ востановленія котораго въ его первоначальномъ видѣ многіе, втеченіи бесполезно почти протекшихъ двадцати лѣтъ, ожидали, весьма справедливо, улучшенія народнаго быта. Но теперь эти двадцать лѣтъ уже прошли и положеніе, написанное для крестьянъ, выпущенныхъ на свободу, и помѣщиковъ, отъ которыхъ государство отнимало крѣпостныхъ, не можетъ уже удовлетворить и тѣхъ, и другихъ, ставшихъ во многихъ отношеніяхъ равноправными между собою гражданами. Въ самомъ дѣлѣ, нужны ли теперь мировые посредники, съ особыми, чрезвычайными правами, на основаніи которыхъ они могли бы сѣчь всѣхъ крестьянъ безъ разбора, требовать военную силу и проч.? А если не нужны посредники съ ихъ первоначальными правами, то

ихъ можно замѣнить лишь обывочными чиновниками, въ родѣ непрѣмѣнныхъ членовъ, или мировыми судьями, а еще лучше коллегіальными учрежденіемъ, состоящимъ изъ выборныхъ населеніемъ людей, въ родѣ тѣхъ, которые засѣдаютъ въ уѣздныхъ и губернскихъ управахъ или будутъ засѣдать въ всеословныхъ волостяхъ, какъ мелкой земской единицы. При последнемъ случаѣ, т. е. при устройствѣ всеословной волости и передачѣ всего самоуправленія въ руки земства, уничтожатся и тѣ дурныя послѣдствія отъ нарушеннаго положенія 19 февраля, на которыя указываетъ тульское губернское земство. Непремѣнный членъ вмѣстѣ съ крестьянскимъ уѣзднымъ присутствіемъ будутъ уничтожены, сборами станутъ завѣдывать земства, а мелкая земская единица ни въ какомъ отношеніи не окажется подчиненною полиціи. Затѣмъ нѣтъ никакого основанія предполагать, что мирные посредники, указываемые дворянствомъ и утверждаемые правительствомъ, будутъ стоять въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ выше старшинъ, или головъ безсловныхъ волостей, въ которыхъ эти старшины станутъ избираться народомъ изъ среды лицъ всѣхъ сословій. И въ настоящее время среди предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ встрѣчается не малое число вполнѣ передовыхъ и солидно образованныхъ людей, знающихъ и любящихъ Россію, второй они уже успѣли отслужить вѣрную службу въ тяжелый двадцатилѣтній періодъ существованія земскихъ учреждений. Въ этотъ періодъ, не соблазнаясь выгодностью и не увлекаясь бюрократическою карьерою, многіе честные труженики уберегли отъ вѣшняго давленія зародившееся у насъ мѣстное самоуправленіе, причемъ ими было обнаружено столько такта, терпѣнія и выносливости, что въ этомъ отношеніи ихъ можно сравнить съ русскимъ народомъ, представителемъ котораго они являлись. Это тоже большая заслуга, которую въ настоящее время не всегда охотно признаютъ, но которая зачтется безпристрастною исторіею въ число достойныхъ подвиговъ россіянъ.

Тульская губернская земская комисія, какъ представительница средняго мнѣнія, находить нужнымъ совершить сліяніе крестьянскаго самоуправленія съ общими земскимъ и допускаетъ существованіе безсловной волости, но съ тѣмъ, чтобы такая волость не имѣла права самообложенія, но содержалась бы на счетъ уѣзднаго земства. Земству же слѣдуетъ предоставить и территоріальное опредѣленіе волости. Населенію такой волости тульская комисія предоставляетъ только: выборъ волостнаго старшины, мѣстнаго представителя полицейской власти и судей волостнаго суда, а также право совѣщанія о мѣстныхъ нуждахъ, удовлетворяемыхъ на счетъ земства. Комисія весьма основательно полагаетъ, что, не смотря на доступъ въ старшины лицъ всѣхъ сословій, она, помимо немногихъ случаевъ,

будетъ замѣщаться все-таки крестьянами, а потому права и служебное положеніе лицъ, занимающихъ эту должность, опредѣляются тульскимъ земствомъ сообразно быту и общественному значенію податнаго сословія. Весь уѣздъ комисиія предполагаетъ раздѣлить на округа, заключающіе въ себѣ нѣсколько волостей, управление которыми предполагается поручить выборнымъ, въ земствѣ лицамъ, дѣйствующимъ на правахъ мировыхъ посредниковъ и членовъ земскихъ управъ. Сама уѣздная управа должна тогда подходить, по своему устройству, къ бывшему мировому съѣзду посредниковъ. По мнѣнію комисиі, соединеніе въ одномъ лицѣ должностей посредника, члена училищнаго совѣта и члена уѣздной земской управы не можетъ встрѣтить никакого затрудненія. Мы, напротивъ того, думаемъ, что это обстоятельство встрѣтитъ большое затрудненіе и именно со стороны крестьянъ, составляющихъ большинство населенія и мнѣніе которыхъ должно быть спрощено передъ тѣмъ, какъ та или другая реформа уѣзднаго самоуправленія будетъ обсуждаться въ высшихъ правительственныхъ инстанціяхъ. Крестьяне могутъ сказать, что господа тульскіе дворяне, которые одни и займутъ мѣста проектируемыхъ посредниковъ, хотятъ не только забрать въ свои руки все управленіе уѣздомъ и губерніею, но, кромѣ того, избрѣли для себя много новыхъ мѣстъ и почетныхъ должностей, облачиваемыхъ главнымъ образомъ все-таки крестьянами, которыхъ, безъ всякой съ ихъ стороны просьбы, хотятъ опежать.

Очень можетъ быть, что крестьяне съ свойственнымъ имъ тактомъ выскажутся мягче о проектѣ тульского губернскаго земства, выразившаго недовѣріе къ народу и желающаго, повидимому, командовать имъ еще долгое время. Во всякомъ случаѣ, взгляды крестьянъ и тульского губернскаго земства, по нашему убѣжденію, должны сильно расхотѣться. А что, если крестьяне въ шутку скажутъ, что такъ какъ до сей поры крестьянское и всякое другое самоуправленіе плохо идетъ въ рукахъ интеллигенціи, то не удобно ли будетъ испробовать передать управленіе въ руки самихъ крестьянъ, — можетъ быть дѣло хуже не пойдетъ. Отъ такой шутки, которую, конечно, серьезно не предложитъ ни одинъ здравомыслящій крестьянинъ, знающій, что въ средѣ господъ есть искренно преданные темному народу люди, — отъ такой шутки, говоримъ мы, легко могутъ покраснѣть дѣльцы, не довѣряющіе народу указать на тѣхъ передовыхъ людей, которыхъ онъ считаетъ достойными быть его начальниками. Какъ извѣстно, въ большинствѣ уѣздныхъ земскихъ собраній, крестьяне не имѣютъ никакой возможности высказать свое откровенное мнѣніе, по причинамъ, много уже разъ указаннымъ и въ печати, и въ самихъ земскихъ собраніяхъ. По проекту комисиі, волостной старшина завѣдываетъ волостью въ полицейскомъ отношеніи и исполняетъ всѣ порученія окружнаго члена управы —

по дѣламъ административнымъ и земскимъ; кромѣ того, онъ несетъ всѣ обязанности, лежащія на сословномъ крестьянскомъ волостномъ старшинѣ. Интересно знать, чѣмъ положеніе такого всесословнаго старшины будетъ разниться отъ того положенія, которое онъ теперь занимаетъ? Въ настоящее время старшина подчиненъ полиціи, а тогда будетъ подчиненъ оружнему члену. Послѣдній, какъ мѣстный дѣятель, будетъ пожалуй лучше исправника, но это измѣненіе ничтожно, а суть дѣла остается та же, что и теперь. Крестьяне по прежнему будутъ пребывать низшимъ сословіемъ, не пользующимся равноправностью съ другими сословіями и вдобавокъ еще опекаемымъ въ самомъ положительномъ смыслѣ членами изъ гринодъ и разночинцевъ. Чтобы никого не обидѣть, тульская губернская комісія предлагаетъ допустить въ земское собраніе, на правахъ гласнаго, мѣстнаго исправника, что уже совершенно несогласно съ духомъ нашего самоуправления и воспрещается положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ. Вообще говоря, мы лично не сочувствуемъ проекту тульскаго губернскаго земства и полагаемъ, что выраженные въ немъ мнѣнія и предложенія не могутъ быть цѣликомъ приняты большинствомъ русскихъ земскихъ дѣятелей; но вѣроятно нѣкоторыя частности этого проекта найдутъ себѣ примѣненіе и между прочимъ предложеніе объ увеличеніи числа земскихъ гласныхъ въ 2¹/₂ раза противъ ихъ нынѣшняго состава, особенно если эти гласные будутъ выбираться всесословными волостями. Комісія, избранная московскимъ (земскимъ губернскимъ) собраніемъ, пришла въ своихъ работахъ почти къ тому же выводу, что и тульское губернское земство ¹⁾. По предложенію московской комісії, уѣздъ раздѣляется на «земскія волости», имѣющія административное, т. е. правительственное и земское значеніе, но не хозяйственное. «Земская волость» не имѣетъ права ни выборовъ, ни самообложенія, и въ ней не должно происходить никакихъ собраній мѣстныхъ жителей, или выбранныхъ отъ нихъ, для избранія должностныхъ лицъ, или для установленія какихъ либо сборовъ. Волостью заправляетъ волостной мировой судья, совмѣщающій въ себѣ власть судебную и административную и состоящій членомъ уѣздной земской управы. Волостной судья избирается земскимъ собраніемъ также какъ и его товарищъ по административной части. Всѣ расходы по содержанію волостнаго правленія, за исключеніемъ волостнаго пристава, относятся на счетъ земства. Административная организація сельскихъ обществъ остается существующая нынѣ, причемъ, за упраздненіемъ теперешняго

¹⁾ Главныя основанія проекта московской комісії были напечатаны въ газетѣ «Земство», № 26, 1881 г.

волостнаго правленія, обязанности сельскаго старосты расширяются. Волостной судья избирается тѣмъ же порядкомъ, какъ нынѣшніе мировые судьи. Московскіе земцы написали проектъ реформы мѣстнаго самоуправленія, имѣя въ виду преимущественно свою собственную губернію, въ которой число крупныхъ землевладѣльцевъ изъ дворянъ и чиновниковъ еще достаточно для составленія численнаго большинства въ земскихъ собраніяхъ. Если-бы былъ принятъ предложенный ими проектъ, то дворянство и чиновничество Московской губерніи надолго бы удержало въ своихъ рукахъ управленіе мѣстнымъ населеніемъ. Въ другихъ губерніяхъ, въ которыхъ число и значеніе дворянства и чиновничества менѣе, заправленіе дѣлами перешло бы въ руки къ кулакамъ и кабатчикамъ, не овладѣвающимъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ земскими дѣлами, потому только, что въ настоящее время они не представляютъ для нихъ большаго интереса. Когда же все административное и хозяйственное управленіе перейдетъ къ земству, то во всѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ слабъ дворянскій элементъ, въ уѣздные земскіе дѣльцы попадутъ миродѣды, а въ члены управъ—ихъ дѣти, или чиновники, послушныя орудія капитальныхъ кулаковъ. Въ такихъ мѣстностяхъ масса крестьянскаго населенія вмѣстѣ съ лицами привилегированныхъ сословій будетъ отдана во власть кулаковъ, правленіе которыхъ окажется безъ сомнѣнія хуже мірскаго управленія самой плохой волости. Обираніе народа тогда усилится еще болѣе и придется снова придумывать мѣры для улучшенія народнаго быта, для чего и теперь наше правительство обратилось къ обществу, прося его высказать о такомъ важномъ дѣлѣ свое посильное мнѣніе. Намъ могутъ возразить, что кулаки и теперь заправляютъ многими волостями. Это вѣрно; но въ настоящее время кулаки являются совершенно равноправными членами въ сельскихъ обществахъ и на волостныхъ сходахъ, и народъ, выйдя изъ терпѣнія, или поправившись немного съ нуждою, хотя бы помощію кредита, открытаго ему для покупки земли, можетъ всегда свергнуть съ себя иго миродѣды и залеймить его репутацію цѣлымъ миромъ¹⁾. Но когда тѣ же кулаки въ качествѣ личныхъ землевладѣльцевъ станутъ засѣдать въ земскихъ собраніяхъ и, выйдя изъ сельскихъ обществъ, перестанутъ зависѣть отъ міра, то они могутъ дѣлать что хотятъ, не опасаясь общественнаго приговора. Въ газетѣ «Земство» за 1881 г. А. Кошелевъ рядомъ статей доказываетъ необходимость образованія изъ личныхъ землевладѣль-

¹⁾ Это для міра будетъ весьма нетрудно сдѣлать, если на его сторонѣ окажется противъ миродѣдовъ хотя одинъ образованный землевладѣлецъ привилегированнаго сословія.

цевъ всѣхъ сословій особый классъ людей, пользующихся особымъ представительствомъ въ земскомъ собраніи. Тогда въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ много крупныхъ землевладѣльцевъ изъ крестьянъ, дѣлами уѣзда станутъ опять-таки править кулаки; въ другихъ же мѣстностяхъ, какова, напримѣръ, Тверская губернія, гдѣ цѣлая половина населенія состоитъ изъ личныхъ болѣе или менѣе крупныхъ собственниковъ, земское собраніе, по своему многолюдству, можетъ представить тотъ же волостной сходъ, трагующій о нуждахъ цѣлаго уѣзда. Для такихъ мѣстностей всесословныя волости во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе, какъ потому, что онѣ стоятъ ближе къ мѣстамъ жительства обывателей, такъ и потому, что нужды различныхъ волостей далеко не одинаковы. Кромѣ того, предложеніе выдѣлить изъ народа тѣхъ крестьянъ, которые побогаче другихъ, представляется крайнею несправедливостью уже потому, что не всегда богатые люди бываютъ наиболѣе достойными. Да и для чего мы, русскіе, станемъ образовывать у себя буржуазію, надѣлавшую уже столько бѣдъ въ государствахъ западной Европы, и теперь уже теряющей свое значеніе даже въ такомъ буржуазномъ государствѣ, какова Франція? Зачѣмъ мы станемъ повторять ошибки другихъ государствъ, устраивая у себя реформы, противныя духу нашего крестьянства и его религіознымъ воззрѣніямъ, по которымъ всѣ люди равны между собою такъ же, какъ они равны предъ Богомъ и предъ, поставленнымъ Богомъ же и народомъ, царемъ?

Если многимъ изъ насъ, лицамъ привилегированныхъ сословій, тяжело, а можетъ быть и обидно слиться съ народомъ въ бессословной волости, которая выдвинетъ лишь тѣхъ изъ насъ, кои захотятъ и смогутъ одержать побѣду надъ своими прежними барскими и чиновничьими привычками и окажутся способными служить общимъ народнымъ интересамъ, то пусть такіе люди прямо и скажутъ, что для нихъ бессословная волость кажется обиднымъ нововведеніемъ, насилующимъ ихъ нравственную личность. Это будетъ совершенно понятно и честно, да и практичнѣе, чѣмъ писать проекты, читая которые народъ можетъ быть тоже возмущается, усматривая въ интеллигенціи пренебреженіе къ его личности. А. Кошелевъ, съ прямою, достойною всякой похвалы, потому что такая прямота не ведетъ къ прискорбнымъ недоразумѣніямъ, высказалъ въ печати слѣдующія соображенія ¹⁾: «И то, и другое (т. е. различныя случайности, могущія произойти въ бессословной волости) не можетъ не быть неприятнымъ, тяжкимъ для личнаго землевладѣльца, иногда заслуженнаго, часто весьма образованнаго и всегда болѣе свѣдущаго и развитаго, чѣмъ (попавшій въ стар-

¹⁾ Газета «Земство» 1881 годъ, № 22, стр. 7.

шины) можетъ быть ученикъ первоначальной школы». Никто не сомнѣвается въ томъ, что для людей уже переходящихъ зрѣлый возрастъ или, скорѣе, престарѣлыхъ чрезвычайно трудно рѣзко измѣнять то общественное положеніе, которое они съ достоинствомъ и по праву занимали втеченіи лучшихъ лѣтъ своей жизни. Если при освобожденіи крестьянъ въ 1861 году, правительство нашло необходимымъ рѣзко измѣнить общественное положеніе бывшихъ помѣщиковъ и нанести можетъ быть чувствительный ударъ многимъ дворянамъ, сжившимся съ своею обстановкою и готовымъ лишиться большей части своего состоянія, лишь бы въ оставшейся въ ихъ владѣніи деревни они оставались боярами,—если это нужно было въ 1861 году, то теперь для пользы народа и государства нѣтъ никакой надобности требовать отъ кого-бы то ни было такой нравственной жертвы. Всѣ нововведенія окажутся, разумѣется, тѣмъ благотворнѣе для государства, чѣмъ меньшее число подданныхъ будетъ насилувано въ его вкусахъ, привычкахъ и убѣжденіяхъ. Въ вопросѣ, разсмотрѣнемъ котораго мы теперь занимаемся, возможно, по нашему убѣжденію, придти къ выводу, удовлетворяющему людей, высказавшихъ въ земствѣ различные взгляды на переустройство нашего мѣстнаго самоуправленія. Государство ничего не потеряетъ, если предоставитъ народу сдѣлать постепенную реорганизацию нынѣшней крестьянской волости въ безусловную. Ему слѣдуетъ только предоставить мѣстному населенію организовать на извѣстныхъ, требуемыхъ земствомъ началахъ безусловныя волости, если живущіе въ ея предѣлахъ землевладѣльцы изъ привилегированныхъ сословій желаютъ войти въ ея составъ; тѣ же личные землевладѣльцы изъ привилегированныхъ сословій, которые не пожелаютъ войти въ составъ волости, тѣ могутъ оставаться при нынѣшнемъ своемъ положеніи, хотя-бы и пожизненно, причѣмъ никакой путаницы въ дѣлахъ не произойдетъ, потому что и теперь личные землевладѣльцы живутъ особнякомъ, а при учрежденіи безусловныхъ волостей число ихъ только уменьшится. Со временемъ же, когда всѣ упорствующіе дворяне и чиновники сольются въ волостномъ земскомъ самоуправленіи, или покончатъ свою земную жизнь, землевладѣльцы-особняки вовсе исчезнутъ. Что же касается до представительства личныхъ собственниковъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи, которые останутся внѣ вліянія безусловной волости, то и этотъ вопросъ уже рѣшенъ тѣми же тульскими губернскими гласными, которые опредѣлили, что съ каждыхъ 2,700 десятинъ въ уѣздномъ земствѣ можетъ участвовать одинъ гласный. Такимъ образомъ реформа, желаемая большинствомъ, можетъ быть введена, не нанося нравственнаго удара меньшинству. Разумѣется, мѣстные землевладѣльцы, не принадлежащіе къ привилегированнымъ сословіямъ и не имѣющіе образовательнаго ценза, должны

обязательно войти въ составъ бессловныхъ земскихъ волостей. Конечно, никто изъ землевладѣльцевъ, не участвующихъ въ бессловныхъ волостяхъ, не можетъ быть избранъ въ головы мелкой земской единицы, или въ члены земской управы, но они должны ограничиваться ролью гласныхъ и мировыхъ судей, если будутъ на то избраны уѣзднымъ собраніемъ. Насильственный характеръ уѣздной реформы можетъ быть при этомъ условіи совершенно отстраненъ и бессловная волость введена безпрепятственно въ русскую народную жизнь.

Размѣръ настоящей статьи не позволяетъ намъ коснуться подробностей, разработанныхъ различными земствами относительно устройства бессловной волости. Этому предмету мы надѣемся посвятить одно изъ послѣдующихъ нашихъ обзорѣній, къ которому соберется достаточный для того матеріалъ, въ настоящее время неизвѣстный у насъ подъ рукою.

Наше земство, такъ усердно занятое теперь разработкою предстоящей реформы, своими трудами окажетъ несомнѣнную историческую услугу русскому народу и нашему правительству, которое получитъ чрезъ губернскія управы готовый и разработанный цѣнный матеріалъ. Этотъ матеріалъ еще разъ докажетъ полезность введенныхъ у насъ земскихъ учреждений, въ чемъ до сихъ еще поръ многіе хотѣли сомнѣваться.

Хотя земскіе проекты и составляются немногими, избранными собраніемъ гласными, но они гораздо ближе къ потребностямъ жизни чѣмъ сама счастливыя предначертанія столоначальниковъ и начальниковъ отдѣленій министерства. Во первыхъ, земскія комісія состоятъ изъ людей выборныхъ, а не чиновниковъ, назначаемыхъ начальствомъ; во вторыхъ, проекты земскихъ комісій обсуждаются гласными, а писаніе чиновниковъ одобряется начальствомъ. Такова существенная разница между земскими и канцелярскими работами.

Замѣтка по поводу призванныхъ правительствомъ свидущихъ людей для совѣщанія: 1) о мѣрахъ противъ пьянства и 2) объ упередоченіи переселенія.

Неотложность принятія мѣръ противъ пьянства представляется, по нашему мнѣнію, неизбежною. Собственно противъ пьянства всегда возмущалась народная совѣсть, которую насилывали сперва казенные кабаки, а въ послѣднее время—свобода торговли питеями, дошедшая

до того, что въ каждой деревушкѣ, помимо патентнаго кабака, водкою торгуютъ мѣстами 8 изъ каждыхъ 10 домохозяевъ. Противъ такого порядка, при которомъ одна половина населенія всачески уговариваетъ другую пить водку въ долгъ, правительство и рѣшило принять мѣры. Будутъ ли изобрѣтенныя свѣдущими людьми мѣры дѣйствительны, или же бороться со зломъ придется еще многіе годы—это уже особое дѣло, для выясненія котораго требуется время.

Относительно устройства правильнаго переселенія тоже необходимо выработать опредѣленныя правила, при которыхъ предприимчивые люди, являясь на новыя мѣста, не умирали бы здѣсь съ холоду и голоду, что до сихъ поръ случалось нерѣдко.

Мы считаемъ необходимымъ поднять вопросъ о томъ, насколько удобенъ для населенія нынѣшній способъ приглашенія правительствомъ свѣдущихъ людей. Въ число этихъ людей теперь могутъ попадать лишь обезвеченныя личности, имѣющія возможность проѣхать тысячу и болѣе верстъ, оставивъ свои дѣла и прожить въ столицѣ нѣсколько недѣль. Небогатые люди не могутъ при такомъ порядкѣ явиться въ Петербургъ, и значить голосъ большинства населенія не дойдетъ опять-таки до правительства, что, разумѣется, прискорбно и что отозвалось уже неблагоприятно на комисіи, обсуждавшей мѣры противъ пьянства, потому что въ той комисіи не было крестьянъ. Конечно, правительству удобнѣе узнать мнѣніе большинства чрезъ земскія собранія и городскія думы, а специально мнѣнія крестьянъ—чрезъ особыя крестьянскія совѣщанія, которыя могли бы происходить въ волостяхъ подъ предсѣдательствомъ членовъ земскихъ управъ или мировыхъ судей. Когда же представится нужда—вызвать представителей земства въ столицу, удобнѣе будетъ предоставить выборъ свѣдущихъ людей органамъ мѣстнаго самоуправленія, которые не были бы стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ и могли бы давать известную сумму на расходы своимъ довѣреннымъ. Правительство не станетъ, конечно, вводить земство въ большіе расходы на содержание въ столицѣ свѣдущихъ людей.

Надо помнить, что кромѣ кабаковъ и стѣсненій въ свободномъ переселеніи, правительству придется разрѣшить еще много насущныхъ вопросовъ и между ними едва-ли не самыми главными слѣдуетъ считать: 1) изысканіе средствъ, помѣщю которыхъ земельная собственность не составляла бы предмета спекуляціи для барышниковъ, истощающихъ плодородіе почвы и выжимающихъ жизненные соки изъ крестьянъ-землепашцевъ, и 2) усиленіе наказанія за конокрадство и скотокрадство, которые даже въ С.-Петербургской губерніи развились до такой степени, что немногіе крестьяне и землевладѣльцы риску-

ють заводить у себя порядочных лошадей и хорошей рогатый скотъ ¹⁾. Указываемыя нами язвы разъѣдаютъ народный организмъ хуже, чѣмъ кабаки. Если же для совѣщанія съ земскими людьми ихъ обяжутъ, въ лицѣ наиболее богатыхъ представителей, ежегодно проводить въ столицѣ мѣсяць или два, то такіе привилегированные представители окажутся скоро, ради своей обстановки, далекими отъ народныхъ нуждъ, а можетъ даже случиться, что многіе несмѣняемые свѣдущіе люди станутъ смотрѣть на себя, какъ на кандидатовъ на высшія правительственныя мѣста, что будетъ уже весьма некстати. По всемъ этимъ соображеніямъ необходимо придется измѣнить нынѣшній способъ вербовки свѣдущихъ людей.

¹⁾ Въ С.-Петербургской губерніи конюградство развито особенно сильно въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя колонизируются чухнами, именно въ Гдовскомъ и Лужскомъ уѣздахъ, въ которыхъ этотъ промыселъ производится почти безпрепятственно.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Начиная новогоднюю нашу лѣтопись, намъ невольно приходится на умъ старое, какъ свѣтъ, сравненіе жизни—все равно, жизни человѣка или жизни общества—съ дорогою, на которой годы составляютъ какъ-бы станціи. На борзыхъ надеждахъ начали мы станцію прошлаго года. Небо разъяснѣло, дорога еще съ половиною предъидущей станціи становилась все тверже и ровнѣе, и довольные наступившимъ, какъ казалось, разсвѣтомъ, мы ожидали свѣтлаго и яснаго дня; но едва миновали мы второй верстовой столбъ новой станціи, какъ, неожиданно, нежданно, нежданно, грянулъ громъ, едва выглянувшее солнце померкло, что-то рухнуло подъ нами и мы стремглавъ полетѣли въ какой-то темный провалъ, не будучи даже въ состояніи въ первую минуту дать себѣ отчетъ, гдѣ мы и что съ нами случилось. Когда мы, наконецъ, опаматовались, пришли въ себя, посреди окружающихъ насъ холодныхъ потемокъ, мы могли только разглядѣть, что борзые кони-надежды, на которыхъ мы отъѣхали отъ предъидущей станціи, убиты на-поваль и приходится уже безъ нихъ продолжать путь нашъ, какъ можемъ, какъ знаемъ. Зашибленные, помятые, съ чувствомъ какой-то глухой боли, подъ гнетомъ смущенія и безпокойства посреди непроницаемой, холодной мрази, пошлелись мы далѣе по дорогѣ, которая снова пошла по зыбучему, неровному грунту.

Изъ руководящихъ идей нашей внутренней политики, наиболѣе ясно и точно опредѣлявшейся втеченіи послѣднихъ десяти мѣсяцевъ минувшаго года, можно указать пока единственно лишь на идею государственной экономіи, которую, конечно, нельзя не привѣтствовать.

Этой идеею обусловилась, повидимому, и главнѣйшая, наиболѣе выдающаяся характеристическая черта минувшаго года, выразившаяся во всевозможныхъ упраздненіяхъ и сокращеніяхъ. Упраздняются и сокращаются учрежденія, должности, званія, и болѣе всего упраздняются и сокращаются люди. Эти послѣдніе не только упраздняются и сокращаются, но и перемѣняются уже безъ всякаго понятнаго вліянія идеи экономіи. Замѣчательно характерною особенностью упомянутой нами характеристической черты минувшаго года является сюрпризъ. Всѣ эти упраздненія, сокращенія и, чаще всего, перемѣны являются, если такъ можно выразиться, болшею частію, какъ-то вдругъ, совершенно неожиданно, по-половицѣ, точно снѣгъ на голову, и производятъ чрезвычайно странное впечатлѣніе на общество. Нельзя сказать, чтобы оно не сочувствовало стремленію къ водворенію въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ строгой экономіи, чтобы оно не желало упраздненія ненужнаго, сокращенія излишняго, даже замѣны ветхаго и выдохшагося въ персоналѣ дѣятелей болѣе живымъ и свѣжимъ. Но его, это общество, смущаетъ именно та неожиданность совершающихся фактовъ и явленій, отъ которой оно нѣсколько отычело. Его смущаетъ кажущаяся ему (весьма можетъ быть совершенно неосновательно) какъ-бы случайность этихъ фактовъ и явленій, отсутствіе видимой связи ихъ и системы. Все это, конечно, въ прежнее время, въ старомъ нашемъ обществѣ не имѣло бы никакого значенія. Воспитанное на почвѣ крѣпостнаго права, закрытаго, инвизиціоннаго процесса, абсолютной безгласности, въ спертomъ воздухѣ безусловной административной опеки, тогдашнее русское общество ничего не знало лучшаго относительно этого порядка, а въ громадномъ большинствѣ и не подозрѣвало даже возможности этого лучшаго, да едва-ли, за малыми исключеніями, даже и желало его; ни уяснять себѣ, ни осмысливать совершающіеся въ средѣ его факты и явленія, оно не имѣло ни привычки, ни охоты, да и не считало себя имѣющимъ на то право. Разъ навсегда, коротко и ясно, было сказано этому старому русскому обществу: «Вотъ тебѣ Аракчеевъ или Дупельтъ и не будетъ тебѣ ничего инаго, кромѣ Аракчеева и Дупельта». Ну, русское общество такъ и знало, что ничего ужъ кромѣ Аракчеева и Дупельта не будетъ, и даже вѣровало, что такъ и должно быть. Такой простой и непосредственный режимъ, укрѣпивъ чуть не до одеревенѣнія общественные нервы, упразднялъ всякую потребность и даже желаніе въ осмысленіи, въ уясненіи себѣ фактовъ и явленій, всякую думу о ихъ значеніи, всякую заботу о ихъ цѣлесообразности и послѣдствіяхъ. Какъ одинъ изъ мольтеровскихъ героевъ, болѣе полжизни неподозрѣвавшій, что онъ говоритъ прозою, старое русское общество, въ громадномъ,

но крайней мѣрѣ, большинство своемъ, переживало многіе десятки лѣтъ, не подозревая, что оно представляетъ собою самого рѣшительнаго послѣдователя ученія берлинскаго гофъ-философа Гегеля, по крайней мѣрѣ, относительно одного изъ принципиальныхъ его положеній: «что существуетъ, то разумно». Благодаря одеревенѣнію нервовъ, для тогдашняго русскаго общества никакихъ ни сюрпризовъ, ни недоумѣній не существовало. Послѣднія двадцать пять лѣтъ вывели русское общество изъ этого безпечальнаго міра гражданскаго небытія. Изъ витовъ, на которыхъ держался этотъ міръ, главнѣйшій, — крѣпостное право, былъ вовсе упраздненъ; другіе виты, какъ, на примѣръ, старшій судъ, абсолютная безгласность, безусловная административная опека, были болѣе или менѣе сокращены новымъ судомъ, городскимъ и земскимъ самоуправленіемъ, нѣкоторою возможностью существованія органовъ гласности и общественнаго мнѣнія. Правда, что не повсемѣстное, а ограниченное примѣненіе трехъ послѣднихъ нововведеній, сокративъ только соотвѣствующихъ имъ витовъ, замедлило полное ихъ упраздненіе; но признавъ ихъ негодность, оно все-таки сдѣлало вопросъ о существованіи ихъ лишь вопросомъ времени. Потеря главнаго устоя и вѣры въ неизбѣмость прочихъ устоевъ, на которыхъ стояло старое русское общество, измѣнило всѣ прежнія условія и отношенія его жизни, и не только его жизни, но и жизни всего русскаго народа, и дало такой толчекъ умственному и гражданскому развитію ихъ, какого земля русская не испытывала со временъ Петра Великаго. Этотъ относительно громадный притокъ развитія, расширивъ горизонтъ общественнаго міросозерцанія, чрезвычайно измѣнилъ нравъ русскаго человѣка; хотя полной, настоящей гражданской устойчивости онъ не приобрѣлъ еще, но все-таки утратилъ свой натуральный гегельянизмъ, и безусловное признаніе всякаго совершившагося факта разумнымъ замѣнилось въ немъ хлопотливою и утруждающею привычкою вдумываться въ эти факты, стараться осмыслить и уяснить ихъ себѣ, вслѣдствіе чего онъ сдѣлался чрезвычайно чувствителенъ ко всякимъ сюрпризамъ и неожиданностямъ.

Вотъ почему, говоримъ мы, современное русское общество, при всемъ искреннемъ сочувствіи къ проявленному уже правительствомъ стремленію къ сохраненію государственной копѣйки и обусловливаемой этимъ стремленіемъ необходимости всяческаго упраздненія и возможнаго сокращенія всего ненужнаго, всего излишняго, въ виду, повторяемъ, безъ сомнѣнія кажущейся лишь ему отрывочности, безсистемности совершающихся отдѣльныхъ явленій сокращенія и упраздненія и не всегда понятной ему перестановки и перетасовки лицъ, въ силу сдѣланной уже имъ привычки задавать себѣ во всѣхъ такихъ непо-

натныхъ случаяхъ неотвязный вопросъ: «а почему сіе важно въ пятихъ?» и не находя на него удовлетворительнаго отвѣта, остается въ недоумѣніи, въ неизвѣстности, въ какой-то темнотѣ, которая, какъ всякіе потемки, производитъ, какъ извѣстно, томящее, удручающее впечатлѣніе до нѣкоторой степени и на здоровые организмы, а тѣмъ паче на такіе одряблѣвшіе, какимъ является за послѣднее время нашъ общественный организмъ.

Поэтому, мы врядъ-ли ошибемся, если скажемъ, что едва-ли когда наше общество встрѣчало новый годъ въ такомъ удрученномъ состояніи, въ такихъ потемкахъ, посреди которыхъ оно встрѣтило наступившій 1882. Приготовляясь къ этой встрѣчѣ, оно даже обычныя новогоднія пожеланія не умѣло сложить во что либо опредѣленное. А между тѣмъ, у этого общества нѣтъ, повидимому, недостатка въ основаніяхъ для болѣе добраго настроенія; нѣтъ, повидимому, недостатка въ данныхъ для встрѣчи новаго года, съ нѣкоторыми хотя надеждами на просвѣтлѣніе будущаго. Ему, этому обществу, небезизвѣстно, что, въ настоящее время, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ идетъ обширная, снѣжная преобразовательная работа, дѣлается, готовится многое важное и желательное для народа и государства. Все это, говоримъ мы, обществу хорошо извѣстно; мало того, оно само даже, до нѣкоторой степени, участвуетъ въ этихъ работахъ, въ лицѣ свѣдущихъ земскихъ людей. Нельзя сказать также, чтобы, въ настоящее время, общество наше было слишкомъ пригнетено, прижато, не смотря на присутствіе въ странѣ смуты, не перестающей проявлять себя такъ или иначе. Совсѣмъ нѣтъ. Общество наше переживало эпохи несравненно тягчайшаго нажима, но, за всѣмъ тѣмъ, никогда оно не чувствовало себя, кажется, въ такой степени какъ-то не по себѣ, въ такой неувѣренности во всемъ, начиная съ самого себя, подъ гнетомъ такой удручающей темноты и неизвѣстности. Мы не будемъ говорить о проявленіи такого пессимизма въ той, весьма значительной, впрочемъ, части нашего общества, которая состоитъ изъ служилыхъ людей и ихъ присныхъ и въ которой этотъ пессимизмъ обуславливается, между прочимъ, и совершающимися и предстоящими упраздненіями и сокращеніями, гдѣ онъ, при всей драматичности своей, не лишень иногда даже нѣкотораго комизма. Говоря вообще, сокращеніе штатовъ у насъ, какъ извѣстно, дѣло вовсе не новое. Оно совершалось уже не разъ и въ гражданскомъ, и въ военномъ вѣдомствахъ, но никогда, кажется, не производило оно такого впечатлѣнія на общество, какъ въ настоящее время, не смотря на то, что теперь общество, какъ мы сказали выше, лучше, чѣмъ когда нибудь, сознаетъ необходимость и пользу прекращенія бесполезныхъ расходовъ.

И въ настоящее время, при нѣкоторомъ наблюденіи, легко замѣтить, что удручающее впечатлѣніе на служилый міръ производитъ не столько самое упраздненіе и сокращеніе, сколько та кажущаяся случайность, неожиданность, то кажущееся отсутствіе взаимной связи и опредѣленной системы въ распоряженіяхъ по этому предмету, о которыхъ мы говорили выше и въ которыхъ, можетъ быть и совершенно ошибочно, нерѣдко какъ-то невольно чувствуется какой-то радикализмъ, обнаруживающій иногда большее, чѣмъ слѣдуетъ, вліяніе личныхъ взглядовъ, вкусовъ и тенденцій. Этотъ-то вотъ именно особенный характеръ совершающихся нынѣ перемѣнъ въ служебномъ мірѣ и подрываетъ въ немъ увѣренность въ своемъ положеніи, а слѣдовательно и необходимыя для службы спокойствіе духа и энергію, вслѣдствіе чего, въ настоящее время, нерѣдко можно слышать между служащими, безъ различія званій и положеній, что нынче, дожась спать, никто не можетъ ручаться, что проснется не упраздненнымъ, не сокращеннымъ или не обмѣненнымъ. Все это, можетъ быть и даже весьма вѣроятно, обычное явленіе переходнаго времени. Что, въ дѣйствительности, во всѣхъ совершающихся перемѣнахъ нѣтъ ничего случайнаго и онѣ составляютъ въ сущности лишь логическое послѣдствіе энергично и послѣдовательно приводимаго въ исполненіе вполне обдуманнаго и законченнаго плана общегосударственнаго переустройства, въ сущность и подробности котораго не признано нужнымъ посвящать общество, и что въ дѣлѣ общегосударственной пользы никакіе частные интересы не могутъ и не должны быть принимаемы во вниманіе по пословицѣ: «гдѣ рубятъ дѣсь, тамъ щепки летятъ»,—все это, повторяемъ, совершенно возможно, и если мы упомянули, говоря объ одождѣвающимъ наше общество пессимизмѣ и о томъ особенномъ впечатлѣніи, которое производитъ въ служебномъ мірѣ совершающаяся въ немъ перетасовка, то лишь въ качествѣ обстоятельства, привходящаго въ общее явленіе, такъ какъ пессимизмъ этотъ не составляетъ принадлежности только служилого міра, а цѣлаго русскаго общества, да и въ самомъ служебномъ мірѣ, составляющемъ часть этого общества, онъ обуславливается, однако, не одними непосредственно служебными причинами.

Говоря вообще, пессимизмъ, въ смыслѣ какого-то нравственнаго надрыва, представляетъ крайне печальное явленіе даже по отношенію къ отдѣльной личности, но онъ становится просто ужаснымъ, когда охватываетъ цѣлое общество; между тѣмъ въ такомъ именно состояніи находится наше общество, причемъ нельзя не замѣтить, что такое, несомнѣнно болѣзненное состояніе особенно обострилось въ послѣдніе годы, и давно пора подвергнуть этотъ общественный недугъ строгому

исслѣдованію, чтобы опредѣлить, насколько онъ оправдывается дѣйствительно существующими причинами, и насколько развитію его содѣйствуетъ, такъ сказать, искусственное раздраженіе, которое болѣе всего и затрудняетъ борьбу съ дѣйствительными причинами. Вопросъ этотъ настолько многосложенъ, что мы далеко не претендуемъ на всестороннее его разрѣшеніе. Мы попробуемъ только высказать наше личное мнѣніе, оставляя затѣмъ вопросъ открытымъ, въ полной увѣренности, что, по важности своей, онъ и помимо насъ не останется безъ отвѣта.

Въ послѣднемъ обзорѣніи нашемъ, за минувшій годъ, говоря объ извѣстной статьѣ Аксакова, мы признали вполнѣ дѣйствительными указанныя имъ причины упадка духа въ нашемъ обществѣ. Мы сказали, однако же, при этомъ, что несправедливо было настоящее удрученное нравственное состояніе нашего общества, нашъ общественный песимизмъ приписывать и объяснять исключительно берлинскимъ трактатомъ и вообще промахами нашей внѣшней политики. Есть, несомнѣнно, и другія, столь же дѣятельныя причины, вытекшія или вытекающія непосредственно изъ нашей внутренней жизни, изъ нашего домашняго обихода. Въ числѣ этихъ причинъ весьма видное мѣсто занимаетъ, конечно, какъ мы не разъ уже указывали, во первыхъ, неустойчивость нашей внутренней политики, постоянныя колебанія и впередъ и назадъ, податливость ея къ запугиваніямъ со стороны, съ самаго начала ставшей въ оппозицію преобразовательной дѣятельности правительства и пользовавшейся всякою случайностью, чтобы тормозить эту дѣятельность и извращать ея результаты. Подобное отсутствіе неуклоннаго слѣдованія одной опредѣленной системѣ, по разъ намѣченному пути, подобная шаткость всегда и вездѣ производили и будутъ производить извѣстнаго рода деморализацію въ средѣ общества и даже въ самомъ правительствѣ, подрывая взаимное между ними довѣріе, поселяя, съ одной стороны, неувѣренность въ прочности учреждений, въ неприкосновенности правъ, съ другой,—поддерживая сомнѣніе въ своевременности созданныхъ учреждений и данныхъ правъ и усиливая, по большей части, неосновательную мнительность, которая побуждаетъ обыкновенно кастрировать свое собственное созданіе. Другою, не менѣе ядовитою причиною должно признать угнѣздившуюся на нашей почвѣ язву крамолы, живучесть и, такъ сказать, назойливость которой не мало обезкураживаетъ наше общество. Мы не разъ высказывали наше мнѣніе объ этой язвѣ, которое можетъ казаться парадоксальнымъ, но мы и теперь, послѣ всего, что было, продолжаемъ держаться его. Мы по-прежнему думаемъ, что язва эта не есть непосредственный, само-бытный продуктъ нашей почвы, нѣчто нормально и естественно при-

сущее ей, какъ, напримѣръ, социализмъ западной Европы, даже какъ феніанизмъ Ирландіи. Для насъ это подтверждается тѣмъ, между прочимъ, что крамола наша, постоянно заявляющая себя защитницею яко-бы народа; именно въ этомъ-то народѣ и не встрѣчала никогда сочувствія, исключая крайне немногихъ личностей, совершенно отбившихся отъ народа; чего, однако, вовсе нельзя приписывать неразвитости народа, потому что соблазны, которыми крамольники искушали и старались увлечь народъ, были такого рода, что именно темный и неразвитый людъ и могли обмануть и увлечь скорѣе всего, такъ какъ касались самыхъ близкихъ и непосредственныхъ интересовъ ихъ, хорошо понятныхъ и для неразвитаго. Такимъ образомъ, крамола наша, по крайней мѣрѣ, первоначально, была явленіемъ заноснымъ, прививнымъ, назначеннымъ служить тѣмъ орудіемъ противъ Россіи, которымъ никогда не брезгали нѣкоторые, извѣстнаго закала, политическіе дѣятели западной Европы. Этимъ орудіемъ она остается и до настоящаго времени. Мы не отрицаемъ, однако же, что теперь язва крамолы успѣла настолько уже угнѣздиться у насъ, что дѣйствуетъ уже, можетъ быть, сама собою, непосредственно, и хотя главное направленіе продолжаетъ получать извнѣ, но уже отъ руководителей изъ собственной среды, дѣйствующихъ уже самостоятельно. Такое упроченіе, такое развитіе крамола наша могла получить лишь на почвѣ общественнаго пессимизма, который самъ въ значительной степени явился продуктомъ ошибокъ и промаховъ нашей внутренней и внѣшней политики, и тамъ, и тутъ, лишенной твердой устойчивости, энергіи и вѣры въ себя и въ народъ,—политики, вѣчно колеблющейся, начинающей и недодѣлывающей, уступающей всякому давленію, какъ-бы боящейся, наконецъ, прямо, открыто, высоко поднять свое знамя (и это въ самодержавной Россіи!..) народнаго блага и національной чести во что бы то ни стало. Мы знаемъ, что это знамя унаслѣдовано молодымъ Царемъ. Да поможетъ ему Богъ поднять это знамя и твердо, неизменно водрузить на подобающей высотѣ, чтобы все, и внутри, и внѣ, имѣющее очи видѣть, видѣло его. Вотъ что нужно намъ теперь, а все остальное дастся намъ само собою, не вдругъ, не тотчасъ, но дастся—это вѣрно!

Возвращаемся къ нашему изслѣдованію. Мы указали выше три причины одолевшаго насъ недуга—общественнаго пессимизма. Это причины дѣйствительныя и мы вполне признаемъ ихъ такими. Нельзя отрицать однакоже, что, поддавъ этому недугу, общество наше, по крайней мѣрѣ извѣстная часть его, слишкомъ пассивно поддалась ему. Оно не только отказывается отъ всякой борьбы съ недугомъ и порождающими его причинами, отъ всякаго отпора, но, подобно людямъ,

исключительно страдающимъ меланхоліею, какъ-бы питается своими скорбями и печальми, находитъ какъ-бы какое-то наслажденіе въ рас-
 травливаніи своихъ язвъ и, отрекшись не только отъ потребности въ
 утѣшеніи, но чуть-ли не отъ самаго признанія этой потребности, отъ
 самаго желанія этого утѣшенія, всецѣло посвятило себя упражненію
 въ бесплодномъ нитѣ и хныканьѣ; въ какомъ-то безцѣльно-злорадномъ
 самозаушеніи, самооплеваніи, окончательно убивающемъ всякую силу,
 всякую энергію, всякую вѣру въ самую возможность чего-либо лучшаго.
 Когда человѣкъ утратитъ уваженіе къ своему горю, потеряетъ способ-
 ность стыдиться своего нравственнаго безсилія, возмущаться имъ, и
 взаи́мъ того приобрѣтетъ способность цинично издѣваться надъ сво-
 имъ горемъ, безстыдно погѣмать себя и другихъ своимъ нравствен-
 нымъ безсиліемъ,—это верхъ паденія, верхъ духовной нищеты его.
 Ужасно положеніе такого человѣка. Что же сказать, когда цѣлое обще-
 ство или хотя-бы только болѣе или менѣе значительная часть его
 добровольно повергаетъ себя въ такое состояніе?

Ни одному изъ великихъ историческихъ народовъ міра не при-
 ходилось создавать свою исторію посреди болѣе неблагоприятныхъ жиз-
 ненныхъ условий и обстоятельствъ, какъ намъ; какъ нашему русскому
 народу и въ особенности его великорусскому племени. Ни одному изъ
 великихъ историческихъ народовъ не приходилось вести такой тяж-
 кой, такой суровой борьбы за свое національное существованіе и зна-
 ченіе, какъ опять-таки намъ же, нашему же русскому народу; ни
 одинъ изъ нихъ, ради этого, не перенесъ столько бѣдствій и не про-
 явилъ столько мужественной стойкости, столько политической умѣ-
 лости жертвовать частными интересами общему дѣлу. Суровый кли-
 матъ, скудная почва, покрытая глубокими озерами, непроходимыми
 лѣсами и болотами,—вотъ та обстановка, посреди которой появляется
 нашъ народъ при началѣ своей исторической жизни. Зброшенный
 въ глухой сѣверо-восточный уголъ европейскаго материка, удаленный
 отъ цивилизующаго вліянія моря, лишенный всякаго участія въ бога-
 томъ наслѣдствѣ великихъ народовъ древняго міра, поставленный на
 рубежѣ двухъ міровъ, востока и запада, въ эпоху великаго передви-
 женія народовъ,—онъ долженъ былъ принимать на себя первый напоръ
 дикихъ кочевыхъ ордъ, стремившихся изъ глубины Азіи, отъ подно-
 жія уральскаго хребта, на западъ, и закрывать собою Европу отъ этого
 наводненія всеосрушающаго варварства. Припертый съ запада романо-
 германскимъ, католическимъ міромъ, окруженный съ сѣвера, востока
 и юга дикими или полудикими народами финско-монгольскаго міра,
 онъ втеченіи десяти вѣвовъ велъ неустанную борьбу. Правда, что
 пока онъ встоцался въ этой борьбѣ, поглощавшей все время и всѣ

силы его, прикрытая имъ Европа, пользуясь богатымъ наслѣдствомъ греко-римскаго міра, далеко обогнала его по пути цивилизаціи; но зато, въ то же время, когда другіе соплеменные ему народы, поставленные и природою, и судьбою въ несравненно болѣе благопріятныя, по-видимому, условія, падали одинъ за другимъ и, теряя свою самостоятельность, а съ нею иногда и вѣру, и языкъ свой, а нѣкоторые и свою племенную личность, болѣе или менѣе надолго покидали арену исторіи, а то и вовсе исчезали съ нея навсегда,—онъ одинъ изъ всего славянства не сломился въ борьбѣ и не только съумѣлъ отстоять себя, но, постоянно побѣждая окружающія его враждебныя племена и народы, поглотилъ одни, подчинилъ себѣ другіе, и на развалинахъ ихъ прежней силы и могущества создалъ величайшее въ мірѣ государство, и хотя поздно, но взялъ у Европы принадлежащую ему долю цивилизаціи... Будетъ! Остановимся и на этомъ.

Въ чему же, спросятъ насъ, вся эта похвальба прошлому, вовсе не во времени, и напоминающая капитолійскихъ гусей Кржилова? Да это вовсе не похвальба, читатель. Самохвальство вовсе не въ характерѣ нашего народа, который скорѣе погружается въ массѣ излишнимъ смиреніемъ, а въ обществѣ—напраснымъ самоприниженіемъ передъ другими народами. Это не похвальба, а лишь напоминаніе о томъ, что намъ, обществу нашему, составляющему часть, и пожалуй передовую, такого великаго историческаго дѣятеля и страстотерпца-народа, недостойно впадать въ тотъ самоубійственный и позорный песимизмъ, о которомъ мы говорили выше, каковы бы ни были осаждающія насъ въ настоящее время неблагопріятныя обстоятельства. Тяжесть этихъ обстоятельствъ, по крайней мѣрѣ матеріально, гнететъ нашъ народъ, конечно, еще болѣе, чѣмъ общество; однакоже въ средѣ народа вы нигдѣ не встрѣтите такого упадка духа, такого малодушія, и вовсе не потому, чтобы онъ, яко-бы, по невѣжеству, по грубости своей, не сознавалъ, не чувствовалъ одолюющей его экономической тяготы, а потому, что простымъ здравымъ смысломъ своимъ онъ понимаетъ, что въ бѣдѣ-то именно и не слѣдуетъ покладывать руки. Онъ и не покладываетъ ихъ, а ищетъ выхода, какъ можетъ и какъ умѣетъ, но никогда не приходитъ въ отчаяніе. «Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ», «все перемелется—мука будетъ», говоритъ онъ въ своемъ наивномъ оптимизмѣ, который все-таки лучше нашего интеллигентнаго песимизма. Такимъ, между прочимъ, выходомъ онъ всегда считалъ переселеніе, и вотъ почему, по мѣрѣ возрастанія въ послѣдніе годы его экономическихъ затрудненій, вслѣдствіе все сильнѣе и сильнѣе дающаго себя чувствовать малоземелья, а также повторяющихся неурожаевъ, усмилось въ народѣ стремленіе къ переселенію. Къ этого же рода попыт-

камъ помочь бѣдамъ своимъ принадлежать и тѣ неоднократные случаи, въ средѣ крестьянскаго населенія, общественныхъ приговоровъ о недопущеніи въ своей деревнѣ открытія кабаковъ. Отсутствіе помощи, а главное, разумнаго руководства лишало до сихъ поръ очень часто переселеніе снасительнаго его свойства, а основанная на кабакѣ финансовая система парализовала нерѣдко самопроизвольныя стремленія крестьянъ къ ограниченію пьянства. Пусть же и общество послѣдуетъ въ этомъ примѣру народа и тѣмъ болѣе проявитъ энергіи, чѣмъ труднѣе положеніе.

Вступимъ же, читатель, въ новый годъ по возможности съ бодримъ духомъ, а главное, не будемъ ничего отвѣчать прежде времени, какъ принялись было нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ по отношенію къ совѣщаніямъ свѣдущихъ земскихъ людей. Призвавъ ихъ, правительство видимо обнаружило искреннее желаніе свое узнать живую народную правду и вмѣстѣ съ тѣмъ сознание, что въ одной бюрократіи оно не видитъ уже возможности найти эту живую правду. Можетъ быть опытъ сдѣланъ былъ въ слишкомъ ограниченномъ размѣрѣ, но вѣдь таковы всегда первые опыты. Обязанность печати была поддержать этотъ опытъ и первыхъ его дѣятелей, восполняя ограниченность опыта и помогая, съ своей стороны, дѣятелямъ трезвою разработкою предложенныхъ имъ вопросовъ, что, конечно не было бы ими пренебрежено, оставлено безъ вниманія и безъ помощи для дѣла, а не подрывать значеніе опыта и не обезкураживать дѣятелей повально отрицательнымъ отношеніемъ къ тому и другимъ. Не все вдругъ, господа! Въ извѣстныхъ обстоятельствахъ не слѣдъ гоняться за западными журавлями въ небѣ, а слѣдуетъ довольствоваться хотя-бы синицею въ рукахъ. Да и то еще вопросъ: все ли то хорошо и пригодно для насъ, что кажется хорошимъ на западѣ. У запада была своя исторія, у насъ своя, непохожая на ту, а потому и результаты этихъ исторій не могутъ быть одинаковы. Немало бѣдъ и разочарованій причинило намъ слѣпое подражаніе западу. Покойный Тютчевъ былъ совершенно правъ, сказавъ, что Россія «особенная статья» и что ее «аршиномъ общимъ не измѣрять». Она ни Европа, ни Азія, ни востокъ, ни западъ, въ строгомъ смыслѣ слова. Поставленная на рубежѣ этихъ двухъ міровъ, восточнаго и западнаго, и захватывая части того и другаго, съ присущими каждому изъ нихъ особенностями, она представляетъ совершенно особый міръ, который, по самой силѣ вещей, не можетъ быть сколько-нибудь исключительно котораго нибудь одного изъ сосѣднихъ міровъ. Трудность ея міровой задачи въ томъ и заключается, что она должна найти, создать особый самостоятельный терминъ, особую норму, которая гармонически совмѣщала бы въ себѣ, примиряла въ себѣ въ формѣ, равно дѣйствующей, несомвѣстимыя и непримиримыя, повиди-

мому, особенности, требованія и условія двухъ міровъ. Нельзя сравнивать Россію и съ Америкою, хотя и есть между ними нѣкоторыя точки совпаденія. Нельзя, говоримъ мы, сравнивать ихъ потому уже, что въ Америкѣ народъ-аборигенъ, не составляя сколько нибудь дѣйствующаго фактора въ государственной жизни, не имѣя никакого значенія, вовсе можетъ не приниматься и дѣйствительно не принимается тамъ въ расчетъ, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ; какъ-бы покоряясь роковой необходимости, постепенно таетъ, ступшевывается, исчезаетъ подъ напоромъ пришлаго населенія. Краснокожее племя видимо вымираетъ отъ привосновенія цивилизаціи, и недалеко то время, когда представителей этихъ былыхъ хозяевъ Сѣверной Америки придется разыскивать, какъ этнографическую и антропологическую рѣдкость. Что же касается до пришлаго населенія этой части свѣта, то, по существу своему, она составляетъ, такъ сказать, конгломератъ различныхъ человѣческихъ племенъ и народовъ; но дѣло въ томъ, что за самымъ сравнительно ничтожнымъ исключеніемъ, да и то явившимся лишь въ послѣднія 20—25 лѣтъ, вся составная масса этого конгломерата составила изъ выходцевъ изъ западной Европы, хотя и принадлежащихъ къ разнымъ народамъ ея, но въ громадномъ, подавляющемъ большинствѣ—къ англо-германскому племени. Эмигранты романскаго племени составляютъ сравнительно незначительное меньшинство, а эмигранты другихъ расъ почти совершенно теряются въ массѣ двухъ первыхъ. Но кромѣ преобладающаго племеннаго единства англо-германской расы, всѣ европейскіе элементы, къ какому бы племени ни принадлежали они, соединены между собою болѣе или менѣе единствомъ общеевропейской культуры; вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ человѣческомъ конгломератѣ нѣтъ связи, исконнаго сродства и общихъ историческихъ традицій. Америка не семейный домъ, а гостинница, гдѣ нѣтъ ни гостей, ни хозяевъ, ни своихъ, ни чужихъ. Переселенцы, являясь разрозненными пришельцами въ среду прежде ихъ водворившихся такихъ же пришельцевъ, съ которыми у нихъ нѣтъ никакихъ общихъ кровныхъ интересовъ, волею-неволею должны пристраиваться, такъ сказать, къ этой готовой средѣ и, благодаря общности культуры, болѣе или менѣе легко приспособляться къ ней. Постоянно происходитъ смѣшеніе племенъ, въ которомъ постепенно стираются племенные особенности каждаго и вырабатывается новый всеобщій типъ. Совершенно не то въ Россіи. Иностранныхъ переселенцевъ въ ней относительно немного. Населеніе ея составляютъ народы-аборигены, изъ которыхъ большая часть живетъ, такъ сказать, вкупѣ на искони принадлежащей его племени землѣ, вслѣдствіе чего между ними упорнѣе сохраняются свойственныя каждому изъ нихъ особенности расы языка, религіи, культуры и труднѣе поддаются влиянію, а тѣмъ болѣе

асимиляціи ея господствующимъ племенемъ, которое хотя изъ своего родового гнѣзда и рассыпалось поцѣлому государству, но въ главныхъ родовыхъ гнѣздахъ различныхъ инородческихъ племенъ, являясь чужимъ, должно считаться съ мѣстными условіями, и потому лишь крайне медленно можетъ производить на нихъ свое культурное и асимилационное вліяніе. При всякомъ случаѣ, при всякомъ обстоятельствѣ, оно должно принимать во вниманіе, въ расчетъ, всѣ эти особенности, историческія, этнографическія и культурныя, этихъ разноплеменныхъ приемышей и, къ сожалѣнію, слѣдуетъ сказать, что въ силу стародавней (не уходящей, однако, за время Петра Великаго) ошибки нашей внутренней политики, это принятіе въ расчетъ, вопреки общегосударственному интересу, заходитъ гораздо далѣе, чѣмъ слѣдуетъ, далѣе даже, чѣмъ требуетъ справедливость, прямо во вредъ государству и въ обиду и извѣнъ господствующему племени. Говоря вообще, Россія гораздо благодушнѣе къ приемышамъ, чѣмъ къ своимъ собственнымъ дѣтямъ. Извѣстный фаворитъ императора Александра I, князь Адамъ Чарторыйскій, не даромъ сказалъ, что въ Россіи хуже всего быть русскимъ, и, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ тому времени, къ которому относятся слова эти, ихъ нельзя не признать безусловно вѣрными, ибо дѣйствительно въ то время вышеупомянутая нами ошибка нашей внутренней политики, не смотря на то, что, по независимымъ отъ виновника ея обстоятельствамъ, онъ не успѣлъ сдѣлать всего, чего желалъ и что предполагалъ, тѣмъ не менѣе доведена была до такихъ волосальныхъ размѣровъ, что передъ нею ступшевывается даже даровой возвратъ Петромъ III Фридриху II завоеванной русскою кровью восточной Пруссіи, — послѣдствія этой ошибки и до сихъ поръ даютъ себя чувствовать Россіи.

Подобнаго рода измѣна національной политикѣ, интересамъ своего народа, снова приводитъ насъ къ тому, о чемъ говорили мы выше, т. е. что для оздоровленія своего Россія не можетъ брать лекарство исключительно изъ практики западной Европы. Будемъ черпать изъ нея то, что хорошо и полезно безотносительно, что пригодно для насъ по нашей національной комплекціи, не забывая пословицы: «что русскому здорово, то нѣмцу — смерть», и наоборотъ. Не будемъ возводить китайской стѣны между собою и Европою, но не станемъ также и пригонять себя во что бы то ни стало по ея шаблону, такъ, чтобы не стало и замѣтно, гдѣ кончается Россія и гдѣ начинается Европа. Принимая горячее участіе въ развитіи общечеловѣческой цивилизаціи, пусть Россія усваиваетъ ее въ самомъ широкомъ размѣрѣ, но постоянно согласуя ея начала и требованія [съ началами и требованіями нашего народнаго духа и нашей исторіи, и такимъ образомъ, не отставая на пути этаго

развитія, но оставаясь сами собою. Вотъ напи задшевные желанія, съ которыми мы встрѣчаемъ наступающій новый 1882 годъ.

Мы тѣмъ сильнѣе высказываемъ эти пожеланія, что усматриваемъ извѣстнаго рода основанія къ нимъ въ настоящей дѣятельности нашего правительства, въ его заявленныхъ стремленіяхъ, въ предпринятыхъ имъ начинаніяхъ, если еще не давшихъ, то обѣщающихъ давно желательное. Насколько наступающій годъ оправдаетъ эти обѣщанія,—покажетъ будущее. Пока важно то, что всѣ заботы правительства, всѣ его начинанія направлены въ настоящее время главнѣйшимъ образомъ на воспособленіе нуждъ народной, нуждамъ нашего сельскаго населенія. Мы уже не разъ говорили, что нигдѣ экономическое благосостояніе государства не находится въ такой тѣсной связи и зависимости отъ благосостоянія именно сельскаго населенія, составляющаго у насъ главную производительную платящую силу. «Какъ численно преобладающій элементъ,—говоритъ профессоръ Кавелинъ,—крестьянство, самымъ фактомъ своего существованія, должно имѣть огромное вліяніе на весь нашъ бытъ, на весь строй нашей общественной и государственной жизни, и, слѣдовательно, составляетъ нашъ главный національный интересъ, совершенно независимо оттого, отвѣчаетъ ли оно нашимъ личнымъ симпатіямъ или нѣтъ. Центръ нашей національной жизни въ крестьянствѣ». Это-то именно и было пренебрежено у насъ до такой степени, что освобожденіе крестьянъ съ землею не только не повело къ подъему ихъ матеріальнаго и нравственнаго состоянія, но, благодаря явному несочувствію къ этому освобожденію нѣкоторыхъ изъ бывшихъ государственныхъ дѣятелей и близорукости другихъ, привело почти къ совершенно противоположнымъ результатамъ. «Едва успѣло положеніе 19 февраля 1861 г. стать закономъ,—говоритъ уже цитированный нами профессоръ,—какъ духъ ихъ отлетѣлъ и осталась одна буква; но и самая буква ихъ, гдѣ только было возможно, объяснялась въ ущербъ, а не въ пользу миліоновъ новыхъ русскихъ гражданъ; административная практика не стѣснялась и буквою, чтобы помѣшать имъ воспользоваться ихъ законнѣйшими правами. Учрежденія, созданныя въ 1861 году, подъ давленіемъ самыхъ неблагопріятныхъ условій, зачахли и замерзли; существенный ихъ смыслъ искаженъ. Постановленія и мѣропріятія, которыя хоть сколько нибудь ограждали и обезпечивали матеріальный бытъ крестьянъ, исчезли и не были замѣнены ничѣмъ соотвѣтствующимъ. Къ прежнему невѣжеству и грубости народныхъ массъ прибавилось еще разореніе, доводящее ихъ до отчаянія и ожесточенія. Юридическая ихъ зависимость и административная надъ ними опека замѣнились столько же безсердечнымъ, но еще гораздо худшимъ экономическимъ гнетомъ». Послѣдствія такого положенія дѣль не замедлили отразиться

на народѣ и государствѣ. Къ сожалѣнію, указанія жизни, благодаря той же близорукости, слишкомъ долго, умышленно или неумышленно, оставались безъ вниманія. Втеченіи многихъ лѣтъ всѣ заботы правительства были обращены исключительно на помощь и развитіе торговли и промышленности, причѣмъ совершенно было забыто, что въ Россіи, какъ странѣ по преимуществу земледѣльческой, и торговая промышленность главнымъ образомъ обусловливается состояніемъ сельскаго и, болѣе всего, крестьянскаго хозяйства. Спекулятивно можно нѣкоторое время раздуть первыя даже до обманчиво громаднхъ размѣровъ, но спекуляція никогда не обогащала никакое государство; истинное же и прочное развитіе и процвѣтаніе ихъ, въ особенности у насъ въ Россіи, возможно, когда онѣ опираются на равномерное развитіе земледѣльческой производительности. Эту-то старую истину и не замедляя подтвердить намъ горькій опытъ. Патронируемыя не въ мѣру различныя желѣзнодорожныя, банковыя и коммерческія предпріятія дали небывалое до сихъ поръ движеніе спекуляціи и стремленіемъ къ легкой наживѣ и хищничеству обогатили немногихъ, но разорили всѣхъ и прежде всего, и болѣе всего народъ, а съ нимъ и государство, богатство и благосостояніе котораго, какъ мы выше уже сказали, покоится не на богатствѣ сотенъ счастливыхъ спекулянтовъ, а не обезпеченномъ состояніи главной опоры своей—многомиліоннаго сельскаго населенія. Давно подготовлявшійся и, наконецъ, разразившійся въ послѣдніе годы экономической кризисъ, на угрожающіе симптомы котораго давно уже указывали благоразумные люди и въ печати, и въ земствѣ, властно показавъ, наконецъ, что нельзя идти далѣе по тому пути, по которому такъ долго вели Россію. Послѣднее время минувшаго царствованія знаменательно именно тѣмъ искреннимъ поворотомъ, который совершился въ правительствѣ. Понятно было, что изцѣленіе нашихъ внутреннихъ недуговъ надо начинать съ основъ, такъ сказать, съ фундамента государства—съ народа, съ сельскаго населенія. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ составлена была еще въ концѣ 1880 г. програма тѣхъ задачъ, къ разрѣшенію которыхъ слѣдуетъ приступить немедленно. Существенныя черты этой програмы можно сгруппировать въ слѣдующемъ: 1) обязательный выкупъ для крестьянъ всѣхъ губерній, какъ нечерноземныхъ, такъ и черноземныхъ; 2) уравненіе падающихъ на крестьянъ повинностей съ другими сословіями; 3) пониженіе выкупныхъ платежей въ губерніяхъ и уѣздахъ, гдѣ они не соотвѣтствуютъ выгодамъ отъ земли; 4) содѣйствіе крестьянамъ къ покупкѣ недостающей для самостоятельнаго хозяйства земли; 5) общее облегченіе выхода изъ обществъ и переселеній; 6) правильная организація переселеній изъ густонаселенныхъ губерній, и 7) пересмотръ крестьянскихъ учрежденій. Настоящее пра-

вительство, какъ мы видимъ, не только вполне усвоило себѣ эту почетную програму, но расширило ее присоединеніемъ вопроса весьма важнаго въ бытѣ народа—вопроса объ изысканіи средствъ къ уменьшенію въ средѣ его пьянства, составляющаго одну изъ язвъ, подтачивающихъ народное благосостояніе, и сверхъ того, къ разрѣшенію задачъ програмы примѣнило, какъ мы знаемъ, весьма рациональный методъ призыва свѣдущихъ земскихъ людей. Мы выше упомянули, что при общемъ сочувствіи этому методу въ принципѣ, въ обществѣ и въ печати можно было слышать сѣтованія на то, что методъ этотъ заключенъ въ слишкомъ тѣсныя рамки и что цѣлесообразнѣе было бы подвергнуть всѣ эти вопросы обсужденію земскихъ или, по крайней мѣрѣ, губернскихъ комитетовъ въ родѣ тѣхъ, которые повсемѣстно составлены были по вопросу объ освобожденіи крестьянъ.

Къ высказанному нами выше по этому поводу мнѣнію, мы прибавимъ еще, что передача помннутыхъ вопросовъ на обсужденіе земствъ или комитетовъ потребовала бы вѣроятно слишкомъ много времени, чѣмъ, конечно, отдалилось бы и самое разрѣшеніе вопросовъ; а правительство, повидимому, именно и желаетъ избѣжать этой проволоки и желаетъ достигнуть этого разрѣшенія какъ можно скорѣе, въ виду крайней его настоятельности и пропущеннаго и безъ того уже слишкомъ многого времени. Въ поднятій этого вопроса, а также и вопроса о переселеніяхъ видимо обнаруживается стремленіе правительства уравнивать, облегчить народу, насколько возможно, пути къ тѣмъ выходамъ изъ своего бѣдственнаго состоянія, до которыхъ народъ додумался самъ, какъ указано нами выше. Ту же цѣль имѣютъ и остальные пункты програмы, каковы: уменьшеніе выкупныхъ платежей, обязательный выкупъ для крестьянъ, остающихся еще во временно обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, и содѣйствіе крестьянамъ къ покупкѣ недостающей имъ земли. По отношенію къ послѣднему, «Московскія Вѣдомости» (№ 280) сообщаютъ, «что учрежденною при министерствѣ финансовъ особою комисіей выработанъ уже проектъ устройства поземельнаго крестьянскаго кредита для покупки владѣльческихъ земель на мѣстахъ поселенія переселенцевъ. Проектъ этотъ имѣетъ цѣлью: во первыхъ, облегчить разселеніе крестьянъ въ губерніяхъ малонаселенныхъ и; во вторыхъ, оказать содѣйствіе къ переселенію такимъ крестьянамъ, которые пользуются надѣлами въ одну десятину и менѣе». Что же касается до обязательнаго выкупа надѣловъ крестьянъ, состоящихъ еще во временно обязанныхъ отношеніяхъ, то сознаніе необходимости и справедливости этой мѣры сказывалось уже давно въ средѣ самого помѣстнаго дворянства, по крайней мѣрѣ лучшей его части. Съ особенною силою оно проявилось въ концѣ 1880 г. и началѣ 1881 г. въ нѣкоторыхъ дворянскихъ со-

браніяхъ. Такъ, напримѣръ, въ курскомъ дворянскомъ собраніи въ январѣ прошлаго года «Голосъ», (№ 24, 1881 г.) собраніе приняло слѣдующее предложеніе дворянина Полянскаго:

«19 февраля 1881 года истекаетъ 20 лѣтъ со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Между тѣмъ, значительная часть крестьянъ остается во временно-обязанныхъ отношеніяхъ къ ихъ бывшимъ помѣщикамъ. Такія отношенія вредно отражаются на экономическомъ благосостояніи крестьянъ и противорѣчатъ тѣмъ общимъ началамъ равноправности и свободы, которыя положены Царемъ-Освободителемъ въ основу всѣхъ великихъ дѣяній его славнаго царствованія».

«Курское дворянство, желая, съ своей стороны, содѣйствовать окончательному исполненію благой мысли возлюбленнаго монарха и, вмѣстѣ съ тѣмъ, облегчить положеніе наиболѣе обремененной части сельскихъ сословій, постановляетъ:

«Отказаться отъ предоставленныхъ ему закономъ правъ изъявлять свое согласіе или несогласіе на выкупъ временно-обязанными крестьянами полевыхъ надѣловъ и просить правительство ввести съ 19 февраля 1881 года одновременный обязательный выкупъ всѣхъ невыкупленныхъ еще крестьянскихъ надѣловъ, не привлекая крестьянъ къ уплатѣ какой-нибудь части выкупной ссуды и принявъ всю эту сумму полностью на счетъ казны».

Подобное же предположеніе, если еще не въ болѣе широкомъ смыслѣ, было внесено П. О. Дурново въ засѣданіи губернскаго собранія петербургскихъ дворянъ. Дурново, въ пространномъ докладѣ, доказывалъ собранію «необходимость ходатайствовать объ обязательномъ выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ съ отказомъ при этомъ со стороны помѣщиковъ отъ $\frac{1}{5}$ части выкупныхъ платежей, о пересмотрѣ положеній о крестьянахъ наравнѣ съ преобразованіемъ и самыхъ учреждений по крестьянскимъ дѣламъ, и объ употребленіи запаснаго капитала, образовавшагося изъ полупроцентнаго вычета выкупныхъ платежей, на улучшеніе быта крестьянъ.

Такимъ образомъ онъ указалъ даже источникъ, который можетъ доставить средства для улучшенія крестьянскаго быта. На тотъ же источникъ, въ докладѣ своемъ тому же собранію еще ранѣе, именно въ засѣданіи 15 февраля 1881 г., указалъ и г. Дурасовъ, состоящій при главномъ выкупномъ учрежденіи депутатомъ отъ петербургскаго дворянина. Въ докладѣ его видно, что капиталъ, составившійся изъ полупроцентнаго сбора съ выкупныхъ платежей, собираемыхъ съ нихъ, сверхъ самыхъ платежей остается на храненіи въ государственномъ банкѣ не только въ безгласности, но чуть ли и не въ безызвѣстности. До какой степени капиталъ этотъ составляетъ нѣкотораго рода тайну можно судить потому, что въ преніяхъ, возникшихъ по поводу этой части

доклада г. Дурасова, нѣкоторые изъ членовъ собранія признавали его скорѣе какимъ то теоретическимъ понятіемъ, чѣмъ извѣстною реальною величиною; но во всякомъ случаѣ до того таинственною, что въ то время, когда одни, и въ томъ числѣ самъ г. Дурасовъ, по справкѣ опредѣляли его въ 15 миліоновъ, по вычисленіямъ другихъ оказывалось, что онъ долженъ восходить до 40.000,000 рублей. Разница, какъ видите, достаточно замѣтная. Разъяснить такоенедоумѣніе о размѣрѣ капитала могъ бы, конечно, лучше всего участвовавшій въ собраніи, въ качествѣ дворянина Петербургской губерніи, бывшій управляющій государственнымъ банкомъ; но г. Ламанскій нашель, повидимому, сочленовъ своихъ не достаточно дозрѣлыми, чтобы ввѣрить имъ этотъ банковскій секретъ. Ему не понравилось, повидимому, и самое откровеніе г. Дурасова объ этомъ безвѣстномъ для многихъ кладѣ, хранящемся въ государственномъ банкѣ, и онъ ограничился краткимъ заявленіемъ, что капиталъ этотъ имѣетъ специальное назначеніе на покрытіе недоимокъ по выкупнымъ платежамъ, доходящимъ яко-бы до 8% всего платежа, а потому и не можетъ быть употребленъ въ помощь крестьянамъ на покупку земель и другія неотложныя ихъ нужды. Таково, конечно, личное мнѣніе г. Ламанскаго, но мы, вмѣстѣ съ «Голосомъ» (1881 г. № 51) думаемъ, что полупроцентный сборъ съ крестьянъ сверхъ выкупныхъ платежей, по существу своему, не составляя какого нибудь особаго вида государственныхъ податей, отнюдь не можетъ поступать въ пользу казны. Это капиталъ чисто крестьянскій, который и долженъ служить на воспособленіе крестьянской же нуждѣ. Государственный же банкъ является по отношенію къ этому капиталу лишь комисіонеромъ, обязаннымъ строгой и гласной отчетностью по всѣмъ операціямъ ввѣреннаго ему вѣлада. Съ этой точки зрѣнія прежде всего разумѣется желательнo, чтобы накопившійся втеченіи 20 лѣтъ этотъ запасный крестьянскій капиталъ былъ приведенъ въ ясность и извѣстность, а затѣмъ, мы думаемъ, что онъ-то и могъ бы послужить готовымъ фондомъ для предполагаемаго банка крестьянскаго кредита вообще, а въ томъ числѣ и поземельнаго, и притомъ кредита деневаго до крайняго минимума, въ какомъ именно и нуждается наше захудалое сельское населеніе. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что такое учрежденіе тогда только вполнѣ исполнитъ свое назначеніе и принесетъ народу возможно большую пользу, когда кредитъ его будетъ повсемѣстно легко доступенъ и обставленъ сколь возможно меньшими формальностями.

Возвращаясь къ вопросу о прекращеніи временно-обязанныхъ отношеній крестьянъ къ прежнимъ ихъ помѣщикамъ, въ каковыхъ находятся еще, если не ошибаемся, 20% всего бывшаго вѣрностнаго крестьянства, слѣдуетъ замѣтить, что лучшая и, думаемъ, большая часть нашего дворянства, какъ мы видѣли выше изъ постанов-

ленія курскаго дворянскаго собранія и изъ доклада г. Дурново въ петербургскомъ губернскомъ дворянскомъ собраніи, не только признаетъ необходимымъ окончательно прекратить эти обязанныя отношенія, допущенныя положеніемъ 19 февраля 1861 г., какъ уступка противникамъ освобожденія крестьянъ и то лишь въ видѣ временной переходной мѣры, но считаетъ притомъ требованіемъ справедливости, чтобы помѣщики, пользовавшіеся втеченіи 20 лѣтъ этою мѣрою, пожертвовали теперь 20% выкупнаго платежа въ пользу крестьянъ для облегченія перехода ихъ на выкупъ, но изъ числа этихъ помѣщиковъ найдутся и такіе, для которыхъ непонятно упомянутое требованіе справедливости, а что такіе найдутся, это доказывается оппозиціею, которую встрѣтило, напримѣръ, предложеніе г. Дурново въ петербургскомъ губернскомъ дворянскомъ собраніи, въ лицѣ бароновъ Майделя и Корфа, изъ которыхъ первый усмотрѣлъ въ предложеніи Дурново яко-бы посягательство на священныя права собственности, а второй не признавалъ для дворянъ никакой необходимости дѣлать новыя жертвованія въ пользу крестьянъ и самый вопросъ о прекращеніи временно обязанныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, которые сохранили эти отношенія, до сихъ поръ признавалъ несвоевременнымъ. Если такіе взгляды проводили только господа бароны, это было бы въ порядкѣ вещей, на то они и бароны, а баронамъ естественно сохранять свою остзейско-баронскую вѣру и тогда, когда они волею судьбы дѣлаются помѣщиками въ Россіи; но вмѣстѣ съ баронами столь же горячимъ оппонентомъ Дурново явился и Кашкаровъ, человекъ, повидимому, не остзейскій. Какъ-бы то ни было, но это доказываетъ, что такіе господа, крѣпко уцѣпившіеся хоть за остаточки крѣпостнаго права, существуютъ, и чего они не хотѣли выпустить изъ рукъ втеченіи 20 лѣтъ, то не пожелаютъ добровольно выпустить и теперь. Для временно-обязанныхъ крестьянъ это обстоятельство можетъ имѣть вотъ какое значеніе: По тѣмъ даннымъ, которыя передаютъ «Московскія Вѣдомости» и которыя, по увѣренію газеты, получены ею изъ достовѣрныхъ источниковъ, видно, что пониженіе выкупныхъ платежей допускается для временно-обязанныхъ крестьянъ только одновременно съ прекращеніемъ обязательныхъ отношеній, т. е. съ переходомъ ихъ на выкупъ. Такое условіе пониженія выкупныхъ платежей должно, конечно, усилить желаніе этихъ послѣднихъ къ переходу на выкупъ, дабы воспользоваться даруемою правительствомъ льготою; но, по положенію 19 февраля, они лишены права предъявлять требованіе о прекращеніи своихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ, т. е. о переходахъ отъ оброка къ выкупу. Это право предоставлено только помѣщикамъ, при нежеланіи которыхъ, крестьяне лишаются возможности воспользоваться пониженіемъ. Та-

нимъ образомъ, ко всѣмъ невыгодамъ временнаго положенія обязанныхъ крестьянъ, сравнительно съ положеніемъ крестьянъ, перешедшихъ на выкупъ, прибавляется еще новая. А невыгоды эти, къ слову сказать, и безъ того очень существенны. Помимо того, что при 9 р. оброкѣ, они за надѣлъ, при одинаковыхъ условіяхъ съ крестьянами-собственниками, и теперь платятъ 2 р. больше, чѣмъ выкупной платежъ за такой же надѣлъ, надо принять во вниманіе, что въ то время, когда ежегодные платежи крестьянъ-собственниковъ постепенно погашаютъ 49-ти-лѣтній выкупной долгъ и, въ періодъ времени, протекшій со дня перехода ихъ на выкупъ, успѣли уже погасить большую или меньшую часть этого долга и болѣе или менѣе приблизиться въ полному освобожденію отъ этого долга, оброкъ, уплачиваемый временно-обязанными крестьянами втеченіи уже двадцати лѣтъ и превосходящій притомъ, какъ сказано выше, на 2 р. выкупные платежи, не будетъ принятъ въ зачетъ при переходѣ ихъ хотя-бы теперь на выкупъ, который имъ придется выплачивать въ полной суммѣ за всѣ 49 лѣтъ; помѣщики же, удержавшіе до сихъ поръ крестьянъ въ обязательномъ къ нимъ отношеніи, получаютъ за свою землю, отошедшую въ надѣлъ крестьянамъ, по меньшей мѣрѣ въ полтора раза болѣе тѣхъ, которне съ самаго начала отпустили своихъ крестьянъ на выкупъ.

Простое требованіе справедливости не только обуславливаетъ правительство, но даже налагаетъ на него обязанность напомнить помѣщикамъ, не желающимъ разстаться добровольно съ временно-обязаннымъ отношеніемъ къ нимъ бывшихъ ихъ крѣпостныхъ крестьянъ, что то, что было допущено временно, не можетъ продолжаться и быть терпимо безконечно, и принять мѣры, чтобы эгоистическіе расчеты ихъ не лишили временно-обязанныхъ крестьянъ воспользоваться предположеннымъ правительствомъ пониженіемъ выкупной платы. «С.-Петербургскія Вѣдомости» (1881 г., № 282) полагаютъ: «что для облегченія теперь же выхода изъ переходнаго состоянія, относительно временно-обязанныхъ крестьянъ, было бы весьма умѣстно дополнить положеніе 19 февраля закономъ, дозволяющимъ, наравнѣ съ помѣщиками, и крестьянамъ заявлять требованіе перехода съ оброка на выкупъ. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ упомянутая газета,—что льготное положеніе крестьянъ-собственниковъ при пониженныхъ выкупахъ, побудитъ многія крестьянскія общества выходить изъ обязательнаго состоянія, и такимъ образомъ въ непродолжительномъ времени исчезнетъ это состояніе, которое существуетъ въ качествѣ необходимости переходнаго порядка». Мы думаемъ, однако, что установленіе обязательнаго выкупа представляетъ гораздо болѣе дѣйствительное и надежное средство покончить съ остатками крѣпостныхъ отношеній, какими мы всегда считали временно-обязанныя от-

пошенія и какими они были большею частью и были въ дѣйствительности, особенно тамъ, гдѣ оброкъ былъ замѣненъ издѣльною повинностью. Обязательный же выкупъ долженъ быть произведенъ на прежнихъ основаніяхъ, безъ переоцѣнки, а не по правиламъ отчужденія частной собственности, какъ предлагали нѣкоторые органы нашей печати, такъ какъ такое отчужденіе обуславливаетъ оцѣнку, современную отчужденію; цѣнность же земли съ 1861 г., какъ извѣстно, почти повсюду въ европейской Россіи болѣе или менѣе значительно увеличилась, и крестьяне не должны нести ущерба; за то бывшіе ихъ помѣщики не хотѣли добровольно своевременно войти въ виды правительства и оправдать его довѣріе. Если вѣрить «Московскимъ Вѣдомостямъ», то такъ именно смотритъ на это дѣло и правительство. По крайней мѣрѣ «Московская Газета» сообщаетъ, «что проектируемый государственнымъ совѣтомъ предположенія объ обязательномъ выкупѣ надѣловъ крестьянами, остающимися еще въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ въ губерніяхъ, состоящихъ на великороссійскомъ и малороссійскомъ мѣстныхъ положеніяхъ 19 февраля 1861 г., заключаются въ слѣдующемъ: а) общій срокъ для обязательнаго выкупа назначается 1 января 1883 г.; б) выкупная плата, на основаніи проектируемаго положенія, опредѣляется губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ въ размѣрѣ назначеннаго по уставной грамотѣ оброка, за скидкою 20%; если же оброкъ положенъ былъ по грамотѣ въ размѣрѣ меньшемъ противъ причитавшагося на основаніи мѣстнаго положенія и уменьшеннаго затѣмъ на 20%, то выкупной платежъ исчисляется губернскимъ присутствіемъ въ размѣрѣ оброка, назначеннаго по уставной грамотѣ; в) означенный выкупной платежъ немедленно понижается еще въ размѣрѣ 1 р. съ надѣльной души въ губерніяхъ, гдѣ дѣйствуетъ великороссійское положеніе, и на 16% съ каждаго домохозяина въ губерніяхъ и мѣстностяхъ, гдѣ введено малороссійское положеніе; г) во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне, вслѣдствіе разстройства ихъ быта, будутъ признаны нуждающимися въ особомъ спеціальномъ пониженіи, оно будетъ произведено по правиламъ, указаннымъ для сего въ особомъ мнѣніи государственнаго совѣта. За основаніе этого пониженія предполагается принять тѣ свѣдѣнія, которыя будутъ доставлены земствами по программамъ, уже разосланной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; предполагается поручить центральному статистическому комитету министерства внутреннихъ дѣлъ составить, на основаніи этихъ свѣдѣній, предположенія относительно спеціальнаго пониженія, которыя передать на заключеніе губернскихъ земскихъ собраній, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ земскія учрежденія не введены, губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, съ участіемъ непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ присут-

ствій тѣхъ уѣздовъ, гдѣ предположено пониженіе; по полученіи таковыхъ заключеній, окончательное разложеніе пониженія по каждому селенію предоставить взаимному соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и финансовъ; д) губерніскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія обязаны составить надлежащій расчетъ, сколько съ каждаго сельскаго общества причтается выкупнаго платежа за совершившимся пониженіемъ платежей, и расчеты эти отослать немедленно въ казенныя палаты; эти же послѣднія включают оныя въ окладные листы, посылаемые плательщикамъ. Означенные выкупные платежи вносятся въ окладные листы на 1888 г.; е) мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ, которые, на основаніи существующихъ правилъ, имѣютъ право и пожелаютъ получить за крестьянскій надѣлъ вознагражденіе въ размѣрѣ, установленномъ въ ст. 10 (п. 3) дополнительныхъ правилъ высочайше утвержденныхъ 19 февраля 1861 г. объ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, предоставляется заявить о такомъ своемъ желаніи губерніскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію до 1 июля 1882 года, послѣ каковаго срока означенное право ихъ прекращается и вознагражденіе имъ будетъ назначаться въ размѣрѣ выкупныхъ ссудъ на общемъ основаніи; ж) во всѣхъ мѣстностяхъ, на кои распространяется настоящій проектъ положенія, капитальный долгъ крестьянъ, по выкупной ссудѣ, уплачивается ими посредствомъ взноса опредѣленныхъ съ нихъ выкупныхъ платежей втеченіи сорока девяти лѣтъ, начиная съ 1 января 1883 г. При этомъ и на тѣхъ крестьянъ, которые, на основаніи вновь проектируемыхъ правилъ, сверхъ общаго пониженія, воспользуются также дополнительнымъ специальнымъ пониженіемъ, распространяется правило, изложенное въ ст. 115 положенія о выкупѣ, по которому, въ случаѣ, если крестьяне, сверхъ годичнаго выкупнаго платежа, сдѣлаютъ особый взносъ въ уплату капитальнаго, по выкупной ссудѣ, долга (на основаніи, указанномъ въ примѣчаніи къ приведенной ст. 115), то для нихъ, со слѣдующаго года, производится сбавка въ годичныхъ выкупныхъ платежахъ, въ размѣрѣ 60 к. на каждые 10 р. внесенной суммы. Такимъ образомъ правительство даетъ помѣщикамъ, недопускаящимъ до сихъ поръ выкупа, цѣлый годъ срока покаяться и обратиться на путь справедливости—это очень достаточно. Затѣмъ, для нераскаившихся грѣшниковъ, обязательный выкупъ установленъ въ размѣрѣ уставныхъ грамотъ, и крестьяне не лишаются права на пониженіе выкупныхъ платежей, гдѣ на 1 р., гдѣ на 16%. Весьма важно, что помимо общаго нормальнаго пониженія, для мѣстностей, гдѣ крестьяне находятся особенно въ разстроенномъ положеніи, допускается еще специальное пониженіе. Желательно, чтобы при опредѣленіи степени крестьянскаго бездолья, обуславливающаго это специальное воспособленіе, было обра-

щено вниманіе на причину бездоля: есть ли эта причина случайная, временная, какъ, напримѣръ, пожаръ, наездъ скота, неурожаи вслѣдствіе засухи, нападеніе вредныхъ насѣкомыхъ и т. п., или причина постоянная, заключающаяся въ дурномъ качествѣ надѣла, подѣ котораго иногда отводились самыя худшія земли, по оцѣнкѣ, равной съ лучшими землями той же мѣстности, вслѣдствіе чего, не смотря на общій подъемъ цѣнности земли съ того времени, опредѣленная тогда оцѣнка этихъ злокачественныхъ надѣловъ остается до сихъ поръ, несоизмѣрно съ ихъ качествомъ, высокою. Подобные случаи, напримѣръ, въ Мглинскомъ и Суражскомъ уѣздахъ, Черниговской губерніи, приобрѣли даже своего рода извѣстность.

Имѣя въ виду, что съ установленіемъ обязательнаго выкупа, съ начала будущаго года, число выкупныхъ сдѣлокъ уже съ нѣвыпятаго льготнаго года начнеть, по всей вѣроятности, быстро увеличиваться, необходимо теперь же принять мѣры къ приданію нѣсколько большей быстроты движенія вообще выкупной операціи въ главномъ выкупномъ учрежденіи, существующіе порядки котораго, по свидѣтельству г. Дурасова (въ докладѣ петербургскаго губернскаго дворянскаго собранія 16 февраля 1881 г.), состоящаго при этомъ учрежденіи въ качествѣ депутата отъ дворянъ Петербургской губерніи и, слѣдовательно, близко знакомаго съ дѣломъ, — при необыкновенной медленности дѣлопроизводства и множествѣ совершенно бесполезныхъ формальностей, чрезвычайно усложняютъ и тормазятъ успѣшный ходъ выкупной операціи.

Почтенное стремленіе нашего правительства, путемъ обязательнаго выкупа, покончить съ остатками крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ въ Россіи, по всей справедливости, слѣдовало бы распространить и на ту часть Россіи, которую по-истинѣ можно назвать русскою Ирландіею; такъ какъ настоящая зависимость нашихъ временно-обязанныхъ крестьянъ отъ ихъ бывшихъ помѣщиковъ можетъ быть названа самою широкою свободою сравнительно съ зависимостью безземельнаго прибалтійскаго сельскаго населенія отъ ихъ бароновъ-помѣщиковъ. Посвятивъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, почти все обозрѣніе этой злополучной окраинѣ нашей, мы заявили тогда, что не любимъ говорить о ней, неохотно касаемся ея жизни по естественному въ каждомъ русскомъ чувствѣ боли и стыда за Россію, остающуюся упорно глухою ко всѣмъ жалобамъ и мольбамъ кореннаго населенія Прибалтійскаго края, такихъ же гражданъ и дѣтей ея, какъ и остальное населеніе Россіи, которое неустанно, втеченіи многихъ лѣтъ, тщетно взываетъ къ ней о помощи, объ избавленіи его отъ ненавистнаго ига, сравнительно, горсти нѣмцевъ, въ угоду которымъ она обдѣлила это населеніе всѣми благами реформъ минувшаго цар-

ствованія. И это, дѣйствительно, горсть, ничтожное меньшинство, въ чемъ легко убѣдиться изъ фактовъ, которые приводитъ газета «Современныя Извѣстія». Вотъ что говоритъ названная газета по этому предмету: «1.500,000 латышей, 500,000 эстовъ, 100,000 русскихъ и 200,000 нѣмцевъ,—вотъ населеніе края. Не говоря о томъ, что русскіе принадлежатъ къ господствующей въ государствѣ народности, число ихъ относительно коренныхъ народностей всего на половину менѣе, нежели нѣмцевъ, а самихъ нѣмцевъ по отношенію къ численности всего населенія не хватаетъ и десяти процентовъ. И, однако, за какимъ языкомъ признавалось дѣловое значеніе въ краѣ? За нѣмецкимъ. На какомъ языкѣ дается образованіе? На нѣмецкомъ. Именно этимъ-то путемъ, путемъ школы и путемъ дѣлопроизводства, прикрѣпленнаго къ языку, облакаются въ нѣмецкую народность стихіи вовсе не нѣмціи. Даже изъ существующаго, сравнительно ничтожнаго десятаго процента, который представляется нѣмецкимъ населеніемъ, болѣе половины принадлежатъ не кореннымъ нѣмцамъ, а онѣмеченнымъ латышамъ и эстамъ. Германское происхожденіе не можетъ быть оспариваемо у дворянскихъ фамилій; но изъ числа бюргеровъ и вообще не дворянъ наберется едва пятидесятая часть, которая бы не находила латыша или эста въ своемъ и притомъ не очень отдаленномъ предѣлѣ».

И вотъ для этой горсти, для этой, менѣе чѣмъ $\frac{1}{10}$ части всего населенія края, сдѣлана была такая вопіющая несправедливость огромному большинству, $\frac{9}{10}$ этого населенія!.. Есть что-то обидное, что-то постыдное для великаго народа, для великаго государства, въ этой, ничѣмъ неоправдываемой, терпимости, почти равносильной потворству и попустительству той безобразно-наглой кичливости, съ которою эта горсть осмѣливается претендовать на какое-то обособленіе отъ остальныхъ гражданъ, на какое-то привилегированное положеніе въ средѣ его, наконецъ, на какое-то безконечное господство надъ своими мѣстными согражданами. Есть что-то просто унижительное, просто необъяснимое въ томъ,—скажемъ прямо,—самоотрицаніи своей властности, въ томъ чуть не выпрашиваніи позволенія коснуться давно отжившихъ свой вѣкъ и въ цѣломъ мірѣ сданныхъ въ архивъ феодальныхъ привилегій этой горсти и тѣхъ безобразныхъ средневѣковыхъ порядковъ, которые она поддерживаетъ и отстаиваетъ, и притомъ съ такимъ успѣхомъ, что даже сама высочайшая воля является иногда бессильною, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о введеніи мирового суда въ Остзейскомъ краѣ. Еще въ концѣ, сколько помнимъ, 1880 г. была объявлена высочайшая воля о введеніи этого суда тамъ втеченіи первой половины 1881 г.; но вотъ прошолъ и весь этотъ годъ, а о мировомъ судѣ въ Прибалтійскомъ краѣ замолкли и рѣчи, и самый вопросъ о немъ положенъ, повидимому, подъ сукно на неопредѣленное время. Поднятый было вопросъ о земской реформѣ

тоже затянулся въ безконечную даль; да тѣмъ путемъ, которымъ приступлено къ нему, онъ и не можетъ быть разрѣшенъ въ смыслѣ сколько нибудь справедливомъ по отношенію къ большинству населенія. Не можетъ быть иначе, повторяемъ, потому что вопросъ о земской реформѣ отданъ на обсужденіе исключительно прибалтійскому дворянству, т. е. тому же нѣмецкому меньшинству, и болѣе чѣмъ наивно ожидать, чтобы это меньшинство, становящееся на дыбы при самомалѣйшемъ, по его мнѣнію, посягательствѣ на его яко-бы права, въ родѣ, напримѣръ, права администраціи свеситься съ городскими думами на русскомъ языкѣ,—чтобы это, говоримъ мы, господствующее теперь прибалтійское дворянство добровольно согласилось отнестись отъ этого господства и признать равноправность съ нимъ въ земскихъ дѣлахъ презираемыхъ имъ латышей и эстовъ. Изъ того, что высказывается по земскому вопросу въ мѣстной нѣмецкой печати, можно понять, что въ средѣ нѣмцевъ, по отношенію къ этому вопросу, образовались двѣ партіи; но несогласіе между ними заключается лишь въ томъ, что консерваторы желаютъ на-чистоту отвергнуть какую бы то ни было реформу существующаго порядка вещей и сохранить существующее во всей его неприкосновенности, а либералы предлагаютъ попытаться втереть очки правительству, приспособить нѣсколько, какъ они говорятъ, существующія псевдо-земскія (чисто дворянскія) учрежденія яко-бы къ русскимъ, т. е. сдѣлать кой-какія, неимѣющія дѣйствительнаго значенія уступки, сохранивъ сущность старыхъ учреждений. Это намѣреніе бароновъ-либераловъ втереть очки выдали они сами по поводу предложенія, внесеннаго, три года тому назадъ, предводителемъ дворянства Курляндской губерніи графомъ Кейзерлингомъ въ мѣстный дворянскій съѣздъ о необходимости введенія въ Курляндію земскихъ учреждений на основаніи дѣйствующаго во внутренней Россіи земскаго положенія. Большинство дворянства отвергло, однако же, это предложеніе, поручивъ особой комисіи представить свои соображенія о томъ, нужно ли вообще, и въ какой мѣрѣ, преобразование имѣннаго земскаго устройства въ Курляндію. Авторъ проекта, графъ Кейзерлингъ, тогда же вышелъ въ отставку, а вопросъ стоитъ и въ настоящее время въ томъ же положеніи («Новое Время», № 2020, 1881 г.). Самое это обстоятельство, что, рискуя поднять вопросъ о земскомъ преобразованіи, на основаніи «русскаго» земскаго положенія, почтенный графъ настолько, повидимому, провинился передъ своими коллегами, курляндскимъ дворянствомъ, въ самомъ Остзейскомъ крайѣ, прославившимся своею окаменѣlostью въ средневѣковыхъ феодальныхъ традиціяхъ, что не счелъ возможнымъ оставаться послѣ этого во главѣ его, въ качествѣ его предводителя, весьма знаменательно, такъ какъ въ сущности, былъ совершенно безъ вины виноватымъ, что и не замедлила удостовѣрить вышедшая, вскорѣ послѣ того, въ Гер-

мані брошюра «Kurland am Scheidewege» («Курляндія на распутьи»), направленная къ поддержкѣ внесеннаго въ курляндскій ландтагъ предложенія графа Кейзерлинга, имѣвшимъ, по увѣренію автора брошюры, цѣлью сохранить за дворянствомъ всѣ тѣ же права, которыя утверждены за нимъ нынѣ дѣйствующими положеніями (по его проекту, ландтагъ сохраняетъ свою компетенцію и даже право ходатайствовать объ измѣненіи имѣющихъ быть введенными земскихъ учреждений, если будетъ нужно), устранивъ возможныя вліянія средняго образованнаго класса, ряды котораго быстро пополняются представителями народностей эстонской и латышской, что неминуемо послѣдуетъ, въ случаѣ, если, взамѣнъ земскихъ учреждений по русскому образцу, въ существующія дворянскія учреждения допущены будутъ представители другихъ сословій («Новое Время», 1881 г., № 2020). Видите, слѣдовательно, какъ предусмотрителенъ и дальновиденъ либерализмъ графа Кейзерлинга и его сочувствіе русскому положенію о земскихъ учреждениях!.. Секретъ въ томъ, что въ земскихъ учреждениях рѣчь идетъ преимущественно о сельско-хозяйственныхъ дѣлахъ, почему крестьяне могутъ и будутъ выбирать своими представителями лицъ своей же среды; въ расширенномъ же ландтагѣ рѣчь можетъ идти о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, почему крестьяне должны будутъ избирать своими представителями адвокатовъ, вообще «литераторовъ» — людей, отъ которыхъ прибалтійскіе патріоты не ожидаютъ ничего хорошаго въ смыслѣ защиты прибалтійскихъ своеобразностей. По проекту графа, этимъ-то вреднымъ людямъ и запертъ входъ въ ландтагъ. Неудивительно, что, по словамъ автора уже цитированной нами статьи въ газетѣ «Новое Время» («Земская реформа въ Прибалтійскомъ краѣ»), мѣстное, туземное, нынѣ безправное населеніе, впрочемъ, мало довѣряетъ этимъ благимъ, повидимому, стремленіямъ своихъ непрошенныхъ печальниковъ, предпочитая заманчивымъ проектамъ уже испытанныя формы русскихъ земскихъ учреждений. Намъ кажется, въ данномъ случаѣ, весь вопросъ въ томъ, насколько искренни и удобоисполнимы проекты въ родѣ предлагаемаго упомянутою партіею реформъ. Изъ сказаннаго нами, видно что тревога нѣмцевъ въ Германіи по поводу появившихся было въ нашихъ газетахъ слуховъ о намѣреніи нашего правительства, въ непродолжительномъ времени, ввести въ Прибалтійскомъ краѣ земскія учрежденія, не имѣетъ въ дѣйствительности никакого основанія. Рѣчь объ этомъ идетъ уже нѣсколько лѣтъ и, вѣроятно, протянется еще столько же, а если, паче чаянія, дѣло повернуть круто, то, при силѣ и вліяніи прибалтійскихъ бароновъ въ нашихъ сферахъ, скорѣе всего можно ожидать, что выработанныя баронами земскія учрежденія для Прибалтійскаго края будутъ такъ же походять на общерусскія, какъ биг-сурре на наши щи. Любопытно, однако, отношеніе нѣмцевъ въ Гер-

маніи къ вышеупомянутымъ слухамъ о предстоящей, будто бы, въ скоромъ времени, земской реформѣ въ Прибалтійскомъ краѣ. По словамъ газеты «Эхо» (1881 г., № 11), слухи эти произвели въ Берлинѣ очень непріятное впечатлѣніе.

Либералы утверждаютъ, однако, что эта власть составляетъ ихъ неотъемлемое право, и что всесловное представительство въ остзейскихъ губерніяхъ ослабило бы преимущества дворянства, т. е. нѣмецкаго элемента. Такъ разсуждаютъ либералы. Ихъ политическіе противники, консерваторы, очень спокойно пропускаютъ слухи мимо ушей. Они или просто не вѣрятъ въ осуществленіе слуховъ, или же утѣшаютъ себя тѣмъ, что если и введется нѣчто, что будетъ носить названіе земства, то оно будетъ таково, что нѣмецкіе интересы отъ того не пострадаютъ. Такъ разсуждаютъ наши германскіе сосѣди, какъ видно не допускающіе мысли, чтобы нѣмецкіе жители русскихъ прибалтійскихъ провинцій могли быть когда-либо уравнены въ порядкѣ управленія со всѣми прочими подданными русскаго царя. И позволительно полагать, что разсуждающіе такъ германскіе нѣмцы совершенно правы, такъ какъ дѣла о преобразованіяхъ въ Прибалтійскомъ краѣ сводятся пока къ однимъ разговорамъ, а тѣмъ временемъ, по справедливому замѣчанію корреспондента «Петербургскихъ Вѣдомостей», (1881 г., № 242), изъ этого края «всѣ мѣры высшаго правительства, принимаемыя къ улучшенію быта кореннаго населенія этого края—латышей и эстовъ, никакъ не могутъ достигнуть той цѣли, какую имѣлъ въ виду законодатель. Положеніе латышей и эстовъ въ краѣ можно назвать не только ненормальнымъ, но даже въ высшей степени безвыходнымъ». Не трудно, слѣдовательно, повѣрить упомянутому корреспонденту, что, при такомъ положеніи вещей, злополучные латыши и эсты не знаютъ и не понимаютъ, куда имъ слѣдуетъ тяготѣть «къ Россіи ли, къ сближенію съ нею, или быть солидарными со взглядами и стремленіями той, ничтожной по количеству, но сильной по привилегіи, кучкѣ пришельцовъ рыцарскаго пошиба, въ силу каковой привилегіи, остзейское дворянство распоряжается краемъ совершенно самопроизвольно, беззаконно и возмутительно. За сочувствіе къ Россіи латыши и эстонцы зачастую попадаютъ въ тюрьму, высылаются административнымъ порядкомъ изъ края, ссылаются въ Сибирь на поселеніе, а то и подвдятся къ разряду государственныхъ преступниковъ, бунтовщиковъ; этихъ послѣднихъ можно сотнями считать въ каторгѣ и рудникахъ. Къ сожалѣнію, остзейское судопроизводство обставлено такими привилегіями, при которыхъ никакой контроль не можетъ уличить нѣмецкихъ судей въ незаконности ихъ приговоровъ и они всегда выходятъ сухими изъ воды. Эсты и латыши не видятъ ни начала, ни конца такимъ широкимъ привилегіямъ. Забитое вѣковымъ гнетомъ, прини-

женное и нравственно, и физически, бѣдное коренное населеніе края способно допускать даже предположеніе, что мѣстная нѣмецкая администрація, въ своихъ незаконныхъ и возмутительныхъ поступкахъ, имѣть опору въ самомъ же высшемъ правительствѣ. Какъ ни грустно и прискорбно констатировать фактъ такихъ убѣждений миллионной массы низшаго класса населенія края, но мы выставляемъ его на видъ и сдѣлать это считаемъ своею обязанностью, такъ какъ сильно обострившіяся за послѣднее время отношенія латышей и эстовъ, начавшихъ сознавать свои человѣческія права, къ безапелляционному режиму горсти нѣмецкихъ пришельцевъ, принимаютъ теперь уже характеръ открытаго, путемъ гласности, справедливаго недовольства на нѣмцевъ. Да и какъ же, спрашивается, этимъ самымъ латышамъ и эстамъ не придти къ убѣженію, на которое съ грустью указываетъ корреспондентъ. И у насъ на Руси свирѣствуютъ разные Фишеры, Капгеры и подобныя имъ господа, преимущественно германскаго происхожденія, и свирѣствуютъ они подъ покровительствомъ, или по попустительству, или именемъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ: губернаторовъ, генераловъ, командированныхъ именно для разъясненія темныхъ дѣлъ и защиты неправо обиженныхъ, или наконецъ, сіятельныхъ землевладѣльцевъ, именемъ которыхъ дѣйствуютъ Фишеры. Не станемъ грѣхъ таить, что и у насъ на Руси въ этомъ отношеніи не безъ изъяна дѣло, и даже весьма изрядно. Но никто же у насъ подвиги Фишеровъ, Капгеровъ не считаетъ похвальными, не признаетъ ихъ даже въ порядкѣ вещей, а нѣтъ, нѣтъ, да какое нибудь люторическое или логишинское дѣло всплыветъ какъ нибудь на свѣтъ Божій и тогда, и Фишеры, и Капгеры, а также ихъ покровители и попустители получаютъ должное возмездіе и по уложенію о наказаніяхъ, и по суду общественнаго мнѣнія, или хоть одно послѣднее. Въ злополучномъ прибалтійскомъ край, какъ мы уже говорили не разъ о томъ, подвиги Фишеровъ и Капгеровъ признаются въ отношеніи латышей и эстовъ совершенно законными, нормальными и обиженный нигдѣ не найдетъ въ край защиты противъ нѣмца-угнетателя и разорителя, потому что въ мѣстныхъ судахъ сидятъ тѣ же нѣмцы, которые всякую жалобу латыша или эста на нѣмца признаютъ равносильною бунту, за которую истецъ подлежитъ строгому наказанію. До какой степени не обезпечено положеніе эсто-латышскаго крестьянина лучше всего рисуютъ два слѣдующіе случая («Новое Время», 1881 г., № 2017 и 2050): «Въ Эстляндской губерніи, іевескомъ приходѣ, въ волости куверуской, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, тогдашній помѣщикъ отнялъ отъ волостной земли участокъ въ 6 крестьянскихъ усадебъ и завелъ на этомъ участкѣ полумызоевъ. Въ текущее лѣто, настоящій помѣщикъ, размежевывая крестьянскую землю погрунтно, присоединяетъ 1/3 ея къ

мызнымъ владѣніямъ, такъ что многимъ крестьянамъ стоить въ перспективѣ оставленіе пріютовъ ихъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Къ этому прибавилось еще и то, что мызный управляющій В., пришедшій въ деревню въ сопровожденіи землемѣра, заявилъ крестьянамъ, ссылавшимся на законъ, говорящій въ ихъ пользу: «законъ вашъ ничего не стоить»... Этими выходками крестьяне были до того огорчены и раздражены, что заявили землемѣру и управляющему: «Если у насъ нѣтъ никакого закона, то вѣдь остается кулачное право. Мы земель своихъ отнять не дозволимъ». Когда мужики затѣмъ заперли въ темницу, вышли женщины и воспретили межевку. Это спорное дѣло до сего времени еще не разъяснено и не окончено». Вотъ вамъ и бунтъ! Но, спрашивается, что же оставалось дѣлать крестьянамъ? Искать законной защиты, обратиться къ суду, отвѣтите вы. Пусть другой изъ упомянутыхъ примѣровъ отвѣтитъ вамъ на ваше замѣчаніе. «Михаалисская церковь, находящаяся въ Эстляндской губерніи, владѣетъ особою церковною волостью, лежащею въ Лифляндской губерніи. Волость эта занимаетъ землю самую скудную и неблагоприятную: почва полей—сплошной камень, слегка подернутый плодороднымъ слоемъ земли; въ иное лѣто она едва возвращаетъ сѣмя. Пастбища большею частію того же свойства; дуга крайне болотисты. При такихъ условіяхъ крестьяне названной волости никогда не жили зажиточно. Не смотря на то, крестьяне волости, принадлежащей къ Михаалисской церкви, дорожили своими скудными усадьбами и всегда платили за нихъ аренду пастору. Съ 1874 года, не смотря на жалобы крестьянъ въ эстляндское и лифляндское губернскія правленія, двѣ квадратныя версты лучшихъ пастбищъ волости были присоединены къ сосѣдней Кахтельской мызѣ; положеніе этой волости стало еще хуже. Уменьшеніе пастбищъ повлекло за собою сокращеніе скота, а это отразилось печально на производительности полей и на всемъ хозяйствѣ. Не смотря на все это, мѣстный приходскій попечитель въ текущемъ году нашелъ возможнымъ значительно возвысить арендную плату на усадьбы волости, о чемъ и увѣдомилъ крестьянъ письменно отъ 13. іюля. Встревоженные крестьяне явились къ попечителю и умоляли не возвышать аренды, такъ какъ рѣшительно не въ силахъ платить больше, чѣмъ взималось съ нихъ досель. Выслушавъ крестьянъ, попечитель предложилъ имъ, слѣдуя его приглашенію, явиться въ извѣстный день въ волостной судъ, и если, присовокупляя онъ, вы покажете тамъ, что не въ силахъ платить возвышенную аренду, то будетъ назначена особая комисія, которая, по освидѣтельствованіи вашихъ угодій, опредѣлитъ арендную плату съ нихъ; но ни въ какомъ случаѣ она не будетъ превышать цифры, возвыщенной нынѣ. Такой отвѣтъ успокоилъ крестьянъ. 4 августа они явились въ приходскій судъ и здѣсь повторили свое

заявленіе, а нѣкоторые присовокупили еще, что границы ихъ усадебъ заключаютъ въ себѣ въ дѣйствительности менѣе талеровъ, чѣмъ значится. Изъ волостнаго суда крестьяне отправились домой успокоенные, въ надеждѣ, что, согласно обѣщанію приходскаго попечителя, будетъ составлена особая комісія для осмотра ихъ земель. Но вскорѣ они узнали, что усадьбы ихъ уже переданы въ руки другихъ людей, которымъ они въ февралѣ же обязуются уступить часть своихъ жилищъ. а съ 23 апрѣля—все сполна; обѣщаніе же касательно комісії не выполнено. Это извѣстіе всю волость повергло въ отчаяніе. Вѣдь это полное, конечное раззореніе, тѣмъ болѣе, что въ свое время они обратились за разъясненіемъ и разслѣдованіемъ своего дѣла въ приходскій судъ, но судъ этотъ только указалъ на неосновательность ихъ претензій, а о разслѣдованіи дѣла тутъ и рѣчи не могло быть. Затѣмъ они обращались съ письменнымъ прошеніемъ въ феллинское главное церковное попечительство, гдѣ ихъ только обозвали лѣннвцами и т. п., а въ заключеніе заявили, что это вовсе не дѣло попечительства. Наконецъ, въ октябрѣ крестьяне отправили депутатовъ въ Ригу къ лифляндскому губернатору съ прошеніемъ. Но такъ какъ у депутатовъ не было документальныхъ удостовѣреній въ томъ, что они обращались уже въ низшія инстанціи мѣстныхъ судовъ, то мѣстный губернаторъ далъ имъ только совѣтъ вновь обратиться въ феллинское главное церковное попечительство.—Но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ обратиться къ высшимъ властямъ, къ министру! воскликнетъ вѣроятно негодующій читатель, въ виду такого успѣшнаго поиска эсто-латышскимъ мужикомъ правосудія въ нѣмецкихъ судахъ и даже у русской власти въ эсто-латышскомъ краѣ. По словамъ корреспондента, выгнанные изъ домовъ крестьяне церковной михаэльской волости такъ и думаютъ сдѣлать. Они хотятъ подать жалобу министру внутреннихъ дѣлъ. А знаете ли, что это значить въ Прибалтійскомъ краѣ, въ глазахъ тамошнихъ нѣмцевъ? Это значить выносить изъ избы соръ, вмѣшивая высшую русскую власть въ ихъ домашнее, нѣмецкое дѣло, искать у нея защиты противъ нихъ, владыкъ края. Вотъ что это значить! А если вамъ угодно знать, чему могутъ подвергнуться виновники въ подобномъ преступленіи лѣсе-нѣмецкой власти въ краѣ, то вотъ случай, который сообщаетъ «Рижскій Вѣстникъ» и который вамъ разъяснить это. Дѣло было въ Перновѣ. «Нѣкто крестьянинъ Пулеъ написалъ министру внутреннихъ дѣлъ жалобу на неправильное арестованіе его приходскимъ судьей. По этому поводу онъ былъ приглашенъ въ перновскій орднунгерихтъ, гдѣ орднунгерихтеръ баронъ Пилларъ заявилъ ему, что за такое писательство ему слѣдуетъ 18 ударовъ розгами, и самъ распорядился привести приговоръ въ исполненіе. Онъ приказалъ разложить молодаго человѣка на скамьѣ, самъ вскочилъ на

другую, подлѣ стоявшую, и, наблюдая отсюда за ходомъ экзекуціи, только приговаривалъ послѣ каждаго удара: «Медленно и сильно!» Экзекуторъ былъ здоровый дѣтина, котораго баронъ нарочито для этого содержитъ на собственный счетъ, и кровь сочилась послѣ каждаго удара со скамьи на землю».

Послѣ всего сказаннаго легко понять, почему нѣтъ ничего невѣроятнаго въ приведенномъ нами выше извѣстіи корреспондента «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (1881 г., № 242) изъ Прибалтійскаго края относительно того, что двухмиліонное коренное населеніе этого края не знаетъ и не понимаетъ, къ кому оно должно тяготѣть, къ Россіи ли, которая, не смотря на все ихъ сочувствіе и стремленіе къ ней, не слышитъ ихъ голоса, не хочетъ оказать имъ никакой защиты противъ ихъ вѣковыхъ притѣснителей, или къ этимъ притѣснителямъ-нѣмцамъ, которые могутъ безнаказанно давить ихъ, беззащитныхъ со стороны Россіи, и, покорясь имъ, позволить себя онѣмечивать, что уже совершается и теперь съ нарочитымъ успѣхомъ и даже при помощи русской власти и на счетъ русской казны, какъ справедливо замѣчаютъ «Современныя Извѣстія». «Она, русская казна, говоритъ названная московская газета,—содержитъ на свои средства университетъ нѣмецкій; она даетъ пособіе, опять изъ общихъ имперскихъ средствъ, на гимназіи и училища нѣмецкія же. Всего казенныхъ денегъ употребляется ежегодно на нѣмецкія училища разныхъ наименованій до 400,000 р., въ томъ числѣ на дерптскій университетъ, этотъ главный разсадникъ германизма въ край, 250,000 р. Гдѣ же тутъ справедливость? Гдѣ простое чувство достоинства, гдѣ чувство самосохраненія? Четыреста тысячъ—это, значить, по два рубля даетъ русская казна на каждаго нѣмца, съ тѣмъ, чтобы образовать новаго нѣмца, искусственно усилить составъ племени, численность котораго не достигаетъ и десяти процентовъ всего населенія!» При такой поддержкѣ со стороны Россіи, нисколько неудивительно, что нѣмецкое населеніе края, какъ говоритъ другая газета («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1881 г., № 242), не смотря на явное стремленіе массы «латышей и эстовъ замѣнить употребленіе нѣмецкаго языка русскимъ, ставить ему преграды на каждомъ шагѣ; ни въ судебныхъ, ни въ общественныхъ, ни въ частныхъ мѣстахъ русскій языкъ вовсе не употребителенъ, и если русское слово можно еще услышать въ прибалтійскихъ школахъ, то лишь въ силу необходимости, такъ какъ онъ вошелъ теперь въ число другихъ предметовъ преподаванія, но и то въ такомъ ничтожномъ, мизерномъ объемѣ, какъ будто наши остзейскія губерніи принадлежатъ не Россіи, а Германіи». Русская печать съ глубочайшимъ сочувствіемъ всегда чутко относилась къ голосу кореннаго населенія

Прибалтійскаго края и всякій разъ, когда онъ взывалъ къ помощи, къ защитѣ общей матери Россіи, она горячо откликалась на этотъ призывъ и присоединяла свой голосъ къ его голосу. Но что же въ томъ толку? Общій голосъ ихъ остается и до сихъ поръ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Вотъ почему русскому публицисту такъ больно и стыдно говорить о прибалтійской нашей окраинѣ; но мы должны говорить о ней, это наша гражданская обязанность, нашъ нравственный долгъ!

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Ученіе Чарльза Дарвина объ образованіи пахатной земли червями ¹⁾. Въ сентябрьской книжкѣ «Русской Рѣчи» за истекшій годъ нами было обстоятельно изложено ученіе Ч. Дарвина о двигательной способности растений,—ученіе, проливающее яркій свѣтъ на природу одной изъ наиболѣе общихъ жизненныхъ функцій и обнаруживающее полнѣйшую несостоятельность общераспространеннаго представленія о пассивномъ, соподчиненномъ, несамостоятельномъ характерѣ функціи движенія въ растительномъ царствѣ.

Недавно появился еще новый трудъ этого гениальнаго біолога, посвященный самому тщательному изслѣдованію образа жизни дождеваго червя и его дѣятельной роли въ экономіи природы,—трудъ, въ которомъ авторъ доказываетъ рядомъ многочисленныхъ и въ высокой степени интересныхъ фактовъ, что «черви играютъ болѣе важную роль въ исторіи земли, нежели большинство объ этомъ думаетъ».

Большинство, конечно, едва-ли думаетъ, чтобы эти ничтожныя твари отличались вообще какою нибудь дѣятельностью, заслуживающею упоминанія, а не только изслѣдованія. Для большинства слово «червь» связывается съ представленіемъ о чемъ-то «презрѣнномъ, мизерномъ, недостойномъ вниманія, и приэтомъ всякій припоминаетъ себѣ дождеваго червя, беспомощно ползающаго въ сухой пыли, если только къ этому не присоединятся еще свѣдѣнія, почерпнутыя изъ

¹⁾ «The formation of vegetable mould through the action of worms with observation on their habits», By Charles Darwin. London 1881. См. также въ извлеченіи: «Kosmos» achttes Heft., 1881, стр. 144—158.

обыденной жизни, неприятное воспоминаніе о пивкѣ, трихинной эпидеміи и зараженномъ мясѣ. Приэтомъ получаютъ такіа непривлекательныя и отчасти противныя впечатлѣнія, которыя пожалуй не полагаютъ къ ближайшему ознакомленію съ червями» (О. Шмидтъ).

И вотъ такимъ-то «нерасполагающимъ къ ознакомленію», такимъ-то «презрѣннымъ», «недостойнымъ вниманія» тварямъ посвящаетъ свой трудъ гениальнѣйшій ученый нашего времени. И какой трудъ! не двухнедѣльный и не двухмѣсячный; нѣтъ, этотъ трудъ плодъ почти пятидесятилѣтнихъ изслѣдованій, опытовъ и наблюденій, обставленныхъ и веденныхъ такъ тщательно и кропотливо, какъ это умѣютъ дѣлать немногіе. Значить, этотъ «безпомощно валающійся въ сухой пыли» дождевой червь заслуживаетъ такого труда; заслуживаетъ самаго подробнаго и обстоятельнаго изученія его образа жизни, его, повидимому, ничтожной дѣятельности.

И дѣйствительно, эта дѣятельность, какъ доказываетъ Ч. Дарвинъ въ своей замѣчательной работѣ, кажется ничтожною только потому, что она нигдѣмъ еще не была надлежаще оцѣнена; ничтожная повидимому, она является въ высокой степени замѣчательною и многообъемлющею; при возможно точномъ съ нею знакомствѣ, «безпомощно валающійся въ пыли» червякъ оказывается виднымъ помощникомъ своей матери-земли въ ея историческомъ развитіи; онъ содѣйствуетъ нѣкоторымъ и притомъ весьма существеннымъ измѣненіямъ въ наружныхъ наслоеніяхъ почвы, является виновникомъ новыхъ образованій и перераспределеній ея; вмѣстѣ съ тѣмъ все та же ничтожная мизерная тварь оказываетъ важную услугу растительному міру, уготовляя ему наиболѣе пригодную для произрастанія почву,—услугу, которую до настоящаго времени никто и подозрѣвать не могъ. Никто и не думалъ, конечно, чтобы дождевой червякъ могъ взрыхлять, вспахивать и уваживать землю, чтобы онъ игралъ сколько нибудь существенную роль въ образованіи чернозема; а между тѣмъ названный выше трудъ Ч. Дарвина не оставляетъ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ виду всего этого не сомнѣваемся, что читателямъ нашего журнала будетъ не безинтересно познакомиться въ общихъ, существенныхъ чертахъ съ этимъ новымъ трудомъ знаменитаго ученаго.

Дарвинъ даетъ предварительно очень подробныя, обстоятельныя свѣдѣнія о жизнедѣятельности и образѣ жизни дождеваго червя, сообщая приэтомъ массу фактовъ, дониндѣ еще совершенно неизвѣстныхъ, и тѣмъ самымъ значительно расширяя наши скульныя знанія по данному предмету. Независимо отъ этихъ свѣдѣній и этихъ фактовъ, было бы невозможно уяснить и вышеупомянутую роль дождеваго червя, было бы невозможно надлежаще оцѣнить значеніе его дѣятельности въ исторіи земли, а потому прежде всего намъ необходимо нѣсколько

познакомиться съ образомъ жизни этого несложнаго существа и нѣкоторыми его физиологическими функциями—предметомъ самомъ по себѣ, какъ увидать читателя, гораздо болѣе интереснымъ и поучительнымъ, нежели то можетъ казаться.

Дождевой червь, какъ извѣстно, принадлежитъ къ кольчатымъ червямъ, именно къ такъ называемымъ щетиноногимъ (Chaetopoda), хотя для того, чтобы убѣдиться въ существованіи у него щетинокъ, столь характерныхъ для этого отряда, необходимо тщательно опунать его и провести пальцами сзади напередъ; впрочемъ съ помощью простой линзы ихъ можно уже видѣть весьма отчетливо. Живутъ дождевые черви предпочтительно во влажной землѣ, встрѣчаются въ луговой и садовой почвѣ, но избѣгаютъ безводныя степи; лѣтомъ, когда поверхность почвы очень высыхаетъ или зимой подвергается значительному охлажденію — они держатся гораздо глубже, нежели весной, или осенью, время наиболѣе энергичнаго проявленія ихъ дѣятельности.

Ведя подземное существованіе, дождевые черви появляются на поверхности земли главнымъ образомъ ночью и притомъ въ сырую погоду; цѣлыми массами выползаютъ они въ такое время изъ своихъ жилищъ, причемъ нерѣдко перекачываютъ съ одного мѣста на другой, въ чемъ наутро легко убѣдиться по слизистымъ слѣдамъ, оставляемымъ ихъ тѣломъ. Къ раннему утру эти черви собираются обыкновенно у самыхъ отверстій своихъ норокъ, и тѣ изъ нихъ, которые во-время не успѣютъ скрыться, становятся жертвою дроздовъ и скворцовъ, большихъ лакомокъ до этого блюда.

Но не одни скворцы и дрозды. По авторитетному замѣчанію Гофмейстера, «дождевой червь принадлежитъ къ животнымъ, подверженнымъ наибольшимъ преслѣдованіямъ.. Между четвероногими на него въ особенности нападаютъ вроты, землеройки и ежи; о его уничтоженіи думаетъ безчисленная стая птицъ, потому что не только хищныя, болотныя и водяныя птицы, но даже зерноядныя считаютъ его лакомымъ кускомъ. Ящерицы, саламандры и тритоны подкарауливаютъ его ночью, а рыбы преслѣдуютъ обитателей береговъ рѣкъ и морскаго ила. Еще значительнѣе число нападающихъ на него низшихъ животныхъ. Большихъ жужелищъ постоянно замѣчаютъ ночью занимающимися истребленіемъ этихъ беззащитныхъ животныхъ, которыя, а еще больше ихъ личинки, дѣлаются легкой добычей названныхъ насѣкомыхъ. Но самыя опасныя враги ихъ, вѣдется, большіе виды тысяченожекъ. Часто видно во время свѣтлаго дня, какъ черви наши, преслѣдуемые этими врагами, оставляютъ свои норы».

Помимо послѣднихъ отъявленныхъ враговъ дождеваго червя, большинство болѣе крупныхъ преслѣдователей его всегда могутъ причи-

нить ему существенное повреждение; но и у него есть своего рода защита, именно всѣмъ извѣстная живучесть его. Дождевой червь, потому такъ неотомно совершенно оставляетъ свою нору, что пока хотя часть его тѣла сидитъ въ землѣ, онъ въ безопасности; благодаря силѣ своихъ мускуловъ и цѣпкимъ щетинкамъ, покрывающимъ его кольчатое тѣло, онъ такъ крѣпко держится въ своей норѣ, что скорѣе можно перервать его, нежели выдернуть совсѣмъ, но для дождеваго червя потеря нѣкоторой части тѣла невеликое горе, изъ оставшейся въ землѣ части скоро развиваются недостающіе сегменты тѣла.

Такая воспроизводительность объясняется, какъ извѣстно, крайнею несложностью строенія организма, каковымъ дѣйствительно и отличается дождевой червь. Многочисленные короткіе сегменты, составляющіе тѣло, конусообразная головная лопасть, образующая «верхнюю губу», крючковатыя щетинки, расположенныя на кольцахъ въ двѣ или четыре линіи и очень мало выдающіяся изъ кожи—таковы существенные зоологическіе признаки дождевыхъ червей. Широкій кишечный каналъ, направляющійся отъ передняго конца къ заднему, составляетъ, какъ по объему, такъ и по своему значенію, для животнаго главный внутренний органъ. Нервная система слабо развита, причѣмъ спеціальныя органы чувствъ, каковы, органы зрѣнія и слуха, совершенно отсутствуютъ. Не смотря однако на это, дождевые черви оказываются весьма впечатлительными къ свѣтовому раздраженію, на что было уже указано Гофмейстеромъ и что теперь подтверждается новѣйшими, еще болѣе убѣдительными изслѣдованіями Ч. Дарвина.

«Кто занимался наблюденіемъ образа жизни этого животнаго, говоритъ Гофмейстеръ о дождевомъ червякѣ,—тотъ встрѣчалъ огромное затрудненіе для наблюденія—въ большой впечатлительности этого червя къ свѣтовому раздраженію. Огонь, очень осторожно къ нему приближенный, быстро прогоняетъ его опять въ нору, хотя постоянно, кажется, требуется нѣкоторое время для воспринятія впечатлѣнія. Поэтому въ первый моментъ червь продолжаетъ свое движеніе, не смотря на свѣтовое пламя; потомъ мгновенно останавливается и только затѣмъ уже уходитъ назадъ въ нору. Но разъ впечатлѣніе воспринято, тогда быстрое удаленіе свѣта не останавливаетъ, а напротивъ того, еще болѣе ускоряетъ, вслѣдствіе контраста, его вползаніе въ нору. Но не все тѣло воспринимаетъ это впечатлѣніе, а только два первыя (переднія) кольца, у которыхъ лежатъ нервныя пучки, выходящіе отъ глотки. Червь, погружившійся головою въ нору сосѣда или запрятавшійся подъ кусочкомъ дерева, переноситъ приближеніе пламени, но тотчасъ же скрывается, какъ подниметъ голову. Если при солнечномъ свѣтѣ попробовать срисовать ротовыя части червя, положивъ его для этой

цѣли въ чашку съ водою, то всегда увидимъ, что онъ поворачивается въ сторону, необращенную къ свѣту».

Какъ мы уже сказали, новѣйшія изслѣдованія Ч. Дарвина вполне подтверждаютъ только что приведенныя указанія названнаго выше энтомолога, и не только подтверждаютъ, но и значительно расширяютъ, до настоящаго времени, говоря вообще, крайне еще скудныхъ свѣдѣній по настоящему предмету. Такъ, рядомъ многочисленныхъ опытовъ, Дарвинъ нашелъ, что уже свѣтъ отъ фонаря, снабженнаго темно-красными или голубыми стеклами, приводитъ червей въ безпокойство; приближеніе пламени свѣчи или лампы также чувствуется ими, но въ томъ только случаѣ, если дѣйствіе, прерывчатое, а не постоянное; съ послѣднимъ черви быстро свыкаются;—обстоятельство дѣйствительно свидѣтельствующее, что контрасты, быстрая смена противоположныхъ впечатлѣній, рѣзкій переходъ отъ свѣта къ темнотѣ или обратно, оказываютъ наиболѣе интенсивное раздражающее дѣйствіе.

Но притомъ, однако, наблюдаются нѣкоторыя, весьма характерныя, заслуживающія вниманія, особенности; не всегда черви одинаково выражаютъ свое безпокойство, будучи подвергнуты внезапному освѣщенію; въ нѣкоторыхъ случаяхъ они не успѣютъ показаться, какъ тотчасъ же болѣе или менѣе быстро вновь скрываются въ норку; иногда же напротивъ, они сперва еще больше выставляютъ изъ норки свою переднюю конечность, вытягиваютъ ее прямо еверху или наклоняютъ со стороны въ сторону, какъ-бы чего-то ища, или тѣмъ нибудь озадаченные, и только затѣмъ уже медленно скрываются въ норкѣ, продолжая, однако, время отъ времени, выглядывать оттуда, словно одолаваемые любопытствомъ. Ничего подобнаго, однако, не наблюдается если пропустить свѣтъ свѣчи черезъ собирательную линзу и сосредоточить его на передней оконечности червя—онъ тотчасъ же и притомъ нерѣдко весьма быстро скрывается въ норѣ, и пока отверстіе послѣдней продолжаетъ освѣщаться такимъ сконцентрированнымъ свѣтомъ—не показывается, какъ бы долго не испытывалось его терпѣніе.

Указывая на эти интересные факты, Дарвинъ подтверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вышеприведенное замѣчаніе Гофмейстера, что свѣтовая воспримчивость дождевыхъ червей локализована въ передней оконечности ихъ тѣла, такъ что если на эту оконечность падаетъ тѣнь—остальную часть тѣла можно подвергать дѣйствию очень сильнаго, не только обыкновеннаго, но даже сконцентрированнаго свѣта, и животное совершенно не замѣчаетъ его. Достоинно замѣчанія, что также безучастно дождевой червь относится къ наиболѣе сильному освѣщенію, не говоря уже о слабомъ, если онъ притомъ тѣмъ нибудь занятъ—работой или ѣдой. Стало-быть и здѣсь, какъ и у высиныхъ животныхъ,

сосредоточеніе вниманія на какомънибудь одномъ предметѣ ослабляетъ воспріимчивость къ постороннимъ впечатлѣніямъ.

Въ виду того безпокойства, которое обнаруживаютъ черви подѣ влияніемъ свѣта, можно было бы думать, что по той же причинѣ они предпочитаютъ выходить на поверхность земли ночью или въ сумерки, а втеченіи дня оставаться въ своихъ подземныхъ жилищахъ. Но опыты Дарвина показываютъ однако, что наклонность ихъ оставлять свои норки и выходить на поверхность, отличается періодичностью; черви, помѣщенные въ сосудъ съ землею, который втеченіи недѣли оставался въ темнотѣ круглые сутки, тѣмъ не менѣе выходили изъ своихъ жилищъ только ночью, а днемъ вновь скрывались въ норкахъ, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ, что въ данномъ случаѣ эти черви руководствуются, такъ сказать, чувствомъ періодической смѣны дня и ночи,—чувствомъ, выработаннымъ рядомъ продолжительныхъ, въ исторіи этихъ животныхъ, воспріятій противоположныхъ впечатлѣній, всегда въ опредѣленное время смѣняющихъ другъ друга.

Достоиню вниманія, что, по наблюденіямъ Дарвина, чувствительность къ лучистой теплотѣ, въ противоположность свѣтовой воспріимчивости, у червей менѣе развита, и притомъ далеко не у всѣхъ этихъ этихъ кольчатыхъ обнаруживается съ одинаковою силою.

Такъ, напримѣръ, до-красна раскаленное желѣзо, лучистая теплота котораго чувствуется рукою на довольно значительномъ разстояніи, будучи приближено къ земляному червяку еще на меньшее разстояніе, оказываетъ на этихъ животныхъ весьма различное дѣйствіе, или, говоря точнѣе, воспринимается ими весьма различно: однихъ лучистая теплота побуждаетъ скрываться въ норку довольно быстро; другихъ, напротивъ, очень медленно; наконецъ, нѣкоторые не обнаруживаютъ ни малѣйшаго безпокойства и остаются совершенно нечувствительными къ дѣйствію тепловыхъ лучей.

Такое неодинаковое проявленіе данной впечатлительности свидѣтельствуешь, конечно, что и здѣсь уже, среди дождевыхъ червей, обнаруживаются индивидуальныя особенности, которыя и играютъ не послѣднюю роль.

Но Дарвинъ не ограничиваетъ свои изслѣдованія только что разсмотрѣнною воспріимчивостью къ свѣту и лучистой теплотѣ; онъ также производилъ многочисленныя опыты съ цѣлію убѣдиться, отличаются ли дождевые черви звуковою впечатлительностью и въ какой мѣрѣ присущи имъ чувства обонянія и вкуса. Полученныя результаты свидѣствуютъ, что способность воспринимать звуковыя впечатлѣнія у червей совершенно отсутствуетъ. Они остаются глухими къ самымъ сильнымъ, высокимъ или низкимъ тонамъ; изъ какаго бы музыкальнаго инструмента послѣдніе ни были извлечены; напротивъ, эти черви ока-

зываются въ высшей степени чувствительными къ сотрясенію твердыхъ тѣлъ, вызываемому ихъ соудареніемъ или другими причинами. Такъ, достаточно слегка ударить по столу, на которомъ стоитъ вазонъ съ землею, содержащею червей, чтобы послѣдніе тотчасъ скрылись въ свои норки, если они передъ этимъ выглядывали изъ нихъ; то же самое дѣйствіе оказываетъ сильное, порывистое дуновеніе.

Мало того, если вазонъ поставить на фортепiano и взять какую нибудь ноту, высокую или низкую все равно, черви тотчасъ же очень быстро скрываются въ землѣ, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ, до какой степени развито у нихъ нажонное чувство къ малѣйшему сотрясенію. Но явленіе это, очевидно, нельзя отождествлять съ звуковою восприимчивостью, какъ таковою. Что же касается чувства осязанія, то хотя оно и распространено по всему тѣлу черва, но, какъ свидѣлствуютъ многочисленныя наблюденія, передняя оконечность не отличается этимъ чувствомъ въ наибольшей степени, причемъ нѣкоторые факты, о которыхъ рѣчь ниже, дозволяютъ думать, что, одновременно съ настоящимъ чувствомъ, червямъ также присуще нѣкоторое, хотя и неясное представленіе о формѣ осязаемыхъ предметовъ.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ фактамъ, подтверждающимъ такое заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о другихъ чувствахъ, изученію которыхъ, какъ упомянуто выше, Дарвинъ также посвятилъ рядъ опытныхъ изслѣдованій, именно о чувствахъ вкуса и обонанія. Послѣднее изъ нихъ не отличается особенною тонкостью и только очень ѣдкій запахъ, какъ, на примѣръ, уксусной кислоты, дѣйствующей, по всей вѣроятности, крайне раздражительно на голую кожу дождеваго червя, прогоняетъ послѣдняго въ норку. Не смотря, однако, на то, чувство обонанія играетъ въ жизни этихъ животныхъ не послѣднюю роль; они несомнѣнно пользуются имъ для отысканія пищи, какъ о томъ свидѣлствуютъ слѣдующіе весьма интересные опыты.

Дарвинъ помѣщалъ въ горшечную землю, содержащую червей, кусочки капустныхъ листьевъ, моркови, лука и хрѣна на глубинѣ $\frac{1}{4}$ дюйма. Спустя нѣкоторое время, всѣ эти вещества отыскивались червями и поѣдались, причемъ всего скорѣе отыскивались вещества съ наиболее сильнымъ запахомъ или съ запахомъ, какъ надо полагать, наиболее привлекательнымъ для этихъ животныхъ. Такъ, листочки лука и морковной ботвы отыскиваются червями скорѣе всего; а если, помимо этихъ и названныхъ выше веществъ, въ землю закапывались листья шалфея и чернобыльника, черви не трогали ихъ, пока не поѣдали кусочки моркови, капусты или лука, и только за неимѣніемъ чего-либо лучшаго принимались за листья шалфея и чернобыльника, проявляя такимъ образомъ различіе, какъ во вкусѣ, такъ и въ запахѣ.

Дождевые черви не ограничиваются, однако, растительною пищею; они, говоря вообще, всеядны. Они не только потребляют въ пищу различные сорта свѣжихъ или сгнившихъ листьевъ, но съ меньшимъ удовольствіемъ пожираютъ свѣжее или сырое мясо, жиръ и даже себѣ подобныхъ. По изысканіямъ Леона Фредерика, пищеварительная жидкость этихъ червей совершенно почти тождественна съ желудочнымъ сокомъ высшихъ животныхъ, чѣмъ, конечно, и объясняется способность червей питаться различною пищею. Ихъ пищеварительная жидкость, отличающаяся значительною щелочною реакціею, содѣйствуетъ извлеченію питательныхъ элементовъ даже въ такихъ веществахъ, какъ состоящіе почти изъ одной клетчатки опавшіе и сгнившіе листья, а иногда и просто перегнойная земля, которою дождевой червякъ часто большими порціями наполняетъ свой широкій кишечный каналъ.

Но, какъ говоритъ Гофмейстеръ, — земля, обильная перегноемъ, недостаточна для дождеваго червя; «онъ ищетъ сгнившихъ растений и если не находитъ ихъ, то самъ приготовляетъ себѣ пищу, унося въ свою нору все, что ни попадаетъ. Всѣмъ извѣстно, что соломенки, перья, листья и полоски бумаги, которыя утромъ видимъ вогнутыми въ землю на дворахъ и садахъ, точно они были вставлены туда дѣтьми, уносятся въ норки земляными червями. Однако немногимъ приходилось видѣть, какъ черви, съ своими слабыми органами, одолаживаютъ столь большіе предметы. Но это не видѣлъ, пусть испробуетъ то сопротивленіе, которое представляетъ червякъ, когда его хотятъ вытянуть изъ норы, и тогда онъ не будетъ удивляться мускульной силѣ животнаго, состоящаго только изъ мускуловъ и кожи. Толстая соломенка схватывается червякомъ по срединѣ и тащится имъ съ такою силою, что перегибается на двое и такимъ образомъ увлекается въ нору; широкое куриное перо съ бородкою уносится безъ труда въ узкую дыру, зеленый листъ малины, будучи схваченъ за конецъ, отрывается и утаскивается туда же».

Объ этой замѣчательной наклонности дождевыхъ червей уносить въ свое подземное жилище различные предметы говоритъ и Ч. Дарвинъ; но онъ при этомъ сообщаетъ цѣлый рядъ въ высокой степени интересныхъ фактовъ, до настоящаго времени еще совершенно неизвѣстныхъ, — фактовъ, поясняющихъ истинный смыслъ только что указанныхъ явленій. Двоимъ способомъ схватываетъ червякъ предметъ, который намѣривается стащить въ свою нору: или онъ защемляетъ его ротовымъ отверстіемъ, если форма предмета позволяетъ, или присасываетъ его, когда предметъ плоскій и мягкой, напримѣръ, свѣжій, мягкій листъ.

Но въ томъ и другомъ случаѣ земляной червякъ обнаруживаетъ одну, въ высокой степени, замѣчательную, можно было бы сказать,

невероятную способность для столь ничтожнаго существа, если бы она не подтверждалась многочисленными опытными изслѣдованіями такого великаго авторитета, какъ Дарвинъ. Именно, оказывается, что дождевой червякъ никогда не схватываетъ предметъ безразлично за тотъ или другой его конецъ, а всегда съ той стороны, съ которой его легче втащить въ отверстіе, т. е. съ остраго конца. Напримѣръ, если лопасть листа у вершины острѣе, нежели у основанія, червякъ хватается листъ за вершину, если же основаніе уже вершины, то за основаніе; тоже самое обнаруживается и въ опытѣ съ небольшими трехугольными полосками бумажекъ.

Дарвинъ приводитъ въ своей книгѣ таблицу, въ которой переименованы листья различныхъ растений, съ широкими или узкими у основанія лопастями, и приведены цифровыя данныя, самымъ точнымъ образомъ подтверждающія существованіе только что упомянутой способности у дождевыхъ червей. Такъ, напримѣръ, листья липы у основанія шире, нежели въ вершинѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ всего числа произведенныхъ наблюдений, въ 79 случаяхъ листья были утащены червями въ норку вершиною, т. е. острымъ концомъ въ отверстію, и только въ четырехъ случаяхъ обратною стороною. Всего, однако, замѣчательнѣе опыты съ парными иглистыми листочками сосны; листочки эти, какъ извѣстно, соединены попарно подъ острымъ угломъ, обращеннымъ въ основанію. Достаточно представить соединенныхъ между собою такимъ образомъ пару иглистыхъ и довольно уругихъ листочковъ, чтобы убѣдиться, что легче всего они могутъ пройти въ узкое отверстіе, если будутъ направлены въ нему основаніемъ, т. е. общимъ концомъ своимъ. И что же: опытъ показываетъ, что такъ именно и поступаютъ дождевые черви. Мало того, изъ ста наблюдений, произведенныхъ Дарвиномъ, не было ни одного исключенія; каждый разъ парные листочки сосны уносились червями въ свои норки основаніемъ, обращеннымъ въ отверстію.

Всѣ эти замѣчательные факты обнаруживаютъ въ дождевомъ червякѣ извѣстное представленіе о формѣ предметовъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, и умѣніе наиболѣе цѣлесообразно въ каждомъ данномъ случаѣ воспользоваться тою или другою изъ этихъ формъ,—умѣніе, свидѣтельствующее, говоря словами самого Дарвина, «объ извѣстной степени ума, а не просто слѣпаго инстинкта». И такую сообразительностью отличаются черви! Эти «ничтожныя твари» руководствуются не только слѣпымъ инстинктомъ, но и умомъ! И кто бы могъ предвидѣть что нибудь подобное; а, между тѣмъ, факты изъ жизни названныхъ животныхъ обнаруживаютъ цѣлый рядъ еще другихъ, не менѣе поучительныхъ неожиданностей, на которыя указываетъ Дарвинъ.

Сюда именно относится то назначеніе предметовъ, ради котораго дождевые черви съ такимъ стараніемъ втаскиваютъ ихъ въ свои подземныя жилища. По словамъ Гофмейстера, приведеннымъ выше, черви поступаютъ такимъ образомъ съ цѣлю приготовить себѣ пищу. Но тотъ же Гофмейстеръ замѣчаетъ, что эти кольчатые уносятъ въ свою норку «все, что ни попадется имъ», а это «все», едва-ли говорить въ пользу только что названной цѣли.

И наблюденія Дарвина свидѣтельствуютъ, что предметы, собираемые червями, не имѣютъ назначенія только пищевого матеріала, да и имѣть не могутъ, потому что черви уносятъ въ свои норки очень часто также камешки и др. подобныя же твердыя тѣла, и дѣлаютъ они это, какъ оказывается, съ цѣлю закрыть входное отверстіе въ свое жилище. Такимъ же образомъ и листья, по наблюденіямъ Дарвина, втаскиваются червями въ ихъ норки не столько для ѣды, сколько для того, чтобы плотнѣе задѣлать наружное отверстіе и, такимъ образомъ, предотвратить проникновеніе въ ихъ жилища внѣшняго холоднаго воздуха. Доказывается это, между прочимъ, тѣмъ, что если вазонъ съ землею, содержащею червей, держать въ теплой комнатѣ, послѣдніе гораздо слабѣе обнаруживаютъ разсматриваемую здѣсь дѣятельность.

Однако, помимо такого назначенія, земляные черви утилизируютъ листья еще и въ другомъ направленіи, не менѣе замѣчательномъ; именно они выстилаютъ листьями внутреннія стѣнки подземныхъ ходовъ своего жилья съ тѣмъ, чтобы предохранять свое тѣло отъ прямого прикосновенія съ холодною почвою. Наконецъ, зимою, или въ знойное лѣто, укрываясь отъ сильнаго холода, или чрезмѣрной засухи, черви не только уходятъ въ самую глубину своего жилья, но предпринимательно тщательно забиваютъ всѣ ходы, замуравливаютъ свое жилье мелкими камешками. И вся эта замѣчательная дѣятельность не плодъ празднои фантазіи, а прямо выведена изъ фактовъ, добытыхъ рядомъ продолжительныхъ и упорныхъ наблюденій одного изъ геніальнѣйшихъ ученыхъ нашего столѣтія.

Кто бы могъ допустить такую дѣятельность, такую заботливость о своей персонѣ, такое, наконецъ, умѣніе извлекать пользу изъ окружающихъ предметовъ—въ дождевомъ червякѣ, этомъ, повидимому, совершенно безхитростномъ, пассивномъ существѣ!

Пускай говорятъ, въ виду такихъ фактовъ,—замѣтимъ лично отъ себя,—что организмы только приспобляются къ окружающему, но не приспособляютъ окружающее къ себѣ. Даже образъ жизни дождевыхъ червей говоритъ противное. Но заботясь о себѣ, стараясь, по мѣрѣ силъ своихъ измѣнить окружающее для себя, они измѣняютъ его вмѣстѣ съ тѣмъ и въ другомъ отношеніи.

Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе, какъ играющій не-

маловажную роль, самый способ проникновенія дождевыхъ червей въ почву; способъ этотъ двойной, если они дѣлають себѣ новый ходъ: или они пробуравливають его своимъ острымъ концомъ, быстро вращая его и раздвигая въ сторону части земли, или же, если почва твердая, прибѣгаютъ къ другому, совершенно своеобразному способу, а именно, они тогда начинаютъ ѣсть землю и, по мѣрѣ ея пожирания, проникають въ почву, причѣмъ поглощаемыя части послѣдней, постепенно протискиваются по всему кишечному каналу червя и выступаютъ съ противоположнаго конца его тѣла въ формѣ тонкихъ, нитевидныхъ земляныхъ образований.

Такимъ образомъ, поглощая земляныя части съ одного конца и извергая ихъ наружу съ другаго, земляные черви, хотя и медленно, часто проникають въ почву на значительную глубину.

Правда, за недостаткомъ другой пищи, эти животныя, какъ было уже сказано, поглощаютъ въ большомъ количествѣ перегнойную землю, изъ которой они извлекають необходимыя для питанія минеральныя и органическія вещества. Тѣмъ не менѣе, бѣлая часть изверженій дождевыхъ червей состоитъ изъ чистыхъ земляныхъ образований, которыя поглощаются этими кольчатками, исключительно для того, чтобы проложить себѣ дорогу въ глубину почвы. Они пропускають частицы земли черезъ свое тѣло, и такимъ образомъ каждое передвиженіе ихъ въ глубь почвы сопряжено съ обратнымъ перемѣщеніемъ земляныхъ частицъ. Но послѣднія не только перемѣщаются; проходя черезъ кишечный каналъ, земля перетирается, дробится, размельчается и, извергаемая въ такомъ видѣ наружу, приобретаетъ всѣ свойства хорошо изрыхленной, пахотной земли.

Такое поглощеніе и изверженіе червями земли можетъ казаться ничтожнымъ и незаслуживающимъ вниманія. Но если принять въ расчетъ громадное распространеніе дождевыхъ червей, если принять въ расчетъ, что «почти въ каждомъ участкѣ влажной почвы ихъ необыкновенное множество», что всѣ они безъустанно, дружно работаютъ, прокладывая себѣ подземные ходы,—мы должны будемъ измѣнить свое мнѣніе о ничтожности этой работы. И дѣйствительно, наблюденія Дарвина свидѣтельствуютъ, что дѣятельность червей по части перепашки земли въ сущности очень громадная. «Во многихъ частяхъ Англїи, говоритъ этотъ ученый,—съ cadaго акра земли, ежегодно проходитъ черезъ тѣло дождевыхъ червей болѣе 10 тоннъ ¹⁾ (10,516 килограм.) сухихъ частей ея, которыя извергаются ими на поверхность, такъ что по истеченіи немногихъ лѣтъ, весь верхній слой пахотной земли оказывается прошедшимъ черезъ тѣло этихъ животныхъ».

¹⁾ Т. е. 620 пудовъ или 4,000 кубическихъ футовъ.
Кн. I.—Январь. 1882.

Такимъ образомъ, вся поверхность чернозема, въ концѣ концовъ, состоитъ изъ земляныхъ изверженій червей, добытыхъ ими изъ болѣе глубокихъ слоевъ почвы и переработанныхъ, механически измельченныхъ, что, повторяемъ, сообщаетъ образовавшейся этимъ путемъ почвѣ лучшія качества пахатной земли.

Однако, значеніе рассматриваемой дѣятельности дождевыхъ червей не ограничивается только что указаннымъ. Многочисленные земляныя изверженія червей, будучи размываемы дождями, легко уносятся водою съ болѣе возвышенныхъ въ болѣе низменныя мѣстности и, осѣдая здѣсь, кладутъ начало образованію новыхъ наслоеній чернозема, постепенно покрывая собою поверхность почвы данной мѣстности все болѣе и болѣе нарастающимъ пластомъ.

Здѣсь, въ сущности, повторяется то же явленіе, что и въ случаѣ непрерывнаго перемѣщенія земляныхъ частицъ рѣчными потоками; какъ въ послѣднемъ случаѣ, эти, повидимому, ничтожныя перемѣщенія съ вѣками совершенно измѣняютъ фیزیономію страны, тоже самое должны мы допустить и относительно перваго случая.

Если, ежегодно, опредѣленное количество земляныхъ образованій извергается червями на поверхность и здѣсь уносится дождевою водою и кладетъ начало новымъ наслоеніямъ, то какъ бы ни казались ничтожными подобныя измѣненія, но онѣ совершенно достаточны, чтобы въ извѣстный періодъ, далеко не особенно продолжительный, дать очень существенные и громадныя результаты.

И наблюденія дѣйствительно подтверждаютъ значеніе такихъ результатовъ; наблюденія показываютъ, что черви своими земляными изверженіями, постепенно возрастающими въ болѣе или менѣе толстыя пласты, покрываютъ различные предметы, до того находившіеся на поверхности земли.

Многочисленные археологическія памятники, друидскія и иныя произведенія до-исторической древности, различные остатки романскихъ и средневѣковыхъ построекъ, оказываются, по тщательнымъ изслѣдованіямъ Дарвина, погребеннымъ подъ земляными изверженіями червей, и, стало быть, послѣдніе обязаны своимъ сохраненіемъ тому, что не оставаясь открытыми на поверхности земли, они не подверглись вывѣтриванію и другимъ разрушительнымъ случайностямъ. И кто согласился бы допустить, что какая нибудь важная ископаемая находка, представляющая громадное археологическое значеніе, можетъ быть обязана своимъ существованіемъ дождевымъ червямъ, предохранившимъ ее отъ разрушенія!

Но являясь хранителями древностей, дождевые черви вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко служатъ и причиною разрушенія. Углубляясь въ почву часто на 6—7 футовъ, они могутъ подкапываться подъ самый фунда-

ментъ зданій. Вообще говоря, ихъ дѣятельность, обуславливающую собою перемѣщеніе земляныхъ частицъ на поверхность изъ глубины, можно сравнить съ подземнымъ выщелачиваніемъ. Какъ вода, протекающая въ нѣдрахъ земли, путемъ выщелачиванія тѣхъ или другихъ частицъ послѣдней служитъ причиною осѣданія почвы, такъ и дождевыя черви могутъ причинять соотвѣтствующія измѣненія. И если послѣднія не будутъ настолько значительными, чтобы вызвать осѣданіе почвы на громадномъ пространствѣ, то, во всякомъ случаѣ, онѣ могутъ быть достаточно значительными, чтобы причинить разрушеніе старинныхъ построекъ. По крайней мѣрѣ Дарвинъ не сомнѣвается, что «многіе монолиты и различныя старыя стѣны были обрушены подѣпопомъ червей».

Уже разсмотрѣнная выше дѣятельность червей по части переработки земли, ея переработки и перемѣщенія ея частицъ на поверхность, сама по себѣ свидѣтельствуетъ о той пользѣ, которую представляетъ подобная дѣятельность для сухопутныхъ растений. Благодаря этой дѣятельности, поверхность земли никогда не застаивается, а напротивъ, непрерывно обновляется, непрерывно вспахивается; а какую пользу приноситъ вспахиваніе растеніямъ знаетъ каждый; приэтомъ нижніе слои земли легче становятся доступными дѣйствію воздуха, и рыхлая земля, какъ губчатая масса, приобретаетъ способность сильно насыщаться газами, необходимыми для питанія растеній.

Такимъ же образомъ, въ этой обработанной червями почвѣ свободнѣе развиваются корни растеній, а ихъ сѣмена находятъ здѣсь наиболѣе выгодныя условія для проростанія. И едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что необходимость въ различныхъ приспособительныхъ измѣненіяхъ растеній,—измѣненіяхъ, которыя при иныхъ условіяхъ, могли бы имѣть мѣсто, устранена, благодаря именно этой вспомогательной дѣятельности червей.

Таковая вспомогательная дѣятельность идетъ однако еще дальше: черви обрабатываютъ землю не только путемъ вспахиванія, но и путемъ удабриванія, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ самомъ дѣлѣ, они или покрываютъ ее своими земляными изверженіями, или уносятъ въ свои подземные ходы кости погибшихъ животныхъ, твердыя части насѣкомыхъ, наружный покровъ земляныхъ моллюсковъ, опавшіе гистья, вѣтки и проч., и проч. Всѣ эти вещества здѣсь, въ землѣ, распадаются на свои составныя части и, такимъ образомъ, доставляютъ растеніямъ прекрасный пищевой матеріалъ, вмѣсто того, чтобы безполезно оставаться на поверхности земли.

Но, помимо того, черви сами вырабатываютъ черноземъ, какъ это доказывается опытами Гензена ¹⁾, который содержалъ двухъ земля-

¹⁾ «Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie». Bd. XXVIII, 1877, S. 350.

ныхъ червей въ горшкѣ, наполненномъ чистымъ пескомъ и покрытомъ опавшими листьями. Послѣдніе скоро были утащены червями на глубину трехъ дюймовъ, а затѣмъ, по истеченіи шести недѣль, въ горшкѣ образовался, изъ землистыхъ изверженій червей, слой настоящаго чернозема въ одинъ сантиметръ толщины.

Такова въ общихъ чертахъ многосложная и, несомнѣнно, богатая по своимъ результатамъ дѣятельность дождевыхъ червей, тѣхъ самыхъ червей, которыхъ большинство считаетъ совершенно ничтожными, слабыми тварями, пригодными только для приманки рыбы на удочку.

«Плугъ—говоритъ Чарльзъ Дарвинъ—относится къ числу древнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ изобрѣтеній человѣка; однако много ранѣе такого изобрѣтенія плугъ уже существовалъ, земля регулярно вспахивалась, и такое вспахиваніе продолжается червями и понынѣ. Можно положительно сомнѣваться, чтобы существовало много другихъ животныхъ, которыя играли бы въ исторіи земли такую важную роль, какъ эти низко организованныя творенія. Правда, нѣкоторыя другія, еще ниже организованныя существа, какъ кораллы, производятъ болѣе бросающуюся въ глаза работу, каковы безчисленныя постройки рифовъ и острововъ на Великомъ океанѣ, но распространеніе этихъ животныхъ ограничено тропическими широтами».

Припомнимъ, наконецъ, колоссальныя известковыя образованія, обязанныя своимъ происхожденіемъ безчисленнымъ панцирнымъ остаткамъ нѣкоторыхъ простѣйшихъ микроскопическихъ существъ,—и мы увидимъ тогда, какъ глубоко простирается вліяніе органическаго міра на неорганической, какія существенныя измѣненія испытываетъ неорганической міръ отъ такого вліянія.

И однако, не смотря на подобнаго рода вліяніе, за жизнью органическихъ существъ не хотятъ признать иной способности, помимо приспособленія къ окружающему. Но дождевой червякъ, замуравливающий на зиму свое жилище камешками и вообще несомнѣнно обнаруживающій стремленіе приурочить окружающіе предметы къ требованіямъ своего существованія, своей жизнедѣятельности,—этотъ червякъ развѣ также не проявляетъ ничего инаго, помимо приспособленія къ окружающему?! Пускай думаютъ такъ; мы же смѣемъ видѣть во всѣхъ подобныхъ фактахъ несомнѣнное свидѣтельство въ пользу того, что жизнь не только приспособляется къ окружающему, но и приспособляетъ окружающее къ себѣ.

Эльпе.

ОПЫТЪ ОВВОДНЕНІЯ ЗАВОЛЖСКОЙ СТЕПИ.

Въ 1870 году, сборъ всѣхъ хлѣбовъ въ европейской Россіи равнялся 301.744,000 четв., а въ 1875 году — 227.938,000 четв.; разность 73.806,000 четв. или, опѣнивая каждую четверть въ 7 р., получится недоборъ въ 516.000,000 р. Наибольшими колебаніями въ сборѣ хлѣбовъ отличаются губерніи нижеволжскія (58% среднего сбора) и южныя степныя (86% среднего сбора) и это колебаніе особенно значительно для наиболѣе цѣннаго хлѣба — пшеницы, главная причина челу—засухи ¹⁾).

Засухи и, какъ прямое послѣдствіе ихъ, неурожай, непосредственно отзываются и на благосостояніи казачьихъ войскъ, занимающихъ самую юго-восточную окраину европейской Россіи. Главное управление казачьихъ войскъ, озабочиваясь устраненіемъ подобныхъ явленій, осенью 1879 года, поручило мнѣ обзоръ запасныхъ и юртовыхъ земель астраханскаго казачьяго войска, съ цѣлю выясненія вопроса о возможности примѣненія въ нимъ искусственнаго орошенія. Но такъ какъ запасныя и юртовыя земли астраханскаго казачьяго войска, расположенныя на границѣ Астраханской и Самарской губерній, не представляютъ сплошной территоріи, то и обзоръ мѣстности сдѣланъ былъ мною вообще въ системѣ рѣкъ Еруслана и Тургуна.

¹⁾ «Сборникъ свѣдѣній по департаменту земледѣлія и сельской промышленности», выпускъ первый.

Заволжская степь, въ предѣлахъ Астраханской и южной части Самарской губерніи, представляетъ почти ровную поверхность, на которой кое-гдѣ попадаются плоскія возвышенности очень небольшой высоты. Эта степь имѣетъ общее, очень незначительное паденіе въ рѣкѣ Волгѣ и протягивается на востокъ за рѣку Уралъ, соединяясь со степями среднеазиатскими.

Равнина эта прорѣзывается, съ востока на западъ, рѣкою Ерусланомъ, притокомъ Волги, съ впадающими въ нее рѣками Тургуномъ, Бѣлою и Соленою Кубами и большимъ числомъ безыменныхъ рѣчекъ, балокъ, ложбинъ и потяжинъ. Всѣ эти рѣки и рѣчки, за исключеніемъ Еруслана, на которомъ существуетъ нѣсколько мельницъ, представляютъ, въ обыкновенное время, совершенно сухія русла, наполняемые водою только во время весенняго таянія снѣга.

Вся эта равнина, окруженная громадными безводными и безлѣсными астраханскими и уральскими степями, въ свою очередь, является безводнымъ и безлѣснымъ пространствомъ, съ раскаленнымъ, сорокаградусными жарами, воздухомъ и растрескавшимся отъ этихъ жаровъ почвою. Отсюда крайняя неустойчивость урожаевъ, вполне зависящихъ отъ случайно и во-время выпавшаго дожда.

Какія колебанія въ урожаяхъ бывають въ Приволжскомъ краѣ, видно изъ «Сборника департамента земледѣлія» за шестилѣтіе 1870—1875 гг. и за 1876 годъ. Въ 1870 году сборъ хлѣбовъ въ нижеволжскихъ и заволжскихъ губерніяхъ былъ около 52.000,000 четв., а въ 1873 году только 29.500,000 четв.; разница 22.500,000 четв. или, отбѣивая каждую четверть въ 7 р., получимъ недоборъ въ 157.500,000 р. Въ частности же, для Самарской губерніи средней сборъ за шестилѣтіе 1870—1875 гг. былъ около 9.000,000 четв., а сборъ въ 1876 г. только 6.500,000 четв., разница 2.500,000 четв. или 17.500,000 р.

По мѣрѣ удаленія отъ Волги на востокъ, степь становится все безжизненнѣе. Благодаря сорокаградуснымъ жарамъ, бездождію и происходящей отсюда сухости воздуха, всякая растительность погибаетъ. Но на этой степи попадаютъ естественныя впадины, болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ, въ которыхъ застаивающаяся снѣговая вода совершенно измѣнила характеръ почвы и условія роста травъ. Эти впадины или такъ называемые лиманы представляютъ оазисы среди почти мертвой степи, и только благодаря имъ, эта степь обитаема осѣдлымъ населеніемъ. Снѣговая вода въ этихъ лиманахъ застаивается тонкимъ слоемъ и смотря по тому, какъ скоро она высыхаетъ, лиманъ распаивается, или оставляется подъ травю. Эти лиманы даютъ тотъ сортъ травъ, съ которыми не могутъ сравниться никакіе клеверы, и тѣ громадные урожаи пшеницы, благодаря которымъ населеніе этого края жило въ довольствѣ, невстрѣчаемомъ въ

другихъ мѣстностяхъ Россіи. При благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ сборы пшеницы по 100 пуд. съ десятины, при посѣвѣ 4—5 пуд., представляютъ здѣсь явленіе обыкновенное; бываютъ урожаи въ 150 пуд. и болѣе. Такіе урожаи указываютъ, что въ почвѣ находится богатый запасъ питательныхъ веществъ, но, что для устойчивости урожаевъ, недостаетъ влаги, а потому всѣ усилія человѣка должны быть направлены къ полученію этого недостающаго элемента; лиманы же среди степи служатъ указаніемъ, что слѣдуетъ дѣлать.

Населеніе этой мѣстности занимается распашкою земель въ большихъ размѣрахъ, благодаря значительному избытку скота. Крестьянское хозяйство съ десяткомъ лошадей, съ десяткомъ паръ воловъ и сотнею овецъ—явленіе обыкновенное, а въ 100 верстахъ отъ Волги начинаются земли киргизовъ, исключительное занятіе которыхъ—скотоводство; заволжскія степи снабжаютъ скотомъ все Приволжье. Благодаря избытку скота, неурожаи здѣсь не составляютъ такого бѣдствія, какъ въ губерніяхъ среднихъ; 1879 годъ былъ замѣчательнъ по своему неурожаю: не только не получили обратно сѣмянъ, но даже не получили и соломы, а между тѣмъ, объ этомъ неурожаѣ въ Петербургѣ и не знали. За то зима того же 1879—1880 г. унесла у здѣшняго населенія девять десятыхъ народнаго благосостоянія. Хотя главнымъ источникомъ здѣшняго благосостоянія и является скоть, но обезпеченіе продовольствіемъ этого источника подвержено случайностямъ. При многоснѣжной зимѣ или дождливой веснѣ, что случается очень рѣдко, населеніе можетъ обезпечить на зиму существованіе своего скота, потому что тогда почти вся степь представляетъ сплошной сѣнокосъ; но въ такіе годы, какъ 1879 г., когда весна и лѣто были особенно замѣчательны засухами, не только нельзя было сдѣлать запасовъ на зиму, но уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ не было подножнаго корма даже въ Киргизской степи. Въ началѣ осени можно было видѣть табунны лошадей и стада рогатаго скота и овецъ, тянувшихся изъ киргизской степи къ Волгѣ, въ надеждѣ найти подножный кормъ. Въ зиму же 1879—1880 г. отъ безкормицы пало четыре пятыхъ всего скота и теперь не встрѣтишь и десятой части той зажиточности въ этомъ районѣ, которая поражала непривычный взглядъ. Эта зима разорила много хозяйствъ не только потому, что они лишились скота, какъ имущества, но и потому, что было потрачено много средствъ къ поддержанію, втеченіи зимы, этого необходимаго элемента хозяйства, а въ началѣ весны скоть все-таки палъ отъ истощенія. Въ концѣ зимы и началѣ весны платили по 70 р. за десятилѣтнія соломенные крыши. Одинъ изъ богатыхъ киргизскихъ султановъ потерялъ, въ эту зиму, нѣсколько десятковъ тысячъ рублей для покупки корма своимъ табунамъ, отъ которыхъ, къ началу весны, не осталось и десятой части.

Благодаря зимнему падежу, весной поля не пахали, а ковырили, и часто случалось, что скотъ, пройдя съ плугомъ одну борозду, падалъ отъ безсилія; одною же изъ дѣйствительныхъ мѣръ борьбы съ засухами признается глубокая вспашка. Неурожай¹ въ 1880 г., въ этой мѣстности, частію обязанъ падежу, а также истощенію оставшагося скота. Вслѣдствіе зимняго падежа въ 1879—1880 г., въ слѣдующій неурожайный годъ, для продовольствія мѣстнаго населенія потребовались уже миллионныя ссуды.

Отсюда станеть понятна забота населенія о продовольствіи главнаго источника своего благосостоянія. Каждый хозяинъ употребляетъ всё усилія къ тому, чтобы сдѣлать маленькій лиманчикъ и тѣмъ хотя нѣсколько оградить свой скотъ отъ падежей, происходящихъ отъ недостатка корма. Населеніе этого края очень ясно сознаетъ всю пользу и необходимость подобныхъ устройствъ, но усилія единиць здѣсь ничего не могутъ сдѣлать.

Одною изъ побудительныхъ причинъ къ осушенію пинскихъ болотъ, министерство государственныхъ имуществъ руководилось уменьшеніемъ скотоводства въ южной Россіи, вслѣдствіе распашки луговъ; въ заволжскихъ степяхъ для него существуетъ широкое поле дѣятельности къ развитію скотоводства.

При безводности рѣвъ, совершенномъ отсутствіи озеръ и болотъ, при постоянномъ почти бездождіи, единственнымъ источникомъ влаги здѣсь являются снѣговья воды. Но, вслѣдствіе рѣзкаго перехода отъ зимняго холода къ теплу, таяніе снѣга происходитъ такъ быстро, что снѣговья воды, не успѣвая напитать неполнѣ еще оттаявшую почву, скатываются въ Волгу, втеченіи какихъ нибудь 4—5 дней, по сухимъ русламъ рѣвъ, которыя, нося свое громкое названіе рѣвъ, являются естественнымъ дренажемъ, иссушающимъ и безъ того сухую почву. Такимъ образомъ, единственный источникъ влаги, столь необходимой для безводнаго и безлѣснаго края, непроизводительно уходитъ въ Волгу. Пространство же въ нѣсколько миллионвъ десятинъ, покрытое слоемъ снѣга, хотя бы и незначительной толщины, представляетъ такой громадный запасъ влаги, который, при своемъ задержаніи на этой поверхности, совершенно измѣнилъ бы условія края. Образовавшіеся, такимъ образомъ, водные запасы, насыщая почву и увлажняя воздухъ, оказали бы самое благотворное вліяніе на растительность и должны бы, во всякомъ случаѣ, своими испареніями значительно умѣрять то губительное иссушающее дѣйствіе юго-восточныхъ вѣтровъ, которое справедливо признается одною изъ главныхъ причинъ гибели хлѣбовъ. Случалось, что при самомъ наливѣ зерна, подуетъ юго-восточный, горячій вѣтеръ, и отъ блестящихъ надеждъ на урожай остается только солома.

Почву этого края составляютъ краснобурыя и желтыя глины, съ небольшими прослойками песку. Растительность на этой, растрескавшейся отъ жаровъ почвѣ является самою бѣдною. Дождевая вода, попадая на глинистую почву, очень медленно проникаетъ въ нее, а между тѣмъ испареніе здѣсь очень значительное. Такимъ образомъ, выпавшая влага испаряется въ нѣсколько часовъ, не успѣвая проникнуть въ почву; но разъ проникнувшая влага прочно тамъ удерживается на двухвершковой глубинѣ отъ поверхности, въ іюнѣ мѣсяцѣ замѣтно еще присутствіе влаги; но этотъ двухвершковый плотный глинистый слой представляетъ такое большое сопротивленіе подъему ея къ корнямъ растений, что почва остается бесплодною, не смотря на достаточное количество питательныхъ веществъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ, хотя и на непродолжительное время застаивается снѣговая вода, характеръ почвы значительно измѣняется. Снѣговая вода обыкновенно приноситъ съ собою значительное количество песчанистаго ила, который и осаждается въ мѣстахъ застоя. Этотъ иль частію осаждается на поверхности, частію же, вмѣстѣ съ водою, проникаетъ въ почву и такимъ образомъ, перемишываясь съ нею, удобряетъ ее и дѣлаетъ болѣе пористою. Осѣвший же иль образуетъ на поверхности слой растительной земли, который, прикрывая собою глинистую массу, предохраняетъ ее отъ дѣйствія сильныхъ жаровъ; а глинистая масса, перемишанная съ иломъ и сдѣлавшаяся отъ этого болѣе пористою, заключая въ себѣ значительное количество влаги, постепенно отдаетъ ее корнямъ растений. Такимъ образомъ, слой растительной земли играетъ роль предохранителя влаги, постепенно пользуясь ею.

Одинъ изъ естественныхъ лимановъ, образовавшійся на красной глинѣ, представляетъ слѣдующія измѣненія въ почвѣ: на поверхности слой растительной земли толщиною въ два дюйма, за нимъ идетъ слой иловатой глины въ два фута, подъ которымъ лежитъ глина красная. На три дюйма отъ поверхности почва лимана уже замѣтно влажная, а на глубинѣ двухъ футовъ глина совершенно мокрая. Здѣсь видѣнъ переходъ красной глины въ глину иловатую, болѣе пористую, и видѣнъ процессъ питания растений, совершающійся на счетъ влаги красной глины. Благодаря этой влагѣ, на лиманѣ было получено сѣна по 75 пуд. съ десятины, не смотря на то, что весна и лѣто 1880 г. были бѣдны дождями.

При очень снѣжныхъ зимахъ, которыя бывають впрочемъ рѣдко, снѣговья воды, вслѣдствіе быстрого таянія снѣга, не успѣвая скатиться по имѣющимся руслуамъ, выходятъ изъ береговъ и разливаются на значительныя пространства. Хотя, при этихъ разливахъ, вода задерживается въ степи всего на нѣсколько дней, но и въ это, сравнительно короткое время она производитъ такое благотворное влія-

ніе на эту сухую и часто солонцоватую почву, что даже мѣста, обыкновенно малогодныя и для покоса, покрываются богатою растительностью, и на нихъ, въ эти годы, производится сѣновошение. На казенномъ участіи, по рѣкѣ Соленой Кубѣ, покосъ 1879 г. былъ сданъ за 150 р., а въ 1880 г. тотъ же самый покосъ сданъ за 3,000 р., что объясняется разливомъ Соляной Кубы, вслѣдствіе снѣжной зимы 1879/80 года.

Эти благотѣльные, но къ сожалѣнію очень рѣдкіе разливы, при помощи соответствующихъ сооружений, могли-бы быть явленіемъ постояннымъ. Тогда снѣговья воды, удерживаемыя въ своихъ разливахъ ежегодно, по произволу, на болѣе продолжительное время, своимъ увлажняющимъ дѣйствіемъ, при помощи ила, мало-по-малу превратили бы въ прекрасныя луга бесплодныя нынѣ земли.

Такое постоянное обводненіе земель можетъ быть легко достигнуто сооруженіемъ ряда обмененныхъ земляныхъ вододержательныхъ плотинъ, заграждающихъ русла Еруслана, Тургуна и другихъ рѣчекъ.

На изслѣдованной мѣстности (сдѣлано нивелировки болѣе 110 верстъ) паденіе балокъ и скатовъ было отъ 0,001 до 0,0005; паденіе рѣки Тургуна на протяженіи 16 верстъ опредѣлено въ 0,0005; при изысканіяхъ направленія оренбургско-самарской желѣзной дороги среднее паденіе рѣки Самары опредѣлено въ 0,00018.

Вслѣдствіе такого незначительнаго паденія этихъ рѣкъ, сооруженіе плотинъ на нихъ не можетъ представлять особыхъ затрудненій.

Такимъ образомъ, устройство плотинъ на главныхъ руслахъ, съ цѣлю обводненія степи, посредствомъ образованія постоянныхъ разливовъ, и устройство запрудъ въ возможно большемъ числѣ на всѣхъ балкахъ, ложбинахъ и т. п., съ цѣлю образованія постоянныхъ водохранилищъ, — вотъ тѣ мѣры, на которыя указываетъ сама природа и которыя, по своей простотѣ, дешевизнѣ и удобоисполнимости, имѣютъ громадное преимущество предъ всѣми иными способами орошенія.

Снѣговья воды, стекая по имѣющимся русламъ, заливаютъ и болѣе низменныя части береговъ, такъ называемыя куты. На этихъ кутахъ, послѣ спада водъ, производится посѣвы, и какъ бы ни было сухо лѣто, урожай на этихъ кутахъ все-таки хороши, благодаря суглинистой почвѣ, трудно отдающей свою влагу. Вода на этихъ кутахъ стоитъ три—четыре дня, при искусственныхъ же разливахъ она можетъ стоять сколько угодно.

Наибольшее количество влаги выпадаетъ здѣсь осенью и зимою. Осенніе дожди иногда бываютъ до того обильны, что образуются точно такіе же потоки, какъ и при таяніи снѣга. Эти потоки также при-

носятъ значительное количество ила, который и осаждается на днѣ рѣчезъ и падинокъ, не принося пользы. Если же сдѣлать преграду осеннимъ и весеннимъ потокамъ, то все количество ила, приносимое ими, будетъ равномерно распредѣляться на заливаемомъ пространствѣ и постепенно измѣнять характеръ почвы. Время этого измѣненія частію зависитъ отъ количества приносимаго ила. Тамъ, гдѣ устраивались загражденія потокамъ, наблюдалось, что въ первый годъ хорошіе луга являлись не на всемъ заливаемомъ пространствѣ, а только частями, которыя на другой годъ увеличивались, а на третій—уже представляли одну сплошную площадь луговъ.

На естественныхъ лиманахъ, застаивающаяся вода часто представляетъ слой незначительной толщины, и не смотря на это все-таки получаются результаты очень благоприятныя. На лиманахъ искусственныхъ зависитъ отъ воли человѣка получить слой воды толще, а съ нимъ и результаты болѣе благоприятныя. И дѣйствительно, на лиманахъ естественныхъ получается съ десятины 75—100 пуд. сѣна, на лиманахъ же искусственныхъ 150—250 пуд.; въ селѣ Ровномъ десятина заливаемаго (Волгою) луга даетъ, говорить, до 600 пуд. сѣна.

При развитіи обводнительныхъ работъ имѣлась бы полная возможность приступить и къ столь необходимому облісенію степи. Рано или поздно, но эта мѣра потребуетъ своего осуществленія. При всѣхъ же плотинахъ и запрудахъ легко и скоро могутъ быть размножены ивовыя и тополевыя породы, роскошно растущія въ степи, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва заключаетъ въ себѣ хотя нѣсколько влаги. При достаточномъ же количествѣ влаги, лѣсоразведеніе было бы возможно уже въ широкихъ размѣрахъ, и для безлѣснаго поволжья дало бы очень скоро ощутимые результаты. Оно явилось бы самымъ могучимъ элементомъ для удержанія влаги, и тогда не было бы такихъ засухъ, отъ которыхъ этотъ край несетъ громадныя потери, не было бы явленій 1879 года, когда втеченіи четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, на эту растрескавшуюся почву не упало и капли воды.

На основаніи этихъ соображеній военнымъ министерствомъ рѣшено было приступить къ опыту обводненія степи, на одномъ изъ запасныхъ участковъ астраханскаго казачьяго войска. Съ разрѣшенія военного совѣта, весной и частію лѣтомъ 1880 года была произведена нивелировка, которая указала мѣсто постройки плотины, а въ началѣ сентября было приступлено и къ самой строительству.

Построенная плотина имѣетъ около 5 верстъ длины (4 версты 340 саж.) при средней высотѣ около $\frac{3}{4}$ саж. (наибольшая высота 3 саж., наименьшая— $\frac{1}{5}$ саж.) и на возведеніе ея употреблено до 2,500 кубич. саж. глины. Для укрѣпленія откосовъ плотины была употреблена дерновая обшивка, около 7,000 кв. саж., причемъ на спицы, для про-

шивки дерна, былъ употребленъ сырой ивовый и тополевыи хворостъ дюймовой толщины, въ тѣхъ видахъ, что въ присутствіе влаги эти спицы должны дать ростки, и такимъ образомъ откосы плотины будутъ укрѣплены болѣе прочно; съ тою же цѣлью посажено болѣе 1,000 штукъ кольявъ саженной длины. Затѣмъ, для предохраненія передняго откоса отъ прибоя волнъ, смелены плетни на 1,700 саж., при ширинѣ $\frac{3}{4}$ арш.; приэтомъ также имѣлось въ виду, что сырые колья (болѣе 10,000 шт.), послужившіе основою для плетня, въ присутствіи влаги должны принятыся.

По справочнымъ цѣнамъ, вся работа по устройству плотины должна была обойтись въ 13 тысячъ рублей; но, въ виду неурожая, въ той мѣстности можно было ожидать пониженія цѣнъ, почему смѣтная цифра стоимости плотины была уменьшена до 10 тысячъ рублей¹⁾ Въ дѣйствительности же всѣ работы по сооруженію плотины обошлись около 6,800 р. и предварительная нивелировка 110 верстъ—250 р.

При достаточномъ количествѣ снѣговой воды, при помощи сооруженія, предположено обводнить болѣе 1,000 дес. Десятина степнаго покоса въ этой мѣстности цѣнится въ 6 р., а лиманнаго, у Чингисъ-Хана, въ 1880 году, отъ 15 до 20 р. Слѣдовательно, прямой расчетъ заставляетъ прибѣгать къ подобнымъ устройствамъ, не говоря уже о громадномъ косвенномъ вліяніи, при цѣломъ рядѣ подобныхъ устройствъ, послѣдствія котораго неисчислимы.

Предназначенная къ обводненію площадь представляла до сихъ поръ глинисто-солонцоватую почву, на которой не только не было никогда покосовъ, но она была мало пригодна даже и для попаса скота. Эта площадь была выбрана потому, что рельефъ былъ наиболѣе благоприятенъ для обводненія и чтобы имѣть результаты обводненія на безплодной до сихъ поръ почвѣ. Площадь эта покрылась снѣговой водою въ количествѣ болѣе 1,000 дес., когда почва была еще замерзшая, а потому и оттаиваніе ея началось только съ наступленіемъ теплыхъ дней, въ половинѣ апрѣля. Прогрѣваніе почвы началось съ мѣстъ, покрытыхъ болѣе тонкимъ слоемъ воды, гдѣ сопротивленіе теплу было наименьшее, и на этихъ же мѣстахъ замѣчалось просачиваніе воды въ почву (вода какъ-бы кипѣла). Въ концѣ апрѣля, на такихъ мѣстахъ явилась уже трава (пырей) и въ это же время на посаженныхъ кольяхъ появились почки и нѣкоторыя изъ нихъ распустились. Въ первыхъ числахъ мая наступили холода, сопровождавшіеся по ночамъ морозами, почему ростъ травъ приостановился, а молодые побѣги, отъ посаженныхъ кольявъ, померзли. Въ двадца-

) См. смѣту въ концѣ.

тыхъ числахъ мая наступили жары, нагрѣваніе воды усилилось, ростъ травъ увеличивался, посаженные колья опять роскошно принялись, и площадь занятая травой, ежедневно приращалась. Качество травы, растущей въ этомъ лиманѣ, представляется наилучшимъ изъ всѣхъ сортовъ травъ, растущихъ въ степи; но трава эта засѣла въ лиманѣ мѣстами пока рѣдко, что объясняется незначительнымъ количествомъ сѣмянъ, принесенныхъ на эту площадь снѣговой водою. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что количество травы будетъ ежегодно увеличиваться.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, задержанная вода не только способствовала росту травы, на мѣстахъ до сихъ поръ неплодныхъ, но и производитъ постепенное выщелачиваніе почвы, вынося частицы горькихъ солей, на что указываетъ горько-соленая вода, находящаяся въ ямахъ за плотиною.

Со второй половины апрѣля, на мѣстности, окружающей лиманъ, замѣчались сильныя росы, которыя несомнѣнно оказали вліяніе на растительность. Задержанная вода наполнила всѣ ерички и потяжины, въ которыхъ теперь производится водою пасущагося здѣсь скота (до сихъ поръ водою производился изъ володцевъ), и это обстоятельство настолько важно, что владѣтели гуртовъ, за пастбу скота на казачьемъ участіи, завѣдомо худшемъ въ отношеніи подножнаго корма, платятъ вдвое болѣе противу сосѣднихъ казенныхъ участковъ.

Посаженные колья, а также колья изъ плетней и маленькіе (8-ми вершк.) колышки, употребленные на прошивку дерна, принялись настолько хорошо, что дальнѣйшій ростъ ихъ совершенно обезпеченъ, благодаря постоянной влагѣ.

При посредствѣ построенной плотины не только обводнено болѣе 1,000 дес., на что потребовалось болѣе полумиліона куб. саж. воды, но и оказался еще излишекъ воды около полумиліона куб. саж. Это указываетъ на то громадное количество снѣговой воды, которая стекаетъ по балкамъ, ложбинамъ и потяжинамъ. Но такъ какъ недостатокъ влаги въ степи слишкомъ опутителенъ, то и воду слѣдуетъ распредѣлять на заливаемомъ пространствѣ возможно тонкимъ слоемъ. Чѣмъ большее пространство будетъ залито однимъ и тѣмъ же объемомъ воды, тѣмъ больше выгодъ будетъ достигнуто. Хотя для такого распредѣленія и потребуются большія затраты, но выгоды, достигаемыя имъ, вознаграждать ихъ съ избыткомъ. Чѣмъ тоньше слой воды, тѣмъ скорѣе прогрѣвается обводненная, обыкновенно замерзшая еще почва, и тѣмъ скорѣе совершается ростъ травы, а слѣдовательно и покосъ ея, что имѣетъ большое значеніе въ той мѣстности, гдѣ уборка хлѣба начинается въ концѣ іюня.

Втеченіи весны, въ той мѣстности, господствуютъ сильныя юго-восточныя вѣтры. Благодаря равнинному характеру мѣстности, эти

вѣтры часто обращаются въ ураганы и, не встрѣчая никакихъ препятствій, могутъ сильно повредить сооруженіямъ, особенно при значительномъ количествѣ задержанной воды. Поэтому, при новыхъ сооруженіяхъ, необходимо имѣть въ виду эту стихію, единственнымъ средствомъ защиты противъ которой, являются хорошій дернъ и плетни. Эти вѣтры, подгоняя воду къ плотинѣ, поднимаютъ уровень воды на высоту около фута, причемъ высота волны, ударающей въ плотину, бываетъ болѣе фута на мелкихъ мѣстахъ, и болѣе двухъ футовъ на мѣстахъ глубокихъ. Въ построенной плотинѣ высота гребня, надъ уровнемъ воды, сдѣлана въ $\frac{1}{2}$ саж., при меньшей же высотѣ можно ожидать перелива воды черезъ гребень, что повлечетъ за собою разрушеніе сооруженія. При отсутствіи въ той мѣстности дѣса и камня, единственнымъ строительнымъ матеріаломъ служить глина. Но мѣстная красно-бурая глина имѣетъ параллелопипедальную отдѣльность, почему, во время прибоя волнъ, она не осыпается, а обваливается глыбами. Если-бы передній откосъ оставить незащищеннымъ дерновой одеждою, то пришлось бы дѣлать его очень пологимъ, что обойдется дорого ¹⁾. Болѣе выгоднымъ и не менѣе надежнымъ представляется хорошая дерновая одежда и плетни. При этомъ всѣ колья изъ плетней примутся, и если на сшицы дерновой одежды будутъ употреблены сырые колышки, то весь передній откосъ очень быстро покроется кустарникомъ. Дернъ необходимо употреблять 2—3-хъ-вершковой толщины, а если тоньше, то въ два ряда, чтобы вполне предохранить откосъ отъ разлива; для уменьшенія же расходовъ, задній откосъ можно оставить безъ дерновой одежды. Вслѣдствіе вышесказаннаго свойства красно-бурыя глины, выемки, для устройства плотины, не слѣдуетъ дѣлать близко отъ насыпи, и не дѣлать ихъ сплошнымъ вромъ.

При проектированіи плотины принималось, что суточное испареніе будетъ достигать одного дюйма, какъ это принимается для южной Россіи. Самая большая глубина воды на ровныхъ мѣстахъ обводненной площади не превышаетъ 30 дюйм., а потому и рассчитывалось, что обводненная площадь будетъ суха къ первымъ числамъ іюня, почему плотина и была сдѣлана глухою. Но не смотря на то, что жары и сухость воздуха въ заволжской степи не менѣе, чѣмъ въ южной Россіи, суточное испареніе все-таки было меньше дюймового; съ начала весны и до 1 іюня испарилось около 10 дюйм. Хотя болѣе быстрому испаренію и помѣшала холодная весна (майскіе холода), но при будущихъ сооруженіяхъ не слѣдуетъ рассчитывать на дюймовое испаре-

¹⁾ Въ построенной плотинѣ переднему откосу данъ двойной уклонъ, заднему ординарный, а ширина гребня составляетъ половину высоты.

ніе. Даже до 15 августа эти 30 дюймовъ не испарились. Слѣдовательно, задерживаемая вода не можетъ вся испариться въ срокъ покоса, почему въ устраиваемыхъ плотинахъ необходимы водоспуски, а спускаемою водою можно и должно воспользоваться для орошенія полей. Такъ какъ уклоны той мѣстности очень незначительны, то, по мѣрѣ пользованія водою для орошенія полей, большая часть обводненной площади будетъ выходить изъ-подъ воды и представлять отличный сѣнокосъ. Такимъ образомъ, при существующихъ уклонахъ мѣстности, при помощи одного и того же сооруженія, представляется полная возможность достигать двойныхъ результатовъ: орошенія полей и полученія хорошихъ луговъ. Такъ, напримѣръ, въ описываемомъ опытѣ военнаго министерства обводнено болѣе 1,000 дес. для луга, и этою же водою, которая во всякомъ случаѣ должна быть спущена, можно еженедѣльно орошать до конца іюня площадь около 300 дес., рельефъ же мѣстности представляетъ полную въ тому возможность.

Хотя въ дѣлѣ обводненія заволжской степи начинъ и принадлежитъ военному министерству, но дѣятельность его тамъ не можетъ быть широка, потому что казачьихъ участковъ въ той мѣстности мало; но для министерства государственныхъ имуществъ этотъ опытъ, казалось бы, не долженъ пройти безслѣдно.

МѢТА НА ПОСТРОЙКУ ГЛУХОЙ ЗЕМЛЯНОЙ ВОДОУДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ПЛОТИНЫ.

Копаніе плотной глины съ выбрасываніемъ, накладываніемъ на подводы, возкою на разстояніе 50—100 саж., полагая 30 пуд. на подводу и 37 оборотовъ въ рабочий день, разравниваніемъ, разбивкою комьевъ и утрамбовкою за одну куб. саж. (вѣсомъ 1,100 пуд.) 2 р. 98 к. за 2,497,82 куб. саж.

7,453 р. 62 к.

На подѣлеу спиць для прошивки дерна 2 чел. на каждыя 1,000 шт. спиць, для 560,000 шт. спиць необходимо 1,120 чел., по 45 к. въ день каждому .

504 > — >

На каждыя 28,000 шт. спиць необходимо 1 куб. саж. дровъ, а на 560,000 шт. 20 куб. саж., по 37 р. 50 к. за саж. съ доставкою на мѣсто.

750 > — >

Рѣзка дерна, накладываніе на подводы, подвозка

на разстояніе до 1,000 саж., выстилка откосовъ и прибавка по 27 к. за кв. саж., а за 7,000 кв. саж. 1,890 > — >

Для плетня полусаженныхъ кольевъ, полагая на каждую погонную саж. по 6 шт. по 21 р. 50 к. за каждую 1,000 шт. саж. кольевъ съ доставкою на 1,700 саж. плетня потребно 5,100 шт. кольевъ

Бѣлоталаго хвороста для плетня 50 куб. саж. саж. длины. 109 > 65 >

по 20 р. за каждую куб. саж. съ доставкою . . 1,000 > — >

Работа плетня шириною $\frac{3}{4}$ арш., по 25 к. за погонную саж., за 1,700 саж. 425 > — >

На наемъ трехъ десятниковъ по 40 р. въ мѣсяць каждому и полагая продолжительность работы въ 2 мѣсяца. 240 > — >

Итого. . . 12,372 р. 27 к.

На приспособленія для рабочихъ, покупку инструментовъ и ихъ поправку, 6°/10 со стоимости работъ 742 > 32 >

Всего 13,114 р. 59 к.

Горный инженеръ Д. Самсоновъ.

АДРЕСЫ ВРАЧЕЙ-ГОМЕОПАТОВЪ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

АДАМСЪ, Аркадій Любимовичъ. Моховая улица, д. № 15, кв. № 8.

Часы приѣма: ежедневно, кромѣ воскресенья, утромъ отъ 10 до 11 ч.

ГАСТФРЕЙНДЪ, Андрей Андреевичъ. Углы Ямской и Свѣчнаго переулка д. № 7, кв. № 11.

Часы приѣма: ежедневно, утромъ до 11 ч., вечеромъ отъ 6 до 7 ч.

ГЕМПЕЛЬ, Карлъ Даниловичъ. По Мойкѣ, у Краснаго моста, д. Кочубея, № 69.

Часы приѣма: ежедневно, отъ 1 до 2 ч. пополудни.

ГЕМПЕЛЬ, Адольфъ Даниловичъ. По Мойкѣ, у Краснаго моста, д. Кочубея, № 69.

Часы приѣма: ежедневно, отъ 9 до 11 ч. утра¹⁾.

ГЕРИНГЪ, Богданъ Богдановичъ. На углу Ивановской и Кабинетской ул., въ домѣ Аллера.

Часы приѣма: съ 1-го октября по 1-е мая, по вторникамъ и четвергамъ, отъ 8 до 11 ч. утра.

ФОНЪ ГЮВВЕНЕТЪ, Антонъ Матвѣевичъ. Въ Моховой улицѣ, д. № 8, Шувалова, кв. № 7.

Часы приѣма: по утрамъ до 11 часовъ, а по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ:—отъ 6—7 ч. веч.

ПТЕРНЪ, Иванъ Федоровичъ. На Мойкѣ, за тюрьмой, домъ князя Воронцова.

Часы приѣма: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, утромъ отъ 11 до часа пополудни.

¹⁾ Специалистъ и по ушнымъ болѣзнямъ.

ФОНЪ ДИТМАНЪ, Владиміръ Александровичъ. Сергіевская улица, домъ № 10, кв. № 9.

Часы приема: ежедневно утромъ отъ 9^{1/2}—10 и вечеромъ отъ 6^{1/2}—7^{1/2}, кромѣ воскресенья

КРУТУЛЕВОКІЙ, Иванъ Ивановичъ. Кабинетская, домъ № 12, кв. № 1.

Часы приема: до 11 ч. утра.

ЛЕНОКІЙ, Осипъ Павловичъ. По Фонтанкѣ, у Семеновскаго моста, домъ Вьюшина, № 86, кв. № 2.

Часы приема: отъ 9 до 10^{1/2} ч. утра и отъ 6 до 8 ч. вечера, ежедневно.

ООЛОВЬЕВЪ, Павелъ Васильевичъ. У Краснаго моста, на углу Гороховой и Мойки, д. Корпуса, № 73-16, кв. № 16.

Часы приема: утромъ отъ 10 до 12 ч.

ОТЕТКЕВИЧЪ, Степанъ Ивановичъ. По Знаменской улицѣ, между Итальянской и Басейной, домъ № 18, кв. № 10.

Часы приема: утромъ отъ 9—10, вечеромъ отъ 5—6.

ВЕТЕРИНАРНЫЙ ВРАЧЪ

ГЕМПЕЛЬ, Василій Ивановичъ. Въ Казанской улицѣ д. Глазунова, № 8, противъ ломбарда, кв. № 86, во дворѣ.

ЛЕЧЕВНИЦА ДЛЯ ПРИХОДЯЩИХЪ ОБЩЕСТВА ВРАЧЕЙ-ГОМЕОПАТОВЪ.

По фонтанкѣ, у Семеновскаго моста, д. Вьюшина, № 86.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОМЕОПАТИЧЕСКАЯ АПТЕКА

По Гороховой, у Краснаго моста, № 15.

Гг. приглашающихъ врача письменно, покорнѣйше просятъ, при указаніи адреса больного, съ точностью обозначать номеръ дома и номеръ квартиры.

Въ славянскихъ народныхъ пѣсняхъ, обрядахъ, играхъ, заговорахъ, причитаніяхъ и пр., многіе еще исполняемыхъ народомъ, въ особенности въ деревенской глуши, въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ желѣзнодорожныхъ, фабричныхъ и городскихъ центровъ, несомнѣнно въ значительной степени сохраняются еще остатки языческой старины. Во многихъ пѣсняхъ, связанныхъ съ обрядами, играми и хороводами, ведущими свое начало изъ глубокой древности, нерѣдко таятся древніе языческіе элементы, лишь отчасти заслоненные отложившимися въ пѣсняхъ въ позднѣйшія, христіанскія времена наслоеніями или скрывающимися подъ новыми, христіанскими формами и названіями. Удаленіе въ этихъ пѣсняхъ позднѣйшихъ наслоеній, замѣщеніе новыхъ формъ (и названій) старыми, какъ въ словесномъ, такъ и въ музыкальномъ отношеніи, можетъ дать возможность возстановленія, хотя приблизительно, древнеславянской языческой пѣсни.

Занимаясь изслѣдованіемъ вопроса о музыкѣ древнихъ славянъ, я позволяю себѣ, съ цѣлю пополненія уже собранныхъ мною матеріаловъ, обратиться къ любителямъ славянской старины, имѣющимъ въ рукахъ еще неизданныя великорусскія, малорусскія, бѣлорусскія и галицко-русскія, а также западно- и южнославянскія пѣсни (именно тексты съ относящимися къ нимъ мелодіями), съ покорнѣйшею просьбою, не найдутъ ли они возможнымъ сообщить мнѣ такіа пѣсни, съ указаніемъ, по возможности, тѣхъ мѣстностей, гдѣ пѣсни эти записаны, и съ разрѣшеніемъ воспользоваться ими въ предполагаемомъ трудѣ моемъ. Желательно было бы получить: пѣсни свадебныя, похоронныя, причитанія надъ покойниками и на могилахъ, заплачки, пѣсни, исполняемыя при гаданіи вѣнкахъ, въ Ивановскую ночь (купальскія), въ праздникъ обжинокъ, семицкія, игровыя и хороводныя вообще (включая сюда и исполняемыя при пляскѣ южнославянскаго «коло» и болгарскаго «оро»), пѣсни, сопровождающія обрядъ «опахиванія» (коровьей смерти) и другіе обряды, каковы: встрѣча весны (веснянки), масляницы и пр., проводы зимы (смерти); ярилы, масляницы, закликаніе дожда и т. п., кромѣ того, былины (сказители), думы (бандуристовъ), героическія пѣсни (гусляровъ-слѣпцовъ), пѣсни нищихъ и т. п., а также мелодіи, играемыя на инструментахъ во время народныхъ плясокъ и разыгрываемыя пастухами.

Считаю нелишнимъ прибавить, что въ изданныхъ сборникахъ пѣсней (съ мелодіями) не встрѣчается вовсе пѣсней, сопровождающихъ обрядъ «опахиванія» (коровьей смерти), и весьма мало похоронныхъ пѣсней, заплачекъ, причитаній, купальскихъ пѣсней, а также имѣющихъ отношеніе къ явленіямъ природы, а именно сопровождающихъ встрѣчу весны, закликаніе дожда, жатвенныхъ и т. п. Вслѣдствіе того, въ настоящемъ случаѣ сообщеніе такого рода пѣсней представляло бы преимущественный интересъ.

Всякая присылка пѣсней (текстовъ съ мелодіями) и инструментальныхъ мелодій, принадлежащихъ къ вышепоименованнымъ категоріямъ, будетъ принята съ глубокою благодарностью. Я покорнѣйше просилъ бы присылать пѣсни въ заказныхъ пакетахъ, по адресу: Александру Сергѣевичу Фаминцыну, Спб. Екатерингофскій просп. № 33.

А. Фаминцынъ.

30 ноября 1881 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ „МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“,

ПЕРВУЮ ТЕЛЕГРАФНУЮ ГАЗЕТУ ВЪ РОССИИ,
которая выходитъ въ Москвѣ, съ 1 января 1881 года, безъ пред-
варительной цензуры.

5-го декабря 1880 г. послѣдовало высочайшее утвержденіе конвенціи, состоявшейся между телеграфнымъ департаментомъ и редакціей газеты «Московскій Телеграфъ». Согласно этой конвенціи, редакціи «Московского Телеграфа» предоставлено исключительное пользованіе одною изъ телеграфныхъ линій и право имѣть собственную телеграфную станцію, которая и помѣщается въ типографіи «Московского Телеграфа». Станція эта обставлена всѣми новѣйшими техническими приспособленіями и снабжена скоропечатающими телеграфными аппаратами. Являясь, такимъ образомъ, конечнымъ и, притомъ, самостоятельнымъ пунктомъ телеграфной проволоки, редакція «Московского Телеграфа» имѣетъ возможность сообщать своимъ читателямъ большую часть извѣстій ранѣ другихъ газетъ. Каждый № «Московского Телеграфа», кромѣ разныхъ статей, заключаетъ въ себѣ болѣе тысячи строкъ собственно телеграфнаго материала и представляетъ полный и точный обзоръ событій и извѣстій того дня, въ который этотъ № поступаетъ въ печать.

ПРОГРАМА ГАЗЕТЫ СЛѢДУЮЩАЯ:

1) Руководящія статьи. 2) Дневникъ общественной жизни и печати. 3) Оцін-
ціальныи отдѣлъ. Дѣйствія правительства. 4) Петербургская хроника. 5) Теле-
граммы собственныхъ корреспондентовъ «Московского Телеграфа» и телеграф-
ныхъ агентствъ. 6) Хроника Москвы. Отчеты о засѣданіяхъ. Дневникъ проше-
ществій. 7) Внутреннія извѣстія. Корреспонденціи. 8) Судебная хроника и юри-
дическій отдѣлъ. 9) Бритика и библиографія. 10) Иностранныя извѣстія, 11)
Фельетонъ. Статьи научнаго содержания. Белетристика. Фельетонъ въ стихахъ
Д. Д. Минаева, Петербургскія письма Г. Б. Градовскаго. Театръ, музыка и
проч. 12) Смѣсь. 13) Торговый отдѣлъ. 14) Справочный отдѣлъ. Резолюціи ка-
саціонныхъ департаментовъ сената и сенатскій указатель. 15) Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ доставки.	Съ доставкою.	Съ пересылкою.
На годъ съ 1 января 1882 г.	14 р. 50 к.	16 р. — к.	17 р. — к.
» 6 мѣсяцевъ	8 » 50 »	9 » 50 »	11 » — »
» 3 »	5 » — »	5 » 50 »	7 » — »
» 2 »	3 » 50 »	4 » — »	5 » — »
» 1 »	1 » 75 »	2 » — »	2 » 50 »

Присутственные мѣста могутъ заявлять требованія на «Московскій Телеграфъ»
съ уплатою денегъ на кредитъ будущаго года.

Допускается разсрочка взноса подписныхъ денегъ: для служащихъ на всѣ
сроки—черезъ назначеніе, для неслужащихъ—на слѣдующихъ условіяхъ:

	Безъ доставки.	Съ доставкою.	Съ пересылкою.
При подпискѣ	5 р. — к.	5 р. — к.	6 р. — к.
1 марта	3 » — »	3 » — »	3 » — »
1 мая	3 » — »	3 » — »	4 » — »
1 іюля	3 » 50 »	5 » — »	4 » — »

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, въ Москвѣ, на Петровкѣ, въ
домѣ кредитнаго общества и въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и
Москвы. Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія: въ Москву, въ ре-
дакцію газеты «Московскій Телеграфъ».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ДОНСКОЙ СПРАВОЧНЫЙ ЛИСТЪ“,

ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКО-ОБЩЕСТВЕННУЮ

на 1882 годъ.

(ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ НЕДЕЛЮ).

Содержаніе: *статьи*—передовыя, касающіяся мѣстныхъ (донскихъ) и обще-русскихъ вопросовъ, экономическія, сельско-хозяйственныя, земскія, историческія и бытовыя о Донскомъ казачьемъ войскѣ и калмыкахъ, къ оному принадлежащихъ; *замѣтки*, извѣстія и новости мѣстныя и общія; *справочныя свѣдѣнія*; *фельетонъ*—военные разсказы, очерки и юмористическія сцены изъ обыденной жизни мѣстнаго населенія.

Вообще же въ «Донскомъ Справочномъ Листѣ», по мѣрѣ возможности, будетъ очерченъ прошлый и современный бытъ Донскаго казачьяго войска; также будутъ помѣщаемы свѣдѣнія и о прочихъ казачьихъ войскахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА, СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ:

На годъ	6 руб.
» полгода	4 »
» декабрь 1881 года	1 »

Адресъ: Въ Новочеркасскъ, въ Редакцію «ДОНСКАГО СПРАВОЧНАГО ЛИСТКА».

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“

Въ 1882 г. (годъ четырнадцатый) будетъ издаваться подъ редакціей В. П. Острогорскаго, ежемѣсячными книжками не менѣе семи печатныхъ листовъ, съ политическими въ текстѣ, отдѣльными картинками и музыкальными приложениями. Годовое изданіе составитъ четыре тома, болѣе 20 листовъ каждый.

ЖУРНАЛЪ „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“:

1) Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія **«ОДОБРЕНЪ»** для библиотекъ начальныхъ и уѣздныхъ училищъ и женскихъ прогимназій и гимназій, а также **РЕКОМЕНДОВАНЪ** для чтенія въ семействахъ».

2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній **«РЕКОМЕНДОВАНЪ»** военнымъ гимназіямъ и прогимназіямъ, для чтенія воспитанниковъ младшаго возраста».

3) IV Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи **«РЕКОМЕНДОВАНЪ»** для классныхъ библиотекъ женскихъ учебныхъ заведеній».

4) Ученымъ комитетомъ при св. синодѣ **«ОДОБРЕНЪ»** къ допущенію въ духовныхъ училищахъ и къ приобрѣтенію въ фундаментальныя библиотеки духовныхъ семинарій».

Въ журналъ помѣщаются: Небольшія повѣсти и рассказы, очерки изъ народной жизни и быта промышленниковъ, біографіи, статьи по естественной исторіи, явленія природы, путешествія, техническія производства и промыслы, занятія, игры, задачи и проч.

Приложеніе: «Педагогическій Листокъ» (для родителей и воспитателей). Большая часть статей посвящается начальному образованію и домашнему воспитанію. Разбору педагогическихъ и дѣтскихъ книгъ удѣляется значительное мѣсто. «Педагогическій Листокъ» выходитъ 4 раза въ годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1882 ГОДЪ ПРЕЖНЯЯ:

Безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 5 р. 75 к.

За «Педагогическій Листокъ» прилагается особо 1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи въ Пушкинской (бывш. Новой) улицѣ, д. № 10.

«Дѣтское Чтеніе» за прежніе года (1872, 1873, 1874 и 1875) продается въ бумажной оберткѣ—3 р. за годъ, составляющій два тома; пересылка за 6 фунтовъ. За 1876 г.—5 р., въ переплетѣ 6 р.; пересылка за 8 фун. по разстоянію. За 1877, 1878, 1879 и 1880 гг.—по 6 р.; въ тисненомъ золотомъ переплетѣ 7 р. 50 к. и пересылка за 9 фун. по разстоянію.

Возвышеніе цѣны на журналъ съ 1876 года произошло вслѣдствіе увеличенія объема журнала вдвое, сравнительно съ прежнимъ. Выписывающіе журналъ за всѣ прежніе года разомъ пользуются уступкою 10%.

«Дѣтское Чтеніе» за 1869, 1870 и 1871 года все распродано.

Редакторъ Викторъ Острогорскій

Издатель В. П. Бородинъ.

НА

„ОГОНЕКЪ“, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Литературы, Наукъ и Искусствъ.

52 нумера въ годъ.

ПРОГРАММА «ОГОНЬКА»:

1. Ежедневный политическій обзоръ. 2. Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, драматическія произведенія, юмористическіе очерки, оригинальные и переводы. (съ рисунки къ нимъ). 3. Историческіе очерки, бытовыя картины изъ жизни древнихъ народовъ (съ рисунками къ нимъ). 4. Записки, мемуары, жизнеописанія великихъ людей и общественныхъ дѣятелей (съ портретами). 5. Систематическій обзоръ (съ рисунками, по надобности) замѣчательныхъ явленій въ области всѣхъ наукъ: Естествознанія, Археологии,	Географіи, Медицины, Механики и т. д., и искусствъ: Скульптуры, Живописи, Архитектуры, Музыки и т. д. Библиографіи и замѣчательные процессы (безъ обезужденія судебныхъ рѣшеній). 6. Хроника общественной жизни. 7. Хроника наукъ, искусствъ и литературы. 8. Смѣсь, анекдоты, афоризмы, загадки-шахматы, пазлы, и проч. 9. Почтовый ящикъ; отвѣты редакціи. 10. Тиражи выигрышей 1-го и 2-го внутреннихъ займовъ. 11. Частныя объявленія.

Громадный успѣхъ «ОГОНЬКА» въ первые три года изданія дѣлаетъ лишними всякія пышныя объявленія. Успѣху этому «ОГОНЕКЪ» обязанъ: 1) Объемомъ своимъ онъ равенъ большимъ литературнымъ журналамъ, но дешевле ихъ вчетверо. 2) Въ немъ принимаютъ участіе лучшіе литературныя и художественныя силы.

Въ «ОГОНЬКѢ» 1881 г. были помѣщены произведенія, между прочимъ, слѣдующихъ писателей: В. Г. Астѣно, В. Коріевскаго (исевд.), Г. Лишина, А. Н. Майкова, А. Н. Островскаго, А. А. Потѣхина, Гр. Е. А. Салиаса, К. Н. Слущевскаго, и др.

Въ 1881 г. будутъ помѣщены въ первыхъ номерахъ слѣдующія произведенія «Прославимся»: комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Н. Соловьева, «Графъ Морицъ Сансоискій», историческій романъ въ 5-ти частяхъ Н. Кукольника. «Родственный визитъ»; повѣсть Н. Морскаго и произведенія другихъ извѣстныхъ писателей: гр. Салиаса, А. Майкова, К. Полонскаго.

Въ 1882 году, при дополненной программѣ, въ «ОГОНЬКѢ» будутъ помѣщаться также еженедѣльные политическіе обзоры, хроника общественной жизни, шахматныя, шашечныя и другія задачи, загадки и проч. и проч.

Къ журналу «Огонекъ» 1882 г. будутъ приложены, бесплатно:

Двѣ большыя, роскошныя, олеографическія преміи:

1) ПОРТРЕТЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЬНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ БЕОДОРОВНЫ (въ pendant къ портрету Государя Императора Александра III, данному, какъ премія, въ 1881 году).

2) „ПЕТРЪ ВЕЛИКИЙ ДОПРАШИВАЕТЪ ЦАРЕВИЧА АЛЕНСЯ ВЪ ПЕТЕРГОФѢ“, картина профессора Ге.

Преміи эти во избѣжаніе порчи ихъ въ дорогѣ, будутъ разсланы гг. подписчикамъ въ прочной картонной трубкѣ.

Годовая цѣна «Огонька» съ преміями: безъ доставки 4 р., съ дост. въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россіи 6 руб.

Подписка принимается въ конторѣ издателя журнала «ОГОНЕКЪ», Германа Гоппе, въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая улица, д. Коровина, № 16.

О ПОДПИСЬ НА 1882 ГОДЪ НА
„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ“
 БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
 СЪ РАЗНЫМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Съ 1-го Января 1882 г. журналъ «Всемирная Иллюстрація» начнетъ XIV годъ (т. е. томы XXVII и XXVIII) своего существованія. Извѣстность, приобретенная этимъ журналомъ, избавляетъ насъ отъ труда подробно распространяться о его достоинствахъ. Онъ будетъ выходить такъ-же аккуратно, какъ и въ прошлые годы еженедѣльно (т. е. 52 нумера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большаго двойнаго листа, самой лучшей бумаги, и каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ 16—24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

По случаю предстоящей въ 1882 г. Коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ, особенное вниманіе Редакціи будетъ обращено на изготовленіе цѣлой серіи рисунковъ относящихся къ этому высокороджественному празднеству.

Кромѣ того, къ «Всемирной Иллюстраціи» 1882 г. будетъ приложенъ безплатно отдѣльный роскошный «Альбомъ Всероссийской Промышленно-Художественной выставки», имѣющей состояться въ будущемъ году въ Москвѣ. Въ Альбомѣ этомъ будетъ заключаться множество рисунковъ, съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ замѣчательныхъ произведеній выставки.

Цѣна годовому изданію «Всемирной Иллюстраціи» на 1882 г.:

Безъ дост. въ С.-Петербургѣ 13 р. — к. ||| Съ дост. въ С.-Петербургѣ 14 р. 50 к.
 Безъ доставки въ Москвѣ . 14 » — » ||| Съ перес. въ другіе города. 16 » — »

«ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ»

представляетъ политическія событія, войну, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологию, промышленность, морское и военное искусство, и пр. и пр., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ **ВЪ КАРТИНАХЪ.**

Главная задача «Всемирной Иллюстраціи» — изображеніе, въ картинахъ и текстѣ, современныхъ событій во всѣхъ сферахъ полит. и обществ. жизни.

Каждый годъ «ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ» представляетъ собою

ДВА РОСКОШНЫЕ АЛЬБОМА,

каждый до 500 печатн. страницъ, съ 300—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей бібліотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА

«ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ»

изъ англ. каленкора, съ золотыми тиснен. по рис. художника К. Брожа. Цѣна покрывки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к. съ пер. 2 р. 50 коп.

Цѣна первыхъ 24 томовъ «Всемирной Иллюстраціи»:

1869 г. (томы I и II) 10 руб. безъ перес.; въ англ. каленкоровомъ перепл. 14 р.; 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X) — по 8 р. безъ пересылки, каждый годъ. Въ англ. тисненн. золотомъ, переплетахъ, каждый годъ стоитъ по 12 р. безъ перес. 1874 (т. XI и XII), 1875 (т. XIII и XIV), 1876 (т. XV и XVI), 1877 г. (т. XVII и XVIII) (безъ приложеній), 1878 г. (т. XIX и XX) (безъ приложеній) и 1879 г. (т. XXI и XXII) и 1880 г. (т. XXIII и XXIV) — по 9 р. безъ перес., кажд. годъ. Въ переплетахъ безъ перес. по 13 р.
 На пересылку каждаго года слѣдуетъ прилагать 3 р. с.

Главная контора Редакціи «Всемирной Иллюстраціи» въ С.-Петербургѣ, Б. Садовая ул., д. № 16.

Для убюденія своихъ подписчиковъ, контора. Лордена, Лопе привиниваетъ подписку и на всѣхъ роскшнхъ и иллюстрированныхъ журналахъ и газетахъ.

2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„ЗАРЯ“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882-й ГОДЪ.

ПРОГРАМА ИЗДАНІЯ:

I. Телеграммы.

Важнѣйшія событія русской и иностранной жизни. Кромѣ телеграммъ «Международнаго Телеграфнаго Агентства», редакция получаетъ телеграфическія извѣстія отъ специальныхъ корреспондентовъ за границей, въ Петербургѣ (Ежедневно), Москвѣ и въ главныхъ городахъ юга Россіи.

Этотъ отдѣлъ настолько расширенъ, что всѣ болѣе или менѣе выдающіяся событія иностранной внутренней жизни, какъ столичной, такъ и провинціальной, передаются по телеграфу, опережая на двое сутокъ извѣстія, приходящія съ петербургскими и московскими газетами.

Кіевъ, по своему географическому положенію, имѣетъ то преимущество, какъ центральный пунктъ, находится на полпути между Петербургомъ и Москвой—съ одной стороны и южными окраинами—съ другой.

Благодаря желѣзнымъ дорогамъ, расходящимся изъ Кіева на сѣверъ и на югъ и примыкающимъ къ другимъ вѣтвямъ, а также пароходному сообщенію по Днѣпру, газеты, издающіяся въ Кіевѣ, доходятъ гораздо раньше петербургскихъ и московскихъ газетъ въ главные центры нашего юга: въ Одессу Николаевъ, Елисаветградъ, Кременчугъ, Екатеринославъ, Полтаву, Черниговъ, Курскъ и др.

II. Отдѣлъ внутренней.

А) Извѣстія о дѣйствіяхъ правительства, о законодательныхъ мѣрахъ и предположеніяхъ; Б) руководящія статьи по важнѣйшимъ вопросамъ общественной жизни Россіи, какъ-то: по вопросамъ государственнаго хозяйства, путей сообщения, народнаго образованія, земскаго, городского и крестьянскаго самоуправления; В) корреспонденціи изъ столицъ и краевныя; Г) свѣдѣнія изъ другихъ періодическихъ изданій; Д) обзорніе русской и иностранной печати; Е) вопросы хозяйства, промышленности и торговли въ районѣ южной полосы Россіи, въ губерніяхъ, входящихъ въ составъ генералъ-губернаторствъ: юго-западнаго, одесскаго и харьковскаго.

III. Отдѣлъ городской.

А) Хроника г. Кіева, Б) вопросы городского благоустройства.

IV. Отдѣлъ судебный.

А) Руководящія статьи по юридическимъ вопросамъ, Б) отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ.

V. Отдѣлъ иностранный.

А) Руководящія статьи по вопросамъ вѣдшей политики; Б) корреспонденціи изъ иностранныхъ государствъ; В) извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ общественной и политической жизни заграницей.

Этотъ отдѣлъ значительно расширенъ.

VI. Фельетонъ.

Очерки и рассказы (оригинальные и переводные). Обзорнія и статьи литературно-критическія, рецензіи: театральныя, музыкальныя и художественныя. Научная хроника.

VII. Смісь.

Разныя извѣстія, важнѣйшія изобрѣтенія въ области наукъ, искусствъ и промышленности и проч.

VIII. Отдѣлъ торговый.

Свѣдѣнія объ урожаяхъ, о цѣнахъ на зерновые продукты и на главные товары, составляющіе главный предметъ мѣстнаго производства или мѣстной торговли. Торговныя корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ внутреннихъ рынковъ. Свѣдѣнія о состояніи полей. Биржевыя телеграммы и бюлетени. Курсы русскихъ и иностранныхъ монетъ, цѣнныхъ бумагъ и проч. Периодическія торговныя и биржевыя обзорнія. Железнодорожная хроника.

Съ настоящаго года предположено дать этому отдѣлу самое широкое развитіе, въ виду несомнѣнно существующей потребности въ органѣ экономической торговли и финансовой дѣятельности юга Россіи.

IX. Отдѣлъ справочный.

Железно-дорожное и пароходное движеніе. Метеорологическій бюлетень. Судебный указатель по судебнымъ учрежденіямъ округа кievской судебной палаты: списокъ назначенныхъ къ рассмотрѣнію дѣлъ и резолюціи. Ежедневные списки получателей груза по юго-западнымъ желѣзнымъ дорогамъ и свѣдѣнія о вложенныхъ платежахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ доставкой или пореслкомъ	Безъ доставки:
На годъ	10 р.	8 р.
> 6 мѣсяцевъ	6 —	5 —
> 3 мѣсяца	4 —	3 —
> 1 мѣсяцъ	1 — 50 к.	1 —

Выписывающимъ газету съ 1 января 1882 года на цѣлый годъ допускается разсрочка годоваго взноса, причемъ при подпискѣ вносится 3 р., 1 марта 3 р., 1 июня 2 р. и 1 сентября 2 р. Подписывающіеся въ срединѣ ода разсрочкой не пользуются.

Правительственныя, общественныя и частныя учрежденія могутъ выписывать газету въ кредитъ по письменнымъ, на бланкѣ этихъ учреждений, предложеніямъ. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ выписка газеты въ кредитъ допускается черезъ ихъ казначеевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Кіевѣ, въ главной конторѣ газеты «ЗАРЯ», на Крещатикѣ, при нижнемъ магазинѣ Л. В. Ильницкаго.

Иногородные благоволятъ адресовать свои требованія исключительно въ главную контору или подписываться у агентовъ ея, обозначенныхъ въ каждомъ номерѣ газеты.

Редакторъ-издатель П. А. Андреевскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ НА
БОЛЬШУЮ, ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И КОМЕРЧЕСКУЮ
ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

И

„БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА“

издаваемую акціонернымъ товариществомъ,

съ основнымъ капиталомъ 3.000,000 финскихъ марокъ или около 1,200,000 р., раздѣльныхъ на 3,000 акцій, по 1,000 финскихъ марокъ каждая.

Газета «Новости» имѣеть: собственныя двѣ писчебумажныя фабрики, собственную типографію, собственный книжный магазинъ и съ 1882 г. будетъ имѣть собственный домъ, въ которомъ будутъ сосредоточены: редація, типографія, литографія, хромолитографія и переплетное заведеніе, приспособленныя для печатанія всевозможныхъ произведеній печати въ безграничномъ количествѣ экземпляровъ.

Газета «Новости», благодаря своему обширному и разнообразному содержанию и необычайной дешевизнѣ сравнительно съ другими большими, 17-ти-рублевыми газетами, одинаковаго съ нею содержанія, втеченіи пяти лѣтъ достигла огромной распространенности и въ 1881 г. уже

РАСХОДИЛАСЬ ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ

около 22,000 экземпляровъ.

Газета «Новости» выходитъ, безъ предварительной цензуры, ежедневно полными номерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетней, если получаютъ важныя телеграммы. Форматъ газеты самый большой изъ существующихъ у насъ газетныхъ форматовъ и включаетъ въ себя 28 столбцовъ (по семи столбцовъ на страницѣ) или около 4,500 строкъ убористаго шрифта.

Въ газетѣ участвуютъ лучшія силы современной періодической литературы. Въ 1881 г. въ ней участвовали:

Алеерьевъ І. В. (авторъ многихъ публицистическихъ статей), Бѣловъ И. Д. (знавшій педагогъ), Вейнбергъ П. И. (повѣтъ), Веснянъ Л. П. (авторъ «Обзора географическихъ пособій» и др. соч.), Головачовъ А. А. (авт. сос. «Десять лѣтъ реформъ» и др. соч.), Думашевскій А. Б. (бывш. редакт. «Судебн. Вѣстника») Звѣринскій В. В. (редакт. центрального статистич. комитета), Забѣлинъ А. И. (бывш. ред. «Вилensk. В.»), Ильинъ Р. Ф. (авт. многихъ публицистич. статей) графъ Кутузовъ-Голенщевъ А. А. (повѣтъ), Лапчинскій М. Д. (докторъ

медц.), Лясковъ Н. С. (извѣсти. белетристъ), Михневичъ В. О. («Коломенскій кандидатъ», ефельтонистъ газеты, авт. многихъ сочиненій), Никитинъ В. Н. (авторъ «Многострадальныхъ», «Тюрьмы и ссылки» и мн. др. соч.), Песковский М. Л. (авт. многихъ журн. стат.), Плещеевъ А. Н. (поэтъ), Сальеъ графъ Е. А. (авторъ «Пугачевцовъ» и др. соч.), Сементковскій Р. И. (магистрантъ с.-пет. унив.), Филипповъ М. А. (авторъ «Судебной реформы» и др. соч.), Чуйко В. В. (критикъ, сотрудникъ журналовъ и газ.), Черепнинъ Н. И. (докторъ медицины) Нотовичъ О. К. (редакторъ) и многие другіе.

Кромѣ ежедневнаго, текущаго, содержанія, отличающагося разнообразіемъ, полнотою и самостоятельностью, газета даетъ еще, втеченіи года, обширный матеріалъ для чтенія, состоящій изъ серьезныхъ научныхъ произведеній и не менѣе пяти большихъ романовъ, которые въ отдѣльной продажѣ представляютъ стоимость, почти равную подписной цѣнѣ газеты.

Немаловажную выгоду для подписчиковъ газеты «Новости» представляетъ предоставленное имъ право приобретать книги, имѣющіяся въ книжномъ магазинѣ газеты «Новости» и публикуемыя въ этой газетѣ, со скидкой 20% съ номинальной ихъ стоимости. При этой скидкѣ, приобретающій книги, даже разновременно, втеченіи года, на 40 или 45 р. получаетъ газету даромъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Петербургѣ:	Въ другихъ городахъ:	Заграницею:
Р. К.	Р. К.	Р. К.
На 12 мѣс. 8 —	На 12 мѣс. 9 —	На 12 мѣс. 17 —
» 11 » 7 50	» 11 » 8 25	» 6 » 9 —
» 10 » 7 —	» 10 » 7 50	» 3 » 5 —
» 9 » 6 50	» 9 » 7 —	» 1 » 2 —
» 8 » 6 —	» 8 » 6 25	На другіе сроки
» 7 » 5 50	» 7 » 5 50	подписка не принимается.
» 6 » 5 —	» 6 » 5 —	
» 5 » 4 50	» 5 » 4 50	
» 4 » 3 80	» 4 » 4 —	
» 3 » 3 —	» 3 » 3 —	
» 2 » 2 —	» 2 » 2 —	
» 1 » 1 —	» 1 » 1 —	

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

На послѣдней страницѣ 10 к., на 1-й 20 к., за строку петита.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ черезъ ихъ казначеевъ, по третямъ, а для неслужащихъ — на слѣдующихъ условіяхъ: 3 р. при подпискѣ, 3 р. въ концѣ марта и 3 р. 1 августа — для иногородныхъ подписчиковъ. Подписка принимается на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1 числа каждаго мѣсяца.

Письма и деньги адресуются: въ С.-Петербургъ, въ контору газеты «Новости» (Невскій, 44).

Редакторъ О. К. Нотовичъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ.

«ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ». Журналъ для дѣтей за 1881 г., 3 тома, со множ. рисунковъ; ц. 4 р. 50 к., въ папкѣ 5 р. 25 к.

«ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ И К^о». Повѣсть для дѣтей А. В. Круглова, съ картинками Каразина и Панова, въ папкѣ 90 к.

«АРМІЯ И КАЗАКИ». Разсказъ для дѣтей А. В. Круглова, со многими силуэтами; ц. 35 к., въ перепл. 65 коп.

«Г. СПЕНСЕРЪ». Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Переводъ Ч. А. Сысоевой; ц. 85 коп.

Складъ этихъ изданій при конторѣ дѣтскаго журнала «РОДНИКЪ» (подписная цѣна въ годъ 5 р. и 6 р. съ приложен.). С.-Петербургъ, Спасская ул., д. № 1.

О ПОДПИСКѢ НА 1882 ГОДЪ НА

„МОДНЫЙ СВѢТЪ“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ

(Самый полный и дешевый модный и семейный иллюстриро-
ванный журналъ въ Россіи).

Съ 1 января 1882 г. «Модный Свѣтъ» начнетъ XV годъ своего существо-
ванія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостію
о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ въ 1882 году будетъ выходить также
ВЪ ТРЕХЪ ИЗДАНІЯХЪ

въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, съ 24-мя экстрен-
ными приложениями новѣйшихъ парижскихъ модъ

и будетъ заключать въ себѣ въ теченіе года:

Болѣе 3,000 полнотипажныхъ рисунковъ модныхъ платьевъ, костюмовъ, пар-
дессю, пальто, руководій и проч. въ текстѣ.

Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья
мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.

Раскраш. рисунки канвов., тамбура. и друг. работъ. Рисунки въ русск. вкусѣ.

Болѣе 300 выкроекъ на 12 большихъ листахъ.

24 вырѣзныхъ выкройки въ натуральную величину.

24 (или 12 для I изданія) модныхъ раскрашен. парижскихъ картинки для II
изданія, исполненныя лучшими иностран. художниками.

36 раскрашенныхъ модныхъ парижскихъ картинъ, исполненныя лучшими
иностран. художниками, для III изданія.

Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.

Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго времени, харак-
терныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, тиши и проч.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетоны, стихотворенія, анекдоты,
хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

«Хорошіи тоны» или совѣты и указанія на всѣ случаи общественной жизни
женщины.

Разныя отдѣльныя бесплатныя приложенія и «Почтовый ящикъ» съ самыми
разнообразными и полезными совѣтами.

Кромѣ разныхъ отдѣльныхъ приложеній къ «Модному Свѣту» 1882 года бу-
детъ приложена, бесплатно,

ИЗЯЩНАЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРЕМІА, КАРТИНА:

„ВЕНЕЦІАНКА“

Премія эта по своему художественному исполненію, можетъ служить укра-
шеніемъ всякой гостинной и будетъ разслана гг. подписчикамъ въ
прочной упаковкѣ, во избѣжаніе порчи въ дорогѣ.

Цѣна годовому изданію „МОДНАГО СВѢТА“ на 1882 г.:

изданію, съ 12 раскраш. парижскими картинками и со всѣми приложениями:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки—4 р., съ дост. въ С.-Петербургѣ—5 р. 50 к.

съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи 6 р. 50 к.

II изданію, съ 24 раскраш. парижскими картинками и со всѣми приложениями:

въ С.-Петербургѣ безъ достав.—5 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 к.,

съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи 7 р. 50 р.

III изданію, съ 36 раскраш. парижскими картинками и со всѣми приложениями

въ С.-Петербургѣ безъ достав.—7 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—8 р. 50 к.

съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи 9 р. 50 коп.

Главная контора Редакціи «Моднаго Свѣта» находится въ С.-Петербургѣ, по

Большой Садовой улицѣ, домъ Коровна, № 16.

На 1882 году Редакція «Моднаго Свѣта» открыла для своихъ годичныхъ подписчиковъ, конкурсъ на дамскія ручныя работы,

съ десятию денежными преміями, суммою на 500 рублей. Подробности см. въ ММ «Мод. Св.» 1882 года.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ЭМИЛЯ ГАРТЬЕ.

Невскій проспектъ № 27, у Казанскаго моста, въ С.-Петербургѣ.

МАГАЗИНЪ

ДЛЯ ГОРОДСКОЙ ПРОДАНИ.

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ

ДЛЯ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ

ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ.

Большой выборъ новыхъ русскихъ и французскихъ книгъ.—Доставка книгъ на домъ.—Новости по желанію на просмотръ. Пріемъ книгъ на комиссію цѣлыми изданиями, для быстраго распространенія въ столицѣ и черезъ специальныхъ корреспондентовъ склада, во всѣхъ главныхъ городахъ Имперіи, при безплатныхъ публикаціяхъ въ «Россійской Библиографіи», въ «Ежемесячномъ каталогѣ вами. нов. русскихъ и иностранныхъ книгъ», въ «Годовомъ каталогѣ», а также, по соглашенію, въ богахъ иностранныхъ газетъ.

Строго аккуратное исполненіе требованій Гг. иностранныхъ.—Дрѣзъ подвози на всѣ русскіе и иностранные журналы и газеты.—Безсрочное полученіе иностранныхъ изданій.

Для удобства иногородней публики изданія Эмиля Гартъе имѣются постоянно на яlico и у всѣхъ извѣстныхъ провинціальныхъ книгопродавцевъ.

Постоянныхъ покупателей исполняется БЕЗПЛАТНО «Ежегодный каталогъ новыхъ русскихъ и иностранныхъ книгъ». (Подписная цѣна за 12 №№ въ годъ 1 руб. с.).

На всѣ относящіяся до нижн. дѣла запросы, къ которымъ для отвѣта приложена почт. марка,—складъ отвѣчаетъ немедленно.

ПРИ СКАДѢ
ПОМѢЩАЮТСЯ:

РЕДАКЦІЯ ЖУРНАЛА

„РОССІЙСКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ“
(ВЪСТНИКЪ РУССКОЙ ПЕЧАТИ)

24 №№ въ годъ, цѣна съ доставкой и
пересылкою 6 руб.

КОНТОРА ЖУРНАЛОВЪ:

Библиотека для чтенія,
Электричество,
Сборникъ Видовъ Памт-
никовъ и т. п.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТОРА

ПОДПИСКИ

на всѣ русскіе и иностранные

ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ

СКЛАДЪ

ГЛОБУСОВЪ, ТЕДЛУРІЙ

и

ПЛАНЕТАРІЙ

изд. Эмиля Гартъе.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1882 г.
(существуетъ 50 лѣтъ).

„**ВАЗА**“

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ:
С.-Петербургъ,
Ивановская, № 14.

Дамскій иллюстрированный литературно-модный и рукодѣльный журналъ
выходить 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадами и даетъ
въ годъ:

24 двойныхъ номера журнала, т. е. 24 номера литературныхъ (оригинальные и переводные романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, путешествія, разные извѣстія, новости и т. п.) и 24 номера рукодѣльно-модныхъ (самыя обстоятельныя описанія и объясненія кройки и отдѣлки костюмовъ домашнимъ образомъ, самыя свѣжіе рисунки парижскихъ модъ и всевозможныхъ рукодѣлій, модную хроникку, домашнее хозяйство съ относящимися къ нему секретами и рецептами). Новозобрѣтенія и открытія по части модъ, медицины, косметиковъ и вообще всего относящагося къ домашней жизни вообще и къ женщинамъ въ особенности.

1000 политипажей въ текстѣ.

24 модныхъ раскрашенныхъ гравюры.

} Исполняются и печатаются за границей по подлиннымъ парижскимъ образцамъ.

12 вырѣзныхъ выкроевъ—въ натуральную величину.

12 листовъ литографированныхъ узоровъ и выкроевъ (до 1000 еормъ и узоровъ).

12 листовъ узоровъ: вязанья, вышиванья, тамбурныхъ и т. п. работъ.

6 раскрашенныхъ узоровъ, для различныхъ женскихъ рукодѣлій.

Карманный календарь на 1882 годъ заключающей: свитцы, почтовые, телеграммы, желѣзнодорожныя, финансовыя и т. п. необходимыя свѣдѣнія.

Каждый подписчикъ 1882 г. получить **6 премій**, а именно:

I. (Еще не бывшая). Подушка для дивана, большая, съ готовымъ окончательнымъ вышитымъ узоромъ.

II. Картина (олеограція). Зимній ландшафтъ, 17 вершк. ширины и 11^{1/2} вершк. вышины, превосходно исполненный олеогр. заведеніемъ А. Кауэмана въ Берлинѣ.

III. Абажуръ на лампу изъ Natur-Carton-Linné съ раскраской. Новѣйшее изящное изобрѣтеніе, еще несуществующее въ продажѣ (На 1 часъ работы).

IV. Воротничекъ и манжеты. Для составленія ихъ дается 3 аршина широкихъ, настоящихъ, тончайшихъ, нитяныхъ кружевъ.

V. Дамское портъ-моне съ изящнымъ замкомъ и цѣпочкой (Вещь готовая).

VI. Плато для двухъ подсвѣчниковъ—имитация кружевъ. Оригинальная готовая вещь.

Образцы премій можно видѣть въ Редакціи.

Преміи выдаются и высылаются всѣ заразъ въ одной посылкѣ: городскимъ подписчикамъ въ январѣ, иногороднымъ: подписавшимся въ ноябрѣ—разсылаются въ январѣ, остальнымъ не позже февраля.

Только благодарностью публики къ журналу «ВАЗА» даетъ Редакція возможность давать подобныя цѣнныя преміи. Уже одна вышивка для подушки съ готовымъ окончательно вышитымъ узоромъ оплачивается при покупкѣ ее въ магазинѣ не мене 5 руб. Редакція же сверхъ того даетъ еще пять предметовъ, предоставляя оцѣнку ихъ публикѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ пересылкой: Безъ пересылки:

На годъ съ преміями. . .	12 р.	11 р.	} На упорку премій слѣдуетъ добавлять 6 семикопѣчныхъ мар. или 42 коп.
» » безъ премій. . .	7 »	6 »	
» 1/2 года съ преміями. . .	9 »	8 »	
» » безъ премій. . .	4 »	3 »	

НВ. Подписчики, выславшіе подписныя деньги до 1-го декабря, пользуются правомъ прилативъ 1 р. получить альбомъ узоровъ для вышивокъ на 24-хъ листахъ или пандавъ къ картинѣ Зима (Лунная ночь).

Редакторъ-Издатель Б. И. Сестренцевичъ-Богушъ.

E
A
B
S
P
R
E
M
E
T
E
R
I
A
L

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ РѢЧИ“

С.-Петербургъ, Средняя Подъячская, 1.

Журналъ «Русская Рѣчь» выходитъ въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 25 до 30 и болѣе листовъ.

Подписная цѣна на годъ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой въ Петербургъ	16 —
съ пересылкой	17 —
за границу: въ Европу	} 18 —
Сѣверную Америку и Египеть	

Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.

Допускается разсрочка платы по третямъ:

	при подпискѣ	къ 1 Мая	къ 1 Сентября
безъ доставки	7 р.	5 р.	3 р.
съ доставкой	8 —	5 —	3 —
съ пересылкой	9 —	5 —	3 —

Отъ Редакціи.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты или выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію «Русской Рѣчи» съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ петербургскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ петербургскіе—50 к. и изъ петербургскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и при томъ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложить къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ А. Навроцкій.

Главная Контора «Русской Рѣчи»

Средняя Подъячская, 1.

